РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

№ 11 (ноябрь) 2026 год

Учредитель:

Грудцына Людмила Юрьевна

Журнал зарегистрирован в Научной электронной библиотеке E-library с 2013 г.

Издатель: *Издательство "ЮРКОМПАНИ"*

Журнал основан в 2012 году

Сетевое издание зарегистрировано в Национальном центре ISSN (Свидетельство о регистрации ISSN 2782-3830 от 13 декабря 2021 г.)

Научно-правовой журнал «Российский научный вестник» включён в Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

Журнал включён в Science Index, индексируется в Google Scholar,

каждой статье присваивается DOI (Digital Object Identifier).

Выходит один раз в месяц.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-49715 от 4 мая 2012 г.)

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

научный журнал, посвященный актуальным проблемам юридической науки и практики, а также законотворческой и правоприменительной деятельности, вопросам образования, социологии и педагогики

Главный редактор:
Владимир Усанов

Первый заместитель главного редактора:
Марат Шайхуллин

Заместитель главного редактора:
Валерий Рыжов

Корректор: **Вера Козлова**

Компьютерная верстка: **Роман Ерцев**

Дизайн: **Екатерина Ерошина**

Материал подготовлен с использованием СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес офиса редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис В 218. Этаж 2.

Бизнес-центр "Гранд Сетунь Плаза".

Для писем: *121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.*

Home page: *www.r.law-books.ru* **E-mail:** *mail@law-books.ru*

WhatsApp: *+7-903-672-55-88* **Многоканальный:** *+8-800-700-45-88*

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Российский научный вестник» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: ***Усанов Владимир Евгеньевич***, академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Первый заместитель главного редактора: ***Шайхуллин Марат Селирович***, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора: ***Рыжов Валерий Борисович***, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Специальность: 5.1.2 - Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алферова Елена Васильевна - кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом правоведения ИНИОН РАН.

Грудцына Людмила Юрьевна - доктор юридических наук, профессор, председатель Московской городской коллегии адвокатов "Норма права", Почетный адвокат России, эксперт РАН.

Дорская Александра Андреевна - доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Исраелян Валентин Борисович - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова.

Булаков Олег Николаевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного университета, член экспертного совета Совета Федерации Федерального Собрания России.

Садовникова Галина Дмитриевна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).

Усанов Владимир Евгеньевич - академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Специальность: 5.1.3 - Частно-правовые (цивилистические) науки

Андреева Любовь Васильевна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА имени О.Е. Кутафина, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Белов Валерий Евгеньевич - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Иванова Светлана Анатольевна - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Стригунова Дина Павловна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Editorial Board:

Editor-in-chief: ***Usanov Vladimir Evgenievich***, Academician of RAO, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State-Legal and Criminal-Legal Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

First Deputy Editor-in-Chief: ***Shaikhullin Marat Selirovich***, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State-Legal Studies of the Eurasian Research Institute of Legal Problems

Deputy Editor-in-Chief: ***Ryzhov Valery Borisovich***, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and municipal administration of the Institute of Social and Humanitarian Education of Moscow Pedagogical State University

Specialty: 5.1.2 - Public-legal (state-legal) sciences

Alferova Elena Vasilievna - Candidate of Law, Leading Researcher, Head of the Department of Law, INION RAS.

Grudtsina Ludmila Yurievna - Doctor of Law, Professor, chairman of the Moscow City Bar Association "Norm of Law", Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.

Dorskaya Alexandra Andreevna - Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Scientific Work, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.

Israelyan Valentin Borisovich - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Moscow City University of Management of the Government of Moscow named after Yu.M. Luzhkova.

Bulakov Oleg Nikolaevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University of the Humanities, member of the Expert Council of the Federation Council of the Federal Assembly of Russia.

Sadovnikova Galina Dmitrievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «O.E. Kutafin Moscow State Law University» (MGUA).

Specialty: 5.1.3 - Private legal (civilistic) sciences

Andreeva Lyubov Vasilievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Belov Valery Evgenievich - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Support of the Market Economy of the Higher School of Law Department of the Institute of Public Administration and Management of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Ivanova Svetlana Anatolyevna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation.»

Strigunova Dina Pavlovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, FSBEI HE «Russian

Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.»

Зарубежные члены Редакционной коллегии:

Ари Палениус - проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро - Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо

Безерра Феликс Валуа Гуара - JurisDoctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсалоглы - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич - доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан - проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман - JurisDoctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии

Ким Эшли - D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг - проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка - проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Миндагулов Алькен Хайдарович - доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене - проф., Университет им. МиколасаРомериса (Литва)

Пол Брэнд - профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис - профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич - доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Тепман Леонид Наумович - доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр - доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Foreign members of the Editorial board:

Ari Palenius - prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena RosyoKarnero - Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo

Bezerra Felix Valois Goira - Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins

VeliyevIsakhan Veysal Oglou - doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich - the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan - prof.Deputy, Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman - Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia

Kim Ashley - D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng - prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka - prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Mindagulov Alken Haydarovich - Doctor of Law sciences, Professor (Republic of Kazakhstan)

Nematov Akmal Raufdzhonovich - the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene - prof., University MykolasRomeris (Lithuania)

Paul Brend - professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies - professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich - the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

Tepman Leonid Naumovich - Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander - the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

Специальность: 5.1.2 - Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

- ПОЛИТИКА И ПРАВО
- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
- НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО
- ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ
- КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Специальность: 5.1.3 - Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

- ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО
- КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА
- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
- УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

JOURNAL HEADINGS

Specialty: 5.1.2 - Public-legal (state-legal) sciences (legal sciences)

- POLICY AND LAW
- HUMAN RIGHTS
- NATIONAL SECURITY
- CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
- CONSTITUTION THEORY
- CONSTITUTIONAL TRIAL

Specialty: 5.1.3 - Private-legal (civilistic) sciences (legal sciences)

- LAW OF OBLIGATION
- CORPORATE LAW
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- PROBLEMS OF THE THEORY OF LAW
- CIVIL AND BUSINESS LAW
- ADMINISTRATIVE LAW
- EDUCATION MANAGEMENT

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

научных статей, направленных в редакцию научно-правового журнала «Российский научный вестник»

1. Общие положения

1.1. Под рецензированием понимается процедура рассмотрения членами редакционной коллегии научно-правового журнала «Российский научный вестник», а также привлеченными специалистами по тематике рецензируемых материалов из других организаций, научных статей, отражающих основные результаты исследования, проведенного автором (авторами), (далее – статей), представляемых для опубликования в научно-правовом журнале «Российский научный вестник» (далее – Журнал), до публикации.

1.2. Журнал осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Рецензия должна обеспечивать всестороннюю и объективную оценку, анализ достоинств и недостатков представленной статьи.

1.3. Цель рецензирования – повышение научного уровня материалов, публикуемых в Журнале, и обеспечение качества статьи, соответствующее международным правилам, принятым в авторитетных реферативных базах научного цитирования.

1.4. К рецензированию привлекаются как члены редакционного совета Журнала, так и сторонние рецензенты, имеющие ученую степень доктора или кандидата наук (либо их зарубежный эквивалент), обладающие достаточным опытом научной работы по заявленному в статье научному направлению, знакомые с требованиями, предъявляемыми редакцией Журнала к публикуемым материалам. Все рецензенты имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

1.5. Как правило, рецензент не должен работать в одной организации с автором (авторами) статьи. Редакция делает все возможное и стремится к исключению «конфликта интересов» между авторами и рецензентами.

1.6. Объем рецензии не регламентируется, но, как правило, должен укладываться в 1–2 страницы компьютерного набора текста (шрифт Times New Roman, междустрочный интервал – полуторный, кегль – 12).

1.7. При поступлении рукописи статьи в редакцию все авторы предупреждаются о процедуре обязательного рецензирования. Все рукописи проходят двойное слепое рецензирование (рецензент не знает автора рукописи, автор рукописи не знает рецензента).

1.8. При отрицательном отзыве либо наличии серьезных замечаний к статье со стороны рецензента работа, как правило, отправляется на дополнительное рецензирование. Более одного рецензента обязательно назначается в случаях, когда статья выполнена на «стыке» наук или научных направлений.

1.9. Окончательное решение о возможности опубликования статьи принимает редакционный совет с учетом полученной рецензии (рецензий), а также мотивированного ответа автора (авторов) статьи.

1.10. При положительной рецензии автору направляется уведомление о принятии статьи к рассмотрению редсоветом. Авторам, которым отказано в публикации статьи, направляется мотивированный отказ.

1.11. Оригиналы рецензий или их копии в электронном виде хранятся в редакции пять лет с момента подписания рецензентом.

Правила рецензирования

2.1. Рецензирование организует главный редактор или заместитель главного редактора Журнала. Выбор экспертов-рецензентов относится к полномочиям редакционного совета. Рецензент назначается в зависимости от его специализации и квалификации с учетом тематики представленной в редакцию научной статьи.

2.2. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются результатами интеллектуальной деятельности, способными к правовой охране, и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению.

2.3. Все рукописи проходят двойное слепое рецензирование (рецензент не знает автора рукописи, автор рукописи не знает рецензента).

2.4. Рецензирование осуществляется в срок до 30 дней.

2.5. В рецензии отражаются следующие вопросы:

- соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;
- соответствует ли статья современным достижениям научно-теоретической мысли;
- присутствует ли научная новизна в рассматриваемой статье;
- доступна ли статья читателям, которым она адресована, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и проч.;
- целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу научной литературы;
- в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;
- являются ли метаданные к статье полным информативным отражением содержания статьи и отвечают ли они требованиям к метаданным, принятым в Журнале;
- может ли аннотация статьи послужить подтверждением научной ценности представленного на рецензирование материала и привлечь читателей к рассматриваемой проблеме, участию в дальнейшей дискуссии;
- вывод о возможности опубликования данной статьи в Журнале: «рекомендуется» (положительная рецензия), «рекомендуется при условии исправления отмеченных рецензентом недостатков» (доработка) или «не рекомендуется» (отрицательная рецензия).

2.6. Рецензия направляется редакцией на электронный адрес автора. Автору не сообщаются сведения о рецензенте.

2.7. При наличии замечаний рецензента автор статьи вносит в нее соответствующие изменения и присылает ее повторно. Автору рекомендуется также дать письменный комментарий относительно учета замечаний рецензента. Срок представления автором исправленной статьи ограничен одним месяцем. Если статья не прислана автором в указанный срок, она снимается с рассмотрения.

2.8. При незначительных замечаниях рецензента, требующих только редакторских правок, и с согласия автора может быть принято решение о приеме статьи без дополнительной авторской доработки.

2.9. В случае мотивированного несогласия автора с мнением рецензента решение по статье принимает редакционный совет.

2.10. Содержание рецензии рассматривается редакционным советом при утверждении статьи к опубликованию, который принимает одно из решений:
- принять статью к опубликованию без исправлений;
- направить статью на дополнительное рецензирование;
- вернуть статью автору для исправления по замечаниям рецензента;
- отклонить статью (с обязательной мотивацией).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в журнале «Российский научный вестник» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования и с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Каждой статье присваивается DOI — Digital Object Identifier (цифровой идентификатор объекта, мировой стандарт отображения данных в Интернете).

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов), и прошла обязательное рецензирование. Срок рассмотрения рукописи: до 30 дней. В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 30% от ранее опубликованных материалов). Рукописи должны иметь авторство не менее 80%, что подтверждается системой Антиплагиат.

В статье может быть до 3 соавторов (включительно). Тексты статей принимаются объемом от 10 до 20 машинописных страниц (не более 40 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: editor@law-books.ru или через форму на Главной странице сайта «Опубликовать статью»

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word . Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,0; выравнивание текста – по ширине; поля: левое — 3,5 см, правое, верхнее, нижнее — по 3,5 см; отступ первой строки (абзацный отступ) – 0,5 см (для образования отступа не следует использовать клавишу пробела и табуляции).

Аннотация, ключевые слова, примечания, библиография, сведения об авторе оформляются 12 шрифтом, интервал 1,0).

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация, ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом). В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2].

Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

Для аспирантов, соискателей ученой степени кандидата и доктора наук:

— в обязательном порядке в статье необходимо указывать: телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены, а также данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание),

— необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей, в случае нарушения которых Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков недобросовестного заимствования и недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (компенсационный взнос в этом случае не возвращается).

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Виноградова Е.В. * Концепции ответственности органов публичной власти: эволюция отечественной доктрины. 21

Грибков А.Д. * Диалог между государством и обществом как условие легитимности публичной власти: теория и проблемы правового регулирования. 27

Трофимов М.С., Писковатский Д.А.* Уголовно-правовая политика как инструмент обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации: доктринальный подход. 34

Щербаков А.В., Богданов М.Н., Рыженков И.И. * Зарубежный опыт обеспечения безопасности пенитенциарной системы и возможность его применения в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. 43

Котов С.С. * Криминогенные последствия законодательной «оптимизации» контрольно-надзорных полномочий: эскалация правонарушений в сфере оборота лекарственных средств (на примере г. Сочи). 53

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Воробьев К.Д., Никищихин В.В., Попова Е.С. * Суррогатное материнство в Российской Федерации: за и против (правовой аспект). 58

Шкилева Н.Л., Гайджари В.А. * Право детей-сирот на жилище: пределы ответственности государства и проблемы реализации публичных обязательств. 63

Сафронов В.П. * Современные проблемы реализации права на защиту достоинства личности в России. 67

Вдовиченко С.С., Нахова Е.А. * Правовая сущность религиозных объединений как формы коллективного участия в реализации права на свободу совести и вероисповедания. 72

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Цимберов Д.М. * Пути повышения результативности охранных мероприятий подразделений военизированной охраны. 81

Богданов М.Н., Рыженков И.И. * Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы: международно-правовые акты и проблемы их реализации в законодательстве Российской Федерации. 88

Исакова Т.И., Перегудова Н.В. * Ведомственный контроль за деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы: правовая природа, пределы и соотношение с иными формами публичного контроля. 103

Пивненко Д.Л. * Временное правовое регулирование как предпосылка кардинальной трансформации законодательства в сфере охраны объектов культурного наследия. 114

Хантимиров Т.Ш. * Алгоритмизация налогового контроля и применение искусственного интеллекта в государственном управлении: пределы автоматизированного решения и ответственность за причинённый вред. 119

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Шкилева Н.Л., Букалова М.А. * Конституционно-правовая защита прав детей-сирот, оставшихся без попечения родителей, при раздельном устройстве братьев и сестёр. 126

Гаджиев А.Г. * Конституционно-правовые критерии допустимости ограничений свободы экономической деятельности в Российской Федерации. 133

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Кырлан М.Г. * Гражданско-правовые последствия нарушения публично-правовых ограничений инвестиционной деятельности кредитной организации. 140

Борносуз М.В. * Соотношение гражданско-правовой и публично-правовой ответственности поставщика цифровых финансовых услуг. 146

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Прудникова А.Е. * К вопросу об уменьшении размера неустойки судом. 155

Грибков Т.Д., Шебалин А.В. * Принцип беспристрастности в правовом регулировании и деятельности мирового судьи. 161

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Золотилова Ю.В. * О банковской системе Аргентины. 168

Трофимов М.С., Проводина О.А., Терещенко Е.А. * Регуляторные механизмы ЕС как инструмент геополитического влияния: от GDPR к международной цифровой стратегии. 178

Крохина Ю.А. * Правовые механизмы противодействия недобросовестной налоговой конкуренции в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки: общее и особенное. 189

Олимзода Д.Д. * Возмещение вреда третьим лицам при применении гражданского оружия для самозащиты в российском и таджикском праве. 194
Митрофанов А.Ю. * Парадигма «стимул–доставка» в праве интеллектуальной собственности США и ее значение для преодоления инвестиционного вакуума в российском ИТ-секторе. 200
ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
Абакумов В.В., Якушин К.А., Овсянников А.И. * Врачебная тайна в условиях цифровизации здравоохранения. 206
Зарипов Ш.Р., Карамов И.Ф., Огуречников Д.Г., Салимов И.А., Зарипов Р.У. * Системоприобретенные категории финансового права. 211
Степанов Р.Г. * От карательной модели к дифференцированной ответственности: реформирование административной ответственности за недостоверное декларирование товаров в контексте защиты добросовестных участников ВЭД. 217
Шайдуллина В.К. * Способы построения обязательственных связей в обороте цифровых (виртуальных) активов. 228
Васильев А.С. * Разграничение договорных отношений в сфере предпринимательской деятельности и мошенничества (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ): проблемы квалификации. 234
Пивненко Д.Л. * К вопросу о потенциальном правовом регулировании осуществления технического и авторского надзора за проведением работ по сохранению объектов культурного наследия. 240
Попова С.В., Антонов А.А. * Обзор данных по пожарам и их последствиям на территории Свердловской области за 2025 год. 245
Шпира М.Ю. * Квотирование выбросов как дополнительный финансово-правовой инструмент нормирования допустимого воздействия на атмосферный воздух. 249
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА
Касихин Л.В. * Теоретико-правовые предпосылки развития правового регулирования результатов деятельности систем искусственного интеллекта. 255
Дикажев М.М. * Анализ результативности нормативно-правового регулирования как ключевой этап правового мониторинга. 260
ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ
Волченко А.В., Когтева А.Н., Коннова И.Г. * Правовое регулирование маркировки информационных материалов, созданных с использованием искусственного интеллекта. 267
Лугаськова Н.В., Сафронова Е.Б., Лыхина П.Н., Макарова А.Д. * Нормативные требования к методам контроля качества воздуха в производственных и складских помещениях. 277
ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
Сафронов В.П. * Специальные способы гражданско-правовой защиты нематериальных благ. . . . 283
Садеков Р.Р., Бедрин В.С. * Принцип добросовестности в гражданском праве: критерии оценки поведения участников договорных отношений. 287
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
Исаева Е.Д. * Интеграция нейросетевых решений в следственную деятельность: тактические и экспертные аспекты. 295
Кухтяева Е.А., Чехов О.Ш. * Субъектный состав обвинения в суде: проблема баланса публичных и частных интересов. 300
Бодяков В.Н., Ткаченко Е.С., Ежова О.Н. * Психолого-педагогические основы допроса несовершеннолетних лиц из числа осужденных. 304
Бабкин Л.М., Богданов М.Н., Евсеева И.А. * Правовое регулирование наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: проблемы и перспективы совершенствования в Российской Федерации. 312
Баточко О.В., Гусеян Г.О., Окунева А.О. * Квалификация преступлений террористической направленности, совершенных с использованием искусственного интеллекта и автономных систем. 318
Николаев В.А. * Правовые аспекты противодействия легализации (отмыванию) доходов (ПОД/ФТ) при обороте цифровых валют. 324
Пантелеев И.А. * Процессуальные формы изъятия предметов и документов в уголовном судопроизводстве. 331
Сулейманова А.А., Гаджиева А.А. * Совершенствование уголовно-правового института конфискации имущества: вопросы теории и практики. 335
Кухтяева Е.А., Яхьяев М.М. * Теоретико-правовые аспекты субъективной стороны и разграничения убийства при превышении пределов необходимой обороны. 341
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Степанов Р.Г. * Прослеживаемое усмотрение в кадровых процедурах таможенных органов: административно-правовая модель снижения процедурной коррупциогенности. 344
УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ
Барынкин М.В., Пожималин В.Н., Титов Д.В., Демидов О.Г.* Морально-нравственное воспитание курсантов образовательных организаций высшего образования ФСИН России как основа формирования профессиональной идентичности сотрудника уголовно-исполнительной системы. 352
Тимашкова Е.В., Дегтярева С.В. * Гибридная радикализация обучающихся: правовые аспекты противодействия в условиях цифровой среды. 360
Ивашко Н.В. * Применения современных технологий в физкультурном образовательном процессе 368
Борисова В.П., Казначеев В.А., Осколков А.В. * Методологические основы проектирования учебного пособия по иностранному языку для курсантов образовательных организаций МВД и ФСИН России. 371
Кочеткова Л.Г. * Трансформация ценностно-смыслового отношения курсантов вузов ФСИН России к дисциплине «Иностранный язык» в условиях суверенизации высшего образования: экспериментальное исследование. 378
Ключников М.И., Пожималина А.Ю., Казначеев В.А., Демидов О.Г. * Роль силовой подготовки в формировании профессионально значимых физических качеств будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы. 386
Богданов М.Н. * Участие в контрольных и инспекторских проверках пенитенциарных учреждений профессорско-преподавательского состава ведомственных образовательных организаций ФСИН России: (положительный опыт). 393
ИСТОРИЯ И ПРАВО
Сысоева Ю.А. * К вопросу о понятии благоустройства. 401
Королева Я.Ю., Ларькина А.П. * Историко-правовая природа гражданской службы в налоговых органах. 406
Куликов С.В. * Бюрократическая элита Российской Империи и проблема октроирования Конституции в конце 1905 года. 411
Мурашова А.В., Гайджаржи В.А., Каверин К.Р. * Марксизм и юридическая конфликтология: актуальность в реалиях XXI века. 421
Дьяков В.Ф. * Анализ основных показателей реагирования пожарно-спасательных подразделений Свердловской области на пожары и дорожно-транспортные происшествия в 2025 году. 428
Крапивин О.В., Казначеев В.А., Елохов И.В., Пантелеев В.А., Колочихин К.С. * Развитие специальной физической подготовки сотрудников ФСИН России средствами рукопашного боя. 433
ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И МИРЕ
Шилина Н.В., Копылова Н.А. * Педагогические условия формирования иноязычной социокультурной компетенции курсантов вузов ФСИН России в условиях цифровизации общества. 440
Крапивин О.В., Михалев В.Н., Ключников М.И., Демидов О.Г. * Боевые приемы борьбы как основной элемент профессиональной физической подготовки курсантов ведомственных образовательных организаций. 446
Филипова Е.Е., Золкин А.Л. * Исследование мотивации к освоению математических дисциплин у обучающихся непрофильных специальностей (на примере ведомственного вуза). 452
Герейханов Ф.Ф., Пожималин В.Н., Демидов О.Г., Филипова Е.Е. * Развитие лидерских качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России в процессе учебной и служебной деятельности. 458

POLICY AND LAW
Vinogradova E.V. * Concepts of public authority liability: the evolution of domestic doctrine. 21
Gribkov A.D. * Dialogue between the state and society as a condition for the legitimacy of public authority: theory and problems of legal regulation. 27
Trofimov M.S., Piskovatskii D.A. * Criminal law policy as a tool for ensuring the information sovereignty of the Russian Federation: doctrinal approach. 34
Shcherbakov A.V., Bogdanov M.N., Ryzhenkov I.I. * Foreign experience in ensuring the security of the penitentiary system and the possibility of applying it in the criminal and executive system of the Russian Federation. 43
Kotov S.S.* Criminogenic consequences of legislative "optimization" of supervisory powers: escalation of offenses in the sphere of pharmaceuticals circulation (case study of Sochi). 53
HUMAN RIGHTS
Vorobyov K.D., Nikishchikhin V.V., Popova E.S. * Surrogacy in the Russian Federation: pros and cons (legal aspect). 58
Shkileva N.L., Gaidarzhi V.A. * The right of orphans to housing: limits of state responsibility and problems of implementing public obligations. 63
Safronov V.P.* Contemporary problems of realising the right to protect personal dignity in Russia. 67
Vdovichenko S.S., Nakhova E.A. * The legal nature of religious associations as a form of collective participation in the exercise of the right to freedom of conscience and religion. 72
NATIONAL SECURITY
Tsimberov D.M. * Ways to improve the effectiveness of security operations by paramilitary security units. 81
Bogdanov M.N., Ryzhenkov I.I. * Security of the criminal-executive system: international legal acts and problems of their implementation in the legislation of the Russian Federation. 88
Isakova T.I., Peregudova N.V. * Departmental control over the activities of institutions and bodies of the penal enforcement system: its legal nature, scope and correlation with other forms of public control. . . . 103
Pivnenko D.L. * Temporary legal regulation as a prerequisite for a radically transformation of legislation in the field of protection of cultural heritage objects. 114
Khantimirov T.Sh. * Algorithmization of tax control and the use of artificial intelligence in public administration: limits of automated decision-making and liability for harm. 119
CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
Shkileva N.L., Bukalova M.A. * Constitutional and legal protection of the rights of orphans left without parental care when brothers and sisters are separated. 126
Gadzhiev A.G. * Constitutional and legal criteria for permissible restrictions on freedom of economic activity in the Russian Federation. 133
LAW AND ECONOMICS
Kyrlan M.G. * Civil-law consequences of breaching public-law restrictions on the investment activity of a credit institution. 140
Bornosuz M.V. * The interrelation of civil and public-law liability of a digital financial services provider. . 146
JUSTICE AND JURISPRUDENCE
Prudnikova A.E. * To the question of reducing the amount of forfeit by the court. 155
Gribkov T.D., Shebalin A.V. * The principle of impartiality in the legal regulation and activities of the justice of the peace. 161
INTERNATIONAL LAW
Zolotilova Yu.V.* The banking system of Argentina. 168
Trofimov M.S., Provodina O.A., Tereshchenko E.A. * EU regulatory mechanisms as an instrument of geopolitical influence: from GDPR to the international digital strategy. 178
Krokhina Yu.A. * Legal mechanisms to counter unfair tax competition in the Russian Federation and the United States of America: similarities and differences. 189
Olimzoda J.J.* Compensation for harm to third parties caused by the use of civilian weapons in self-defence under russian and tajik law. 194
Mitrofanov A.Y. * The incentive–delivery paradigm in the United States intellectual property law and its importance for overcoming the investment vacuum in the Russian it sector. 200
PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
Abakumov V.V., Yakushin K.A., Ovsyannikov A.I. * Medical secrecy in the context of digitalization of healthcare. 206
Zaripov Sh.R., Karamov I.F., Ogurechnikov D.G., Salimov I.A., Zaripov R.U. * Unit system-acquired categories of financial law. 211

Stepanov R.G. * From punitive model to differentiated responsibility: reforming administrative responsibility for inaccurate declaration of goods in the context of protecting bona fide foreign trade participants. 217
Shaydullina V.K. * Ways of structuring the obligational links in the circulation of digital (virtual) assets. . . 228
Vasilyev A.S. * Delimitation of contractual relations in the sphere of entrepreneurial activity and fraud (parts 5–7 of article 159 of the criminal code of the Russian Federation): problems of qualification. 234
Pivnenko D.L. * Regarding the issue of potential legal regulation of technical and authorial supervision of works on the preservation of cultural heritage objects. 240
Popova S.V., Antonov A.A. * Review of data on fires and their consequences in the Sverdlovsk region in 2025. 245
Shpira M.Yu. * Emission quotas as a financial and legal tool for regulating allowable impact on air quality 249
PROBLEMS OF LEGAL THEORY
Kasikhin L.V. * Theoretical and legal foundations for regulating outputs of artificial intelligence systems. 255
Dikazhev M.M. * Analysis of the effectiveness of legal and regulatory framework as a key stage of legal monitoring. 260
CONTROL THEORY
Volchenko A.V., Kogteva A.N., Konnova I.G. * Legal regulation of the labelling of information materials created with the use of artificial intelligence. 267
Lugaskova N.V., Safronova E.B., Lykhina P.N., Makarova A.D. * Regulatory requirements for air quality control methods in production facilities and storage facilities. 277
CIVIL AND BUSINESS LAW
Safronov V.P. * Special methods of civil law protection of intangible goods. 283
Sadekov R.R., Bedrin V.S. * The principle of good faith in civil law: criteria for evaluating the conduct of parties to contractual relations. 287
CRIMINAL LAW AND PROCESS
Isaeva E.D. * Integrating neural network solutions into investigative work: tactical and expert aspects. . 295
Kukhtyaeva E.A., Chekhov O.SH. * Subject matter of the prosecution in court: the problem of balancing public and private interests. 300
Bodyakov V.N., Tkachenko E.S., Ezhova O.N. * The psychological and pedagogical foundations of interrogating minors who are convicts. 304
Babkin L.M., Bogdanov M.N., Evseeva I.A. * Legal regulation of punishments not involving the isolation of the convicted person from society: problems and prospects for improvement in the Russian Federation. 312
Batochko O.V., Guseyan G.O., Okuneva A.O. * Qualification of crimes of a terrorist nature committed using artificial intelligence and autonomous systems. 318
Nikolaev V.A. * Legal aspects of anti-money laundering and counter-terrorist financing in digital currency transactions. 324
Panteleev I.A. * Procedural forms of seizure of objects and documents in criminal proceedings. 331
Suleymanova A.A., Hajieva A.A. * Improvement of the criminal law institution of confiscation of property: questions of theory and practice. 335
Kukhtyaeva E.A., Yakhyaev M.M. * Theoretical and legal aspects of the subjective side and delineation of murder when the limits of necessary defense are exceeded. 341
ADMINISTRATIVE LAW
Stepanov R.G. * Traceable discretion in customs personnel procedures: an administrative-legal model for reducing procedural corruption risk. 344
EDUCATION MANAGEMENT
Barynkin M.V., Pozhimalin V.N., Titov D.V., Demidov O.G. * Moral and ethical education of cadets in higher education institutions of the federal penitentiary service of Russia as the basis for forming the professional identity of an employee of the penitentiary system. 352
Timashkova E.V., Degtyareva S.V. * Hybrid radicalization of students: legal aspects of interaction in a digital environment. 360
Ivahko N.V. * Application of modern technologies in the physical culture and education process. 368
Borisova V.P., Kaznacheev V.A., Oskolkov A.V. * Methodological basis for designing a foreign language tutorial for cadets of educational organizations ministry of internal affairs and federal penitentiary service of Russia. 371
Kochetkova L.G.* Transformation of the value - semantic attitude of cadets at higher education institutions of the federal penitentiary service of Russia to the discipline «foreign language» under the conditions of higher education sovereignty: an experimental study. 378

Klyuchnikov M.I., Pozhimalina A.Yu., Kaznacheev V.A., Demidov O.G. * Role of strength training in developing professionally significant physical qualities of future penitentiary system employees. 386
Bogdanov M.N. * Participation in control and inspection audits of penitentiary institutions by the professorial and teaching staff of departmental educational organizations of the federal penitentiary service of Russia: (positive experience). 393
HISTORY AND LAW
Syisoeva Yu.A. * On the issue of the concept of landscaping. 401
Koroleva Ya.Yu., Larkina A.P. * Historical and legal nature of civil service in tax authorities. 406
Kulikov S.V. * The bureaucratic elite of the Russian Empire and the problem of octroying the Constitution at the end of 1905. 411
Murashova A.V., Gaidarzhi V.A., Kaverin K.R.* Marxism and legal conflict: relevance in the realities of the XXI century. 421
Dyakov V.F. * Analysis of the main indicators of the response of fire and rescue units of the Sverdlovsk region to fires and road accidents in 2025. 428
Krapivin O.V., Mikhalev V.N., Klyuchnikov M.I., Demidov O.G. * Combat techniques as a core element of professional physical training of cadets at departmental educational institutions. 433
EDUCATION IN RUSSIA AND THE WORLD
Shilina N.V., Kopylova N.A.* Pedagogical conditions for the formation of foreign-language socio-cultural competence of university cadets of the federal penitentiary service of Russia in the context of digitalization of society. 440
Krapivin O.V., Kaznacheev V.A., Elokhov I.V., Panteleev V.A., Kolochikhin K.S. * Development of special physical training of employees of the federal penitentiary service of Russia by means of hand-to-hand combat. 446
Filipova E.E., Zolkin A.L. * A study of motivation to master mathematical disciplines among students of non core specializations (using the example of a departmental university). 452
Gereikhanov F.F., Pozhimalin V.N., Demidov O.G., Filipova E.E.* Development of leadership qualities in cadets of educational organizations of the federal penitentiary service of Russia in the process of educational and service activities. 458

- ПОЛИТИКА И ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-21-26

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна,
Главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции, ФГБУН Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, доктор юридических наук, профессор,
ORCID: 0000-0002-3568-9042,
e-mail: evsfrf@gmail.com

КОНЦЕПЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОКТРИНЫ

Аннотация. *В статье рассматривается эволюция доктрины ответственности органов публичной власти через сопоставление позитивной (проспективной) и негативной (ретроспективной), конституционной, политической и муниципально-правовой концепций. Показывается, что единая доктрина ответственности публичной власти в отечественной науке не сложилась, так как конкурирующие подходы расходятся не только в терминологии, но и в понимании природы публичной власти и пределов её контролируемости. Центральное внимание уделено двум конструктам – дихотомией конституционной и политической ответственности и концепции парламентского контроля в проекции реальных санкций. На примере муниципальной реформы 2025 г. анализируется двойственная природа ответственности местного самоуправления — перед населением и перед государством. Делается вывод, что ни одна из концепций не является самодостаточной: продуктивная модель должна строиться как многоуровневая система, в которой позитивная ответственность задаёт стандарт добросовестного осуществления полномочий, негативная обеспечивает неотвратимость санкций, конституционная создаёт процедурные рамки, политическая легитимирует контроль, а муниципальная сохраняет связь власти с населением. Слабое звено российской модели — не отсутствие норм, а разрыв между контрольными полномочиями и санкционным механизмом, что требует создания механизмов и действенных процедур, а не новых конституционных формул.*

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы ИГП РАН «Защита суверенитета России конституционно-правовыми средствами» (№ FMUZ-2024-0043).

Ключевые слова: *конституционные поправки 2020г.. ответственность органов публичной власти, конституционная ответственность, политическая ответственность, муниципальная ответственность, конституционный контроль.*

Для цитирования: *Виноградова Е. В. Концепции ответственности органов публичной власти: эволюция отечественной доктрины // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 21–26.*

VINOGRADOVA Elena Valerievna,
Chief Researcher, Constitutional Law and Constitutional Justice Sector, FSBSI Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Doctor of Law, Professor

CONCEPTS OF PUBLIC AUTHORITY LIABILITY: THE EVOLUTION OF DOMESTIC DOCTRINE

Annotation. *This article examines the evolution of the doctrine of liability for public authorities by comparing positive (prospective) and negative (retrospective) concepts, as well as constitutional, political, and municipal-legal frameworks. It argues that a unified doctrine of public authority liability has yet to emerge in Russian legal scholarship, as competing approaches diverge not only in terminology but also in their fundamental understanding of the nature of public authority and the limits of its accountability. The analysis focuses on two key constructs: the dichotomy between*

constitutional and political liability, and the concept of parliamentary oversight in the context of actual sanctions. Using the 2025 municipal reform as a case study, the article explores the dual nature of local self-government liability—to the local population and to the state. It concludes that no single concept is self-sufficient; rather, an effective model must be structured as a multi-layered system: positive liability establishes the standard for the conscientious exercise of powers, negative liability ensures the inevitability of sanctions, constitutional liability provides the procedural framework, political liability legitimizes oversight, and municipal liability maintains the link between the authorities and the population. The weak point of the Russian model is not a lack of legal norms, but a disconnect between oversight powers and the mechanisms for imposing sanctions—a problem that requires the creation of functional mechanisms and effective procedures, rather than the introduction of new constitutional formulas.

Key words: *2020 constitutional amendments, liability of public authorities, constitutional liability, political liability, municipal liability, constitutional oversight.*

For citation: *Vinogradova E. V. Concepts of public authority liability: the evolution of domestic doctrine. Russian scientific bulletin. 2026;(11):21–26. (In Russ.).*

The article was prepared as part of the research work of the IGP RAS "Protection of the sovereignty of Russia by constitutional legal means" (No. FMUZ-2024-0043).

Актуальность исследования концепций ответственности органов публичной власти определяется несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, конституционные поправки 2020 г. существенно изменили конституционно-правовые параметры организации власти. Введение в текст Конституции РФ категории «публичная власть», закрепило единую систему публичной власти (ст.ст. 71, 80, 132 Конституции РФ). Это предопределяет необходимость доктринального осмысления параметров нового, для отечественного конституционно-правового пространства института. В частности, его основных признаков и их влияния на подотчётность и ответственность властных субъектов. Расширение компетенции органов публичной власти объективно повышает потребность в действенных механизмах контроля, однако практика показывает, что формальное закрепление контрольных полномочий не всегда сопровождается реальными санкциями.

Отсутствие в отечественной науке единой доктрины ответственности органов публичной власти создаёт теоретическую неопределённость, которая затрудняет правоприменение, влияет на эффективность соответствующих институтов. Для органов местного самоуправления, где единство публичной власти может создавать риск ослабления статусной самостоятельности муниципалитетов проблема границ ответственности требует нового концептуального обоснования. Кроме того, актуальность обусловлена практической потребностью в настройке процедур ответственности - ясных оснований, прозрачных порогов, обязательных последствий и судебного контроля за применением мер ответственности. Исследование этих вопросов имеет значение для повышения эффективности государственного управления, укрепления доверия общества к публичной власти и обеспечения баланса между управляемостью и подотчётностью. Таким образом, тема исследования находится на пересечении конституционного, административного, муниципального и политического права и имеет как теоретическую, так и практическую значимость.

Модель формирования власти предопределяет выбор методов, необходимых для обеспечения устойчивости традиционных отношений между гражданином и органами публичной власти. Для России, традиционно, власть имеет «…ярко выраженный, патерналистический характер, действуя как институт, опекающий общество в целом и каждого» [12] человека, в других странах выбор «характера власти» основан на иных основах, связывающих личность и государство через которые, как сквозь призму «…рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [6]. Поиск эффективных моделей, позволяющих отформатировать механизмы управления властью, детерминированы институционализацией ее ответственности.

Ответственность органов публичной власти — институт, в котором пересекаются конституционное, административное, муниципальное и политическое право. Как отмечают исследователи [1], единой доктрины такой ответственности пока нет. Конкурирующие концепции по-разному отвечают на вопросы о том, перед кем, за что и какими средствами отвечают властные субъекты. Сравнительный анализ позволяет увидеть, что расхождения между ними носят не только терминологический, но и принципиальный характер — они касаются самой природы публичной власти и пределов её контролируемости. Наиболее фундаментальное различие проходит между двумя полюсами одной конструкции позитивной и негативной ответственностью. Позитивная ответственность понимается как обязанность соблюдать право-

вые предписания, добровольно и добросовестно исполнять публичные функции. Её результатом является правомерное поведение, а не наказание. В теории права она рассматривается как осознание субъектом своего долга, согласование поведения с правами и обязанностями в настоящем и будущем. Негативная ответственность наступает за правонарушение и связана с государственным принуждением, претерпеванием лишений, реализацией санкций.

Для органов публичной власти это различие принципиально. Позитивная ответственность формирует «чувство гражданского долга» у должностных лиц и коллегиальных органов, тогда как негативная обеспечивает внешний контроль и возможность наказания. Слабость сугубо негативного подхода очевидна: если орган власти действует формально законно, но неэффективно, привлечь его к ретроспективной ответственности крайне сложно. Позитивная концепция восполняет этот пробел, но сталкивается с проблемой измеримости: «добросовестность» и «долг» с трудом поддаются юридической формализации. Поэтому в литературе справедливо отмечается, что традиционные категории позитивной и негативной ответственности с трудом применимы к государству в целом как публично-правовому образованию. В этом формате важны административно-правовые подходы к вопросам ответственности. Как отмечает Плигин В.Н. «Институт административной ответственности в современной юридической науке можно рассматривать по-разному. Среди наиболее актуальных и востребованных аспектов позиционирования административной ответственности выступает исследование ее в качестве правового института (публично-правового института), как составляющей государственного (административного) принуждения, как части механизма публичного управления в целом, как категории процессуального (процедурного) свойства, как явления, противостоящего мерам поощрения и стимулирования» [11].

Административная ответственность «служит важнейшим инструментом, обеспечивающим соблюдение законодательства во всех сферах и областях общественной жизни» [7], является неотъемлемой частью регулирования политических процессов, вместе с тем конституционная ответственность занимает центральное место в системе. Её субъектами выступают Президент, Федеральное Собрание, Правительство, законодательные и исполнительные органы субъектов Федерации, органы местного самоуправления, а также коллективные субъекты — органы публичной власти в целом. Меры конституционной ответственности включают отрешение от должности, роспуск, досрочное прекращение полномочий, признание акта неконституционным, а применительно к субъектам Федерации — предупреждение, отрешение от должности высшего должностного лица, роспуск законодательного органа [2].

Ключевая дискуссия касается природы этого института. Одни авторы рассматривают конституционную ответственность как разновидность юридической ответственности с присущими ей регулятивной, превентивной, карательной и воспитательной функциями. Другие, как В.А. Виноградов, считают её политической ответственностью, которая лишь приобретает конституционные формы. Виноградов, опираясь на подход В.О. Лучина [10], прямо указывает, что конституционная ответственность — это «политическая ответственность, но не любая, а та, которая приобретает конституционные формы», и делает вывод, что она имеет «чётко выраженный политический характер и по основаниям, и по кругу субъектов, и по мерам воздействия» [3]. Эта двойственность не случайна: конституционные санкции часто применяются по политическим основаниям (утрата доверия, неэффективность), но облекаются в юридическую процедуру. Отсюда — проблема «декларативности»: нормы об ответственности существуют, но реальные механизмы их применения ослаблены.

Показательно, что С.А. Авакьян также отмечал «подчинённую роль юридической (конституционной) ответственности по отношению к политической» [1]. Однако, как справедливо подчёркивается в литературе, будучи закреплённой в Конституции, ответственность обретает самостоятельность, и её нельзя ставить в зависимость от той политической ответственности, которая не получает правового оформления. Поэтому недопустимо как противопоставление, так и фактическое отождествление конституционной и политической ответственности [4].

Политическая ответственность определяется как ответственность органов государственной власти и должностных лиц перед народом, населением соответствующей территории за несоответствие их деятельности мандату доверия, выражающееся в неспособности вырабатывать и осуществлять политику, принимать решения с максимальной пользой для людей. Она может выражаться в отзыве выборного лица, вотуме недоверия, роспуске представительного органа. В отличие от конституционной ответственности, политическая не всегда требует правонарушения: достаточно утраты доверия или неспособности осуществлять политику.

Сравнение с конституционной ответственностью показывает, что граница между ними подвижна. Конституционная ответственность Пра-

вительства перед парламентом (вотум недоверия) по своей сути политична, но облечена в конституционную форму. В то же время политическая ответственность перед населением (отзыв депутата) может рассматриваться как конституционный институт народовластия. Российская модель, как отмечается в литературе, представляет синтез европейской и американской моделей с усилением ответственности Правительства перед Президентом при сведении функций парламента к контрольным полномочиям, не обеспеченным реальной возможностью осуществления ответственности [5].

Наиболее показательный пример разрыва между формой и содержанием — парламентская ответственность Правительства. Конституционные поправки 2008 и 2020 годов усилили контрольные полномочия Государственной Думы: ежегодные отчёты Правительства, парламентские запросы, расследования, консультации по кандидатурам министров. Статья 103.1 Конституции РФ, введённая поправками 2020 г., прямо закрепила право Совета Федерации и Государственной Думы осуществлять парламентский контроль, в том числе направлять парламентские запросы руководителям государственных органов и органов местного самоуправления. Однако исследователи указывают, что главным недостатком остаётся отсутствие реальных санкций, которые парламент мог бы применить самостоятельно. Механизм вотума недоверия содержит «обратную санкцию»: выражение недоверия Правительству чревато роспуском самой Государственной Думы, что превращает контроль в фикцию [8].

Сравнение с классическими парламентскими системами показывает, что там ответственность правительства перед парламентом является реальной, поскольку правительство формируется парламентским большинством. В российской модели Правительство формируется под решающим влиянием Президента, а Дума лишь утверждает предложенные кандидатуры. Поправки 2020 г. закрепили, что Президент осуществляет общее руководство Правительством, а Председатель Правительства несёт персональную ответственность перед Президентом за осуществление возложенных на Правительство полномочий. Отсюда — асимметрия: контрольные процедуры развиваются, а санкционный механизм остаётся ослабленным. Предлагаемые в литературе меры — право Думы выдвигать собственные кандидатуры на вакантные должности в Правительстве, самостоятельное освобождение отдельных министров, обязанность Президента отправлять Правительство в отставку при повторном вотуме недоверия — направлены именно на устранение этой асимметрии.

Муниципально-правовая ответственность концептуально двойственна. С одной стороны, местная власть подотчётна населению: утрата доверия, отзыв выборного лица, всенародное голосование рассматриваются как основания муниципально-правовой ответственности. С другой стороны, органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти и ответственны перед государством: возможны удаление главы муниципального образования в отставку, досрочное прекращение полномочий представительного органа.

Разграничение конституционной и муниципальной ответственности проводится по кругу субъектов конституционная — перед государством, муниципальная — перед населением. Однако это разграничение условно. Муниципальная реформа 2025 г., как отмечается в новейшей литературе, формально отказалась от понятий «ответственность перед населением» и «ответственность перед государством», но сам феномен ответственности сохранился в качестве конституционно-правовой концепции [9]. Это подтверждает, что муниципальная ответственность не является ни полностью автономной, ни полностью поглощённой конституционной: она представляет собой особый вид публично-властного принуждения, отличный от государственного принуждения в чистом виде.

Сравнение концепций по ключевым параметрам даёт следующую картину. По основаниям позитивная ответственность исходит из обязанности добросовестного осуществления власти, негативная — из правонарушения, политическая — из утраты доверия, конституционная — из конституционного деликта (в широком смысле, включая неэффективность), муниципальная — из противоправных решений или утраты доверия населения.

По субъекту контроля позитивная и политическая ответственность ориентированы на население и политические институты, негативная и конституционная — на суды и парламент, муниципальная — на население и государственные органы.

По характеру санкций позитивная не имеет санкций в собственном смысле (она поощряет правомерное поведение), негативная предполагает наказание, политическая — отзыв или вотум недоверия, конституционная — отрешение, роспуск, признание акта неконституционным, муниципальная — удаление в отставку, досрочное прекращение полномочий.

По процедурной определенности наиболее формализованы негативная и конституционная ответственность, наименее — позитивная и политическая, что создаёт риск произвольного приме-

нения. Определяя эволюцию доктрины публичной ответственности можно исходя из понимания ее как исторически обусловленного процесса смены доминирующих теоретических моделей, в которых меняются представления о субъекте, основании, адресате, средствах и процедуре ответственности органов публичной власти. Это не линейное «накопление» норм, а поиск эффективной модели от государственно-правовой ответственности советского периода к конституционной ответственности 1990-х, затем к усилению политической ответственности исполнительной власти в 2000-е и, наконец, к конституционализации категории «публичная власть» после 2020 г.

Эволюция доктрины публичной ответственности — это процесс концептуальной и нормативной трансформации института ответственности, отражающий изменение конституционной модели организации публичной власти и выражающийся в смещении акцентов между позитивной и негативной, конституционной и политической, государственной и муниципальной ответственностью, а также в изменении степени процедурной формализации контрольных и санкционных механизмов.

Определяя критерии периодизации, через исследование объекта доктрины (от отдельных государственных органов к единой системе публичной власти, включающей местное самоуправление), субъектный состав (от должностных лиц и коллегиальных органов к уровням публичной власти и системе в целом), важно установить основания ответственности (от правонарушения к конституционному деликту в широком смысле, включая неэффективность и утрату доверия), характер санкций (от наказания к отрешению, роспуску, признанию акта неконституционным, удалению в отставку и иным мерам публично-властного принуждения). Кроме того важна процедурная определённость как движение от декларативных норм к попыткам формализации процедур, хотя и с сохранением разрыва между контрольными полномочиями и реальными санкциями. И соотношение политического и юридического в переходе от противопоставления конституционной и политической ответственности к признанию их взаимодополняемости.

Иначе говоря, эволюцию доктрины можно описать как движение от монистической модели государственно-правовой ответственности к многоуровневой концепции публичной ответственности, в которой позитивная ответственность задаёт стандарт добросовестного осуществления полномочий, негативная обеспечивает неотвратимость санкций, конституционная создаёт процедурные рамки, политическая легитимирует контроль, а муниципальная сохраняет связь власти с населением.

Заключение

Сравнительный анализ концепций ответственности органов публичной власти показывает, что ни одна из существующих концепций не может считаться самодостаточной. Позитивная ответственность без негативной превращается в декларацию, в то время как негативная без позитивной — в карательный инструмент, не решающий проблему эффективности власти. Конституционная ответственность без политической превращается в формальную процедуру, тогда как политическая без конституционной — в произвол. Муниципальная без конституционной содержит потенции изоляцию местного самоуправления от общей системы публичной власти. Это требуют не столько новых конституционных формул, сколько настройки процедур, ясных оснований, прозрачных порогов, обязательных последствий и судебного контроля за применением мер ответственности.

Список литературы:

[1] Авакьян С.А. Государственно-правовая ответственность // Советское государство и право. 1975. № 10. С. 16–24.

[2] Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм: государственно-правовые аспекты. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.

[3] Виноградов В.А. Конституционно-правовая ответственность: системное исследование: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. С.320.

[4] Виноградова Е.В. Новые идеи отечественного конституционализма. Право как элемент системы сакральных и профанных ценностей // Государство и право. 2023. № 5.

[5] Зражевская Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980.

[6] Исаева Н.В. Теория идентичности в дискурсе теории права и государства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 5. (304).

[7] Кобзарь-Фролова, М.Н. Административная ответственность за правонарушения в экономических областях // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – № 4.

[8] Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982.

[9] Лесив Б.В. Ответственность органов местного самоуправления перед населением и государством: теория и практика в свете муниципальной реформы // Lex russica. 2026. Т. 79. № 10.

[10] Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С.375.

[11] Плигин В.Н. Актуальные вопросы административной ответственности: аспекты безопасности // Вопросы безопасности. – 2024. – № 4.

[12] Фроянов И.Я. Исторический опыт русского народа и современность. // Дом Романовых в истории России. Спб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. 1995.

References:

[1] Avakyan S.A. State and Legal Responsibility // Soviet State and Law. 1975. № 10. S. 16-24.

[2] Bobrova N.A., Zrazhevskaya T.D. Responsibility in the system of guarantees of constitutional norms: state-legal aspects. Voronezh: Voronezh Publishing House. University, 1985.

[3] Vinogradov V.A. Constitutional and legal responsibility: systems research: dis.... Dr. Jurid. sciences. M., 2005. S.320.

[4] E.V. Vinogradova. New ideas of domestic constitutionalism. Law as an element of the system of sacred and profane values // State and law. 2023. № 5.

[5] Zrazhevskaya TD Responsibility under Soviet state law. Voronezh: Voronezh Publishing House. University, 1980.

[6] Isaeva N.V. Theory of identity in the discourse of the theory of law and the state // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2012. № 5. (304).

[7] Kobzar-Frolova, M.N. Administrative responsibility for offenses in economic areas // Siberian Legal Review. – 2019. – № 4.

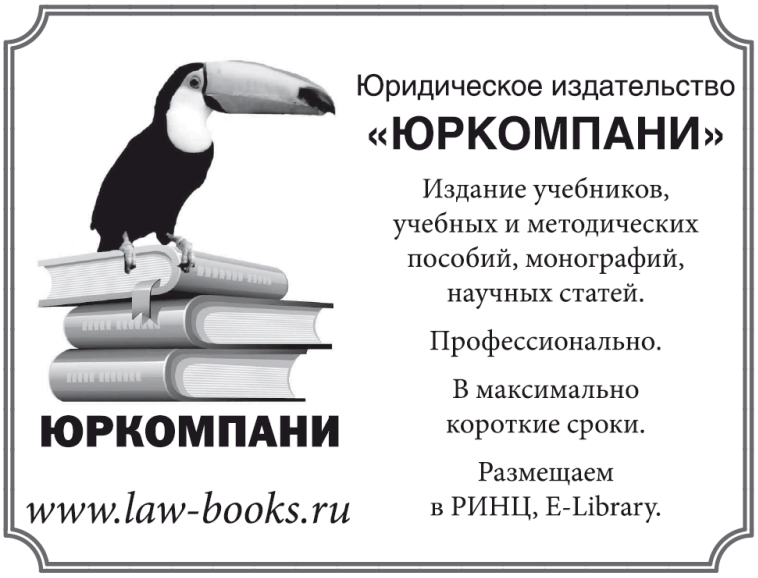
[8] Kudryavtsev V.N. Legal behavior: norm and pathology. M.: Science, 1982.

[9] Lesiv B.V. Responsibility of local governments to the population and the state: theory and practice in the light of municipal reform // Lex russica. 2026. T. 79. № 10.

[10] Luchin V.O. Constitution of the Russian Federation. Implementation challenges. M.: UNITY-DANA, 2002. S.375.

[11] Pligin V.N. Topical issues of administrative responsibility: security aspects // Security issues. – 2024. – № 4.

[12] Froyanov I.Ya. Historical experience of the Russian people and modernity // House of the Romanovs in the history of Russia. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 1995.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-27-33

ГРИБКОВ Артем Дмитриевич,
аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
e-mail: gribk.artem@yandex.ru

ДИАЛОГ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ КАК УСЛОВИЕ ЛЕГИТИМНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ТЕОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *В современном мире решающую роль играет коммуникация государства и общества, при условии, что она осуществляется в общественных интересах и в защиту конституционных ценностей. Статья посвящена исследованию правового регулирования и практической реализации диалога между государством и обществом в системе народовластия. Обосновывается тезис о том, что, несмотря на институциональное оформление многообразных форм участия граждан в управлении делами государства, эти формы в их нынешнем нормативном закреплении ориентированы преимущественно на сбор мнений и формирование общественной поддержки уже сложившихся решений, а не на диалог в контексте делиберативного процесса. Обращается внимание на разграничение широкого и узкого понимания институционального диалога в правовой теории. Сделаны предложения по улучшению правового регулирования диалога государства и общества.*

Ключевые слова: *институциональный диалог, народовластие, легитимность, делиберативная демократия, правовое регулирование, гражданское общество.*

Для цитирования: *Грибков А. Д. Диалог между государством и обществом как условие легитимности публичной власти: теория и проблемы правового регулирования // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 27–33.*

GRIBKOV Artem Dmitrievich,
Postgraduate Student, Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics

DIALOGUE BETWEEN THE STATE AND SOCIETY AS A CONDITION FOR THE LEGITIMACY OF PUBLIC AUTHORITY: THEORY AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Annotation. *In the modern world, communication between the state and society plays a decisive role, provided that it is carried out in the public interest and in defense of constitutional values. The article is devoted to the study of legal regulation and the practical implementation of dialogue between the state and society within the system of popular sovereignty. The thesis is substantiated that, despite the institutional formalization of various forms of citizens' participation in the management of state affairs, these forms, in their current normative consolidation, are primarily oriented towards collecting opinions and building public support for already established decisions, rather than towards dialogue in the context of a deliberative process. Attention is drawn to the distinction between a broad and a narrow understanding of institutional dialogue in legal theory. Proposals are made to improve the legal regulation of the dialogue between the state and society.*

Key words: *institutional dialogue, popular sovereignty, legitimacy, deliberative democracy, legal regulation, civil society.*

For citation: *Gribkov A. D. Dialogue between the state and society as a condition for the legitimacy of public authority: theory and problems of legal regulation. Russian scientific bulletin. 2026;(11):27–33. (In Russ.).*

Сейчас пристальное внимание научной общественности привлекают вопросы диалога между государством и обществом в контексте развития партисипативной демократии. Интерес к этой проблематике обусловлен растущим пониманием того, что легитимность публичной власти в XXI веке обеспечивается не столько формальными процедурами представительной демократии, сколько способностью власти вовлекать граждан в принятие решений и выстраивать с ними эффективную коммуникацию.

На современном этапе системы народовластия необходимым условием легитимации публичной власти признается диалог между государством и обществом [1]. Как отмечает Е.В. Сазанноикова «вне диалога не может быть информационной открытости власти, подлинного общественного контроля в отношении власти со стороны граждан и их объединений, а в конечном итоге и качественной деятельности государства как субъекта управления социальными процессами» [2, с. 55]. Однако правовое регулирование этого диалога представляется достаточно сложной проблемой, поскольку установленные законом процедуры далеко не всегда обеспечивают содержательное участие граждан в принятии решений.

Цель настоящей статьи — проанализировать правовое регулирование основных форм диалога государства и общества, посредством которых обеспечивается легитимность принимаемых решений в системе народовластия, выявить их институциональные характеристики, а также проблемные аспекты реализации. Методологически исследование базируется на системном и междисциплинарном подходах, а также формально-юридического метод, и строится как переход от краткого теоретического осмысления легитимности в системе народовластия и концепции диалогической демократии к системному анализу норм действующего законодательства, закрепляющего формы диалога государства и общества, и их фактической эффективности в российской правовой системе.

Вопрос о легитимности власти не нов, он присущ самому существованию любого государства. Легитимность – фундаментальное понятие для понимания политической организации современных обществ – оправдывает властные отношения и, тем самым, гарантирует добровольное подчинение граждан, необходимое для дальнейшего стабильного существования государственного аппарата. С.М. Липсет определил легитимность как «способность системы формировать и поддерживать веру в то, что существующие политические институты являются наиболее адекватными для данного общества», акцентируя при этом, что легитимность имеет большее значение для сохранения устойчивости системы, чем для ее эффективности [3, с. 93-94].

По мнению Д.А. Авдеева «реализация народовластия способствует процессу легитимации публичной власти, сближению органов власти с гражданами, которые, согласно демократическому пониманию государственного устройства, выражают свои политические амбиции и иные потребности управленческого свойства через институты непосредственной демократии» [4, с. 147]. Народовластие, то есть легитимации публичной власти волей народа, традиционно реализуется как через представительные институты, так и через непосредственные формы волеизъявления граждан (статьи 3,32,33 Конституции РФ). Однако в свете современных тенденций – цифровизации, активного и информированного гражданского общества, сложной геополитической и экономической обстановки, заявлений отдельных слоев населения об отсутствии доверия к институтам власти и лидерам, искажение воли избирателей в процессе парламентских процедур – которые являются признаками утраты легитимности традиционных политических процессов и устоявшихся схем представительства, становится крайне необходимым разработать новые механизмы принятия решений.

Решение, принятое без учёта мнения заинтересованных сторон, и особенно тех, на кого направлена государственная политика, утрачивает легитимность. Поэтому все большую популярность приобретает идея о том, что граждане могли бы напрямую участвовать в процессе принятия решений без посредников. Вместе с тем, нельзя забывать, что государственное управление часто требует урегулирования разногласий между противоположными точками зрения, для которых крайне редко существует «правильный» ответ. Исходя из этих предпосылок, Ю. Хабермас предложил теорию коммуникативного действия и обосновал, что легитимность власти все меньше зависит от формальных процедур и все больше — от качества публичного обсуждения и способности власти к рациональной аргументации своих решений и именно через рационально обоснованное соглашение, достигаемое в процессе диалога, происходит легитимация социальных отношений и институтов. То есть легитимность решений определяется возможностью их принятия в результате публичного обсуждения, в котором преобладает ненасильственная сила наилучшего аргумента.

Развивая идеи Хабермаса, М. Кастельс связывает легитимность с сетевым обществом, где информационно-коммуникационные технологии одновременно расширяет возможности для

общественного участия и усиливает риски манипуляции [1, с. 161]. В классической модели делиберативного процесса, созданной на основе исследований Ролза и Хабермаса, принятие решений основано на институционализированном диалоге между государством и обществом, который представляет собой поэтапную и итеративную процедуру. Сначала определяется предмет обсуждения: формулируется ключевой вопрос, требующий коллективного решения, и создается организационный комитет, обеспечивающий условия для проведения делиберативного процесса. Затем происходит формирование участников диалога посредством случайной выборки из числа граждан, что позволяет обеспечить репрезентативность и избежать доминирования организованных групп интересов. Поскольку нельзя предполагать, что все выбранные граждане обладают достаточной экспертной компетенцией для решения поставленного вопроса, их необходимо обучить таким образом, чтобы они смогли понять всю многогранность и сложность рассматриваемой темы. Следующий этап – обсуждение в течение периода, продолжительность которого варьируется в зависимости от сложности темы, имея возможность регулярно консультироваться с экспертами. По итогам обсуждения участники формулируют предложения и голосуют за те из них, которые считают наиболее приемлемыми для реализации.

Таким образом, делиберативная демократия в ее классической трактовке основывается на трех существенных характеристиках: случайный отбор участников (жеребьевка) как механизм обеспечения репрезентативности; информационно-образовательная подготовка граждан и их доступ к экспертам как условие осмысленного участия; интерактивный обмен мнениями, позволяющий постепенно, через аргументацию, вырабатывать совместные решения.

Несмотря на определённую привлекательность описанной модели, практическое воплощение вызывает ряд проблем. В частности, В.В. Денисенко, постулирует, что «в правоприменении принцип делиберативности заключается в закреплении комплексного межотраслевого института медиации» и вслед за У. Кимлика, задается вопросом, следует ли «…сделать существующие механизмы голосования, референдумов, представительства и вынесения судебных решений более делиберативными или создать новые форумы для обсуждения, такие как «делиберативные опросы», «жюри граждан», городские собрания или законодательные ассамблеи?» [5, с. 142]. В.В. Денисенко в своей статье однозначного ответа не дает, констатируя лишь, что диалог не сводится ни к опосредованному влиянию через институты гражданского общества, ни к торгу интересами, а требует от граждан непосредственного участия в «поиске взаимопонимания через публичное обсуждение и консенсус» [5, с. 142]. В российской правовой доктрине и практике дискуссия о формах диалога между государством и обществом выходит далеко за рамки теоретического спора о том, делать ли существующие механизмы «более делиберативными» или создавать новые. Обсуждается более фундаментальная проблема: как институционализировать коммуникативный процесс в условиях, когда процедуры участия нередко носят формальный и рекомендательный характер и слабо коррелируют с реальным процессом принятия решений [6,7].

В этом контексте центральной категорией анализа становится диалог как юридически значимый и процедурно оформленный способ взаимодействия публичной власти и гражданского общества. Однако, как показывает анализ законодательства и правоприменительной практики, единого легального определения диалога в государственно-правовом смысле не сложилось.

В практике КС РФ диалог трактуется как особенность политической системы в части использования конституционной свободы собраний, неотъемлемая характеристика конституционных взаимоотношений личности и государства, элемент гарантий защиты прав и форма участия в управлении делами государства (Постановление от 18.07.2012 № 19-П).

В теоретическом осмыслении коммуникативных процессов в российском правовом поле принципиальное значение имеет разграничение понятий диалога, дискурса, дебатов и дискуссии. Диалог представляет собой двусторонний, кооперативный разговор, ориентированный на обмен информацией и построение взаимопонимания между участниками. В отличие от дискурса, который предполагает одностороннюю передачу информации от говорящего (пишущего) к слушателям (читателям) и может быть направлен на навязывание определенной позиции, диалог исключает доминирование одной из сторон и не предполагает безусловного принятия чьей-либо точки зрения. Дебаты, в свою очередь, являются конкурентным, двусторонним взаимодействием, цель которого — отстаивание собственных аргументов и убеждение оппонента или третьих лиц. Дискуссия представляет собой процесс интерактивного обмена информацией между несколькими участниками, который, однако, в отличие от диалога, не обязательно ориентирован на достижение взаимопонимания.

Таким образом, формат диалога - это не только размышление и изложение мыслей с целью консультирования друг с другом, но и сосре-

доточение внимания на синтезе позиций, признании теоретической значимости идей, выдвинутых другой стороной, поиск точки соприкосновения заинтересованных сторон. Эффективность диалога напрямую зависит от наличия определенных условий, создающих благоприятную коммуникативную среду, а также совокупность явных или неявных норм, регулирующих взаимодействие участников. При этом диалог не обязательно должен заканчиваться выработкой взаимоприемлемой для его участников позиции — сам обмен информацией представляет социальную ценность, поскольку позволяет разрешать противоречия [2].

В научной литературе называется множество форм диалога, которые предлагается рассматривать как делиберативные практики: «публичные слушания, инициативные проекты, исключенные в 2025 г. правотворческие инициативы, онлайн-слушания» [7], «публичное обсуждение проектов нормативно-правовых актов, проведение политических форумов, различных форматов обсуждения политически значимых вопросов экспертным сообществом, а также инструменты электронной демократии, вовлекающие народные массы» [6], «публичные слушания, сход граждан, исключенная в 2025 г. конференция граждан, публичные консультации в рамках оценки регулирующего воздействия муниципальных актов» [8], «общественные приемные и электронные платформы для петиций, общественные палаты и публичные консультации, практики регулярных пресс-конференций и «прямых линий» лидеров с народом, общественные слушания, рейтинговое голосование по проектам, онлайн-референдумы» [9, с. 54].

Правовое регулирование указанных форм осуществляется преимущественно на уровне федеральных законов. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» рамочно регулирует процедуру общественного обсуждения (ст. 24), общественных (публичных) слушаний (ст. 25).

Общественное обсуждение представляет собой публичное обсуждение общественно значимых вопросов и проектов решений органов власти с обязательным участием уполномоченных лиц этих органов и представителей граждан и объединений, интересы которых затрагиваются соответствующим решением.

Общественные (публичные) слушания законодатель определяет как собрание граждан, организуемое субъектом общественного контроля или органами государственной власти и органами местного самоуправления, для обсуждения вопросов, касающихся деятельности указанных органов и имеющих особую общественную значимость либо затрагивающих права и свободы человека и гражданина. Обе эти формы диалога требует заблаговременного обнародования информации и обеспечения свободного доступа к материалам.

В отраслевом законодательстве определены случаи обязательного проведения общественных обсуждений и слушаний (например, ст. 5.1 ГрК РФ) и как показывает анализ правоприменительной практики, когда они в обязательных случаях не проводились вовсе, или проводились с процедурными нарушениями, принятое решение признавалось недействующим. Вместе с тем, результаты публичных слушаний и обсуждений носят рекомендательный характер и не являются обязательными для органов власти (например, Апелляционное определение СК по административным делам ВС РФ от 04.04.2019 № 75-АПА19-4).

Так же отметим, что в своих решениях КС РФ (Определение от 15 июля 2010 года № 931-О-О) подчеркивает, что публичные слушания не являются формой осуществления власти населением, а лишь механизмом обсуждения, дающим гражданам возможность высказать рекомендации и оценить правовые акты, при этом окончательное решение остаётся за компетентными органами.

Исходя из изложенного, полагаем, что общественные обсуждения и слушания предполагают сбор множества мнений от добровольцев, а не диалог в том смысле, который вкладывается в это понятие в идеально-теоретических делиберативных моделях. Данный тип коммуникации не очень продуктивен для продвижения диалоговой модели взаимодействия общества и государства, поскольку позиции заинтересованных сторон часто остаются неизменными, процедура не предполагает обязательности взаимной аргументации, а попытки найти точки соприкосновения, как правило, не предпринимаются. Общественные обсуждения, не являясь согласно правовой позиции КС РФ прямой демократией, в доктрине признаются формой участия граждан в управлении с различной степенью влияния на принимаемые решения. [10, с. 127]. Именно в этом качестве — как формы участия, а не как формы властвования — они сохраняют свое значение в системе народовластия. Они не обеспечивают реализации делиберативного идеала, в котором диалог есть основа легитимности принятого решения, однако они являются тем минимумом, который законодатель счел необходимым для обеспечения связи власти и общества в системе народовластия.

Сход граждан (ст. 45 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти») — форма прямого волеизъявления жителей для решения определен-

ных локальных вопросов. Решения принимаются большинством голосов, обязательны для исполнения органами МСУ и не предполагают диалога с властью, являясь актом прямой демократии.

Публичные консультации являются элементом оценки регулирующего воздействия (ОРВ). Их суть в том, что проект нормативного акта размещается на Интернет-портале администрации для обсуждения, а бизнес-ассоциации, эксперты и граждане могут направлять свои замечания и предложения (ст. 52 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ). Механизм проведения политических форумов как формы диалога не имеет четкой законодательной регламентации, однако в настоящее время дискуссионные площадки – молодежные форумы, экспертные клубы, гибридные форумы, в которых принимаю участие НКО, представители бизнеса, эксперты, неформальные автономные сообщества привлекают множество участников. Решения, вырабатываемые на форуме, не обладают юридической силой, что ставит вопрос об их обязательности для публичной власти. Тем не менее, они способны инициировать институциональные изменения — при условии, что власть воспринимает их как легитимное основание для корректировки управленческих решений.

В середине 2000-х годов в рамках инициативы Центра экспертиз ЭКОМ разрабатывались и апробировались проекты «гражданских слушаний» и даже общенационального «гражданского жюри» по экологическим вопросам. Процедура, предложенная Центром, была наиболее приближена к изложенной выше идеальной модели диалога в делиберативном процессе [13, с. 65-66], но широкого распространения и законодательного закрепления не получила.

Исходя из вышеизложенного, отметим, что эффективность указанных форм диалога в настоящее время является зависимой от доброй воли обеих сторон, не гарантирована институционально, и, по мнению исследователей, зачастую являются способом трансляции и легитимации уже сформированной государством повестки [11]. Г.Н. Василенко и М.М. Вахтин в связи с этим обращают на феномен «глухого диалога», который был предложен ими в качестве правовой понятийной конструкции для описания отношений между институтами публичной власти и гражданским обществом. «Глухой диалог» характеризуется тем, что «формально доступные каналы коммуникации утрачивают свою регулятивную ценность» [12, с. 13]. Государственные органы формально демонстрируют готовность вступать в диалог с обществом, однако это не обеспечивает содержательного взаимодействия, напротив, фактическая результативность коммуникации остаётся ограниченной и приводит к нарастающему разрыву между властными решениями и общественными ожиданиями.

Цифровая трансформация общества привела к радикальному изменению природы формирования и выражения общественного мнения. Интернет предоставляет гражданам практически мгновенный доступ к широкому спектру информации по любой общественно значимой теме: онлайн-отчетам экспертов, аналитике, материалам новостных порталов, видеозаписям парламентских дебатов, сведениям о принимаемых решениях и их последствиях. Одновременно социальные сети и цифровые платформы открывают широкие возможности для выражения оценки, критики и альтернативных предложений со стороны граждан. Вместе с тем, онлайн-платформы могут использоваться для манипуляции общественным мнением и симуляции диалога, когда внешняя активность не сопровождается реальным влиянием на содержание принимаемых решений.

Итак, как показывает проведённый нами анализ, в ответ на делегитимацию традиционных представительных процедур публичная власть создаёт консультативно-коммуникативные площадки, ориентированные, преимущественно на сбор мнений и формирования поддержки уже принятых решений. Хотя такие институты в системе народовластия формально обеспечивают участие граждан в управлении (ст. 32 Конституции РФ), они не являются диалогом в делиберативном смысле, поскольку ориентированы на информирование и сбор позиций, а не на совместную выработку решений.

С другой стороны, в научной литературе высказывается мнение, согласно которому «институциональный диалог государства и гражданского общества следует понимать как предельно широкую гражданскую коммуникацию в ее конкретных институциональных проявлениях: … общественные слушания, публичные дебаты, дискуссии, переговоры, социальное партнерство, общественный (гражданский) контроль за властью, общественные экспертизы социально значимых проектов, защита прав граждан и т.д. Институциональный диалог между государством и гражданским обществом можно определить как интерсубъективное взаимодействие с целью нахождения общественного консенсуса и взаимопонимания, поиска и выявления общих интересов, транспарентного определения в процессе переговоров социальных приоритетов, позиций, согласования мнений, намерений, методов, форм и способов разрешения конфликтных ситуаций, координации обоюдных действий, корректировки сложившейся ситуации и выработки взаимоприемлемых правовых, политических и управленческих решений

и мер» [14, с. 316].

Таким образом, делиберативная демократия в её современном понимании охватывает разнородные практики участия граждан, дополняющие политико-правовой процесс принятия решений. Следует констатировать наличие широкого и узкого понимания диалога государства и гражданского общества в российской правовой доктрине. Широкое понимание охватывает практически все формы взаимодействия государства и общества, то есть это любая коммуникация, направленная на выражения (выявление) мнений граждан и обеспечение их участие в управлении делами государства. Оно включает в себя, в том числе создание пространств для дискуссий и политической деятельности как в установленных законодателем формах, так и вне политико-представительной системы, а также самоорганизацию социальных пространств и действий в рамках онлайн и офлайн форумов.

Институциональный диалог государства и гражданского общества в узком смысле — это осуществляемая в рамках установленных правовых форм специфическая коммуникация, основана на поэтапном и итеративном процессе, который предполагает: равенство сторон в процессе обсуждения, взаимную аргументацию и открытость к контраргументам, ориентацию на совместную выработку решений, механизмы учета результатов обсуждения при принятии окончательных решений и репрезентативность участников. Такой формат подразумевает, что легитимность решений обеспечивается качеством публичного обсуждения.

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие предложения по улучшению правового регулирования диалога государства и общества. Необходимо законодательно урегулировать механизм контроля, который должен учитывать два аспекта: качество самого процесса и влияние обсуждений на государственную политику. В частности, необходимо законодательно закрепить механизм контроля, охватывающий два взаимосвязанных аспекта: качество самой процедуры обсуждения и степень влияния его результатов на содержание принимаемых государственных решений. Ключевым элементом такого механизма должна стать обязанность государственного органа предоставлять участникам обсуждения обоснованный и публичный ответ по итогам рассмотрения их предложений и замечаний. Указанный ответ подлежит оформлению в виде официального документа, который должен содержать: 1) по каждому из поступивших предложений — разъяснение о том, каким образом они были учтены в законотворческом или правоприменительном процессе; 2) в случае отклонения рекомендаций (предложений, замечаний) — мотивированное обоснование причин такого отклонения. Также должна проводиться оценка воздействия принятого решения, в которую можно вовлечь граждан-добровольцев, отслеживающих ход реализации выбранных предложений и поддерживать связь с другими гражданами. Также в среднесрочной и долгосрочной перспективе оценить воздействие (экономическое, социальное, экологическое) реализованных рекомендаций граждан. Эти оценки должны проводиться независимыми органами.

Список литературы:

[1] Игнатьева О.А. Концепция коммуникативной легитимности власти: синтез теорий // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 4 (85). С. 156-166.

[2] Сазонникова Е.В. Диалог как форма общения: публично-правовое регулирование и практика // Журнал_ЮрАиК. 2024. № 1. С. 54-61.

[3] Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. /Пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. М.: Мысль, 2016. 612 с.

[4] Авдеев Д. А. Легитимность и легитимация российской публичной власти // Правоприменение. 2021. № 2. С. 145-158.

[5] Денисенко В.В. Делиберативность как принцип принятия публично-правовых решений в правовом государстве / В.В. Денисенко // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 140–142.

[6] Итиуридзе Л.А. Потенциал делиберативной демократии в диалоге власти и общества в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. № 4 (857). С. 24-31.

[7] Прудентов Р.В., Институциональные и организационные основы цифровизации представительной демократии на муниципальном уровне в России // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 4. С. 48-51.

[8] Блещик А.В. Делиберативные практики в муниципальном нормотворчестве и их применение в правовой экспертизе муниципальных правовых актов // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2024. № 2. С. 6-10.

[9] Игнатьева О.А. Особенности институционализации коммуникативной легитимности в информационном обществе // Социальные и гуманитарные знания. 2026. Том 12, № 1. С. 50-61.

[10] Липчанская М.А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: традиционные формы и современные тенденции // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1 (31). С. 124-133.

[11] Пушкарева Г.В. Легитимация государственных решений: возможности и ограничения

убеждающей коммуникации // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С. 140-153.

[12] Василенко Г.Н., Вахтин М.М. «Глухой диалог» в правотворчестве: понятийная конструкция, классификация и признаки правового феномена // Lawyer hurries to help. 2025. № 4. С. 13-18.

[13] Региональная экологическая политика: опыт общественного участия. Пособие по региональной экологической политике / Отв. редакторы В.М. Захаров, М.И. Васильева. М.: Акрополь, ЦЭПР, 2006. 70 с.

[14] Зайцев А.В. Диалог в институциональной среде взаимодействия государства и гражданского общества // Вестник КГУ. 2011. № 3. С. 313-318.

References:

[1] Ignatieva O.A. The concept of communicative legitimacy of power: a synthesis of theories // Caspian region: politics, economics, culture. 2025. № 4 (85). S. 156-166.

[2] Sazonnikova E.V. Dialogue as a form of communication: public legal regulation and practice // Journal _ JuraiK. 2024. № 1. S. 54-61.

[3] Lipset M. Political man: social foundations of politics / Per. from English E.G. Handel, V.P. Gaydamaka, A.V. Mateshuk. M.: Thought, 2016. 612 p.

[4] Avdeev D.A. Legitimacy and Legitimization of the Russian Public Authority // Law Enforcement. 2021. № 2. S. 145-158.

[5] Denisenko V.V. Deliberation as a principle of making public-legal decisions in a legal state / V.V. Denisenko // Legal technology. 2020. № 14. S. 140-142.

[6] Itiuridze L.A. The potential of deliberation democracy in the dialogue of power and society in Russia // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences. 2024. № 4 (857). C. 24-31.

[7] Prudentov R.V., Institutional and organizational foundations of digitalization of representative democracy at the municipal level in Russia // Constitutional and municipal law. 2006. № 4. S. 48-51.

[8] Bleshchik A.V. Deliberation practices in municipal rule-making and their application in the legal examination of municipal legal acts // Municipal service: legal issues. 2024. № 2. S. 6-10.

[9] Ignatieva O.A. Features of institutionalization of communicative legitimacy in the information society // Social and humanitarian knowledge. 2026. Volume 12, No. 1. S. 50-61.

[10] Lipchanskaya M.A. Participation of citizens of the Russian Federation in the management of state affairs: traditional forms and modern trends // Leningrad Law Journal. 2013. № 1 (31). S. 124-133.

[11] Pushkareva G.V. Legitimization of state decisions: opportunities and limitations of persuasive communication // Public administration. Electronic bulletin. 2021. № 89. S. 140-153.

[12] Vasilenko G.N., Vakhtin M.M. "Deaf dialogue" in jurisprudence: a conceptual construction, classification and signs of a legal phenomenon // Lawyer hurries to help. 2025. № 4. S. 13-18.

[13] Regional Environmental Policy: Experiences of Public Participation. Regional Environmental Policy Manual / Rev. editors V.M. Zakharov, M.I. Vasilyeva. M.: Acropolis, TsEPR, 2006. 70 s.

[14] Zaitsev A.V. Dialogue in the institutional environment of interaction between the state and civil society // Bulletin of KSU. 2011. № 3. S. 313-318.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.10.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-34-42
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ТРОФИМОВ Максим Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет», ORCID 0000-0001-8584-6563, e-mail: sim-pai@mail.ru,

ПИСКОВАТСКИЙ Данил Александрович,
ассистент кафедры уголовного права и процесса Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет», ORCID 0009-0007-4313-2264, e-mail: mr.piskovatskia@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Аннотация. *Цифровизация общественных отношений превратила информационное пространство в новую арену геополитического противостояния, вынуждая государства переопределять границы своего суверенитета. В статье рассматриваются доктринальные основы уголовно-правовой политики России как инструмента обеспечения информационного суверенитета. Цель исследования — проанализировать, как концептуальные установки государства преломляются в конкретных нормах уголовного закона, формируя правовую основу цифрового суверенитета. Результаты показывают, что уголовно-правовая политика России в этой области прошла качественную трансформацию: от фрагментарного регулирования компьютерных преступлений конца XX в. к формированию целостной стратегической доктрины защиты государственного суверенитета в информационной сфере. Вместе с тем реализация этой политики сталкивается с системным кризисом правоприменения, обусловленным отсутствием рыночного эквивалента цифровых данных и субъективностью оценки «крупного ущерба». Сравнительный анализ китайского, американского и европейского подходов к цифровому суверенитету показывает, что Россия движется в русле глобального тренда на суверенизацию информационного пространства, сохраняя при этом гибридную модель, сочетающую открытость с защитой критических национальных интересов. Авторы приходят к выводу, что современная уголовно-правовая политика выступает не просто как совокупность запретов, а как сложный инструмент геополитического и государственного управления, где уголовное право служит финальным аргументом государства в борьбе за контроль над своим информационным пространством.*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01643 «Информационный суверенитет (суверенитет в информационной сфере): российский и зарубежный опыт правового регулирования и обеспечения», https://rscf.ru/project/25-28-01643/

Ключевые слова: *информационный суверенитет, уголовно-правовая политика, цифровизация, киберугрозы, доктринальный анализ, публичный интерес, экстерриториальность, сравнительно-правовое исследование.*

Для цитирования: *Трофимов М. С., Писковатский Д. А. Уголовно-правовая политика как инструмент обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации: доктринальный подход // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 34–42.*

TROFIMOV Maksim Sergeevich,
Candidate of Law, Associate Professor, associate Professor, Department of administrative and financial law North Caucasus Federal University (Stavropol)

PISKOVATSKII Danil Alexandrovich,
Assistant of the Department of Criminal Law and Procedure
North Caucasus Federal University (Stavropol)

CRIMINAL LAW POLICY AS A TOOL FOR ENSURING THE INFORMATION SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION: DOCTRINAL APPROACH

Annotation. *Digitalization of social relations has turned the information space into a new arena of geopolitical confrontation, forcing states to redefine the boundaries of their sovereignty. The article examines the doctrinal foundations of Russia's criminal law policy as an instrument for ensuring information sovereignty. The purpose of the study is to analyze how the state's conceptual guidelines are refracted in specific norms of criminal law, forming the legal basis of digital sovereignty. The results show that Russia's criminal law policy in this area has undergone a qualitative transformation: from fragmented regulation of computer crimes in the late 20th century to the formation of an integral strategic doctrine for protecting state sovereignty in the information sphere. At the same time, the implementation of this policy faces a systemic crisis of law enforcement, caused by the absence of a market equivalent for digital data and the subjectivity of assessing "major damage." A comparative analysis of the Chinese, American, and European approaches to digital sovereignty shows that Russia is moving in line with the global trend toward the sovereignization of the information space, while preserving a hybrid model that combines openness with the protection of critical national interests. The authors conclude that contemporary criminal law policy acts not merely as a set of prohibitions but as a complex instrument of geopolitical and state governance, where criminal law serves as the state's final argument in the struggle for control over its information space.*

Key words: *information sovereignty, cybercrime, computer crimes, information and telecommunications networks, Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

For citation: *Trofimov M. S., Piskovatskii D. A. Criminal law policy as a tool for ensuring the information sovereignty of the Russian Federation: doctrinal approach. Russian scientific bulletin. 2026;(11):34–42. (In Russ.).*

The research was carried out at the expense of a grant Russian Science Foundation № 25-28-01643 «Information sovereignty (sovereignty in the information sphere): Russian and foreign experience in legal regulation and support», https://rscf.ru/en/project/25-28-01643/

В отличие от классической уголовно-правовой доктрины, сфокусированной на охране конкретных общественных отношений (жизнь, собственность и т.д.), информационная доктрина оперирует категориями нематериального характера: данными, алгоритмами, трафиком и т.д., формирование этих основ происходит на стыке теории национальной безопасности, международного публичного права и науки уголовного права.

Концептуальный уровень доктрины уголовно-правовой политики в информационной сфере базируется на переосмыслении классического понятия государственного суверенитета применительно к цифровой реальности. Если традиционный Вестфальский суверенитет защищал территорию, население и аппарат управления от внешнего военного или дипломатического вмешательства, то информационный суверенитет защищает цифровую проекцию государства. [10, с.18] На этом уровне уголовное право выступает не просто как карательный инструмент, а как средство разграничения границ национального цифрового пространства.

В классической теории права граница – это линия на карте, государственная граница выступает особым объектом, требующим специального правового режима, который включает правила пересечения границы, режим приграничных территорий и порядок их использования, так это понятие раскрывает Р.М. Самигуллин, но в информационную эпоху концептуально признается существование «невидимой границы» проходящая через цифровые просторы. [12, с.98] Например, точки обмена трафиком и сервера DNS (доменная система имен) рассматриваются как стратегические объекты, контроль над которыми эквивалентен контролю над таможенными переходами, уголовная политика направлена на защиту этих узлов от перехвата управления извне, отсюда был принят Федеральный закон № 90-ФЗ от 1 мая 2019 г., который в народе получил название «Закон о суверенном интернете [16].

Концепция подразумевает создание автономного контура управления сетями связи внутри страны. С точки зрения уголовного права, любое

несанкционированное вмешательство в работу точек обмена трафиком или систем централизованного мониторинга посягает не только на инфраструктуру связи, но непосредственно на государственный суверенитет, что может быть квалифицированно как совершение диверсии (ст. 281 Уголовного Кодекса РФ [17]).

Проблема концептуального уровня доктрины уголовно-правовой политики заключается в ограниченной досягаемости национального уголовного закона. Суверенитет абсолютен внутри страны, но виртуальное пространство трансграничное по своей природе. Решение может быть разное, например, привлечение к уголовной ответственности своих граждан (и постоянно проживающих в РФ лиц) за деяния, совершенные за рубежом, если они направлены против интересов РФ.

Реализация уголовно-правовой политики в информационной сфере сталкивается с рядом фундаментальных барьеров технико-юридического характера [5].

Так, проблема оценки размера ущерба в Интернете является одной из самых острых и дискуссионных в современной российской уголовно-правовой доктрине. Традиционный инструментарий материального права, оперирующий понятиями «стоимость имущества», «реальный ущерб» и «упущенная выгода» сталкивается с объектами, которые не имеют физической формы или рыночной цены – данными, доступностью сервисов и конфиденциальностью. В отличие от кражи автомобиля, где цена определяется рынком, стоимость базы персональных данных или иных цифровых данных субъективна.

Проблема отсутствия рыночного эквивалента данных, это фундаментальный кризис квалификации преступлений в Интернете, возникающий при попытке применить классические нормы уголовного права к нематериальным активам. Для квалификации преступления по признаку «крупный ущерб» (примечание к ст. 272 УК РФ – сумма свыше 1 млн. руб.) правоприменитель вынужден конвертирование мегабайты в информации в рубли. Поскольку судья не понимает природы цифрового актива, он полностью делегирует оценку эксперту. Эксперт сам выбирает методику (строки кода, затраченные часы, сметная стоимость сервера). Оспорить такие выводы адвокату практически невозможно без привлечения еще более дорогостоящего специалиста, которого суд часто отказывается приобщать. Суть проблемы в том, что у данных часто нет универсального, объективно измеримого рыночного эквивалента – той самой цены, которая сложилась бы на открытом рынке в условиях конкуренции. А без такого эквивалента сложно решать ряд практических задач, а именно оценивать ущерб в судебных спорах [8].

Анализ судебной практики показывает, что проблема отсутствия рыночного эквивалента данных является одной из самых сложных для правоприменителя. Метод затраты на восстановление является наиболее распространенным способом преодоления порога крупного ущерба (свыше 1 млн. рублей по примечанию к ст. 272 УК РФ), суды принимают расчеты, основанные не на стоимости самой информации, а на стоимости услуг по ее возвращению или защиты.

Для устранения доктринального и правоприменительного тупика, связанного с отсутствием рыночной цены данных, необходимы конкретные точечные изменения в законодательство. Например, уйти от зависимости «миллион рублей за данные» к формализованной оценке вреда, дополнить ст. 272 УК РФ примечанием 3 следующим положением: «При отсутствии рыночного эквивалента компьютерной информации или невозможности установить точный материальный ущерб, под «крупным ущербом» понимается сумма затрат на восстановление целостности и доступности информационной системы, подтвержденная финансово-экономической экспертизой, но не менее одного миллиона рублей. При этом затраты на оплату труда штатных сотрудников по устранению последствий инцидента включаются в расчет только при наличии приказа о привлечении к сверхурочной работе». Этот механизм превратил бы оценку ущерба из произвольного акта воли правоприменителя в строгую процедуру проверки документально подтвержденных документов.

Нельзя обойти вниманием и нормативно-идеологический уровень формирования уголовной политики. Он представляет собой механизм перевода абстрактных политических установок и доктринальных концепций на язык конкретных юридических запретов, это стадия, где государственная воля обретает форму диспозиций и санкций статей Уголовного кодекса РФ. В контексте обеспечения информационного суверенитета этот процесс характеризуется высокой скоростью реагирования, законодатель часто использует уголовный закон как инструмент «быстрого решения» для купирования внезапно возникающих угроз. [4, с.37] В основе формирования уголовно-правовой политики России в информационной сфере лежит иерархическая система нормативно-правовых актов стратегического планирования и фундаментальных политико-правовых идей, эти документы формируют в целом ratio legis (цель закона), которым руководствуется сегодня законодатель при криминализации деяний.

Важнейшим правовым актом определяющий вектор развития всей правовой системы России сегодня является Стратегия национальной

безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.20201 г. № 400 [18]. Стратегия определяет недопустимость вмешательства во внутренние дела РФ, идея защиты государственного суверенитета трансформируется в уголовное преследование за сотрудничество с нежелательными организациями – ст. 284.1 и дискредитация использования ВС РФ – ст. 280.3 УК РФ, сеть же интернет рассматривается как основной канал такого вмешательства. Стратегия ставит задачу достижения технологического суверенитета, это также выливается в уголовную политику, а именно к выделению критической информационной инфраструктуры в особый объект охраны – ст. 274.1 УК РФ.

Стратегическая цель государственной информационной политики состоит в поступательной трансформации страны в демократическое информационное общество и ее эффективной интеграции в глобальное информационное пространство. [14, с.40] Доктрина информационной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646, является дорожной картой для законодателя. Если Стратегия национальной безопасности говорит об идеях, то Доктрина перечисляет конкретные угрозы, которые должны быть нейтрализованы уголовным правом [19]. Так, например, угроза деструктивного информационно-психологического воздействия трансформировалась в появление составов о фейках (ст. 207.1–207.3 УК РФ), а идея заключается в том, что ложная информация сама по себе является оружием массового поражения, подрывающим общественную безопасность.

Угроза монополизации рынка ИТ-услуг иностранными государствами привела к доктрине локализации данных. И хотя само нарушение закона «О персональных данных» чаще влечет административную ответственность, систематическое неисполнение требований или утечки баз данных могут становиться основанием для уголовных дел по ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ) или ст. 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни) [20]. Технико-юридический уровень доктрины отражает то, как законодатель формирует нормы закона и определяет объект преступления – те общественные отношения, ценности и блага, которые охраняются уголовным законом и на которые посягает преступник. [1, с.10] Глава 28 УК РФ (ст. 272–274) изначально рассматривалась как дополнение к главе о защите собственности. Неправомерный доступ квалифицировался по аналогии с кражей или уничтожением имущества. Объектом преступления являлось право собственности владельца сервера или ЭВМ, а также нормальная работа конкретных аппаратно-программных комплексов. Данная концепция не позволяла адекватно оценить вред от взлома государственного реестра, если при этом не было похищено имущество физических лиц. Преступник, который просто смотрел данные или временно блокировал работу сайта без вымогательства денег, часто оставался вне зоны действия жестких санкций [15].

С развитием социальных сетей, облачных технологий и появлением Интернета у всех граждан, фокус сместился. Компьютер перестал быть самоцелью, он стал средой передачи данных. Уголовная политика начала защищать информацию как таковую, независимо от носителя. Появление составов-трансформеров, это введение ответственности за клевету в сети (ст. 128.1 УК РФ), нарушение тайны переписки (ст. 138 УК РФ) именно с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [21]. Объектом преступления выступает уже конфиденциальность, целостность и доступность информации. Охраняемыми стали режимы секретности - государственная тайна, коммерческая тайна, персональные данные. Эти концептуальные решения превратили интернет из места совершения преступления в способ, повышающий общественную опасность любого деяния (от мошенничества до сбыта наркотиков).

Современный этап развития уголовно-правовой политики характеризуется радикальным расширением объекта охраны, информация больше не рассматривается как пассивный ресурс, она стала оружием, а инфраструктура ее передачи – элементом национальной обороны. Изменения понимания объекта неизбежно повлекло за собой изменение юридической техники. Почти все современные цифровые составы являются бланкетными (отсылающими к другим законам). Чтобы понять суть преступления по ст. 274.1 УК РФ, необходимо изучить Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [22], это делает уголовное право «зависимым» от технического регулирования.

Эволюция объекта преступления на технико-юридическом уровне – это постоянный диалог права и технологий, право не может игнорировать новые реалии, но и не может технически переносить технические термины в юриспруденцию, отсюда вытекает задача – найти баланс, адекватно отразить суть новых угроз, четко определить объект охраны и при этом сохранить юридическую определенность норм, чтоб правоприменитель мог конкретно квалифицировать деяние. [3, с.255]

Системообразующие принципы современной уголовно-правовой политики в информационной сфере

На основе произведенного анализа, можно сформировать основные принципы, лежащие в

основе российской модели. Принципы формирования современной уголовно-правовой политики в цифровой сфере, это руководящие идеи, которые определяют логику законодателя при создании новых концепций и назначений наказаний за деяния, совершенные с использованием информационно-телекомукационных технология, как говорилось ранее, в отличие от классической уголовной политики, ориентированной на физический мир, информационная политика вынуждена учитывать специфику среды регулирования, это анонимность, трансграничность, скорость распространения информации и сложность доказывания. Принципы выстроены по степени убывания их концептуальной значимости для государства. Вышестоящий принцип определяет границы применения нижестоящего. Они работают в связке, образуя замкнутый цикл обеспечения суверенитета.

Принцип приоритета защиты публичного интереса над частным является стратегическим фундаментом современной российской уголовно-правовой-политики, он означает, что посягательство на цифровые активы государства квалифицируется как более опасное деяние, нежели аналогичное по материальному ущербу посягательство на имущество частного лица. Он стоит во главе угла, так как обосновывает саму необходимость вмешательства уголовного в цифровую среду ради целей, выходящий за рамки охраны жизни отдельного человека Доктринальное содержание принципа трактует, что традиционно уголовное право строилось вокруг защиты блага, имеющего физическую или экономическую форму, в цифровую эпоху акценты сместились, публичный интерес теперь защищается через охрану трех ключевых сущностей:

устойчивость процессов государственного управления, где информация рассматривается не как товар, а как инструмент власти;

общественная безопасность (когнитивный уровень), защита ментального состояния населения от пропаганды;

технологический суверенитет, независимость критических систем от иностранных решений. [13, с.152]

Принцип технологического реализма, это прагматичный подход к формированию уголовной политики, под которым государство признает объективные ограничения своих возможностей по прямому контролю над интернетом в целом. Признание государством своей технологической уязвимости перед децентрализованными сетями. Технологический реализм исходит из того, что анонимность интернета, использование VPN, прокси серверов носит трансграничный характер, что делает невозможным задержание каждого хакера или автора деструктивного поста традиционными методами. Суть принципа заключается в смещении вектора репрессии с конечного пользователя на инфраструктуру и посредников, которые обеспечивают его присутствие в сети. Если государство не может заблокировать поток зашифрованного трафика через определенный протокол, оно вводит уголовную ответственность за финансирование разработки таких инструментов или за оказание услуг по обеспечению анонимности преступникам. [2, с.277] Этот принцип позволяет государству защищать национальный сегмент сети, не обладая монополией на все мировые технологии.

Альтернативной принципу технологического реализма выступает принцип нейтральности и правовой определенности. Как подчеркивает Крыжан В.А., суть данного принципа заключается в том, что государство признает свою техническую слабость перед информационными угрозами и теперь закон должен регулировать суть отношений, например саму сделку, а не форму или инструмент с помощью которого это делается. [6, с.82] Реализуя данный принцип, государство вместо блокировки ресурсов выходит к развитию института гражданско-правовой ответственности пользователей. Если пользователь совершает преступление, государство должно использовать сложные технико-следственные действия для его идентификации, а не требовать выдачи ключей шифрования. Согласно принципу, технологии должны развивать свободно, а право догонять их точечно, квалифицируя уже совершенные деяния, а не пытаясь предугадать технические пути обхода.

Принцип криминализации намерения - самый радикальный принцип. Представляет собой отказ от классического постулата уголовного права – нет наказания без совершения деяния. Но в условиях информационного суверенитета государство исходит из того, что цифровые угрозы развиваются слишком быстро, а их последствия могут быть необратимыми, поэтому закон должен наказывать не только за наступивший вред, но и за само создание условий для этого вреда или наличие умысла на его причинение. [11, с.34] Реализация данного принципа наиболее ярко выражена в статьях, где отсутствие реального материального ущерба не является препятствием для возбуждения уголовного дела. Например, криминализация создания инструментов, согласно ст. 273 УК РФ преступлением признается сам факт написания кода вируса, трояна или программы для подбора паролей. Правоприменителю не надо доказывать, что программа была кем-то запущена, украдены ли средства или уничтожены данные, ответственность уже предусматривается

при создании. Логика законодателя здесь понятна, поскольку скорость распространения софта мгновенна, ждать наступление последствий нельзя. Само существование такого инструмента в сети уже представляет общественную опасность. В силу ч. 2 ст. 30 УК РФ, уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжким и особо тяжким преступлениям. В информационной среде круг таких деяний расширяется, поиск наемных хакеров для атаки на государственные реестры или приготовление оборудования для шпионской деятельности квалифицируется как приготовление задолго до момента самого удара по инфраструктуре. Принцип криминализации позволяет государству действовать на опережение, здесь уголовное законодательство берет на себя роль иммунной системы, она пытается индентифицировать вирус или опасный код на стадии создания. Однако обратной стороной такой эффективности является неизбежное привлечение к ответственности за несовершенные деяния.

Принцип универсализации цифрового пространства, как обстоятельства опасности, является доктринальным положением, согласно которому информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» рассматривается не просто как техническое средство связи или место совершения преступления, а как фактор, имманентно повышающий общественную опасность любого деяния. В рамках этого принципа использование сети Интернет признается законодателем качественным признаком, который переводит деяние на более высокий уровень тяжести, это проявляется через два основных механизма: закрепление интернета в качестве квалифицирующего признака и признание его обстоятельством, отягчающим наказание. [2, с.278]

Принцип альтернативный принципу универсальности интернета выдвинули В.Н. Перекрестов и А.А. Дехер. По их мнению, интернет – это лишь среда коммуникации, такая же, как бумага или улица. [9, с.65] Признание его обстоятельством, отягчающим наказание, по мнению авторов необоснованно, так как охват аудитории может быть меньше, чем предполагалось. Реализуется данный принцип через отказ от автоматического учета использования сети как отягчающего признака, переход к оценке реального масштаба последствий. Если ложная новость осталась внутри закрытого чата на 5 человек, она не представляет общественной опасности, даже если формально распространена через интернет. Квалификация должна зависеть от психологического воздействия на конкретную группу лиц, а не от факта прохождения пакета данных.

Принцип экстерриториальности национальной юрисдикции в контексте защиты информационного суверенитета, подразумевает, что государство сохраняет уголовно-правовой контроль над своими гражданами и постоянно проживающим на его территории иными лицами независимо от того, где физически они находятся в момент совершения деяния. Классическое уголовное право базируется на территориальном принципе, где закон действует там, где находится территория государства, однако информация не имеет физических границ. Пост в социальной сети, написанный пользователем, сидящим в кафе, например в Стамбуле, мгновенно отображается на смартфонах пользователей внутри России и влияет на общественное мнение так же, как если бы он был написан в соседнем подъезде.

Реализация этого принципа опирается на положения статьи 12 УК РФ, граждане РФ, совершившие преступление вне пределов России, подлежат уголовной ответственности, если совершенное ими деяние признано преступлением в государстве, на территории которого оно было совершено, и если они не были за его осуждены в иностранном государстве. [7, с.365]

Иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в РФ, также могут быть привлечены к ответственности, если преступление направлено против интересов Российской Федерации либо гражданина РФ. Принцип экстерриториальности превратил информационное пространство в единое поле боя, где нет нейтральных территорий. Для российской уголовной политики физическая граница перестала быть препятствием. Любое высказывание или действие в сети оценивается исключительно по критерию потенциального вреда интересам государства, а паспорт гражданина РФ рассматривается как постоянная юридическая связь, исключающая возможность ухода от ответственности путем смены географической локации.

Заключение

Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере обеспечения информационного суверенитета прошла качественную трансформацию. Она эволюционировала от фрагментарного регулирования компьютерных преступлений конца XX в. до формирования целостной стратегической доктрины защиты национального цифрового контура.

Современная уголовная политика представляет собой не просто совокупность запретов, а сложный инструмент геополитического и государственного управления, где уголовное право выступает финальным аргументом государства в борьбе за контроль над своим информационным пространством. В технико-юридическом аспекте это привело к фундаментальному сдвигу объекта охраны: от защиты стоимости компьютера и про-

граммного обеспечения законодатель перешел к защите информационных процессов и самой способности государства функционировать в условиях гибридных угроз. Принципы формирования современной уголовной политики — технологический реализм, приоритет публичного интереса над частным, проактивность и экстерриториальность — свидетельствуют о том, что государство осознало асимметрию цифровых вызовов. Поскольку техническое подавление внешних посягательств невозможно на сто процентов, репрессивный аппарат концентрируется на контроле инфраструктуры внутри страны и привлечении к ответственности внутренних субъектов, создающих условия для реализации угроз.

Очевидна объективная необходимость пересмотра категориального аппарата уголовного права применительно к цифровым объектам посягательства. Классическая триада «предмет – объект – вред» утрачивает свою объяснительную силу в условиях, когда информация не обладает физической формой и рыночной ценой. Для преодоления правоприменительного кризиса требуется переход от стоимостной модели оценки ущерба к функционально-восстановительной, где ключевым критерием становится не размер материальных потерь, а степень нарушения устойчивости государственных информационных систем и социально значимых сервисов. Такой подход позволит согласовать уголовно-правовую охрану с реальной природой цифровых угроз и устранить произвол в квалификации.

Принцип экстерриториальности, активно внедряемый в правоприменительную практику, вступает в объективное противоречие с фундаментальным принципом законности и территориальной определенности юрисдикции. В условиях отсутствия международных согласованных механизмов привлечения к ответственности иностранных субъектов за информационные посягательства российское уголовное законодательство вынуждено компенсировать этот пробел через расширение оснований для заочного осуждения и использования института «гражданской ипотеки» (например, требования локализации данных). Однако такая стратегия, будучи политически оправданной в текущей геополитической обстановке, создает риски необоснованного расширения судейского усмотрения и подрыва принципа правовой определенности. Дальнейшая эволюция уголовной политики должна быть направлена на выработку внутренних критериев пропорциональности и соразмерности репрессии, а также на поиск форм международного сотрудничества, пусть и ограниченного, для предотвращения цифрового вакуума правовой ответственности.

Совокупность обозначенных выводов позволяет утверждать, что российская уголовно-правовая политика обеспечения информационного суверенитета находится на этапе активного доктринального оформления, и ее эффективность в долгосрочной перспективе будет определяться способностью законодателя и правоприменителя гармонизировать императивы безопасности с фундаментальными правовыми принципами, сохраняя при этом адаптивность к стремительно меняющейся технологической среде.

Список литературы:

[1] Баранова М.В., Купцова О.Б. Технико-юридическая культура как базовая основа эффективного функционирования системы властных и невластных начал современного российского права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 3 (55). – С. 8–16. – DOI: 10.36511/2078-5356-2021-3-8-16..

[2] Голубенко Н.Р. Перспективы развития уголовного права в контексте цифровых технологий // Молодой ученый. – 2025. – № 49 (600). – С. 277–279. – URL: https://moluch.ru/archive/600/130926 (дата обращения: 04.07.2026).

[3] Долгиева М.М. Цифровой объект преступления // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 483. – С. 253–260. – DOI: 10.17223/15617793/483/27..

[4] Егоров А.В. Правовая идеология и трансформация современных правовых систем // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2025. – № 2. – С. 35–49. – DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-66-2-2..

[5] Коптева Н.П. Регулирование индустрии больших данных: применим ли опыт Китая для России // Молодой ученый. – 2022. – № 47.1 (442.1). – С. 45–47. – URL: https://moluch.ru/archive/442/96758 (дата обращения: 14.07.2026).

[6] Крыжан В.А. О содержании принципа правовой определенности // Пермский юридический альманах. – 2018. – № 1. – С. 81–88.

[7] Кузнецов В.В. Принцип гражданства как экстерриториальный принцип действия уголовного кодекса РФ в пространстве // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 36. – С. 364–375.

[8] Матвеев И.В. Взаимовлияние цифровых технологий и уголовного права // Закон и право. – 2024. – № 7. – С. 179–182. – DOI: 10.24412/2073-3313-2024-7-179-182..

[9] Перекрестов В.Н., Дехерт А.А. Использование сети Интернет как обстоятельство, отягчающее наказание: цивилизационная трансформация или предрассудки прошлого? // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 63–69. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.1.9..

[10] Петрова Г.В. Государственный суверене-

нитет и его охрана как международно-правовая ценность в повышении эффективности сотрудничества и коллективной безопасности стран СНГ // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2016. – № 2 (7). – С. 14–23.

[11] Русскевич Е.А. О криминализации обеспечения функционирования цифровой инфраструктуры киберпреступности // Научные исследования преступления и наказания. – 2026. – № 2 (6). – С. 32–39.

[12] Самигуллин Р.М. Конституционно-правовой режим государственной границы // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 11 (239). – С. 95–97. – DOI: 10.47643/1815-1329_2024_11_95..

[13] Тарасов А.А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1 (79). – С. 152–163. – DOI: 10.33184/pravgos-2025.1.17..

[14] Трофимов М.С., Проводина О.А., Пископатский Д.А. Государственная политика Российской Федерации в сфере информации и информатизации: нормативно-правовой подход // Российский научный вестник. – 2025. – № 12. – С. 34–43. – DOI: 10.24412/2782-3830-2025-12-34-43..

[15] Чурилов А.Ю. Принципы общего Регламента Европейского союза о защите персональных данных (GDPR): проблемы и перспективы имплементации // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – № 1. – С. 29–35. – DOI: 10.19073/2306-1340-2019-16-1-29-35..

[16] Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 01.05.2019 № 90-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/ (дата обращения: 07.07.2026).

[17] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 10.06.2026, с изм. от 29.06.2026) // СПС «КонсультантПлюс» / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 07.07.2026).

[18] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс» / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 11.07.2026).

[19] Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс» / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (дата обращения 11.07.2026).

[20] Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 09.07.2026).

[21] Федеральный закон "О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации" от 30.12.2020 № 538-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372713/ (дата обращения: 10.07.2026).

[22] Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (29.08.2026).

References:

[1] Baranova M.V., Kuptsova O.B. Technical and legal culture as the basic basis for the effective functioning of the system of power and non-power principles of modern Russian law // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 3 (55). - S. 8-16. – DOI: 10.36511/2078-5356-2021-3-8-16..

[2] Golubenko N.R. Prospects for the development of criminal law in the context of digital technologies // Young scientist. – 2025. – № 49 (600). - S. 277-279. - URL: https://moluch.ru/archive/600/130926 (access date: 04.07.2026).

[3] Dolgieva M.M. Digital object of crime // Bulletin of Tomsk State University. – 2022. – № 483. - S. 253-260. – DOI: 10.17223/15617793/483/27..

[4] Egorov A.V. Legal ideology and transformation of modern legal systems // Bulletin of Moscow University. Series 11. Right. – 2025. – № 2. - S. 35-49. – DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-66-2-2..

[5] Kopteva N.P. Regulation of the big data industry: is China's experience applicable to Russia // Young scientist. – 2022. – № 47.1 (442.1). - S. 45-47. - URL: https://moluch.ru/archive/442/96758 (access date: 14.07.2026).

[6] Kryzhan V.A. On the content of the principle of legal certainty // Perm Legal Almanac. – 2018. – № 1. - S. 81-88.

[7] Kuznetsov V.V. The principle of citizenship as an extraterritorial principle of the criminal code of the Russian Federation in space // Issues of Russian justice. – 2025. – № 36. - S. 364-375.

[8] Matveev I.V. Mutual influence of digital technologies and criminal law // Law and law. – 2024. – № 7. - S. 179-182. – DOI: 10.24412/2073-3313-2024-7-179-182..

[9] Crossroads VN, Dehert A.A. Use of the Internet as a circumstance aggravating punishment: civilizational transformation or prejudices of the past? // Legal Concept = Legal paradigm. – 2023. - T. 22, NO. 1. - S. 63-69. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.1.9..

[10] Petrova G.V. State sovereignty and its protection as an international legal value in increasing the effectiveness of cooperation and collective security of the CIS countries // International cooperation of Eurasian states: politics, economy, law. – 2016. – № 2 (7). - S. 14-23.

[11] Russkevich E.A. On the criminalization of ensuring the functioning of the digital infrastructure of cybercrime // Scientific research of crime and punishment. – 2026. – № 2 (6). - S. 32-39.

[12] Samigullin R.M. Constitutional and legal regime of the state border // Agrarian and land law. – 2024. – № 11 (239). - S. 95-97. – DOI: 10.47643/1815-1329_2024_11_95..

[13] Tarasov A.A. On the relativity of the boundaries of public and private interests in criminal proceedings // Rule of law: theory and practice. – 2025. – № 1 (79). - S. 152-163. – DOI: 10.33184/pravgos-2025.1.17..

[14] Trofimov M.S., Provodina O.A., Piskovatsky D.A. State policy of the Russian Federation in the field of information and informatization: regulatory approach // Russian Scientific Bulletin. – 2025. – № 12. - S. 34-43. – DOI: 10.24412/2782-3830-2025-12-34-43..

[15] Churilov A.Yu. Principles of the General Regulation of the European Union on the Protection of Personal Data (GDPR): Problems and Prospects of Implementation // Siberian Legal Review. – 2019. – № 1. - S. 29-35. – DOI: 10.19073/2306-1340-2019-16-1-29-35..

[16] Federal Law "On Amendments to the Federal Law "On Communications" and the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" dated 01.05.2019 No. 90-FZ (latest edition) // SPS "ConsultantPlus" / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/ (date of reference: 07.07.2026).

[17] Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 10.06.2026, as amended on 29.06.2026) // SPS ConsultantPlus / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed on: 07.07.2026).

[18] Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (date of appeal 11.07.2026).

[19] Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 No. 646 "On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus" / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (date of request 11.07.2026).

[20] Federal Law "On Personal Data" dated 27.07.2006 No. 152-FZ (latest edition) // SPS ConsultantPlus URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (date of reference: 09.07.2026).

[21] Federal Law "On Amending Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation" dated 30.12.2020 No. 538-FZ (latest edition) // SPS "ConsultantPlus / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372713/ (date of reference: 10.07.2026).

[22] Federal Law "On Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" dated 26.07.2017 No. 187-FZ // SPS "ConsultantPlus / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (29.08.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-43-52

ЩЕРБАКОВ Андрей Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры организации режима, Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: andrey-sherbakov-1973@yandex.ru

БОГДАНОВ Максим Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры организации режима, Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mbogdanov75@mail.ru

РЫЖЕНКОВ Игорь Игоревич,
преподаватель кафедры организации режима, Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: igoryan-ryzhenkov88@mail.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В настоящей статье проведено исследование различных научных точек зрения по вопросам обеспечения безопасности пенитенциарной системы в зарубежных странах. Автором изучен опыт таких стран, как: Республика Беларусь, США, Норвегия, Новая Зеландия, Австралия, Испания, Португалия, Финляндия, Великобритания, который позволил сравнить отечественную пенитенциарную систему с зарубежной, выявить проблемы в ее функционировании, предложить пути их решения, а также выделить практический интерес для современной уголовно-исполнительной системы России.*

Результаты. Полученные выводы могут быть использованы в нормотворческой и правоприменительной практике по вопросам обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Научная статья будет интересна для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов и слушателей ведомственных образовательных организаций ФСИН России, а также для сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: *пенитенциарные учреждения зарубежных стран, уголовно-исполнительная система, персонал, осужденные.*

Для цитирования: *Щербаков А. В., Богданов М. Н., Рыженков И. И. Зарубежный опыт обеспечения безопасности пенитенциарной системы и возможность его применения в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 43–52.*

SHCHERBAKOV Andrey Vasilievich,
Candidate of Law, Associate Professor Head of the Department of Organizational Regime, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

BOGDANOV Maxim Nikolaevich,
Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Organizational Regime, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

RYZHENKOV Igor Igorevich,
lecturer at the Department of Organizational Regime, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

FOREIGN EXPERIENCE IN ENSURING THE SECURITY OF THE PENITENTIARY SYSTEM AND THE POSSIBILITY OF APPLYING IT IN THE CRIMINAL AND EXECUTIVE SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article presents a study of various scientific points of view on the issues of ensuring the security of the penitentiary system in foreign countries. The author has studied the experience of countries such as the Republic of Belarus, the United States, Norway, New Zealand, Australia, Spain, Portugal, Finland, and the United Kingdom, which allowed him to compare the domestic penitentiary system with foreign systems, identify problems in its functioning, propose solutions, and highlight practical aspects for the modern Russian penal system.*

Results. The findings can be used in the rule-making and law enforcement practice on issues of ensuring the security of the penal system of the Russian Federation. The scientific article will be of interest to the teaching staff, adjuncts, cadets and students of departmental educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia, as well as for law enforcement officers.

Key words: *penitentiaries in foreign countries, penal system, personnel, convicts.*

For citation: *Shcherbakov A. V., Bogdanov M. N., Ryzhenkov I. I. Foreign experience in ensuring the security of the penitentiary system and the possibility of applying it in the criminal and executive system of the Russian Federation. Russian scientific bulletin. 2026;(11):43–52. (In Russ.).*

В отечественной правовой науке важное внимание отводится сравнительно-правовому методу исследования, ориентированному на сопоставление различных правовых систем, социоправовых категорий и явлений [24, с. 478-484].

Практическая значимость данного метода очевидна и состоит в возможности восприятия позитивного зарубежного опыта в ходе реформирования Российской уголовно-исполнительной системы, с учётом обозначенного приоритета обеспечения её безопасности [5, с. 10-14]. При этом постановочно, с опорой на основополагающие нормативно-правовые положения и доктринальные разработки, следует обозначить отправные посылы к пониманию основ такого рода восприятия, применительно к теме настоящего исследования.

Во-первых, речь не идёт о «слепом» копировании зарубежных моделей организации и функционирования пенитенциарных систем и обеспечения пенитенциарной безопасности.

Параметры восприятия зарубежного опыта должны быть увязаны с положениями Конституции РФ, типом национальной правовой системы, концептуальными положениями развития уголовно-исполнительной системы России и потребностями обеспечения её безопасности [2, с. 46].

Во-вторых, определение параметров восприятия прогрессивного международного и зарубежного опыта в пенитенциарной сфере предполагает трезвую оценку, как возможности государства, так и уровня и реального состояния криминально-криминогенных, а также и иных угроз национальной безопасности (включая безопасность уголовно-исполнительной системы (в этой связи, к примеру, весьма селективно нужно подходить к изучению возможностей использования в Российской уголовно-исполнительной системе пенитенциарного опыта Норвегии (страны с самым высоким уровнем комфорта жизни, где сутки содержания одного заключенного обходится примерно в 200 евро, и, кроме того, имеющей относительно низкий уровень преступности) [25, с. 393-396]).

Современные исследователи отмечают значимость для оптимизации реформирования уголовно-исполнительной системы РФ конструктивного изучения деятельности пенитенциарных учреждений ведущих иностранных государств [26, с. 342-349], в том числе, следующих вопросов:

внесение корректив в порядок отбывания наказаний, касающихся структуры построения самих исправительных учреждений, объединяющих в себе различные условия содержания осужденных и в условиях строгой изоляции (в помещениях камерного типа), обеспечение максимальной безопасности объекта при минимальных затратах на средства охраны;

способы и методы диагностики личности осужденных с перспективой определения для конкретного индивида порядка исполнения и отбывания наказаний не судом, а администрацией учреждения;

критерии дифференциации осужденных при их первичной и последующих классификациях;

целостная централизованная система учетов лиц, отбывающих наказание, с правом доступа администрации учреждений в целях оптимизации порядка отбывания наказаний;

поиск инновационных решений на постоянной основе путем проведения независимых исследований, предоставление грантов с целью выработки эффективных инструментов противодействия пенитенциарной преступности;

постоянное совершенствование форм и методов общественного и государственного контроля реализации уголовного правосудия и обеспечения безопасности общества и государства [3, с. 28-32].

В целом разделяя приведённую точку зрения, автор также полагает возможным, в развитие обосновываемой в предыдущем параграфе настоящей главы исследования позиции, обозначить два узловых направления обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы:

безопасность пенитенциарных учреждений;

безопасность общества в связи с пенитенциарной деятельностью.

Следует иметь в виду, что данные направления органично взаимосвязаны, принимая во внимание, комплексный характер профилактических, контрольных и иных мер обеспечения пенитенциарной безопасности, корреляцию работы пенитенциарных учреждений с социально значимыми процессами ресоциализации и адаптации осуждённых и отбывших в них наказание лиц. В свою очередь, в рамках этих узловых направлений можно выделить более узкие, объединяющие организационно-правовые и иные меры.

Следует отметить, что обозначенные ранее проблемы пенитенциарных учреждений являются общими для подавляющего большинства стран и им уделяется серьёзное внимание, в том числе, на доктринальном уровне [4, с. 46-50].

В свою очередь, научные разработки учитываются в ходе формирования и реализации уголовно-исполнительной политики и социальной политики в целом.

Несмотря на широкий характер гуманизации уголовно-исполнительной сферы, введение и динамичное развитие института пробации, расширение практики применения и исполнения, альтернативных лишению свободы наказаний, и в целом, отмечая устойчивую современную тенденцию экономии уголовной репрессии, следует признать, что удельный вес указанного вида уголовно-правового воздействия остаётся весьма значительным. Соответственно, сохраняет актуальность вопрос надлежащего исполнения наказаний, связанных с изоляцией осуждённого от общества, с учетом выполнения функций и задач пенитенциарными учреждениями и обеспечения их безопасности.

Изучение специальной литературы [9, с. 19-22], посвящённой анализу зарубежного опыта исполнения уголовных наказаний в закрытых пенитенциарных учреждениях, позволяет вести речь о разнообразии подходов различных стран, при одновременном соблюдении некоторых общих положений, касающихся дифференциации исправительных учреждений и контингента осуждённых, отбывающих наказание.

Так, например, в Новой Зеландии, занимающей по количеству заключённых в международном рейтинге третье место (по некоторым данным, на 100 тысяч жителей приходится 126 осуждённых, отбывающих наказание в виде лишения свободы) [10, с. 146], за тяжкие и особо тяжкие преступления заключённые попадают в отделение строгого режима, где, в свою очередь, существует чёткое разделение осуждённых на категории (например, сексуальные извращенцы, гомосексуалисты содержатся в отдельных камерах); прогулки (продолжительностью не более часа) допустимы лишь в коридоре. Наряду с полностью закрытыми исправительными учреждениями в данной стране существуют тюрьмы открытого типа (аналоги российских колоний-поселений), куда переводятся осуждённые за примерное поведение. В контексте рассматриваемого вопроса следует также обратить внимание на то, что в пенитенциарных учреждениях Новой Зеландии в качестве средства исправления активно используется трудотерапия (в рамках работы на расположенных в исправительных учреждениях предприятиях, в среднем осуждённые получают от 6 до 9 новозеландских долларов, что эквивалентно 3-5 евро в день); начиная с 2011 г. в местах лишения свободы по решению администрации были изъяты видеоигры (по мнению сотрудников, они могли провоцировать в их подопечных жестокость).

В Австралии основная тенденция в организации исполнения наказания (в отношении тяжких и особо тяжких преступлений) может быть выражена тезисом: преступник должен осознать содеянное через полную изоляцию от общества. В этой связи:

устройство тюрьмы представляет собой сеть камерных блоков, которые расходятся от одного общего центра (при этом к каждому блоку примыкает дворик для прогулок, в свою очередь разбитый на изолированные участки по количеству одиночных камер);

вновь прибывший осуждённый проводится в камеру с закрытыми глазами, таким образом, чтобы он не видел никого из заключённых и не мог

разобраться в планировке здания;

сотрудникам предписывается соблюдение абсолютной тишины, категорически запрещается вступать в разговоры с заключенными.

В целом, здесь, очевидно, прослеживаются традиции, так называемой Пенсильванской системы наказания (в своё время получила признание в США, Англии и некоторых других странах) [1, с. 46-48], оценка, которой в специальной литературе далеко не однозначна [15, с. 62], при этом нужно признать, что, во-первых, данная система оказала существенное влияние на развитие одиночного тюремного заключения, и, во-вторых, в целом выполнила задачу специальной превенции новых преступлений [17, с. 447] (а, следовательно, в определённой части, она представляет интерес в плане обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы).

Справедливости ради, следует отметить, что указанный подход не является исключительным для пенитенциарной системы Австралии в целом, и сам процесс отбывания наказания последовательно проходит этапы: от одиночного заключения к переводу осуждённого в общие камеры; далее – пребывание в так называемой «переходной тюрьме» (промежуточная ступень от лишения свободы к освобождению); далее – условное освобождение (осуждённому выдаётся отпускное удостоверение, где указывается перечень ограничений, которых он должен придерживаться, находясь на свободе [10, с. 146]).

В США, которые традиционно занимают первое место в международном рейтинге по количеству заключенных, существует диверсифицированная система исправительных учреждений, при этом в современный период наблюдается процесс их приватизации (перевод в частное управление, при сохранении основных режимных требований [22, с. 25-28]). Вследствие дуалистической модели федерализма [23, с. 405] в США параллельно существуют и функционируют правовые, судебные, пенитенциарные системы федерального уровня и в рамках каждого отдельного штата, однако при этом независимо от уровня власти деятельность пенитенциарных учреждений (к ним, в свою очередь, относятся находящиеся в ведении федерального министерства юстиции и управлений исправительных учреждений штатов, тюрьмы (states and federal prisons, reformatories), исправительные учреждения - тюремные фермы и мастерские (prison farms), центры приема, диагностики и классификации заключенных (reception, diagnostics, and classification centers, correction centers), а также специальные медицинские учреждения: тюремные больницы и центры для лечения алкогольной и наркотической зависимости. Кроме того, имеются следственные тюрьмы (jails), а также исправительные учреждения (community based confinement facilities, residential facilities), предназначенные для реабилитации и ресоциализации правонарушителей, подведомственны муниципалитетам и окружным властям [9, 19-22]) основывается на строгом соблюдении закона, подчинена цели внутренней безопасности государства и обеспечению эффективного функционирования органов государственной власти и местного самоуправления. Важно отметить, что каждому пенитенциарному учреждению присвоен уровень безопасности, соответственно от 1 до 4, причем:

исправительные учреждения местного подчинения имеют уровень безопасности 1 или 2 и более половины содержащихся в них правонарушителей имеют разрешение без сопровождения на определенное время покидать охраняемую территорию для работы по найму или обучения какой-либо профессии;

тюрьмы и другие исправительные учреждения четвертого и третьего уровней безопасности находятся под юрисдикцией штатов или федерального правительства (однако и в этих пенитенциарных учреждениях также существуют подразделения с более мягким режимом, соответствующим второму уровню).

Заметим, что дифференциация осуждённых и, соответственно, вопрос определения необходимого уровня безопасности пенитенциарного учреждения проводится не только на основании приговора (так, если суд приговаривает виновного к сроку заключения до одного года, то для отбывания наказания осужденный водворяется в окружную следственную тюрьму или в одно из местных исправительных учреждений), но и во взаимосвязи с работой центров приёма, диагностики и классификации заключённых. В исправительных учреждениях действуют различные программы, ориентированные на ресоциализацию осуждённого. Кроме того, в США функционируют:

центры реституции («мягкая» альтернатива тюремному заключению; в них направляются осужденные, впервые совершившие правонарушение, трудоспособные и психически здоровые, не имеющие проблем с наркотиками и алкоголем, также по решению суда могут направляться осужденные, срок тюремного заключения которых подходит к концу; осуждённые проходят курс социализации, обязаны ходить на работу и бесплатно выполнять общественные работы, из заработанных денег оплачивают свое проживание в центре, судебные издержки и возмещают ущерб потерпевшим);

центры принудительного лечения (в них направляют нуждающихся в лечении от алкоголиз-

ма и наркомании, в центрах действуют образовательные программы и программы социализации, заключенные также проходят курс профессионального обучения, им оказывается квалифицированная помощь в трудоустройстве после освобождения);

исправительные лагеря (в них направляются впервые осуждённые на срок до пяти лет за преступления, не связанные с насилием молодые здоровые мужчины, причем, если они сами выражают такое желание; осуждённые заняты на тяжелых общественных работах, например, постройке дорог, и также обязаны пройти образовательную программу и курс профессионального обучения).

В Испании (также, как и в Португалии) предусмотрено четыре категории содержания осуждённых (закрытое, полуоткрытое, открытое (ночного пребывания) и условно-досрочное освобождение под домашним арестом), которые могут применяться путём перевода из одного исправительного учреждения в другое (так называемая прогрессивная система наказания (оценка данной системы с точки зрения восприятия её элементов в уголовно-исполнительной системе России дана в отечественной современной специальной литературе) [6, с. 176-183]).

В Финляндии также предусмотрены различные виды режима исполнения наказания, связанного с изоляцией от общества, при этом, с учетом поведения осуждённого, свидетельствующего о его исправлении, действуют правила о переводе из более строгого в менее строгий режим содержания [19, с. 30-37].

Как представляется, отдельные из приведённых положений опыта функционирования зарубежных пенитенциарных систем, и в частности:

дифференциация осуждённых на основе выводов специализированных центров (куда, очевидно, должны входить психологи, социологи, юристы и представители других направлений, связанных с изучением пенитенциарной системы и её безопасности) об уровне их опасности и принимаемое во взаимосвязи с этим решением о направлении лица (в ряде случаев также и с учетом его согласия) в соответствующее пенитенциарное учреждение (где, в свою очередь, действует соответствующая программа ресоциализации);

возможность перевода осуждённого, срок заключения которого заканчивается, в пенитенциарное учреждение с более «мягким режимом» с одновременным прохождением соответствующих программ адаптации и ресоциализации;

представляют определённый интерес для национальной уголовно-исполнительной системы, могут быть восприняты в процессе её реформирования, с учетом приоритета безопасности данной системы.

Что касается частных тюрем и иных пенитенциарных учреждений, то в массовом порядке в США они начали создаваться в 1980-е гг., а в настоящее время имеются в 27 штатах и управляются 20 частными компаниями, их вместимость составляет 4,4 процента лимита мест всех американских тюрем [22, с. 25-28]. К положительным их сторонам исследователи относят возможность обеспечить в них для заключенных более справедливые, безопасные, гуманные и конструктивные условия жизни, снижение нагрузки на государство по содержанию пенитенциарной системы, и одновременное решение вопросов с трудоустройством заключённых (при этом экономическая деятельность частных тюрем вносит реальный вклад в национальную экономику (в указанных учреждениях производится 100% военного снаряжения и обмундирования, кроме того, 98% от рынка монтажных инструментов, 36% бытовой техники, 30% наушников, микрофонов, мегафонов и 21% офисной мебели, а также авиационное и медицинское оборудование, выполняются и многие другие социально полезные виды деятельности) [9, 19-22]), улучшение взаимоотношений между осуждёнными и персоналом; с другой стороны отмечается недостаток у персонала таких учреждений опыта работы с контингентом осуждённых, кроме того, с приватизацией тюрем связывают рост числа заключенных (и, следовательно, удорожание их содержания, а также переполнение тюрем и изоляторов), злоупотребления и небывалое распространение принудительного труда в местах лишения свободы. Заметим, что модель частных пенитенциарных учреждений получает распространение в ряде зарубежных стран [16, с. 6-13]. В отечественной специальной литературе высказывается мнение о возможности постепенного восприятия зарубежного опыта в этой части в России и, на первом этапе (в рамках эксперимента) продумать и законодательно оформить проект привлечения в уголовно-исполнительную систему частных российских инвесторов к участию в строительстве, реконструкции и обслуживании следственных изоляторов, предусмотрев для них различные льготные налоговые условия.

Как представляется автору, постановка вопроса о введении модели частного пенитенциарного учреждения в уголовно-исполнительной системе России, принимая во внимание отмеченные положительные и отрицательные её стороны, а также с учётом современных условий функционирования и развития указанной системы, требует очень тщательной проработки с привлечением широкого круга авторитетных отечественных специалистов в сфере уголовно-исполнительного

права и смежных областей научных знаний, а также и практиков. В любом случае, её введение может быть, во-первых, постепенным, во-вторых, оформлено законодательно.

В контексте обеспечения безопасности пенитенциарных учреждений следует указать на важную роль технической составляющей.

Так, в Нидерландах места лишения свободы оснащены видеокамерами, которые осуществляют постоянное наблюдение за осуждёнными (заключенные практически не имеют личного пространства, не считая туалета и душевой [10, с. 146]).

В Испании (система пенитенциарных учреждений Испании включает 68 исправительных учреждений (закрытый тип), 32 центра социальной интеграции (полуоткрытого и открытого типов), 2 психиатрических центра, 3 центра матери и ребенка, а также 56 учреждений для несамостоятельных лиц.

В Каталонии 15 исправительных учреждений (пенитенциарных центров открытого и закрытого типов) и один медицинский центр) [20, с. 113-120] система безопасности пенитенциарных учреждений коррелирует с видом учреждения, при этом и в центрах социальной интеграции, в целом не являющихся закрытыми и функционирующих на основе принципа доверия к осуждённым (последние имеют возможность работать и проходить лечение за пределами данных заведений), действует эффективная система безопасности, позволяющая контролировать осужденных с помощью, в частности, электронных браслетов GPS-контроля, индикаторов содержания алкоголя в крови, персональных определителей голоса.

Наиболее совершенная система технического оснащения пенитенциарной безопасности существует в США (здесь следует обратить внимание на то, что пенитенциарные учреждения минимального уровня опасности не имеют вооруженной охраны, и заключенные в этих учреждениях находятся на полусвободном режиме (в частности, им предоставляется возможность трудиться за пределами учреждения). Однако в случае нарушения режима заключенный может быть переведен в охраняемый тюремный сектор учреждения), где соответственно:

важным средством по осуществлению оперативного контроля преступной среды является централизованный учет, который позволяет осуществлять сбор, накопление, хранение, систематизацию и выдачу оперативной информации (информационно-аналитическая автоматизированная программа мониторинга поведения лиц и преступных сообществ, при этом главными объектами учета являются заключенные, имеющие высокую криминальную активность, проявляющую себя в нарушении порядка отбывания наказания и поддержке лиц, нарушающих его, обладающие устойчивыми связями с криминально активными лицами на воле, и т.п.);

современным методом оптимизации осуществления контроля и надзора, повышения уровня обеспечения порядка и условий исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы выступает возможность применения персоналом технических и специальных средств (в том числе, новейших аудиовизуальных, электронных и иных технических достижений), в частности, для предупреждения побегов и других преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания, а также в целях получения необходимой информации о поведении осужденных (в том числе, речь идёт об успешно применяемой с 2000 г. в большинстве федеральных тюрем США радиочастотной системы непрерывного слежения и идентификации (система электронного слежения и графического позиционирования в режиме реального времени [3, с. 28-32]).

В целом, как отмечают исследователи, использование компьютерных технологий с применением цифровых систем контроля и наблюдения позволяет эффективно реализовывать задачи по осуществлению комплексного контроля территории пенитенциарного учреждения, оперативно реагировать на возникающие внештатные ситуации и, тем самым обеспечивать безопасность в пределах пенитенциарного учреждения. Очевидно, что данный аспект, вне всякого сомнения, должен учитываться и, по возможности (с учетом развития отечественной научно-технической базы и внедрения её в сферу правоохранительной деятельности) реализовываться в рамках обеспечения безопасности функционирования исправительных учреждений.

Следует также обратить внимание на особенности функционирования пенитенциарных учреждений в условиях чрезвычайных ситуаций.

Как обоснованно отмечается в специальной литературе, к числу указанных особенностей относятся: установление особого правового режима; создание временных структурных образований; создание временной системы управления и связи; использование специальных тактических приемов (включая проведение специальных операций, привлечение значительных сил и средств органов внутренних дел и внутренних войск, а также других правоохранительных структур, применение специальных средств и оружия [7, с. 28-30]). В этой связи, уместно привести и опыт стран «ближнего» зарубежья.

Так, например, в исправительных учреждениях Республики Беларусь при введении режима особого положения решением начальника учре-

ждения могут быть приостановлены свидания, прием передач, продажа продуктов питания и предметов первой необходимости, отправка писем осужденных и вручение присланных им писем, посылок, бандеролей, ограничены передвижения осужденных в пределах жилой и производственной зон, отменены или ограничены выезды или вывоз осужденных за пределы исправительного учреждения, запрещены или ограничены посещения исправительных учреждений представителями общественных объединений, религиозных конфессий и средств массовой информации, проведение массовых мероприятий культурно-просветительского и физкультурно-оздоровительного характера. В рамках данного режима производится изоляция в пределах данного учреждения либо перевод в другое учреждение осужденных, организующих или провоцирующих групповые противоправные действия, либо активных их участников. Одновременно с введением этого режима в учреждении устанавливается усиленный вариант охраны и надзора.

Заметим, что в зарубежной пенитенциарной практике применяются довольно строгие меры к заключённым, грубо нарушающим безопасность пенитенциарного учреждения.

Так, в Великобритании заключенных, участвовавших в массовых беспорядках, неповиновениях, захватах заложников и нападениях на представителей администрации в местах лишения свободы, переводят в тюрьму строгой изоляции; при совершении подобных действий в тюрьме их помещают в камеры категории безопасности "А" (при этом они лишаются личного довольствия и подвергаются наиболее строгому наблюдению: еженедельно производят обыски как их лично, так и камер, где они содержатся).

Характеризуя внешнюю сторону пенитенциарной безопасности и зарубежный опыт в этом плане, тезисно, с опорой на научные и эмпирические источники, обозначим некоторые используемые (в том числе, широко) в зарубежной практике институты и меры, отдельные из которых, как представляется, имеют перспективы адаптации к современной уголовно-исполнительной системе России.

Во-первых, за рубежом существует и динамично развивается система социального контроля за лицами, освобождёнными из исправительных учреждений (в первую очередь, рецидивоопасными [19, с. 30-37]). В этой связи, следует позитивно рассматривать пробацию (как, в том числе, форму социального контроля и надзора), создаваемые в её рамках службы и другие структуры, в свою очередь, выполняющие функцию надзора за условно-досрочно освобождёнными, а также функции ресоциализации и адаптации [11, с. 22].

Так, к примеру, в США среди лиц, состоящих на учете у органов, исполняющих наказание, более половины – находящиеся под надзором службы пробации, условно осужденные, с отсрочкой исполнения приговора условно-досрочно освобождённые [12, с. 98-99]. Следует также обратить внимание на особенности постпенитенциарного надзора в отношении отдельных категорий лиц, отбывших наказание (с учетом характера совершённого преступления).

Так, в Англии осуществляется строгий надзор за теми, кто был осуждён за преступления сексуального характера (практически на протяжении всей жизни таких лиц [18, с. 38]).

Во-вторых, в отдельных зарубежных странах предусмотрены уголовно-правовые инструменты, применяемые к лицам, совершившим особо тяжкие преступления, и отбывшим тюремное заключение. В частности, речь идёт о применяемых в рамках пенитенциарной системы Германии так называемых превентивных арестах (Sicherheitsverwahrung) к лицам, осуждённым за совершение особо тяжких преступлений насильственного характера [8, с. 136-142]. При этом нужно обратить внимание на реформирование данного института, в том числе, под влиянием решений Европейского суда по правам человека. В целом, как представляется диссертанту, данный институт вызывает вопросы, с точки зрения его легитимности.

В-третьих, наблюдается тенденция повышения роли потерпевшего от преступления при решении вопроса условно-досрочного освобождения (данная тенденция прослеживается и в России: УПК РФ в настоящее время дополнен рядом положений, предусматривающих среди прав потерпевшего и его представителя, в том числе, право участия в судебном заседании при решении вопросов, связанных с исполнением приговора). В частности, в Великобритании Служба условно-досрочного освобождения обязана консультироваться с жертвами половых и насильственных преступлений о возможности уголовно-досрочного освобождения, при этом, в случае его применения, в целях обеспечения безопасности потерпевшего, для освобождаемого могут быть установлены ограничения на места проживания, работы и передвижения [13, с. 46-48]. В США в настоящее время решение об условно-досрочном освобождении из пенитенциарных учреждений принимают специальные комиссии, которые в конфиденциальном порядке запрашивают мнение потерпевших по поводу возможности данного акта, причем потерпевший имеет право быть выслушанным в комиссии. Аналогичный порядок действует в Канаде [21, с. 345].

В специальной литературе, в том числе, с учетом анализа рекомендательных международно-правовых документов выражена позитивная оценка такой практики и сформулирована рекомендация о её восприятии в России, с учетом именно безопасности (личной, членов семьи и близких) от угроз лица, совершившего преступление [14, с. 106-111].

В результате обобщения всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы относительно зарубежного опыта обеспечения пенитенциарной безопасности и перспектив его восприятия в современной уголовно-исполнительной системе России.

Процесс восприятия зарубежного опыта должен быть увязан с положениями Конституции РФ, типом национальной правовой системы, концептуальными положениями развития уголовно-исполнительной системы России и потребностями обеспечения её безопасности, а также учитывать возможности государства.

К узловым направлениям обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы относятся органично взаимосвязанные проблемы безопасности пенитенциарных учреждений и безопасности общества в связи с пенитенциарной деятельностью.

Для современной уголовно-исполнительной системы России представляют практический интерес и выглядят в этой связи перспективными следующие аспекты зарубежного опыта:

дифференциация осуждённых на основе выводов специализированных центров об уровне их опасности и принимаемое во взаимосвязи с этим решением о направлении лица в соответствующее пенитенциарное учреждение;

возможность перевода осуждённого, срок заключения которого заканчивается, в пенитенциарное учреждение с более «мягким режимом» с одновременным прохождением соответствующих программ адаптации и ресоциализации;

повышение технической оснащённости исправительных учреждений и иных учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания;

развитие форм социального контроля и надзора за лицами, освобождёнными из пенитенциарных учреждений;

более полное и принимающее во внимание безопасность жертвы преступления (его родных и близких) подключение потерпевшего к решению вопроса об условно-досрочном освобождении.

Список литературы:

[1] Алексеев В.И. Пенсильванская и оборнская системы содержания осужденных: аспект соотношения (1860 - 1917 гг.) // Адвокатская практика. 2010. № 4. С. 46 - 48.

[2] Бахин С.В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем: Унификация и гармонизация права: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.10 / С.-Петерб. гос. ун-т. - Санкт-Петербург, 2003. - 46 с.

[3] Быков А.В., Калужина М.А. Обеспечение безопасности в пенитенциарных учреждениях США // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 6. С. 28-32.

[4] Вальтер Е. Основные принципы современной системы исполнения наказаний: взгляд руководителя учреждения // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 2. С. 46 - 50.

[5] Голодов П.В., Спасенников Б.А. Анализ зарубежного опыта пенитенциарной деятельности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 5. С. 10 - 14.

[6] Горбань Д.В. Прогрессивная система исполнения и отбывания исправительных работ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4. С. 176 - 183.

[7] Глушков А.И. Зарубежный опыт регламентации деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях чрезвычайных ситуаций // Международное публичное и частное право. 2013. № 3. С. 28 - 30.

[8] Гулина О.Р. Пенитенциарная система Федеративной Республики Германия в современных условиях // Российский юридический журнал. 2012. № 4. С. 136 – 142.

[9] Ковалев О.Г., Шереметьева М.В. Пенитенциарная система США: особенности организации и современные тенденции // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 4. С. 19 – 22.

[10] Куркина И.Н. Международная практика исполнения уголовных наказаний // Уголовная и уголовно-исполнительная политика на современном этапе развития общества и государства: отечественный и зарубежный опыт: материалы междунар. науч.-практ. Конф., Владимир, 29-30 нояб. 2012 г. /Владимир юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. Владимир, 2013. С. 146.

[11] Крайнова Н.А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Дальневост. гос. ун-т. - Владивосток, 2002. - 22 с.

[12] Квашис В. Преступность в США: реальность позитивных изменений или «временное исключение»? // Уголовное право. 2005. № 5. С. 98-99.

[13] Квашис В.Е., Вавилова Л.В. Зарубежное законодательство и практика защиты жертв преступлений. М., 1996. С. 46-48.

[14] Николюк В.В., Терекян В.А. Вправе ли потерпевший обжаловать судебное постановление об условно-досрочном освобождении осуж-

денного от отбывания наказания? // Уголовное право. 2015. № 3. С. 106 - 111.

[15] Познышев С.В. Очерки тюрьмоведения / Очерки тюрьмоведения / С.В. Познышев, проф. Имп. Моск. ун-та. - Москва: Печ. А.И. Снегиревой, 1913. - [2], II, 264 с.

[16] Радочина Т.Н. Частные тюрьмы в пенитенциарной системе Англии и Уэльса. Право и политика. 2014. № 1. С. 6-13.

[17] Селиверстов В.И. Уголовно-исполнительное право России [Текст]: учебник для студентов по специальности «Юриспруденция» и направлению «Юриспруденция» / [Геранин В.В. и др.]; под ред. В.И. Селиверстова; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Юридический фак. - 7-е изд., перераб. и доп. - Москва: НОРМА: ИНФРА-М, 2014. - 447 с.

[18] Смирнов Г.Г. Криминологическое учение о предупреждении преступности: содержание, развитие, реализация / Г. Г. Смирнов ; под ред. А. И. Алексеева ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, Урал. ин-т коммерции и права. - Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. - 188с.

[19] Тохова Е.А. Зарубежный опыт социально-правового контроля за лицами, освобожденными из исправительных учреждений [Электронный ресурс] // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 4. С. 30-37.

[20] Тепляшин П.В. Современный уголовно-исполнительный анализ иберийского типа европейских пенитенциарных систем // Современное право. 2016. № 4. С. 113 - 120.

[21] Черников В.В. Обзор практики применения программ по защите свидетелей Канадской королевской конной полиции // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства: Сб. правовых актов, организационных документов и информационно-аналитических материалов / Под общ. ред. В.В. Черникова. М., 2000. С. 345.

[22] Шамсунов С.Х. Частные тюрьмы в мире: нужны ли они современной России? // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 3. С. 25 – 28.

[23] Шумилов В.М. Правовая система США : учебное пособие для студентов и слушателей вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / В. М. Шумилов ; Всероссийская акад. внешней торговли. - [2-е изд., перераб. и доп.]. - Москва : Междунар. отношения, 2006. - 405с.

[24] Щербаков А.В., Григоряк А.В. Отечественная пенитенциарная система: теоретический и правовой аспект. Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 478-484.

[25] Щербаков А.В., Налдеев А.Б. Положительный опыт функционирования пенитенциарных учреждений Норвегии и возможности его использования в Российских условиях. Молодой ученый. 2015. № 2 (82). С. 393-396.

[26] Щербаков А.В., Григоряк А.В. Международное законодательство и проблемы его реализации в отечественной пенитенциарной системе. Международный научный вестник. 2026. № 4. С. 342-349.

References:

[1] Alekseev V.I. Pennsylvania and Obornskaya convict detention systems: aspect ratio (1860-1917) // Lawyer practice. 2010. № 4. S. 46-48.

[2] Bakhin S.V. Cooperation of States to Bring National Legal Systems Closer Together: Unification and Harmonization of Law: Abstract dis.... Doctors of Law: 12.00.10 / S.-Peterb. state. un-t. - St. Petersburg, 2003. - 46 s.

[3] Bykov A.V., Kaluzhina M.A. Security in US penitentiary institutions // Penal system: law, economics, management. 2015. № 6. S. 28-32.

[4] Walter E. Basic principles of the modern system of execution of punishments: the view of the head of the institution // Bulletin of the institute: crime, punishment, correction. 2008. № 2. S. 46-50.

[5] Golodov P.V., Spasennikov B.A. Analysis of foreign experience in penitentiary activities // Penal system: law, economics, management. 2015. № 5. S. 10-14.

[6] Gorban D.V. Progressive system of execution and serving correctional labor // Current problems of Russian law. 2016. № 4. S. 176-183.

[7] Glushkov A.I. Foreign experience in regulating the activities of institutions of the penal system in emergency situations // International public and private law. 2013. № 3. S. 28-30.

[8] Gulina O.R. The penitentiary system of the Federal Republic of Germany in modern conditions // Russian Law Journal. 2012. № 4. S. 136-142.

[9] Kovalev O.G., Sheremetyeva M.V. The US penitentiary system: peculiarities of the organization and modern trends // Penal system: law, economics, management. 2013. № 4. S. 19-22.

[10] Kurkina I.N. International Practice of the Execution of Criminal Punishments // Criminal and Penal Policy at the Present Stage of the Development of Society and the State: Domestic and Foreign Experience: Materials of International Scientific Practices. Conf., Vladimir, Nov. 29-30 2012 / Vladimir Jurid. in-t Feder. services executive. punishments. Vladimir, 2013. S. 146.

[11] Krainova N.A. Problems of resocialization of repeatedly convicted persons: abstract dis.... Candidate of Law: 12.00.08 / Dalnevost. state. un-t. - Vladivostok, 2002. - 22 s.

[12] Kvashis V. Crime in the USA: the reality of positive changes or "temporary exclusion"? //

Criminal law. 2005. № 5. S. 98-99.

[13] Kvashis V.E., Vavilova L.V. Foreign legislation and practice of protection of victims of crimes. M., 1996. S. 46-48.

[14] Nikolyuk V.V., Terekyan V.A. Is the victim entitled to appeal against the court decision on the convict's parole? // Criminal law. 2015. № 3. S. 106 - 111.

[15] Poznyshev S.V. Essays on Prison Science / Essays on Prison Science / S.V. Poznyshev, prof. Imp. Mosk. University. - Moscow: Pech. A.I. Snegireva, 1913. - [2], II, 264 s.

[16] Radochina T.N Private prisons in the prison system of England and Wales. Law and politics. 2014. № 1. S. 6-13.

[17] Seliverstov V.I. Criminal executive law of Russia [Text]: textbook for students in the specialty "Jurisprudence" and the direction "Jurisprudence" / [Geranin V.V. et al.]; ed. V.I. Seliverstova; Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Legal Faculty. - 7th ed., Revised. and add. - Moscow: NORMA: INFRA-M, 2014. - 447 s.

[18] Smirnov G.G. Criminological doctrine of crime prevention: content, development, implementation / G. G. Smirnov; ed. A.I. Alekseeva; Ural. state. university named after A.M. Gorky, Ural. Institute of Commerce and Law. - Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2004. - 188c.

[19] Tokhova E.A. Foreign experience of social and legal control over persons released from correctional institutions [Electronic resource] // Penal system: law, economics, management. 2009. № 4. S. 30-37.

[20] Teplyashin P.V. Modern criminal executive analysis of the Iberian type of European penitentiary systems // Modern law. 2016. № 4. S. 113-120.

[21] Chernikov V.V.. Review of the Practice of Applying Witness Protection Programs of the Royal Canadian Mounted Police // Foreign Experience in Legal Regulation and Practice of its Application on the Protection of Participants in Criminal Proceedings: Sat. legal acts, organizational documents and information and analytical materials / Under the general editorship of V.V. Chernikov. M., 2000. S. 345.

[22] Shamsunov S.Kh. Private prisons in the world: do modern Russia need them? // Penal system: law, economics, management. 2016. № 3. S. 25-28.

[23] Shumilov V.M. The US legal system: a textbook for students and students of universities studying in the specialty "Jurisprudence" / V.M. Shumilov; All-Russian Academy of Foreign Trade. - [2nd ed., Revised and add.]. - Moscow: International. relations, 2006. - 405s.

[24] Shcherbakov A.V., Grigoryak A.V. Domestic penitentiary system: theoretical and legal aspect. International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 478-484.

[25] Shcherbakov A.V., Naldeev A.B. Positive experience in the functioning of Norwegian penitentiary institutions and the possibility of its use in Russian conditions. Young scientist. 2015. № 2 (82). S. 393-396.

[26] Shcherbakov A.V., Grigoryak A.V. International legislation and problems of its implementation in the domestic penitentiary system. International Scientific Bulletin. 2026. № 4. S. 342-349.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-53-57
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

КОТОВ Станислав Сергеевич,
аспирант по специальности 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», Образовательное частное учреждение высшего образования «Международный инновационный университет», e-mail: donstasone@mail.ru, skotov24@mvd.ru

КРИМИНОГЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ «ОПТИМИЗАЦИИ» КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ: ЭСКАЛАЦИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ (НА ПРИМЕРЕ Г. СОЧИ)

Аннотация. *В статье анализируются негативные правоприменительные последствия вступления в силу Федерального закона от 22 июля 2024 г. № 192-ФЗ, исключившего органы внутренних дел из числа субъектов, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ в сфере фармацевтической деятельности. На эмпирическом материале г. Сочи Краснодарского края доказано, что утрата «первичного административного фильтра» привела не к оптимизации, а к эскалации противоправного поведения: формированию организованных преступных групп и резкому росту тяжких преступлений в сфере незаконного оборота сильнодействующих веществ (прегабалина, трамадола, тропикамида). Автор обосновывает необходимость возвращения полиции данных полномочий как конституционной гарантии защиты права граждан на жизнь и здоровье.*

Ключевые слова: *административная юрисдикция, органы внутренних дел, эскалация преступности, незаконный оборот сильнодействующих веществ, фармацевтическая деятельность, ст. 14.1 КоАП РФ, ст. 234 УК РФ, межведомственное взаимодействие, правоприменительная практика, предметно-количественный учёт.*

Для цитирования: *Котов С. С. Криминогенные последствия законодательной «оптимизации» контрольно-надзорных полномочий: эскалация правонарушений в сфере оборота лекарственных средств (на примере г. Сочи) // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 53–57.*

KOTOV Stanislav Sergeevich,
Postgraduate student in the field of 5.1.2 «Public Law (State Law) Sciences», International Innovative University, Private Higher Education Institution

CRIMINOGENIC CONSEQUENCES OF LEGISLATIVE "OPTIMIZATION" OF SUPERVISORY POWERS: ESCALATION OF OFFENSES IN THE SPHERE OF PHARMACEUTICALS CIRCULATION (CASE STUDY OF SOCHI)

Annotation. *The article analyzes the negative law enforcement consequences of the entry into force of Federal Law No. 192-FZ of July 22, 2024, which excluded internal affairs agencies from the list of entities authorized to draw up administrative offense reports under Part 4 of Article 14.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in the sphere of pharmaceutical activities. Based on empirical data from Sochi, Krasnodar Krai, it is proven that the loss of the "primary administrative filter" has led not to optimization, but to the escalation of illegal behavior: the formation of organized criminal groups and a sharp increase in serious crimes related to the illegal trafficking of potent substances (pregabalin, tramadol, tropicamide). The author substantiates the need to return these powers to the police as a constitutional guarantee of protecting citizens' rights to life and health.*

Key words: *administrative jurisdiction, internal affairs bodies, crime escalation, illegal trafficking of potent substances, pharmaceutical activities, Art. 14.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, Art. 234 of the Criminal Code of the Russian Federation, interagency interaction, law enforcement practice, subject-quantitative accounting.*

For citation: *Kotov S. S. Criminogenic consequences of legislative "optimization" of supervisory powers: escalation of offenses in the sphere of pharmaceuticals circulation (case study of Sochi). Russian scientific bulletin. 2026;(11):53–57. (In Russ.).*

Введение

В предыдущих исследованиях автора уже поднималась проблема исключения дублирования должностных полномочий в контексте административно-правового регулирования, в частности, в связи с принятием Федерального закона от 22 июля 2024 г. № 192-ФЗ [1]. Было высказано предположение, что формальный подход к «оптимизации», выразившийся в лишении органов внутренних дел (ОВД) права составлять протоколы по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ в сфере фармацевтической деятельности (грубое нарушение лицензионных требований), создаёт угрозу конституционным правам граждан на жизнь и здоровье (ст. 21, 41 Конституции РФ) [2].

Прошло время, и гипотеза о негативных последствиях такой реформы получила своё эмпирическое подтверждение. Целью настоящей статьи является анализ криминогенной детерминации, вызванной законодательными изменениями, и доказательство факта эскалации административных правонарушений в уголовные преступления на примере правоприменительной практики г. Сочи.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы. Эмпирическую базу составили материалы предварительного расследования уголовных дел, находящихся в производстве следственных органов г. Сочи, статистические данные о динамике преступлений, предусмотренных ст. 234 УК РФ, а также данные о практике рассмотрения дел об административных правонарушениях в сфере фармацевтической деятельности.

Результаты исследования

Анализ локальной правоприменительной практики г. Сочи Краснодарского края выявил тревожную тенденцию. В условиях, когда территориальные органы надзора обладают ограниченными кадровыми ресурсами для сплошного контроля тысяч аптечных пунктов, отсутствие оперативного административного реагирования со стороны полиции привело к формированию устойчивых криминальных структур.

Статистическая динамика и институциональная асимметрия

Сравнительный анализ статистических данных по ст. 234 УК РФ (Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта) на территории г. Сочи демонстрирует прямую причинно-следственную связь между вступлением в силу ФЗ № 192-ФЗ и ростом преступности. В период до вступления в силу указанных поправок, когда органы внутренних дел могли составлять протоколы по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ в сфере фармацевтической деятельности и инициировать административное приостановление деятельности, количество возбуждённых уголовных дел по ст. 234 УК РФ составляло 13. После вступления в силу деструктивных изменений ФЗ № 192-ФЗ количество преступлений, связанных с незаконным оборотом сильнодействующих веществ под видом легальной деятельности, резко возросло: на момент написания статьи их число увеличилось на 24, составив прирост в +184,62%.

По данным, полученным автором в ходе профессиональной деятельности и анализа кадрового обеспечения, в Территориальном органе Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения по Краснодарскому краю (далее — Территориальный орган Росздравнадзора по Краснодарскому краю) из 23 штатных сотрудников лишь 4 являются специалистами, непосредственно осуществляющими выездные контрольные (надзорные) мероприятия. Выездные проверки проводились крайне редко. Участники выявленных преступных групп были осведомлены как о кадровых ограничениях Территориального органа Росздравнадзора по Краснодарскому краю, так и о процедурных особенностях организации проверок, что позволяло им заблаговременно скрывать следы противоправной деятельности к моменту возможного визита контролирующих лиц.

Механизм легализации и фальсификации документооборота

Особую научно-практическую ценность представляет установленный modus operandi сокрытия противоправной деятельности. Организаторы преступных групп официально регистрировали общества с ограниченной ответственностью (ООО) на себя, своих родственников и доверенных лиц, тщательно конспирируя взаимосвязи для сокрытия преступной иерархии. Наличие формально легальной лицензии позволяло получать доступ к сильнодействующим веществам (прегабалину, трамадолу, тропикамиду, включён-

ным в Перечень сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 УК РФ, утв. Постановлением Правительства РФ от 29.12.2007 № 964 [3]) по закупочным ценам у легальных дистрибьюторов.

Для обхода правил предметно-количественного учёта (ПКУ) применялась схема фальсификации документооборота. Фактическая реализация препаратов осуществлялась исключительно за наличный расчёт, без передачи покупателю маркированной упаковки с QR-кодом. После массового незаконного сбыта аптечные пункты закрывались, и соучастники производили сканирование через кассовое оборудование пустых упаковок от ранее сбытых препаратов. Это создавало в информационных системах видимость законного документального отпуска, маскируя физическое отсутствие препаратов и нивелируя риски автоматических сверок.

Стратегия минимизации рисков и обеспечение непрерывности деятельности

Поддерживая видимость «чистой» отчётной документации, участники организованных преступных групп закладывали и стратегию минимизации правовых рисков в случае их разоблачения [5]. Они обоснованно рассчитывали, что в условиях отсутствия оперативного полицейского вмешательства их действия, даже будучи выявленными, будут квалифицированы исключительно как административное правонарушение. Учитывая, что рассмотрение дела об административном приостановлении деятельности юридического лица в суде может занимать до 3 месяцев, злоумышленники использовали этот временной лаг для регистрации нового общества с ограниченной ответственностью (ООО).

Это новое юридическое лицо становилось «новой опорой» для продолжения противоправной деятельности на случай, если у предыдущей подконтрольной точки будет аннулирована лицензия. Таким образом, в процессе затяжных судебных производств открывались и легализовывались новые точки сбыта. Отсутствие у полиции права на быструю процессуальную фиксацию нарушения лишило государство инструмента, способного создать критический «разрыв непрерывности» для криминального бизнеса, позволяя правонарушителям беспрепятственно мигрировать между юридическими оболочками.

Механизм фатальной эскалации

Ряд уголовных дел по ст. 234 УК РФ был возбуждён на основе материалов ранее заведённых дел об административных правонарушениях. Механизм эскалации выглядел следующим образом:

Граждане обращаются в полицию с жалобами на подозрительную деятельность аптечных пунктов (закрытые двери, продажа «из-под прилавка» только за наличные).

Сотрудники ОВД фиксируют факты, указывающие на нарушение, однако в силу изменений, внесённых ФЗ № 192-ФЗ, они лишены права составить протокол по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ в сфере фармацевтической деятельности и инициировать административное приостановление деятельности на срок до 90 суток.

Материалы направляются в Территориальный орган Росздравнадзора по Краснодарскому краю. Ввиду необходимости проведения сложных документальных проверок для выявления расхождений в системах ПКУ (которые были искусственно сфальсифицированы), а также бюрократических процедур, реакция запаздывает.

За этот временной лаг правонарушители успевают консолидироваться в устойчивые организованные группы, переводя административный проступок в плоскость системного уголовного преступления [6].

По имеющимся в распоряжении автора данным предварительного расследования, на территории г. Сочи были выявлены и пресечены действия трёх организованных преступных групп (ОПГ), осуществлявших незаконный оборот сильнодействующих веществ (прегабалина, трамадола, тропикамида). В рамках расследования арестованы 6 фигурантов, возбуждено 10 уголовных дел по ст. 234 УК РФ.

Обсуждение

Сложившаяся ситуация наглядно демонстрирует феномен «утраты первичного административного фильтра». Полиция, обладающая разветвлённой территориальной сетью, исторически выполняла функцию раннего предупреждения, реагируя на физические признаки правонарушений, которые не видны при дистанционном документальном контроле.

Описанная схема с фальсификацией данных ПКУ доказывает, что опора исключительно на специализированный надзорный орган в условиях искусственной цифровизации преступной деятельности неэффективна. Сотрудники ОВД первыми получают сигналы о несоответствии фактической деятельности аптеки заявленной, но, не имея права составить протокол, они вынуждены ограничиваться формальной пересылкой материалов в Территориальный орган Росздравнадзора по Краснодарскому краю. Этого времени, усугублённого сложностью оперативного разоблачения схем с номинальными директорами, оказалось достаточно для консолидации ОПГ. Административное приостановление деятельности на 90 суток, доступное полиции ранее, могло бы «заморозить» бизнес-процессы криминальной структуры на самой ранней стадии.

Именно здесь наиболее остро проявляется

ценность утраченного полицией механизма. Ранее составление протокола и последующее обращение в суд за административным приостановлением деятельности на срок до 90 суток создавало тот самый необходимый «разрыв непрерывности» для криминального бизнеса. Сейчас же, в условиях исключительно надзорного реагирования, временной интервал между выявлением нарушения, длительным административным судопроизводством и фактической остановкой деятельности используется преступниками для создания новых юридических лиц и переноса незаконного оборота на новые «легальные» площадки. Правоприменительная практика показывает, что к моменту вынесения судебного решения о приостановлении деятельности или аннулировании лицензии старого ООО, преступная группа уже полноценно функционирует через новое, формально чистое юридическое лицо, что сводит превентивный эффект наказания к нулю.

Как справедливо отмечалось в научной литературе, устранение дублирования не должно осуществляться в ущерб публичным интересам [4]. В данном случае законодатель, стремясь избежать формального «дублирования» функций, де-факто создал правовой вакуум. Рост оборота прегабалина, трамадола и тропикамида представляет прямую угрозу здоровью несовершеннолетних и способствует росту химической зависимости, что прямо противоречит ст. 41 Конституции РФ.

Анализ проведён на изучаемой территории г. Сочи Краснодарского края, однако по сообщениям из других населённых пунктов и субъектов Российской Федерации, Федеральный закон № 192-ФЗ также негативно повлиял на конституционные права граждан, гарантирующие им охрану их жизни и здоровья. Это свидетельствует о том, что проблема носит системный федеральный характер и требует незамедлительного законодательного решения.

Заключение

Проведённый анализ позволяет констатировать, что прогноз о негативных последствиях ФЗ № 192-ФЗ полностью подтвердился практикой. Исключение органов внутренних дел из числа субъектов административной юрисдикции по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ в сфере фармацевтической деятельности привело к эскалации правонарушений и формированию организованных преступных групп в сфере фармацевтики. Статистический рост преступлений, предусмотренных ст. 234 УК РФ, на 184,62% на территории г. Сочи является прямым следствием утраты «первичного административного фильтра».

Более того, выявленный механизм «корпоративной мимикрии» преступных групп — создание новых юридических лиц в период административного судопроизводства — свидетельствует о том, что современная реформа не только устранила оперативный канал реагирования, но и фактически легализовала стратегию непрерывности противоправной деятельности.

В целях восстановления конституционного баланса и защиты прав граждан предлагается:

Внести изменения в п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ, вернув органам внутренних дел полномочия по составлению протоколов об административных правонарушениях по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ в сфере фармацевтической деятельности в случаях, когда нарушения создают непосредственную угрозу жизни и здоровью граждан.

В качестве временной меры закрепить на уровне межведомственных соглашений (МВД России и Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения) обязанность создания совместных оперативных групп для немедленного реагирования на обращения граждан о незаконной продаже прегабалина, трамадола и тропикамида.

Закрепить в ведомственных регламентах Территориального органа Росздравнадзора по Краснодарскому краю и иных территориальных органов Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения порядок оперативного реагирования на обращения о безрецептурном отпуске сильнодействующих препаратов с использованием предусмотренных законом оснований для проведения контрольных мероприятий без предварительного уведомления.

Рассмотреть возможность внесения изменений в законодательство о лицензировании фармацевтической деятельности, направленных на установление ограничений на получение новой лицензии учредителями и руководителями юридических лиц, в отношении которых в течение последних 3 лет применялись меры административной ответственности за грубые нарушения лицензионных требований в сфере оборота лекарственных средств.

Список литературы:

[1] Котов С. С. Анализ необходимости существования или исключения дублирования должностных полномочий при осуществлении защиты конституционных прав граждан в контексте административно-правового регулирования // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 12 (211). – С. 148–149.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.

[3] Постановление Правительства РФ от 29.12.2007 № 964 (ред. от 2019 г.) «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 2. – Ст. 149.

[4] Шеставин Д. А. Реализация конституционного права граждан на обращение: теоретические и правовые проблемы // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20. – № 10 (179). – С. 28–38.

[5] Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 22.07.2024 № 192-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 30. – Ст. 4278.

[6] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

References:

[1] Kotov S. S. Analysis of the need for the existence or exclusion of duplication of official powers in the implementation of the protection of the constitutional rights of citizens in the context of administrative and legal regulation // Eurasian Legal Journal. – 2025. – № 12 (211). - S. 148-149.

[2] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information. – 2020. – № 31. - Art. 4398.

[3] Decree of the Government of the Russian Federation of 29.12.2007 No. 964 (as amended in 2019) "On approval of lists of potent and poisonous substances for the purposes of Article 234 and other articles of the Criminal Code of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2008. – № 2. - Art. 149.

[4] Shestavin D.A. Realization of the constitutional right of citizens to appeal: theoretical and legal problems // Actual problems of Russian law. – 2025. - T. 20. – № 10 (179). - S. 28-38.

[5] Federal Law "On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" dated 22.07.2024 No. 192-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2024. – № 30. - Art. 4278.

[6] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. - Art. 2954.

- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-58-62

ВОРОБЬЕВ Кирилл Дмитриевич,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: vorobev-kirill-00@mail.ru

НИКИЩИХИН Владислав Вадимович,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: vladnikisihin@gmail.com

ПОПОВА Елизавета Сергеевна,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: yelizaveta_popova_04@bk.ru

Научный руководитель:
ЗАРУБИНА Кристина Александровна,
к.и.н., доцент кафедры ТИГиП Юго-Западного государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЗА И ПРОТИВ (ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Аннотация. *В данной статье рассматриваются правовые особенности суррогатного материнства в Российской Федерации. Анализируются положения Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ, Семейного кодекса Российской Федерации и законодательства об актах гражданского состояния. Особое внимание уделяется условиям применения суррогатного материнства, правовому статусу суррогатной матери, генетических родителей и ребенка. Рассматриваются основные аргументы в пользу сохранения данного института и проблемы, возникающие при его реализации. Отдельно анализируются вопросы регистрации ребенка, согласия суррогатной матери, защиты интересов ребенка и судебного разрешения конфликтов. Обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования с учетом баланса интересов всех участников отношений.*

Ключевые слова: *суррогатное материнство, вспомогательные репродуктивные технологии, медицинское право, семейное право, ребенок, суррогатная мать.*

Для цитирования: *Воробьев К. Д., Никищихин В. В., Попова Е. С. Суррогатное материнство в Российской Федерации: за и против (правовой аспект) // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 58–62.*

VOROBYOV Kirill Dmitrievich,
student at Southwestern State University

NIKISHCHIKHIN Vladislav Vadimovich,
student at Southwestern State University

POPOVA Elizaveta Sergeevna,
student at Southwestern State University

Supervisor:
ZARUBINA Kristina Alexandrovna,
Ph.D., Associate Professor, Department of TIGiP Southwestern State University

SURROGACY IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROS AND CONS (LEGAL ASPECT)

Annotation. *This article examines the legal features of surrogacy in the Russian Federation. The provisions of Federal Law No. 323-FZ of November 21, 2011, the Family Code of the Russian Federation and legislation on acts of civil status are analyzed. Particular attention is paid to the conditions for the use of surrogacy, the legal status of the surrogate mother, genetic parents and the child. The main arguments in favor of preserving this institution and the problems arising during its implementation are considered. Separately, the issues of registration of the child, consent of the surrogate mother, protection of the interests of the child and judicial resolution of conflicts are analyzed. The need for further improvement of legal regulation is justified, taking into account the balance of interests of all participants in the relationship.*

Key words: *surrogacy, assisted reproductive technologies, medical law, family law, child, surrogate mother.*

For citation: *Vorobyov K. D., Nikishchikhin V. V., Popova E. S. Surrogacy in the Russian Federation: pros and cons (legal aspect). Russian scientific bulletin. 2026;(11):58–62. (In Russ.).*

Суррогатное материнство относится к наиболее спорным институтам современного медицинского и семейного права. Его развитие стало возможным благодаря вспомогательным репродуктивным технологиям и лечению отдельных форм бесплодия. Для некоторых граждан такая технология остается единственным способом рождения генетически родного ребенка. Однако ее применение формирует сложные отношения между медицинской организацией, суррогатной матерью, потенциальными родителями и ребенком. Поэтому правовую оценку нельзя сводить только к допустимости соответствующей медицинской технологии. Нужно учитывать последствия ее применения для правового положения каждого участника [1, с. 664].

Российское законодательство прямо относит суррогатное материнство к вспомогательным репродуктивным технологиям. Часть 1 статьи 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет соответствующее положение. К таким технологиям относятся методы лечения бесплодия, при которых отдельные либо все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов проходят вне организма женщины. Закон включает суррогатное материнство в указанную систему. Часть 9 статьи 55 этого закона определяет его как вынашивание и рождение ребенка по договору о суррогатном материнстве.

Федеральный закон от 19 декабря 2022 г. № 538-ФЗ существенно изменил прежнюю модель регулирования. Законодатель ввел дополнительные условия для участников соответствующей программы. Потенциальными родителями признаются состоящие в браке генетические родители либо одинокая женщина с российским гражданством. Для мужчины и женщины, которые не состоят в браке, использование суррогатного материнства законом не предусмотрено. Одинокая женщина вправе использовать такую технологию при наличии установленных законом медицинских условий.

К суррогатной матери закон также предъявляет специальные требования. Часть 10 статьи 55 Федерального закона № 323-ФЗ допускает участие женщины от 20 до 35 лет. Она должна иметь российское гражданство и хотя бы одного здорового собственного ребенка. Дополнительно требуется медицинское заключение об удовлетворительном состоянии здоровья. Женщина также должна дать письменное информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство. При зарегистрированном браке необходимо письменное согласие супруга. Кроме того, суррогатная мать не может одновременно быть донором яйцеклетки.

Одним из доводов в пользу суррогатного материнства выступает возможность осуществления гражданами репродуктивных прав. Для некоторых женщин беременность невозможна по объективным медицинским причинам. В такой ситуации технология позволяет генетическим родителям иметь ребенка без самостоятельного вынашивания беременности. Полный запрет суррогатного материнства затронул бы интересы лиц, которые по состоянию здоровья не способны пройти беременность и роды самостоятельно.

Медицинская сторона также имеет существенное значение. Суррогатное материнство применяют как одну из вспомогательных репродуктивных технологий. Закон связывает использование данной технологии с наличием медицинских показаний. Тем самым законодатель не рассматривает ее как обычный вариант выбора способа рождения ребенка. Основное назначение суррогатного материнства связано с медицинской невозможностью вынашивания ребенка.

Дополнительным аргументом выступает законодательный контроль состояния суррогатной матери. Закон устанавливает возрастной предел и требует наличия собственного здорового ребенка. Также необходимо медицинское заключение и информированное добровольное согласие женщины. Такие условия направлены на уменьшение медицинских рисков и подтверждение добровольности участия. Однако сама беременность остается медицинским процессом с возможными осложнениями. Поэтому требования к состоянию здоровья суррогатной матери имеют самостоятельное правовое значение [2, с. 146-147].

Защита интересов ребенка также относится к аргументам в пользу данного института. Рождение с применением вспомогательных репродуктивных технологий не должно само по себе создавать неопределенность правового статуса ребенка. Российское законодательство закрепляет специальный порядок определения его родителей. Согласно пункту 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации лица, письменно согласившиеся на имплантацию эмбриона другой женщине, могут быть записаны родителями только с ее согласия. Это правило также учитывают при государственной регистрации рождения.

Одновременно указанное правило раскрывает одну из ключевых проблем российского регулирования. Генетическое родство само по себе не обеспечивает автоматическую запись потенциальных родителей родителями ребенка. Определяющее значение имеет согласие женщины, родившей ребенка. Такая конструкция учитывает особенности беременности и родов. Однако она может привести к конфликту между суррогатной матерью и генетическими родителями после рождения ребенка [3, с. 68-69].

Подобные споры уже рассматривали суды. Пункт 31 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» содержит соответствующее разъяснение. Отказ суррогатной матери дать согласие на запись потенциальных родителей не служит безусловным основанием для отказа в иске. Суд выясняет обстоятельства заключения договора, наличие генетического родства и причины отказа. Учитываются также другие обстоятельства конкретного дела. При разрешении спора суд должен прежде всего учитывать интересы ребенка.

Судебная практика тем самым показывает ограниченность исключительно договорного регулирования. Договор между совершеннолетними участниками не может полностью определить правовой статус ребенка. После рождения возникает самостоятельный комплекс отношений с ребенком как непосредственным носителем прав и законных интересов. Поэтому условия договора нельзя рассматривать отдельно от семейного законодательства. При разрешении подобных вопросов также действует принцип приоритета интересов ребенка.

Возможность таких конфликтов относится к основным аргументам против суррогатного материнства. До рождения ребенка участники могут одинаково понимать свои права и обязанности. После рождения их интересы способны измениться. Суррогатная мать может изменить отношение к ребенку и не дать согласия на запись генетических родителей. Потенциальные родители, напротив, могут отказаться принимать ребенка при тяжелом заболевании или иных обстоятельствах. Такие ситуации показывают, что договор не устраняет все человеческие и правовые риски.

Особого внимания требует защита прав самой суррогатной матери. Письменное согласие женщины само по себе не исключает возможного давления. На ее решение также способна влиять экономическая заинтересованность. Поэтому законодательство должно защищать не только интересы потенциальных родителей, но и добровольность участия женщины. Суррогатную мать нельзя рассматривать исключительно как лицо, исполняющее договорную обязанность.

Одновременно чрезмерное расширение прав суррогатной матери может затронуть интересы ребенка и генетических родителей. Поэтому действующая модель учитывает несколько юридически значимых обстоятельств: генетическое происхождение ребенка, согласие женщины, заключившей договор, медицинские основания применения технологии и интересы ребенка. Однако единый подробный порядок разрешения всех возможных конфликтов отсутствует. Это сохраняет возможность возникновения судебных споров [4, с. 296].

Регулирование суррогатного материнства затрагивает сразу несколько отраслей права. Медицинские отношения регулирует Федеральный закон № 323-ФЗ. Происхождение ребенка определяется Семейным кодексом РФ. Государственную регистрацию рождения регулирует Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния». Поэтому один жизненный процесс одновременно охватывают разные нормативные акты. На практике требуется согласованно применять положения каждого из них.

Отдельное значение имеет государственная регистрация детей. Пункт 5 статьи 16 Федерального закона № 143-ФЗ устанавливает специальное правило для такого случая. При регистрации

рождения ребенка после имплантации эмбриона другой женщине требуется документ медицинской организации. Он должен подтверждать согласие суррогатной матери на запись потенциальных родителей родителями ребенка. Следовательно, медицинская организация участвует в документальном подтверждении обстоятельств, необходимых для регистрации рождения.

Зависимость существующей модели от судебного вмешательства также относится к ее проблемным сторонам. Чем чаще споры о происхождении ребенка рассматривают суды, тем дольше сохраняется правовая неопределенность для ребенка. Судебное разбирательство требует времени, хотя ребенку уже необходимы постоянный уход и определенный семейный статус. Поэтому законодательство может подробнее определить действия сторон после возникновения конфликта. Особенно это касается ситуации, возникшей после рождения ребенка.

Полной правовой неопределенности в этой сфере нет. Конституционный Суд Российской Федерации уже рассматривал вопросы статуса детей, рожденных суррогатными матерями (Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2021 № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области»). Суд признал неконституционным регулирование, которое фактически лишало определенную категорию семей права на получение материнского капитала. Рассматривалась ситуация, когда генетического отца признали единственным родителем детей, рожденных суррогатной матерью. Впоследствии его супруга усыновила этих детей. Конституционный Суд указал на необходимость устранить соответствующую правовую неопределенность.

Этот пример важен для определения правового статуса ребенка. Государственные гарантии не должны зависеть только от способа его рождения. Если ребенок фактически воспитывается в семье, а родительский статус установлен законным способом, ситуация должна учитываться при реализации социальных прав семьи. Иное отношение может создать необоснованное ограничение таких прав исключительно из-за способа рождения ребенка.

Современное законодательство также ограничивает использование российского института суррогатного материнства как инструмента международного репродуктивного туризма. После принятия Федерального закона от 19 декабря 2022 г. № 538-ФЗ законодатель закрепил требования к гражданству участников. Один из потенциальных родителей либо одинокая женщина, являющаяся генетическим родителем, должны иметь гражданство Российской Федерации. Российское гражданство также требуется от суррогатной матери.

При таком регулировании возникает необходимость учитывать публичные интересы государства и репродуктивные права граждан. Ограничение круга участников позволяет государству контролировать правовые последствия рождения ребенка и его регистрацию. Одновременно сокращается количество лиц, способных воспользоваться данной медицинской технологией. Поэтому такие ограничения следует рассматривать с учетом конкретной цели и последствий для участников отношений.

Вопрос гражданства ребенка также имеет самостоятельное значение. Законодатель закрепил специальное правило для ребенка, рожденного на территории Российской Федерации суррогатной матерью. Такой ребенок приобретает российское гражданство по рождению. Это правило исключает ситуацию, когда особенности происхождения ребенка приводят к отсутствию у него гражданства [5, с. 33-34].

Аргументы «за» и «против» суррогатного материнства в России прежде всего связаны с правовым регулированием. К преимуществам действующей модели относятся возможность реализации репродуктивных прав и рождения генетически родного ребенка при медицинской невозможности беременности. Значение также имеют требования к здоровью суррогатной матери и государственная регистрация ребенка. Проблемы связаны с конфликтами после рождения, зависимостью регистрации от согласия суррогатной матери и недостаточной детализацией договорного регулирования. Дополнительную сложность создает необходимость судебного разрешения спорных ситуаций.

Наиболее сложным вопросом остается соотношение прав взрослых участников и интересов ребенка. Договор о суррогатном материнстве заключают до рождения ребенка. После рождения возникают самостоятельные семейные правоотношения. Поэтому заранее предусмотреть каждое обстоятельство будущего конфликта практически невозможно. Правовые нормы должны учитывать такую особенность и не ограничиваться условиями заключенного договора.

Дальнейшее развитие законодательства может учитывать необходимость более четкого определения правового статуса участников. Простое расширение суррогатного материнства либо его полный запрет не устраняют существующих проблем. Требуется подробнее определить последствия отказа суррогатной матери передать

ребенка и отказа потенциальных родителей его принять. Отдельного регулирования требуют случаи тяжелого заболевания ребенка и другие конфликтные ситуации. Одновременно следует обеспечить добровольность участия суррогатной матери и защитить права ребенка.

Российская модель суррогатного материнства сочетает медицинскую технологию с комплексом семейных и гражданско-правовых отношений. Ее применение позволяет решать проблему бесплодия, когда другие способы рождения ребенка невозможны. Вместе с тем действующие нормы не исключают конфликтов между генетическим происхождением ребенка, волей суррогатной матери и интересами потенциальных родителей. Поэтому современное медицинское право должно регулировать не только допустимость суррогатного материнства. Оно также должно создавать механизм, который защищает права женщины, генетических родителей и прежде всего ребенка.

Список литературы:

[1] Коваленко Е. В. Институт суррогатного материнства в законодательстве Российской Федерации / Е. В. Коваленко, С. В. Голикова // Вестник науки. – 2024. – № 12 (81). – С. 663-673.

[2] Шамраева И. Л. Особенности правового регулирования суррогатного материнства / И. Л. Шамраева // Право и политика. – 2019. – № 8. – С. 140-148.

[3] Гайбатова К. Д. Проблема установления происхождения детей как правовое последствие договора о суррогатном материнстве / К. Д. Гайбатова, П. М. Шамсудинова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2022. – № 1. – С. 66-70.

[4] Булгакова Н. А. Подходы к правовому регулированию прав участников суррогатного материнства / Н. А. Булгакова // Образование и право. – 2024. – № 2. – С. 295-297.

[5] Гогичашвили Н. Н. Правовые аспекты суррогатного материнства в международных условиях / Н. Н. Гогичашвили // Новый юридический журнал. – 2025. – № 4. – С. 31-35.

References:

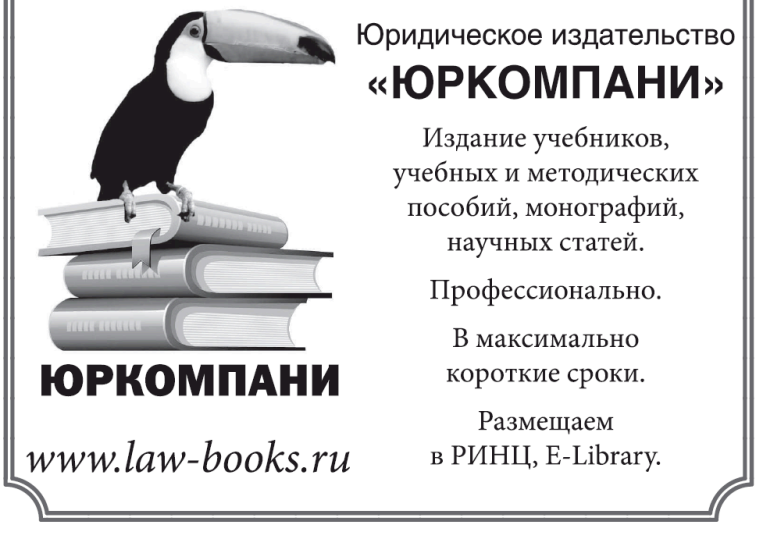
[1] Kovalenko E.V. Institute of Surrogacy in the Legislation of the Russian Federation / E.V. Kovalenko, S.V. Golikova // Bulletin of Science. – 2024. – № 12 (81). - S. 663-673.

[2] Shamraeva I. L. Features of legal regulation of surrogacy / I. L. Shamraeva // Law and politics. – 2019. – № 8. - S. 140-148.

[3] Gaybatova K. D. The problem of establishing the origin of children as a legal consequence of a surrogacy contract / K. D. Gaibatov, P. M. Shamsudinova // Legal Bulletin of Dagestan State University. – 2022. – № 1. - S. 66-70.

[4] Bulgakova N. A. Approaches to the legal regulation of the rights of participants in surrogacy / N. A. Bulgakov // Education and law. – 2024. – № 2. - S. 295-297.

[5] Gogichashvili N. N. Legal aspects of surrogacy in international conditions / N.N. Gogichashvili // New legal journal. – 2025. – № 4. - S. 31-35.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-63-66

ШКИЛЕВА Наталья Леонидовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики и права Курский государственный аграрный университет имени И.И. Иванова,
e-mail: natali_046@mail.ru

ГАЙДАРЖИ Владислав Артёмович,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: gaidarzhivladislaw@yandex.ru

ПРАВО ДЕТЕЙ-СИРОТ НА ЖИЛИЩЕ: ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. *В статье рассматриваются конституционно-правовые основы обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями. Анализируются обязанности государства, особенности распределения полномочий между органами публичной власти и проблемы исполнения жилищных гарантий. Особое внимание уделяется длительному ожиданию жилья, судебной защите прав детей и пределам допустимого ограничения государственных обязательств. Обосновывается необходимость совершенствования механизмов контроля за исполнением законодательства и повышения ответственности уполномоченных органов.*

Ключевые слова: *дети, оставшиеся без попечения, право на жилище, публичные обязательства, социальное государство, органы государственной власти, жилищные гарантии, социальное жильё.*

Для цитирования: *Шкилева Н. Л., Гайдаржи В. А. Право детей-сирот на жилище: пределы ответственности государства и проблемы реализации публичных обязательств // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 63–66.*

SHKILEVA Natalia Leonidovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Economics and Law, Kursk State Agrarian University named after I.I. Ivanova

GAIDARZHI Vladislav Artyomovich,
student at Southwestern State University

THE RIGHT OF ORPHANS TO HOUSING: LIMITS OF STATE RESPONSIBILITY AND PROBLEMS OF IMPLEMENTING PUBLIC OBLIGATIONS

Annotation. *The article considers the constitutional and legal basis for providing orphans and children left without parental care with living quarters. The responsibilities of the state, the peculiarities of the distribution of powers between public authorities and the problems of fulfilling housing guarantees are analyzed. Particular attention is paid to the long wait for housing, judicial protection of the rights of children and the limits of the permissible limitation of state obligations. The need to improve the mechanisms for monitoring the implementation of legislation and increasing the responsibility of authorized bodies is justified.*

Key words: *children left without care, the right to housing, public obligations, the social state, public authorities, housing guarantees, social housing.*

For citation: *Shkileva N. L., Gaidarzhi V. A. The right of orphans to housing: limits of state responsibility and problems of implementing public obligations. Russian scientific bulletin. 2026; (11):63–66. (In Russ.).*

Право на жилище относится к числу важнейших социально-экономических прав человека. Его значение особенно велико для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Такие граждане не всегда могут рассчитывать на помощь семьи при решении жилищных вопросов. Поэтому государство принимает на себя дополнительные обязательства по обеспечению их жильём и созданию условий для самостоятельной жизни [1, с. 126].

Конституция Российской Федерации закрепляет основы правового регулирования данной сферы. Согласно статье 7, Россия является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Статья 40 гарантирует право на жилище и предусматривает возможность предоставления жилья из государственных и муниципальных фондов малоимущим и иным указанным в законе гражданам. Кроме того, часть 4 статьи 67.1 Конституции РФ устанавливает, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики и государство создаёт условия для их всестороннего духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития, воспитания в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство принимает на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения. Эти конституционные положения формируют основу специальной системы жилищных гарантий. Ключевое значение имеет Федеральный закон от 21 декабря 1996 года № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Его статья 8 регулирует предоставление жилых помещений лицам соответствующей категории, которые не имеют жилья либо не могут вернуться в ранее занимаемое помещение по предусмотренным законом причинам.

При этом необходимо разграничивать само право на жилище и специальную гарантию его реализации. Конституция не подразумевает, что каждый гражданин вправе требовать немедленного предоставления ему квартиры за счёт государства, но для детей-сирот законодатель установил конкретные основания и порядок обеспечения жильём. Поэтому после выполнения предусмотренных законом условий обязанность уполномоченного органа перестаёт быть исключительно вопросом социальной политики и приобретает характер юридического обязательства. Жилые помещения предоставляются гражданам данной категории из специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений. По общему правилу такой договор заключается на пять лет. После окончания его срока при отсутствии обстоятельств, свидетельствующих о необходимости дополнительного содействия в преодолении трудной жизненной ситуации, законодательство предусматривает возможность дальнейшего предоставления жилья по договору социального найма. Таким образом, механизм поддержки направлен не только на удовлетворение первоначальной жилищной потребности, но и на обеспечение постепенного перехода к самостоятельной жизни [2, с. 88].

Вместе с тем закрепление специальной гарантии ещё не означает её своевременного исполнения. На практике лица из числа детей-сирот могут длительное время ожидать предоставления жилого помещения. Причины связаны с недостаточным количеством подготовленных квартир, ограниченностью бюджетных средств, организационными недостатками и сложностями взаимодействия органов публичной власти. В результате между формальным признанием права и его фактической реализацией возникает значительный временной разрыв. Именно этот разрыв позволяет поставить вопрос о пределах ответственности государства. Недостаток финансирования или жилого фонда может объяснять задержку, однако сам по себе не отменяет установленную федеральным законом обязанность. Если законодатель признал определённую категорию граждан нуждающейся в особой защите, органы публичной власти не могут произвольно отказаться от предоставления предусмотренной гарантии, ссылаясь исключительно на организационные трудности [3, с. 41].

Ответственность государства не следует отождествлять с обязанностью предоставить жильё немедленно при любых обстоятельствах. Закон допускает определённые процедуры проверки права гражданина, установления нуждаемости и включения в соответствующий список. Уполномоченные органы должны проверить предусмотренные законом обстоятельства, определить наличие оснований для предоставления жилья и принять соответствующее решение. Однако эти процедуры не должны превращаться в самостоятельное препятствие для реализации права.

Отдельного внимания заслуживает распределение полномочий между различными уровнями публичной власти. В соответствии с пунктом 8 статьи 8 Федерального закона № 159-ФЗ дополнительные гарантии прав детей-сирот на имущество и жилое помещение относятся к расходным обязательствам субъектов Российской Федерации. Следовательно, значительная часть практической ответственности за исполнение жилищных обязательств возлагается на региональные органы государственной власти. Они должны

обеспечивать финансирование соответствующих мероприятий, организовывать предоставление жилья и контролировать соблюдение установленных требований.

При этом федеральный уровень законодательства определяет основные гарантии и общие правила их реализации. Региональные органы не вправе произвольно отменять федеральные права или устанавливать условия, которые фактически лишают граждан возможности воспользоваться предусмотренной законом поддержкой. Подобное разграничение позволяет учитывать особенности регионов, но одновременно требует действенного контроля за соблюдением единых правовых гарантий.

Существующая модель порождает вопрос о том, насколько эффективно гражданин может защитить своё право при бездействии уполномоченного органа. Одним из основных средств такой защиты выступает обращение в суд. С помощью него можно оспорить отказ в предоставлении жилья, решение об исключении из соответствующего списка либо бездействие органа, обязанного исполнить предусмотренные законом требования. При наличии правовых оснований суд вправе возложить на компетентный орган обязанность устранить нарушение. Значение судебной защиты состоит не только в восстановлении прав конкретного заявителя. Судебные решения позволяют выявлять системные недостатки работы органов власти и уточнять содержание их обязанностей. В частности, Верховный Суд РФ в обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с обеспечением детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями от 23 декабря 2020 года обращал внимание на необходимость устанавливать обстоятельства возникновения права, наличие оснований для предоставления помещения и компетенцию органа, на который может быть возложена соответствующая обязанность. Этот подход показывает, что разрешение жилищного спора требует оценки не только формального статуса гражданина, но и конкретных обстоятельств дела. Однако судебное решение само по себе не всегда устраняет проблему длительного ожидания. Даже после признания бездействия незаконным лицо из числа детей-сирот может столкнуться с необходимостью дальнейшего ожидания фактического предоставления жилья. Поэтому эффективность защиты зависит не только от доступности правосудия, но и от исполнения судебных актов [4, с. 124].

Важное значение имеет и вопрос о качестве предоставляемого жилого помещения. Исполнение обязанности не должно сводиться к передаче любого объекта недвижимости. Жильё должно отвечать установленным требованиям благоустроенности, санитарным и техническим нормам. Предоставление помещения, непригодного для проживания, формально может выглядеть как исполнение обязательства, но фактически не обеспечивает достижение цели закона. В такой ситуации лицо из числа детей-сирот должен иметь возможность оспорить действия уполномоченного органа и потребовать соблюдения установленных требований.

Дополнительную актуальность проблеме придаёт Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2025 года № 30-П. В нём рассматривались вопросы сохранения жилищных гарантий лиц из числа детей-сирот, которые приобрели жильё с использованием ипотечного кредита и средств материнского капитала. Конституционный Суд указал на недопустимость толкования законодательства, при котором приобретение жилья за счёт ипотечного кредита само по себе приводило бы к утрате ранее возникшего права на государственное обеспечение. Такой подход имеет очень важное значение: гражданин не должен лишаться установленной законом гарантии только потому, что попытался самостоятельно решить жилищный вопрос в условиях длительного неисполнения государством своих обязательств. Данная правовая позиция раскрывает более общий принцип. Государство вправе устанавливать условия получения социальной поддержки, но такие условия должны быть ясными, обоснованными и согласованными с конституционными гарантиями. Ограничение ранее возникшего права не может основываться на формальном толковании отдельных положений закона, если его результат противоречит цели установленной меры поддержки. Иначе человек оказывается в положении, при котором самостоятельные действия по улучшению жилищных условий создают риск утраты государственной гарантии.

Следует учитывать и то, что достижение совершеннолетия не прекращает автоматически жилищные обязательства государства. Если лицо относится к предусмотренной законом категории и ещё не получило положенное жильё, право на обеспечение жилым помещением сохраняется до фактического исполнения обязательства в соответствии с пунктом 9 статьи 8 Федерального закона № 159-ФЗ. Это правило препятствует ситуации, при которой длительное ожидание или достижение определённого возраста сами по себе становятся основанием для отказа в предоставлении жилья [5, с. 50].

Представляется, что совершенствование действующей системы должно осуществляться

по нескольким направлениям. Во-первых, необходимо повышать прозрачность формирования списков граждан, подлежащих обеспечению жильём. Доступная информация о порядке постановки на учёт, движении очереди и причинах изменения статуса заявителя позволила бы снизить риск административных ошибок и необоснованных отказов. Во-вторых, требуется усилить контроль за исполнением региональных программ и расходованием бюджетных средств, предназначенных для реализации жилищных гарантий. В-третьих, целесообразно развивать механизмы оперативного рассмотрения жалоб на бездействие органов власти и обеспечивать своевременное исполнение судебных решений. При этом нельзя считать достаточным решением исключительно увеличение финансирования. Дополнительные бюджетные средства не гарантируют результата, если сохраняются недостатки планирования, контроля и межведомственного взаимодействия. Эффективная система должна сочетать финансовое обеспечение с понятными административными процедурами и персональной ответственностью должностных лиц за нарушения в пределах, установленных законодательством.

Таким образом, право детей-сирот на жилище представляет собой не только социальную гарантию, но и конкретное публично-правовое обязательство государства. Его содержание определяется Конституцией РФ, Федеральным законом № 159-ФЗ и иными нормативными правовыми актами. Основная проблема заключается не столько в отсутствии законодательного регулирования, сколько в разрыве между установленными гарантиями и их практической реализацией.

Пределы ответственности государства определяются необходимостью соблюдать предусмотренные законом процедуры, проверять наличие оснований для предоставления жилья и учитывать бюджетные возможности при организации соответствующей деятельности. Однако эти обстоятельства не могут служить основанием для произвольного отказа от исполнения обязательства или бессрочного уклонения от него. Приоритет должен отдаваться реальному восстановлению нарушенного права, а не формальному подтверждению того, что необходимые административные действия были совершены.

Список литературы:

[1] Мартынова, Е. В. Реализация жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / Е. В. Мартынова // Социология. – 2022. – № 5. – С. 126-134.

[2] Ахмедова, З. А. Обеспечение жилищных прав детей-сирот и приравненных к ним лиц / З. А. Ахмедова, А. М. Гасанова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2024. – № 1. – С. 87-93.

[3] Устинов, А. Н. Проблемы реализации права детей-сирот и лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на обеспечение жилым помещением / А. Н. Устинов, Е. М. Якимова / Сибирский юридический вестник. – 2022. – № 1 (96). – С. 37-42.

[4] Николаева, К. С. Институт жилищных прав детей-сирот: проблемы юридических гарантий / К. С. Николаева // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2023. – № 2 (28). – С. 121-130.

[5] Николаев, А. А. Жилищные права детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из их числа: специфика их защиты / Николаев А. А. // European and Asian Law Review. – 2026. – № 1. – С. 48-53.

References:

[1] Martynova, E. V. Implementation of housing rights of orphans and children left without parental care / E. V. Martynova // Sociology. – 2022. – № 5. - S. 126-134.

[2] Akhmedova, Z. A. Ensuring the housing rights of orphans and persons equated to them / Z. A. Akhmedova, A. M. Hasanova // Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. – 2024. – № 1. - S. 87-93.

[3] Ustinov, A. N. Problems of realizing the right of orphans and persons from among orphans and children left without parental care to provide housing / A. N. Ustinov, E. M. Yakimova / Siberian Legal Bulletin. – 2022. – № 1 (96). - S. 37-42.

[4] Nikolaeva, K. S. Institute of Housing Rights of Orphans: Problems of Legal Guarantees / K. S. Nikolaeva // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. – 2023. – № 2 (28). - S. 121-130.

[5] Nikolaev, A. A. Housing rights of orphans, children left without parental care, and persons from among them: the specifics of their protection / Nikolaev A. A. // European and Asian Law Review. – 2026. – № 1. - S. 48-53.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-67-71

САФРОНОВ Владимир Павлович,
аспирант 3 курса «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова», г. Казань,
e-mail: volodya.safronoff18@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы реализации права на защиту достоинства личности в Российской Федерации. Несмотря на закрепление данного права в Конституции РФ и международных актах, его практическое применение сталкивается с серьезными трудностями. Автор выделяет три ключевые группы проблем: пробелы в законодательстве, проблемы правоприменения и социальные и цифровые вызовы. Предлагаются пути решения, включая законодательное закрепление понятия «достоинство», введение методики расчета компенсаций, совершенствование борьбы с кибербуллингом, унификацию судебной практики и защиту уязвимых категорий граждан.*

Ключевые слова: *достоинство личности, защита чести и репутации, компенсация морального вреда, кибербуллинг, дискриминация, судебная практика, свобода слова, диффамация, антиэкстремистское законодательство, цифровые права.*

Для цитирования: *Сафронов В. П. Современные проблемы реализации права на защиту достоинства личности в России // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 67–71.*

SAFRONOV Vladimir Pavlovich,
3rd-year PhD student Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov Kazan, Russia

CONTEMPORARY PROBLEMS OF REALISING THE RIGHT TO PROTECT PERSONAL DIGNITY IN RUSSIA

Annotation. *The article examines current problems in the realisation of the right to protect personal dignity in the Russian Federation. Despite the enshrinement of this right in the Constitution of the Russian Federation and international instruments, its practical application faces serious difficulties. The author identifies three key groups of problems: gaps in legislation, problems of law enforcement, and social and digital challenges. Solutions are proposed, including the legislative consolidation of the concept of "dignity," the introduction of a methodology for calculating compensation, the improvement of the fight against cyberbullying, the unification of judicial practice, and the protection of vulnerable categories of citizens.*

Key words: *personal dignity, protection of honour and reputation, compensation for moral harm, cyberbullying, discrimination, judicial practice, freedom of speech, defamation, anti-extremist legislation, digital rights.*

For citation: *Safronov V. P. Contemporary problems of realising the right to protect personal dignity in Russia. Russian scientific bulletin. 2026;(11):67–71. (In Russ.).*

Право на защиту достоинства личности закреплено в Конституции РФ (ст. 21) [3], а также в международных актах, таких как Всеобщая декларация прав человека [1] и Европейская конвенция о защите прав человека [2]. Однако на практике его реализация сталкивается с рядом проблем, на каждой из которых остановимся подробно:

1. Пробелы в законодательстве:

недостаточная конкретизация понятия «достоинство». В российском законодательстве отсутствует легальное определение понятия «достоинство личности», что приводит к субъективному толкованию судами, противоречивой практике при рассмотрении дел и сложностям в доказывании нарушений. Так, Конституция РФ (ст. 21) провозглашает защиту достоинства, но не раскрывает его содержание, Гражданский кодекс РФ (ГК РФ) (ст. 150) [5] относит достоинство к нематериальным благам, но не дает четких критериев,

Уголовный кодекс РФ (УК РФ) [4] и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [6] используют термины «честь», «достоинство», «деловая репутация», но без разграничения.

В связи с этим, размытость формулировок позволяет злоупотреблять нормами (например, подавать иски о защите достоинства против критики), а суды часто отказывают в исках из-за «неочевидности» нарушения достоинства.

Таким образом, для решения данной проблемы возникает необходимость принятие законодательного определения (например, через поправки в ГК РФ) и разъяснения Верховного Суда РФ (по аналогии с Постановлением Пленума ВС № 25 о компенсации морального вреда).

ограниченность механизмов компенсации морального вреда (ст. 151 ГК РФ). Несмотря на то, что ст. 151 ГК РФ позволяет взыскивать компенсацию морального вреда, на практике суммы часто символические (5–50 тыс. руб. даже за серьезные нарушения), нет четких критериев расчета – суды назначают компенсацию на свое усмотрение, а также существует сложность доказывания нравственных страданий.

В качестве примера можно представить размеры несправедливых компенсаций. Так, за оскорбление в соцсетях предусмотрена компенсация от 10 000 до 30 000 руб. (при том, что ущерб репутации может быть значительным), сумма компенсации за дискриминацию на работе варьируется от 5 000 до 20 000 руб. (хотя последствия могут быть психологически тяжелыми), компенсация за неправомерное задержание составляет от 30 000 до 100 000 тыс. руб. (даже если человек провел в СИЗО несколько месяцев) [7, С.45].

Данная ситуация возникает в связи с отсутствием методики расчета (в отличие, например, от имущественного ущерба), консервативности судов (нежелание присуждать крупные суммы) или экономический фактор (ответчик может быть неплатежеспособен).

В связи с этим, считаем необходимым введение «базовых ставок» за разные виды нарушений (как в некоторых зарубежных странах), вести учет реального ущерба (потеря работы, депрессия, публичность случая) и учет практики ЕСПЧ (например, в Европе компенсации за унижение достоинства могут достигать десятков тысяч евро).

слабая защита от кибербуллинга и дискриминации – законы (например, ст. 282 УК РФ) не всегда эффективны против новых форм унижения в интернете.

Современные формы унижения достоинства (травля в интернете, дискриминация) не имеют эффективных механизмов пресечения: кибербуллинг (травля в соцсетях, доксинг, троллинг) – сложно доказать и привлечь к ответственности; дискриминация (по полу, расе, возрасту, инвалидности) – слабая судебная практика; неэффективность ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти») – применяется избирательно, часто не касается бытового хейта [10, С.26].

По нашему мнению, проблема возникает в связи с анонимностью в сети, в связи с чем сложно установить виновных; нежеланием правоохранителей заниматься «неочевидными» делами и отсутствием специальных составов для цифровых форм унижения. Отсюда, необходимо принятие отдельного закона о кибербуллинге и расширение ст. 282 УК РФ на случаи бытовой ненависти и травли.

Таким образом, несмотря на закрепление права на защиту достоинства в Конституции РФ и международных актах, его реализация сталкивается с серьезными трудностями: размытость понятия «достоинство» приводит к неоднозначной судебной практике, символические компенсации морального вреда не соответствуют реальному ущербу, неэффективность защиты от кибербуллинга и дискриминации из-за устаревших норм. Для решения пробелов в законодательстве необходимо четкое законодательное определение достоинства, установление методики расчета компенсаций и совершенствование борьбы с кибербуллингом и дискриминацией. Данные меры помогут усилить защиту достоинства личности в России [9].

2. Проблемы правоприменения:

субъективность судебных решений – суды по-разному оценивают случаи нарушения достоинства, что ведет к правовой неопределенности. Отсутствие единообразной судебной практики приводит к тому, что аналогичные случаи нарушения достоинства получают диаметрально противоположные оценки в судах. Это создает правовую неопределенность для граждан, риск произвольного толкования норм и неравенство перед законом [13, С.92].

Путями решения проблем правоприменения для субъективности решений нам видятся в издании разъяснений Пленума ВС РФ, введении прецедентного значения решений и создании специализированных составов судей.

сложность доказывания – особенно в делах о диффамации (клевета, оскорбление – ст. 128.1, 5.61 КоАП РФ). Защита чести, достоинства и деловой репутации через правовые механизмы (ст. 128.1 УК РФ – клевета, ст. 5.61 КоАП РФ – оскорбление) сталкивается с рядом процессуальных сложностей: бремя доказывания на потерпевшем (в отличие от многих других составов, потерпевший должен сам доказать факт

распространения порочащих сведений, порочащий характер этих сведений и их несоответствие действительности), субъективная оценка оскорбления (оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ) – это унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме. Однако суды по-разному трактуют, что считать «неприличной формой»), проблема анонимности и доказательств в интернете (если диффамация происходит в интернете, сложно установить распространителя), злоупотребление исками о защите чести и достоинства (диффамационные нормы иногда используются для давления на критиков).

злоупотребление «антиэкстремистскими» нормами. В последние годы в России участились случаи, когда критика власти или публичные высказывания трактуются как «оскорбление представителя власти» (ст. 319 УК РФ); «унижение достоинства группы лиц» (ст. 282 УК РФ – экстремизм, хотя она была декриминализирована, но аналогичные составы остались в КоАП); «распространение ложных сведений о действиях государства» (ст. 207.3 УК РФ – фейки о армии) [11, С.63].

Таким образом, правоприменительная практика сталкивается с рядом проблем: субъективность судебных решений (отсутствие единых стандартов ведет к неравенству перед законом), сложность доказывания (потерпевшие сталкиваются с высокими процессуальными барьерами, особенно в делах о диффамации и интернет-оскорблениях), злоупотребление антиэкстремистскими нормами (избирательное применение статей УК и КоАП против критиков власти создает угрозу свободе слова). Для решения указанных проблем, необходима унификация судебной практики (издание разъяснений Пленума ВС РФ, введение прецедентного подхода, специализация судей по делам о защите достоинства), упрощение доказывания в делах о диффамации (перераспределение бремени доказывания, четкие критерии «неприличной формы» оскорбления, упрощение процедуры установления анонимных нарушителей), ограничение злоупотреблений антиэкстремистскими нормами (четкое разграничение критики и оскорбления в законах, отмена или корректировка расплывчатых формулировок, контроль за обоснованностью возбуждения дел, исключение политической мотивации). Данные меры помогут сделать правоприменение более предсказуемым и справедливым.

3. Социальные и цифровые вызовы в сфере защиты чести, достоинства и репутации. Современные реалии создают новые вызовы для правовой защиты личности, особенно в цифровой среде. Среди основных проблем:

киберпреследование и троллинг – отсутствие эффективных инструментов против травли в соцсетях. Актуальность проблемы заключается в анонимности агрессоров (злоумышленники создают фейковые аккаунты, используют VPN и мессенджеры, что затрудняет их идентификацию), масштабы распространения (оскорбительные комментарии, угрозы, компромат могут быстро стать вирусными, а удалить их полностью почти невозможно), правовая неопределенность (не все формы кибербуллинга подпадают под статьи о клевете или оскорблении. Например, троллинг (провокационные высказывания без прямых оскорблений) часто остается безнаказанным), медленная реакция платформ (жалобы в соцсетях рассматриваются долго, а контент не всегда блокируется) [8, С.47].

В России предприняты попытки регулирования. Так, в 2022 году в России ввели ст. 163.6 УК РФ («Преследование») однако она применяется она редко. Роскомнадзор блокирует некоторые сайты и страницы, но это не останавливает агрессоров.

дискриминация уязвимых групп (мигранты, люди с инвалидностью) – несмотря на запрет дискриминации (ст. 19 Конституции), такие случаи редко доходят до суда в связи с низкой правовой грамотностью (мигранты, люди с инвалидностью и другие уязвимые группы часто не знают, как защищаться), сложностью доказывания (дискриминация редко выражается прямо (например, отказ в приеме на работу из-за национальности трудно подтвердить)) [12, С.20], нежеланием правоохранителей возбуждать дела (даже при явных случаях оскорблений по национальному признаку (ст. 282 УК РФ) полиция часто отказывает в возбуждении дела) [14, С.38].

деловая репутация и свобода слова – конфликт между защитой достоинства (например, иски бизнесменов к журналистам) и правом на критику. В данной области возникают следующие проблемы: компании и чиновники подают иски о защите деловой репутации (ст. 152 ГК РФ) даже за справедливую критику, а влиятельные истцы затягивают процессы, чтобы разорить журналистов или активистов [10, С.42].

Таким образом, современные вызовы требуют обновления правовых механизмов защиты чести, достоинства и репутации: киберпреследование и троллинг остаются безнаказанными из-за анонимности, медленного реагирования платформ и пробелов в законодательстве, дискриминация уязвимых групп (мигранты, люди с инвалидностью) редко доходит до суда из-за сложности доказывания и пассивности правоохранителей, конфликт между защитой репутации и свободой слова приводит к злоупотреблениям исками против критиков.

В связи с этим необходима борьба с ки-

берпреследованием (введение специального закона о кибербуллинге с четкими критериями, обязательная идентификация в соцсетях, ускоренный механизм удаления контента, расширение ст. 163.6 УК РФ («Преследование») на онлайн-травлю с упрощенным доказыванием), защита уязвимых групп от дискриминации (создание специализированных прокуратур по делам о дискриминации, перераспределение бремени доказывания, общественные кампании и правовая помощь для повышения грамотности мигрантов и людей с инвалидностью), баланс между защитой репутации и свободой слова (четкие критерии «добросовестной критики» в законе, финансовые гарантии для ответчиков, штрафы за злоупотребление исками. Это снизит уровень безнаказанности в сети, защитит уязвимые группы и предотвратит злоупотребление судебными механизмами.

Список литературы:

[1] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights (дата обращения: 28.06 2025).

[2] Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950, с изм. и доп.) // Официальный текст на сайте Совета Европы. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_rus (дата обращения: 28.06 2025).

[3] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 30. – Ст. 3051.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[6] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1. – Ст. 1.

[7] Анисимов А.Л. Честь, достоинство и деловая репутация: гражданско-правовая защита. / А.Л. Анисимов. – М.: Юрист, 2020. – 166 с.

[8] Белявский А.В. Проблемы защиты нематериальных благ в гражданском праве / А.В. Белявский // Журнал российского права. – 2021. – № 5. – С. 45-58.

[9] Волкова Н.С. Правовые механизмы противодействия кибербуллингу в России / Н.С. Волкова // Информационное право. – 2021. – № 3. – С. 24-32.

[10] Зиновьев А.В. Защита личности от диффамации и оскорблений в интернете / А.В. Зиновьев // Юридический мир. – 2022. – № 5. – С. 41-49.

[11] Кудрявцев В.Н. Пределы защиты деловой репутации и свобода слова / В.Н. Кудрявцев // Вестник ВАС РФ. – 2020. – № 8. – С. 60-72.

[12] Лазарева-Пацкая Н.В. Дискриминация по признаку инвалидности: проблемы правовой защиты / Н.В. Лазарева-Пацкая // Социальное и пенсионное право. – 2021. – № 2. – С. 18-27.

[13] Михайлова Е.Н. Достоинство личности в контексте судебной защиты / Е.Н. Михайлова // Вестник гражданского права. – 2022. – № 2. – С. 89-102.

[14] Тарасов А.А. Защита достоинства мигрантов в российском праве / А.А. Тарасов // Миграционное право. – 2022. – № 4. – С. 33-42.

References:

[1] Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948) // Official website of the UN. – Available at: https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights (accessed: 28.06.2025).

[2] European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Rome on 04.11.1950, as amended and supplemented) // Official text on the website of the Council of Europe. – Available at: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_rus (accessed: 28.06.2025).

[3] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2003. – No. 30. – Art. 3051.

[4] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 24.06.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.

[5] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 24.02.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.

[6] Code of Administrative Offences of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 24.06.2025) (with amendments and additions in force from 05.07.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1. – Art. 1.

[7] Anisimov A.L. Honour, Dignity and Business Reputation: Civil Law Protection / A.L. Anisimov. –

Moscow: Yurist, 2020. – 166 p.

[8] Belyavsky A.V. Problems of Protecting Intangible Goods in Civil Law / A.V. Belyavsky // Journal of Russian Law. – 2021. – No. 5. – Pp. 45–58.

[9] Volkova N.S. Legal Mechanisms for Countering Cyberbullying in Russia / N.S. Volkova // Information Law. – 2021. – No. 3. – Pp. 24–32.

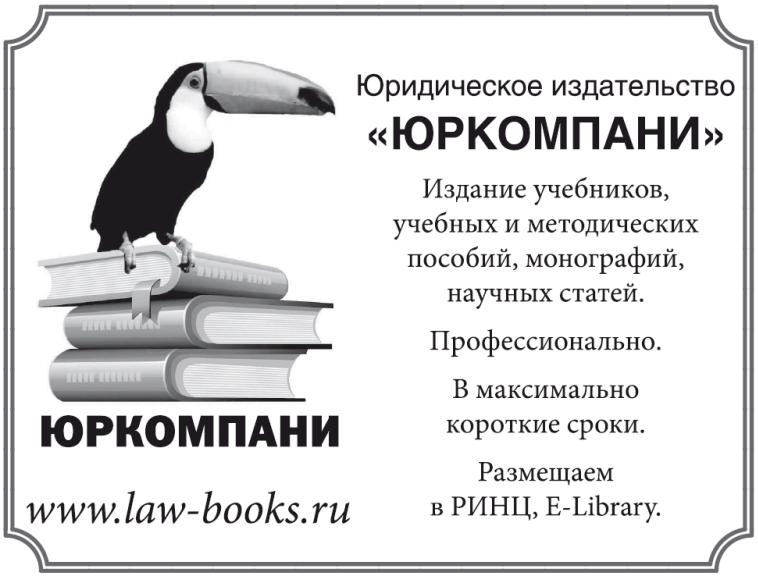
[10] Zinoviev A.V. Protection of the Individual from Defamation and Insults on the Internet / A.V. Zinoviev // Legal World. – 2022. – No. 5. – Pp. 41–49.

[11] Kudryavtsev V.N. Limits of Protection of Business Reputation and Freedom of Speech / V.N. Kudryavtsev // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2020. – No. 8. – Pp. 60–72.

[12] Lazareva-Patskaya N.V. Disability Discrimination: Problems of Legal Protection / N.V. Lazareva-Patskaya // Social and Pension Law. – 2021. – No. 2. – Pp. 18–27.

[13] Mikhailova E.N. Personal Dignity in the Context of Judicial Protection / E.N. Mikhailova // Bulletin of Civil Law. – 2022. – No. 2. – Pp. 89–102.

[14] Tarasov A.A. Protection of the Dignity of Migrants in Russian Law / A.A. Tarasov // Migration Law. – 2022. – No. 4. – Pp. 33–42.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.10.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-72-80
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ВДОВИЧЕНКО Сергей Сергеевич,
студент, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: sergeyvdoviche@mail.ru

НАХОВА Елена Александровна,
доктор юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, профессор кафедры гражданского и международного частного права Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, профессор кафедры арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата Саратовской государственной юридической академии,
e-mail: nahova.elena@yandex.ru

ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КАК ФОРМЫ КОЛЛЕКТИВНОГО УЧАСТИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Аннотация. *В научной статье проведен комплексный анализ правовой природы религиозных объединений как формы коллективного участия в реализации права на свободу совести и вероисповедания. В частности, авторами исследуется проблематика возникновение коллективных форм духовной реализации, религиозные объединения как государственные органы, общественные организации, «социально вредные элементы», правовая природа законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и об религиозных объединениях. Авторы приходят к выводу, что принципиальным положением остается повышение эффективности взаимодействия религиозных объединений и государства как разных проявлений общественных отношений, что может быть достигнуто только при всестороннем анализе исторического опыта и текущего практического воплощения подходов к духовной реализации человека, понимания различного направления деятельности государства и религиозных объединений, не должных «подменять» одно другое. Кроме того, авторы поддерживают позицию, существующую в доктрине об отнесении института свободы совести и свободы вероисповедания к комплексным, межотраслевым институтам. В связи с изложенным высказаны авторские суждения о том, что указанный институт составляют нормы его общей и особенной части. К нормам общей части можно отнести основополагающие принципы и идеи, которые регулируют право на свободу совести и вероисповедания и порядок их реализации, основы правового регулирования государством деятельности религиозных организаций, право на религиозное образование и порядок его реализации, правовой статус религиозных объединений, порядок осуществления надзора и контроля за деятельностью религиозных объединений. К особенной части исследуемого правового института можно отнести порядок, права и условия деятельности религиозных организаций, основы регулирования миссионерской деятельности и т.д. В связи с изложенным представляется актуальным исследование в дальнейших научных работах основополагающих ценностных категорий института свободы совести и свободы вероисповедания, принципов и идей, регулирующих право на свободу совести и вероисповедания и порядок их реализации.*

Ключевые слова: *свобода совести, свобода вероисповедания, религиозные объединения, государственно-конфессиональная политика, правовая сущность, правовое содержание.*

Для цитирования: *Вдовиченко С. С., Нахова Е. А. Правовая сущность религиозных объединений как формы коллективного участия в реализации права на свободу совести и вероисповедания // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 72–80.*

VDOVICHENKO Sergey S.,
student, North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

NAKHOVA Elena A.,
Doctor of Legal Sciences; Associate Professor in the Department of Civil Procedure at the North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev; Professor in the Department of Civil and Private International Law at the Leningrad State University named after A.S. Pushkin; Professor in the Department of Arbitration Procedure, Advocacy, and Notary Practice at the Saratov State Law Academy

THE LEGAL NATURE OF RELIGIOUS ASSOCIATIONS AS A FORM OF COLLECTIVE PARTICIPATION IN THE EXERCISE OF THE RIGHT TO FREEDOM OF CONSCIENCE AND RELIGION

Annotation. *The scientific article carried out a comprehensive analysis of the legal nature of religious associations as a form of collective participation in the realization of the right to freedom of conscience and religion. In particular, the authors explore the emergence of collective forms of spiritual realization, religious associations as state bodies, public organizations, "socially harmful elements," the legal nature of the law on freedom of conscience, freedom of religion and religious associations. The authors come to the conclusion that the fundamental principle remains to increase the effectiveness of interaction between religious associations and the state as different manifestations of social relations, which can be achieved only with a comprehensive analysis of historical experience and the current practical implementation of approaches to the spiritual realization of a person, understanding of various areas of activity of the state and religious associations that should not "replace" one another. In addition, the authors support the position that exists in the doctrine of classifying the institution of freedom of conscience and freedom of religion as a complex, intersectoral institution. In connection with the above, author's judgments were expressed that this institution constitutes the norms of its general and special part. The norms of the general part include the basic principles and ideas that regulate the right to freedom of conscience and religion and the procedure for their implementation, the basics of legal regulation by the state of the activities of religious organizations, the right to religious education and the procedure for its implementation, the legal status of associations, the procedure for supervision and control over the activities of religious associations. A special part of the studied legal institution includes the procedure, rights and conditions of the activities of religious organizations, the basis for regulating missionary activity, etc. In connection with the above, it seems relevant to study in further scientific works the fundamental value categories of the institution of freedom of conscience and freedom of religion, the principles and ideas governing the right to freedom of conscience and religion and the procedure for their implementation.*

Key words: *freedom of conscience, freedom of religion, religious associations, state-confessional policy, legal essence, legal content.*

For citation: *Vdovichenko S. S., Nakhova E. A. The legal nature of religious associations as a form of collective participation in the exercise of the right to freedom of conscience and religion. Russian scientific bulletin. 2026;(11):72–80. (In Russ.).*

Введение

Религия как форма мировоззрения, совокупность ценностных установок, регулирующих поведение человека, является одним из древнейших социальных институтов, известных человечеству. Указанный общественный институт имеет двойственное проявление, состоящее в сочетании религиозной веры отдельного индивида (психического отношения к некоторой сверхъестественной сущности) и коллективной формы убеждения, некоторого «расщепленного» убеждения, присущего группе индивидов. Вопрос изучения религии, таким образом, требует учета предельной индивидуальности религиозных убеждений каждого человека (в том числе и отсутствия этих убеждений), а равно и невозможности существо-

вания какого-либо объективного, материального проявления веры человека, его духовной связи со сверхъестественными силами. Сутью религиозной веры, отмечаем мы, остается безосновательная, непроверяемая, не требующая подтверждения убежденность в существовании некоторого сверхъестественного существа. Строгому и обоснованному научному осмыслению может быть подвергнута лишь «внешняя» составляющая религии (объективная или поведенческая) – материализованная природа религиозного поклонения (культовые здания, реликвии и иные религиозные предметы), равно и закономерность поведения некоторых группы лиц (установление религиозных правил, определения их влияния на социум). Религия сохраняет свое значение не только для определения внутреннего мира человека, но и для его познания, самоощущения и постановки вопроса о смысле своего существования. Особый интерес представляет изучение правовой сущности религиозных объединений как формы коллективного участия в реализации права на свободу совести и вероисповедания, нормативной оценки некоторого объединения субъектов для целей их духовной реализации.

Возникновение коллективных форм духовной реализации

Свобода совести (как и упоминаемая в этом контексте свобода вероисповедания) – это гарантированная государством возможность, с одной стороны, принадлежности к некоторой религиозной группе (или непринадлежности ни к одной из групп), с другой стороны, беспрепятственного отправления религиозного культа, участия в религиозной жизни своей общности. Иными словами, свобода определяет собой защищаемое силой государства меру дозволенного – возможную личную убежденность, предельно индивидуализированную связь со сверхъестественным существом, а равно и подчинение своего внешнего поведения собственным мотивам и целям, руководство которым полностью принадлежит самому человеку. Устоявшимся представляется научный подход к определению форм реализации свободы совести, под которыми следует понимать совокупность фактических действий, объединенных целью удовлетворения религиозных потребностей человека.

Коллективная форма реализации свободы совести определена через социальные права человека, его возможности объединять усилия с другими людьми для достижения некоторых целей. Религиозная общность не является первичной при определении вопроса индивидуальной веры, но может иметь существенное значение в рамках соблюдения внутриконфессиональных норм – строгого соответствия религиозным правилам и требованиям для признания поведения человека правоверным. Основные проявления коллективных форм определяются как: совместное исповедание, совершение коллективных религиозных обрядов и церемоний, религиозное образование и воспитание, распространение религиозных убеждений (в том числе в форме создания религиозных объединений).

Достаточно сложно проследить историческое понимание возникновение коллективной формы духовной реализации, ее возведения к некоторому этапу развития человеческого сознания, последующего в ходе естественного процесса эволюции. Теоретические подходы выделяют основными версиями подобного возникновения: материалистическую концепцию (возникновения религии как формы подавления одного класса другим в необходимо обеспечении «заблуждения» угнетенного класса), концепцию «недостаточного знания» (невозможности «покрытия» человеческими возможностями осознания проявлений естественного мира, вынужденного обращения к «абсолюту» как первоисточнику всего непонятного), концепцию «духовного переживая» (необходимого элемента развития сознания, осознания индивидом себя именно как отдельного человека, противостоящего всей объективной реальности, следовательно, требующей осмысления своего положения и понимания своего происхождения), концепцию социального происхождения (необходимого установления общественного регулятора через формирование представлений о добре и зле, выраженном в потребности почитания этих самых сил) [1, с. 22-23]. Подходами, которые не имеют научного обоснования, следует полагать концепции естественного происхождения религии (ее происхождения из некоторой «природной составляющей», отмечаемой, с позиции сторонников этой теории, в том числе и у животных, не имеющих сознания), а равно и концепции «реального соприкосновения с божественным» (действительного контакта человека со сверхъестественным существом).

Приводимые концепции вместе с тем позволяют определить автономное существование религии как формы мировоззрения, общественного регулятора, напрямую независимого от государственной власти. Религиозное чувство, какой бы причиной оно не было бы определено, существует помимо прямого установления какой-либо власти; указанное чувство предельно уникально, неповторимо и по сути своей отображает личное отношение индивида к тем установкам, которые он познает самостоятельно. Полагаем, что в рамках настоящего развития исторической науки невозможно с точностью определить «первозданность» возникновения религии (в ее относитель-

но современном устройстве как совокупности ценностных установок) по отношению к государству (в его относительно современном устройстве как набора политической организации некоторой территории), однако, указанное определение со всей своей неполнотой все же возможно полагать относительно вероятным.

Более содержательным являлся бы вопрос возникновения религиозных объединений как общественных институтов, призванных обеспечить духовную реализацию в ее коллективной форме. Указанный вопрос не обладает должной степенью очевидности. С одной стороны, религиозные объединения как объединения индивидов связаны внутренними установлениями, иерархией управления, а равно и разработкой определенных мер контроля поведения (в первую очередь «внутреннего направления» человека, однако, представим и «внешний контроль» в виде применения мер принуждения). С другой стороны, какое-либо установление, признание некоторой общности именно как религиозного объединения требует иного установления – общественного согласия (когда большая часть общества разделяет эти установки и полагает их своими религиозными установлениями) или же государственного признания (прямого определения практик некоторого религиозного объединения как практик, свойственных религиозным объединениям). Мы бы хотели отдельно подчеркнуть, что исключительность духовного переживания не позволяет воспринимать каждое внутреннее отношение в качестве обязательно религиозного, следовательно, установление некоторого объективного критерия – отмеченного нами общественного или государственного признания – и следует полагать началом возникновения религиозного объединения именно как «религиозного». Иной бы подход распространил бы статус «религиозных» на другие формы общественной кооперации.

В этой связи хотелось бы обратиться к достаточно содержательной мысли В.С. Грачева: «религиозные объединения занимают исключительно важное место в системе взаимоотношений человека, общества и государства. В силу свободы совести и вероисповедания религия является сферой сугубо частных, духовных интересов человека, в которые не вправе вмешиваться государство. Вместе с тем значение религиозных объединений в системе государственного и общественного устройства и их влияние на духовные качества человека, формирование его частных интересов весьма велико, и именно поэтому религиозные объединения, по нашему мнению, являются субъектами гражданского общества» [2, с. 73]. Следовательно, религиозное объединение как проявление коллективной формы духовной реализации возникает из личного переживания группы индивидов, а равно требует некоторого понимания и общественной оценки этого самого переживания как «религиозной».

Религиозные объединения как государственные органы

Само по себе возникновение религиозных объединений еще не определяет существо указанной общественной кооперации. Публичная власть, выступающая основным творцом правовых норм, придерживается самых разнообразных подходов в оценке существа деятельности религиозных объединений, понимания указания на ту или иную религиозную общность с позиции прямого публичного установления.

Одной из форм установления является восприятие религиозных объединений в качестве государственных органов, проводников политической организации общества и «сбережения» легитимности власти. Указанный подход в меру особенностей общественного развития был превалирующим над остальными формами оценки религиозных объединений. Большинство обществ Древнего мира, Античности и Средневековья были приверженцами отождествления некоторого религиозного устройства с народом или государством. Священнослужители выступали в качестве некоторого рода государственных чиновников, призванных проводить «общественно полезные практики» по каноническому отправлению религиозного культа, а равна сакрализации государственной власти, находившей в этих практиках свою опору и поддержку. Таким образом, основные направления функционирования религиозных объединений в рамках религиозного государства следует считать проявления внутреннего (обеспечение состояния социальной гармонии, религиозного единства и соответствующего ему единства легитимности власти) и внешнего (вовлечение в общность религиозных государствах, предоставление легитимных оснований для отдельных внешнеполитических действий) вовлечения религии в достижение целей и задач государства.

При этом модель включения религиозных объединений в систему государственной власти не была отлична устойчивым установлением баланса между светской и религиозной властью. Вполне очевидно, что в течение определенных исторических периодов религиозная власть могла доминировать над светской, определяя волю всего государства через волю религиозных организаций, и наоборот – государство могло поставить религиозную организацию под свой прямой контроль. Однако мы отмечаем, что с течением времени религиозная организация приобретала более «технические» задачи, что следовала, с

одной стороны, из серьезного укрепления государственной власти, не требующей установления своей легитимности помимо собственного господства, с другой стороны, серьезного ослабевания религиозной организации, утраты ей монополии на духовную жизнь общества.

Общественное развитие привносило изменение в приводимую нами оценку при оставлении неизменным ее существенных свойств: легитимности светской власти, следующей от религиозной; привилегированного положения социальных групп священнослужителей; адаптации правовой системы под главенство религиозной организации общества (закрепление средств защиты религиозной организации). Со временем религиозная организация становилась формой поддержания государства (фактического «встраивания» религии в службу государству и политическому режиму), а не определения его воли и существа.

Для понимания практической формы реализации возможным представляется обращение к опыту Российской империи – государства, в котором подобная форма инкорпорации религиозных объединений в систему государственной власти нашла свое полное и последовательное воплощение. Так, Архимандрит Иосиф (И.Б. Еременко) отмечает, что «в итоге петровских и последующих в XVIII в. реформ в сфере правовых основ отношения государства и Церкви последняя практически полностью интегрируется в систему государственного управления, сращиваясь с бюрократическим аппаратом государства и во многом перенимая его основные черты. Церковная власть, растворяясь во власти государства, уже не могла рассматриваться как отличный от нее институт. Поэтому государство, осуществляя такого рода реформы, фактически отказывалось от культивируемой веками системы симфонии властей» [3, с. 148].

В целом мы отмечаем, что в современном понимании подобное рассмотрение религиозных объединений представляет собой форму политической организации, в которой религиозные принципы и доктрины интегрированы в законодательство, систему управления и социальную структуру. В идеальном типе легитимность власти исходит от божественного мандата, а религиозные лидеры или институты обладают значительным влиянием на принятие политических решений. Однако в указанном типе понимания духовная реализация определяется через призму государственного установления, следуя не внутреннему миру отдельного человека, а более «обобщенному пониманию» некоторой группы, обладающей возможностью указывать на должное понимание внутренних чувств, устанавливать взаимодействие в коллективных формах собственной духовной реализации.

Религиозные объединения как общественные организации

Сущностную категорию современной оценки религиозных объединений составляет восприятие этих объединений в качестве общественных организаций. Принцип построения светского государства берет своим началом переосмысление государственно-конфессиональных отношений в период Просвещения. Критика «размытия духовного и мирского» приводит европейских философов к идее «окончательного разрыва» государственной власти с религией. Эта идея обозначала четкое отграничение религиозных организаций от управления обществом. При этом следует понимать и категорию «светского государства» как основы развития подобного восприятия. Так, светское государство – это концепция, определяющая взаимоотношения между государством и религиозными организациями, основанная на принципах отделения религиозных институтов от государственных структур, при провозглашении нейтралитета государства по отношению к религиозным организациям и фактического обеспечения свободы вероисповедания для всех граждан. Эта модель государственно-конфессиональных отношений характеризуется правовым равенством всех граждан независимо от их религиозной принадлежности и отсутствием государственной поддержки какой-либо конкретной религии (вполне представима поддержка каждой законно функционирующей религиозной организации). Таким образом, светское государство – это соблюдение условий «не потакания» ни одной из религий при одновременном их «не подавлении».

Как отмечено в работе А.А. Исаевой «характеристика прав коллективных форм отправления культа коррелирует с государственно-церковными отношениями и позволяет сделать вывод о векторе развития самого государства, ведь религиозные объединения являются способом организации гражданского общества» [4, с. 210]. Иными словами, светская модель государства предполагает взвешенную оценку религиозных объединений через призму общественной кооперации, что, однако, нисколько не исключает установления дополнительных критериев «легализации» деятельности религиозного объединения, а именно – разработки некоторой процедуры установления статуса некоторого объединения именно как религиозного объединения (здесь очевидно проступает суть публичного интереса, необходимого обеспечения общественной безопасности и стабильности). Подобное отношение в по-настоящему демократическом правовом государстве распространяется на все институты гражданского общества.

Особо обращает на свое внимание и позиция Л.В. Осиповой «существование религиозных объединений в обществе носит объективно обусловленный характер и представляет собой форму удовлетворения религиозных потребностей и интересов, способ объединения людей вокруг мировоззренческих ценностей религиозного характера. Деятельность таких объединений в обществе способствует утверждению приоритета моральных ценностей над материальными, является эффективным фактором сдерживания социального произвола, коррупции, маргинализации социальных низов» [5, с. 10]. Любое позитивное социальное изменение исходит именно из концентрации позитивного влияния духовного объединения людей, что, однако, не является столь уж очевидным и объективным. Сама по себе религиозная вера лишена как таковых объективных показателей, отчего государственная власть вынужденно обращается к разработке общего порядка действия, определения границ свободы деятельности и мер возможного пресечения нарушений.

В этой связи существенное значение приобретает оценка некоторой «нейтральности» построения правовой системы. Принцип нейтралитета правового регулирования деятельности религиозных организаций предполагает, что государство не должно отдавать предпочтение какой-либо конкретной религии или религиозной организации, а должно относиться ко всем религиям одинаково, с позиций восприятия их равнозначными и равноправными общественными организациями. Это означает, что государство не должно финансировать отдельные религиозные организации, предоставлять конкретным религиозным организациям особые привилегии или «не распространять» отдельные ограничения на деятельность религиозных организаций (к примеру, поощрять экстремистские высказывания). Подобное нейтральное отношение не означает окончательное удаление государства от религиозных организаций, предполагая более «равенство возможностей» деятельности.

Правовая система светского государства адаптирована к принятию каждого члена общества вне зависимости от его религиозной принадлежности (отсутствия таковой). Понятие «религиозных преступлений» заменяется на преступления экстремистской направленности; государственные служащие не руководствуются в своей деятельности религиозными убеждениями (не существует требований к наличию или отсутствию таких убеждений); всякое проявление государство исключает религиозный характер, религиозную легитимацию (хотя возможны ритуальные элементы – принесение клятвы на священных текстах). Правовое существо подобной реализации находит свое прямое воплощение, единственно ограниченное потребностью самостоятельного обеспечения собственной деятельности (напрямую не предполагающей извлечение прибыли). Однако эффективная форма светского государства требует и построения эффективной модели реализации деятельность религиозных объединений вне обращения к иным источникам финансирования – определенных «уступок» особенностям экономической деятельности этих самых объединений (безвозмездного пользования объектами материального мира, налоговыми или иными публичными льготами).

Религиозные объединения как «социально вредные элементы».

Вместе с развитием эмпиризма и рационализма, направлений прикладного изучения действительности (чувственного или логического), происходит и переоценка устоявшихся ранее идей превосходства божественного существа. Необъяснимые явления через средства научного исследования и доказывания становятся понятными, отчего примат духовного (необъяснимое есть воля и желание божьи) теряет свое практическое значение – восполнять непостижимое человеческому разуму. Вместе с разрушением целостности религиозного мировоззрения происходит переоценка политической системы, основанной на легитимизации посредствам религиозных институтов. В контексте возникновения идеи государства, свободного от религии (вплоть до целенаправленного запрещения религии), возможно отметить следующие принципиальные концепции мыслителей эпохи Просвещения: концепции «следования религии за угнетением» (смысл оценки религии как источника подавления населения); концепции «намеренной лжи для успокоения» (смысл оценки религии как элемента «рукотворного властного регулятора» угнетателей над угнетенными); концепции «объективного устаревания религии как части организации современного общества». Такая критика исходила из утраты религиозной организацией материального и духовного главенства.

Общим же восприятием приводимых идей становилась «социальная вредность» религии как общественного явления, нашедшего своим проявлением и направления атеистических убеждений.

В современном понимании модель атеистического государства представляет собой политико-правовую конструкцию, в которой религиозные институты и религиозное мировоззрение напрямую исключены из сферы государственного управления и иных «общественно значимых» (иногда и вовсе любых) проявлений. В такой мо-

дели, государство провозглашает себя открыто враждебным по отношению к религии, определяя формы противостояния религиозной организации («мягкой» агитации или «жесткого» преследования по закону). Соответственно, правовые системы атеистических государств переходят к адаптации к требованиям обеспечения подавления религиозных организаций.

Подобно религиозным государствам, реализация атеистической модели может варьироваться в зависимости от конкретного исторического и культурного контекста. В некоторых случаях, государство отделяет церковь от государства, провозглашает себя светским государством, но обеспечивает создание условий проблематичной деятельности всех религиозных организаций (пример, Советский Союз периода антирелигиозных компаний). В других случаях, государство может напрямую закрепить противостояние религиозной организации, фактически запрещая населению придерживаться каких-либо религиозных взглядов (пример, диктатура «красных кхмеров» в Камбодже, где исповедования любой религии считалось преступлением). Критерием различия выступают не только нормативно-правовые акты, но и фактическая политика государства в отношении религиозных организаций и верующих, а также степень идеологического давления на общество.

Следовательно, в моделях восприятия религиозных объединений в качестве объединений «социально вредных» проявляется антагонизм государства и части общества, некоторое негативное проявление «борьбы за умы и души». Любая форма подавления, а именно – установления неравного статуса религиозных объединений как общественных объединений, откровенное препятствование их деятельности – умаляет возможности коллектива на воплощение собственной духовной свободы и потребности.

Подобная форма оценки, сохранившаяся и в настоящее время в отдельных обществах, все же является избыточной, а равно и малоэффективной. Вторжение государства в те области регулирования, которые ему не подвластны, снижает авторитет самого государства, обозначает его реальное стремление к абсолютному контролю, а равно усугубляет разрыв между властью и обществом. Следовательно, подобная модель восприятия при всем реальном умалении духовной реализации даже не может найти определенного подтверждения, поскольку религиозная вера человека в полной степени зависит только от него самого (как бы силен ни был фактор общественного влияния в том числе и государственного).

Вынужденно обратимся также и к пониманию проблемы деструктивных религиозных движений (имеющих также наименование сект). Полагаем, что указанные движения лишь отчасти, в своей форме, имеют проявления религиозных объединений, поскольку не отвечают напрямую целям духовной реализации, преследуя более корыстные цели самих организаторов этих самых сект. Ограничение, применение законных мер государственного принуждения, а равно иные формы препятствования деятельности деструктивных религиозных движений – нормальная практика, которую нельзя полагать правовой оценкой государства отдельных религиозных объединений в качестве «вредных».

Как справедливо отмечено в работе Ю.В. Гавриленко: «Современное общество получило возможность полноценно, всесторонне развиваться в духовной сфере сравнительно недавно (после развала СССР), что привело к засилью новых сект, культов, религиозных течений и т. д. Во всем многообразии вероучений необходимо уметь видеть потенциальные опасности и своевременно их избегать» [6, с. 100]. Деструктивное религиозное движение – это не в полной мере религиозное объединение; это объединение, злоупотребляющее законными пределами деятельности, установленными государством, а равно и обманывающее доверие индивидов, ищущих духовной реализации. Подавление указанных движений в полной степени отвечает проявлению светскости и поддержания общественной безопасности (в ее форме религиозной безопасности). Мы разделяем позицию Ю.В. Голик, С.С. Рыбалко, Ю.А. Чернышева по этому вопросу: «религиозная безопасность – это государственная деятельность, направленная на защиту российского общества от деструктивного воздействия идеологий экстремистского содержания, псевдоучений тоталитарных сект и деструктивных культов, оккультизма, колдовства, магии и на достижение стабильного состояния для самобытного развития конфессиональных традиций всех народов России» [7, с. 67]. Таким образом, разработка легальных способов охраны общества не означает автоматического распространения оценки «социальной вредности» на религиозные объединения вообще. Любое умаление прав человека требует адекватного происхождения из оценки публичного значения этого умаления, а равно отсутствия «выборочного» подхода при его реализации.

Правовая природа законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и об религиозных объединениях

Проблематика правовой природы совокупности норм, регулирующих свободу совести, свободу вероисповедания и правовой статус религиозных объединений достаточно детально освеще-

на в работе Н.А. Придворова, Е.В. Тихоновой, посвященной институту свободы совести и свободы вероисповедания в праве современной России, в которой авторы приходят к справедливому выводу, что институт свободы совести и свободы вероисповедания выступает комплексным, межотраслевым институтом[8].

Представляется высказать авторские суждения о том, что указанные институт составляют нормы его общей и особенной части. В частности, к нормам общей части можно отнести основополагающие принципы и идеи, которые регулируют право на свободу совести и вероисповедания и порядок их реализации, основы правового регулирования государством деятельности религиозных организаций, право на религиозное образование и порядок его реализации, правовой статус религиозных объединений, порядок осуществления надзора и контроля за деятельностью религиозных объединений. К особенной части исследуемого правового института можно отнести порядок, права и условия деятельности религиозных организаций, основы регулирования миссионерской деятельности и т.д. В связи с изложенным представляется актуальным исследование в дальнейших научных работах основополагающих ценностных категорий института свободы совести и свободы вероисповедания, принципов и идей, регулирующих право на свободу совести и вероисповедания и порядок их реализации.

Заключение.

Модели и формы государственно-конфессиональных отношений остаются предельно особенными и разнообразными; разнообразная и правовая сущность религиозных объединений как форм коллективного участия в реализации духовной свободы. По сути своей каждая общественно-политическая и социально-экономическая система «порождает» собственный способ построения взаимодействия между государством и религиозными организациями, дает собственную оценку должного восприятия религиозных объединений как неизменных участников общественных отношений. Принципиальным положением остается повышение эффективности взаимодействия религиозных объединений и государства как разных проявлений общественных отношений, что может быть достигнуто только при всестороннем анализе исторического опыта и текущего практического воплощения подходов к духовной реализации человека, понимания различного направления деятельности государства и религиозных объединений, не должных «подменять» одно другое.

Список литературы:

[1] Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1986. 576 с.

[2] Грачев В.С. Религиозные объединения как субъект гражданского общества в Российской Федерации // Закон и право. 2019. № 5.С. 72–73.

[3] Еременко И.Б. Особенности конфессиональной политики Российской империи второй половины XIX в // Личность. Культура. Общество. 2025. Т. 27, № 3(127). С. 146–158.

[4] Исаева А.А. Сравнительно-правовой анализ конституционных прав религиозных объединений // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 210–217.

[5] Осипова Л.В. Правовой статус религиозных объединений как института гражданского общества в современной России: специальность 12.00.01: автореферат дис. на соискание уч. степени канд. юр. наук. М., 2009. 25 с.

[6] Гавриленко Ю. В. Секты как особо опасное явление / Ю. В. Гавриленко // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2020. Т. 17, № 2. С. 100–106.

[7] Голик Ю. В., Рыбалко С. С., Чернышева Ю. А. Понятие религиозной безопасности: современное состояние и угрозы // Вопросы государства и права. 2023. № 3(3). С. 67-73.

[8] Придворов Н.А., Тихонова Е.В. Институт свободы совести и свободы вероисповедания в праве современной России. М.: Юриспруденция, 2007. 128 с.

References:

[1] Tokarev S.A. Religion in the history of the peoples of the world. M.: Politizdat, 1986. 576 p.

[2] Grachev V.S. Religious associations as a subject of civil society in the Russian Federation // Law and Law. 2019. NO. 5C. 72–73.

[3] Eremenko I.B. Features of the confessional policy of the Russian Empire of the second half of the XIX century // Personality. Culture. Society. 2025. T. 27, NO. 3 (127). S. 146-158.

[4] Isaeva A.A. Comparative legal analysis of the constitutional rights of religious associations // Bulletin of Tomsk State University. 2018. № 437. S. 210-217.

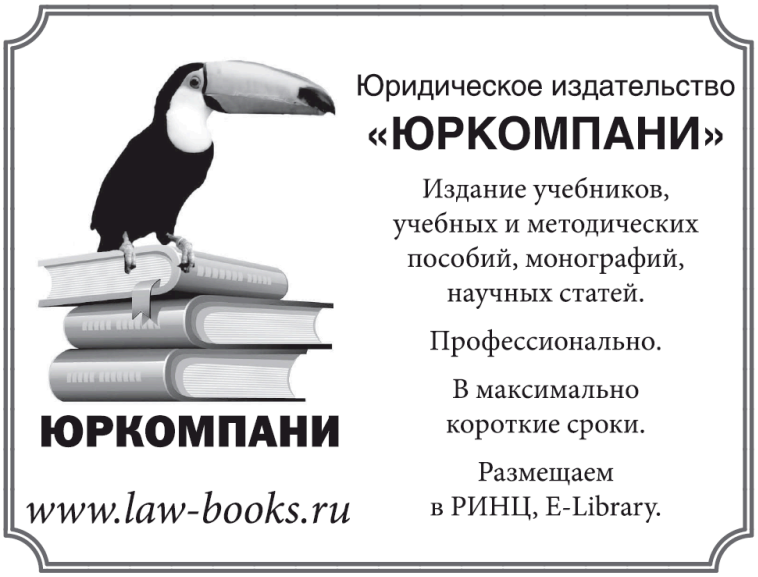
[5] Osipova L.V. The legal status of religious associations as an institution of civil society in modern Russia: specialty 12.00.01: abstract dis. for the degree of Candidate Jurassic sciences. M., 2009. 25 p.

[6] Gavrilenko Yu. V. Sects as a particularly dangerous phenomenon / Yu. V. Gavrilenko // Bulletin of Omsk University. Series: Right. 2020. VOL. 17, NO. 2. S. 100-106.

[7] Golik Yu. V., Rybalko S. S., Chernysheva Yu. A. The concept of religious security: current state and threats // Issues of state and law. 2023. № 3(3). S. 67-73.

[8] Pridvorov N.A., Tikhonova E.V. Institute for

Freedom of Conscience and Freedom of Religion in the Law of Modern Russia. M.: Jurisprudence, 2007. 128 s.

- НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.10.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-81-87
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ЦИМБЕРОВ Дмитрий Михайлович,
кандидат военных наук, доцент, Московский политехнический университет, Россия,
e-mail: katana647@ya.ru

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ОХРАННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ВОЕНИЗИРОВАННОЙ ОХРАНЫ

Аннотация. *В статье на основе анализа аудиторских процедур в охранной деятельности описаны основные подходы к методике проверки несения службы подразделениями военизированной охраны. Особо обращено внимание на типовые документы, являющиеся как правило приложениям к гражданско-правовым договорам. В работе выделены основные задачи, стоящие перед охранной организацией: повышение рентабельности оказываемых услуг и обеспечение защиты охраняемого объекта, которые прописаны в гражданско-правовом договоре. Предлагаемые в статье пути совершенствования проверочных мероприятий позволят аргументированно работать с протоколом разногласий при заключении договора, успешно пройти согласование с контрагентом и качественно оценивая изменения в договоре его пролонгировать. В работе предлагается в рамках теории аудита продолжить разработку методологии управления деятельностью военизированных подразделений ведомственной охраны в целях обеспечения рентабельности и качества представления охранных услуг.*

Ключевые слова: *военизированная охрана, контроль несения службы, гражданско-правовой договор, рентабельность, аудит, контрагент, охранное предприятие, документооборот, условия договора, управление, рынок охранных услуг, методология управления деятельностью.*

Для цитирования: *Цимберов Д. М. Пути повышения результативности охранных мероприятий подразделений военизированной охраны // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 81–87.*

TSIMBEROV Dmitry M.,
Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Moscow Polytechnic University, Russia

WAYS TO IMPROVE THE EFFECTIVENESS OF SECURITY OPERATIONS BY PARAMILITARY SECURITY UNITS

Annotation. *Based on an analysis of security verification activities, this article describes the main approaches to verifying the performance of paramilitary security units. Particular attention is paid to standard documents, which are typically appendices to civil contracts. The paper highlights the main tasks facing a security organization: increasing the profitability of services provided and ensuring the protection of the protected facility to the extent specified in the civil law contract. The methods proposed in this article for conducting verification activities more effectively address the protocol of disagreements during contract conclusion, successfully pass approval with the counterparty, and qualitatively measure changes to the contract renewal. The paper proposes, within the framework of audit theory, to continue developing a methodology for managing the activities of paramilitary units of departmental security in order to ensure the profitability and quality of security services.*

Key words: *paramilitary security, performance monitoring, civil contract, profitability, audit, counterparty, security company, document flow, contract terms, management, security services market, activity management methodology.*

For citation: *Tsimberov D. M. Ways to improve the effectiveness of security operations by paramilitary security units. Russian scientific bulletin. 2026;(11):81–87. (In Russ.).*

Введение

В современных условиях сложной геополитической обстановки одной из форм защиты объектов собственности является ведомственная охрана. Ее особый статус подчеркивается тем, что она создается особыми субъектами права – министерствами и ведомствами, городом федерального значения Москвой, а также организациями органов управления, сил и средств, предназначенных для охраны объектов в целях предотвращения противоправных посягательств и выполнения иных задач, возложенных на ведомственную охрану [1].

В этой связи предметом гражданско-правовых договоров (их существенным условием) между организациями, осуществляющими военизированную охрану (далее – охранное предприятие, охранная организация, исполнитель) и заказчиками услуг (далее – контрагент, предприятие промышленности, организация) будет являться деятельность, которая обеспечивает состояние защищенности объекта охраны в целях решения следующих задач:

охраны объектов в целях предотвращения противоправных действий неограниченного круга лиц;

обеспечения режимов: пропускного и внутриобъектового;

предупреждения и пресечения преступлений и административных правонарушений на охраняемых объектах.

Перечень задач не является исчерпывающим и может быть дополнен федеральным законодательством.

Материалы и методы

В качестве нормативной базы использованы действующие федеральные законы и подзаконные акты Российской Федерации. Также были использованы экспертные мнения специалистов, имеющих практический опыт службы в охранных структурах. В исследовании использованы: формально-юридический метод и метод системного анализа. Исследования проводились в тесной связи с действующими аудиторами в рассматриваемом направлении деятельности.

Обсуждение

Наряду с коммерческими объектами ведомственная охрана осуществляет защиту охраняемых объектов, являющихся государственной собственностью и (или) находящихся в сфере ведения соответствующих федеральных государственных органов [1].

В соответствии со статьей первой Гражданского кодекса Российской Федерации (части первой)» от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ [2], статьей 3 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14 ноября 2022 г. № 161-ФЗ [3] предприятия, осуществляющие ведомственную охрану обладают специальной правоспособностью, определенной его уставными документами, и свободны в выборе предмета и содержания заключаемых договоров, любых форм хозяйственных взаимоотношений, которые соответствуют законодательству Российской Федерации и учредительным документам предприятия (далее – учредительный документ, уставной документ, устав) [18].

Исходя из складывающихся, в рассматриваемой деятельности специфики договорных отношений, эффективность работы военизированных подразделений ведомственной охраны напрямую коррелируется с условиями договоров об оказании услуг военизированной охраны и направлена на извлечение прибыли охранным предприятием (последнее всегда прописано в уставных документах охранной организации). И, конечно, в целях повышения экономической эффективности подразделений военизированной охраны – необходимо проводить аудит договоров.

По мнению ряда авторов Богомазовой Е.К. [4], Гудкова М.В. и др. [5], Корякина В.М. [6], Казанцева М. Ф. [7], Ситнова А.А. [8], Пугинского Б. И. [9], Edelson Yu. Yu, M. [10], Ubjaan, M. M. [11] гражданско-правовой договор подлежит проверке по следующим критериям: законности, обоснованности, целесообразности, эффективности (в том числе в части использования возможностей информатизации), разграничения охранных функций между субъектами, оказывающими услуги, результативности, конфиденциальности, безопасности (на земле, воде и в воздухе) и своевременности.

Исходя из вышеизложенного можно выделить основные цели охранной организации: повышение экономической эффективности (рентабельности) осуществления охранных услуг и обеспечение защиты охраняемого объекта в объеме, прописанном в гражданско-правовом договоре.

По мнению Власовой Н.М. и Ивановой В.А. [12] под рентабельностью следует понимать отношение прибыли, полученной по гражданско-правовому договору (или чистой прибыли) к величине выручки в целом по предприятию.

Вот как раз качество несения службы и значительно влияет на чистую прибыль, влияя тем самым на штрафные санкции и другие издержки охранной организации.

Вместе с тем организация контроля за несением службы работниками ведомственной охраны в конечном счете это проверка информации, заложенной в гражданско-правовом договоре на предмет соответствия вышеназванным требованиям. То есть в конечном счете это определение

отклонений в исполнении нормативных правовых актов и гражданско-правового договора. Но и сам договор должен быть понятным на интуитивном уровне, привлекательным и, самое главное, ценным для специалистов, которые будут с ним работать [13].

Несомненно, принцип законности является одним из основополагающих в Российском праве и направлен на то, что исполнитель договора и контрагент неукоснительно исполняли нормативные правовые предписания при осуществлении своих действий [14]. Правовая политика охранной организации и контрагента должна осуществляться таким образом, чтобы на всех стадиях договорной работы от подготовки проекта, его согласования, так и исполнения качество документа не должно меняться в процессе реализации права. [15]. В этих целях разрабатывается система согласования договоров и как правило она должна включать проведение юридической (нормативно-правовой и антикоррупционной), экономической (тарифно-финансовой и коммерческой экспертиз) [16]. Юристы, экономисты и менеджеры должны подготовить проект договора в соответствии с корпоративными стандартами и необходимым уровнем рентабельности [17].

Одним из самых важных вопросов при анализе договора являются полномочия лиц, подписывающих договор. Как правило в учредительных документах охранной организации определяется, что генеральный директор действует от имени предприятия без доверенности и осуществляет сделки от имени предприятия, а также выдает доверенности от имени организации. Соответственно заместители генерального директора, начальники структурных подразделений и филиалов (без создания юридического лица) наделяются полномочиями и действуют на основании доверенности, выданной генеральным директором Предприятия. Также и со стороны контрагента необходимо проверять правоустанавливающие документы и полномочия лица, подписавшего договор.

Таким образом, учредительные документы требуют изучения в целях определения уполномоченных лиц на подписание договоров.

Кроме того, в уставных документах охранного предприятия должен содержаться исчерпывающий перечень видов оказываемых услуг.

Несомненно, одним из важных моментов при проверке действия договоров является предварительное осуществление их запросов у контрагента в целях возможного расхождения договоров с тем экземпляром, который находится у непосредственного исполнителя, а также возможного сокрытия объема оказания охранных услуг от лиц, осуществляющих проверку.

Аудиторские процедуры включают в себя изучение ряда документов, содержащих информацию, связанную с договорными обязательствами (зачастую являющимися приложением к договору). Как правило это может быть: план-схема объекта, карточка маршрута, описание постов структурного подразделения и другие.

В данных документах изучается следующая информация: номер и дата заключения договора; наименование объекта, фамилия, имя, отчество руководителя объекта и лица, взаимодействующего с охраной и их телефоны; штатная численность поста в соответствии с договором; вид и количество вооружения, закрепленного за работниками для несении службы на данном посту; вид и количество специальных средств, используемых при несении службы (закрепленных) на данном посту; наличие на посту технических средств охраны; наличие радиостанций, используемых при несении службы (закрепленных) на данном посту; тариф (стоимость одного поста за час охраны работником, согласно тарифному плану) на услуги военизированной охраны объекта в рублях; ежемесячная сумма денежных начислений за услуги военизированной охраны по соответствующему договору; дата последнего обследования объекта (учитывается дата последнего обследования объекта на предмет его технической укрепленности) и другое.

Вышеназванные документы сверяются в первую очередь с договором на предмет того, что в разделах, отражающих права и обязанности заказчика и исполнителя должны быть указаны: вооружение и экипировка работников; порядок использования автомобильного транспорта, как охранной организацией, так и контрагентом; условия выставления нарядов и режим несения службы (ежедневно, по рабочим дням, по предварительной заявке); учет выставления наряда и условия оплаты (ежемесячные акты выполнения договорных обязательств или другое); стоимость договора (фиксированная на весь период действия договора или согласно актам выполнения договорных обязательств); наличие в тексте договора ссылок на приложения к нему, визирование приложений сторонами подписывающими договор.

Особо в договоре может быть указаны услуги по осуществлению специфических задач, а также все действия заказчика по получению документов, связанных с разрешением на использование полос радиочастот. Вместе с тем в тексте договора должно быть указано, что исполнитель не несет ответственность за ущерб, связанный с его деятельностью по отражению нападения на охраняемый объект, в том числе и беспилотными аппаратами. В то же время контрагенту вменя-

ется в обязанность уведомлять о пользовании беспилотными аппаратами в зоне выполнения исполнителем охранных функций.

Также важным вопросом является разграничение охранных функций между субъектами, оказывающими услуги.

В практике анализа договоров не верно указываются называние договоров, так например «договор на осуществление государственной охраны». В предмете договора встречаются следующие словосочетания: «охрана общественного порядка», «сопровождение грузов», что приравнивает их к военизированным организациям и противоречит букве и духу закона.

Одним из необходимых документов при анализе действия договора, информационного характера является гарантийное письмо контрагента о взятии объекта под охрану. Особо следует обратить внимание на полномочия лица, подписавшего письмо, причинную связь между заключенным договором и текстом письма [19].

Еще одним приложением к договору является форма акта планового обследования инженерно-технической укрепленности и оснащенности техническими средствами охраны объекта, которая (как правило) является неотъемлемой частью договора на охрану объекта.

Форма акта выставления поста так же может определяться гражданско-правовым договором. В данный акт целесообразно включить: дату и место подписания, наименование объекта, реквизиты технического задания на оказание услуг по охране объектов военизированными подразделениями, адрес несения службы, наименование поста, его состав, вооружение, специальные средства, другие технические средства, подписи представителей заказчика и исполнителя и другие.

Правильное построение структуры и содержания гражданско-правового договора и его эффективная практическая реализация невозможны без решения задач управления, в состав которых входят: оптимизация, упрощение, аналитика и контроль управленческих решений.

Исходя из анализа, проеденного Луговым Н.Н. рынок одного из изученных сегментов охраны в Москве и Московской области освоен лишь на 7 процентов [20]. И, конечно, главная роль в развитии предприятия и выход на новые показатели эффективности охранных услуг невозможен без четкой и слаженной работы под руководством руководителя структурного подразделения охраны предприятия.

Практическая реализация маркетингового исследования рынка охранных услуг в деятельности руководителя охранной организации достаточно хорошо проработана Диковым А.Г. В своей работе им предложена методика, позволяющая определить сегмент рынка услуг, на котором возможно проводить работу, определены факторы спроса, дано определение конкурентной позиции предприятия, а также разработаны практические рекомендации по организации системы продвижения охранных услуг [21].

Исходя из изложенного, зачастую результативность деятельности филиала охранной организации зависит не столько от особенностей рынка того или иного региона, а способности руководителя воспользоваться преимуществами одного из сегментов регионального рынка охранных услуг. К примеру, в Методических рекомендациях Минфина России по оценке деятельности администратора при проведении аудита прямо сказано, что проверяется руководитель организации «по исполнению его полномочий, направленных на достижение заданных результатов и целей» [22].

Сами управленческие методы в сфере охранных услуг описаны Лебедевым С.А. [23], который предлагает при осуществлении управленческой деятельности важнейшими целевыми параметрами охранной деятельности считать повышение качества и скорости доведения управленческих решений и отклика объекта воздействия на них и одним из путей достижения этих целей предлагается использовать возможности организации по планированию и внедрению средств информатизации. В этой связи в договорах должна быть отражена возможность (при условии соблюдения всех требований к передаче конфиденциальной информации) в процессе исполнения обязательств по договору использования программ с функциями управления, средств объективного контроля (видеорегистраторов, фото- и видеосъемки), как при несении службы, так и на других стадиях выполнения служебных обязанностей (подготовке к службе, проведения занятий, организации учета материальных средств, работе со служебными документами). А сама работа руководителя должна иметь плановый характер и всегда нацелена на достижение заданного уровня эффективности.

Выводы

Таким образом, проведение проверочных мероприятий подразделений военизированной охраны неразрывно связано с гражданско-правовыми обязательствами между охранными предприятиями и контрагентами. При заключении контрактов необходимо проводить комплексный анализ рисков, связанных с антикоррупционной деятельностью, обеспечения законности и выполнения мер безопасности. При этом в первую очередь следует учитывать, что главными целями предпринимательской деятельности является экономическая эффективность и защита охра-

няемого объекта. Анализ проведенных проверочных мероприятий (в том числе и контроль принятых управленческих решений) позволит аргументированно работать с протоколом разногласий при заключении договора, успешно пройти согласование с контрагентом и качественно оценить изменения в договоре и его пролонгировать. Исследования по данному направлению должны проходить в рамках теории аудита и неотрывно быть связаны со спецификой взаимодействия с военной и правоохранительной составляющей государства. В научном плане (исходя из проведенных исследований) на основе проработанных в статье исходных данных возможна разработка методологии управления деятельностью военизированных подразделений ведомственной охраны в целях обеспечения рентабельности и качества представления охранных услуг.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 14.04.1999 N 77-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О ведомственной охране». Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.10.2026).

[2] «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.10.2026).

[3] Федеральный закон от 14.11.2002 N 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях». Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.10.2026).

[4] Богомазова, Е. К. Основные цели и задачи аудита закупок / Е. К. Богомазова // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 5. – С. 155-156.

[5] Гудкова, М. В. К вопросу об осуществление аудита закупочных процедур и его результатах: финансово-правовой аспект / М. В. Гудкова, И. О. Лащенко, М. А. Урываева // Лучшая научно-исследовательская работа 2024 : сборник статей VII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 20 октября 2024 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 81-84.

[6] Корякин, В. М. О совершенствовании статуса ведомственной охраны как подразделения транспортной безопасности / В. М. Корякин // Транспортная безопасность и противодействие терроризму на транспорте: правовые и организационные аспекты: сборник научных трудов по результатам II Международного научного форума, Москва, 22 октября 2021 года / Российский университет транспорта, Юридический институт. – Москва: Российский университет транспорта, 2021. – С. 52-62.

[7] Казанцев, М. Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Казанцев Михаил Федорович. – Екатеринбург, 2008. – 333 с.

[8] Каширская, Л. В. Внутренний аудит информационных систем / Л. В. Каширская, А. А. Ситнов. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "КноРус", 2023. – 218 с. – ISBN 978-5-406-10381-4.

[9] Edelson Yu. Yu, M. Distributed, immutable, and transparent biomedical limited data set request management on multi-capacity network / Yu. Yu, M. Edelson, A. Pham [et al.] // Journal of the American Medical Informatics Association. – 2024.

[10] Пугинский, Б. И. Инструментальная теория правового регулирования / Б. И. Пугинский // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2011. – № 3. – С. 22-31.

[11] Ubjaan, M. M. Enhancing International Cooperation for Ship and Port Facility Security to Address Security Disruptions / M. M. Ubjaan, A. Pramono, B. Pramono // JILPR Journal Indonesia Law and Policy Review. – 2024. – Vol. 5, No. 3. – DOI 10.56371/jirpl.v5i3.256.

[12] Власова, В. М. Методологические вопросы анализа рентабельности (на примере рентабельности продаж) / В. М. Власова, Н. А. Иванова // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2016. – № 4(12). – С. 14-20.

[13] Витюкова, А. О. Лигал дизайн - решение проблем доступным образом / А. О. Витюкова // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 6. – С. 497-507.

[14] Varamashvili, G. The principle of legal reliance versus the principle of legality / G. Varamashvili // Vectors of Social Sciences. – 2023. – No. 6. – DOI 10.51895/vss6/varamashvili..

[15] Цимберов, Д. М. Правовая политика как объект управления / Д. М. Цимберов // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 3. – С. 128-130.

[16] Паскарь, С. В. Методика проведения экспертизы, осуществляемой в военных организациях в ходе государственных закупок / С. В. Паскарь // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2015. – № 10(220). – С. 71-79.

[17] Вашкевич А.М. Лигал-дизайн и юридическая эффективность. Метод "Симплоера" / Вашкевич А.М., Кашин В.Н. Буртакова Е.М., - Москва: Издательство Студии Артемия Лебедева, 2024. - 230 с.

[18] Трудовой Кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (ред. от 14.01.2026) - Режим

доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.10.2026).

[19] Мамедова, А. М. Гарантийные письма: правовая природа и судебная практика / А. М. Мамедова // Вестник науки. – 2025. – Т. 4, № 6(87). – С. 452-457.

[20] Луговой, И. Н. Влияние внедрения цифровых технологий на стоимость услуг частных охранных предприятий / И. Н. Луговой // Сборник тезисов докладов научно-практической конференции студентов Курганского государственного университета, Курган, 14–19 мая 2020 года / Курганский государственный университет. Том Выпуск XXI. – Курган: Курганский государственный университет, 2020. – С. 32-33.

[21] Диков, А. Г. Инструментарий маркетинга для некоммерческих организаций на рынке охранных услуг (на примере вневедомственной охраны) : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности, в т.ч.: экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами; управление инновациями; региональная экономика; логистика; экономика труда; экономика народонаселения и демография; экономика природопользования; экономика предпринимательства; маркетинг; менеджмент; ценообразование; экономическая безопасность; стандартизация и управление качеством продукции; землеустройство; рекреация и туризм)»: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Диков Алексей Глебович. – Уфа, 2005. – 160 с.

[22] Письмо Минфина России от 29.11.2023 № 02-10-08/1/114704 «О направлении Методических рекомендаций по оформлению результатов аудиторского мероприятия» {КонсультантПлюс} (дата обращения: 07.10.2026).

[23] Лебедев, С. А. Анализ моделей и методики моделирования целеполагания в организационных системах (на примере Департамента государственной защиты имущества МВД России): специальность 05.13.18 «Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ»: диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук / Лебедев Сергей Анатольевич. – Воронеж, 2008. – 234 с.

References:

[1] Federal Law 14.04.1999 N 77-FZ (rev. dated 31.07.2025) "On departmental security." Access mode: ConsultantPlus ATP (access date: 07.10.2026).

[2] "Civil Code of the Russian Federation (Part One)" dated 30.11.1994 N 51-FZ (rev. dated 31.07.2025, with rev. dated 25.11.2025) (with rev. and addendum, entry by virtue of 01.08.2025). Access mode: ConsultantPlus ATP (access date: 07.10.2026).

[3] Federal Law of 14.11.2002 N 161-FZ "On State and Municipal Unitary Enterprises." Access mode: ConsultantPlus ATP (access date: 07.10.2026).

[4] Bogomazova, E.K. Main goals and objectives of the procurement audit/ E.K. Bogomazova // Innovations and investments. – 2018. – № 5. - S. 155-156.

[5] Gudkova, M.V. On the issue of auditing procurement procedures and its results: financial and legal aspect/M.V. Gudkova, I.O. Lashchenko, M.A. Uryvaeva // Best research work 2024: collection of articles of the VII International Research Competition, Penza, October 20, 2024. - Penza: Science and Enlightenment (IP Gulyaev G.Yu.), 2024. - S. 81-84.

[6] Koryakin, V. M. On improving the status of departmental security as a transport security unit / V. M. Koryakin // Transport security and counterterrorism in transport: legal and organizational aspects: collection of scientific papers based on the results of the II International Scientific Forum, Moscow, October 22, 2021/Russian University of Transport, Law Institute. - Moscow: Russian University of Transport, 2021. - S. 52-62.

[7] Kazantsev, M. F. Concept of civil law contract regulation: specialty 12.00.03 "Civil law; business law; family law; international private law": dissertation for the degree of Doctor of Law/ Kazantsev Mikhail Fedorovich. - Yekaterinburg, 2008. - 333 p.

[8] Kashirskaya, L.V. Internal Audit of Information Systems/L.V. Kashirskaya, A.A. Sitnov. - Moscow: KnoRus Publishing House Limited Liability Company, 2023. - 218 p. - ISBN 978-5-406-10381-4.

[9] Edelson Yu. Yu, M. Distributed, immutable, and transparent biomedical limited data set request management on multi-capacity network / Yu. Yu, M. Edelson, A. Pham [et al.] // Journal of the American Medical Informatics Association. – 2024.

[10] Puginsky, B. I. Instrumental theory of legal regulation/B. I. Puginsky // Bulletin of Moscow University. Series 11: Right. – 2011. – № 3. - S. 22-31.

[11] Ubjaan, M. M. Enhancing International Cooperation for Ship and Port Facility Security to Address Security Disruptions / M. M. Ubjaan, A. Pramono, B. Pramono // JILPR Journal Indonesia Law and Policy Review. – 2024. – Vol. 5, No. 3. – DOI 10.56371/jirpl.v5i3.256.

[12] Vlasova, V. M. Methodological issues of profitability analysis (using the example of profitability of sales) / V. M. Vlasova, N. A. Ivanova // Current problems of economics and management. – 2016. – № 4(12). - S. 14-20.

[13] Vityukova, A. O. Ligal design - solving problems in an accessible way / A. O. Vityukova //

Issues of Russian justice. – 2020. – № 6. - S. 497-507.

[14] Varamashvili, G. The principle of legal reliance versus the principle of legality / G. Varamashvili // Vectors of Social Sciences. – 2023. – No. 6. – DOI 10.51895/vss6/varamashvili..

[15] Tsimberov, D. M. Legal policy as an object of management / D. M. Tsimberov // Society: politics, economics, law. – 2016. – № 3. - S. 128-130.

[16] Paskar, S.V. Methodology for conducting expertise carried out in military organizations during public procurement / S.V. Paskar // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2015. – № 10(220). - S. 71-79.

[17] Vashkevich A.M. Legal design and legal effectiveness. Method "Simploera" / Vashkevich A.M., Kashin V.N. Burtakova E.M., - Moscow: Publishing House Studio Artemy Lebedev, 2024. - 230 s.

[18] Labor Code of the Russian Federation: Federal Law No. 197-FZ dated December 30, 2001 (as amended 14.01.2026) - Access mode: SPS "ConsultantPlus" (application date: 07.10.2026).

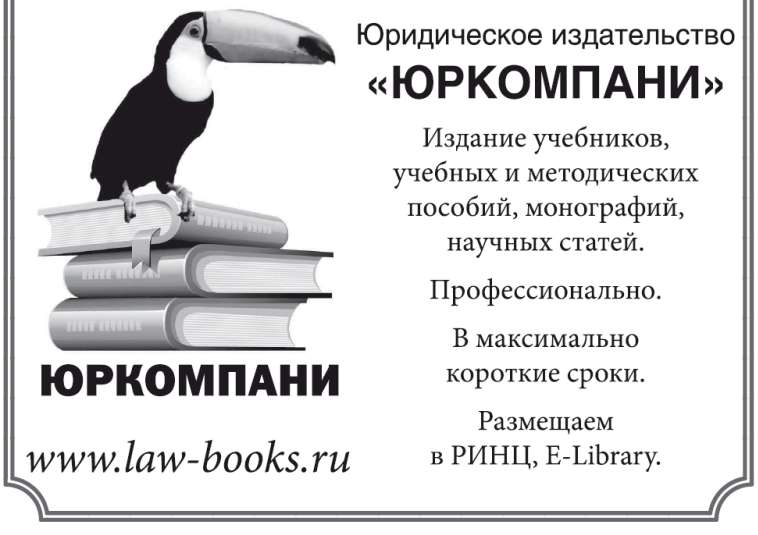
[19] Mamedova, A.M. Letters of guarantee: legal nature and judicial practice / A.M. Mamedova // Bulletin of Science. – 2025. - T. 4, NO. 6 (87). - S. 452-457.

[20] Lugovoi, I. N. Impact of the introduction of digital technologies on the cost of services of private security companies / I. N. Lugovoi // Collection of abstracts of the scientific and practical conference of students of Kurgan State University, Kurgan, May 14-19, 2020 / Kurgan State University. Volume Issue XXI. - Mound: Kurgan State University, 2020. - S. 32-33.

[21] Dickov, A. G. Marketing tools for non-profit organizations in the security services market (for example, private security): specialty 08.00.05 "Economics and management of the national economy (by industry and field of activity, including: economics, organization and management of enterprises, industries, complexes; innovation management; regional economics; logistics; labor economics; population economics and demography; environmental economics; business economics; marketing; management; pricing; economic security; standardization and product quality management; land management; recreation and tourism)": dissertation for the degree of candidate of economic sciences / Alexey Glebovich Dikov. - Ufa, 2005. - 160 s.

[22] Letter of the Ministry of Finance of Russia dated 29.11.2023 No. 02-10-08/1/114704 "On Sending Methodological Recommendations for Documenting the Audit Results" {ConsultantPlus} (date of application: 07.10.2026).

[23] Lebedev, S. A. Analysis of models and methods of modeling goal-setting in organizational systems (on the example of the Department of State Property Protection of the Ministry of Internal Affairs of Russia): specialty 05.13.18 "Mathematical modeling, numerical methods and program complexes": dissertation for the degree of candidate of technical sciences / Lebedev Sergey Anatolyevich. - Voronezh, 2008. - 234 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-88-102
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

БОГДАНОВ Максим Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры организации режима, Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mbogdanov75@mail.ru

РЫЖЕНКОВ Игорь Игоревич,
преподаватель кафедры организации режима, Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: igoryan-ryzhenkov88@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В контексте темы настоящего исследования, автор ставит перед собой задачу, с опорой на нормативно-правовые источники, эмпирический материал, доктринальные разработки проблем соотношения и взаимосвязи международного права и внутригосударственного права в уголовно-исполнительной сфере, акцентировать внимание на данном значимом в научно-теоретическом и практическом плане аспекте, раскрыть международно-правовую составляющую правового обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы России, выявить в этой части проблемные вопросы правового характера и сформулировать научно обоснованные рекомендации по их решению, с учетом международно-правовых обязательств и национальных интересов России.*

Результаты. Полученные выводы могут быть использованы в нормотворческой и правоприменительной практике по вопросам обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Научная статья будет интересна профессорско-преподавательскому составу, адъюнктам, чьи научные интересы затрагивают вопросы обеспечения безопасности отечественной уголовно-исполнительной системы, а также курсантам и слушателям ведомственных образовательных организаций ФСИН России.

Ключевые слова: *международные правовые акты, пенитенциарные учреждения зарубежных стран, уголовно-исполнительная система, персонал, осужденные, пенитенциарная безопасность.*

Для цитирования: *Богданов М. Н., Рыженков И. И. Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы: международно-правовые акты и проблемы их реализации в законодательстве Российской Федерации // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 88–102.*

BOGDANOV Maxim Nikolaevich,
Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Organizational Regime, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

RYZHENKOV Igor Igorevich,
lecturer at the Department of Organizational Regime, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

SECURITY OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM: INTERNATIONAL LEGAL ACTS AND PROBLEMS OF THEIR IMPLEMENTATION IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *In the context of the topic of this study, the author sets herself the task, based on regulatory legal sources, empirical material, and doctrinal developments of the problems of the correlation and interrelation of international law and domestic law in the field of penal enforcement, to focus on this aspect, which is significant in terms of scientific theory and practice, to reveal the international legal component of the legal security of the Russian penal enforcement system, to identify problematic issues of a legal nature in this area, and to formulate scientifically grounded recommendations for their resolution, taking into account Russia's international legal obligations and national interests.*

Results. The findings can be used in the rule-making and law enforcement practice on the issues of ensuring the security of the penal system of the Russian Federation. The scientific article will be of interest to the teaching staff, adjuncts, whose scientific interests affect the issues of ensuring the security of the domestic penal system, as well as cadets and students of departmental educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Key words: *international legal acts, penitentiaries in foreign countries, the penal system, personnel, convicts, and penitentiary security.*

For citation: *Bogdanov M. N., Ryzhenkov I. I. Security of the criminal-executive system: international legal acts and problems of their implementation in the legislation of the Russian Federation. Russian scientific bulletin. 2026;(11):88–102. (In Russ.).*

Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы предполагает упорядочение и институциональное оформление при помощи правовых средств деятельности субъектов, включённых в этот процесс.

В современных условиях, во взаимосвязи с интеграционными процессами общемирового и регионального характера, здесь возрастает роль международно-правовой составляющей. Значимость межгосударственного сотрудничества, восприятия в национальной уголовно-исполнительной системе положений международных правовых актов, в свою очередь, предопределена аккумулированием прогрессивного международного опыта в пенитенциарной сфере, современными потребностями её гуманизации при одновременном соблюдении эффективности управления пенитенциарными учреждениями. В этом плане соответствующие положения международно-правовых актов выступают правовыми ориентирами для национального законодателя, представляют собой международные правовые стандарты, к достижению которых, в целом, стремятся национальные правовые системы современных государств.

Более того, в силу конституционных и законодательных предписаний, санкционирующих внутригосударственное действие международного права, и с учетом международно-правовых обязательств, вытекающих из международного договора или общепризнанного характера международно-правовой нормы, государство обеспечивает приоритетное действие таких международно-правовых норм, принимает меры по изменению своего законодательства в соответствии с требованиями международного договора с его участием.

Следует заметить, что в современной отечественной юридической литературе уделяется внимание международным правовым стандартам в пенитенциарной сфере и вопросам их реализации в России, прежде всего, в контексте проблемы соблюдения прав человека, обращения с осуждёнными [4, с. 173], либо в целом; также возрастает научный интерес к проблемным вопросам реализации в России Европейских пенитенциарных правил [1].

Признавая научную и практическую ценность проведённых исследований, следует также обратить внимание на то обстоятельство, что международно-правовые положения в части пенитенциарной безопасности, проблемы их восприятия в национальном законодательстве и правоприменительной практике в связи с функционированием и развитием уголовно-исполнительной системы России, специально не выделялись и пока не получали системной научной разработки [24, с. 14-18].

Принимая во внимание обозначенные ранее тезисы относительно сущности и содержания безопасности уголовно-исполнительной системы, её многомерного и многоаспектного характера, следует вести речь о том, что вопрос соблюдения общепризнанных жизненно важных интересов личности осуждённого, очевидно, не должен противопоставляться проблеме пенитенциарной безопасности, более того, должен рассматриваться в корреляции с её обеспечением, в том числе, при помощи правовых средств, где важное место отводится международным правовым стандартам, действующим в рассматриваемой сфере и обязывающим, в первую очередь, сотрудников пенитенциарных учреждений.

Вместе с тем, в данном случае следует также учитывать потребности обеспечения безопасности персонала пенитенциарных учреждений, всех

находящихся в них лиц, а кроме того, - внешний аспект пенитенциарной безопасности, необходимость нейтрализации реальных и потенциальных угроз личности, обществу и государству, исходящих от самих пенитенциарных учреждений, в частности, когда в них не выполняется в полной мере функция ресоциализации осуждённых, кроме того, отсутствует правовое обеспечение постпенитенциарной адаптации и контроля за постпенитенциарным поведением.

В целом, как обоснованно отмечают исследователи, международно-правовые основы исполнения наказания, международные стандарты уголовно-исполнительной системы составляют часть международно-правовых основ борьбы с преступностью, при этом заключают в себе специфику, обусловленную гуманистической концепцией обращения с заключенными. В этой связи, выявление позитива международного опыта гуманизации пенитенциарной сферы, при одновременном учёте эффективности исполнения наказания и оптимального с точки зрения общества, личности, государства функционирования уголовно-исполнительной системы, представляет не только научно-теоретическую, но и практическую значимость.

Характеризуя международно-правовые положения в части пенитенциарной безопасности, следует учитывать их рассредоточение по международно-правовым документам, существенно различающимся по своему юридическому статусу, степени общности, территории действия. Следует учитывать, что соответствующие международные правовые акты принимались в различные периоды времени, разными поколениями политиков и юристов, и, соответственно, наполнялись различным нормативно-правовым содержанием, ряд из них принят в рамках ООН, другие в рамках международных региональных организаций, данные акты содержат как юридические обязательные нормы, так и нормы – рекомендации. Заметим также, что некоторые из рекомендаций, в частности, ныне действующих Европейских пенитенциарных правил, сформулированы в императивной форме, что, в свою очередь, вносит неясность в понимание их юридического статуса [25, с. 192-193], некоторые нормы рекомендательных по своему характеру международно-правовых документов дублируют положения документов иной юридической природы и в этой связи, по сути, становятся обязательными.

Специфика международной нормативной системы [19, с. 131], в сочетании с современными тенденциями и явлениями её развития осложняет выстраивание и понимание системы принятых и действующих в международном праве положений, в том числе, в пенитенциарной сфере.

В этой связи, особое значение приобретает вопрос классификации международных правовых стандартов, разработке которого уделено внимание в специальной литературе.

Автор солидаризируется с данной в специальных научных исследованиях оценкой значения классификации международных правовых стандартов в теоретическом, правотворческом и правоприменительном плане [13, с. 104], и позиционно разделяет сформировавшийся в отечественной правовой науке подход, согласно которому, во-первых, при классификации международных правовых стандартов следует использовать различные критерии. Во-вторых, в практическом плане представляется особенно востребованным сведение указанных норм в следующие группы: декларации, нормы рекомендательного характера и нормы обязательного свойства [14, с. 15].

Вместе с тем, в контексте исследуемой темы и с учётом обозначенной задачи настоящего исследования, автор также полагает возможным сформулировать и обосновать свою позицию по вопросу классификации международных правовых стандартов в части пенитенциарной безопасности; предлагаемая классификация может использоваться наряду и в дополнение к разработанным в отечественной правовой науке. Как представляется, в данном случае, должны быть приняты во внимание, прежде всего, характер содержания соответствующего международно-правового положения применительно к проблеме пенитенциарной безопасности и её различным аспектам, и, кроме того, роль управомоченных субъектов в её обеспечении, установленные международными нормами правовые рамки их деятельности. Здесь, таким образом, в качестве системообразующих в полной мере могут использоваться вышеназванные критерии степени общности международного правового стандарта и круга субъектов, относительно прав и обязанностей, а также и ответственности которых посвящено соответствующее правило международного документа. При этом, как уже отмечалось ранее, во-первых, данные стандарты содержатся в международных правовых актах, разработанных и принятых, соответственно на общемировом, универсальном уровнях, и, во-вторых, они могут носить юридически обязательный, либо рекомендательный характер. Соответственно, предлагаемая автором классификация, в основу которой в качестве системообразующих критериев положены содержательный и субъектный, при этом также учитываются уровень и юридический статус международного правового акта и содержащихся в нём норм, выглядит следующим образом:

международно-правовые положения, каса-

ющиеся общих вопросов пенитенциарной безопасности, содержащиеся в международных правовых актах универсального и регионального уровней;

международно-правовые положения, касающиеся вопросов пенитенциарной безопасности отдельных категорий осуждённых, а также применительно к отдельным видам наказания, содержащиеся в международных правовых актах универсального и регионального уровней;

международно-правовые положения, касающиеся обеспечения пенитенциарной безопасности, и непосредственно адресованные к персоналу пенитенциарных учреждений, а также к другим субъектам, вовлечённым в процесс её обеспечения, содержащиеся в международных правовых актах универсального и регионального уровней.

Далее, остановимся на характеристике международно-правовых положений обозначенных групп более подробно.

Международно-правовые положения, касающиеся общих вопросов пенитенциарной безопасности.

Прежде всего, нужно указать на то обстоятельство, что основополагающие международные правовые акты по правам человека, а именно, Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (ст. 29 Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.)), Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (п. 3 ст. 12, п. 3 ст. 18, п. 3 ст. 19, ст. 21, ст. 22 Международного пакта о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН)) допускают ограничение прав и свобод, при условии, что это установлено законом и связано с целями защиты правоохраняемых интересов других людей, поддержания порядка и безопасности. Данное положение, как обоснованно отмечается в специальной литературе [5, с. 28-30], в полной мере распространяет своё действие на заключённых в пенитенциарные учреждения, при этом следует учитывать то, что, с одной стороны, сам факт заключения в тюрьму заключает в себе определённые ограничения личности. С другой стороны, такие ограничения должны быть установлены законом и в любом случае не должны затрагивать определённый круг прав осуждённых.

Вместе с тем, нужно учитывать, что международные правовые акты оговаривают те ситуации, при наличии которых лишение отдельных из приведённых выше основополагающих для человеческой личности прав не является нарушением.

Так, исходя из ч. 2 ст. 2 Европейской конвенции по правам человека 1950 г., лишение жизни не рассматривается как нарушение данной Конвенции, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы: для защиты любого лица от противоправного насилия; для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях; для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа. Здесь, как видим, международный правовой акт определяет исключительные по своему характеру ситуации, угрожающие безопасности, при наличии которых допустимо лишение человека жизни. В отношении же ряда действий существует полный запрет (ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод).

В целом же, позиционно автор разделяет высказанное в специальной литературе суждение, согласно которому лица, отбывающие наказание в исправительных учреждениях, сохраняют все права человека, за исключением тех, в которых они ограничиваются в связи с потерей свободы [9, с. 18-21]. При этом, как обоснованно отмечают исследователи, ограничения прав лиц, предусмотренные международными правовыми актами в пенитенциарной сфере, характеризуются тем, что устанавливаются в самой общей форме, без конкретного содержания, и имеют направленность сведения к минимуму различий между условиями жизни в тюрьме и на свободе, связаны с фактом заключения в пенитенциарное учреждение, выводятся из общедозволительного принципа правового регулирования. Здесь имеется определённый потенциал для совершенствования правового обеспечения пенитенциарной безопасности во взаимосвязи международного и внутригосударственного права [28, с. 342-349].

С учетом обосновываемой позиции о различных аспектах и сторонах пенитенциарной безопасности, включении в неё, наряду с безопасностью осуждённых также и безопасности персонала пенитенциарных учреждений, автор, солидаризируясь с М.А. Громовым, полагает, что международные правовые стандарты, имеющие отношение к безопасности персонала уголовно-исполнительной системы содержатся, прежде всего, во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., а именно в её ст. 3; ст. 23 (каждый человек имеет право на справедливые и благоприятные условия труда); ст. 25 (каждый человек имеет право на жизненный уровень, необходимый для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, право на обеспечение на случай болезни, инвалидности, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам [6, с. 22-23]). При этом, уже в Минимальных стандартных правил обращения с заключёнными,

принятых на I Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1955 г., были обозначены требования к самому персоналу пенитенциарных учреждений. В принятых и утверждённых Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 г. Минимальных стандартных правилах обращения с заключёнными (Правила Нельсона Манделы) ряд положений посвящён персоналу, в том числе, его подготовке в связи с обращением с заключёнными, в том числе, с учётом выполняемых функций по охране и безопасности.

В целом (принятые на универсальном (в рамках ООН) и региональном (в рамках Совета Европы) рекомендательные по своему характеру международные документы, во-первых, обязывают администрацию пенитенциарного учреждения заботиться о тщательном отборе персонала, и, во-вторых, ориентируют национального законодателя на придание сотрудникам таких учреждений статуса государственных служащих, с одновременным обеспечением для них адекватной оплаты труда, соответствующих льгот и условий [18, с. 143145].

Что касается безопасности осуждённых, следует обратить внимание на то, что в международных документах, непосредственно посвященных правилам обращения с заключёнными и, соответственно, принятых на общемировом и региональном уровнях, содержатся, по сути, концептуальные международно-правовые положения относительно безопасных условий отбывания наказания, а именно:

правила содержания различных категорий заключённых в раздельных заведениях или в разных частях одного и того же заведения, с учётом их возраста, предшествующей судимости, юридических причин их заключения и предписанного обращения с ними;

комплекс предусмотренных международными правовыми стандартами санитарных требований к помещениям, которыми пользуются заключённые, требований к их личной гигиене, к их питанию, вопросам медицинского обслуживания;

общее положение о том, что необходимость поддержания надлежащей дисциплины в пенитенциарном учреждении предполагает, вместе с тем, возможность лишь тех ограничений, которые требуются для обеспечения надёжности надзора и соблюдения, должных правил общежития в данном учреждении, а также конкретизирующие его правила о порядке привлечения заключённых к дисциплинарной ответственности, существующих в этой части ограничениях;

положение, согласно которому режим, принятый в пенитенциарном учреждении, должен стремиться сводить к минимуму ту разницу между жизнью тюрьме и жизнью на свободе, которая убивает в заключенных чувство ответственности и сознание человеческого достоинства.

В целом, как обоснованно отмечается в специальной литературе [7, с. 4-9], действующее законодательство России отражает приведённые и другие международно-правовые положения в части гуманного и безопасного обращения с осуждёнными и заключёнными, что, вместе с тем, не отрицает проблемных моментов законодательного и правоприменительного характера, а также некоторых расхождений в трактовке отдельных категорий, в том числе, базовых для пенитенциарной сферы.

В специальной литературе [8, с. 13-16], не без оснований, уделяют большое внимание международно-правовым положениям, касающимся организации труда осуждённых, в том числе, указывают на расхождения в понимании по отдельным вопросам в этой части в различных международных правовых актах. В контексте исследуемой темы, следует позиционно согласиться с мнением С.В. Чубракова, который отмечает определённый пробел новых Европейских пенитенциарных правил в части рассмотрения труда осуждённых как средства их исправления, а также с учётом требований пенитенциарной безопасности.

Заметим, вместе с тем, что Европейские пенитенциарные правила (2006) содержат ряд более конкретных положений в части превентивных мер пенитенциарной безопасности, в частности, предусматривая оценку заключённых, поступающих в пенитенциарное учреждение, с целью определения:

риска совершения ими побега и потенциальной опасности в этом случае для общества (п. 51.3 Европейских пенитенциарных правил (2006)) (и соответственно, определения режимных требований, которые могут пересматриваться (п.п. 51.(4-5) Европейских пенитенциарных правил (2006)));

создания ими угрозы для безопасности других заключенных или лиц, работающих в пенитенциарных учреждениях или посещающих эти учреждения, и вероятности того, что они сами могут нанести себе вред (п. 52.1 Европейских пенитенциарных правил (2006)).

Кроме того, в качестве позитивного момента, нужно отметить, что Европейские пенитенциарные правила оговаривают необходимость разработки процедур, обеспечивающих безопасность заключенных, персонала пенитенциарного учреждения и всех посетителей, и снижающих до минимума риск насилия и других событий, которые могут поставить под угрозу безопасность, приложения соответствующих усилий для того, чтобы все заключенные могли безопасно

участвовать во всех мероприятиях, предусмотренных распорядком дня; обеспечение заключённым возможности контакта с персоналом в любое время, в том числе ночью (п. 52.2 (2-4) Европейских пенитенциарных правил (2006)).

В контексте общих вопросов пенитенциарной безопасности следует рассматривать положения международных правовых актов о правах заключённых по обращению с соответствующими просьбами и жалобами, а в целом – в части контроля за деятельностью пенитенциарных учреждений [10, с. 50].

Наряду с отмеченными ранее международно-правовыми положениями, действующие международные правовые акты предусматривают:

обеспечение любому лицу эффективное право защиты нарушенных прав (в том числе, со стороны лиц, действовавших в официальном качестве (международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 2.));

право заключенного или его адвоката по обращению в органы, ответственные за управление местом заключения или задержания, или в более высокие инстанции, а в случае необходимости – соответствующим органам, уполномоченным рассматривать жалобы и предоставлять средства защиты (при этом оговариваются конфиденциальность просьбы или жалобы, в случае заявления об этом подателя, рассмотрение просьбы или жалобы без промедления (свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 43/173, приложение), пр. 33));

право заключённого по обращению к администрации пенитенциарного учреждения, а также к органам центрального управления пенитенциарной системой, судебных властям или другим компетентным органам с просьбами или жалобами (при этом оговаривается недопустимость подвергать их цензуре с точки зрения содержания, а также необходимость их срочного рассмотрения, за исключением случаев, когда такие просьбы или жалобы имеют поверхностный и беспредметный характер (Минимальные стандартные правила ООН обращения с заключенными 1955 г., пр. 36. В Минимальных стандартных правилах обращения с заключёнными 2015 г. содержится ряд новелл, относящихся к модели инспектирования пенитенциарных учреждений (пр. 83-85)).

Позиционно следует согласиться с суждением о дифференциации форм международного контроля в рассматриваемой сфере, включающего: 1) периодическое представление государством докладов о соблюдении прав человека; 2) сообщения иностранных государств о нарушениях гражданских и политических прав, применении пыток, других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; 3) индивидуальные жалобы лиц, находящихся под юрисдикцией России, по указанным случаям; 4) допуск представителей международных правозащитных организаций к посещению учреждений и органов, исполняющих наказания.

В литературе, на основании обобщения международного опыта, был представлен следующий алгоритм по реализации заключенными своих обращений и жалоб: первый шаг – обращение к сотрудникам пенитенциарного учреждения; следующий шаг (если проблема не решается) – должна быть возможность подачи просьбы или жалобу администрации пенитенциарного учреждения; следующий шаг (если проблема по-прежнему не решается) – у заключённого должно быть право обратиться к более высокому руководству вне пенитенциарного учреждения; параллельно могут быть задействованы внешние правозащитные системы [15, с. 105].

При этом, понятно, что такой алгоритм может быть востребован далеко не всегда (в частности, если речь идёт об угрозе жизни или здоровью заключённого, и, соответственно, - необходимости оперативного реагирования на данную угрозу и её нейтрализации).

Международно-правовые положения, касающиеся вопросов пенитенциарной безопасности отдельных категорий осуждённых, а также применительно к отдельным видам наказания.

В международных правовых актах, принятых и действующих в рассматриваемой сфере, традиционно особое место занимают вопросы гуманизации отправления правосудия в отношении несовершеннолетних и обращения с несовершеннолетними правонарушителями при исполнении наказания.

Выделяя аспект пенитенциарной безопасности данной категории лиц, тезисно обозначим следующие международно-правовые положения:

система правосудия в отношении несовершеннолетних должна защищать их права и безопасность, тюремное заключение в данном случае может применяться лишь как крайняя меры и в течение минимально необходимого срока, а принятые в этой связи ООН минимальные стандарты должны противодействовать неблагоприятным последствиям всех видов заключения и способствовать вовлечению осуждённых в жизнь общества;

в отношении несовершеннолетних не применяются смертная казнь (п. 5 ст. 6 Международного Пакта о гражданских и политических правах 1966 г.) и телесные наказания (п. 17.3. Пекинских правил), также недопустимо сокращение питания в качестве дисциплинарной меры (п. 66 Правил

ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы. Для сравнения, Минимальные стандартные правила ООН обращения с заключенными предусматривают возможность наказания в виде сокращения питания (после осмотра заключённого врачом) (пр. 31));

средства физического сдерживания и применения силы могут использоваться лишь в исключительных случаях и лишь в той форме, как это непосредственно разрешается и обусловлено законом и постановлениями.

Следует также иметь в виду, что принятые в рамках Совета Европы документы рекомендательного характера, наряду с дублированием приведённых положений, также содержат ряд значимых в плане пенитенциарной безопасности более конкретных правил, а именно:

положение, согласно которому несовершеннолетние лица должны быть застрахованы или в их пользу должно быть предусмотрено возмещение ущерба от последствий наступления несчастного случая, телесного повреждения и гражданской ответственности, возникших в результате применения общественных санкций или ограничительных мер;

на территории учреждений должна действовать соответствующая система оценки с целью размещения несовершеннолетних лиц в соответствии с их потребностями в образовании, развитии и безопасности;

непосредственно после прибытия несовершеннолетнего в пенитенциарное учреждение, с ним проводится собеседование, и должен быть подготовлен первый психологический, образовательный и социальный отчет с указанием любых факторов, имеющих отношение к конкретному виду и степени ухода и обследования, кроме того, должен быть установлен надлежащий уровень защиты для несовершеннолетнего лица и при необходимости должны вноситься изменения на первичное размещение;

особое внимание должно уделяться защите уязвимых несовершеннолетних лиц и предотвращению виктимизации;

если в исключительных случаях необходимо обособить конкретное несовершеннолетнее лицо от остальных несовершеннолетних лиц по соображениям защиты и безопасности, указанное решение должно быть принято компетентным органом на основе четких процедур, изложенных в национальном законодательстве, определяющих характер обособления, его максимальную продолжительность и основания, в соответствии с которыми может налагаться такое обособление, при этом, такое обособление должно быть предметом постоянного контроля.

Следует заметить, что в рамках Совета Европы был принят документ, уделяющий внимание особенностям обращения с опасными преступниками и условиями их тюремного заключения. В плане пенитенциарной безопасности, его основные положения могут быть сведены к следующему:

меры безопасности в отношении таких лиц должны устанавливаться с минимальной степенью необходимости, уровень безопасности должен регулярно пересматриваться;

в кратчайшие сроки после прибытия преступника и после оценки рисков, связанных с риском особых потребностей и характеристик преступника, ему должно быть обеспечено надлежащее обращение в учреждении соответствующего типа;

предусматриваются повышенные требования к квалификации персонала, участвующего в обращении с опасными преступниками, а также постоянный мониторинг, проведение соответствующих исследований в этой связи.

Заметим также, что в текст Европейских пенитенциарных правил (2006) впервые было введено положение о специальных мерах строгого режима или безопасности. Данные правила:

могут быть введены только при исключительных обстоятельствах и определяться национальным законодательством;

применяться в отношении отдельных заключённых (осуждённых), а не групп;

осуждённые имеют право обжаловать применение этих мер администрации учреждения или иным компетентным органам [26, с. 190].

В рамках рассматриваемой классификационной группы следует также указать на разработанные и действующие международно-правовые положения, затрагивающие вопросы пенитенциарной безопасности в связи с исполнением наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Так, в 1990 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), которые стали первым универсальным специализированным документом, определившим основные принципы применения альтернативных наказаний, где, соответственно, приводится примерный перечень наказаний и мер, альтернативных лишению свободы, который может быть дополнен каждым государством с учетом особенностей своей правовой системы, экономических и социальных условий; на региональном уровне (в частности, в рамках Совета Европы) также получает развитие процесс разработки и реализации такого рода мер. Как, не без оснований отмечают исследователи [2, с. 18-21], альтернативные меры, принимаемые европейским законодателем после

вынесения приговора, можно сгруппировать в два блока: 1) меры, направленные на постепенную интеграцию заключенного к жизни вне стен тюрьмы без полного освобождения (отпуск, помещение в исправительные учреждения полутюремного типа и освобождение в связи с работой или учебой); 2) альтернативные меры, непосредственным образом связанные с поведенческой установкой заключенного и освобождением его из мест лишения свободы, учитывая этот факт. По всей видимости, расширение практики такого рода мер в сочетании с действенным контролем и надзором (пробацией) может способствовать снижению сопряжённых с исполнением наказаний в виде лишения свободы криминально-криминогенных факторов и, как следствие – повышению уровня пенитенциарной безопасности [20, с. 552].

Международно-правовые положения, касающиеся обеспечения пенитенциарной безопасности, и непосредственно адресованные к персоналу пенитенциарных учреждений, а также к другим субъектам, вовлечённым в процесс её обеспечения.

Прежде всего, как уже отмечалось ранее, международные правовые акты устанавливают ряд общих требований к персоналу пенитенциарных заведений, которые, в свою очередь, касаются наличия у них специального образования и подготовки, поддержания своей квалификации (Минимальные стандартные правила ООН обращения с заключенными, пр. 47); кадровой укомплектованности специалистами соответствующих видов профильной деятельности; требований к квалификации и опыту работы в пенитенциарной сфере для руководителей пенитенциарных учреждений; требования ежедневного посещения пенитенциарного заведения врачом и возможности его немедленного вызова в экстренных случаях; особенностей надзора за осуждёнными женщинами. Принимая во внимание многомерный характер пенитенциарной безопасности, а также принадлежность пенитенциарной деятельности к правоохранительной деятельности, следует учитывать требование, сформулированное в Кодексе поведения должностных лиц по поддержания правопорядка (кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 34/169 от 17 декабря 1979 г.)), согласно которому должностные лица по поддержанию правопорядка не должны сами совершать акты коррупции, другие злоупотребления властью и всемерно препятствовать таким актам и бороться с ними.

Далее, нужно указать на специальные международно-правовые положения, относящиеся к требованиям в части поддержания персоналом пенитенциарных учреждений пенитенциарной безопасности, имеющихся у них в этой связи, прав, обязанностей, а также предусмотренных международным правом в этой части ограничений; суть их может быть сведена к следующему:

должностные лица по поддержанию правопорядка в духе уважения закона и международных правовых стандартов, обязаны использовать все свои возможности для предотвращения и препятствования всем правонарушениям в целях поддержания внутренней дисциплины в учреждении, безопасности и защиты основных прав человека;

указанные лица обязаны осуществлять защиту человеческого достоинства и прав осуждённого (кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, ст. 2), обеспечивать полную охрану здоровья задержанных ими лиц;

сотрудники пенитенциарного учреждения должны иметь необходимую физическую подготовку, позволяющую пресекать агрессивные намерения заключённых;

персонал может применять насилие только в случаях самозащиты, в случае побега или противодействия заключённого приказам, основанным на действующих законах и правилах, немедленно сообщать об этом начальнику учреждения.

Следует также обратить внимание на то, что Европейские пенитенциарные правила (2006) содержат более детальные положения в части поддержания и обеспечения пенитенциарной безопасности, условий и пределов применения силы сотрудниками пенитенциарного учреждения (другими управомоченными лицами), а именно:

требование к разработке подробного порядка применения силы (включающего в себя, различные виды силовых действий, которые могут применяться, обстоятельства, при которых может применяться каждый вид силовых действий, членов персонала, имеющих право применять различные виды силовых действий, уровня администрации, дающего разрешение на любое применение силы, и рапортов, которые должны составляться после применения силы (Европейские пенитенциарные правила (2006), п. 65.));

оговорка исключительного характера обстоятельств, при наличии которых сотрудники других правоохранительных ведомств могут работать с заключёнными в пределах пенитенциарного учреждения;

требования к правовому оформлению сотрудничества и взаимодействия персонала пенитенциарного учреждения с другими ведомствами в связи с пресечением насильственных действий в пенитенциарном учреждении, возникающих на его территории конфликтов и восстановлении порядка;

оговорка, согласно которой наручники, сми-

рительные рубашки и другие средства ограничения подвижности заключённых могут применяться в исключительных случаях, при этом они не должны применяться дольше, чем это абсолютно необходимо и характер их применения должен быть конкретно оговорен национальным законодательством;

более детальные правила в части требований к подготовке персонала в связи с ношением и применением оружия, а также связанных с этим вопросом ограничений.

Принимая во внимание многомерный характер пенитенциарной безопасности, и, в частности, её внешнюю сторону, следует также указать на международно-правовые положения, относящиеся к подготовке осуждённых к освобождению и их постпенитенциарной адаптации. Так, уже в Минимальных стандартных правилах по обращению с заключенными (ООН, 1955 г.) отношениям осужденных с внешним миром и опеке после освобождения был посвящен соответствующий раздел, положения которого регламентируют основные принципы деятельности исправительного учреждения, направленной на последующую реинтеграцию осужденного в общество. В новых правилах ООН 2015 г. (Правила Нельсона Манделы) ряд правил (пр. 4, 88, 89, 91–94, 96–108) оговаривают вопросы разработки специалистами исправительного учреж-дения индивиду¬альных программ, предусматривающих об¬разовательную, профессиональную под¬готовку, работу и любую другую помощь, необходимую для реабилитации (ресоци¬ализации) и реинтеграции. Причем работа должна быть ориентированной на занятость заключенного после освобождения и прохо¬дить в безопасных и законных условиях.

Европейские пенитенциарные правила также содержат специальный раздел, посвященный подготовке к освобождению осужденных, где, в частности, предусматривается, что содействие осужденным, ожидающим освобождения, оказывается заблаговременно и в виде «процедур и специальных программ, обеспечивающих переход от жизни в пенитенциарном учреждении к законопослушной жизни в обществе». Предусмотренные Правилами ООН, касающимися защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, мероприятия по оказанию несовершеннолетним осужденным помощи при возвращении в общество, к семейной жизни, по их обучению или трудоустройству после освобождения включают в себя «специально разработанные процедуры», в том числе специальные курсы (п. 79); несовершеннолетнему после освобождения должны быть обеспечены надлежащее жилье, работа, одежда и достаточные средства для проживания после освобождения, с тем чтобы содействовать успешной реинтеграции (п. 80); в случае необходимости, по согласованию «с соответствующими органами», принимаются меры для продолжения проводившегося во время лишения свободы психиатрического лечения и после освобождения (п. 53); одним из условий реализации предусмотренных названным документом мероприятий является деятельность специализированных служб (наделенных соответствующими полномочиями), оказывающих осужденным несовершеннолетним помощь в вопросах ресоциализации как на финальном этапе отбывания наказания, так и после освобождения (п. 80)[22, с. 12-15].

Как полагает автор, приведённые международно-правовые положения в части обеспечения пенитенциарной безопасности, заключают в себе определённый позитив и потенциал, в целом, прогрессивного влияния на развитие уголовно-исполнительной системы России. При этом, значительная их часть в той или иной степени воспринята в действующем в России законодательстве и реализуется в правоприменительной практике, с учётом положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, международно-правовых обязательств России, вытекающих из членства в ООН и в Совете Европы, других международных организациях.

Как полагают учёные, влияние международных стандартов на отечественное уголовно-исполнительное законодательство обнаруживает себя, в том числе, в обеспечении максимальной открытости правовых основ исполнения уголовных наказаний, в юридическом определении соотношения международно-правовых и национально-правовых регуляторов в рассматриваемой сфере, влиянии международных стандартов на определение задач и принципов уголовно-исполнительного законодательства, а также на содержание конкретных его норм [11, с. 675-682]. В результате обеспечивается взаимосвязь международных стандартов и отечественного уголовно-исполнительного права и в целом – уголовно-исполнительной политики России, постепенная гармонизация уголовно-исполнительного законодательства и отечественной практики исполнения уголовного наказания. Вместе с тем, реализация ряда международных правовых стандартов в рассматриваемой области остаётся проблематичной, в том числе, по причине декларативности норм национального законодательства, наличия в них пробелов и противоречий.

Как отмечают исследователи [16, с. 10-11], основные способы восприятия и действия норм международного права в уголовно-исполнительной системе России выступают: 1) правовая имплементация, характеризующаяся фактической реализацией международных обязательств на

внутригосударственном уровне, осуществляемой путём трансформации международно-правовых норм в национальное законодательство и подзаконные акты; 2) правовая рецепция, при которой нормы международного права могут не совпадать с формой международно-правового предписания, однако они не должны изменять его содержание, так как это приводит к нарушению международного права; 3) правовая трансформация, представляющая собой деятельность, направленную исключительно на видоизменение правовых норм; инкорпорация, когда в национальное законодательство включаются правовые нормы, полностью идентичные с нормами соответствующего международно-правового акте; 5) правовая отсылка, выступающая в форме государственно-властного веления субъектам национального права руководствоваться международными нормами, не изменяя при этом внутреннее законодательство.

Не оспаривая обоснованность приведённого суждения по существу, следует, во-первых, учитывать многообразие доктринальных трактовок относительно способов и форм реализации международно-правовых положений во внутригосударственном праве, в определённой степени условный характер применяемых терминов, различия смыслового содержания, вкладываемого тем или иным автором в тот или иной термин [27, с. 6-34].

Во-вторых, как полагает автор, признавая многообразие форм восприятия и реализации положений международного права во внутригосударственном праве, в целом, принимая во внимание позитив отечественной правовой науки, понимается принятие государством внутригосударственных правовых мер, обеспечивающих реализацию этим государством его международно-правовых обязательств в сфере внутригосударственных отношений [12, с. 32].

В-третьих, принимая во внимание положения ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, следует вести речь о, по крайней мере, трёх законодательно предусмотренных аспектах восприятия и реализации норм международного права в исследуемой сфере, а именно:

отнесение общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации к правовым основам уголовно-исполнительного законодательства РФ и практики его применения (с учетом положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ);

правило приоритетного применения международного договора Российской Федерации (по отношению к уголовно-исполнительному законодательству РФ, при наличии расхождений) в части исполнения наказаний и обращения с осуждёнными (с учетом положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ);

реализация в уголовно-исполнительном законодательстве РФ рекомендаций международных организаций по вопросам исполнения наказания и обращения с осуждёнными при наличии экономических и социальных возможностей.

С правовой точки зрения наиболее определённым выглядит второй из вышеуказанных аспектов. Следует, по всей видимости, учитывать преимущества международного договора, а также наличие довольно детального законодательного регулирования правил действия и применения договорных норм международного права в правовой системе РФ. Вместе с тем, нельзя отрицать наличие сложностей восприятия и применения отдельных положений международных договоров РФ, в свою очередь, связанных не только с отличиями правовых подходов, но и с факторами экономического характера. Проблемы, таким образом, могут возникать как в стадии приведения законодательства в соответствие с принятыми на себя государством международно-правовыми обязательствами, так и в стадии правоприменения.

Здесь позиционно автор солидаризируется с высказанным в специальной литературе суждением, согласно которому, государству при заключении международного договора следует трезво оценивать социальные и экономические возможности, позволяющие выполнить договорные обязательства, и в случае отрицательного ответа на данный вопрос, следует либо воздержаться от подписания договора, либо при необходимости прибегнуть к помощи оговорки к этому договору [21, с. 12].

Тезис о позиционировании общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ с правовыми основами уголовно-исполнительного законодательства и практики России, в целом, следует рассматривать позитивно, принимая во внимание положение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, а также отмеченную выше значимость международных правовых стандартов в пенитенциарной сфере как правовых ориентиров прогрессивного развития уголовно-исполнительной системы. Вместе с тем, в специальной литературе вполне обоснованно акцентируется внимание на проблеме перечня общепризнанных принципов и норм [17, с. 159].

Очевидно, что общепризнанные нормы - это такие нормы, которые официально признаны всеми или почти всеми государствами, представляющими все основные политические, социально-экономические и правовые системы [23, с. 3-15]. По всей видимости, факт такого рода признания может подтверждаться международным догово-

ром, в которому участвуют все или почти все государства (наглядным примером может служить Устав ООН (показательно, что в разъяснениях Верховного Суда РФ обращается внимание на то, что содержание общепризнанных принципов и норм может раскрываться, в частности, в документах ООН и её специализированных учреждений. - Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», п. 1).

Что касается рассматриваемой сферы, то здесь ориентиром могут служить положения основополагающих международных правовых актов (Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических права, разработанные под эгидой ООН международные правовые стандарты обращения с осуждёнными и заключёнными, Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, и некоторые другие). Вместе с тем, очевидно и другое, а именно: не все, содержащиеся в указанных и других международных правовых актах, в той или иной степени касающихся пенитенциарной сфере и пенитенциарной безопасности, носят общепризнанный. Как представляется, для национального законодателя и, особенно, правоприменителя должны быть обозначены более четкие ориентиры в понимании перечня такого рода принципов и норм в рамках именно национальной правовой системы. В этой связи, следует позитивно оценивать высказываемое в отечественной правовой науке предложение о разработке и издании единого постановления Конституционного Суда РФ, в котором аккумулировались бы те общепризнанные принципы и нормы международного права, которые Российская Федерация считает частью своей правовой системы [3, с. 95-99]. По всей видимости, реализация данного предложения повысит правовую определенность в данном вопросе.

Наименее определённым с правовой точки зрения является законодательно установленное положение о восприятии в уголовно-исполнительном законодательстве и правоприменительной практике России рекомендаций международных организаций в пенитенциарной сфере, к тому же сопровождающееся оговоркой об условии наличия необходимых экономических и социальных возможностей. В специальной литературе, не без оснований отмечаются пробелы программных документов в части отражения ряда международных правовых стандартов, занимающих важное средство в системе обеспечения средств исправления осуждённых, а также критериев оценки соответствия отечественной уголовно-исполнительной системы уровню европейских стандартов. При этом следует принять во внимание и особенности самих документов международных организаций в рассматриваемой сфере. В специальной литературе, посвящённой анализу новых Европейских пенитенциарных правил (2006), не без оснований, указано на отсутствие в них полной ясности относительно юридической силы отдельных положений, недостаточное внимание к вопросу о взаимосвязи между документами ООН и региональными документами, недостаточное внимание к механизму имплементации.

В целом, не вызывает сомнения, что процесс восприятия норм международного права во внутригосударственном праве, а также принимать во внимание криминально-криминогенную ситуацию, реалии пенитенциарной преступности, комплекс факторов, оказывающих влияние на функционирование уголовно-исполнительной системы России в современных условиях, кроме того, учитывать преемственность национальных традиций, складывающихся в данной сфере (в данном случае, примером может служить сложившаяся в России «колонийская» модель отбывания лишения свободы, существенно отличающаяся от сложившейся на Западе тюремной модели. По мнению некоторых ученых «колонийская» система имеет немало положительных черт, обусловленных меньшей степенью изоляции и возможностями в этой связи более эффективно организовывать труд осуждённых, проводить социально-воспитательные мероприятия и т.д.).

Следует также позиционно согласиться с тезисом, согласно которому ФСИН России должна вводить в практику функционирования отечественной уголовно-исполнительной системы международные стандарты, процедуры и правила.

Обобщая все вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

Международно-правовая составляющая занимает важное место в правовом обеспечении безопасности уголовно-исполнительной системы на современном этапе её развития, что, в свою очередь, объясняется как активным участием России в интеграционных процессах (включая пенитенциарную сферу), конституционными (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) и законодательными (ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса РФ) положениями, определяющими параметры восприятия международного права в правовой России, так и прогрессивным характером содержащихся в международных правовых актах положений, служащих правовыми ориентирами для развития уголовно-исполнительной системы и обеспечения её безопасности в условиях демократического

общества.

Разрозненный характер международно-правовых положений, относящихся к вопросам пенитенциарной безопасности и содержащихся в юридически обязательных и рекомендательных международных правовых актах универсального и регионального уровней, в сочетании с особенностями системы международного права, предопределяет значимость построения классификации соответствующих международно-правовых положений.

Предлагаемая автором классификация, в основу которой в качестве системообразующих критериев положены содержательный и субъектный, при этом также учитываются уровень и юридический статус международного правового акта и содержащихся в нём норм, может дополнять разработанные в отечественной правовой науке классификации и использоваться в сочетании с ними, и выглядит следующим образом:

международно-правовые положения, касающиеся общих вопросов пенитенциарной безопасности, содержащиеся в международных правовых актах универсального и регионального уровней;

международно-правовые положения, касающиеся вопросов пенитенциарной безопасности отдельных категорий осуждённых, а также применительно к отдельным видам наказания, содержащиеся в международных правовых актах универсального и регионального уровней;

международно-правовые положения, касающиеся обеспечения пенитенциарной безопасности, и непосредственно адресованные к персоналу пенитенциарных учреждений, а также к другим субъектам, вовлечённым в процесс её обеспечения, содержащиеся в международных правовых актах универсального и регионального уровней.

Международно-правовые положения в части обеспечения пенитенциарной безопасности, заключают в себе определённый позитив и потенциал, в целом, прогрессивного влияния на развитие уголовно-исполнительной системы России, значительная их часть в той или иной степени воспринята в действующем в России законодательстве и реализуется в правоприменительной практике в параметрах конституционных и законодательных положений.

Проблемы реализации норм международного права в правовой системе России вызваны рядом причин правового и иного характера, в том числе, недостаточной определённостью и декларативностью законодательных формулировок, сложностями определения перечня общепризнанных принципов и норм международного права, недостатками и небесспорными положениями международных правовых актов, различиями подходов, сложившихся, в частности, в отечественной уголовно-исполнительной системе и европейской пенологической политике.

Список литературы:

[1] Агамов Г.Д., Ковалева Е.Н. Европейские минимальные стандартные правила обращения с заключенными - Европейские пенитенциарные правила. Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 1.

[2] Абатуров А.И. Европейская пенитенциарная политика в области мер, не связанных с тюремным заключением. Российская юстиция. 2014. № 1. С. 18 - 21.

[3] Бабай А.Н., Тимошенко В.С. Роль общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России. Закон. 2006. № 11. С. 95-99.

[4] Городинец Ф.М. Имплементация международно-правовых норм при исполнении наказания в виде лишения свободы в Российском законодательстве и правоприменительной практике: Монография / Ф.М. Городинец; М-во образования Рос. Федерации. С.-Петерб. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения, С.-Петерб. ун-т МВД России. - СПб. : СПбГУАП, 2002. - 173 с.

[5] Глушков А.И. Зарубежный опыт регламентации деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях чрезвычайных ситуаций. Международное публичное и частное право. 2013. № 3. С. 28 - 30.

[6] Громов М.А. Безопасность персонала уголовно-исполнительной системы: монография. Рязань, 2006. С. 22-23.

[7] Гришко А.Я. Уголовно-исполнительный закон: декларации и реалии, необходимость в обновлении. Омбудсмен. 2014. № 2. С. 4 – 9.

[8] Горенкова Е.В. Организация труда осужденных: международные стандарты и зарубежный опыт. Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 1. С. 13 – 16.

[9] Добрынина М.Л. Международно-правовые основы правового положения лиц, содержащихся в исправительных учреждениях. Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 3. С. 18-21.

[10] Зубарев С.М. Теория и практика контроля за деятельностью персонала пенитенциарной системы: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.14 / Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ. - Москва, 2006. - 50 с.

[11] Зубков А.И. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века: Учебник для вузов / Под ред. д.ю.н., проф. А.И. Зубкова. 3-е изд., перераб. и до. М., 2006. С. 675-682.

[12] Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. Общая часть = International law and the legal systems of the Russian Federation [Текст] = International law and the legal systems of the Russian Federation: курс лекций / Б. Л. Зимненко; Российская акад. правосудия, Дипломатическая акад. М-ва иностранных дел Российской Федерации. - Москва: Статут, 2010. - 414 с.

[13] Кохман В.Н. Правовая инфильтрация норм международного права в уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Кохман Вадим Николаевич; [Место защиты: Ин-т междунар. права экономики им. А.С. Грибоедова]. - Санкт-Петербург, 2010. - 224 с.

[14] Кашуба Ю.А. Хижняк В.И. Реализация международных стандартов обращения с осужденными в уголовно-исполнительной политике: Монография / Ю.А. Кащуба, В. И. Хижняк; Федер. служба исполнения наказаний, Акад. права и управления. - Рязань: Акад. права и упр. Федер. службы исполнения наказаний, 2005 (Отд-ние полиграфии ИТО Акад. права и упр. Федер. службы исполнения наказаний). - 197 с.

[15] Койл Э.Подход к управлению тюрьмами с позиций прав человека: Пособие для тюремного персонала. Международный центр тюремных исследований. 2002. 156 с.

[16] Кохман В.Н. Правовая инфильтрация норм международного права в уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации. Автореф. дисс….канд. юрид. наук. М., 2010. С. 10-11.

[17] Калашников С.В. Применение общепризнанных принципов и норм в сфере защиты прав человека в России: вопросы теории и практики [Текст]: [монография] / С.В. Калашников; под ред. Д.С. Велиевой; Поволжская акад. гос. службы им. П.А. Столыпина. - Москва: Изд-во ДМК Пресс, 2010. - 159 с.

[18] Панарин Д.А. Восприятие рекомендаций Европейских пенитенциарных правил о работе в пенитенциарном учреждении как государственной службе в российском законодательстве. Новые Европейские пенитенциарные правила: совершенствование санкций и мер: материалы междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2007. С. 143-145.

[19] Сафронова Е.А. Международное публичное право: теоретические проблемы [Текст]: монография / Е.В. Сафронова. - Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2012. - 131 с.

[20] Смирнова И.Н. Методологические, организационные и правовые основы деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: диссертация ... доктора юридических наук 12.00.11 / Смирнова Ирина Николаевна; [Место защиты: Псков. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний]. - Псков, 2010. - 552 с.

[21] Спицына О.О. Международное пенитенциарное право и российское уголовно-исполнительное законодательство. Концептуальные направления реформирования уголовно-исполнительной системы: материалы межрегиональной научно-практической конференции, 13 авг. 2012 г. /под общ. ред. П.И. Остапенко; Владимир. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний, Краснодар. фил., 2012. С. 12.

[22] Трубецкой В.Ф., Юсуфов Р.Ш. Международно-правовое регулирование деятельности, связанной с оказанием помощи в социальной адаптации лицам, отбывшим уголовное наказание. Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 1. С. 12 - 15.

[23] Талалаев А.Н. Соотношение международного и внутригосударственного права в Конституции Российской Федерации. Журнал международного права. 1994. № 4. С. 3-15.

[24] Уткин В.А. Пенитенциарные стандарты Совета Европы и векторы реформирования уголовно-исполнительной системы. Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 1. С. 14 - 18.

[25] Чорный В.Н. Европейские пенитенциарные правила в международно-правовом механизме формирования цивилизованных пенитенциарных систем государств // Новые Европейские пенитенциарные правила: совершенствование санкций и мер: материалы междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2007. С. 192-193.

[26] Чистяков А.А. Европейские пенитенциарные правила: новеллы и перспективы реализации // Новые Европейские пенитенциарные правила: совершенствование санкций и мер: материалы междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2007. С. 190.

[27] Черниченко С.В. Вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права как правовых систем. Правоведение. 2009. № 1. С. 6-34.

[28] Щербаков А.В., Григоряк А.В. Международное законодательство и проблемы его реализации в отечественной пенитенциарной системе. Международный научный вестник. 2026. № 4. С. 342-349.

References:

[1] Agamov G.D., Kovaleva E.N. European Minimum Standard Rules for the Treatment of Prisoners - European Penitentiary Rules. Penal

system: law, economics, management. 2007. № 1.

[2] Abaturov A.I. European Prison Policy on Non-custodial Measures. Russian justice. 2014. № 1. S. 18-21.

[3] Babai A.N., Tymoshenko V.S. The role of generally recognized principles and norms of international law in the legal system of Russia. Law. 2006. № 11. S. 95-99.

[4] Gorodinets F.M. Implementation of international legal norms in the execution of punishment in the form of imprisonment in Russian legislation and law enforcement practice: Monograph / F.M. Gorodinets; M-formation Ros. Federations. S.-Peterb. state. un-t aerocosm. instrument engineering, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - St. Petersburg: SPbGUAP, 2002. - 173 s.

[5] Glushkov A.I. Foreign experience in regulating the activities of institutions of the penitentiary system in emergency situations. Public and private international law. 2013. № 3. S. 28-30.

[6] Gromov M.A. Safety of personnel of the penitentiary system: monograph. Ryazan, 2006. S. 22-23.

[7] Grishko A.Ya. Penal Law: Declarations and Realities, Need for Renewal. Ombudsman. 2014. № 2. S. 4-9.

[8] Gorenkova E.V. Organization of convict labor: international standards and foreign experience. Penal system: law, economics, management. 2017. № 1. S. 13-16.

[9] Dobrynina M.L. International legal basis for the legal status of persons held in correctional institutions. Penal system: law, economics, management. 2006. № 3. S. 18-21.

[10] Zubarev S.M. Theory and Practice of Monitoring the Activities of Penitentiary System Personnel: Abstract dis.... Doctor of Law: 12.00.14 / All-Russia. scientific-research. Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. - Moscow, 2006. - 50 s.

[11] Zubkov A.I. Criminal executive law of Russia: theory, legislation, international standards, domestic practice of the late XIX - early XXI centuries: Textbook for universities / Ed. Doctor of Law, prof. A.I. Zubkova. 3rd ed., Revised and before. M., 2006. S. 675-682.

[12] Zimnenko B.L. International Law and Legal System of the Russian Federation. Общая часть = International law and the legal systems of the Russian Federation [Текст] = International law and the legal systems of the Russian Federation: курс лекций / Б. Л. Зимненко; Russian Academy of Justice, Diplomatic Academy of Foreign Affairs of the Russian Federation. - Moscow: Statute, 2010. - 414 s.

[13] Kokhman V.N. Legal infiltration of the norms of international law into the penal legislation of the Russian Federation: dissertation... Candidate of Law: 12.00.08 / Kokhman Vadim Nikolaevich; [Place of defense: Institute of International Law of Economics named after A.S. Griboedov]. - St. Petersburg, 2010. - 224 s.

[14] Kashuba Yu.A. Khizhnyak V.I. Implementation of international standards for the treatment of convicts in penal policy: Monograph / Yu.A. Kashchuba, V.I. Khizhnyak; Feder. penitentiary service, Acad. rights and governance. - Ryazan: Acad. rights and control Feder. penitentiary services, 2005 (Branch of Printing ITO Acad. rights and control Feder. penitentiary services). - 197 s.

[15] Coyle E. Approach to Prison Management from a Human Rights Perspective: A Manual for Prison Staff. International Center for Prison Studies. 2002. 156 pp.

[16] Kokhman V.N. Legal infiltration of the norms of international law into the penal legislation of the Russian Federation. Autoref. diss.... cand. jurid. sciences. M., 2010. S. 10-11.

[17] Kalashnikov S.V. Application of generally accepted principles and norms in the field of human rights protection in Russia: questions of theory and practice [Text]: [monograph] / S.V. Kalashnikov; ed. D.S. Velieva; P.A. Stolypin. - Moscow: Publishing House DMK Press, 2010. - 159 s.

[18] Panarin D.A. Perception of the recommendations of the European Penitentiary Rules on work in a penitentiary institution as a public service in Russian legislation. New European Penitentiary Rules: Improving Sanctions and Measures: Materials International. scientific-practical. conf. Ryazan, 2007. S. 143-145.

[19] Safronova E.A. International public law: theoretical problems [Text]: monograph / E.V. Safronova. - Moscow: RIOR: INFRA-M, 2012. - 131 s.

[20] Smirnova I.N. Methodological, organizational and legal foundations of the activities of the penal system in the field of the execution of punishments not related to the isolation of the convict from society: dissertation... Doctor of Law 12.00.11 / Smirnova Irina Nikolaevna; [Place of protection: Pskov. jurid. in-t Feder. penitentiary services]. - Pskov, 2010. - 552 s.

[21] Spitsyna O.O. International penitentiary law and Russian penal legislation. Conceptual directions for reforming the penal system: materials of the interregional scientific and practical conference, August 13, 2012 / under the general. ed. P.I. Ostapenko; Vladimir. jurid. in-t Feder. penitentiary services, Krasnodar. phil., 2012. S. 12.

[22] Trubetskoy V.F., Yusufov R.Sh. International legal regulation of activities related to assistance in social adaptation to persons who have served a

criminal sentence. Penal system: law, economics, management. 2011. № 1. S. 12-15.

[23] Talalaev A.N. The ratio of international and domestic law in the Constitution of the Russian Federation. Journal of International Law. 1994. № 4. S. 3-15.

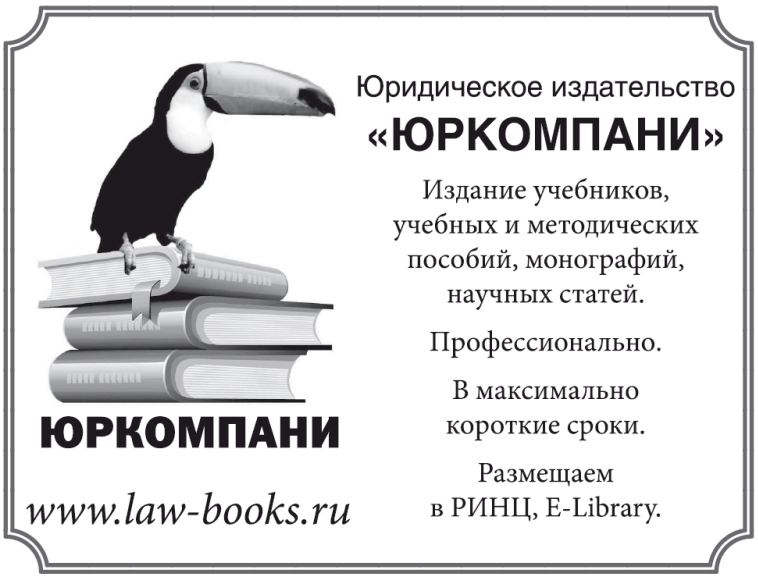
[24] Utkin V.A. Penal standards of the Council of Europe and vectors of reform of the penal system. Penal system: law, economics, management. 2016. № 1. S. 14-18.

[25] Chorny V.N. European penitentiary rules in the international legal mechanism for the formation of civilized penitentiary systems of states // New European penitentiary rules: improving sanctions and measures: materials of international. scientific-practical. conf. Ryazan, 2007. S. 192-193.

[26] Chistyakov A.A. European Penitentiary Rules: Novels and Prospects for Implementation // New European Penitentiary Rules: Improving Sanctions and Measures: Materials from International. scientific-practical. conf. Ryazan, 2007. S. 190.

[27] Chernichenko S.V. The question of the relationship between international and domestic law as legal systems. Jurisprudence. 2009. № 1. S. 6-34.

[28] Shcherbakov A.V., Grigoryak A.V. International legislation and problems of its implementation in the domestic penitentiary system. International Scientific Bulletin. 2026. № 4. S. 342-349.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-103-113
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ИСАКОВА Татьяна Игоревна,
старший преподаватель юридического факультета Кузбасского института ФСИН России, кандидат педагогических наук,
e-mail: kolesn_tanya@mail.ru

ПЕРЕГУДОВА Наталья Викторовна

КГПИ КемГУ, Новокузнецк, Россия,
e-mail: Natali23031973@yandex.ru

ВЕДОМСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ПРЕДЕЛЫ И СООТНОШЕНИЕ С ИНЫМИ ФОРМАМИ ПУБЛИЧНОГО КОНТРОЛЯ

Аннотация. *В статье исследуется ведомственный контроль за деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в единстве его правовой природы, организационно-правовых форм, пределов и соотношения с иными формами публичного контроля. На основе анализа ст. 21 УИК РФ, Закона РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», указов Президента РФ и подзаконных актов Минюста и ФСИН России, включая новый Порядок осуществления ведомственного контроля, утвержденный приказом ФСИН России от 24.08.2026 № 526, раскрываются такие признаки ведомственного контроля, как иерархичность, подведомственность, властно-распорядительный характер, сочетание проверочной и методической функций, непрерывность. Сформулировано авторское определение ведомственного контроля. Обосновывается двойственность правовой природы института, который выступает внутриорганизационной функцией управления и одновременно публично-правовой гарантией законности и прав человека в сфере принудительного содержания. Выделены организационно-правовые формы контроля (кураторская модель постоянного мониторинга, инспекторские и контрольные проверки, контроль за финансово-хозяйственной деятельностью). Определены пределы ведомственного контроля – по кругу объектов, предмету, процедуре, правовым последствиям и гласности. Проведено сравнение ведомственного контроля с прокурорским надзором, судебным контролем, контролем органов государственной власти и общественным контролем, показана их взаимодополняемость. Сделан вывод, что ведомственный контроль занимает нишу первичного, оперативного и профессионально-ведомственного реагирования на нарушения законности в уголовно-исполнительной системе.*

Ключевые слова: *ведомственный контроль, уголовно-исполнительная система, учреждения и органы УИС, публичный контроль, прокурорский надзор, судебный контроль, общественный контроль, инспекторская проверка, кураторство.*

Для цитирования: *Исакова Т. И., Перегудова Н. В. Ведомственный контроль за деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы: правовая природа, пределы и соотношение с иными формами публичного контроля // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 103–113.*

ISAKOVA Tatyana Igorevna,
Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Senior Lecturer Faculty of Law Cand, Sci. (Pedagogy)

PEREGUDOVA Natalia Viktorovna,
Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University", Novokuznetsk, Russia

DEPARTMENTAL CONTROL OVER THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM: ITS LEGAL NATURE, SCOPE AND CORRELATION WITH OTHER FORMS OF PUBLIC CONTROL

Annotation. *The article examines departmental control over the activities of institutions and bodies of the penal enforcement system in terms of its legal nature, organizational and legal forms, limits, and correlation with other forms of public control. Based on the analysis of Article 21 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, the Law on Institutions and Bodies of the Penal Enforcement System, presidential decrees and subordinate acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service, including the new Procedure for departmental control approved by Order of the Federal Penitentiary Service No. 526 of August 24, 2026, the author identifies such features of departmental control as hierarchy, departmental subordination, imperative character, a combination of control and methodological functions, and continuity. The author proposes an original definition of departmental control and substantiates the duality of its legal nature, as the institute is both an intra-organizational management function and a public-law guarantee of legality and human rights in the sphere of forced detention. The organizational and legal forms of control are described and include the curatorship model of continuous monitoring, inspection and control checks, and control over financial and economic activities. The limits of departmental control are defined – by objects, subject matter, procedure, legal consequences, and publicity. A comparison with prosecutorial supervision, judicial control, control by state bodies, and public control demonstrates their complementarity. The author concludes that departmental control occupies the niche of primary, operational, and professionally departmental response to violations of legality in the penal enforcement system.*

Key words: *departmental control, penal enforcement system, institutions and bodies of the penal enforcement system, public control, prosecutorial supervision, judicial control, public (civil) control, inspection check, curatorship.*

For citation: *Isakova T. I., Peregudova N. V. Departmental control over the activities of institutions and bodies of the penal enforcement system: its legal nature, scope and correlation with other forms of public control. Russian scientific bulletin. 2026;(11):103–113. (In Russ.).*

Введение

Уголовно-исполнительная система Российской Федерации (далее – УИС) представляет собой особый сегмент государственного управления, в котором решения и действия должностных лиц непосредственно затрагивают права и свободы человека. Нормативное основание ведомственного контроля в такой системе закреплено в ст. 21 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) [16]. Именно поэтому деятельность учреждений и органов УИС находится в поле зрения широкого круга контрольных субъектов, а сами контрольные формы давно систематизированы в науке и законодательстве.

Актуальность темы исследования обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года относит совершенствование ведомственного контроля, мониторинг и оценку деятельности учреждений и органов УИС к числу основных направлений развития системы [17]. Во-вторых, с 20.09.2026 действует утвержденный приказом ФСИН России от 24.08.2026 № 526 Порядок осуществления ведомственного контроля за деятельностью территориальных органов ФСИН России и учреждений УИС, исполняющих наказания (далее – Порядок осуществления ведомственного контроля) [18]. Новый акт по существу закрепляет обновленную модель организации контроля, пришедшую на смену зональному контролю по приказу ФСИН России от 28.08.2010 № 378 [19], который, однако, не был официально признан утратившим силу на дату исследования, что ставит вопрос о систематизации ведомственного нормотворчества.

Цель статьи – определить правовую природу ведомственного контроля за деятельностью учреждений и органов УИС, установить его пределы и соотношение с иными формами публичного контроля. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы.

Правовая природа ведомственного контроля в уголовно-исполнительной системе

Ведомственный контроль относится к числу институтов, которые, будучи длительное время закрепленными в законодательстве, не получили легальной дефиниции. УИК РФ ограничивается

указанием на субъект – за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, осуществляется ведомственный контроль со стороны вышестоящих органов и их должностных лиц. Такая формулировка, как справедливо отмечается в литературе, не в полной мере отражает существо института и создает двойственное представление о его содержании - указание на «вышестоящие органы» допускает отнесение к субъектам контроля как Минюста России, так и ФСИН России с ее территориальными органами, а значит, остается неопределенным и объем контрольных полномочий каждого из них [1, с. 102].

Анализ нормативной основы позволяет выделить следующие уровни правового регулирования – федеральный, подзаконный и ведомственный. На федеральном уровне основу ведомственного контроля составляют кодифицированные и специальные законы, закрепляющие сам факт существования контроля и его базовые принципы.

На федеральном уровне ключевой является ст. 21 УИК РФ, которая прямо устанавливает, что за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, осуществляется ведомственный контроль со стороны вышестоящих органов и их должностных лиц. При этом порядок осуществления контроля определяется нормативными актами ведомства, в ведении которого находятся соответствующие учреждения. Данная норма служит отправной точкой для дальнейшего подзаконного и ведомственного регулирования. Отдельное место занимает Федеральный закон от 19.07.2018 № 197 [20], часть 3 статьи 95 которого определяет, что ведомственный контроль за соблюдением законодательства о службе в УИС осуществляется в порядке, определяемом Минюстом России. Тем самым выделяется самостоятельный контур контроля законности служебной деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Важное значение имеет Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», в котором глава VII «Контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы» (в частности, статья 38) закрепляет систему контрольных полномочий и субъектов контроля [21]. Закон определяет общие рамки контроля, включая обязанности вышестоящих органов по проверке законности и эффективности деятельности подведомственных учреждений.

Подзаконное регулирование ведомственного контроля сосредоточено в актах Президента РФ, которые определяют компетенцию и структуру контрольных полномочий федеральных органов исполнительной власти. Указ Президента РФ от 13.01.2023 № 10 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» утверждает Положение о Минюсте России и закрепляет за министерством полномочия по координации и контролю в сфере исполнения наказаний. На этот акт ссылаются ведомственные приказы, регламентирующие процедуры контроля. Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» утверждает Положение о ФСИН России, в котором к компетенции службы отнесен контроль деятельности учреждений и органов УИС, включая контроль за соблюдением законности и обеспечением прав осужденных, лиц, содержащихся под стражей, и лиц, находящихся под домашним арестом [22]. Таким образом, на уровне подзаконных актов происходит распределение контрольных функций между Минюстом России как координирующим органом и ФСИН России как органом, непосредственно осуществляющим контроль.

На ведомственном уровне нормативное регулирование приобретает процедурный характер и детализирует формы, методы и порядок осуществления контроля. Порядок осуществления ведомственного контроля устанавливает последовательность действий по контролю за оперативно-служебной, производственно-хозяйственной и финансовой деятельностью. В рамках данного порядка контроль реализуется через сбор и анализ информации, мониторинг устранения нарушений, назначение главных кураторов и кураторов территориальных органов и учреждений, ведение контрольно-наблюдательных дел и представление ежегодной отчетности. Приказ Минюста России от 22.08.2019 № 185 «Об утверждении Порядка осуществления ведомственного контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о службе в уголовно-исполнительной системе» [23] регламентирует контроль за соблюдением законодательства о службе. Согласно данному документу, контроль осуществляется ФСИН России в форме плановых и внеплановых проверок. Предусмотрено ограничение на проведение плановых проверок (не более одной плановой проверки в учреждении в течение года). По результатам плановых проверок составляется акт, по внеплановым - справка.

В теории административного права контроль традиционно рассматривается как функция управления, а надзор – как «суженный» контроль, обращенный к обеспечению законности [2, с. 258]. Применительно к деятельности ФСИН России в литературе обосновывается, что категории «контроль» и «надзор» целесообразно трактовать как специфические формы реализации административно-проверочных действий со стороны субъекта управления, причем содержание этих действий определяется правовым статусом контролирую-

щего субъекта [3, с. 761]. Отсюда следует важный методический вывод о том, что ведомственный контроль нельзя описывать по единой модели. Его содержание всегда зависит от того, в какой ведомственной вертикали и по какому предмету он осуществляется.

Для ведомственного контроля в УИС характерен ряд устойчивых признаков. Во-первых, иерархичность - контроль осуществляется в рамках субординации, внутри одной ведомственной вертикали [4, с. 19]. Во-вторых, подведомственность, ведь объектом контроля выступают органы и учреждения, организационно подчиненные контролирующему субъекту [5, с. 326]. В-третьих, властно-распорядительный характер - по итогам контрольных мероприятий возможны меры внутрисистемного реагирования – от указаний и планов устранения нарушений до заслушивания руководителей на коллегии и применения мер дисциплинарного воздействия [6, с. 146]. В-четвертых, сочетание проверочной и методической функций, о чем, в свою очередь, в литературе подчеркивалось, что ведомственный контроль предполагает не только проверку, но и оказание практической помощи подконтрольным органам, предупреждение нарушений [7, с. 115]. В-пятых, непрерывность - наряду с дискретными проверками осуществляется постоянный мониторинг состояния и результатов служебной деятельности.

Не углубляясь в многообразие авторских позиций относительно понятия и учитывая точки зрения Е.А. Гребенюка [8, с. 123] и М.Н. Богданова [9, с 161], под ведомственным контролем за деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы понимается систематическая контрольно-проверочная деятельность Министерства юстиции Российской Федерации, ФСИН России и их должностных лиц, а также должностных лиц территориальных органов ФСИН России в отношении подведомственных им органов и учреждений, осуществляемая в формах, установленных законодательством Российской Федерации и ведомственными нормативными актами, в целях проверки соблюдения законодательства, оценки состояния и результатов оперативно-служебной, производственно-хозяйственной и финансовой деятельности, выявления и устранения нарушений, а также выработки мер по совершенствованию деятельности подконтрольных объектов.

Комплексный характер данной проблемы в науке раскрыт не в полной мере. В связи с чем, на основе изученных нормативных актов и имеющихся исследований, отметим, что правовая природа рассматриваемого института двойственна. С одной стороны, это внутриорганизационная функция управления, реализуемая в системе исполнительной власти и опосредованная ведомственными нормативными актами. С другой стороны, ведомственный контроль выполняет публично-правовую роль гарантии прав человека в сфере с повышенным риском их нарушения. Юридические последствия такого контроля ограничены внутриведомственной сферой, ведь они выражаются в организационно-распорядительных решениях и мерах дисциплинарного воздействия, но не образуют внешнего властного инструментария, характерного для надзорной деятельности.

Организационно-правовые формы ведомственного контроля в УИС

Ведомственный контроль в УИС имеет многоуровневую структуру. В настоящее время его осуществляют Минюст России, центральный аппарат ФСИН России, территориальные органы УИС и сами подведомственные учреждения. В свою очередь, Порядок осуществления ведомственного контроля закрепляет «кураторскую» модель организации постоянного контроля. В ФСИН России ведомственный контроль обеспечивают главные инспекторы УИС главной инспекции УИС Управления планирования и организационно-аналитического обеспечения ФСИН России (главные кураторы территориальных органов) и должностные лица структурных подразделений ФСИН России (кураторы территориальных органов); в территориальном органе - заместители начальника территориального органа (главные кураторы учреждений) и должностные лица его структурных подразделений (кураторы учреждений). Составы кураторов утверждаются организационно-распорядительными актами соответственно директора ФСИН России и начальника территориального органа.

Содержание кураторской деятельности нормативно определено, где главный куратор обеспечивает сбор информации о состоянии и результатах служебной деятельности и выявленных нарушениях законодательства, ведет в электронном виде контрольно-наблюдательные дела (с учетом требований законодательства о персональных данных и защите информации), проводит мониторинг устранения нарушений и вправе вносить руководству предложения по их устранению и заслушиванию начальников подведомственных органов и учреждений на заседании коллегии. Введена и регламентная отчетность, включающая ежеквартальные доклады кураторов, ежегодные докладные записки руководителей структурных подразделений ФСИН России и информационно-аналитические материалы в адрес главных кураторов и начальников территориальных органов, а также ежеквартальные аналитические материалы территориальных органов в ФСИН России.

Кураторская модель уходит корнями в практику зонального контроля, установленную, ранее упомянутым, приказом ФСИН России № 378, согласно которому за каждым территориальным органом (учреждением УИС) закреплялись главный куратор, его заместитель и куратор, формировались и велись контрольно-наблюдательные дела, а итоги работы подводились на оперативных совещаниях один раз в полугодие. Новый порядок сохраняет преемственность этих решений, но переводит их в электронную среду и формализует отчетные сроки. Показательно, что аналогичные построения применяются и в других правоохранительных ведомствах, в частности при организации зонального контроля в подразделениях дознания органов внутренних дел [24], о чем также отмечается в научной литературе [10, с. 83].

Второй формой ведомственного контроля являются инспекторские и контрольные проверки, в литературе также выделяют комплексные и целевые выезды [11, с. 164]. Согласно Порядку проведения проверок деятельности территориальных органов ФСИН России, утвержденному приказом ФСИН России от 26.07.2024 № 560, инспекторская проверка проводится в рамках ведомственного контроля и включает комплекс мер по установлению соответствия деятельности территориального органа ФСИН России требованиям нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность УИС, а также организационно-распорядительных документов ФСИН России, изучению состояния и оценке результатов деятельности; в ее ходе оцениваются организация, законность, полнота и эффективность осуществления функций. Контрольная проверка проводится за устранением нарушений и недостатков, выявленных в ходе инспекторской проверки, и оценивает эффективность принятых и реализованных руководством территориального органа организационных и практических мер [25].

Вышеупомянутый порядок закрепляет гарантии объективности проверки – планомерность в соответствии с ежегодным графиком, утверждаемым директором ФСИН России, ограничение внеплановых оснований и запрет командировок в проверяемый орган в период проверки и в течение двух месяцев, предшествующих ей, что исключает предварительную «подготовку» объекта к проверке.

Целями инспекторской проверки законодательно названы установление соответствия деятельности требованиям нормативных правовых актов, оценка эффективности управленческой деятельности руководства и результатов деятельности территориального органа, выработка предложений по совершенствованию его работы. Задачи охватывают проверку оперативно-служебной, производственно-хозяйственной и финансово-экономической деятельности и достоверности статистической отчетности, выявление нарушений и недостатков с определением причин и условий, способствовавших их возникновению, проверку соблюдения прав и законных интересов работников УИС, подозреваемых, обвиняемых и осужденных, анализ взаимодействия территориального органа с органами власти и институтами гражданского общества. Примечательна и предусмотренная законом возможность ресурсной оптимизации, где при выполнении плана устранения нарушений и положительной динамике показателей контрольная проверка может быть заменена письменным отчетом начальника территориального органа либо выездом по отдельным направлениям служебной деятельности.

Третья форма - контроль за финансово-хозяйственной деятельностью, порядок которого регламентирован приказом ФСИН России от 24.07.2024 г. № 553 [26]. Его направления включают контроль законности, эффективности и целесообразности хозяйственной деятельности, использования средств федерального бюджета и приносящей доход деятельности, обеспечения работников довольствием и заработной платой, пенсионного и социального обеспечения уволенных сотрудников, оплаты труда и материально-бытового обеспечения подозреваемых, обвиняемых и осужденных, сохранности имущества, соответствия ведения бюджетного и бухгалтерского учета требованиям законодательства, а также реализации федеральных целевых программ строительства и реконструкции объектов УИС. Контроль осуществляется в стадии предварения фактов хозяйственной жизни (превентивный предварительный контроль), в момент их совершения (текущий) и после их совершения (последующий). Последующий контроль организуется в форме ревизий финансово-хозяйственной деятельности и проверок отдельных ее вопросов, которые возлагаются на главную контрольно-ревизионную инспекцию Управления делами ФСИН России и контрольно-ревизионные подразделения территориальных органов.

Обращает на себя внимание ряд гарантий внутри этой формы, среди которых недопустимость возложения на должностных лиц субъектов контроля обязанностей, не связанных с контрольными мероприятиями и внутренним финансовым аудитом; назначение мероприятий директором ФСИН России либо руководителем территориального органа; обязанности должностных лиц по регулярному докладу о ходе мероприятия, документальному обоснованию нарушений и внесению предложений о возмещении ущерба и привлечении виновных к ответственности. Таким об-

разом, система ведомственного контроля в УИС сочетает постоянный мониторинг (кураторство), комплексные проверки и отраслевой финансовый контроль, охватывая все основные направления деятельности ведомства.

Пределы ведомственного контроля

Первый предел ведомственного контроля связан с кругом объектов. Ведомственный контроль распространяется только на подведомственные органы и учреждения, к примеру, объектами контроля в форме ревизий и проверок названы учреждения УИС, их филиалы (Речь идет, например, про филиалы Федерального казенного учреждения «Уголовно-исполнительная инспекция») и органы УИС; пределы контроля закрепляются ведомственной закрепленностью кураторов. Данный предел имеет и конституционно значимое измерение, поскольку внутриведомственные акты не могут перераспределять контрольные полномочия, принадлежащие иным публичным субъектам – суду, прокуратуре, органам государственной власти субъектов РФ и общественным институтам. Ведомственная автономия в организации контроля ограничена рамками собственной системы управления.

Второй предел - предметный. В отличие от прокурорского надзора, предметом [27] которого является исключительно законность, ведомственный контроль сочетает проверку законности с оценкой эффективности и организации деятельности. Иными словами в ходе инспекторской проверки оцениваются организация, законность, полнота и эффективность осуществления функций территориального органа. Это отражает управленческую природу института, согласно которой вышестоящий субъект вправе оценивать не только правомерность, но и результативность деятельности подчиненных структур. Вместе с тем распространение ведомственной оценки на вопросы, решением которых обладает, например. суд, недопустимо.

Третий предел - процедурный. Формы и порядок контрольных мероприятий устанавливаются ведомственными нормативными актами, которые должны соответствовать законодательству Российской Федерации. Внутри контрольной процедуры действуют собственные гарантии, среди которых выделяются соблюдение законодательства о персональных данных и защите информации при ведении контрольно-наблюдательных дел, конфиденциальность и документальная обоснованность выявленных нарушений, запрет возложения на субъектов контроля несвойственных им обязанностей, ограничения на командирование сотрудников в период проверок. Эти пределы защищают одновременно интересы подконтрольных объектов и достоверность результатов контроля.

Четвертый предел - по правовым последствиям. Ведомственный контроль порождает внутрисистемные последствия, к которым относятся организационно-распорядительные решения, планы устранения нарушений, заслушивание руководителей, меры поощрения и дисциплинарного воздействия, предложения о кадровых решениях. Он не образует юрисдикционного производства и не подменяет судебную проверку законности ограничений прав осужденных; его результаты не связывают прокурора и не препятствуют осуществлению надзора. В этом смысле ведомственный контроль не форма государственного принуждения к гражданам.

Пятый предел - по гласности. Ведомственный контроль в принципе является непубличным, поскольку его результаты адресуются руководству ведомства и подконтрольным субъектам. В этом одновременно и сила института (оперативность реагирования, бережное обращение со служебной информацией) и его слабость (отсутствие внешней общественной оценки). Полагаем, что преодолению указанного недостатка способствовал бы механизм периодической публикации обезличенных сводных результатов инспекторских проверок, который не затрагивал бы служебную тайну, но вводил бы контрольную деятельность ведомства в поле общественного внимания.

Соотношение ведомственного контроля с иными формами публичного контроля

Глава 3 УИК РФ выстраивает целостную систему контроля (надзора), среди разновидностей котрого законолатель выделяет контроль органов государственной власти (ст. 19 УИК РФ), судебный контроль (ст. 20 УИК РФ), ведомственный контроль (ст. 21 УИК РФ), прокурорский надзор (ст. 22 УИК РФ) и общественный контроль (ст. 23 УИК РФ). В свою очередь, Закон № 5473-1 дополняет эту систему - контроль за деятельностью УИС осуществляют Федеральное Собрание РФ, Президент РФ, Правительство РФ, законодательные и исполнительные органы субъектов РФ; установлен и закрытый перечень лиц, имеющих право посещать учреждения, исполняющие наказания, и следственные изоляторы без специального разрешения, - от Президента РФ и Уполномоченного по правам человека до членов общественных наблюдательных комиссий. На этом фоне ведомственный контроль занимает особую нишу, и ее характеристики целесообразно раскрывать через сравнение с каждым из смежных институтов.

Прокурорский надзор за соблюдением законов администрацией учреждений и органов, исполняющих наказания, осуществляется Генеральным прокурором РФ и подчиненными ему проку-

рорами в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» [28]. Принципиальные отличия состоят в следующем. Во-первых, прокуратура не входит в управленческую вертикаль ФСИН России, что обеспечивает независимость оценки. Во-вторых, предмет надзора, как упоминалось ранее, ограничен законностью, тогда как ведомственный контроль включает и оценку эффективности. В-третьих, прокурор наделен властным реагированием внешнего действия (протест, представление, постановление, предостережение о недопустимости нарушения закона), обязательным вне зависимости от ведомственной субординации. Вместе с тем? институты взаимодополняемы, то есть материалы ведомственных проверок и контрольно-наблюдательные дела формируют информационную основу надзора, а представления прокурора становятся предметом ведомственного мониторинга устранения нарушений. Полагаем, что прокурорский надзор и ведомственный контроль следует рассматривать как относительно самостоятельные направления деятельности различных субъектов, оптимальное сочетание которых и обеспечивает законность в УИС.

Судебный контроль осуществляется при решении вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора в соответствии со ст. 397 и 398 УПК РФ, а также при рассмотрении жалоб осужденных и иных лиц на действия администрации учреждений и органов, исполняющих наказания. Его отличают процессуальная форма, публичность, инициатива обращения заинтересованного лица и общеобязательность судебных решений. Только суд в правовом государстве в полном объеме наделен полномочиями изменения правового статуса осужденного в период отбывания наказания; ведомственный контроль, напротив, осуществляется по инициативе контролирующего субъекта и в непроцессуальной форме. Именно поэтому результаты ведомственного контроля не могут подменять судебную защиту, о чем также отмечает И.А. Давыдова [12, с.65], а выявленные в ходе проверок нарушения прав осужденных должны получать и судебную оценку по обращению заинтересованных лиц.

Контроль органов государственной власти и местного самоуправления (ст. 19 УИК РФ, ст. 38 Закона № 5473-1) носит политико-правовой характер и отличается эпизодичностью [13, с. 74], где порядок его осуществления лишь отсылочно регулируется законодательством, а деятельность парламента, главы государства и органов субъектов РФ реализуется преимущественно через общие механизмы контроля за исполнением законов и рассмотрение обращений граждан. Ведомственный контроль более предметен и регулярен, но лишен внешнего политического статуса.

Переходя к рассмотрению общественного контроля, стоит отметить, что в литературе справедливо отмечается, что оценка эффективности УИС невозможна без взаимодействия с институтами гражданского общества, а взаимодействие с негосударственными организациями способствует исправлению осужденных [14, с. 508]. Общественный контроль за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания осуществляют общественные наблюдательные комиссии, образованные в субъектах РФ в соответствии с Федеральным законом от 10.062008 г. № 76-ФЗ [29]. Члены комиссий вправе беспрепятственно посещать учреждения УИС и беседовать с осужденными наедине в условиях, позволяющих администрации видеть, но не слышать беседующих (ч. 2 ст. 23 УИК РФ). Общие основы общественного контроля установлены Федеральным законом от 21.072014 г. № 212-ФЗ [30]. Сравнение с ведомственным контролем обнаруживает различие по ключевым параметрам - общественный контроль независим от органов власти, публичен и безвластен (его решения носят рекомендательный характер) [15, с. 242], тогда как ведомственный контроль встроен в иерархию, непубличен и властен во внутрисистемном смысле. Взаимодействие между ними строится по модели взаимного информирования, в ходе которого заключения комиссий подлежат рассмотрению, а результаты общественного контроля используются ведомством как дополнительный источник информации о состоянии законности.

В совокупности различия могут быть выражены следующими критериями - субъект (иерархический начальник либо внешний публичный или общественный субъект), основание инициации (собственная инициатива либо обращение, план, представление), форма (непроцессуальная либо процессуальная), правовые последствия (внутрисистемные либо общеобязательные) и публичность. Ведомственный контроль занимает нишу оперативного управленческого реагирования; прокурорский надзор выполняет функцию внешней гарантии законности; судебный контроль - функцию защиты прав в процессуальной форме; общественный контроль - функцию независимой внешней оценки. Ни один из названных институтов не является самодостаточным, и именно их совокупность образует систему публичного контроля за деятельностью УИС.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, пределы ведомственного контроля, определенные в статье по пяти критериям, имеют конституционное значение, а не только ор-

ганизационное. Выход ведомственного контроля за рамки подведомственности и внутрисистемных последствий разрушал бы установленное законом распределение контрольных полномочий между судом, прокуратурой и общественными институтами. Именно поэтому расширение компетенции кураторов и проверяющих допустимо лишь в границах собственной системы управления.

Во-вторых, обновленная модель контроля демонстрирует характерную для ведомственного нормотворчества тенденцию. Его содержание модернизируется быстрее, чем его нормативное регулировние, о чем свидетельствует сохранение юридической силы акта, фактически замененного новым. Это подтверждает потребность в инвентаризации и систематизации ведомственных актов, определяющих контрольную деятельность ФСИН России.

Наконец, устойчивость системы публичного контроля за деятельностью УИС обеспечивается не усилением какого-либо одного института, а их сопряжением. Ведомственный контроль в этой системе выполняет незаменимую функцию первичного и оперативного реагирования, которую внешние субъекты контроля воспроизвести не могут.

Список литературы:

[1] Щербаков А. В., Саакян А. В. Ведомственный контроль в учреждениях УИС: теория и практика // Профессиональное юридическое образование и наука. 2023. № 4(12). С. 102–104.

[2] Берия К. В. Понятие контроля и надзора в административном праве: исторический и теоретический аспекты // Вестник науки. 2025. Т. 3, № 4(85). С. 257–261.

[3] Шилов Ю. В. Содержание контрольно-надзорной деятельности при реализации функций уголовно-исполнительной системы // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2024. Т. 34, № 4. С. 759–766.

[4] Зубарев С. М. О некоторых аспектах совершенствования правового регулирования государственного контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания // Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран: сб. материалов Всероссийского научно-практического семинара. Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2017. С. 9–21.

[5] Гусев А. С., Моисеев Н. Д. Ведомственный контроль в уголовно-исполнительной системе: функции, механизмы и проблемы реализации // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 325–327.

[6] Бакулин В. К. Контроль и надзор в сфере исполнения уголовных наказаний. М.: Проспект, 2021. 208 с.

[7] Немцева Н. В. Особенности управления ведомственным финансовым контролем в уголовно-исполнительной системе // Российское предпринимательство. 2007. Т. 8, № 7. С. 112–117.

[8] Гребенюк Е. А. Основные формы контроля за деятельностью исправительных учреждений в Российской Федерации // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2016. № 8. С. 122–124.

[9] Богданов М. Н. Некоторые проблемные вопросы, возникающие при осуществлении ведомственного контроля в учреждениях УИС и пути их решения // Гуманитарный научный вестник. 2025. № 6. С. 160–165.

[10] Дербина О. В., Калачева А. В. Об опыте организации зонального контроля уголовно-исполнительной системы // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 1(49). С. 81–86.

[11] Тушков В. А. Ведомственный контроль за деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Вестник молодого ученого Кузбасского института: сб. науч. статей. Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2022. Вып. 9. С. 162–165.

[12] Правовое регулирование контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания: монография / И. А. Давыдова, И. Н. Коробова, А. П. Скиба, Е. Н. Скорик. Рязань: Академия ФСИН России, 2017. 141 с.

[13] Шеслер А. В., Шеслер С. С. Контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, осуществляемый федеральными органами государственной власти // Вестник Кузбасского института. 2014. № 4(21). С. 68–76.

[14] Козодаева О. Н. Проблемные аспекты осуществления общественного контроля за работой учреждений и органов, исполняющих наказания // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3, № 12. С. 507–514.

[15] Артемьев Н. С. Роль общественного контроля в предупреждении нарушений законности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14, № 3. С. 240–243.

[16] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1997 г. - № 2. - Ст. 198 с изм. и допол. в ред. от 23.03.2026.

[17] Распоряжение Правительства РФ «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» от 29.04.2021 № 1138-р // Собрание законодательства Российской Федерации. -

2021 г. - № 20. - Ст. 3397 с изм. и допол. в ред. от 27.05.2023.

[18] Приказ ФСИН России «Об утверждении Порядка осуществления ведомственного контроля за деятельностью территориальных органов ФСИН России и учреждений уголовно-исполнительной системы, исполняющих наказания» от 24.08.2026 № 526 // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2026 г. - № 0001202608280013.

[19] Приказ ФСИН России «Об утверждении Порядка организации контроля в уголовно-исполнительной системе по зональному принципу и рекомендаций по ведению контрольно-наблюдательного дела территориального органа ФСИН России (учреждения уголовно-исполнительной системы» от 28.08.2010 № 378 // Документ опубликован не был.

[20] Федеральный закон «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"» от 19.07.2018 № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2018 г. - № 30. - Ст. 4532 с изм. и допол. в ред. от 04.08.2026.

[21] Закон РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» от 21.07.1993 № 5473-1 // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ. - 1993 г. - № 33. - Ст. 1316 с изм. и допол. в ред. от 23.03.2026.

[22] Указ Президента Российской Федерации «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» от 13.10.2004 № 1314 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2004 г. - № 42. - Ст. 4109 с изм. и допол. в ред. от 27.04.2026.

[23] Приказ Минюста России «Об утверждении Порядка осуществления ведомственного контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» от 22.08.2019 № 185 // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2019 г. - № 0001201908300024. - с изм. и допол. в ред. от 09.08.2023.

[24] Приказ МВД России «Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации» от 03.02.2012 № 77 с изм. и допол. в ред. от 17.11.2025.

[25] Приказ ФСИН России «Об утверждении Порядка проведения проверок деятельности территориальных органов ФСИН России» от 26.07.2024 № 560 // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2024 г. - № 0001202407300004. - с изм. и допол. в ред. от 09.04.2026.

[26] Приказ ФСИН России «Об утверждении Порядка осуществления контроля за финансово-хозяйственной деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» от 24.07.2024 № 553 // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2024 г. - № 0001202408260019. - с изм. и допол. в ред. от 20.07.2026.

[27] В научной литературе, с использованием языкового приема метонимии, предмет называют сущностью. См., напр.: Беляев, В. П. Контроль и надзор: проблемы разграничения // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4(77). С. 199-207.

[28] Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-I // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. - 1992 г. - № 8. - Ст. 366 с изм. и допол. в ред. от 04.08.2026.

[29] Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» от 10.06.2008 № 76-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2008 г. - № 24. - Ст. 2789 с изм. и допол. в ред. от 23.07.2025.

[30] Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2014 г. - № 0001201407220010. - с изм. и допол. в ред. от 25.12.2023.

References:

[1] Shcherbakov A.V., Sahakyan A.V. Departmental control in penal institutions: theory and practice // Professional legal education and science. 2023. № 4(12). S. 102-104.

[2] Beria K. V. The concept of control and supervision in administrative law: historical and theoretical aspects // Bulletin of Science. 2025. T. 3, NO. 4 (85). PP. 257-261.

[3] Shilov Yu. V. Content of control and supervisory activities in the implementation of the functions of the penitentiary system // Bulletin of Udmurt University. Economics and Law series. 2024. T. 34, NO. 4. S. 759-766.

[4] Zubarev S. M. On some aspects of improving the legal regulation of state control over the activities of institutions and bodies executing criminal penalties // Administrative activities of law enforcement agencies of the Russian Federation and foreign countries: Sat. materials of the All-Russian scientific and practical seminar. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2017. S. 9-21.

[5] Gusev A. S., Moiseev N. D. Departmental control in the penal system: functions, mechanisms and problems of implementation // Agrarian and land law. 2025. № 7. S. 325-327.

[6] Bakulin V.K. Control and supervision in the field of execution of criminal sentences. M.: Prospect, 2021. 208 pp.

[7] Nemtseva N.V. Features of the management of departmental financial control in the penal system // Russian entrepreneurship. 2007. T. 8, NO. 7. S. 112-117.

[8] Grebenyuk E. A. Basic forms of control over the activities of correctional institutions in the Russian Federation // Research and development of young scientists. 2016. № 8. S. 122-124.

[9] Bogdanov M.N. Some problematic issues arising from the implementation of departmental control in penal institutions and ways to solve them // Humanitarian Scientific Bulletin. 2025. № 6. S. 160-165.

[10] Derbina O. V., Kalacheva A. V. On the experience of organizing zonal control of the penitentiary system // Penitentiary science. 2020. T. 14, NO. 1 (49). S. 81-86.

[11] Tushkov V. A. Departmental control over the activities of institutions and bodies of the penal system // Bulletin of a young scientist of the Kuzbass Institute: Sat. scientific. articles. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. No. 9. S. 162-165.

[12] Legal regulation of control over the activities of institutions and bodies executing punishments: monograph / I. A. Davydova, I. N. Korobova, A. P. Skiba, E. N. Skorik. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2017. 141 s.

[13] Schesler A.V., Schesler S.S. Control over the activities of institutions and bodies executing punishments carried out by federal government bodies // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2014. № 4(21). S. 68-76.

[14] Kozodaeva O. N. Problematic aspects of public control over the work of institutions and bodies that execute punishments // Actual problems of the state and law. 2019. VOL. 3, NO. 12. S. 507-514.

[15] Artemyev N. The Role of Public Control in Preventing Violations of the Law in Institutions and Bodies of the Penal System // Penal Law. 2019. T. 14, NO. 3. S. 240-243.

[16] Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1997 - No. 2. - Art. 198 as amended and supplemented as amended by 23.03.2026.

[17] Order of the Government of the Russian Federation "On the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period up to 2030" dated 29.04.2021 No. 1138-r // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2021 - No. 20. - Art. 3397 rev. and addendum as amended by 27.05.2023.

[18] Order of the Federal Penitentiary Service of Russia "On Approval of the Procedure for Implementing Departmental Control over the Activities of Territorial Bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia and Institutions of the Penal System Executing Punishments" dated 24.08.2026 No. 526 // Official Internet Portal of Legal Information. - 2026 - No. 0001202608280013.

[19] Order of the Federal Penitentiary Service of Russia "On Approval of the Procedure for Organizing Control in the Penal System on the Zonal Principle and Recommendations for Conducting Control and Observation of the Territorial Body of the Federal Penitentiary Service of Russia (Institutions of the Penal System" dated 28.08.2010 No. 378 // The document was not published.

[20] Federal Law "On Service in the Penitentiary System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment"" dated 19.07.2018 No. 197-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2018 - No. 30. - Art. 4532 amended and supplemented as amended by 04.08.2026.

[21] Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies of the Penitentiary System of the Russian Federation" dated 21.07.1993 No. 5473-1 // Vedomosti of the Congress of the ND of the Russian Federation and the Armed Forces of the Russian Federation. - 1993 - No. 33. - Art. 1316 amended and supplemented as amended by 23.03.2026.

[22] Decree of the President of the Russian Federation "Issues of the Federal Penitentiary Service" dated 13.10.2004 No. 1314 // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2004 - No. 42. - Art. 4109 with rev. and add. as amended by 27.04.2026.

[24] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia "On the Basics of Organizing Departmental Control over the Activities of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation" dated 03.02.2012 No. 77 with amendments and additions. as amended by 17.11.2025.

[25] Order of the Federal Penitentiary Service of Russia "On Approval of the Procedure for Conducting Inspections of the Activities of the Territorial Bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia" dated 26.07.2024 No. 560 // Official Internet Portal of Legal Information. - 2024 - No. 0001202407300004. - with rev. and additional as amended by 09.04.2026.

[26] Order of the Federal Penitentiary Service of

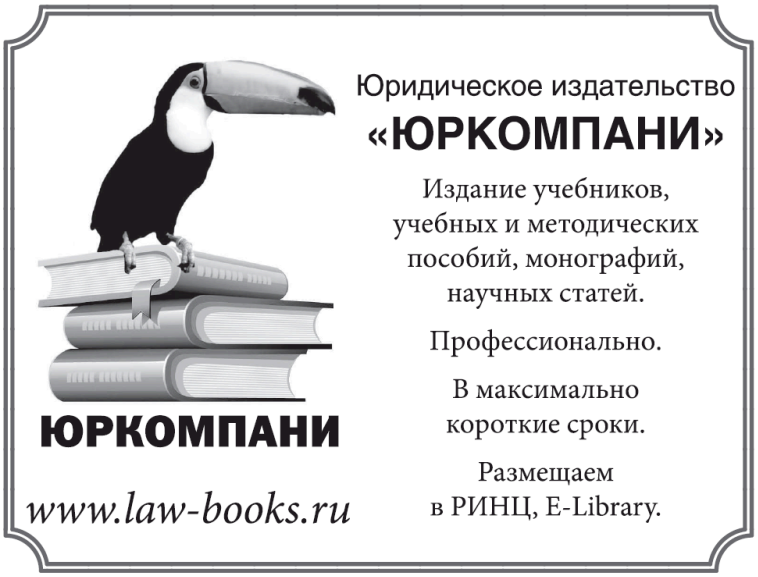
Russia "On Approval of the Procedure for Monitoring the Financial and Economic Activities of Institutions and Bodies of the Penitentiary System of the Russian Federation" dated 24.07.2024 No. 553 // Official Internet Portal of Legal Information. - 2024 - No. 0001202408260019. - with rev. and additional as amended by 20.07.2026.

[27] In the scientific literature, using the language technique of metonymy, a subject is called an entity. See, for example: Belyaev, V.P. Control and supervision: problems of delimitation // Actual problems of Russian law. 2017. № 4(77). S. 199-207.

[28] Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" dated 17.01.1992 No. 2202-I // Vedomosti SND RF and Armed Forces RF. - 1992 - No. 8. - Art. 366 amended and supplemented as amended by 04.08.2026.

[29] Federal Law "On Public Control over the Provision of Human Rights in Places of Detention and on Assistance to Persons in Places of Detention" dated 10.06.2008 No. 76-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2008 - No. 24. - Art. 2789 rev. and add. as amended by 23.07.2025.

[30] Federal Law "On the Basics of Public Control in the Russian Federation" dated 21.07.2014 No. 212-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. - 2014 - No. 0001201407220010. - with rev. and additional as amended by 25.12.2023.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-114-118
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ПИВНЕНКО Денис Леонидович,
заместитель председателя комитета государственной охраны объектов культурного наследия Волгоградской области, старший преподаватель кафедры юриспруденции и психологии ВФ ВолГУ, соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Волгоградский государственный университет, e-mail: denispiv.2022@mail.ru

ВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКА КАРДИНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация. *Работа посвящена анализу динамики законодательства в сфере охраны объектов культурного наследия, для которого характерна конвергенция отраслей публичного и частного права. Обосновано, что несмотря на высокую степень консервативности регламентации, приводящей к коллизионности правового регулирования, в последнее время наметилась тенденция интенсификации усилий субъектов правотворчества по изменению законодательства в исследуемой области сообразно динамике общественного развития. Доказано, что в большей части корректировки законодательства носят временный характер и не охватывают собой весь комплекс складывающихся правоотношений. Аргументировано, что анализируемая деятельность законодателя обнаруживает предпосылку общего преобразования регламентации в сфере охраны ОКН. По итогам исследования обращено внимание на необходимость перехода от фрагментарных и временных корректировок к системной и кардинальной трансформации правового регулирования, основанной на междисциплинарном и межотраслевом подходе как наиболее способствующем нахождению баланса публичных и частных интересов.*

Ключевые слова: *объекты культурного наследия, конвергенция отраслей права, реализация гражданских прав, общественный интерес, консервативность регламентации, коллизии, динамика законодательства, трансформация законодательства, временное правовое регулирование, баланс публичных и частных интересов.*

Для цитирования: *Пивненко Д. Л. Временное правовое регулирование как предпосылка кардинальной трансформации законодательства в сфере охраны объектов культурного наследия // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 114–118.*

PIVNENKO Denis Leonidovich,
Deputy Chairman of the Committee for the State Protection of Cultural Heritage Sites of the Volgograd Region, Senior lecturer at the Department of Law and Psychology Volzhsky Branch of Volgograd State University, Candidate of the academic degree of Candidate of Legal Sciences Volgograd State University

TEMPORARY LEGAL REGULATION AS A PREREQUISITE FOR A RADICALLY TRANSFORMATION OF LEGISLATION IN THE FIELD OF PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS

Annotation. *The work is devoted to the analysis of the dynamics of legislation in the field of protection of cultural heritage sites, which is characterized by the convergence of branches of public and private law. It has been substantiated that, despite the high degree of conservatism in the regulatory framework, which leads to conflicts in legal regulation, there has recently been a trend towards intensifying the efforts of law-making entities to amend legislation in the area under study in line with the dynamics of social development. It has been proven that, for the most part, legislative amendments are temporary in nature and do not encompass the entire range of emerging legal*

relations. It is argued that the legislator's activities under analysis reveal the prerequisite for a general transformation of regulation in the field of protection of cultural heritage sites. Based on the study's findings, attention was drawn to the need to move from fragmented and temporary adjustments to a systemic and fundamental transformation of legal regulation, based on an interdisciplinary and intersectoral approach – the approach that is most conducive to striking a balance between public and private interests.

Key words: *cultural heritage sites, convergence of legal branches, realization of civil rights, public interest, conservatism of regulation, conflicts, dynamics of legislation, transformation of legislation, temporary legal regulation, balance of public and private interests.*

For citation: *Pivnenko D. L. Temporary legal regulation as a prerequisite for a radically transformation of legislation in the field of protection of cultural heritage objects. Russian scientific bulletin. 2026;(11):114–118. (In Russ.).*

Актуальность предложенной темы обосновывается сложным синтезом норм законодательства РФ публично-правового и гражданско-правового характера, направленных, с одной стороны, на обеспечение сохранения объектов культурного наследия (далее – ОКН), с другой – на реализацию и защиту гражданских прав таких как право собственности, свобода предпринимательской деятельности и договора и т.д.

Сказанное, среди прочего, служит подтверждением наличия в сфере охраны ОКН тенденции конвергенции частного и публичного права [1], поскольку реализация соответствующих гражданских прав, во-первых, осуществляется с учетом особой регламентации (Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон об ОКН)) и, во-вторых, обнаруживает не только частноправовой результат (действия в собственном интересе, в чем бы они не выражались), но и результат публичного порядка – сохранение ОКН в интересах многонационального народа РФ. Здесь же необходимо напомнить, что в текущем правовом регулировании, при прочих равных условиях, ОКН могут находиться в частной собственности, а меры по сохранению ОКН, разработка проектной документации и проектов правовых режимов объектов, согласовываемые и (или) утверждаемые органами государственной охраны ОКН, есть ничто иное как итог деятельности именно частных субъектов.

Исследователи как публично-правовых, так и гражданско-правовых отношений отмечают особую роль Конституции РФ, предстающую воплощающим в жизнь права и свободы граждан сводом принципов, которые, тем не менее, могут быть ограничены в общегосударственных интересах [2, 3].

В связи с этим, акцентируем внимание на том, что Основной Закон, закрепляя гарантии права частной собственности и свободы предпринимательской деятельности, одновременно с этим, устанавливает обязанность каждого по сохранению ОКН. Таким образом, здесь обнаруживаются основы сложнейшего регулирования, обусловливающие не только конвергенцию отраслей права, но и предполагающие такие усилия субъекта правотворчества, которые бы обеспечивали объективный баланс публичных и частных интересов. При этом, видится, что деятельность законодателя должна базироваться на диалектике социально-правового развития, гарантируя, с одной стороны, известный уровень стабильности, с другой – разумную динамику правовой регламентации [4, 5]. Сказанное, очевидно, должно быть распространяемо и на сферу охраны ОКН, которой, тем не менее, присущи значительная степень традиционности [6] и иной темп изменений, в чем, очевидно, проявляется непосредственная правовая природа самих ОКН – уникальных образцов прошлых эпох, имеющих непреходящее общенациональное значение [7].

Вместе с тем, в ряде случаев консервативность регламентации порождает коллизионность регулирования, которая не только не способствует развитию соответствующих общественных отношений, но и, в определенной степени, может отрицательно воздействовать на те или иные аспекты сохранения ОКН [8, 9]. В настоящее время наметилась тенденция интенсификации деятельности субъектов правотворчества, направленной на корректировку законодательства в сфере охраны ОКН. Так, например, приняты приказы Министерства культуры РФ от 20 марта 2024 г. № 509 «Об утверждении перечня и упрощенного порядка проведения работ по ремонту объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия (за исключением зданий и мемориальных квартир), увековечивающих память о событиях, об участниках и о жертвах Великой Отечественной войны» (далее – Приказ № 509) и от 28 ноября 2025 г. № 2196 «Об утверждении формы уведомления о планируемом проведении работ, связанных с содержанием объекта куль-

турного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, порядка его подачи, а также порядка направления органом охраны объектов культурного наследия информации о недопущении проведения работ, связанных с содержанием объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, указанных в уведомлении о планируемом проведении работ, связанных с содержанием объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Приказ № 2196).

Кроме того, разработаны проекты приказов Министерства культуры РФ «Об установлении видов научно-исследовательских и изыскательских работ по оценке сохранности историко-культурной ценности объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, для выполнения которых не требуются подготовка проектной документации на проведение таких работ и предоставление разрешения на проведение таких работ» (далее – Проект № 1) [10], «Об установлении порядка осуществления технического надзора и авторского надзора за проведением работ по сохранению объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, а также научного руководства проведением таких работ» (далее – Проект № 2) [11] и некоторые другие.

Названные нормативные правовые акты и проекты, обладая определенной дискуссионностью, тем не менее, видятся как попытка адаптировать законодательство в сфере охраны ОКН относительно динамики иного законодательства и развития общественных отношений, что представляется, безусловно, ценным.

Вместе с тем, не останавливаясь на содержании данных актов, чему посвящен ряд отдельных статей автора, отметим, что все они носят характер временной регламентации: Приказ № 509 действует до 01 октября 2029 г., Приказ № 2196 – до 29 февраля 2032 г., действие Проектов №№ 1 и 2 предполагается до 1 марта 2033 года. Сказанное, с одной стороны, позволяет сделать вывод о признаках реализации правового эксперимента [12], который, однако, одновременно распространен на территории всей РФ и в отношении значительного количества различных правоотношений в сфере охраны ОКН, с другой – фиксирует, быть может, самое главное: трансформацию подходов субъекта правотворчества к исследуемой регламентации и формирование представления о необходимости ее переработки. Количество внесенных за последнее время поправок в Закон об ОКН, принятие дополнительных нормативных правовых актов, а также разработка их проектов служат доказательством заявленного выше тезиса.

Вместе с тем, представляется, что временная и, в определенной степени, фрагментарная корректировка правового регулирования, в чем все же усматривается предпосылка общего преобразования законодательства в сфере охраны ОКН, должна уступить место его системному и кардинальному изменению. При этом, видится, что такую трансформацию следует осуществлять исключительно на междисциплинарной и межотраслевой основе, с учетом критического анализа сложившегося правоприменения, накопленного опыта и тенденций развития, а также итогов широкого научно-практического обсуждения представителями различных отраслей знания. Одновременно с этим, думается, что именно такой подход позволит выработать новую систему регламентации охраны ОКН как отвечающую современным общественно-правовым реалиям, так и способствующую нахождению постоянного искомого баланса публичных и частных интересов в сфере охраны ОКН.

Список литературы:

[1] Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики: монография / Н.М. Коршунов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 240 с.

[2] Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики. (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда

Российской Федерации). М.: Юристъ, 2002. 284 с.

[3] Шаронов С.А. Современное значение и проблемы охранной деятельности в Российской Федерации: цивилистический аспект // Юрист. 2013. № 11. С. 37-40.

[4] Тищенко Ю.Ю. Обновление правовой системы России // Российский научный вестник. 2026. № 2. С. 32-35.

[5] Полякова Я.Н. Тенденции стабильности и обновления российского права: баланс между традициями и инновациями // Право и управление. 2026. № 1. С. 82-84.

[6] Алексеев В.А. Охранное обязательство: правовая сущность и вопросы судебной практики // Закон. 2022. № 12. С. 134-142.

[7] Определение Конституционного Суда РФ от 09 декабря 2014 г. № 2755-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Харламовой Ирины Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 31 и пунктом 4 статьи 36 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Пивненко Д.Л. Проблемы утверждения границ территорий объектов культурного наследия как исходной предпосылки их государственной регистрации // Цивилист. 2024. № 3 (49). С. 46-53.

[9] Пивненко Д.Л. Согласование проектной документации на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия. Некоторые вопросы правового регулирования и цифровой аспект // Цифровые технологии и право. Сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции В 6-ти томах. Казань, 2026. С. 410-414.

[10] Проект приказа Министерства культуры Российской Федерации «Об установлении видов научно-исследовательских и изыскательских работ по оценке сохранности историко-культурной ценности объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, для выполнения которых не требуются подготовка проектной документации на проведение таких работ и предоставление разрешения на проведение таких работ» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс] URL: https://regulation.gov.ru/projects/171774/ (дата обращения: 25.10.2026).

[11] Проект приказа Минкультуры России «Об установлении порядка осуществления технического надзора и авторского надзора за проведением работ по сохранению объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, а также научного руководства проведением таких работ» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс] URL: https://regulation.gov.ru/projects/171954/ (дата обращения: 25.10.2026).

[12] Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовой эксперимент как юридический феномен // Юридическая техника. 2025. № 19: Материалы XXVI Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 25-28 сентября 2024 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2025. С. 233-239.

References:

[1] Convergence of Private and Public Law: Problems of Theory and Practice: a monograph / N.M. Korshunov. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. 240 s.

[2] Gadzhiev G.A. Constitutional Principles of a Market Economy. (Development of the Foundations of Civil Law in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation). Moscow: Yurist, 2002. 284 s.

[3] Sharonov S.A. The Current Significance and Problems of Security Activities in the Russian Federation: A Civil Law Perspective // Lawyer. 2013. № 11. S. 37-40.

[4] Tishchenko Yu.Yu. Updating the Legal System of Russia // Russian Scientific Bulletin. 2026. № 2. S. 32-35.

[5] Polyakova Ya.N. Trends in the Stability and Renewal of Russian Law: Balancing Tradition and Innovation // Law and Management. 2026. № 1. S. 82-84.

[6] Alekseev V.A. Security Obligation: Legal Nature and Issues of Judicial Practice // Zakon. 2022. № 12. S. 134-142.

[7] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 9, 2014, № 2755-O “On Refusing to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Irina Vyacheslavovna Kharlamova Regarding the Violation of Her Constitutional Rights by Paragraph 2 of Article 31 and Paragraph 4 of Article 36 of the Federal Law ‘On Objects of Cultural Heritage (Historical and

Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation'" // SPS "ConsultantPlus".

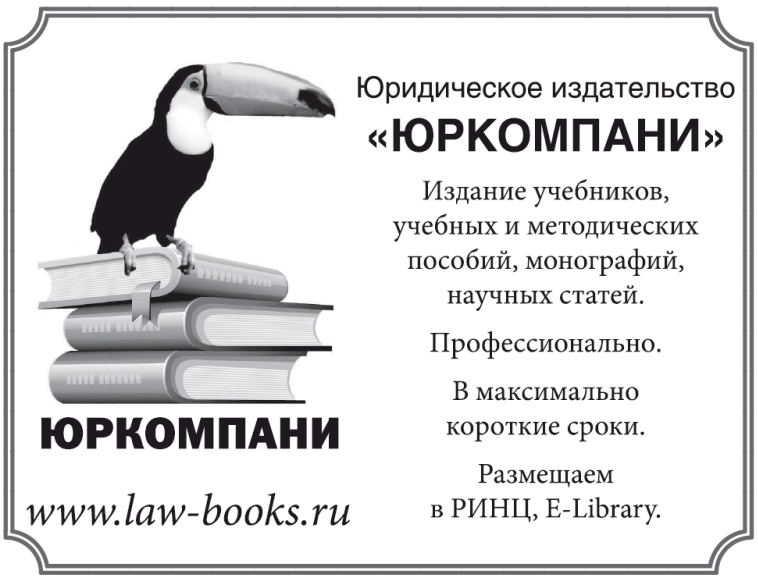
[8] Pivnenko D.L. Problems of approving the boundaries of cultural heritage sites as a prerequisite for their state registration // Civilist. 2024. № 3 (49). S. 46-53.

[9] Pivnenko D.L. Coordination of project documentation for work on the preservation of cultural heritage sites. Some issues of legal regulation and the digital aspect // Digital Technologies and Law. Collection of scientific papers of the IV International Scientific and Practical Conference in 6 volumes. Kazan, 2026. S. 410-414.

[10] Draft order of the Ministry of Culture of the Russian Federation "On the establishment of types of research and survey work to assess the preservation of the historical and cultural value of the cultural heritage object (historical and Cultural Monument) of the peoples of the Russian Federation included in the Unified State Register of Cultural Heritage Objects (Historical and Cultural Monuments) of the peoples of the Russian Federation, or the identified object cultural heritage (historical and cultural monument) of the peoples of the Russian Federation, which does not require the preparation of project documentation for such work and the granting of permits for such work" // Federal Portal of draft Regulatory Legal Acts [Electronic resource] URL: https://regulation.gov.ru/projects/171774/ (date accessed: 25.10.2026).

[11] Draft order of the Ministry of Culture of the Russian Federation "On Establishing the Procedure for Technical Supervision and Author's Supervision of the Preservation of an Object of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monument) of the Peoples of the Russian Federation included in the Unified State Register of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation, or an Identified object of cultural heritage (monument history and culture) of the peoples of the Russian Federation, as well as scientific guidance for such work" // Federal Portal of draft Normative Legal Acts [Electronic resource] URL: https://regulation.gov.ru/projects/171954/ (date accessed: 25.10.2026).

[12] Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Legal Experiment as a Legal Phenomenon // Legal Technique. 2025. № 19: Proceedings of the XXVI International Interdisciplinary Scientific and Practical Forum "Yurtechnetika" on the topic "Experiment in Legal Regulation (Doctrine, Practice, Technique)" (Nizhny Novgorod, September 25-28, 2024) / Editor-in-Chief: Prof. V.M. Baranov. – Nizhny Novgorod: UNICOPI, 2025. S. 233-239.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-119-125
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ХАНТИМИРОВ Тимур Шамильевич,
Аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия,
e-mail: thantimirov@yandex.ru

Научный руководитель:
МИРОНОВА Светлана Михайловна,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

АЛГОРИТМИЗАЦИЯ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ И ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ПРЕДЕЛЫ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО РЕШЕНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИЧИНЁННЫЙ ВРЕД

Аннотация. *В статье рассматривается переход от обнаруженного информационной системой налогового риска к решению, затрагивающему права налогоплательщика. На материале применения ПК «АСК НДС-2» разграничиваются достоверность обработанных сведений, обоснованность вывода программы и юридическая квалификация установленных обстоятельств. Предлагается трёхстадийная модель контроля: выявление риска, проверка его оснований и принятие мотивированного решения. Особое внимание уделяется ситуации, в которой программа работает исправно, но её результат используется за пределами того, что он способен доказать. Раскрываются условия содержательной проверки должностным лицом и требования к объяснению неблагоприятного решения. Рассматриваются пределы раскрытия сведений о хозяйственных цепочках и соотношение ответственности публичного субъекта с обязанностями технологических исполнителей. Налоговый контроль используется как модель исследования правовых проблем алгоритмизации без отождествления автоматизированного сопоставления данных и искусственного интеллекта.*

Ключевые слова: *налоговый контроль; искусственный интеллект; АСК НДС-2; налоговый риск; доказывание; автоматизированное решение; человеческий контроль; объяснение решения; налоговая тайна; возмещение вреда.*

Для цитирования: *Хантимиров Т. Ш. Алгоритмизация налогового контроля и применение искусственного интеллекта в государственном управлении: пределы автоматизированного решения и ответственность за причинённый вред // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 119–125.*

KHANTIMIROV Timur Shamilievich,
Postgraduate student, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Research supervisor:
MIRONOVA Svetlana Mikhailovna,
Doctor of Sciences in Law, Professor

ALGORITHMIZATION OF TAX CONTROL AND THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PUBLIC ADMINISTRATION: LIMITS OF AUTOMATED DECISION-MAKING AND LIABILITY FOR HARM

Annotation. *The article examines the transition from a tax risk detected by an information system to a decision affecting a taxpayer's rights. Using Russia's ASK NDS-2 automated VAT control system as an example, it distinguishes the reliability of processed data, the validity of a program-*

generated inference, and the legal assessment of established facts. Drawing on doctrinal legal analysis and selected tax disputes, it proposes a three-stage model comprising risk identification, verification of its grounds, and a reasoned decision. Particular attention is paid to situations where software operates correctly but its output is used beyond what it can prove. The article develops requirements for meaningful review by an official and an explanation of an adverse decision. It examines limits on disclosing information about transaction chains and the relationship between public liability and the obligations of technology providers. Tax control serves as a model for investigating the legal problems of algorithmization without equating automated data matching with artificial intelligence.

Key words: *tax control; artificial intelligence; ASK NDS-2; tax risk; evidence; automated decision-making; human oversight; explanation of decisions; tax secrecy; compensation for harm.*

For citation: *Khantimirov T. Sh. Algorithmization of tax control and the use of artificial intelligence in public administration: limits of automated decision-making and liability for harm. Russian scientific bulletin. 2026;(11):119–125. (In Russ.).*

Введение

Обнаруженный программой «разрыв» в хозяйственной цепочке ещё не объясняет, какие действия совершил проверяемый налогоплательщик. Между этими утверждениями остаётся несколько вопросов: достоверны ли исходные сведения, чем вызвано расхождение и какое отношение оно имеет к условиям применения налоговой нормы. Именно этот переход, а не само наличие цифрового инструмента, составляет предмет настоящей статьи.

Проблема возникает до вынесения окончательного решения. Система отбирает операции для изучения, связывает участников и направляет внимание проверяющего на определённые обстоятельства. В результате должностное лицо работает с информацией, которая уже прошла алгоритмический отбор. Подпись под решением подтверждает участие человека, но сама по себе ничего не говорит о том, насколько самостоятельно он проверил предложенный вывод.

Исследование направлено на определение условий, при которых результат такой обработки может использоваться в неблагоприятном публичном решении. Для этого анализируются законодательство, разъяснения ФНС России, научные работы и отдельные налоговые споры. Трёхстадийная модель и раскрываемые далее принципы предлагаются как авторская конструкция. Они не представляют собой описание единого порядка, уже установленного для всех государственных информационных систем. Методологическую основу составляют формально-юридический анализ и анализ отдельных судебных актов. Рассмотренные дела иллюстрируют исследуемую проблему и не образуют репрезентативной выборки всей судебной практики. ПК «АСК НДС-2» рассматривается как пример алгоритмизированного контроля. Отнесение всей системы к искусственному интеллекту для решения поставленной задачи не требуется. Значение имеет способ использования её результата: вспомогательный инструмент может фактически определять правовую позицию органа, даже если формально ему отведена только информационная роль.

1. Алгоритмический риск и достаточность цифровых сведений

Электронная отчётность позволяет сопоставлять сведения об операциях разных участников. Это расширяет поле проверки: орган видит не только документы отдельного налогоплательщика, но и расхождения между связанными записями. Однако увеличение информационного охвата не означает, что каждый вывод об отдельном лице становится достовернее. Новые связи создают дополнительные вопросы, которые ещё предстоит разрешить.

Цифровую трансформацию налоговых отношений С. М. Миронова рассматривает, в частности, применительно к гиг-экономике [1]. Работы о роли банков в экспериментальных режимах и результатах применения налога на профессиональный доход позволяют проследить изменение взаимодействия участников налоговых отношений [2; 3]. В настоящей статье эта проблематика получает продолжение в вопросе о положении лица, в отношении которого государственная система сформировала неблагоприятную оценку.

Н. А. Поветкина и А. А. Копина исследуют «цифровые» права налогоплательщика [4]. Для алгоритмизированного контроля существенна возможность предметно возразить против вывода органа. Электронный канал подачи пояснений не решает эту задачу, если налогоплательщик не знает, какие сведения вызвали сомнения и какое значение им придано.

В статье предлагается различать информационное несоответствие, оценку риска, доказательство и установленное правонарушение. Несоответствие характеризует отношение между данными. Оценка риска указывает на вероятность проблемы или необходимость проверки. Доказательство относится к устанавливаемому обстоятельству. Вывод о правонарушении требует соот-

несения доказанных фактов с признаками, предусмотренными законом. Эти категории связаны, но ни одна из них не превращается в следующую автоматически.

Применение риск-анализа в налоговом контроле отражено в письме ФНС России от 03.06.2016 № ЕД-4-15/9933@ [5]. Для правовой оценки важно отделять организационную задачу отбора случаев от разрешения конкретного дела. Признак, достаточный для постановки проверочного вопроса в предусмотренной законом процедуре, может оказаться недостаточным для отказа в вычете или назначения санкции.

Содержание статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) [6] требует устанавливать обстоятельства, от которых зависит правомерность уменьшения налоговой базы и суммы налога. Поэтому правоприменитель должен объяснить, какое именно условие нормы подтверждается результатом анализа. Указания на отрицательную оценку цепочки недостаточно, если из него не следует связь с юридически значимыми действиями проверяемого лица.

Подходы к установлению и доказыванию налоговых злоупотреблений изложены в письме ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» [7]. При анализе применяются также письма от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@ и от 16.08.2017 № СА-4-7/16152@ [8; 9]. Их значение здесь состоит в раскрытии вопросов правоприменения; сами разъяснения не рассматриваются как источник новых обязанностей налогоплательщика.

Пределы выводов о хозяйственной цепочке обсуждаются в постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 07.09.2023 № Ф06-6446/2023 по делу № А65-35052/2022 [10]. Для настоящего исследования существенен вопрос о том, какие обстоятельства позволяют связать поведение последующих контрагентов с проверяемым лицом. Обнаружить участников в одной цепочке и доказать подконтрольность их действий — разные задачи.

В постановлении того же суда от 14.03.2024 № Ф06-73/2024 по делу № А65-4511/2023 затронуто значение сведений о расхождении вида «разрыв» для отказа в вычетах [11]. Информационные пределы АСК НДС-2 рассматриваются также на материале дела № А40-32549/2024: решения Арбитражного суда города Москвы от 31.05.2024 и постановления Арбитражного суда Московского округа от 09.12.2024 № Ф05-25656/2024 [12; 13]. Эти споры используются для постановки вопроса о достаточности цифровых сведений, а не для вывода о недопустимости таких сведений вообще. По делу № А40-32549/2024 кассационная инстанция отменила нижестоящие акты и направила дело на новое рассмотрение. Следовательно, выводы первой инстанции нельзя представлять как окончательно поддержанную судебную позицию; дело показывает необходимость оценки всей совокупности доказательств, включая обстоятельства подконтрольности контрагентов. Отсюда следует предлагаемое разграничение алгоритмической корреляции и юридически значимой связи. Программа может показать, что организации связаны последовательностью операций. Из этого ещё не следует знание одной организации о нарушениях другой, участие в согласованной схеме или контроль над её действиями. Каждое соответствующее обстоятельство требует доказательственного обоснования. Причинную связь в собственном юридическом смысле необходимо устанавливать там, где она входит в условия применения конкретной нормы.

Следует учитывать и различие последствий спора. Отказ в вычете, доначисление налога и привлечение к ответственности имеют собственные основания. Рассуждение о недостаточности риск-индикатора для санкции не заменяет анализа условий предоставления вычета. Предлагаемая модель требует проверять основания того решения, которое действительно принимается.

2. Юридическая алгоритмическая ошибка и проверка решения

Предположим, что система сопоставила записи без вычислительного сбоя и верно обнаружила расхождение. Этот условный пример ещё не позволяет судить о правомерности дальнейшего решения. Ошибка может возникнуть позже, когда выявленному признаку придают значение доказанного нарушения. Проверка исправности программы в таком случае не отвечает на довод о неверной юридической оценке. Предлагаемое понятие юридической алгоритмической ошибки публичного управления охватывает дефект получения либо правоприменительного использования результата автоматизированной обработки, который приводит или способен привести к необоснованному властному решению. В отличие от узкого понимания технической неисправности, оно относится ко всей последовательности действий — от подготовки данных до мотивировки правового вывода.

Причину ошибки целесообразно искать на четырёх уровнях. Данные могут оказаться неполными или неактуальными; программа — неверно выполнить операцию; модель — использовать критерий, не соответствующий задаче; правоприменитель — сделать вывод, которого результат не подтверждает. В последнем случае дефект относится к квалификации и не должен приписы-

ваться исключительно программному обеспечению. Такое разграничение продолжает обсуждение юридических последствий цифровых ошибок в налоговом контроле, представленное в работе Ю. А. Крохиной [14]. Его практическое назначение — определить предмет проверки. Если спор касается достоверности сведений, нужно исследовать их источник и содержание. Если оспаривается участие налогоплательщика в нарушении, подтверждение точности расчёта не заменит доказательств этого участия.

Для выражения пределов использования оценки риска предлагается принцип процессуальной несамодостаточности алгоритмического результата. Он означает, что риск-индикатор не должен считаться единственным и достаточным основанием неблагоприятного решения без проверки его предпосылок и применения соответствующей нормы к установленным фактам. Это положение относится к оценке риска и не отрицает доказательственного значения электронных документов или проверяемых вычислений. Предлагаемая модель состоит из трёх стадий: выявления риска, юридической верификации и властно-юридической квалификации. Их разграничение нужно не для создания дополнительных производств, а для понимания того, какие действия должны быть выполнены до принятия решения и как впоследствии проверить их содержание.

На первой стадии система обнаруживает признак, соответствующий критериям анализа. Необходимо сохранить сведения, позволяющие установить, какие данные были использованы и какой результат получен. Юридическое значение этого результата пока ограничено постановкой вопроса, подлежащего разрешению в пределах законной контрольной процедуры.

На второй стадии проверяются причины расхождения. Должностное лицо исследует документы, учитывает пояснения налогоплательщика и возможные альтернативные объяснения; дополнительные доказательства собираются при наличии предусмотренных законом оснований. Цель проверки не должна сводиться к подтверждению первоначальной отметки программы. Её результат может состоять и в том, что обнаруженный риск не подтвердился.

Третья стадия заключается в соотнесении установленных обстоятельств с правовой нормой. Здесь органу требуется объяснить основания конкретного последствия: почему факты позволяют отказать в вычете, доначислить налог либо применить санкцию. В мотивировке должна прослеживаться эта связь, а не только факт использования информационной системы.

Нормативная предпосылка такой последовательности содержится в пункте 5 статьи 101 НК РФ [6], который связывает рассмотрение материалов проверки с установлением обстоятельств нарушения и оснований ответственности компетентным должностным лицом. Программа может помогать выполнить эти действия, но её оценка не заменяет правовой квалификации. Применительно к публично-правовой ответственности предлагается исключить непосредственный переход от риск-индикатора к санкции. Проверяемость промежуточных действий имеет значение и для исправления ошибки: без неё трудно определить, было ли решение обусловлено неверными данными, неподходящим критерием или действиями самого проверяющего.

3. Человеческий контроль и доступ к основаниям решения

Самостоятельность проверки нельзя оценить только по наличию подписи. Сотрудник должен располагать существенными материалами, временем для их исследования и полномочием отступить от рекомендации системы. Если организация работы практически исключает такую возможность, формальное участие человека не обеспечивает предлагаемую гарантию.

Отдельные правила об автоматизированных решениях предусмотрены статьёй 16 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [15]. Её предмет ограничен решениями, основанными исключительно на автоматизированной обработке персональных данных. Поэтому эту норму нельзя непосредственно переносить на любые организации и все случаи применения алгоритмов. Для настоящего исследования она важна как пример специального регулирования условий принятия решения, его объяснения и возможности возражения.

Предлагаемое право на юридически значимое объяснение шире сообщения о том, что орган использовал программу. Лицу необходимо понимать, какие сведения вызвали неблагоприятную оценку, какой вывод из них сделан и что проверил сотрудник. Без этого возражения неизбежно приобретают общий характер: невозможно опровергать основание, которое не раскрыто. Объяснение следует связывать с предметом решения. Если спор вызван несоответствием записей, нужно назвать относящиеся к нему сведения. Если вывод основан на связи с другими участниками, необходимо показать юридическое значение этой связи. Перечень всех технических параметров программы не заменит ответа ни на один из этих вопросов.

Безусловное раскрытие исходного кода из предлагаемого права не следует. В отдельных случаях исследование технических характеристик может потребоваться, но его объём зависит от предмета спора. Основной критерий доста-

точности объяснения — возможность проверить фактическое и правовое основание индивидуального решения с соблюдением охраняемых законом режимов информации.

Анализ хозяйственных цепочек особенно наглядно показывает информационное неравенство сторон. Орган располагает сведениями о разных участниках, тогда как налогоплательщик может не иметь законного доступа к аналогичному массиву. Статья 102 НК РФ [6] устанавливает режим налоговой тайны, который необходимо учитывать при раскрытии материалов. В этой связи в исследовании используются постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.06.2024 и постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30.10.2024 № Ф06-8096/2024 по делу № А65-30209/2023 [16; 17]. Они рассматриваются применительно к проблеме использования «Дерева связей» АСК НДС-2 и доступности сведений о последующих звеньях цепочки. Для предлагаемой модели существенен вопрос о возможности возражать против вывода, сформированного на основе информации о других лицах. При этом кассационный суд оставил отказ в удовлетворении требований общества без изменения. Поэтому доводы о недоступности материалов нельзя отождествлять с признанным судом нарушением: предлагаемая гарантия формулируется как авторское направление развития регулирования.

Принцип недопустимости процессуального преимущества вследствие алгоритмической непрозрачности предлагается понимать как требование обеспечить исследование оснований решения, несмотря на особенности государственной системы. Он не отменяет налоговую тайну и не предоставляет всеобщего доступа к ресурсам органа. Требуется определить способ раскрытия юридически значимых обстоятельств, позволяющий защищаться без неоправданного распространения охраняемых сведений.

От налогоплательщика не следует требовать доказать внутренний программный дефект как предварительное условие рассмотрения его возражений. Он может оспаривать достоверность факта или правовую оценку, не зная архитектуры системы. Вместе с тем последствия непредставления конкретного материала определяются применимыми процессуальными правилами. Непрозрачность сама по себе не означает автоматической отмены любого решения. С этим связан принцип недопустимости переноса алгоритмического риска публичной администрации на частное лицо. Его смысл состоит в сохранении обязанностей органа проверить и обосновать решение независимо от сложности выбранного инструмента. Принцип не освобождает налогоплательщика от предоставления достоверных сведений и иных установленных законом обязанностей.

4. Ответственность за последствия алгоритмической ошибки

Конституционная основа возмещения вреда закреплена в статье 53 Конституции Российской Федерации [18]. Гражданско-правовые основания требований раскрываются, в частности, в статьях 15 и 16 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [19], а правило о вреде, причинённом незаконными действиями публичных органов и должностных лиц, — в статье 1069 ГК РФ [20]. Применение информационной системы не устраняет необходимости установить условия соответствующего требования. В налоговых отношениях следует учитывать и статью 35 НК РФ об ответственности налоговых органов за убытки, причинённые неправомерными действиями, решениями или бездействием [6].

Ссылка на машинное происхождение вывода не должна служить самостоятельным основанием освобождения публичного субъекта. Вместе с тем незаконность решения ещё не подтверждает наличие всех заявленных убытков. Для имущественного требования требуется исследовать вред, его размер и юридически значимую связь с установленным нарушением, а также другие применимые условия ответственности. В отношениях с пострадавшим прежде всего определяется надлежащий публичный субъект и основание требования к нему. Обязанности разработчика, оператора и поставщиков данных исследуются с учётом их правового положения, договоров и причин дефекта. Эти вопросы связаны, но не совпадают: содержание договора на разработку не заменяет оснований публичного полномочия и не определяет автоматически способ защиты налогоплательщика. Разграничение внешних и внутренних отношений не означает обязательной последовательности всех судебных процессов. Оно также не создаёт автоматического регресса или солидарной ответственности участников. Назначение конструкции состоит в том, чтобы технологическое распределение работ не делало неопределённым адресата требования о защите права.

5. Развитие регулирования и выводы

Регулирование целесообразно строить с учётом роли результата в процедуре. Справка, риск-индикатор, проект решения и результат, фактически определяющий положение лица, требуют разного объёма проверки. Наименование программы не даёт достаточного основания для выбора гарантий: одна система может применяться как для поиска материалов, так и для подготовки отказа.

Для решений о публично-правовой ответ-

ственности предлагается закрепить обязанность содержательной проверки риска. Её проведение должно подтверждаться материалами, из которых понятно, какие обстоятельства исследованы и почему принята либо отклонена первоначальная оценка. Простое воспроизведение машинного вывода не отвечает этой задаче. Необходимым условием пересмотра является сохранение существенных данных об обработке: использованных сведений, версии системы, результата и действий проверяющего. Объём и сроки хранения должны соотноситься с целями контроля, защитой информации и применимыми правовыми режимами. Требование документирования не должно превращаться в неограниченное накопление данных. Объяснение результата следует соединить с возможностью его исправления. Лицо должно иметь способ указать на ошибочные данные или обстоятельства, не учтённые системой, а уполномоченный субъект — возможность пересмотреть вывод. Иначе раскрытие информации завершится уведомлением о принятом решении, не обеспечив реального средства защиты.

Оценка государственной системы должна охватывать не только техническую исправность, но и последствия эксплуатации: повторяющиеся ложноположительные результаты, ошибки квалификации и условия работы сотрудников. Если правильный расчёт регулярно становится основанием необоснованных решений, проблема может находиться в правилах его использования. Предлагаемая конструкция объединяет три предмета проверки: получение алгоритмического результата, установление фактических обстоятельств и применение правовой нормы. Её значение состоит в возможности определить конкретный переход, на котором возникла ошибка. Для налогового контроля это позволяет сохранить различие между обнаруженным расхождением и доказанным основанием решения; для применения ИИ — сформулировать требования к проверке, объяснению и ответственности без предположения о самостоятельной юридической силе машинного вывода.

Список литературы:

[1] Миронова С. М. Цифровая трансформация налоговых правоотношений в условиях гиг-экономики // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции (Казань, 22 сентября 2023 г.). Т. 4. Казань: Познание, 2023. С. 73–79. Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

[2] Миронова С. М., Кожемякин Д. В. Роль банков при применении экспериментальных налоговых режимов // Банковское право. 2022. № 5. С. 25–33. Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

[3] Миронова С. М. Налог на профессиональный доход — пять лет эксперимента: промежуточные итоги // Финансовое право. 2023. № 12. С. 10–14. DOI: 10.18572/1813-1220-2023-12-10-14. Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

[4] Поветкина Н. А., Копина А. А. «Цифровые» права налогоплательщика // Налоги. 2020. № 5. С. 40–44. Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

[5] Письмо ФНС России от 03.06.2016 № ЕД-4-15/9933@ «Об оценке признаков риска СУР». Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

[6] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ. Ст. 35, 54.1, 82, 100, 101, 102. Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

[7] Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации». Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

[8] Письмо ФНС России от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@ «О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации». Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

[9] Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-7/16152@ «О применении норм Федерального закона от 18.07.2017 № 163-ФЗ». Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

[10] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.09.2023 № Ф06-6446/2023 по делу № А65-35052/2022. Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

[11] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14.03.2024 № Ф06-73/2024 по делу № А65-4511/2023. Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

[12] Решение Арбитражного суда города Москвы от 31.05.2024 по делу № А40-32549/2024. Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

[13] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.12.2024 № Ф05-25656/2024 по делу № А40-32549/2024. Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

[14] Крохина Ю. А. Ошибки цифровых технологий в налоговом контроле: юридические последствия и ответственность // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (Казань, 23 сентября 2022 г.). Т. 1. Казань: Познание, 2022. С. 175–181. Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

[15] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Ст. 16. Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

[16] Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.06.2024 по делу № А65-30209/2023. Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

[17] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30.10.2024 № Ф06-8096/2024 по делу № А65-30209/2023. Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

[18] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями). Ст. 53. Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

[19] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ст. 15, 16. Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

[20] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Ст. 1064, 1069. Электронный ресурс (дата обращения: 12.10.2026).

References:

[1] Mironova S. M. Digital transformation of tax relations in the conditions of the gig economy // Digital technologies and law: collection of scientific works of the II International Scientific and Practical Conference (Kazan, September 22, 2023). VOL. 4. Kazan: Cognition, 2023. S. 73-79. Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

[2] Mironova S. M., Kozhemyakin D. V. The role of banks in the application of experimental tax regimes // Banking law. 2022. № 5. S. 25-33. Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

[3] Mironova S. M. Professional income tax - five years of experiment: interim results // Financial law. 2023. № 12. S. 10-14. DOI: 10.18572/1813-1220-2023-12-10-14. Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

[4] Povetkina N. A., Kopina A. A. "Digital" taxpayer rights // Taxes. 2020. № 5. S. 40-44. Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

[5] Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 03.06.2016 No. ED-4-15/9933@ "On the assessment of signs of RMS risk." Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

[6] Tax Code of the Russian Federation (Part One) dated 31.07.1998 No. 146-FZ. Art. 35, 54.1, 82, 100, 101, 102. Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

[7] Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 10.03.2021 No. BV-4-7/3060@ "On the Practice of Applying Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation." Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

[8] Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 31.10.2017 No. ED-4-9/22123@ "On Recommendations for the Application of the Provisions of Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation." Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

[9] Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 16.08.2017 No. SA-4-7/16152@ "On the application of the norms of the Federal Law of 18.07.2017 No. 163-FZ." Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

[10] Resolution of the Arbitration Court of the Volga Region dated 07.09.2023 No. F06-6446/2023 in case No. A65-35052/2022. Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

[11] Resolution of the Arbitration Court of the Volga District of 14.03.2024 No. F06-73/2024 in case No. A65-4511/2023. Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

[12] Decision of the Moscow Arbitration Court of 31.05.2024 in case No. A40-32549/2024. Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

[13] Decision of the Arbitration Court of the Moscow District of 09.12.2024 No. F05-25656/2024 in case No. A40-32549/2024. Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

[14] Krokhina Yu. A. Errors of digital technologies in tax control: legal consequences and responsibility // Digital technologies and law: collection of scientific works of the I International Scientific and Practical Conference (Kazan, September 23, 2022). VOL. 1. Kazan: Cognition, 2022. S. 175-181. Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

[15] Federal Law No. 27.07.2006 of 152-FZ "On Personal Data." Art. 16. Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

[16] Judgment of the Eleventh Arbitration Court of Appeal of 25.06.2024 in case No. A65-30209/2023. Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

[17] Resolution of the Arbitration Court of the Volga District of 30.10.2024 No. F06-8096/2024 in case No. A65-30209/2023. Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

[18] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993, as amended). Art. 53. Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

[19] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ. Art. 15, 16. Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

[20] Civil Code of the Russian Federation (part two) dated 26.01.1996 No. 14-FZ. Art. 1064, 1069. Electronic resource (accessed on: 12.10.2026).

- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-126-132
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ШКИЛЕВА Наталья Леонидовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики и права Курский государственный аграрный университет имени И.И. Иванова,
e-mail: natali_046@mail.ru

БУКАЛОВА Мария Андреевна,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: masiabukalova@yandex.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, ПРИ РАЗДЕЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ БРАТЬЕВ И СЕСТЁР

Аннотация. *В статье исследуются семейно-правовые основания и критерии допустимости раздельного устройства братьев и сестёр, оставшихся без попечения родителей. Анализируются положения Конституции РФ и Семейного кодекса Российской Федерации, закрепляющие приоритет семейного воспитания и ограничивающие возможность передачи братьев и сестёр разным лицам, а также разъяснения Верховного Суда Российской Федерации. Обосновывается необходимость разграничения формального наличия родственных связей и фактического содержания отношений между детьми. Предлагается система критериев оценки допустимости раздельного устройства, включающая характер сложившейся привязанности, индивидуальные потребности каждого ребёнка, его мнение, возможность совместного воспитания, риски психологического неблагополучия и перспективы сохранения общения после устройства. Особое внимание уделяется необходимости мотивированного обоснования исключений из принципа совместного устройства и индивидуальной оценке интересов каждого ребёнка. Формулируются предложения по совершенствованию правоприменительной практики органов опеки и попечительства.*

Ключевые слова: *дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, семейное право, семейное устройство, братья и сёстры, интересы ребёнка, органы опеки и попечительства, усыновление, опека, попечительство, право на общение.*

Для цитирования: *Шкилева Н. Л., Букалова М. А. Конституционно-правовая защита прав детей-сирот, оставшихся без попечения родителей, при раздельном устройстве братьев и сестёр // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 126–132.*

SHKILEVA Natalia Leonidovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Economics and Law, Kursk State Agrarian University named after I.I. Ivanova

BUKALOVA Maria Andreevna,
student at Southwestern State University

CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROTECTION OF THE RIGHTS OF ORPHANS LEFT WITHOUT PARENTAL CARE WHEN BROTHERS AND SISTERS ARE SEPARATED

Annotation. *The article explores family legal grounds and criteria for the admissibility of the separation of brothers and sisters left without parental care. The provisions of the Constitution of the Russian Federation and the Family Code of the Russian Federation are analyzed, securing the priority of family education and limiting the possibility of transferring brothers and sisters to different persons, as well as clarifications from the Supreme Court of the Russian Federation. The need to distinguish between the formal presence of family ties and the actual content of relations between children is justified. A system of criteria for assessing the admissibility of a separate device is proposed, including the nature of the attachment, the individual needs of each child, his opinion, the possibility of joint education, the risks of psychological distress and the prospects for maintaining communication after the device. Particular attention is paid to the need for a reasoned justification of exceptions to the principle of joint arrangement and an individual assessment of the interests of each child. Proposals are formulated to improve the law enforcement practice of guardianship and guardianship authorities.*

Key words: *orphans, children left without parental care, family law, family structure, brothers and sisters, interests of the child, guardianship and guardianship authorities, adoption, guardianship, guardianship, right to communication.*

For citation: *Shkileva N. L., Bukalova M. A. Constitutional and legal protection of the rights of orphans left without parental care when brothers and sisters are separated. Russian scientific bulletin. 2026;(11):126–132. (In Russ.).*

Обеспечение права ребёнка на воспитание в семье относится к числу приоритетных направлений правовой охраны детства. Для несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, значение семейного устройства не исчерпывается созданием благоприятных материально-бытовых условий [1, с. 120]. Оно предполагает формирование устойчивых эмоциональных связей, обеспечение безопасности, индивидуального развития и сохранение значимых отношений, существовавших до утраты родительского попечения. Особую сложность представляет устройство братьев и сестёр, оставшихся без попечения родителей. С одной стороны, совместное воспитание позволяет сохранить родственные отношения и преемственность семейного окружения. С другой стороны, индивидуальные потребности детей, различия в возрасте, состоянии здоровья, психологическом развитии и жизненном опыте могут обусловливать необходимость поиска для них разных форм семейного устройства.

Российское семейное законодательство исходит из недопустимости произвольного разлучения братьев и сестёр при их передаче на воспитание в семьи. Вместе с тем закон предусматривает исключения, обусловленные интересами детей. Данный подход согласуется со статьёй 38 Конституции Российской Федерации, закрепляющей государственную защиту семьи и детства, а также со статьёй 7, провозглашающей Россию социальным государством [2]. Следовательно, решение о раздельном устройстве детей должно быть обусловлено необходимостью защиты их индивидуальных интересов и не может основываться исключительно на формальных обстоятельствах. Ключевое значение приобретает не только установление общего правила, но и определение юридически значимых обстоятельств, при наличии которых от него допустимо отступить. Научная проблема заключается в том, что категория «интересы ребёнка» носит оценочный характер и требует конкретизации применительно к раздельному устройству братьев и сестёр [3, с. 92]. Отсутствие универсального алгоритма оценки соответствующих обстоятельств создаёт риск принятия решений, основанных преимущественно на организационных возможностях устройства либо на формальном учёте отдельных характеристик детей без комплексного анализа последствий их разлучения. Цель настоящего исследования состоит в определении критериев допустимости раздельного устройства братьев и сестёр, оставшихся без попечения родителей, и обосновании подхода к индивидуальной оценке интересов каждого ребёнка при принятии соответствующего решения. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический и системный методы, а также метод анализа и сравнительно-правовой метод, используемый для работы с судебной практикой. Нормативную основу образуют положения Конституции РФ, Конвенции ООН о правах ребёнка, Семейного кодекса Российской Федерации, и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации. В соответствии с пунктом 1 статьи 123 Семейного кодекса Российской Федерации дети, оставшиеся без попечения родителей, подлежат передаче на воспитание в семью посредством усыновления, установления опеки или попечительства, устройства в приёмную семью либо в иной предусмотренной законом форме [4].

Передача в организацию для детей-сирот допускается при отсутствии возможности семейного устройства. Закон также предусматривает

необходимость учитывать этническое происхождение ребёнка, его принадлежность к определённой религии и культуре, родной язык и возможность обеспечения преемственности в воспитании и образовании [5]. Указанные положения позволяют рассматривать семейное устройство не как исключительно организационную процедуру, а как правовой механизм обеспечения индивидуальных потребностей несовершеннолетнего. В этом контексте сохранение отношений с братьями и сёстрами выступает одним из обстоятельств, подлежащих оценке при определении соответствующей формы устройства.

Специальные правила закреплены пунктом 3 статьи 124 Семейного кодекса Российской Федерации, согласно которому усыновление братьев и сестёр разными лицами не допускается, за исключением случаев, когда усыновление отвечает интересам детей, и пунктом 5 статьи 145 СК РФ, предусматривающим аналогичный подход при передаче братьев и сестёр под опеку или попечительство разным лицам [5]. Следовательно, законодательная конструкция предусматривает общее правило совместного устройства и исключение, применение которого обусловлено оценкой интересов детей. Данное регулирование не устанавливает абсолютного запрета на раздельное устройство, но исключает возможность рассматривать его как решение, принимаемое исключительно исходя из удобства органов опеки, наличия свободных мест в организациях или предпочтений потенциальных замещающих родителей. При этом положения указанных статей регулируют конкретные формы устройства, поэтому основания, применимые к усыновлению, необходимо отличать от оснований, относящихся к опеке и попечительству.

Важное значение имеет международно-правовой принцип наилучшего обеспечения интересов ребёнка. Согласно статье 3 Конвенции ООН о правах ребёнка, во всех действиях в отношении детей первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению их интересов [6]. Данный принцип предполагает оценку не только непосредственных преимуществ конкретного решения, но и его вероятных последствий для развития ребёнка. В применении к раздельному устройству братьев и сестёр это означает необходимость учитывать как преимущества сохранения совместного воспитания, так и возможные негативные последствия совместного проживания в конкретных обстоятельствах. Основная трудность заключается в определении содержания категории «интересы детей» применительно к ситуации, когда решение одновременно затрагивает права и потребности нескольких несовершеннолетних.

Интересы ребёнка представляют собой оценочную правовую категорию, содержание которой определяется совокупностью обстоятельств конкретной жизненной ситуации. При раздельном устройстве братьев и сестёр недостаточно установить, что каждый из детей получит возможность жить в благоприятной семье. Необходимо также оценить, как разлучение отразится на каждом ребёнке и на существующих между детьми отношениях. В пункте 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2006 г. № 8 приведены обстоятельства, при которых раздельное усыновление может отвечать интересам детей. К ним относятся отсутствие у детей сведений о родстве, отсутствие совместного проживания и воспитания, нахождение в разных организациях для детей-сирот, а также невозможность совместного проживания по состоянию здоровья. Верховный Суд отдельно указал на применение соответствующего правила к полнородным и неполнородным братьям и сёстрам [7].

Перечень таких обстоятельств не следует воспринимать как закрытый. Вместе с тем каждый из названных факторов требует оценки применительно к конкретной ситуации. Например, само по себе нахождение детей в разных организациях не свидетельствует об отсутствии между ними эмоциональной связи. Аналогично отсутствие длительного совместного проживания не исключает возможности формирования устойчивой привязанности вследствие регулярного общения. Представляется необходимым разграничивать формальное и содержательное понимание родственных отношений.

Формальное понимание предполагает установление юридического факта родства. Содержательное предполагает исследование того, какое значение эти отношения имеют в жизни детей, воспринимают ли они друг друга как близких людей, испытывают ли эмоциональную привязанность и нуждаются ли в дальнейшем поддержании контакта. При этом недопустимо исходить из презумпции, что совместное устройство всегда является наиболее благоприятным решением независимо от обстоятельств. Между братьями и сёстрами могут существовать конфликтные отношения, выраженное эмоциональное отчуждение либо иные обстоятельства, затрудняющие совместное воспитание. В отдельных случаях один из детей может испытывать страх перед другим ребёнком или нуждаться в особых условиях воспитания, несовместимых с совместным проживанием. Следовательно, интересы ребёнка не должны отождествляться ни с безусловным сохранением совместного проживания, ни с формальным предоставлением каждому ребёнку отдельной

благоприятной семейной среды [8, с. 126]. Они предполагают индивидуальную оценку последствий обоих вариантов устройства.

Особого внимания заслуживает множественность интересов при устройстве нескольких детей. Решение, отвечающее потребностям одного ребёнка, не всегда является оптимальным для другого. Например, младший ребёнок может нуждаться в постоянной поддержке старшего брата или сестры, тогда как старший стремится к самостоятельности и не желает выполнять несвойственную ему родительскую роль. В подобной ситуации необходимо исключить возложение на одного ребёнка чрезмерной ответственности за благополучие другого. Поэтому юридически обоснованное решение должно учитывать интересы каждого ребёнка отдельно и одновременно оценивать последствия разлучения для их отношений в совокупности [9, с. 124].

Одним из основных критериев допустимости раздельного устройства выступает характер сложившихся отношений между братьями и сёстрами. При его применении необходимо учитывать продолжительность и интенсивность общения, наличие взаимной поддержки, особенности совместного проживания, а также субъективное восприятие детьми родственных отношений. Юридическое значение имеет не только факт совместного воспитания, но и качество существующих связей. Дети могли длительное время проживать раздельно, однако поддерживать регулярное общение и воспринимать друг друга как значимых членов семьи. В противоположной ситуации совместное пребывание в одной организации само по себе не свидетельствует о наличии близких отношений. Для установления данного обстоятельства могут использоваться сведения из личных дел детей, заключения специалистов, информация о характере и периодичности общения, а также мнение самих несовершеннолетних. При этом оценка не должна сводиться исключительно к формальному наличию или отсутствию совместного проживания. Чем более устойчивой и значимой является эмоциональная связь между детьми, тем более убедительного обоснования требует решение об их раздельном устройстве.

Не менее существенным является критерий индивидуальных потребностей каждого ребёнка. Он предполагает оценку возраста, состояния здоровья, психологических особенностей, потребности в специализированной помощи, образовательных условий и иных обстоятельств, влияющих на благополучие несовершеннолетних [10, с. 29]. Раздельное устройство может оказаться оправданным, если совместное воспитание объективно препятствует удовлетворению существенных потребностей одного или нескольких детей. Однако различие в возрасте, наличие инвалидности или необходимость специального сопровождения не должны автоматически рассматриваться как достаточные основания для разлучения. Необходимо установить, действительно ли выявленные особенности исключают совместное проживание либо соответствующие потребности могут быть обеспечены в одной семье при наличии необходимых условий и поддержки. Таким образом, данный критерий предполагает не простую констатацию различий между детьми, а установление связи между такими различиями и невозможностью обеспечить их благополучие при совместном устройстве.

Важным обстоятельством является мнение несовершеннолетнего. Статья 57 СК РФ закрепляет право ребёнка выражать своё мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе судебного или административного разбирательства. Статья 145 СК РФ предусматривает, что устройство ребёнка под опеку или попечительство осуществляется с учётом его мнения, а назначение опекуна ребёнку, достигшему десяти лет, производится с его согласия [5]. При этом необходимо различать учёт мнения ребёнка и обязательность получения согласия в предусмотренных законом случаях. Нельзя автоматически распространять требование о согласии, установленное для назначения опекуна ребёнку старше десяти лет, на все решения о раздельном устройстве и на все его формы. Мнение ребёнка должно выясняться в условиях, позволяющих ему выразить свободную позицию без давления со стороны потенциальных усыновителей, опекунов, сотрудников организации или других членов семьи. При наличии сомнений в самостоятельности выраженной позиции необходимо оценить обстоятельства её формирования, не подменяя мнение ребёнка собственными представлениями взрослых о его интересах. Отказ одного из детей от совместного устройства имеет существенное значение, однако не может оцениваться изолированно от причин такого отказа и последствий предполагаемого решения. Аналогичным образом желание детей остаться вместе не исключает необходимости проверить, отвечает ли совместное проживание интересам каждого из них.

Следующим критерием выступает реальная возможность совместного устройства. Необходимо выяснить, предпринимались ли разумные меры для поиска семьи, способной принять братьев и сестёр совместно. Организационные затруднения, отсутствие немедленно доступных кандидатов или нежелание потенциального усыновителя принимать нескольких детей сами по себе не должны автоматически превращаться в

вывод о том, что раздельное устройство отвечает их интересам. Вместе с тем данный критерий не означает обязанности неопределённо долго откладывать устройство детей в благоприятные семейные условия. Продолжительность пребывания в организации, возраст ребёнка и перспективы его дальнейшего устройства также имеют значение. Следовательно, необходимо оценивать не абстрактную возможность совместного устройства, а реальные предпринятые меры по поиску подходящей семьи, их результаты и последствия дальнейшего ожидания для каждого ребёнка [11, с. 38].

Самостоятельное значение имеет критерий последствий разлучения и возможности сохранения общения. Он направлен на оценку влияния раздельного устройства на эмоциональное состояние, чувство безопасности и дальнейшее развитие детей. При этом необходимо учитывать не только непосредственные последствия разлучения, но и вероятность утраты устойчивых родственных связей в перспективе. Если раздельное устройство признано соответствующим интересам детей, следует выяснить, возможно ли сохранить их общение, в какой форме оно может осуществляться и какие обстоятельства способны ему препятствовать. Наличие обещания потенциальных усыновителей или опекунов поддерживать контакты между детьми не должно автоматически считаться достаточной гарантией. Важно оценивать реалистичность таких намерений с учётом расстояния между местами проживания, возраста детей, возможностей законных представителей и иных обстоятельств. При этом сохранение общения не может рассматриваться как безусловное требование независимо от воли детей и вопросов их безопасности. Если контакты причиняют вред ребёнку либо противоречат его интересам, необходимо оценить допустимость их ограничения или организации в иной форме. Таким образом, раздельное устройство предполагает оценку не только самого решения о разлучении, но и возможностей минимизировать негативные последствия для отношений между детьми.

Все перечисленные обстоятельства должны получать отражение в мотивированном обосновании решения. Данный критерий имеет процедурный характер и объединяет результаты оценки фактических отношений, индивидуальных потребностей, мнения детей, возможностей совместного устройства и последствий разлучения. В заключении органа опеки и попечительства должны быть приведены конкретные фактические основания, подтверждающие, почему раздельное устройство отвечает интересам каждого ребёнка. Требование к мотивированности решения вытекает из конституционных принципов защиты детства (ст. 38 Конституции РФ) и судебной защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 46 Конституции РФ). Оно предполагает недопустимость формального подхода к определению интересов несовершеннолетних и требует учитывать индивидуальные обстоятельства каждого случая. Мотивировка не должна ограничиваться общими ссылками на наличие подходящей семьи, различие возраста детей или невозможность их совместного воспитания. Необходимо объяснить, почему совместное устройство невозможно или менее благоприятно и почему его раздельный вариант оправдан с учётом рисков утраты значимых родственных связей. Предлагаемая система критериев не предполагает механического подсчёта обстоятельств в пользу того или иного варианта. Решение должно приниматься на основе их совокупной оценки с учётом индивидуального положения детей.

Существенное значение для понимания рассматриваемой проблемы имеет постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей». В пункте 13 данного постановления разъясняется необходимость выяснять наличие братьев и сестёр у ребёнка, в отношении которого рассматривается вопрос об усыновлении, а также проверять, отвечает ли раздельное усыновление интересам детей [7]. Судебная практика демонстрирует, что при разрешении подобных дел учитываются обстоятельства родства, время и характер совместного воспитания, причины раздельного проживания, состояние здоровья детей и возможность их совместного устройства. В отдельных ситуациях значение могут иметь позиция старших детей, отсутствие устойчивых отношений между ними и младшими братьями и сёстрами, а также перспективы дальнейшего общения. Эти обстоятельства подтверждают, что судебная оценка не ограничивается формальным установлением родства. Вместе с тем наличие перечня учитываемых обстоятельств не устраняет проблему их систематизации. Нахождение детей в разных организациях, отсутствие совместного проживания и различие в состоянии здоровья имеют неодинаковое значение и не должны автоматически приводить к одному и тому же правовому выводу. Ключевая проблема состоит не столько в отсутствии любых ориентиров, сколько в недостаточной формализации требований к комплексному обоснованию исключения из общего правила. Указание на необходимость учитывать интересы детей само по себе не гарантирует, что в конкретном деле будут индивидуально оценены последствия разлучения для каждого из них. При этом выводы, сформулиро-

ванные применительно к усыновлению, необходимо соотносить с особенностями иных форм устройства и непосредственно применимыми положениями семейного законодательства.

На основании проведённого анализа представляется целесообразным разработать методические рекомендации для органов опеки и попечительства, предусматривающие последовательную оценку обстоятельств раздельного устройства братьев и сестёр. Такие рекомендации должны включать исследование фактических родственных связей, индивидуальных потребностей детей, их мнения, реальных возможностей совместного устройства и предполагаемых последствий разлучения. Необходимо обеспечить индивидуализацию заключения органа опеки: если речь идёт о нескольких детях, обоснование должно отражать интересы каждого из них, а не содержать исключительно общий вывод о целесообразности выбранной формы устройства. При расхождении интересов детей причины принятого решения должны быть изложены отдельно. Представляется обоснованным закрепить в методических рекомендациях необходимость оценки перспектив сохранения общения между братьями и сёстрами в случаях, когда раздельное устройство признано допустимым. Такая оценка должна учитывать реальные возможности поддержания контактов и не сводиться к формальному обещанию будущих законных представителей. Кроме того, целесообразно предусмотреть документирование причин, по которым совместное устройство признано невозможным либо менее соответствующим интересам детей.

Это позволит отличить объективную невозможность совместного воспитания от организационных затруднений, которые могут быть преодолены посредством дополнительных мер поиска семьи и сопровождения. При разработке рекомендаций также следует предусмотреть возможность привлечения психолога или иного профильного специалиста в случаях, когда характер отношений между детьми, последствия разлучения либо самостоятельность выраженной ими позиции требуют специальных знаний. При этом заключение специалиста должно рассматриваться как источник сведений для правовой оценки, а не как замена решения компетентного органа.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что допустимость раздельного устройства братьев и сестёр, оставшихся без попечения родителей, должна определяться на основе комплексной оценки интересов каждого ребёнка и характера существующих между ними родственных отношений. Действующее семейное законодательство закрепляет общее правило совместного устройства при усыновлении, а также при передаче под опеку или попечительство, допуская отступление от него в случаях, когда раздельное устройство отвечает интересам детей. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации подтверждают необходимость учитывать фактические отношения между детьми, обстоятельства их воспитания, состояние здоровья и возможность совместного проживания. Вместе с тем для повышения предсказуемости правоприменения необходимо систематизировать юридически значимые обстоятельства и обеспечить их индивидуальную оценку. В рамках настоящего исследования предложена система взаимосвязанных критериев, включающая характер эмоциональной связи между детьми, индивидуальные потребности каждого ребёнка, его мнение и возможность свободно выразить позицию, реальную возможность совместного устройства, последствия разлучения и перспективы сохранения общения, а также наличие индивидуального и мотивированного обоснования решения. Научная значимость предлагаемого подхода состоит в систематизации указанных критериев в единую модель оценки допустимости раздельного устройства. Его практическое значение заключается в возможности использования соответствующих ориентиров при подготовке заключений органов опеки и попечительства и при судебной проверке обоснованности принятых решений. Представляется, что дальнейшее развитие семейно-правового регулирования в данной области должно быть направлено не на безусловное исключение раздельного устройства, а на обеспечение его исключительного, индивидуально обоснованного и ориентированного на реальные потребности детей характера.

Список литературы:

[1] Козка Н. В., Рудченко Т. И. Особенности правового статуса детей, оставшихся без попечения родителей // Современное государственное и муниципальное управление: проблемы, технологии, перспективы : сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции (Донецк, 26 мая 2022 г.). Т. 1. – Донецк : Донецкий национальный технический университет, 2022. – С. 117-124.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Ст. 7, 38.

[3] Юнусова К. В. Научно-правовая характеристика понятия «интересы ребенка» в родительских правоотношениях // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 8 (188). – С. 91-93.

[4] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 мая 2026 г. № 32-

П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 256 Трудового кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 152 Семейного кодекса Российской Федерации и части 8 статьи 57 Федерального закона „О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданки Михеевой Веры Владимировны». П. 3–4.

[5] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ. Ст. 57, 123, 124, 145.

[6] Конвенция о правах ребёнка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. Ст. 3, 12.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2013 г. № 37). П. 13.

[8] Сафуанов Ф. С., Савина О. Ф., Морозова М. В. и др. «Взаимодействие ребенка с родителем: судебно-психологические экспертные оценки» // Психология и право, Т. 12. – № 1. – 2022. – С. 115-132.

[9] Аблятипова Н. А., Цыганова Д. С. «Некоторые проблемы определения места жительства несовершеннолетних детей при раздельном проживании родителей» // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки, т. 8 (74). – № 2. – 2022. – С. 119-125.

[10] Фиошин А. В. «К вопросу об „интересе ребенка“» // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: Право. – № 3. – 2022. – С. 26-32.

[11] Семья Г. В., Тарасова А. Е., Волчанская В. О. «Развитие института усыновления: правовое регулирование и социально-психологические аспекты» // Социальные науки и детство, Т. 5. – № 4. – 2024. – С. 23-43.

References:

[1] Kozka N. V., Rudchenko T. I. Features of the Legal Status of Children Left Without Parental Care // Modern State and Municipal Administration: Problems, Technologies, Prospects: Collection of Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference (Donetsk, May 26, 2022). Vol. 1. – Donetsk: Donetsk National Technical University, 2022. – Pp. 117–124.

[2] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020). Articles 7, 38.

[3] Yunusova K. V. Scientific and legal characterization of the concept of “the child’s interests” in parental legal relations // Agrarian and Land Law. – 2020. – No. 8 (188). – Pp. 91–93.

[4] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 15, 2026, No. 32-P “On the case concerning the constitutionality of Part Two of Article 256 of the Labour Code of the Russian Federation, Paragraph 1 of Article 152 of the Family Code of the Russian Federation, and Part 8 of Article 57 of the Federal Law ‘On Service in the Federal Fire Service of the State Fire Service and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation’ in connection with the complaint of citizen Vera Vladimirovna Mikheeva.” Paragraphs 3–4.

[5] Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995, No. 223-FZ. Articles 57, 123, 124, 145.

[6] Convention on the Rights of the Child: adopted by UN General Assembly Resolution 44/25 of November 20, 1989, art. 3, 12.

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 20, 2006 No. 8 "On the application of legislation by courts in cases of adoption of children" (as amended by the resolution Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 37 dated December 17, 2013). Item 13.

[8] Safuanov F. S., Savina O. F., Morozova M. V. and others. “The Interaction between a Child and a Parent: Forensic and Psychological Expert Assessments” // Psychology and Law, Vol. 12. – No. 1. – 2022. – Pp. 115-132.

[9] Ablatipova N. A., Tsyganova D. S. “Some Problems in Determining the Place of Residence of Minor Children When Parents Live Separately” // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences, vol. 8 (74). – No. 2. – 2022. – Pp. 119-125.

[10] Fioshin A. V. “On the Issue of the ‘Child’s Interest’” // Bulletin of Tver State University. – Series: Law. – No. 3. – 2022. – Pp. 26-32.

[11] Family G. V., Tarasova A. E., Volchanskaya V. O. “Development of the Adoption Institution: Legal Regulation and Socio-Psychological Aspects” // Social Sciences and Childhood, Vol. 5, No. 4, 2024, pp. 23-43.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-133-139
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ГАДЖИЕВ Аким Гаджикурбанович,
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
e-mail: akimgad660@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ ОГРАНИЧЕНИЙ СВОБОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются условия, при которых государственное вмешательство в экономическую деятельность совместимо с Конституцией Российской Федерации. На основе системного толкования конституционных норм и сопоставления современных доктринальных подходов предложена двухступенчатая модель оценки ограничений. На первой ступени проверяются компетенция органа, федеральная законодательная основа, определенность меры и конституционная допустимость ее цели; на второй — пригодность и необходимость вмешательства, соразмерность совокупного обременения, равенство участников рынка и достаточность процедурных гарантий. Обосновано, что отсутствие надлежащего правового основания не может компенсироваться предполагаемой общественной полезностью ограничения. Раскрыто значение социальных обязательств государства, единства экономического пространства и временных пределов вмешательства. Разграничены юридические ограничения и неблагоприятные экономические последствия государственной политики. Сформулировано предложение включать последовательное конституционно-правовое обоснование ограничений в материалы оценки регулирующего воздействия, предусмотрев проверку сохраняющейся необходимости временных мер.*

Ключевые слова: *Конституция Российской Федерации, свобода экономической деятельности, ограничения прав, соразмерность, правовая определенность, единство экономического пространства, судебная защита*

Для цитирования: *Гаджиев А. Г. Конституционно-правовые критерии допустимости ограничений свободы экономической деятельности в Российской Федерации // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 133–139.*

GADZHIEV Akim Gadzhikurbanovich,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

CONSTITUTIONAL AND LEGAL CRITERIA FOR PERMISSIBLE RESTRICTIONS ON FREEDOM OF ECONOMIC ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the conditions under which state interference with economic activity is compatible with the Constitution of the Russian Federation. Drawing on a systematic interpretation of constitutional provisions and a comparison of contemporary doctrinal approaches, it proposes a two-stage model for assessing restrictions. The first stage examines the authority of the decision-maker, the federal statutory basis, legal certainty and the constitutional legitimacy of the objective. The second assesses suitability and necessity, the proportionality of the cumulative burden, equality among market participants and procedural safeguards. The analysis argues that an anticipated public benefit cannot remedy the absence of a proper legal basis. It considers the state's social obligations, the unity of the economic space and the duration of interference. Legal restrictions are distinguished from adverse economic effects of public policy. The article proposes incorporating a structured constitutional justification into regulatory impact assessments and periodically reviewing the continuing necessity of temporary measures.*

Key words: *Constitution of the Russian Federation, freedom of economic activity, restrictions on rights, proportionality, legal certainty, unity of the economic space, judicial protection*

For citation: *Gadzhiev A. G. Constitutional and legal criteria for permissible restrictions on freedom of economic activity in the Russian Federation. Russian scientific bulletin. 2026;(11):133–139. (In Russ.).*

Свобода экономической деятельности предполагает возможность самостоятельно выбирать законную хозяйственную деятельность и способы ее осуществления. Ее конституционная защита адресована одновременно законодателю, исполнительной власти и суду. Статья 8 Конституции Российской Федерации закрепляет свободу экономической деятельности как основу экономического строя, а часть 1 статьи 34 — как субъективное право каждого. Поэтому признание общественной значимости государственного регулирования еще не отвечает на вопрос о допустимой глубине вмешательства в конкретное правомочие. Такой ответ требует совместного применения статей 17, 18, 19 и 55 Конституции РФ [1, ст. 8, 17–19, 34, 55].

Цель исследования состоит в определении системы критериев допустимости ограничений свободы экономической деятельности и порядка их применения. Предметом выступает соотношение федеральной законодательной основы вмешательства, его конституционной цели и фактической тяжести обременения. Использованы формально-юридический метод, системное толкование конституционных норм и сопоставление доктринальных позиций. Научная новизна предлагаемого подхода заключается в разделении предпосылок, без которых ограничение не может быть оправдано, и последующей оценки его соразмерности. Это позволяет проверять законность меры до обсуждения ее ожидаемой экономической эффективности.

Исходным для такой проверки является объем защищаемой свободы. Н. Е. Савенко связывает ее с возможностью выбора формы и вида экономической деятельности и обращает внимание на положение граждан, работающих вне традиционной модели индивидуального предпринимательства [2, с. 76–78]. Из этого подхода следует значимый для конституционного анализа вывод: оценка вмешательства не должна ограничиваться деятельностью зарегистрированных предпринимателей. Вместе с тем отсутствие исчерпывающего перечня разрешенных занятий само по себе не свидетельствует об ограничении права. Конституционная формула иной не запрещенной законом экономической деятельности предполагает открытость выбора, тогда как запреты требуют самостоятельного обоснования.

Предлагаемая модель допустимости ограничений включает семь взаимосвязанных критериев: надлежащее правовое основание; определенность и предсказуемость; конституционно допустимую цель; пригодность и необходимость; соразмерность с сохранением существа права; равенство и единство экономического пространства; действенные процедурные гарантии. Первые три образуют начальную ступень проверки. Остальные раскрывают содержательную оправданность вмешательства. Указанная последовательность является аналитической конструкцией настоящего исследования: она систематизирует конституционные требования, не подменяя установленные законом процедуры принятия и оспаривания актов [7].

Первый критерий — надлежащее правовое основание — предполагает установление нормы федерального закона, допускающей соответствующее ограничение, и компетенции органа, который его конкретизирует. Требование части 3 статьи 55 Конституции РФ препятствует созданию самостоятельного ограничения исключительно на основании административной целесообразности. При этом федеральный закон не обязан исчерпывающе описывать каждую техническую операцию. Принципиально, чтобы он определял существенные пределы вмешательства и не предоставлял исполнительному органу возможность произвольно выбирать его основания, адресатов и содержание [1, ч. 3 ст. 55].

Данное различие особенно важно в федеративном государстве. В. В. Тихонов обосновывает необходимость конституционного уточнения ведения предпринимательского законодательства и предлагает ограничить региональное регулирование преимущественно поддержкой и стимулированием бизнеса [3, с. 110–111]. Представляется, что для оценки действующего регулирования вопрос необходимо ставить применительно к конкретному предписанию. Комплексный характер предпринимательского законодательства не устраняет разграничения гражданского, административного и иных предметов ведения по статьям 71 и 72 Конституции РФ. Региональное участие допустимо в конституционно и законодательно определенных пределах; самостоятельное учреждение нового разрешительного барьера общей компетенцией по развитию экономики не оправдывается.

Второй критерий охватывает определенность и предсказуемость ограничения. Адресат должен иметь возможность установить, какое поведение требуется, при каких обстоятельствах возникает обязанность, когда она прекращается и как обжаловать решение. Неопределенное требование переносит фактическое установление

запрета на правоприменителя и увеличивает риск избирательного допуска к рынку. Поэтому ясность предписания имеет самостоятельное конституционное значение в связи с равенством перед законом, непосредственным действием прав и обязательностью официального опубликования затрагивающих их актов [1, ст. 15, 18–19].

Для регулируемой им сферы этот подход конкретизирован Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации». Его статьи 6–9 закрепляют обоснованность, правовую определенность, открытость, предсказуемость и исполнимость обязательных требований. В частности, затраты на исполнение должны быть соразмерны предотвращаемым рискам при обычных условиях гражданского оборота [4, ст. 6–9]. Указанный закон нельзя считать универсальным основанием любого вмешательства: его применение ограничено собственной сферой действия. Тем не менее закрепленные в нем способы проверки показывают, как общие конституционные требования могут получать конкретное нормативное выражение.

Предсказуемость имеет и временное измерение. Для нового постоянного требования существенна возможность подготовиться к его исполнению; для срочного временного ограничения — определенность условий пересмотра и прекращения. Изменение правил само по себе не нарушает свободу экономической деятельности, но внезапный переход к затратной обязанности требует объяснения срочности и оценки доступных переходных решений. Сохранение ранее принятой меры также нуждается в проверке, если изменились обстоятельства, ради которых она вводилась. Первоначальная необходимость не доказывает необходимость бессрочного продолжения.

Третий критерий состоит в связи ограничения с целями, перечисленными в части 3 статьи 55 Конституции РФ. Законодатель должен соотнести вмешательство с защитой конкретной конституционной ценности, а не ограничиться ссылкой на пользу для экономики вообще. Снижение расходов управления или удобство контроля не образуют самостоятельных конституционных целей ограничения. Они могут учитываться при выборе способа достижения допустимой цели, но не заменяют ее. Аналогично защита конкуренции требует раскрытия того, каким образом мера охраняет права других участников рынка, а не только интерес отдельного хозяйствующего субъекта.

Социальная направленность государственной политики придает такой проверке дополнительное содержание. Так, М. В. Саудаханов выделяет в политике Президента РФ адресную поддержку нуждающихся категорий граждан и согласование социальных задач с экономическими интересами государства [5, с. 128]. Для настоящего исследования существенно различие между определением направления политики и учреждением правового ограничения. Конституционное положение Президента как гаранта прав и свобод, равно как и его полномочие определять основные направления политики, реализуется в установленной системе источников права. Указы не должны противоречить Конституции РФ и федеральным законам; социальная цель не отменяет требования части 3 статьи 55 [1, ст. 80, 90].

Д. И. Ашхацава рассматривая поправки 2020 года через взаимосвязь экономических прав и обязанностей государства, граждан и бизнеса, отмечает отсутствие прямой обязанности гражданина трудиться [6, с. 30–31]. Положения статьи 75.1 Конституции РФ о сбалансированности прав и обязанностей и социальной солидарности следует учитывать совместно с гарантиями свободы труда и экономической инициативы. Из них нельзя непосредственно выводить не установленную законом обязанность вести определенную хозяйственную деятельность либо отказываться от нее. Социальные обязательства государства обосновывают необходимость регулирования, но конкретное обременение по-прежнему должно пройти проверку по статье 55.

Четвертый критерий объединяет пригодность и необходимость меры. Пригодность означает наличие объяснимой связи между предписанием и снижением того риска, на который оно направлено. Необходимость предполагает сравнение с реально доступными способами защиты той же ценности, затрагивающими свободу в меньшей степени. Это разные вопросы: запрет может способствовать цели, но оставаться избыточным при наличии достаточно результативного и менее обременительного решения. Оценка альтернатив должна учитывать их достижимый защитный эффект, сроки применения и техническую осуществимость, а не сводиться к абстрактному предположению о возможности любого другого регулирования.

Так, при гипотетическом установлении единой частоты дорогостоящих проверок для всех участников отрасли необходимо сопоставить ее с дифференциацией по характеру и уровню риска. Само наличие опасных видов деятельности не объясняет одинаковое обременение для субъектов с существенно различающимися условиями работы. В другом случае специальное требование к высокорисковой операции может быть оправдано, если раскрыта невозможность обеспечить сопоставимую защиту менее затратным способом. Эти примеры показывают порядок аргументации; они не предполагают заранее заданной оценки конкретных действующих требований.

Пятый критерий — соразмерность — требует сопоставить достигаемую защиту с совокупной тяжестью вмешательства. Следует учитывать не только прямую стоимость исполнения, но и срок ограничения, возможность продолжать деятельность и сочетание новой обязанности с уже существующими. Несколько умеренных требований способны совместно закрыть доступ к рынку. Одинаковая денежная нагрузка также может по-разному затрагивать крупную организацию и гражданина, самостоятельно использующего свои способности и имущество. Это не означает безусловного освобождения малого бизнеса от общих правил безопасности, но требует оценки доступных способов их исполнения.

Сохранение существа права задает предел самому сопоставлению интересов. Из части 2 статьи 55 Конституции РФ следует запрет законодательной отмены и умаления прав. Поэтому общественная полезность не оправдывает такую конструкцию регулирования, при которой свобода выбора законной деятельности превращается в неограниченное разрешительное усмотрение органа власти. Вместе с тем прекращение отдельной опасной деятельности не тождественно автоматической отмене всей экономической свободы. Значение имеют основание запрета, характер риска, круг адресатов и доступные гарантии. Оценка существа права должна опираться на эти обстоятельства, а не на формальное противопоставление любого запрета и любой свободы.

Шестой критерий связывает равенство участников с единством экономического пространства. Дифференциация требований допустима при наличии относящегося к цели регулирования основания. Различия по риску, характеру деятельности или объективным условиям ее осуществления могут иметь такое значение; предпочтение участникам определенной территории только ради защиты местного рынка требует иной оценки. Статьи 8 и 74 Конституции РФ препятствуют созданию внутренних экономических барьеров. Часть 2 статьи 74 предусматривает специальное условие ограничения перемещения товаров и услуг: его введение в соответствии с федеральным законом должно отвечать названным в этой норме защитным целям [1, ст. 8, 19, 74].

Предложение В. В. Тихонова о пределах регионального регулирования ценно именно постановкой вопроса о сохранении общего экономического пространства [3, с. 111]. Однако из этого не следует тождество любых территориально различающихся требований и дискриминации. Различие может объясняться, например, объективно неодинаковым риском, если для его учета существует надлежащая федеральная основа. Проверять необходимо связь территориального критерия с защищаемой ценностью и отсутствие скрытого преимущества для отдельных участников. Ни одинаковость правил сама по себе, ни их региональная специфика не заменяют такой проверки.

Особую трудность представляет применение названных критериев при чрезвычайных обстоятельствах. Н. П. Литвинов обращает внимание на соотношение общего основания ограничения прав по статье 55 Конституции РФ и перечня прав, указанных в части 3 статьи 56, а также на потребность предпринимателей в своевременных и понятных гарантиях поддержки [8, с. 104, 106–108]. Постановка этой проблемы сохраняет аналитическое значение, однако требует разграничения юридических режимов. Обстоятельство, вызывающее необходимость срочных мер, и установленный Конституцией режим чрезвычайного положения не являются одним и тем же понятием.

Чрезвычайное положение регулируется Федеральным конституционным законом от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ, тогда как функционирование системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, в том числе режим повышенной готовности, — Федеральным законом от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ [9]; [10, ст. 4.1]. Поэтому употребление слова «чрезвычайный» не позволяет переносить полномочия и ограничения из одного режима в другой. Для каждой меры необходимо установить, какой режим действительно введен, какое законодательное основание применяется и кто уполномочен принять решение. Срочность повышает значение точного определения компетенции.

В предлагаемом системном прочтении статей 55 и 56 включение части 1 статьи 34 в перечень не подлежащих ограничению прав препятствует специальному отступлению от этой гарантии посредством режима чрезвычайного положения. Вместе с тем данная гарантия не превращает любую экономическую деятельность в свободную от общих законных требований. Сохраняются необходимость разграничения правомерного регулирования и умаления права и проверка оснований вмешательства. Ссылкой на общий федеральный закон нельзя прикрывать меру, единственным основанием которой фактически служит введение чрезвычайного положения. Иное прочтение лишало бы часть 3 статьи 56 самостоятельного гарантийного смысла [1, ст. 55–56].

Для временных ограничений предлагается дополнительно проверять сохранение связи между угрозой и продолжительностью вмешательства. Решение должно позволять установить территорию применения, круг затронутых лиц и условия пересмотра. После уменьшения угрозы органу власти необходимо оценить возможность

смягчения меры, а не только возможность ее формального продления. Такой подход не означает, что каждое постоянное экономическое требование нуждается в заранее установленной дате отмены. Усиленная проверка времени оправдана там, где временная опасность выступает основанием самого ограничения.

Седьмой критерий — действенность процедурных гарантий — относится к принятию меры, ее индивидуальному применению и восстановлению нарушенного права. Н. А. Ткачева подчеркивает значение действующих правовых возможностей и судебной защиты в системе обеспечения социально-экономических прав [11, с. 276, 279]. Применительно к экономическим ограничениям это требует доступного обоснования решения и возможности проверить его до того, как последствия станут необратимыми. Гарантии статьи 46 Конституции РФ должны учитываться вместе с непосредственным действием прав по статье 18. Наличие органа, уполномоченного рассмотреть обращение, еще не свидетельствует о достаточности защиты.

Содержание гарантий зависит от характера вмешательства. Для нормативного требования значимы официальное опубликование, ясность правового основания и предусмотренные процедуры обсуждения и проверки. Для индивидуального решения, препятствующего деятельности, — сообщение оснований, возможность представить возражения и получить судебную оценку. При необходимости сохранения существующего положения должны учитываться предусмотренные соответствующим процессуальным законом меры предварительной защиты. Предлагаемый критерий не создает универсальной процедуры для всех случаев; он требует оценить, позволяют ли применимые процедуры реально защищать затронутое правомочие.

Отдельного разграничения заслуживают компенсационные механизмы. Предварительное и равноценное возмещение при принудительном отчуждении имущества для государственных нужд по части 3 статьи 35 Конституции РФ, возмещение вреда от незаконных действий публичной власти по статье 53 и поддержка лиц, затронутых правомерным регулированием, имеют различные основания. Нельзя выводить из требования соразмерности автоматическое возмещение любых коммерческих потерь. Однако доступность адаптационных и компенсационных мер может учитываться при оценке общей тяжести правомерного вмешательства. Такая поддержка не устраняет отсутствие компетенции, неправомерную цель или дискриминационный характер ограничения.

Практическое применение модели целесообразно связать с уже существующими процедурами оценки регулирующего воздействия. Статьи 11 и 12 Закона № 247-ФЗ предусматривают оценку проектов актов и оценку применения обязательных требований [4, ст. 11–12]. В пределах регулируемой этим законом сферы предлагается включать в материалы оценки специальный раздел конституционно-правового обоснования. В нем следует последовательно фиксировать законодательную основу, защищаемую ценность, данные о риске, сравнение альтернатив, совокупное обременение и способы защиты адресатов. Для временных мер дополнительно указываются условия и периодичность пересмотра. Это предложение развивает содержание обоснования, не требует создания отдельного контролирующего органа и подлежит нормативной конкретизации. Последовательность проверки имеет самостоятельный практический результат. Если надлежащее основание или допустимая цель отсутствуют, ссылка на полезный экономический эффект не восполняет дефект. При неопределенности существенных условий требуется их нормативное уточнение. Если недостаток выявлен при оценке альтернатив или совокупной нагрузки, возможен выбор менее обременительной конструкции. Наконец, изменение угрозы требует пересмотра временного вмешательства даже тогда, когда его первоначальное введение было оправдано. Таким образом, вывод о допустимости ограничения должен отвечать как его правовому содержанию, так и обстоятельствам применения.

Заключение. Конституционная допустимость ограничений свободы экономической деятельности определяется сочетанием надлежащего правового основания и содержательной оправданности вмешательства. Предложенная двухступенчатая модель исключает подмену проверки компетенции рассуждениями об общественной полезности и позволяет последовательно оценить семь критериев, вытекающих из системы конституционных гарантий. Социальная солидарность, защита здоровья и устойчивость экономики требуют конкретизации в допустимой цели, пригодной и необходимой мере и соразмерном обременении. Для временных ограничений существенны условия пересмотра, а для любых мер — равенство участников и действенная судебная защита. Включение такого обоснования в материалы оценки регулирующего воздействия способно сделать выбор ограничительных средств более проверяемым и обеспечить учет совокупного воздействия регулирования на экономическую инициативу.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с последующими изменениями) [Электронный ре-

сурс] // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/8011/ (дата обращения: 15.10.2026).

[2] Савенко Н. Е. Человекоцентризм и свобода экономической деятельности граждан: особенности частноправового регулирования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2024. Т. 24. № 4. С. 74–80. DOI: 10.14529/law240411.

[3] Тихонов В. В. О конституционном ведении и основах предпринимательского законодательства в Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 102–113. EDN: XHCVVL.

[4] Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5007.

[5] Саудаханов М. В. Политика Президента Российской Федерации в сфере обеспечения социально-экономических прав граждан // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 126–129. DOI: 10.24412/2414-3995-2024-2-126-129. EDN: DRANKO.

[6] Ашхацава Д. И. Система конституционных обязанностей в экономике Российской Федерации после конституционных поправок 2020 года // Закон и право. 2025. № 8. С. 28–32. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-8-28-32. EDN: WDFJTF.

[7] Лангнер Т. С. Влияние денежно-кредитной политики Банка России на реализацию социально-экономических прав граждан в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2026. № 1. С. 55–59. EDN: RXJITU.

[8] Литвинов Н. П. Основные экономические права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: проблемы соблюдения в условиях чрезвычайной ситуации // Юридическая мысль. 2022. № 3 (127). С. 102–110. DOI: 10.47905/MATGIP.2022.127.3.007..

[9] Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

[10] Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

[11] Ткачева Н. А. Организационно-правовые средства обеспечения и защиты социально-экономических прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции: в 2 т. / сост. И. В. Хмиль; под ред. С. А. Трофимова, Е. В. Евсиковой. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. Т. 1. С. 274–279.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993, with subsequent amendments) [Electronic resource] // Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/8011/ (access date: 15.10.2026).

[2] Savenko N.E. Human centrism and freedom of economic activity of citizens: features of private law regulation // Bulletin of the South Ural State University. "Right" series. 2024. VOL. 24. № 4. S. 74-80. DOI: 10.14529/law240411.

[3] Tikhonov V.V. On the constitutional administration and fundamentals of entrepreneurial legislation in the Russian Federation // North Caucasian Legal Bulletin. 2026. № 1. S. 102-113. EDN: XHCVVL.

[4] Federal Law of 31.07.2020 No. 247-FZ "On Mandatory Requirements in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (part 1). Art. 5007.

[5] Saudakhanov M.V. Policy of the President of the Russian Federation in the field of ensuring the socio-economic rights of citizens // Bulletin of Economic Security. 2024. № 2. S. 126-129. DOI: 10.24412/2414-3995-2024-2-126-129. EDN: DRANKO.

[6] Ashkhatsava D.I. The system of constitutional duties in the economy of the Russian Federation after the constitutional amendments of 2020 // Law and Law. 2025. № 8. S. 28-32. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-8-28-32. EDN: WDFJTF.

[7] Langner T.S. Impact of the Bank of Russia's Monetary Policy on the Realization of Social and Economic Rights of Citizens in the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1. S. 55-59. EDN: RXJITU.

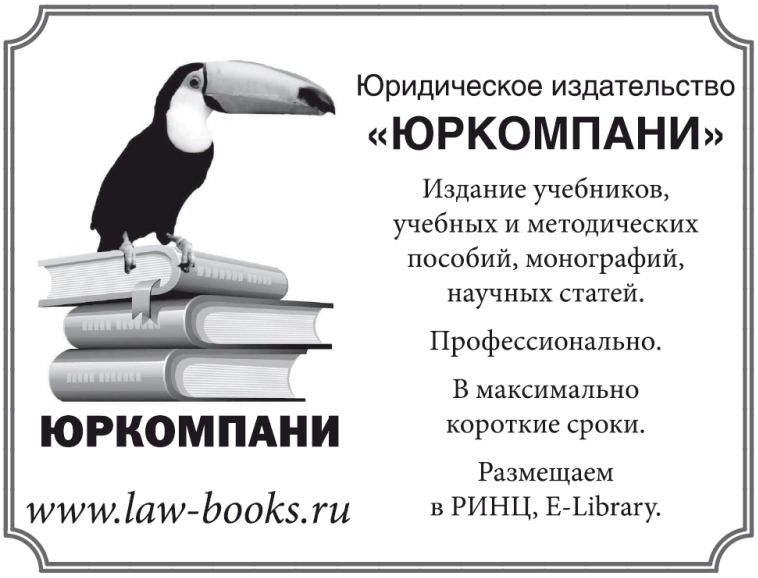
[8] Litvinov N.P. Basic economic rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation: problems of compliance in an emergency // Legal thought. 2022. № 3 (127). S. 102-110. DOI: 10.47905/MATGIP.2022.127.3.007..

[9] Federal Constitutional Law of 30.05.2001 No. 3-FKZ "On the State of Emergency" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 23. Art. 2277.

[10] Federal Law of 21.12.1994 No. 68-FZ "On the Protection of the Population and Territories from Natural and Man-Made Emergencies" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 35. Art. 3648.

[11] Tkacheva N. A. Organizational and legal means of ensuring and protecting socio-economic rights and freedoms of man and citizen in the

Russian Federation // Issues of judicial activity and law enforcement in modern conditions: a collection of articles based on the results of the II International Scientific and Practical Conference: in 2 volumes / comp. I.V. Khmil; ed. S. A. Trofimova, E. V. Evsikova. Simferopol: IT "ARIAL," 2023. VOL. 1. S. 274-279.

- ПРАВО И ЭКОНОМИКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-140-145
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

КЫРЛАН Марчел Георгиевич,
научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: marcel_carlan2003@yahoo.com

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАРУШЕНИЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕДИТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. *Кредитная организация, совмещающая банковскую и инвестиционную деятельность, подчинена многочисленным публично-правовым требованиям – лицензионным, пруденциальным, требованиям к поведению на финансовом рынке и к допуску клиентов к сложным инструментам. В законодательстве и практике нет устойчивого ответа на вопрос, какие гражданско-правовые последствия влечет их нарушение. Расширительное толкование п. 2 ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации ведет к признанию ничтожной почти любой сделки, совершенной с нарушением банковского регулирования, а сведение реакции к надзорным мерам оставляет клиента без защиты и позволяет обходить специальные ограничения договором. В статье предлагается функционально-целевой критерий, требующий установить содержание нарушенного требования, охраняемый им интерес, связь этого интереса с положением контрагента и соразмерное частноправовое последствие. Обосновано различие между требованиями, направленными на устойчивость кредитной организации, и обязанностями, которые непосредственно защищают волеизъявление, осведомленность или имущество клиента. Нарушение пруденциального ограничения само по себе не порочит сделку; нарушение требования, установленного в интересах клиента, оценивается с точки зрения действительности волеизъявления, надлежащего исполнения и права на возмещение убытков. Анализ российского и азербайджанского права, а также английского, германского, нидерландского и швейцарского опыта показывает, что такой подход исключает и устранение специальных ограничений через договор, и необоснованное разрушение имущественных связей. Сформулировано предложение о законодательном закреплении критерия.*

Ключевые слова: *кредитная организация, инвестиционная деятельность, недействительность сделки, публичные интересы, специальная правоспособность, пруденциальные требования, защита инвестора, тестирование, возмещение убытков, Азербайджанская Республика.*

Для цитирования: *Кырлан М. Г. Гражданско-правовые последствия нарушения публично-правовых ограничений инвестиционной деятельности кредитной организации // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 140–145.*

KYRLAN Marcel G.,
Researcher at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

CIVIL-LAW CONSEQUENCES OF BREACHING PUBLIC-LAW RESTRICTIONS ON THE INVESTMENT ACTIVITY OF A CREDIT INSTITUTION

Annotation. *A credit institution that combines banking and investment business is subject to numerous public-law requirements, including licensing rules, prudential limits, conduct-of-business rules and rules on admitting clients to complex instruments. Neither legislation nor practice gives*

a settled answer as to the civil-law consequences of breaching them. A broad reading of Article 168(2) of the Russian Civil Code leads to treating almost any transaction concluded in breach of banking regulation as void, whereas confining the response to supervisory measures leaves the client unprotected and allows special restrictions to be circumvented by contract. The article proposes a functional and purposive criterion that requires establishing the content of the breached requirement, the interest it protects, the link between that interest and the position of the counterparty, and a proportionate private-law consequence. It distinguishes requirements aimed at the soundness of the credit institution from duties that directly protect the client's intent, awareness or property. A breach of a prudential limit does not in itself vitiate the transaction; a breach of a requirement laid down in the client's interest is assessed in terms of the validity of consent, proper performance and the right to damages. An analysis of Russian and Azerbaijani law and of English, German, Dutch and Swiss experience shows that this approach rules out both contracting out of special restrictions and the unjustified unravelling of property relations. A proposal for enacting the criterion in legislation is formulated.

Key words: *credit institution, investment activity, invalidity of transactions, public interest, special legal capacity, prudential requirements, investor protection, appropriateness test, damages, Republic of Azerbaijan.*

For citation: *Kyrlan M. G. Civil-law consequences of breaching public-law restrictions on the investment activity of a credit institution. Russian scientific bulletin. 2026;(11):140–145. (In Russ.).*

Введение

Кредитная организация, оказывающая инвестиционные услуги, одновременно подчинена банковскому регулированию, законодательству о рынке ценных бумаг, а теперь и законодательству о цифровых правах. Каждое из этих направлений устанавливает свои публично-правовые требования. Одни определяют условия допуска к деятельности, другие ограничивают объем риска, третьи предписывают правила поведения по отношению к клиенту и процедуры его проверки до совершения сделки. Надзорные последствия их нарушения определены достаточно подробно. Гораздо менее ясно, что происходит со сделкой, заключенной с нарушением, и с имущественным положением клиента. Здесь практика колеблется между двумя крайностями. Первая – признавать ничтожной любую сделку, не соответствующую лицензии или нормативам, поскольку банковское регулирование установлено в публичных интересах. Вторая – считать нарушение исключительно делом регулятора, не затрагивающим договор. Первая разрушает имущественные связи, в устойчивости которых заинтересован и сам клиент. Вторая лишает его защиты и позволяет обходить специальные ограничения условиями договора присоединения. Цель статьи – обосновать критерий, по которому определяются гражданско-правовые последствия нарушения публично-правовых ограничений инвестиционной деятельности кредитной организации, и проверить его на материале российского и азербайджанского права с привлечением зарубежного опыта.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», Федерального закона от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах», разъяснения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», а также Закона Азербайджанской Республики от 16 января 2004 г. № 590-IIQ «О банках» и Закона Азербайджанской Республики от 15 мая 2015 г. № 1284-IVQ «О рынке ценных бумаг». Для сравнения привлечены положения Закона Соединенного Королевства о финансовых услугах и рынках 2000 г. (Financial Services and Markets Act 2000, c. 8), Германского гражданского уложения (Bürgerliches Gesetzbuch) в редакции от 2 января 2002 г. (BGBl. I S. 42) и доктрина Нидерландов и Швейцарии. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и телеологический методы. Последний служит основным инструментом, поскольку предлагаемый критерий строится на цели нарушенной нормы.

Специальная правоспособность и судьба сделки

Кредитная организация обладает специальной правоспособностью. Перечень банковских операций и иных сделок установлен законом, а производственная, торговая и страховая деятельность ей запрещена (ст. 5 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395–1 «О банках и банковской деятельности»). В литературе такую правоспособность характеризовали даже как исключительную [1]. Законодательное регулирование банковых операций рассматривалось как самостоятельная проблема еще М. М. Агарковым [2],

а Л. Г. Ефимова исследует банковские сделки как гражданско-правовые сделки, к которым применяются общие правила о сделках [3]. Отсюда следует, что специальная правоспособность определяет допуск к операции, но не предопределяет судьбу уже совершенной сделки. Применительно к инвестиционной деятельности задача усложняется тем, что ее границы для банков строго не определены, поскольку континентальная модель допускает совмещение банковской и инвестиционной деятельности [4, с. 130].

Российское законодательство уже отказалось от формального решения. До 2013 г. ст. 173 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ позволяла признать недействительной сделку юридического лица, не имеющего лицензии на соответствующую деятельность. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» это основание исключил. Статья 168 того же кодекса построена теперь так, что сделка, нарушающая закон, по общему правилу оспорима и ничтожна лишь при посягательстве на публичные интересы или интересы третьих лиц, причем в обоих случаях – если из закона не следует, что должны применяться иные последствия, не связанные с недействительностью. Однако п. 75 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» относит к публичным интересам интересы неопределенного круга лиц и признает ничтожной сделку, совершенную с нарушением явно выраженного законодательного запрета. При буквальном прочтении этого разъяснения под него подпадает почти любое банковское требование, ведь устойчивость банковской системы всегда отвечает интересу неопределенного круга вкладчиков. Тем самым формальный подход, исключенный из ст. 173, может вернуться через ст. 168. А. Г. Карапетов обоснованно настаивает на том, что императивность нормы должна устанавливаться исходя из ее цели и охраняемых ею интересов, а не только из ее формулировки [5]. То же относится и к последствиям ее нарушения. Для инвестиционной деятельности кредитных организаций эта идея требует конкретного инструмента.

Функционально-целевой критерий

Предлагаемый критерий включает четыре последовательных шага. Первый шаг состоит в установлении содержания нарушенного требования. Нужно определить, что именно ограничено – допуск к виду деятельности, объем принимаемого риска, способ поведения по отношению к клиенту или процедура допуска клиента к инструменту. Второй шаг – определение охраняемого интереса. Им может быть устойчивость кредитной организации и банковской системы, целостность рынка либо волеизъявление, осведомленность или имущество клиента. Третий шаг – установление связи этого интереса с положением контрагента по сделке, т. е. ответ на вопрос, является ли он тем лицом, ради которого установлено требование, и знал ли он о нарушении. Четвертый шаг – выбор соразмерного частноправового последствия. Это может быть только надзорная реакция, недействительность с определением круга лиц, которые вправе на нее ссылаться, возмещение убытков или специальное средство защиты, установленное законом. Если закон прямо называет последствие, оно применяется в установленных им пределах, а критерий нужен для всех остальных случаев. Вопрос о границе публичного и частного права имеет в отечественной науке давнюю историю [6]. Критерий не требует ее пересмотра. Он позволяет перевести публичное требование в гражданско-правовое последствие лишь тогда и лишь в той мере, в какой это требование охраняет интерес участника гражданского оборота. Типичные результаты проверки приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Функционально-целевая проверка нарушенных требований

Вид требования	Охраняемый интерес	Связь с контрагентом	Соразмерное последствие
Пруденциальное (обязательные нормативы, лимиты вложений)	Устойчивость банка, интересы вкладчиков и кредиторов в целом	Контрагент не входит в круг охраняемых лиц	Надзорные меры; сделка действительна, если закон прямо не предусматривает иное
Разрешительное (согласие регулятора на отдельную сделку)	Контроль регулятора за структурой рисков и участием в капитале	Зависит от осведомленности контрагента	Оспоримость по иску регулятора при недобросовестности контрагента
Допуск к деятельности (лицензия на вид услуг)	Защита клиентов от исполнителя без допуска	Клиент – охраняемое лицо	Защита клиента; недействительность не обращается против него
Правила поведения и допуска клиента (тестирование, раскрытие, уместность)	Волеизъявление, осведомленность и имущество клиента	Клиент – охраняемое лицо	Оспаривание по ст. 178, 179 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, возмещение убытков, специальные средства по закону

Источник: составлено автором.

Пруденциальные ограничения – не порок сделки

Обязательные нормативы, в том числе ограничения вложений в акции (доли) других юридических лиц, установлены Инструкцией Банка России от 29 ноября 2019 г. № 199-И «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности капитала банков с универсальной лицензией». Их цель – ограничить риск, который банк принимает на себя, и тем самым защитить вкладчиков и кредиторов банка в целом. Контрагент по инвестиционной сделке, например эмитент или продавец приобретенных банком акций, к числу охраняемых лиц не относится и обычно

не может знать, нарушает ли конкретная сделка норматив, рассчитываемый по всему балансу банка. Признание такой сделки недействительной не восстановит устойчивость банка, а реституция может привести к еще большим потерям. Поэтому реакцией на нарушение служат меры, предусмотренные ст. 74 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», – от штрафа до ограничения операций. Законодатель вправе установить иное, но должен сделать это прямо. Если, например, сделка по приобретению значительного участия требует предварительного разрешения регулятора, оправданно предусмотреть ее оспоримость по иску регулятора при условии, что другая сторона знала или должна была знать об отсутствии разрешения. Сходным образом вопрос решается в английском праве. Нарушение уполномоченным лицом правил регулятора по общему правилу не делает сделку недействительной или не подлежащей исполнению (s. 138E Закона Соединенного Королевства о финансовых услугах и рынках 2000 г. (Financial Services and Markets Act 2000, c. 8)). Германское гражданское уложение (Bürgerliches Gesetzbuch) в редакции от 2 января 2002 г. (BGBl. I S. 42) признает ничтожной сделку, нарушающую законный запрет, лишь если из закона не следует иное (§ 134), т. е. также отсылает к цели запрета.

Требования, установленные в интересах клиента

Иначе обстоит дело с требованиями, которые непосредственно защищают клиента. К ним относятся обязанность провести тестирование неквалифицированного инвестора до исполнения поручения о совершении сложной сделки (ст. 51.2-1 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»), требования к инвестиционному консультированию и к раскрытию рисков (ст. 6.1 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»), режим квалифицированных инвесторов. Здесь охраняемый интерес и контрагент совпадают. Соответственно, нарушение оценивается в трех плоскостях. Первая плоскость – действительность волеизъявления. Если клиент не получил предписанной информации или не прошел обязательной проверки, его согласие может быть сформировано под влиянием существенного заблуждения или умолчания (ст. 178, 179 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ). Вторая плоскость – надлежащее исполнение, поскольку публичное требование конкретизирует стандарт поведения профессионального участника и его нарушение есть нарушение обязательства. Третья плоскость – возмещение убытков. Если закон сам устанавливает специальное последствие, например обязанность брокера по требованию клиента выкупить инструменты, приобретенные без надлежащего тестирования, или возместить потери, оно применяется в указанных законом пределах и не исключает общих средств защиты там, где закон их не исключает. Принципиально важно, что недействительность сделки, совершенной с нарушением требования, установленного в интересах клиента, не должна обращаться против него. Ссылаться на нее вправе клиент, но не кредитная организация, допустившая нарушение. Иначе банк получал бы возможность расторгнуть невыгодную для себя сделку, сославшись на собственное нарушение.

Зарубежный опыт подтверждает такую асимметрию. Английский закон лишает исковой силы против клиента договор, заключенный лицом, не имеющим разрешения на регулируемую деятельность, оставляя суду возможность признать его исполнимым, если это справедливо (s. 26, 28 Закона Соединенного Королевства о финансовых услугах и рынках 2000 г. (Financial Services and Markets Act 2000, c. 8)). Одновременно тот же закон предоставляет частному лицу иск о возмещении убытков за нарушение правил регулятора (s. 138D). О. О. Чередниченко показывает, что европейские правила о розничных инвестиционных услугах все в большей степени определяют содержание частноправовых обязанностей посредника, хотя формально установлены публичным правом [7]. В нидерландской доктрине обсуждается, порождает ли нарушение публично-правовых информационных обязанностей заблуждение в гражданско-правовом смысле [8]. Практика по делам о «effectenlease» распределяла убытки между банком и клиентом с учетом как нарушения банком обязанности заботливости, так и собственной неосмотрительности клиента [9]. В швейцарской литературе предметом дискуссии остается вопрос о том, в какой мере публично-правовые проверки уместности и пригодности услуги определяют гражданско-правовую ответственность финансового посредника [10]. Во всех этих правопорядках последствие выбирается по цели нарушенного правила, а не по его принадлежности к публичному праву.

Для российской практики этот вывод значим потому, что инвестиционные продукты все чаще предлагаются банком в собственном приложении, а розничный инвестор становится массовым участником рынка [11]. Банк России фиксирует в рамках поведенческого надзора случаи, когда клиенту под видом консультации предлагается конкретный продукт, а Роспотребнадзор и Банк России делят полномочия по защите потребителей финансовых услуг [12]. Надзорные меры в та-

ких случаях не восстанавливают имущественное положение клиента, и эту задачу решает только гражданско-правовое последствие. Вместе с тем квалификация отношения как инвестиционной услуги, а не обычной купли-продажи, остается предметом дискуссии [13], как и требования к форме договора об инвестиционном консультировании [14]. Функционально-целевой критерий снимает часть этих споров. Важна не формальная квалификация договора, а то, какое требование нарушено и чей интерес оно охраняет.

Цифровые права и азербайджанский опыт

Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» содержит требования обоих типов в одном акте. Требования к внутреннему контролю, управлению рисками и раскрытию информации цифровым депозитарием (ст. 43, 46, 48) по своей цели близки к пруденциальным. Обязанность ежедневно сверять количество учитываемых цифровых прав, восстанавливать учет либо возмещать депонентам убытки и правило о недопустимости обращения взыскания на цифровые права клиентов по обязательствам депозитария (ст. 25) непосредственно защищают имущество клиента, и закон сам связывает с их нарушением частноправовое последствие. Инфраструктура выпуска и обращения цифровых прав строится так, что кредитная организация может одновременно выступать оператором системы, депозитарием и контрагентом клиента [15]. Поэтому разграничение требований по их цели приобретает здесь особое значение. Одна и та же организация нарушает разные по природе обязанности, и последствия должны различаться.

Азербайджанское право решает исходный вопрос иначе. Закон Азербайджанской Республики от 16 января 2004 г. № 590-IIQ «О банках» определяет банк через исключительное право на привлечение депозитов и выдачу кредитов и ограничивает его участие в капитале других юридических лиц (ст. 1, 30, 32). Закон Азербайджанской Республики от 15 мая 2015 г. № 1284-IVQ «О рынке ценных бумаг» относит оказание инвестиционных услуг к исключительному предмету деятельности инвестиционной компании (ст. 30.3, 30.4) и допускает их оказание банками на основании специальной лицензии (гл. 8-1). Так, 7 мая 2025 г. Центральный банк Азербайджанской Республики выдал ОАО «Халг Банк» лицензию на прием и исполнение клиентских поручений и ряд других инвестиционных услуг. Разграничение функций сделано здесь явнее, чем в российском праве, что облегчает первые два шага проверки. Тот же закон закрепляет оценку уместности услуги и обязанность предупредить клиента, если услуга ему не подходит (ст. 15, 22, 29 Закона Азербайджанской Республики от 15 мая 2015 г. № 1284-IVQ «О рынке ценных бумаг»). Однако гражданско-правовые последствия нарушения этих требований банковским законодательством не определены, и вопрос решается общими нормами гражданского права о недействительности сделок. Следовательно, критерий необходим и в азербайджанском праве, поскольку без него суд вынужден выбирать между недействительностью и отсутствием последствий.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Гражданско-правовые последствия нарушения публично-правовых ограничений инвестиционной деятельности кредитной организации должны определяться по функционально-целевому критерию. Он требует установить содержание нарушенного требования, охраняемый им интерес, связь этого интереса с положением контрагента и соразмерное частноправовое последствие. Требования, направленные на устойчивость кредитной организации, и обязанности, непосредственно защищающие волеизъявление, осведомленность или имущество клиента, необходимо различать. Нарушение пруденциального ограничения само по себе не следует отождествлять с пороком заключенной сделки, на него реагирует регулятор. Нарушение требования, установленного в интересах клиента, оценивается с точки зрения действительности волеизъявления, надлежащего исполнения и права на возмещение убытков, а возможная недействительность не может быть противопоставлена клиенту, который не знал о нарушении. Если закон прямо предусматривает определенное последствие, оно применяется в установленных им пределах. Такой подход в российском и азербайджанском праве исключает как устранение специальных ограничений через договор, так и необоснованное разрушение имущественных связей из-за любого нарушения правил профессиональной деятельности. В целях его закрепления предлагается дополнить Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» правилом, согласно которому нарушение кредитной организацией требований, установленных в публичных интересах, не влечет недействительности сделки, если закон не предусматривает такое последствие прямо либо если оно не вытекает из цели нарушенного требования. При определении последствий суд должен учитывать, чьи интересы охраняет требование, осведомленность контрагента, возможность защиты клиента иными способами и последствия недействительности для третьих лиц.

Список литературы:

[1] Тосунян Г. А., Викулин

А. Ю. Исключительная правоспособность банка // Хозяйство и право. 1999. № 5. С. 58–63.

[2] Агарков М. М. Проблемы законодательного регулирования банковых операций // Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 138–170.

[3] Ефимова Л. Г. Банковские сделки: право и практика. М.: НИМП, 2001. 654 с.

[4] Пекарская Л. А. Направления и правовые формы осуществления инвестиционной деятельности банков // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 5 (114). С. 126–134.

[5] Карапетов А. Г. Свобода договора и пределы императивности норм гражданского права // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11. С. 100–133.

[6] Черепахин Б. Б. К вопросу о публичном и частном праве. Иркутск: Иркутская 1-я гос. типолитография, 1926. 26 с.

[7] Cherednychenko O. O. The Regulation of Retail Investment Services in the EU: Towards the Improvement of Investor Rights? // Journal of Consumer Policy. 2010. Vol. 33, No. 4. P. 403–424.

[8] Castermans A. G., den Hollander P. W. Dwaling tussen privaat- en publiekrecht // Weekblad voor Privaatrecht, Notariaat en Registratie. 2012. Nr. 6940. P. 563–574.

[9] Keirse A. L. M., van Onna A. De relatieve zwaarte van wederzijdse verantwoordelijkheid voor teleurstellende effectenleaseresultaten // Contracteren. 2014. No. 3. P. 64–75.

[10] Sethe R., Fahrländer L. Angemessenheits- und Eignungsprüfung nach FIDLEG // Schweizerische Zeitschrift für Wirtschafts- und Finanzmarktrecht. 2020. Nr. 6. S. 631–655.

[11] Островская Н. Б. Правовой статус розничного инвестора в условиях усиления роли финансового рынка в финансировании трансформации экономики Российской Федерации // Финансовое право. 2025. № 2. С. 24–26.

[12] Климов В. В. Уполномоченные субъекты в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг в Российской Федерации (на примере Банка России и Роспотребнадзора) // Юридическое образование и наука. 2024. № 3. С. 33–37.

[13] Веснин А. Е. О понятии инвестиционных услуг: правовой аспект // Юрист. 2026. № 1. С. 14–19.

[14] Бауэр Р. Э. О форме договора об инвестиционном консультировании // Юрист. 2024. № 2. С. 8–13.

[15] Пепеляева Л. В. Правовые основы и практика создания инфраструктуры по выпуску и обращению цифровых прав // Юрист. 2026. № 4. С. 39–46.

References:

[1] Tosunyan G. A., Vikulin A. Yu. Exclusive legal capacity of the bank // Economy and law. 1999. № 5. S. 58-63.

[2] Agarkov M. M. Problems of legislative regulation of banking operations // Agarkov M. M. Selected works on civil law: in 2 vols. T. 2. M.: Center YurInfoR, 2002. S. 138-170.

[3] Efimova L. G. Banking transactions: law and practice. M.: NIMP, 2001. 654 pp.

[4] Pekarskaya L. A. Directions and legal forms of investment activities of banks // Current problems of Russian law. 2020. T. 15, NO. 5 (114). S. 126-134.

[5] Karapetov A. G. Freedom of contract and limits of imperatives of civil law norms // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2009. № 11. S. 100-133.

[6] Cherepakhin B. B. On the question of public and private law. Irkutsk: Irkutsk 1st state. typolithography, 1926. 26 pp.

[7] Cherednychenko O. O. The Regulation of Retail Investment Services in the EU: Towards the Improvement of Investor Rights? // Journal of Consumer Policy. 2010. Vol. 33, No. 4. P. 403–424.

[8] Castermans A. G., den Hollander P. W. Dwaling tussen privaat- en publiekrecht // Weekblad voor Privaatrecht, Notariaat en Registratie. 2012. Nr. 6940. P. 563–574.

[9] Keirse A. L. M., van Onna A. De relatieve zwaarte van wederzijdse verantwoordelijkheid voor teleurstellende effectenleaseresultaten // Contracteren. 2014. No. 3. P. 64–75.

[10] Sethe R., Fahrländer L. Angemessenheits- und Eignungsprüfung nach FIDLEG // Schweizerische Zeitschrift für Wirtschafts- und Finanzmarktrecht. 2020. Nr. 6. S. 631–655.

[11] Ostrovskaya N. B. Legal status of a retail investor in the context of the strengthening role of the financial market in financing the transformation of the economy of the Russian Federation // Financial law. 2025. № 2. S. 24-26.

[12] Klimov V.V . Authorized entities in the field of protection of the rights of consumers of financial services in the Russian Federation (on the example of the Bank of Russia and Rospotrebnadzor) // Legal education and science. 2024. № 3. S. 33-37.

[13] Vesnin A.E. On the concept of investment services: legal aspect // Lawyer. 2026. № 1. S. 14-19.

[14] Bauer R.E. On the form of an investment advisory contract // Lawyer. 2024. № 2. S. 8-13.

[15] Pepelyaeva L.V. Legal foundations and practice of creating infrastructure for the release and circulation of digital rights // Lawyer. 2026. № 4. S. 39-46.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-146-154
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

БОРНОСУЗ Максим Вадимович,
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения, Москва,
e-mail: maximbornosuz@yandex.ru

СООТНОШЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОСТАВЩИКА ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ

Аннотация. *Исследуется соотношение гражданско-правовой и публично-правовой ответственности поставщика цифровых финансовых услуг на примере операторов информационных систем и операторов обмена ЦФА. Разграничиваются возмещение убытков, восстановление исполнения, обратный выкуп, административное наказание и надзорные меры. Рассматриваются причинная связь, технологические риски и доступность доказательств. Зарубежные подходы сопоставляются по содержанию защищаемого интереса. Обосновывается согласованное применение механизмов без подмены их самостоятельных оснований и повторного возмещения одних и тех же потерь. Учитываются временные границы применения режима операторов обмена.*

Ключевые слова: *цифровые финансовые активы; поставщик цифровых финансовых услуг; гражданско-правовая ответственность; административная ответственность; надзор Банка России; возмещение убытков; MiCA.*

Для цитирования: *Борносуз М. В. Соотношение гражданско-правовой и публично-правовой ответственности поставщика цифровых финансовых услуг // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 146–154.*

BORNOSUZ Maxim Vadimovich,
PhD student at the Institute of Legislation and Comparative Law, Moscow

THE INTERRELATION OF CIVIL AND PUBLIC-LAW LIABILITY OF A DIGITAL FINANCIAL SERVICES PROVIDER

Annotation. *The article examines the relationship between civil and public-law liability of digital financial services providers, focusing on information system operators and digital financial asset exchange operators. It distinguishes damages, restoration of performance, mandatory repurchase, administrative penalties and supervisory measures. Causation, technological risks and access to evidence are analysed. Selected foreign approaches are compared by the interests they protect. Coordinated use of the mechanisms is proposed without merging their legal grounds or compensating the same loss twice. The analysis takes account of the transitional scope of the exchange operator regime.*

Key words: *digital financial assets; digital financial services provider; civil liability; administrative liability; Bank of Russia supervision; damages; MiCA.*

For citation: *Bornosuz M. V. The interrelation of civil and public-law liability of a digital financial services provider. Russian scientific bulletin. 2026;(11):146–154. (In Russ.).*

Введение

Нарушение при оказании цифровой финансовой услуги способно затронуть имущественный интерес пользователя и публичный интерес в надлежащем функционировании рынка. Однако не всякое нарушение одновременно влечёт взыскание убытков и административное наказание. Вмешательство регулятора, в свою очередь, не исключает самостоятельного требования клиента к поставщику. Необходимо установить, какую обязанность нарушил поставщик, перед кем он несёт ответственность и на какой результат направлена соответствующая мера.

В статье рассматриваются оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов (ОИС), и

оператор обмена цифровых финансовых активов (ОО ЦФА). Они исследуются как отдельные виды поставщиков цифровых финансовых услуг, а не как исчерпывающий круг таких лиц. Нормативную основу составляет Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (далее - Закон о ЦФА). Применение норм об ОО ЦФА ограничено переходным режимом, введённым Федеральным законом от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ. Как разъясняет Банк России, организации, включённые в реестр ОО ЦФА на 1 сентября 2026 г., вправе продолжать деятельность по указанному закону до 1 марта 2027 г. [17]. Выводы о режиме ОО ЦФА относятся к отношениям, к которым соответствующие положения сохраняют применимость.

О. В. Содель отмечает сочетание предпринимательского содержания деятельности операторов и её публично значимых функций [12, с. 86]. Сочетание этих функций ставит вопрос о пределах частноправовой и публично-правовой реакции на нарушение. Цель исследования - определить, как соотносятся гражданская ответственность, административное наказание и надзорное воздействие и какие условия позволяют применять их совместно. Используются формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Модельные ситуации не воспроизводят конкретные судебные дела; они позволяют проверить, какое значение для квалификации имеют свойства нарушения, последовательность событий и содержание требований пользователя.

Критерии разграничения правовых последствий

Для решения поставленного вопроса необходимо прежде разграничить само нарушение и предусмотренные законом последствия. Технологический сбой может сопровождаться неисполнением договора, нарушением правил системы и несоблюдением публичного требования. Эти характеристики не тождественны: вопрос о компенсации нельзя разрешить исключительно на основании того, соблюдал ли поставщик требования регулятора. Равным образом отсутствие доказанных убытков ещё не говорит о соблюдении всех требований к деятельности.

Правовые последствия предлагается сопоставлять по защищаемому интересу, основаниям применения и содержанию возлагаемой обязанности. Возмещение убытков восстанавливает имущественное положение потерпевшего, наказание выражает публичную реакцию на правонарушение, надзорная мера может требовать устранения недостатка или ограничения деятельности. При этом строгость меры сама по себе не определяет её правовую природу.

Особенно важно отличать гражданско-правовую ответственность от иных способов защиты. Требование исполнить обязательство в натуре направлено на получение первоначально причитающегося кредитору исполнения, а не на возложение дополнительного имущественного обременения. Возмещение убытков, напротив, связано с последствиями нарушения. Их объединение под общим обозначением ответственности затрудняет определение предмета требования и обстоятельств, подлежащих доказыванию. Поэтому в дальнейшем восстановление исполнения рассматривается отдельно от компенсации, даже когда обе обязанности возникают вследствие одного сбоя.

Условный пример показывает практическое значение разграничения. Система временно не принимала распоряжения, после чего оператор восстановил работу. Если конкретный пользователь не пытался совершить операцию и не понёс потерь, сам факт сбоя не обосновывает денежную компенсацию в его пользу. В то же время такой инцидент может требовать проверки соблюдения оператором обязательных правил. Если же распоряжение пользователя осталось неисполненным, восстановление общей работоспособности ещё не означает устранения индивидуального нарушения. Следовательно, надлежащее функционирование системы и исполнение обязательства перед конкретным пользователем требуют раздельной оценки.

Публичная ответственность исследуется прежде всего на примере административной, а гражданская - преимущественно применительно к возмещению убытков. Надзорное воздействие рассматривается отдельно: обременительная мера может иметь предупредительное или пресекательное назначение. Для её квалификации важны нормативное основание, цель и процедура. Это разграничение позволяет перейти к анализу конкретных требований пользователя, не смешивая их с мерами публичного контроля.

Гражданские требования к оператору информационной системы

Наиболее подробно основания таких требований закреплены для ОИС. Часть 1 ст. 9 Закона о ЦФА обязывает ОИС в соответствии с гражданским законодательством возмещать пользователям убытки вследствие утраты информации об объёме активов и их обладателях, технологического сбоя, предоставления недостоверной, неполной и (или) вводящей в заблуждение информации об информационной системе, правилах её работы и операторе, нарушения правил работы системы и её несоответствия закону [9]. Т. Э. Рождественская и А. Г. Гузнов связывают данную обязанность с ответственностью перед пользователями [10, с. 130]. Этот перечень конкретизирует нарушения, за последствия которых

отвечает оператор, но не возлагает на него обязанность компенсировать любое снижение стоимости актива.

Указанные основания должны применяться во взаимосвязи с общими правилами о возмещении убытков. Статьи 15 и 393 ГК РФ связывают возмещение с убытками, причинёнными нарушением, а полное возмещение должно поставить кредитора в положение, в котором он находился бы при надлежащем исполнении [3]. Следовательно, отправной точкой расчёта служит не наиболее выгодный для клиента исход операции, а обоснованная модель правомерного исполнения. Такой подход позволяет отделить потери, вызванные нарушением оператора, от дохода, который пользователь лишь рассчитывал получить при наиболее благоприятном развитии рынка.

Необходимо учитывать и основания ответственности. При отсутствии иного регулирования в законе или договоре п. 3 ст. 401 ГК РФ возлагает ответственность за нарушение при предпринимательской деятельности, если должник не докажет невозможность надлежащего исполнения вследствие непреодолимой силы [3]. Поэтому ссылка оператора на добросовестность сотрудников сама по себе не свидетельствует об отсутствии оснований ответственности. Сначала определяется применимый режим, включая специальные нормы и допустимые договорные условия, затем оцениваются возражения.

В этом контексте отдельно следует оценивать ссылку на внешнюю кибератаку: сам факт её совершения не предрешает вопроса об освобождении оператора от ответственности. Статья 401 ГК РФ требует чрезвычайности и непредотвратимости обстоятельств при данных условиях [3]. При разрешении такого спора это предполагает необходимость выяснить характер события, его влияние на возможность исполнения и организацию защиты. Название инцидента не заменяет такой оценки. Недостатки технической защиты не приобретают признаков непреодолимой силы только потому, что исполнение обязательства осуществляется в цифровой среде.

Наряду с возмещением убытков ч. 2 ст. 9 Закона о ЦФА требует совершить действия, реализующие волеизъявление пользователя, которому помешал сбой [9]. Тем самым закон разграничивает восстановление работы системы и реализацию конкретного волеизъявления пользователя: устранение общей неисправности и исполнение конкретного распоряжения не совпадают. Пользователь может быть заинтересован не только в денежной компенсации, но и в восстановлении предусмотренного порядка осуществления права. Вместе с тем позднейшее исполнение не всегда устраняет все имущественные последствия задержки. Вопрос о сохраняющихся потерях требует самостоятельной оценки, а не формального вывода о полном восстановлении положения клиента.

Оператор обмена и специальное требование об обратном выкупе

Объём обязанностей ОО ЦФА обусловлен иной функцией - обеспечением заключения сделок. Различия между обязанностями двух видов операторов отмечает О. В. Содель [12, с. 149]. Отсутствие для оператора обмена перечня, аналогичного ст. 9 Закона о ЦФА, нельзя понимать как отсутствие гражданской ответственности вообще. Для отношений, подпадающих под рассматриваемый режим, сохраняется необходимость квалифицировать принятые обязательства и последствия их нарушения. Таким образом, отсутствие специального перечня нарушений не исключает применения общих правил обязательственного права.

Самостоятельный механизм предусмотрен ч. 16 ст. 10 Закона о ЦФА. При приобретении через оператора обмена ЦФА, отвечающих признакам, определённым Банком России в соответствии с ч. 9 ст. 4 Закона о ЦФА, с нарушением установленных ограничений лицом, не являющимся квалифицированным инвестором, включая неправомерное признание его таковым, оператор обмена обязан по требованию приобретателя выкупить активы за свой счёт и возместить понесённые расходы [9]. При превышении установленного предела последствие относится только к активам, приобретённым сверх него. Норма также содержит исключения для признания квалифицированным инвестором на основании представленной им недостоверной информации и для приобретения активов иностранными физическими и юридическими лицами [9].

Иск о применении указанного последствия может быть предъявлен в течение одного года с даты приобретения соответствующих активов [9]. Это срок для предъявления иска, а не разрешённый оператору период отсрочки выкупа. Аналогичная специальная конструкция для ОИС предусмотрена ч. 7 ст. 6 Закона о ЦФА [9]. При применении таких правил необходимо проверять все условия конкретной нормы, а не распространять защитное последствие на любое вложение, которое оказалось неудачным. Регуляторное ограничение приобретения и экономическая целесообразность инвестиции решают разные задачи.

В отличие от общего требования о возмещении убытков, обратный выкуп представляет собой специальное имущественное последствие нарушения правил приобретения ЦФА. Он возникает вследствие нарушения правил доступа к определённым активам, но реализуется через имуще-

ственное требование приобретателя. Его нельзя свести к административному наказанию: адресатом исполнения выступает частное лицо. Его нельзя и отождествлять с обычным требованием о возмещении убытков: закон устанавливает самостоятельный предмет требования и специальные условия его предъявления. Поэтому обратный выкуп рассматривается здесь как самостоятельный способ защиты, посредством которого нарушение публичного ограничения приобретения активов влечёт восстановительное последствие в пользу частного лица.

Такой механизм не делает оператора гарантом стоимости актива. Выкуп связан с нарушением предусмотренных законом условий приобретения, а не с падением цены, что позволяет отличить нарушение от инвестиционного риска правомерной операции. Одновременно специальное требование не должно вести к двойному возмещению потерь. Дополнительные требования необходимо сопоставлять с уже восстановленным имущественным интересом.

Убытки, причинная связь и доступ к доказательствам

Если же пользователь требует возмещения убытков, недостаточно установить нарушение условий приобретения или факт технического сбоя. Основная трудность такого спора нередко заключается не в обнаружении неисправности, а в объяснении того, каким образом она изменила имущественное положение пользователя. На размер и возникновение потерь могут влиять решения клиента, действия эмитента, изменение рыночной цены и последующее поведение оператора. Простое совпадение этих событий по времени не раскрывает причинной связи. Поэтому анализ целесообразно вести от конкретной обязанности: что должно было произойти при её исполнении и чем фактический ход событий отличается от этого результата.

Допустим, клиент утверждает, что из-за сбоя не продал актив по более высокой цене. Для оценки требования важно установить содержание и время распоряжения, возможность его исполнения на заявленных условиях и последствия задержки. Одного графика цены недостаточно, поскольку наличие определённой котировки не подтверждает само по себе возможность совершить соответствующую сделку. Но и отсутствие завершённой продажи не опровергает требование автоматически: несостоявшееся исполнение как раз может быть следствием нарушения, на которое ссылается пользователь.

Правила об упущенной выгоде также нельзя подменять предположением о любой доходности, которую позволяла получить ситуация на рынке. Пункт 4 ст. 393 ГК РФ предусматривает учёт предпринятых кредитором мер и приготовлений, а п. 5 требует установления размера убытков с разумной степенью достоверности [3]. Последний одновременно не допускает отказа только потому, что размер не может быть установлен с такой степенью достоверности: его определяет суд с учётом обстоятельств, справедливости и соразмерности [3]. Неопределённость суммы и отсутствие самого основания требования являются разными проблемами.

Доказывание этих обстоятельств осложняется неравным доступом сторон к информации. Оператор может располагать журналом обработки распоряжений и техническими сведениями, тогда как пользователь видит лишь сообщение интерфейса. Из этого не следует автоматическое изменение правил доказывания, но возникает вопрос о практической доступности защиты. Договорные процедуры сохранения подтверждений получения распоряжения, фиксации времени и уведомления о сбое помогают установить обстоятельства спора. Здесь защита строится не на заранее заданном предпочтении версии клиента, а на возможности восстановить события.

Помимо установления обстоятельств сбоя необходимо определить, на кого возлагаются его последствия, если оператор привлёк технического подрядчика. По ст. 403 ГК РФ должник отвечает за неисполнение лицами, которым поручено исполнение, если законом не установлена ответственность непосредственного исполнителя [3]. Поэтому оператору недостаточно сообщить клиенту, что неисправность возникла на стороне иной организации. Необходимо выяснить, было ли ей возложено исполнение обязательства оператора и как закон распределяет ответственность. Техническое происхождение ошибки и юридическая принадлежность риска могут не совпадать.

Из рассмотренных трудностей следует необходимость закрепления процедур, позволяющих пользователю получить и сохранить доказательства исполнения. В частности, целесообразно предусмотреть подтверждение приёма распоряжения и фиксацию содержания и времени уведомления о сбое. Это не создаёт ответственности без нарушения, но уменьшает разрыв между закреплённым правом и возможностью обосновать требование без исследования всей архитектуры платформы.

Надзорное воздействие и административное наказание

Однако индивидуальная защита пользователя не исчерпывает правовых последствий нарушения. Надзор Банка России за соответствующими операторами предусмотрен Законом о ЦФА; полномочия регулятора в отношении некредит-

ных финансовых организаций закреплены также в ст. 76.1 и 76.5 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ [8; 9]. При квалификации конкретной меры существенны статус адресата и применимый к нему режим. Предписание устранить нарушение, ограничение деятельности и исключение из реестра нельзя без дополнительного анализа объединять с административным штрафом. Общая неблагоприятность этих последствий не делает одинаковыми их нормативные основания.

Надзор не ограничивается реакцией на индивидуальные потери. Ожидание доказанных убытков каждого пользователя может лишить вмешательство предупредительного смысла. Поэтому отсутствие гражданского взыскания ещё не опровергает необходимость надзорной реакции. Вместе с тем предупредительная задача не означает неограниченности полномочий: допустимость меры определяется её правовым основанием и условиями, а не только общественной полезностью.

Различие функций проявляется при прекращении деятельности ОИС. Часть 10 ст. 7 Закона о ЦФА требует после исключения оператора из реестра передачи сводной информации другому оператору. Часть 11 связывает добровольное исключение с полным исполнением обязательств лицами, выпустившими активы, перед их обладателями [9]. Во втором случае речь идёт об обязательствах эмитентов, а не об исполнении всех обязанностей самим оператором. Эти нормы направлены на сохранение прав пользователей при изменении положения инфраструктуры; их нельзя читать как готовый состав гражданского правонарушения.

В отличие от перечисленных надзорных мер, административное наказание предполагает установление состава административного правонарушения. А. В. Токолов в исследовании 2022 г. ставил вопрос о недостаточной определённости специальных мер ответственности в сфере цифровых активов [13, с. 169–170]. Это наблюдение отражает состояние обсуждения соответствующего периода и не заменяет анализа применимой нормы. В частности, вопросы невыполнения предписания Банка России или нарушения порядка представления ему информации оцениваются с учётом ч. 9 ст. 19.5 и ст. 19.7.3 КоАП РФ с проверкой субъектного состава, содержания обязанности и предусмотренных законом исключений [7]. Не всякое ненадлежащее исполнение договора образует такое правонарушение.

Самостоятельность оснований административной ответственности сохраняется и после устранения нарушения. Если оператор устранил сбой и удовлетворил обоснованное требование клиента, это не позволяет автоматически сделать вывод об отсутствии ранее совершённого административного нарушения. Обратная ситуация также возможна: наказание за нарушение отчётной обязанности не доказывает причинения конкретному пользователю имущественного ущерба. В каждом случае необходимо установить, какие факты существенны для соответствующего последствия. Таким образом, устранение нарушения, назначение наказания и возмещение потерь решают разные задачи; это различие определяет и порядок взаимодействия соответствующих производств.

Связь производств и пределы совмещения требований

Возможность такого взаимодействия прямо предусмотрена ст. 4.7 КоАП РФ, допускающей сочетание административного наказания и возмещения имущественного ущерба. При отсутствии спора судья вправе разрешить вопрос об имущественном ущербе одновременно с назначением наказания; спор подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства [7]. Следовательно, утверждение о безусловной альтернативности публичного и частного способов защиты не согласуется с самим законом. Но из возможности сочетания не следует обязательное применение всех мер при каждом нарушении: для каждой сохраняются собственные условия.

Обращение к регулятору может привести к проверке и устранению нарушения, но не освобождает клиента от необходимости определить предмет иска и обосновать размер потерь. В свою очередь, взыскание в пользу одного пользователя не решает всех вопросов работы системы. Разделение процедур оправданно различием задач. Практическое затруднение возникает, когда необходимые сведения оказываются недоступны в другой процедуре и потерпевший вынужден повторно устанавливать те же обстоятельства.

Материалы надзорной проверки могут объяснять сбой, но сами по себе не подтверждают совокупность обстоятельств, необходимых для удовлетворения гражданского требования. Нарушение технического стандарта ещё не определяет размер упущенной выгоды, а соблюдение отчётности не подтверждает исполнения каждого распоряжения. Значение конкретного акта в другом производстве требует отдельной процессуальной оценки. Материалы проверки следует оценивать с учётом применимых процессуальных правил, а не придавать им заранее установленное значение для исхода гражданского спора.

Совмещение требований также имеет внутренние пределы. Пункт 1 ст. 393 ГК РФ сохраняет возможность взыскания убытков при использовании иных способов защиты, если иное не уста-

новлено законом [3]. При этом компенсационная задача требует учитывать уже полученное восстановление. Если одна и та же потеря покрыта исполнением специального требования, её повторное взыскание в составе убытков противоречило бы восстановительной цели защиты. Иначе взаимодействие способов защиты приведёт не к восстановлению, а к улучшению положения за счёт повторного возмещения одного интереса.

Пределы взаимодействия частноправовой защиты и публичных требований зависят также от вида цифрового объекта. Поэтому отношения по поводу ЦФА необходимо отличать от оборота цифровой валюты. Л. Г. Ефимова в работе 2024 г. рассматривала зависимость судебной защиты владельца цифровой валюты от выполнения публичной обязанности [5, с. 35]. При использовании этого положения следует учитывать Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П: применительно к лицам, получившим цифровую валюту способами, не связанными с майнингом, Суд исключил препятствие для защиты имущественных требований при представлении сведений о законности получения и использования такой валюты в пределах сформулированной им правовой позиции [18]. Следовательно, выводы, основанные на прежнем применении ч. 6 ст. 14 Закона о ЦФА, нуждаются в этой оговорке. Как отмечает А. А. Ситник, у децентрализованной цифровой валюты нет обязанного перед держателями лица [11, с. 109]. Речь идёт об отсутствии лица, обязанного по самой конструкции валюты, а не об исключении договорных обязанностей посредника. В отношениях по поводу ЦФА, напротив, необходимо раздельно устанавливать обязанности лица, выпустившего активы, и обслуживающего оператора.

Зарубежные подходы и границы заимствования

Разграничение объектов и функций посредников необходимо сохранить и при обращении к зарубежному опыту. Е. В. Зайнутдинова разграничивает запретительную, частично запретительную, разрешительную и дозволительную модели оборота цифровых прав и цифровой валюты [6, с. 149–150]. Для исследования ответственности подобная классификация является исходной, но недостаточной. Она характеризует допустимость деятельности, а не определяет, кто возмещает конкретную потерю. Даже близкие модели допуска могут по-разному распределять риск между клиентом, поставщиком и иными участниками. Поэтому сравнительный анализ должен включать не только условия выхода на рынок, но и содержание частного требования.

Сингапурский Payment Services Act 2019 предусматривает несколько видов лицензий [15]. В исследовании 2020 г. А. П. Алексеенко выделяет требования к отчётности, управлению и контролю рисков отмывания денег [1, с. 104–105]. Эти положения характеризуют организационную сторону регулирования; изложение в статье 2020 г. не следует использовать как подтверждение неизменности всех действующих требований. Но обязанность руководства выстроить контроль нельзя без специального основания превращать в личную гражданскую ответственность руководителя перед любым клиентом. Для такого перехода нужно объяснить юридическую связь между его поведением, нарушенным правом и заявленной потерей.

Регламент MiCA предусматривает авторизацию поставщиков, а также оказание услуг определёнными финансовыми организациями в порядке ст. 60 [16, ст. 59]. Для сравнения особенно значима ст. 75(8): поставщик услуг хранения отвечает за утрату криптоактивов или средств доступа вследствие инцидента, за который он несёт ответственность, причём ответственность ограничена рыночной стоимостью утраченных активов на момент утраты [16]. При этом норма позволяет поставщику доказать, что событие произошло независимо от оказания услуги или его деятельности, в частности вследствие проблемы функционирования распределённого реестра, который он не контролирует [16, ст. 75(8)]. Таким образом, законодатель связывает конкретную услугу, основание ответственности и предел имущественного требования. Замечания Я. Даудрих о трудностях международного взаимодействия относятся к анализу проекта MiCA и не должны подменять оценку принятой нормы [4, с. 259].

Для российского обсуждения полезна прежде всего определённость такой связи, а не механическое копирование стоимостного предела. Хранение криптоактивов и организация системы выпуска ЦФА не тождественны по содержанию. Перенос предела ответственности без сопоставления обязанностей и распределения рисков может привести к необоснованному снижению уровня защиты пользователя. Прежде чем заимствовать решение, необходимо установить совпадение обслуживающей функции, объекта риска и основания требования. Сходство цифровой формы операций для этого недостаточно.

А. П. Алексеенко, рассматривая в том числе Каймановы острова, выделяет лицензирование, локализацию поставщиков и специальные меры ответственности [2, с. 29]. Британский Financial Services and Markets Act 2023 также показывает необходимость разграничивать допуск к деятельности и имущественные последствия нарушения. Его раздел 8 вводит в Financial Services and Markets Act 2000 положения о designated activities:

ст. 71K(7) допускает включение криптоактивов в соответствующий режим, а ст. 71P отдельно предусматривает полномочие устанавливать правила об ответственности и компенсации [14]. Само нарушение регуляторного требования в этой конструкции не порождает автоматически иск о нарушении установленной законом обязанности. Однако разнообразие надзорных инструментов не доказывает наличия единой модели возмещения потерь. Зарубежный опыт позволяет поставить вопросы о распределении риска, но не даёт универсального решения.

Направления совершенствования защиты

Сопоставление российских и зарубежных норм позволяет определить направления совершенствования защиты. Прежде всего, расширение перечня санкций само по себе не устраняет затруднений пользователя. Если нельзя установить содержание обязанности, получить подтверждение распоряжения или связать потерю с нарушением, более высокий штраф не решает проблему гражданского требования. Поэтому первоочередное значение имеет уточнение того, какие действия поставщик должен совершать при приёме распоряжения, выявлении и устранении сбоя и восстановлении исполнения. Такое уточнение должно соотноситься со специальным статусом и видом услуги, а не вытекать из одного лишь использования цифровой технологии.

Реализация этих предложений требует учитывать временные и субъектные границы действующего регулирования, особенно в переходном режиме ОО ЦФА. Изменение порядка допуска само по себе не отвечает на вопрос о правилах для ранее возникшего обязательства и последующего нарушения. При анализе ранее возникших обязательств необходимо отдельно определить действие соответствующих норм во времени; переходный порядок допуска не позволяет автоматически распространить прежний режим на новые модели обращения активов. Наряду с уточнением обязанностей поставщика целесообразно согласовать восстановительные и надзорные процедуры, сохранив их самостоятельность. Информация о характере нарушения должна помогать разрешению индивидуального спора, но не заменять расчёт убытков и проверку основания требования. Исполнение перед пользователем необходимо учитывать при оценке сохраняющихся имущественных последствий, не превращая его в автоматическое освобождение от публичной ответственности. Такая модель связывает защиту клиента и надлежащее устройство рынка, сохраняя юридические границы обоих направлений.

Заключение

Гражданская и публично-правовая ответственность поставщика цифровых финансовых услуг не образуют ни безусловной альтернативы, ни обязательного набора последствий любого нарушения. Их соотношение определяется содержанием обязанности, защищаемым интересом и условиями применимой нормы. Надзорное воздействие при этом требует самостоятельной квалификации: неблагоприятность меры для оператора ещё не делает ее административным наказанием.

Проведённый анализ позволяет разграничить восстановление исполнения, специальное требование об обратном выкупе и возмещение убытков по их основаниям и предмету. Установление сбоя не заменяет анализа причинной связи, а оценка риска не устраняет законных оснований ответственности. Согласованность механизмов предполагает проверяемость исполнения, доступность значимых сведений и исключение повторной компенсации. Такое взаимодействие обеспечивает индивидуальную защиту пользователя и публичный контроль за деятельностью поставщика без подмены одного механизма другим.

Список литературы:

[1] Алексеенко А. П. Требования к поставщику платежных услуг по законодательству Сингапура // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2020. Т. 12. № 3. С. 100–109. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2020-3/100-109..

[2] Алексеенко А. П. Источники регулирования деятельности поставщиков услуг платформ цифровых активов в России и за рубежом // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18. № 2. С. 23–32. DOI: 10.25205/2542-0410-2022-18-2-23-32..

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. Статьи 15, 393, 401, 403. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/c1cbc60ba2b77d2acc7884f02c80b239e0a5e810 (дата обращения: 15.10.2026).

[4] Даудрих Я. Правовой статус эмитентов криптоактивов с точки зрения проекта регламента MiCA // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 2. С. 244–263.

[5] Ефимова Л. Г. Категория «цифровое имущество» в контексте доктринальных споров // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 9 (121). С. 25–39. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.121.9.025-039..

[6] Зайнутдинова Е. В. Модели правового регулирования оборота цифровых прав и цифровой валюты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 4. С. 149–182. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.4.149.182..

[7] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1. Статьи

4.7, 19.5 (ч. 9), 19.7.3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d615ef5097a58772009ed74675fd9e8fcd4b0ed2/ (дата обращения: 15.10.2026).

[8] О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федер. закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790. Статьи 76.1, 76.5. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 15.10.2026).

[9] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018. Статьи 6, 7, 9, 10, 14. При применении ст. 10 учитываются переходные положения Федерального закона от 04.08.2026 № 282-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/36278bdacdb873c4b4ee8fedc0988e388a4ebe0a (дата обращения: 15.10.2026).

[10] Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Особенность правового статуса оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов как организаций, обеспечивающих цифровые финансовые технологии // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 9 (85). С. 124–134.

[11] Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11. С. 103–113. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.103-113..

[12] Содель О. В. Финансово-правовое регулирование обращения цифровых финансовых активов: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2025. 214 с. URL: http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/23-04-2025-1d.pdf (дата обращения: 15.10.2026).

[13] Токолов А. В. Правовое регулирование информационных отношений в сфере оборота цифровых финансовых активов: дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. 215 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011273340/ (дата обращения: 15.10.2026).

[14] Financial Services and Markets Act 2023 (c. 29). URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/29 (дата обращения: 15.10.2026).

[15] Payment Services Act 2019 (Act No. 2 of 2019). URL: https://sso.agc.gov.sg/act/psa2019 (дата обращения: 15.10.2026).

[16] Regulation (EU) 2023/1114 on markets in crypto-assets // OJ L 150, 09.06.2023. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj (дата обращения: 15.10.2026).

[17] Банк России. Операторы обмена цифровых финансовых активов. Обновлено 01.09.2026. URL: https://www.cbr.ru/admissionfinmarket/navigator/ootsfa/ (дата обращения: 15.10.2026).

[18] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П по делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Д. И. Тимченко. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202601210002 (дата обращения: 15.10.2026).

References:

[1] Alekseenko A.P. Requirements for Payment Service Provider under Singapore Law // Territory of New Opportunities. VSUES Bulletin. 2020. VOL. 12. № 3. S. 100-109. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2020-3/100-109..

[2] Alekseenko A.P. Sources of regulation of the activities of service providers of digital assets platforms in Russia and abroad // Legal science and practice. 2022. T. 18. № 2. S. 23-32. DOI: 10.25205/2542-0410-2022-18-2-23-32..

[3] Civil Code of the Russian Federation (part one): feder. Law of 30.11.1994 No. 51-FZ // NW RF. 1994. № 32. Art. 3301. Articles 15, 393, 401, 403. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/c1cbc60ba2b77d2acc7884f02c80b239e0a5e810 (access date: 15.10.2026).

[4] Daudrich Y. Legal status of issuers of cryptoassets from the point of view of the draft MiCA regulation // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. VOL. 15. № 2. S. 244-263.

[5] Efimova L. G. Category "digital property" in the context of doctrinal disputes // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA). 2024. № 9 (121). S. 25-39. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.121.9.025-039..

[6] Zainutdinova E.V. Models of legal regulation of the turnover of digital rights and digital currency // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2023. T. 16. № 4. S. 149-182. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.4.149.182..

[7] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ // CZ of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 1. Articles 4.7, 19.5 (part 9), 19.7.3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d615ef5097a58772009ed74675fd9e8fcd4b0ed2/ (date of reference: 15.10.2026).

[8] About the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia): feder. Law of 10.07.2002 No. 86-FZ // NW RF. 2002. № 28. Art. 2790. Articles 76.1, 76.5. URL: https://www.consultant.

ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (accessed on: 15.10.2026).

[9] On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federation. Law of 31.07.2020 No. 259-FZ // NW RF. 2020. No. 31 (part 1). Art. 5018. Articles 6, 7, 9, 10, 14. When applying Art. 10, the transitional provisions of the Federal Law of 04.08.2026 No. 282-FZ are taken into account. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/36278bdacdb873c4b4ee8fedc0988e388a4ebe0a (access date: 15.10.2026).

[10] Rozhdestvenskaya T. E., Guznov A. G. Peculiarity of the legal status of the operator of the information system in which digital financial assets are issued and the operator of the exchange of digital financial assets as organizations providing digital financial technologies // Bulletin of O. E. Kutafin University (MSLA). 2021. № 9 (85). S. 124-134.

[11] Sitnik A. A. Digital currencies: problems of legal regulation // Actual problems of Russian law. 2020. VOL. 15. № 11. S. 103-113. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.103-113..

[12] Sodel O. V. Financial and legal regulation of circulation of digital financial assets: dis.... cand. jurid. sciences. Saratov, 2025. 214 p. URL: http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/23-04-2025-1d.pdf (Accessed: 15.10.2026).

[13] Tokolov A. V. Legal regulation of information relations in the sphere of turnover of digital financial assets: dis.... cand. jurid. sciences. M., 2022. 215 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011273340/ (Accessed: 15.10.2026).

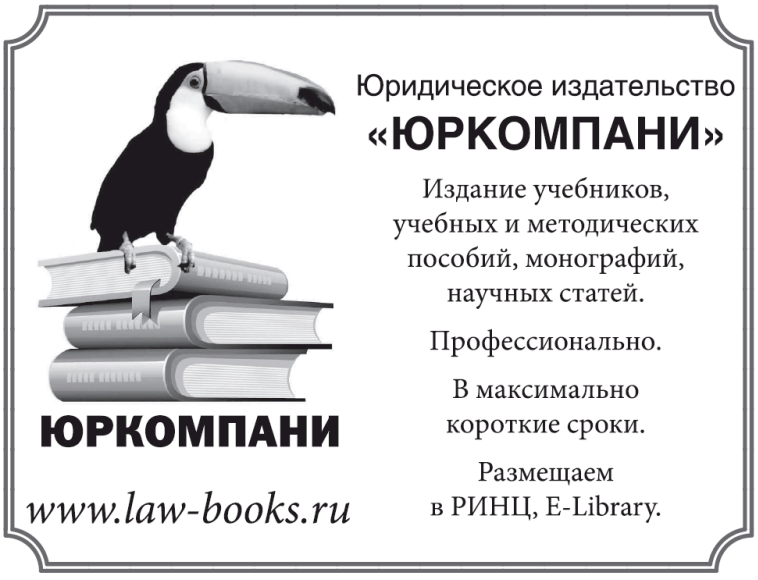
[14] Financial Services and Markets Act 2023 (c. 29). URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/29 (access date: 15.10.2026).

[15] Payment Services Act 2019 (Act No. 2 of 2019). URL: https://sso.agc.gov.sg/act/psa2019 (access date: 15.10.2026).

[16] Regulation (EU) 2023/1114 on markets in crypto-assets // OJ L 150, 09.06.2023. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj (accessed on: 15.10.2026).

[17] Bank of Russia. Digital financial asset exchange operators. Updated 01.09.2026. URL: https://www.cbr.ru/admissionfinmarket/navigator/ootsfa/ (Accessed on: 15.10.2026).

[18] The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.01.2026 No. 2-P in the case on checking the constitutionality of part 6 of Article 14 of the Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen D. I. Timchenko. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202601210002 (access date: 15.10.2026).

- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.10.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-155-160
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ПРУДНИКОВА Альбина Евгеньевна,
Кандидат юридических наук, доцент;
Кубанский государственный университет, кафедра гражданского права,
e-mail: solntsie67@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ УМЕНЬШЕНИИ РАЗМЕРА НЕУСТОЙКИ СУДОМ

Аннотация. *В статье исследуется механизм снижения размера неустойки по ст. 333 ГК РФ как инструмент обеспечения баланса интересов кредитора и должника в гражданско-правовых отношениях. Раскрываются базовые принципы применения данного механизма – справедливости и соразмерности, а также анализируются ключевые критерии явной несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства, в том числе подходы Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ к их определению. Особое внимание уделено практике снижения неустойки в спорах по договорам участия в долевом строительстве, включая влияние специальных постановлений Правительства РФ, устанавливающих временные особенности применения финансовых санкций. В работе сопоставляются подходы арбитражных и судов общей юрисдикции, рассматриваются противоречивые тенденции судебной практики, а также дискуссионные вопросы доктрины – в частности, о допустимости судебной инициативы по снижению неустойки и о возможности корректировки законной неустойки. На основе анализа нормативных положений, разъяснений высших судов, конкретных судебных дел и научных позиций автор обосновывает необходимость ограничения применения механизма снижения неустойки исключительно договорной неустойкой, а также предлагает направления совершенствования критериев оценки явной несоразмерности с учётом длительности нарушения обязательств.*

Ключевые слова: *неустойка; ст. 333 ГК РФ; соразмерность; судебная практика; договорная ответственность.*

Для цитирования: *Прудникова А. Е. К вопросу об уменьшении размера неустойки судом // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 155–160.*

PRUDNIKOVA Albina Evgenievna,
Candidate of Law, Associate Professor; Kuban State University, Department of Civil Law

TO THE QUESTION OF REDUCING THE AMOUNT OF FORFEIT BY THE COURT

Annotation. *The article examines the mechanism for reducing the amount of the penalty under Art. 333 of the Civil Code of the Russian Federation as a tool to ensure the balance of interests of the creditor and the debtor in civil law relations. The basic principles of the application of this mechanism - fairness and proportionality - are disclosed, and key criteria for the obvious disproportionality of the penalty to the consequences of the violation of the obligation are analyzed, including the approaches of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation to their determination. Particular attention is paid to the practice of reducing penalties in disputes over contracts for participation in shared construction, including the impact of special decrees of the Government of the Russian Federation establishing the temporary features of the application of financial sanctions. The paper compares the approaches of arbitration and courts of general jurisdiction, considers contradictory trends in judicial practice, as well as controversial issues of the doctrine - in particular, on the admissibility of the judicial initiative to reduce the penalty and on the possibility of adjusting the legal penalty. Based on the analysis of regulatory provisions, clarifications of higher courts, specific court cases and scientific positions, the author justifies the*

need to limit the use of the mechanism for reducing the penalty solely to a contractual penalty, and also proposes directions for improving the criteria for assessing obvious disproportionality, taking into account the duration of the violation of obligations.

Key words: *penalty; Art. 333 of the Civil Code of the Russian Federation; proportionality; judicial practice; contractual liability.*

For citation: *Prudnikova A. E. To the question of reducing the amount of forfeit by the court. Russian scientific bulletin. 2026;(11):155–160. (In Russ.).*

Введение

Институт неустойки традиционно выступает одним из ключевых инструментов обеспечения надлежащего исполнения обязательств в гражданском обороте. Его основная функция – компенсировать кредитору убытки, возникшие вследствие нарушения должником принятых на себя обязательств. Однако потенциал неустойки как меры ответственности нередко сопряжён с риском дисбаланса интересов сторон: экономически более сильная сторона может использовать право на взыскание неустойки в качестве инструмента давления, устанавливая заведомо обременительные для контрагента условия.

В этих условиях особую значимость приобретает механизм судебного снижения размера неустойки, предусмотренный ст. 333 ГК РФ. Он призван нивелировать чрезмерную имущественную нагрузку на должника и обеспечить соответствие меры ответственности реальному ущербу. Базовыми ориентирами для такого снижения выступают принципы справедливости и соразмерности — они позволяют суду оценить, насколько заявленная сумма неустойки адекватна последствиям нарушения обязательства. При этом правоприменительная практика демонстрирует неоднозначность в трактовке критериев «явной несоразмерности», а также существенные расхождения в подходах судов разных инстанций. Дополнительную сложность создаёт специфика отдельных сфер гражданского оборота – в частности, долевого строительства, где на применение неустойки влияют не только нормы ГК РФ, но и специальные законодательные и подзаконные акты, включая антикризисные меры Правительства РФ.

Настоящая работа направлена на комплексный анализ механизма снижения неустойки: от доктринальных оснований и нормативной базы до сложившейся судебной практики и актуальных проблем правоприменения. Особое внимание уделено разграничению договорной и законной неустойки, оценке обоснованности вмешательства суда в условия договора, а также поиску путей совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Назначение неустойки и базовые принципы её снижения

Назначение неустойки в гражданских правоотношениях проявляется в компенсации потерь, причиненных кредитору нарушением должником принятых на себя обязательств. Вместе с тем, в гражданско-правовых отношениях более сильная сторона может злоупотреблять своим, превосходящим контрагента, положением, в том числе и правом на возмещение ущерба путем выплаты неустойки. В целях защиты должника от непосильных и несоразмерных обязательству условий обеспечения ответственности законодателем были урегулированы пределы установления размера договорной неустойки путем введения механизма уменьшения е, закрепленного в ст. 333 ГК РФ. В основу снижения неустойки положены гражданско-правовой принцип справедливости (соответствие сложившимся в определенных исторических условиях общественным представлениям о должном распределении прав и обязанностей) и производный от него принцип соразмерности (соответствие предпринимаемых мер степени нарушения гражданско-правовых норм), которые принимаются в расчет при однозначности несоответствия мер обстоятельствам произошедшего нарушения. В случае явной несоразмерности неустойки и ущерба, причиненного нарушением обязательства должником, суд вправе уменьшить неустойку.

Разъяснения высших судов и подходы к оценке несоразмерности

При определении вопроса явной несоразмерности суды руководствуются разъяснениями, данными Верховным Судом РФ и Высшим Арбитражным Судом РФ.

В п. 73 Постановления Пленума ВС РФ «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (Постановление Пленума ВС РФ № 7, 2016) (далее – Постановление Пленума ВС РФ об ответственности за нарушение обязательств), указано, что несоразмерность и необоснованность выгоды могут выражаться, в частности, в том, что возможный размер убытков кредитора, которые могли возникнуть вследствие нарушения обязательства, значительно ниже начисленной неустойки. Как следует из данных разъяснений, под явной несоразмерностью и необоснованностью выгоды следует понимать нечто, что «значительно ниже», чем нарушенное обязательство. Соответственно,

данное разъяснение не лишено своих недостатков, поскольку не устанавливает точных критериев, способствующих выработке единого подхода к явной несоразмерности, примешивая к понятию категорию необоснованности выгоды.

В абз. 2 п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ № 81 от 22.12.2011 г. «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что при разрешении вопроса о соразмерности неустойки последствиям нарушения денежного обязательства и определении величины, достаточной для компенсации потерь кредитора, «суды могут исходить из двукратной учетной ставки (ставок) Банка России, существовавшей в период такого нарушения» (Постановление Пленума ВАС РФ № 81, 2011). Высший Арбитражный Суд РФ, в отличие от Верховного Суда РФ, предлагает конкретную «точку отсчета», а не абстрактное нечто, что «значительно ниже». В качестве эталонного показателя называется двойной размер учетной ставки (она же – ставка рефинансирования, приравниваемая с 1 января 2016 г. к ключевой ставке (Указание Банка России № 3894-У, 2015)).

Тем не менее, суд, который вправе решить вопрос определения соразмерности неустойки, по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств, способен распознать адекватную неустойку.

Примеры судебной практики по снижению неустойки

Так, Домодедовский городской суд Московской области при разрешении спора между гражданином и ООО «Специализированный застройщик «Прибрежный парк» о взыскании неустойки по договору участия в долевом строительстве, а также штрафа, компенсации морального вреда и судебных расходов учел приведенные ответчиком доводы о снижении размера неустойки и штрафа, компенсационную природу неустойки, объем и характер нарушения обязательства, цену договора, отсутствие умышленных действий со стороны ответчика по затягиванию сроков строительства многоквартирного дома (МКД) и передачи квартиры участнику долевого строительства, требования разумности и справедливости, позволяющие, с одной стороны, применить меры ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств, а с другой стороны, не допустить неосновательного обогащения истца, пришел к выводу о том, что заявленный истцом ко взысканию размер неустойки в виде штрафа в размере 50% от суммы, присужденной судом, несоразмерен последствиям нарушения обязательства. В связи с чем на основании ст. 333 ГК РФ суд уменьшил размер неустойки до 400 000 руб., во взыскании части требуемой неустойки, превышающей указанный судом размер, суд истцу отказал (решение Домодедовского горсуда МО по делу № 2 3780/2024).

Данный тезис подтверждается также анализом судебных решений, проведенным М.В. Вронской и Ю.В. Ехлаковой [Вронская, Ехлакова, 2023, 17]. Согласно ему, примерно в 80% случаев (то есть примерно в четырех из пяти случаев) апелляционные инстанции и Верховный Суд РФ соглашаются с подходом нижестоящих судов в части применения ст. 333 ГК РФ. Пересмотр судебных актов нижестоящих судов Верховным Судом РФ авторы связывают с неверным толкованием судами норм Гражданского кодекса РФ и разъяснений Верховного Суда РФ, отсутствием в мотивировочной части судебного акта оснований для снижения неустойки либо для отказа в снижении таковой.

Однако, поскольку обнародованные на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации статистические данные за период с 2023 года по первое полугодие 2025 года о рассмотрении в ВС РФ гражданских дел, дел по разрешению экономических споров [Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации, www] свидетельствуют в целом об уменьшении количества представлений и жалоб, рассмотренных Президиумом ВС РФ в порядке надзора по гражданским делам и экономическим спорам (ср.: 119 и 100 жалоб, представлений и дел по гражданским делам в 2023 и 2024 гг. соответственно; 47 и 38 жалоб, представлений и дел по гражданским делам в I полугодии 2024 и 2025 гг. соответственно; 542 и 418 жалоб, представлений и дел по экономическим спорам в 2023 и 2024 гг. соответственно; 243 и 141 жалоба, представление и дело по экономическим спорам в I полугодии 2024 и 2025 гг. соответственно), Судебной коллегией по гражданским делам ВС РФ в кассационной инстанции (73 226 и 70 363 (в т. ч. 766 и 781 гражданских дел – в судебном заседании) жалобы, представления по гражданским делам в 2023 и 2024 гг. соответственно; 35 944 и 27 681 (в т. ч. 326 и 519 гражданских дел – в судебном заседании) жалоба, представление по гражданским делам в I полугодии 2024 и 2025 гг. соответственно), а также Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ (47 424 и 38 276 (в т. ч. 507 и 500 экономических споров – в судебном заседании) жалоб, представлений в 2023 и 2024 гг. соответственно; 20 590 и 10 713 (в т. ч. 252 и 178 экономических споров – в судебном заседании) жалоб, представлений по экономическим спорам в I полугодии 2024 и 2025 гг. соответственно), с учетом того, что Судебная коллегия по гражданским делам оставляет без изменения порядка 3 – 4 % от всех

судебных актов по гражданским делам (4,3% в 2024 г.; 3,1% в I полугодии 2025 г.), выявленные исследователями статистические показатели (около 20% пересмотренных апелляционными инстанциями и Верховным Судом РФ дел) представляются завышенными и некорректными.

Отдельного упоминания заслуживает определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 02.06.2025 по делу № А70-3821/2023 (определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ по делу № А70-3821/2023), в котором рассматривался вопрос возможности применения ст. 333 ГК РФ к начисленным процентам за пользование суммами займа. Из материалов дела следует, что общество-заемщик обязалось за пользование заемными денежными средствами предпринимателя-заимодавца уплачивать проценты по ст. 809 ГК РФ в размере 18% годовых от суммы непогашенного займа. По однотипным условиям договоров, в случае просрочки исполнения обязанности по возврату суммы займа на сумму невозвращенных денежных средств процентная ставка поднималась до 28% и проценты начислялись со дня фактического предоставления займа до дня его фактического возврата. Нижестоящие суды не усмотрели оснований для применения положений ст. 333 ГК РФ к процентам за пользование займом, с чем не согласилась Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ указав, что «повышенные проценты в части, на которую увеличивается плата за пользование займом, являются мерой гражданско-правовой ответственности, что влечет за собой соответствующие правовые последствия». Высшая судебная инстанция судебные акты нижестоящих судов в части взыскания процентов за пользование займом и расходов по уплате государственной пошлины отменила, направив дело в указанной части на новое рассмотрение в Арбитражный суд Тюменской области, указав на необходимость при принятии нового решения определить правовую природу установленных договорами повышенных процентов.

Доктринальные позиции и проблемы правоприменения

В настоящее время в доктрине сложилось два подхода касательно дозволения суду права инициировать снижение неустойки вопреки тому, поступило ли от должника-предпринимателя заявление об ее уменьшении.

В.В. Витрянский считает, что конструкция ст. 333 ГК РФ в части судебной инициативы противоречит процессуальному принципу состязательности сторон [Бондаренко, 2013, 70]. Вместе с тем, другие исследователи данного вопроса отмечают, что эффективность выполняемых неустойкой функций может быть существенно снижена в случае отсутствия у суда правового инструмента по корректировке ее размера (в исключительных случаях либо с учетом всей совокупности обстоятельств, прямо относящихся к последствиям нарушения обязательства) [Титов, 2015, 146].

Л.В. Щенникова убеждена в том, что законная неустойка не может быть подкорректирована судом, тогда как изменение договорной неустойки должно быть возможно, как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения, что подтверждается опытом зарубежных стран [Щенникова, 2019, 77].

Таким образом, для защиты должника по дополнительному, неустоечному обязательству законодатель предусмотрел механизм снижения неустойки (ст. 333 ГК РФ) на основе двух базовых принципов гражданского права: принципа справедливости и принципа соразмерности. Ключевыми аспектами применения механизма снижения неустойки высшие судебные инстанции отмечали:

критерии явной несоразмерности (возможный размер убытков кредитора значительно ниже начисленной неустойки и ориентир для оценки – двукратная учетная ставка Банка России);

доказывания (обязанность доказать явную несоразмерность лежит на должнике, кредитор не обязан подтверждать возникновение убытков);

исключительность снижения (уменьшение договорной неустойки для субъектов предпринимательской деятельности допускается только в исключительных случаях, что ограничивает действие принципов автономии воли, неприкосновенности договора и равенства сторон).

С учетом изложенного представляется, что предусмотренный ст. 333 ГК РФ механизм уменьшения неустойки подлежит ограничению применением в отношении только лишь договорной неустойки. Поскольку законная неустойка устанавливается императивно, а также предусмотрена законодателем в конкретных значениях (то есть в нее уже заложены принципы справедливости и соразмерности), снижение законной неустойки выходит за рамки компетенций суда и нарушает принцип разделения властей между законодательной и судебной ветвями. Договорная неустойка остается единственной категорией, в отношении которой допустимо применение механизма снижения, поскольку ничем не ограниченная возможность установления и взыскания любых денежных сумм или иных имущественных ценностей чревата созданием кабальных условий для пассивной стороны в обязательственных правоотношениях, а равно – нарушением функционирования гражданского оборота.

Поэтому очевидно необходима конкретизация критерия явной несоразмерности и необоснованности выгоды подлежащей сниже-

нию неустойки указанием на установление чрезмерно высокого процента (размера) неустойки. Одновременно с этим, ограничение начисленной неустойки суммой основного долга не может быть эквивалентно характеру нарушенного обязательства в случаях длительного его неисполнения, происходящего по вине должника, и соответственно представляется не только ошибочным подходом, но и требует разработки новых подходов к оценке критерия явной несоразмерности и необоснованности выгоды, учитывающих длительный характер нарушения обязательств, присущий, например, отношениям возникающим из договоров долевого участия в строительстве.

Заключение

Анализ механизма снижения неустойки по ст. 333 ГК РФ показывает, что он призван балансировать интересы сторон на основе принципов справедливости и соразмерности. При этом в судебной практике сохраняются расхождения в трактовке критерия «явной несоразмерности», а арбитражные суды применяют механизм строже, чем суды общей юрисдикции.

Важно разграничивать договорную и законную неустойку: снижение допустимо только для первой, поскольку законная уже отражает законодательный баланс интересов. Для повышения предсказуемости практики необходимо конкретизировать критерии несоразмерности (например, через соотношение с ключевой ставкой, долей цены договора, размером убытков) и ужесточить требования к мотивировке судебных актов – особенно в делах о длительном неисполнении обязательств.

Список литературы:

[1] Актуальная информация о мерах поддержки граждан, экономики, строительной отрасли и жилищно-коммунального комплекса. – URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/measures-to-support (дата обращения: 06.06.2026).

[2] Алексеев А.А. Уменьшение неустойки судом как способ защиты прав должника // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 11. С. 34-37.

[3] Бондаренко Н.Л. Снижение неустойки судом: понятие и значение. // Журнал российского права. 2013. № 11 (203). С. 66, 70.

[4] В России вернули мораторий на штрафы застройщикам: в чем риски дольщиков. – URL: https://realty.rbc.ru/news/660681e59a794708a2464005 (дата обращения: 06.05.2026).

[5] Вронская М.В., Ехлакова Ю.В. Проблемные аспекты практики снижения неустойки в российском гражданском праве. // Юридические исследования. 2023. № 11. С. 17-18.

[6] Градостроительный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 29.12.2004 № 190 ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1. Ст. 16; 2026. № 12. Ст. 1803.

[7] Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2023 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел. – URL: https://www.vsrf.ru/documents/statistics/33400 (дата обращения: 06.06.2026); Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2024 года административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел. – URL: https://www.vsrf.ru/docu ments/statistics/33818 (дата обращения: 06.06.2026); Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2024 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел. – URL: https://www.vsrf.ru/docu ments/statistics/34221 (дата обращения: 06.06.2026); Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2025 года административных, гражданских, уголовных дел, дел по разрешению экономических споров и дел об административных правонарушениях. – URL: https://www.vsrf.ru/documents/statistics/34611 (дата обращения: 06.06.2026).

[8] О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 № 81 (ред. от 24.03.2016) // ИПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/70114574 (дата обращения: 06.04.2026).

[9] О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783 (дата обращения: 06.04.2026).

[10] О ставке рефинансирования Банка России и ключевой ставке Банка России: Указание Банка России от 11.12.2015 № 3894 У // СПС «КонсультантПлюс». – URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190366 (дата обращения: 06.04.2026).

[11] Решение Домодедовского городского суда Московской области от 29 августа 2024 г. по делу № 2-3780/2024. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/h GCvf9Am6Krj (дата обращения: 13.06.2026).

[12] Титов Н.Д. Статья 333 Гражданского кодекса Российской Федерации: проблемы правоприменения. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 146-149.

[13] Щенникова Л.В. Неустойка в современном гражданском праве. / Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, г. Симферополь. 2019. С. 77-78.

References:

[1] Up-to-date information on measures to support citizens, the economy, the construction industry and the housing and communal complex. - URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/measures-to-support (access date: 06.06.2026).

[2] Alekseev A.A. Reduction of the penalty by the court as a way to protect the rights of the debtor // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2015. № 11. S. 34-37.

[3] Bondarenko N.L. Reduction of forfeit by the court: concept and meaning // Journal of Russian Law. 2013. № 11 (203). S. 66, 70.

[4] In Russia, they returned a moratorium on fines to developers: what are the risks of equity holders. - URL: https://realty.rbc.ru/news/660681e59a794708a2464005 (access date: 06.05.2026).

[5] Vronskaya M.V., Ekhlakova Yu.V. Problematic aspects of the practice of reducing penalties in Russian civil law // Legal research. 2023. № 11. S. 17-18.

[6] Town Planning Code of the Russian Federation: FZ dated 29.12.2004 No. 190 FZ (as amended on 23.03.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. № 1. Art. 16; 2026. № 12. Art. 1803.

[7] Review of statistical data on the consideration in the Supreme Court of the Russian Federation in 2023 of administrative, civil cases, cases on the resolution of economic disputes, cases on administrative offenses and criminal cases. - URL: https://www.vsrf.ru/documents/statistics/33400 (access date: 06.06.2026); Review of statistical data on the consideration in the Supreme Court of the Russian Federation in the first half of 2024 of administrative, civil cases, cases to resolve economic disputes, cases of administrative offenses and criminal cases. - URL: https://www.vsrf.ru/documents/statistics/33818 (access date: 06.06.2026); Review of statistical data on the consideration in the Supreme Court of the Russian Federation in 2024 of administrative, civil cases, cases to resolve economic disputes, cases of administrative offenses and criminal cases. - URL: https://www.vsrf.ru/docu ments/statistics/34221 (access date: 06.06.2026); Review of statistical data on the consideration in the Supreme Court of the Russian Federation in the first half of 2025 of administrative, civil, criminal cases, cases on the resolution of economic disputes and cases of administrative offenses. - URL: https://www.vsrf.ru/documents/statistics/34611 (access date: 06.06.2026).

[8] On certain issues of application of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 22.12.2011 No. 81 (as amended by 24.03.2016) // IPS "Garant." - URL: https://base.garant.ru/70114574 (access date: 06.04.2026).

[9] On the application by the courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for violation of obligations: Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2016 No. 7 (as amended by 22.06.2021) // SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783 (access date: 06.04.2026).

[10] On the Bank of Russia refinancing rate and the Bank of Russia key rate: Bank of Russia Ordinance No. 3894 U // SPS "ConsultantPlus" dated 11.12.2015. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190366 (access date: 06.04.2026).

[11] Decision of the Domodedovo City Court of the Moscow Region of August 29, 2024 in case No. 2-3780/2024. - URL: https://sudact.ru/regular/doc/hGCvf9Am6Krj (accessed on: 13.06.2026).

[12] Titov N.D. Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation: problems of law enforcement // Bulletin of Tomsk State University. 2015. № 390. S. 146-149.

[13] Shchennikova L.V. Penalty in modern civil law / Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Simferopol. 2019. S. 77-78.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-161-167
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ГРИБКОВ Тимур Дмитриевич,
аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
e-mail: gribkov.timur@list.ru

ШЕБАЛИН Александр Владимирович,
доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
e-mail: nauka_lo@mail.ru

ПРИНЦИП БЕСПРИСТРАСТНОСТИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВОГО СУДЬИ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу беспристрастности мирового судьи как многоаспектной правовой категории. Актуальность темы обусловлена стабильно низким уровнем доверия населения к судебной системе, а также коррупционными скандалами, подрывающими авторитет судейского корпуса. Внимание уделяется субъективной беспристрастности как личностно-психологической характеристике судьи, её соотношению с независимостью, а также этическим и эмоциональным аспектам правоприменения. Исследуются обязанность мотивировки судебных актов и значимость внесудебного поведения судьи. На основе анализа практики Комиссии Совета судей РФ по этике обосновывается презумпция беспристрастности и её опровержимый характер. Затрагивается проблема использования искусственного интеллекта в правосудии. Делается вывод о необходимости совершенствования законодательного регулирования, усиления этической составляющей и сохранения человеческого фактора как ключевой гарантии справедливого правосудия.*

Ключевые слова: *мировой суд; независимость; беспристрастность; мотивировка судебных актов; искусственный интеллект; правовой статус.*

Для цитирования: *Грибков Т. Д., Шебалин А. В. Принцип беспристрастности в правовом регулировании и деятельности мирового судьи // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 161–167.*

GRIBKOV Timur Dmitrievich,
Postgraduate Student, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

SHEBALIN Alexander Vladimirovich,
Associate Professor, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics

THE PRINCIPLE OF IMPARTIALITY IN THE LEGAL REGULATION AND ACTIVITIES OF THE JUSTICE OF THE PEACE

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive analysis of the impartiality of a magistrate as a multifaceted legal category. The relevance of the topic is due to the consistently low level of public trust in the judicial system, as well as corruption scandals that undermine the authority of the judiciary. Attention is paid to subjective impartiality as a personal and psychological characteristic of a judge, its relationship with independence, as well as the ethical and emotional aspects of law enforcement. The paper examines the obligation to provide reasoning for judicial acts and the significance of a judge's extralegal conduct. Based on an analysis of the practice of the Ethics Commission of the Council of Judges of the Russian Federation, the presumption of impartiality and its rebuttable nature are substantiated. The issue of using artificial intelligence in justice is addressed.*

The conclusion is drawn that it is necessary to improve legislative regulation, strengthen the ethical component, and preserve the human factor as the key guarantee of fair justice.

Key words: *magistrate court; independence; impartiality; reasoning for judicial acts; artificial intelligence; legal status.*

For citation: *Gribkov T. D., Shebalin A. V. The principle of impartiality in the legal regulation and activities of the justice of the peace. Russian scientific bulletin. 2026;(11):161–167. (In Russ.).*

Ежегодно средства массовой информации рисуют печальную картину задержания, расследований и осуждения судей за коррупцию. В 2025 году СК РФ против 23 судей были возбуждены уголовные дела по коррупционным составам, с 2023 году широкую известность получило «дело судей»-взяточников в Ростовской области.

Судебная система переживает период, отмеченный резким падением доверия, которое, к сожалению, ежедневно подпитывается рассказами о сомнительном или неуместном поведении представителей судейского корпуса: к примеру, резонансное «дело Долиной» породило в обществе сомнения в беспристрастности судей. По данным ВЦИОМ на март 2025 года, деятельность судебной системы одобряют всего лишь 36,6% респондентов, причем негативный уровень оценки работы судов остается достаточно стабильным на протяжении нескольких лет (по данным ФОМ более половины опрошенных – 56% в 2017 году и 51% в 2020 году – считали, что большинство российских судей берут взятки).

В 2026 году Председатель ВС РФ И. Краснов, выступая на Всероссийском съезде судей, обратил внимание на необходимость повышать требования к обеспечению независимости и беспристрастности служителей Фемиды. На том же съезда Президент РФ В.В. Путин призвал судей укреплять доверие граждан к судейскому корпусу через приверженность принципу беспристрастности [1]. Изложенное побуждает нас обратиться к анализу принципа беспристрастности в правовом регулировании и деятельности мирового судьи.

Беспристрастность, как это указано в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года и статье 10 Всеобщей декларации прав человека 1948 года выступает в качестве неотъемлемого элемента права каждого на справедливое судебное разбирательство и обязательного требования к судье при отправлении правосудия.

Помимо ссылки, содержащейся международных актах, закрепляющих основные права, ценность беспристрастности напоминается в Кодексе судейской этики от 19 декабря 2012 года (далее – Кодекс этики) в следующих положениях:

в преамбуле, где говориться, что «судебная защита прав и свобод человека может быть обеспечена только компетентным и независимым правосудием, осуществляемым на началах справедливости и беспристрастности»,

в ст. 5, которая гласит, что «на протяжении всего срока пребывания в должности судья не должен осуществлять никакой деятельности, которая могла бы поставить под сомнение его независимость и беспристрастность и привести к конфликту интересов»;

в ст. 8, которая предусматривает, что «судья при рассмотрении дела обязан придерживаться независимой и беспристрастной позиции в отношении всех участников процесса»;

в ст. 9, раскрывающей содержание принципов объективности и беспристрастности, согласно положениям которой беспристрастность судьи означает его свободу от каких-либо предпочтений, предубеждений и предвзятости как в ходе судебного разбирательства, так и во внеслужебном поведении, что необходимо для поддержания доверия общества к правосудию. Судья обязан отказаться от рассмотрения дела при наличии законных оснований для отвода, конфликта интересов или иных обстоятельств, ставящих под сомнение его объективность, включая давление на него или его близких;

в ст. 14, 18, 22, предписывающих судье воздерживаться от высказываний, которые могут скомпрометировать его имидж беспристрастного служителя правосудия.

Полагаем, что Кодекс этики выполняет две функции: во-первых, предоставляет обществу знания о правилах, которым обязаны следовать судьи, тем самым обеспечивая ясность в отношении поведения, которое они должны соблюдать профессиональной и повседневной жизни, позволяя обществу требовать от судей уважения к принятым обязательствам, и во-вторых, предназначен для этического развития судьи, формирования его профессионального образа мышления, социального поведения в отношениях с учреждениями, публичной властью, гражданами и участниками судопроизводства, прессой и другими средствами массовой информации.

Положение о беспристрастном судье не был введено в Конституцию РФ ни в первоначальной редакции 1993 года, ни с учетом масштабных конституционных поправок в 2020 году. Однако текст статьи 3 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон о статусе судей) напоминает об этом прин-

ципе, предусматривая, что судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности. Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» от 17.12.1998 № 188-ФЗ не оперирует термином «беспристрастность», однако в статье 5 указано, что к мировым судьям предъявляются все те требования, которые закреплены в вышеупомянутой статье 3, где данный принцип также не конкретизирован. В отраслевых процессуальных кодексах беспристрастность судьи упоминается, но не ее содержание не раскрывается.

Ряд положений Закона о статусе судей и отраслевого законодательства направлены на обеспечение реализации принципа беспристрастности, такие как требования о несовместимости с иными видами деятельности, несменяемости, неприкосновенности и правила, касающиеся подсудности.

Следует согласиться с Т.В. Трубниковой, отмечающей, что правовое регулирование принципа беспристрастности в российском законодательстве представляется недостаточно полным и системным, поскольку оно носит фрагментарный характер и не обеспечивает единообразного понимания и применения данного принципа на всех уровнях судебной системы [2, с. 51].

В таких обстоятельствах осмысление беспристрастности судебной власти, являющейся важнейшим условием для эффективной судебной практики, представляют собой сложную научную задачу и требуют от правовой доктрины системного теоретического анализа.

Субъективная составляющая беспристрастности. А.Н. Сачков полагал, что качество отправления правосудия мировыми судьями определяется двумя взаимосвязанными факторами: профессиональным пониманием ими своей социально-государственной роли и реально действующей гарантией независимости судебной власти. «При этом ключевым элементом данной юридической конструкции … является субъективная беспристрастность мирового судьи, которая, проявляясь в его профессиональной правовой культуре, объективно реализуется в институциональном пространстве судебной власти» [3, с. 9].

По мнению А.В. Руденко и Е.Ю. Пятница, субъективная беспристрастность «есть личная беспристрастность, а признаками ее нарушения будет наличие личных пристрастий в отношении сторон. Особое отношение будет проявляться в суждениях судьи, в его поведении» [4, с. 173].

Е.Е. Коновалова и Д.П. Чекулаев рассматривают субъективную беспристрастность как «характеристику психологического отношения лица к тому или иному явлению, его субъективную способность объективно оценивать события и факты» [5, с. 111].

Рассматривая субъективную беспристрастность через призму «соотношения разума и эмоций», В.П. Иванский выделяет четыре подхода к ее пониманию: а) формально-рационалистический; б) иррационалистический; в) когнитивистский; г) этико-правовой [6, с. 30].

Итак, субъективная беспристрастность отражает внутреннее состояние судьи, тесно связана с убеждениями и ценностными ориентирами, интеллектуальной, волевой и эмоциональной сферами, а потому сложна для формальной оценки. Может ли политическое или религиозное убеждение судьи, его жизненная философия, его общее мировоззрение, позиция по социальным и правовым вопросам поставить под угрозу его беспристрастность? Об этом уже много говорилось и писалось, поэтому ограничимся несколькими краткими замечаниями.

Отождествление беспристрастности с безэмоциональной формальной рациональностью (формально-рационалистический подход), берет начало из работ Ч. Беккариа, полагавшего, что противостояние между законом и судьей строится на основе непреодолимой пропасти между объективным голосом разума, выражением которого был бы закон, и проявлениями вредного субъективизма, зависящего от совершенно непредсказуемых и произвольных факторов (эмоции, пороки логики, физическое состояние и т.п.). Идеальный судья, по мнению Беккариа, должен был быть автором «совершенного силлогизма», то есть выражать такой тип рассуждения, который, имея две посылки, допускал только одно логически обязательное решение. Представление о том, что роль судьи состоит исключительно в применении к конкретным случаям общих и абстрактных правовых положений, толкование которых соответствует установленным герменевтическим канонам, полагаем несколько утопичным.

Позитивное право далеко не всегда успевает за социальными и технологическими изменениями, что вынуждают судей решать вопросы, которые не в полной мере урегулированы законом. В этой ситуации работа по толкованию и применению норм права все больше требует от судей принятия решений, основанных на ценностях. Более того, судьи нередко оказываются в ситуации «столкновения» конституционных ценностей, регулирующих различные сферы общественных отношений, в рамках одного конкретного правоотношения, что предполагает оценку того, допустимо ли и в какой степени жертвовать одним принципом (ценностью) в пользу другого. Нельзя

отрицать, что при осуществлении этой оценки существенную роль играет набор убеждений, тот образ мышления и понимания жизни, та шкала социальных и моральных ценностей, которой обладает каждый мыслящий и чувствующий человек, а, следовательно, и судья.

Судья не может рассматриваться лишь как технический исполнитель, применяющий формально-логические конструкции, он выполняет значимую социальную роль, а его собственные ценностные установки, эмоции и культурные ориентиры неизбежно оказывают влияние на отправление правосудия. Здесь весьма значим этико-правовой аспект, о котором писал Л.И. Петражицкий. Судья должен быть открыт к аргументам сторон, учитывать специфику каждого дела, при необходимости быть готовым изменить первоначальные убеждения и осознавать значимость права как важнейшего инструмента для регулирования общественной жизни. Беспристрастность также подразумевает осознание вероятностного характера фактической истины, вытекающей из материалов дела.

Беспристрастность не может означать отстраненность или безразличие к политическим событиям и социальным проблемам, затрагивающим страну. Полагаем, что судья, невнимательный к политическим и культурным дебатам и равнодушный к вопросам социальной справедливости, не способен качественно и эффективно выполнять свою роль отправителя правосудия.

В контексте рассмотрения субъективной беспристрастности, необходимо затронуть вопрос, касающийся внесудебного поведения судей. Здесь необходимо найти баланс между двумя противоположными интересами: с одной стороны, правом на полноценное участие в общественной и политической жизни общества, а, следовательно, на объединение и выражение мнения, которым пользуется каждый гражданин; с другой стороны, необходимость предотвратить ситуации, когда определенные связи, поведение или заявления ставят под сомнение (независимо от их обоснованности) способность судьи оставаться беспристрастным при исполнении своих обязанностей. Закон о статусе судей запрещает судьям как членство в политических партиях, так и систематическое и непрерывное участие в их деятельности. Вместе с тем, данный запрет охватывает лишь часть политической активности, его пределами остаётся широкое поле общественной активности, что требует от судьи постоянного самоконтроля и взвешенного подхода к любым формам публичного самовыражения, способным быть истолкованными как проявление политической или идеологической пристрастности.

Беспристрастность и независимость. В.П. Иванский выделяет три основных позиции соотношение независимости и беспристрастности: как взаимосвязанных, но разнородных категорий (право и обязанность), как цели (беспристрастность) и средства (независимость) её достижения, а также как идентичных понятий. В науке доминирует, по мнению В.П. Иванского, трактовка, разграничивающая эти понятия по их природе: беспристрастность – личностно-психологическая характеристика судьи, независимость – внешнее организационное условие судоустройства [6, с. 27].

Л.В. Туманова полагает, что «и независимость, и беспристрастность зависят от личных качеств судьи, а правовыми средствами можно только создавать гарантии защиты от возможного вмешательства в деятельность судьи и исключать ситуации, когда участники процесса будут иметь основания сомневаться в его беспристрастности» [7]. Суждение Л.В. Тумановой справедливо подчёркивает решающую роль личности судьи как субъекта правоприменения, но оно не учитывает сложного взаимодействия между институциональными гарантиями и личностными характеристиками.

Беспристрастность тесно связана с независимостью. Первая касается осуществления судебных полномочий, вторая — статуса судьи. Между ними существует связь, поскольку правовая система гарантирует независимость судьи, чтобы он могли наилучшим образом проявлять беспристрастность. Беспристрастность — это ценность, а независимость — её институциональная гарантия.

Беспристрастность судьи может рассматриваться как обратная сторона независимости в том смысле, что:

беспристрастность можно определить как отсутствие у судьи личной заинтересованности в деле (а при наличии более или менее прямых связей со сторонами дела или с предметом спора российская правовая система предусматривает средства правовой защиты в виде отвода);

беспристрастность означает необходимость для судьи изучить факты дела и истолковать регулирующие их правовые нормы, не принимая чью-либо сторону в споре и не подвергаясь внешнему влиянию.

Одна из главных гарантий независимости судебной власти – гарантия несменяемости судей (пусть и несколько ограничено действующий в отношении мировых судей) – должна уравновешиваться доверием к ним общества. Судьи должны действовать заслуживающим доверия образом, то есть общество в целом и конкретные участники судопроизводства должны быть уверены в отсутствии доказательств, ставящих под сомне-

ние правильность и беспристрастность решений судьи, даже нежелательных, однако основанных на фактах и установленных законом положениях. Всякий раз, когда возникают подозрения в отклонениях от логико-правового подхода, свободного от предвзятости или конфликта интересов, эти доверительные отношения нарушаются, и у граждан возникают сомнения в эффективности и справедливости судебной системы.

Беспристрастность судьи презюмируется в силу независимости судебной власти, обеспечивающей такие внешние условия, при которых судья объективно способен выносить решения, руководствуясь исключительно правом и внутренним убеждением. Эта презумпция носит опровержимый характер и может быть поколеблена только конкретными доказательствами, свидетельствующими о личной заинтересованности или предвзятости судьи в рассматриваемом деле. Этот вывод подтверждается Заключением Совета судей РФ по этике от 15 января 2021 г. № 3-КЭ «О соблюдении требований профессиональной этики мировым судьей, рассматривающим гражданское дело с участием организации, в которой работает супруг судьи, в том числе, при рассмотрении дела в отсутствие надлежаще извещенных сторон, а также при рассмотрении заявления о вынесении судебного приказа» (утв. постановлением Президиума Совета судей РФ от 4 февраля 2021 г. № 868), в котором упоминается презумпция беспристрастности судьи и указывается, что оценка обстоятельств, способных поставить её под сомнение, относится к усмотрению самого судьи, а решение вопроса о самоотводе осуществляется на основе процессуального института отводов с возможностью последующего судебного контроля.

В том же Заключении сформулирован еще ряд имеющих принципиальное значение для оценки беспристрастности судьи выводов: (1) сам по себе факт наличия гипотетической возможности «небеспристрастности» (например, в силу работы родственника судьи в организации-участнике процесса), не является безусловным основанием для вывода о наличии конфликта интересов или личной заинтересованности судьи; (2) судья не обязан заявлять самоотвод, если по внутреннему убеждению считает себя беспристрастным, однако он должен информировать участников процесса о таких обстоятельствах, если они могут дать повод сомневаться в его

Независимость и беспристрастность не являются полностью совпадающими понятиями: первое представляет собой необходимое (хотя и не всегда достаточное) условие для гарантирования второго. Однако отсутствие личного интереса со стороны судьи в конкретном исходе спора или каких-либо отношений зависимости от одной из участвующих сторон может не исчерпывать весь спектр ситуаций, в которых вступает в силу обязанность беспристрастности.

Мотивировка решения как гарантия беспристрастности. Обязанность быть беспристрастным тесно связана с обязанностью обосновывать любые судебные решения. КС ФР в Определении № 2124-О от 18.07.2019, указал, что «гарантией соблюдения принципа беспристрастности судьи, рассматривающего дело единолично, при разрешении вопроса о заявленном ему отводе является вынесение мотивированного определения, подтверждающего (выделено нами) отсутствие обстоятельств, которые позволили бы усомниться в его беспристрастности при рассмотрении дела». Именно полнота аргументации при принятии решений выступает внешним выражением внутреннего убеждения судьи и позволяет сторонам, вышестоящим инстанциям и обществу проверить, не повлияли ли на выводы судьи личные предпочтения, предубеждения или иные посторонние факторы. Однако для мировых судей эта гарантия существенно ослаблена: ч. 3 ст. 199 ГПК РФ позволяет им не составлять мотивировочную часть решения, если стороны не заявили соответствующего ходатайства. Это исключение, введённое в целях процессуальной экономии, порождает коллизию: с одной стороны, беспристрастность мирового судьи презюмируется, а с другой – бремя подтверждения беспристрастности судьи фактически перекладывается на стороны, что в условиях правовой пассивности граждан или их низкой информированности лишает общество и суд вышестоящей инстанции надёжных критериев для оценки соблюдения принципа беспристрастности.

Если приведенные в судебном решении рассуждения дают обществу адекватный ответ и представляются в своей основе верными, есть ли смысл в концепции т.н. «субъективной беспристрастности», рассматривающий вопросы публичного поведения, нравственных, идеологических или религиозных убеждениях и политических взглядах судьи? Если исходить из того, что критерием беспристрастности судьи служит исключительно объективная правильность судебного решения, то это неизбежно влечет безразличие к публичному поведению судьи, у которого не было бы никакой обязанности контролировать собственное поведение и публичные заявления. Независимость, подчинение закону, требование беспристрастности обязывают судью при осуществлении своей деятельности соотносить решение с нормативной системой, независимо от его убеждений по данному вопросу и независимо от способов их выражения в его общественной и

частной жизни. Поэтому речь идёт не столько о том, что судья в своей общественной жизни должен воздерживаться от выражения каких-либо мнений, сколько о том, что при оценке конкретного дела он учитывает собственные взгляды и опыт, но сравнивает их с правовой системой, объективируя результат толкования в мотивировке решения, которая может быть обжалована сторонами, проверена вышестоящим судом.

Однако подобная логика представляется нам ошибочной. Она разрывает связь между справедливостью судебного разбирательства и общественным восприятием судьи как нейтрального арбитра. Правильное решение, вынесенное судьёй, который ранее публично высказывался в духе, ставящем под сомнение его объективность, не способно сформировать доверие ни к этому решению, ни к судебной системе в целом. Отказ от субъективной беспристрастности означал бы переход к сугубо инструментальному пониманию правосудия, культивированию канонов правового формализма.

Беспристрастность суда в условиях цифровой трансформации. Вопрос о том, смогут ли новые реалии искусственного интеллекта (ИИ) обеспечить достижение абсолютной беспристрастности суда, весьма актуален. Юристами обсуждается возможность того, что уже сейчас традиционные юридические информационные технологии могут эволюционировать от механико-функциональной стадии к эволюционно-творческой, доверив принятие решений по системе искусственного интеллекта: это отправная точка для того, что в идеале можно описать как «рукопашное» противостояние технологии и человечества.

Логический процесс вынесения судебного решения включает множество переменных: необходимо провести точное и достоверное восстановление фактов; определить применимую нормативно-правовую базу; выбрать вариант толкования, наиболее соответствующий фактам; оценить наличие каких-либо специфических элементов оценки, таких как аналогия, применимость общих принципов, которые должны быть дополнены содержанием, относящимся к фактической оценке, наличие разъяснения ВС РФ или правовых позиций КС РФ. Такое переплетение логических процессов типично для человеческого суждения, где познавательная способность наделена рациональностью и эмоциональностью.

Искусственный интеллект, функционирующий на принципах машинного обучения, не просто воспроизводит заданные алгоритмы, но и генерирует новые выводы, расширяя исходные параметры, что свидетельствует о формировании определённой автономии в принятии решений, основанной на самообучении. Остаётся открытым вопрос: использование ИИ в роли судьи приведёт к большей беспристрастности или, напротив, лишь воспроизведёт и усилит скрытые предубеждения, заложенные на этапе обучения системы? И даже если предположить, что роботизированная система правосудия, управляемая механизмами на основе ИИ, может быть более беспристрастной, есть ли уверенность, что она действительно сможет адекватно учесть все переменные и бесчисленные противоречия, пронизывающие общество и порождающие конфликты, которые судьи призваны разрешать справедливо?

Считаем, что беспристрастность человека, какой бы несовершенной она ни была, является важнейшей гарантией правосудия. Несовершенство человеческой беспристрастности признаётся и компенсируется процессуальными механизмами: институтами отвода и самоотвода, апелляционного и кассационного обжалования, независимостью судейского корпуса, публичностью судебных разбирательств. Чрезмерная вера в беспристрастность и объективность машины может привести к снижению критического отношения к её выводам и, как следствие, к ослаблению механизмов судебного контроля. Поэтому, признавая полезность ИИ как вспомогательного инструмента (для анализа данных, поиска прецедентов, прогнозирования судебных решений), следует категорически исключить передачу ему функции принятия судебного решения — эта функция неотъемлемо связана с ответственностью человека.

Заключение. Беспристрастность по отношению к участникам спора (в гражданском процессе), а также обвинению и защите (в уголовном процессе), их интересам и их противоречащим позициям, является основополагающей характеристикой системы правосудия, фундаментальной этической ценностью. Она тесно связана с отсутствием психологической обусловленности, которая могла бы побудить судью отклониться от логического процесса принятия решения, например в силу внешнего давления, или по иным причинам.

Ни один судья не может абсолютно абстрагироваться отказаться от своего внутреннего мира, системы ценностей, которые его окружают, моральных принципов, на которых он был воспитан, жизненного опыта и восприятия жизни. Эти фундаментальные критерии, которые неизбежно будут влиять на его правопонимание и судебные решения. Вместе с тем, принцип беспристрастность не требует отказа от них, а предполагает уметь избегать их влияния при совершении юрисдикционных действий.

Мотивированность судебных актов является важнейшей процессуальной гарантией беспристрастности, поскольку именно полнота аргументации позволяет сторонам, вышестоящему суду

и обществу проверить обоснованность выводов судьи. Необходимо унифицировать процессуальные нормы о мотивировке судебных актов, усилить этическую составляющую в подготовке и повышении квалификации судей, а также развивать институты общественного контроля за поведением судей вне процесса.

Роботизированная система правосудия будет подпитывать ложные иллюзии беспристрастности, поскольку судейское усмотрение, в отличие от алгоритмического расчёта, всегда включает этические измерения, не сводимые к формальной логике и присущие только человеку.

Список литературы:

[1] Стенограмма Совещания судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов 19 февраля 2026 года // URL: http://www.special.kremlin.ru/events/president/transcripts/79181.

[2] Трубникова Т. В. Начало беспристрастности суда в уголовном процессе РФ: пренебрежение незаслуженно // Уголовная юстиция. 2013. № 1(1). С. 51-55.

[3] Сачков А.Н. Российская мировая юстиция в институционально-правовом измерении: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2006. 27 с.

[4] Руденко А.В., Пятница Е.Ю. Основные аспекты формирования внутреннего убеждения судьи в результате оказываемого воздействия заинтересованных субъектов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 10. С. 172-174.

[5] Коновалова Е.Е., Чекулаев Д.П. Независимость, объективная и субъективная беспристрастность судей в контексте изменения подсудности уголовного дела // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 110-114.

[6] Иванский В. П. Понятие беспристрастности судьи при осуществлении правосудия: основные концептуальные подходы // Право и управление. XXI век. 2021. Т. 17, № 1(58). С. 26-34.

[7] Туманова Л. В. Беспристрастность судьи: реальность и иллюзии // Судья. 2022. № 12(144). С. 23-27.

References:

[1] Transcript of the Meeting of Judges of Courts of General Jurisdiction, Arbitration and Military Courts on February 19, 2026 // URL: http://www.special.kremlin.ru/events/president/transcripts/79181.

[2] Trubnikova T.V. The beginning of the impartiality of the court in the criminal process of the Russian Federation: neglect undeservedly // Criminal justice. 2013. № 1(1). S. 51-55.

[3] Sachkov A.N. Russian world justice in the institutional and legal dimension: author. dis.... cand. jur. Sciences: 23.00.02. Rostov-on-Don, 2006. 27 pp.

[4] Rudenko A.V., Pyatnitsa E.Yu. The main aspects of the formation of the judge's internal conviction as a result of the impact of the stakeholders // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 10. S. 172-174.

[5] Konovalova E.E., Chekulaev D.P. Independence, objective and subjective impartiality of judges in the context of changes in the jurisdiction of a criminal case // Bulletin of Economic Security. 2024. № 1. S. 110-114.

[6] Ivansky V.P. The concept of impartiality of a judge in the administration of justice: basic conceptual approaches // Law and management. XXI century. 2021. T. 17, NO. 1 (58). S. 26-34.

[7] Tumanova L.V. Impartiality of the judge: reality and illusions // Judge. 2022. № 12(144). S. 23-27.

- МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-168-177
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ЗОЛОТИЛОВА Юлия Владимировна,
магистр права РШЧП, к.ю.н., доцент, доцент кафедры банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: yvzolotilova@msal.ru

О БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ АРГЕНТИНЫ

Аннотация. *Актуальность. На современном этапе Российская Федерация активно стремится укрепить экономические позиции в Южной Америке и расширить присутствие в МЕРКОСУР, ключевыми лидерами которого выступают Бразилия и Аргентина. Исследование банковской системы Аргентины обладает высокой релевантностью для отечественной науки, поскольку обе страны обладают схожими правовыми конструкциями, обусловленными романо-германскими корнями и федеративным устройством. Понимание латиноамериканского опыта правового регулирования и преодоления масштабных финансовых кризисов позволяет извлечь важные уроки для совершенствования российского финансового законодательства.*

Цель исследования заключается в комплексном анализе исторического развития, конституционно-правовых основ, организационной структуры и специфики функционирования банковской системы Аргентины, а также в определении роли Центрального банка страны (BCRA) в периоды экономических реформ и кризисов.

Методы. В основу работы положены методы сравнительного правоведения, историко-правового и системно-структурного анализа. Автором сопоставляются нормы Конституций и банковского законодательства Аргентины и Российской Федерации, а также изучается эволюция полномочий финансового регулятора в контексте макроэкономических изменений.

Результаты. В статье подробно раскрыты правовые основы банковского сектора Аргентины, базирующиеся на Конституции 1853 года и Законе о финансовых учреждениях № 21.526. Рассмотрена историческая эволюция системы: от колониального периода и доминирования британского капитала к национализации Центрального банка в 1946 году и либеральным реформам 1990-х годов. Особое внимание уделено специфике статуса BCRA, которому, в отличие от Банка России, напрямую запрещено кредитовать правительственные органы и финансировать бюджетный дефицит. Проанализированы последствия отмены Закона о конвертируемости в 2002 году и последующая смена юридической позиции Верховного суда Аргентины от защиты частной собственности граждан (дело «Banco de Galicia») к спасению государственной казны в условиях чрезвычайной ситуации (дело «Bustos»).

Научная новизна и практическая значимость. Научная новизна исследования заключается в систематизации специфических ограничений и операций Центрального банка Аргентины, а также в анализе прецедентной практики Верховного суда страны по преодолению кризисных явлений в банковской сфере. Практическая значимость работы определяется возможностью использования аргентинского опыта взаимодействия государства и рынка для оптимизации механизмов поддержки внешнеэкономической деятельности РФ, защиты прав потребителей финансовых услуг и формирования гибкой национальной валютно-денежной политики.

Ключевые слова: *банковская система, Аргентина, Центральный банк Аргентины (BCRA), сравнительное правоведение, финансовый кризис, Закон о финансовых учреждениях, песификация, денежно-кредитная политика.*

Для цитирования: *Золотилова Ю. В. О банковской системе Аргентины // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 168–177.*

ZOLOTILOVA Yulia Vladimirovna,
Master of Law RSHChP, Ph.D., Associate Professor, Department of Banking Law, O.E. Kutafina University (MSLA)

THE BANKING SYSTEM OF ARGENTINA

Annotation. *Relevance. At the present stage, the Russian Federation is actively seeking to strengthen its economic position in South America and expand its presence in MERCOSUR, whose key leaders are Brazil and Argentina. The study of the Argentine banking system has a high relevance for domestic science, since both countries have similar legal structures due to Romano-Germanic roots and federal structure. Understanding the Latin American experience of legal regulation and overcoming large-scale financial crises allows us to draw important lessons for improving Russian financial legislation.*

The purpose of the study is to comprehensively analyze the historical development, constitutional and legal foundations, organizational structure and specifics of the functioning of the Argentine banking system, as well as to determine the role of the country's Central Bank (BCRA) during periods of economic reforms and crises.

Methods. The work is based on the methods of comparative jurisprudence, historical-legal and system-structural analysis. The author compares the norms of the Constitutions and banking legislation of Argentina and the Russian Federation, and examines the evolution of the powers of the financial regulator in the context of macroeconomic changes.

Results. The article describes in detail the legal foundations of the Argentine banking sector, based on the Constitution of 1853 and the Financial Institutions Act No. 21.526. It examines the historical evolution of the system: from the colonial period and the dominance of British capital to the nationalization of the Central Bank in 1946 and the liberal reforms of the 1990s. Special attention is paid to the specifics of the BCRA's status, which, unlike the Bank of Russia, is directly prohibited from lending to government agencies and financing budget deficits. The article analyzes the consequences of the repeal of the Convertibility Law in 2002 and the subsequent change in the legal position of the Supreme Court of Argentina from protecting private property of citizens (the Banco de Galicia case) to saving the state treasury in an emergency (the Bustos case).

Scientific novelty and practical significance. The scientific novelty of the study lies in the systematization of the specific restrictions and operations of the Central Bank of Argentina, as well as in the analysis of the case law of the Supreme Court of the country on overcoming crisis phenomena in the banking sector. The practical significance of the work is determined by the possibility of using the Argentine experience of interaction between the state and the market to optimize mechanisms to support the foreign economic activity of the Russian Federation, protect the rights of consumers of financial services and the formation of a flexible national monetary policy.

Key words: *banking system, Argentina, Central Bank of Argentina (BCRA), comparative law, financial crisis, Law on Financial Institutions, verification, monetary policy.*

For citation: *Zolotilova Yu. V. The banking system of Argentina. Russian scientific bulletin. 2026;(11):168–177. (In Russ.).*

Аргентина – страна, которая постоянно находится в центре международного внимания [15]. Россия активно взаимодействует с лидерами Южноамериканского общего рынка (МЕРКОСУР (Mercosur, или Mercosul (исп. Mercado Común del Sur, порт. Mercado Comum do Sul, гуар. Ñemby Ñemuha, англ. Southern Common Market) — общий рынок стран Южной Америки, экономическое и политическое соглашение между Аргентиной, Бразилией, Уругваем, Парагваем (членство было приостановлено, основываясь на договоре от 29 июня 2012 до апреля 2013 года), Боливией (стала полноправным членом 8 июля 2024 года) и Венесуэлой (членство принято в июле 2012 и приостановлено 5 августа 2017). Основан в 1991 году на Асунсьонском договоре, изменённом и обновлённом в 1994 году договором в Ору-Прету, который, в свою очередь, определил структуру МЕРКОСУР)), в первую очередь, с Бразилией и Аргентиной. Эти страны оказывают существенное влияние на развитие экономической интеграции в Латинской Америке и в Западном полушарии в целом [6].

Российская Федерация стремится укрепить свои экономические позиции в странах Южной Америки, чтобы сделать российскую экономику более конкурентоспособной на мировом рынке и расширить возможности для экспорта.

В рамках МЕРКОСУР это предполагает не только увеличение объемов поставок, включая высокотехнологичную продукцию, но и активное участие российских компаний в региональных проектах.

Наиболее перспективными направлениями для сотрудничества являются энергетика, машиностроение, развитие портовой и аэропортовой инфраструктуры, ирригационные проекты, а также сферу высоких технологий. Для успешной реализации этих планов необходимо создать благоприятные условия для сотрудничества на государственном уровне и разработать эффективные механизмы поддержки внешнеэкономической де-

ятельности с этим регионом [7]. Кроме того, российские цивилисты полагают, что при разработке концепции развития отечественного законодательства аргентинский опыт более релевантен, чем германский, вследствие схожести менталитетов, тем более, Аргентина является страной с «хорошей научной традицией» [17].

Сравнительное исследование права Аргентины и Российской Федерации позволяет выявить довольно большое количество схожих правовых конструкций. Так, банковское право Аргентины базируется на романо-германской правовой системе с федеративным устройством [5].

Главным источником права в Аргентине является законодательство. Конституция 1853 [18] года сыграла ключевую роль в установлении конституционной формы правления, закрепив отказ от авторитарных методов управления и покончив с политической нестабильностью и многочисленными государственными переворотами, распространенными в латиноамериканских республиках в XIX столетии: ст. 1 предусматривает, что Аргентинское государство принимает федеративную республиканскую представительную форму правления [9].

На развитие конституционного права Аргентины оказали заметное воздействие якобинские идеи (Якобинские идеи — это радикально-демократическое и республиканское мировоззрение, сформировавшееся в период Великой французской революции (XVIII век). В их основе лежали труды просветителей, особенно, Жана-Жака Руссо), нашедшие отражение в Конституции Франции 1793 года и Кадисской Конституции Испании 1812 года [8]. Большое влияние сыграла также Конституция 1787г. и другие нормативные акты конституционного права. На государственное право в Аргентине большое влияние оказал американского опыт конституционного строительства.

Несмотря на различия в форме, содержании, времени и порядке принятия, Конституция Аргентины 1853 года и Конституция Мексики 1917 года являются одними из старейших действующих конституционных документов в Латинской Америке. Аргентинский Основной закон, принятый в середине XIX века на фоне раздробленности государства и буржуазных реформ, закрепил политическое объединение страны и национальное единство: ст. 8 предусматривает, что граждане каждой провинции пользуются всеми правами, привилегиями и иммунитетами, установленными для граждан других провинций [10]; в силу статьи 16 Аргентинская Республика не предоставляет преимуществ по крови или по рождению. В ней не существует личных привилегий или дворянских титулов. Все жители равны перед законом и принимаются на работу лишь при условии их пригодности. Равенство есть основа налогообложения и государственных повинностей.

Федеральная Конституция занимает высшее положение среди всех нормативных правовых актов. Согласно статье 31, Конституция, законы, принятые Конгрессом в соответствии с ней, и международные договоры имеют наивысшую юридическую силу в стране, аналогично ст. 15 Конституции России. Суды Республики на всех уровнях отвечают за соблюдение этого верховенства.

В соответствии с п. 12 ст. 75 Конституции Аргентины к полномочиям Федерального Конгресса относится принятие гражданского, торгового и уголовного кодекса. Законы, принимаемые на уровне провинций, должны соответствовать федеральному законодательству. Статья 32 Конституции Аргентины также содержит значимые для банковского права пункты, согласно которым Конгресс вправе заключать займы (кредиты) под залог государственным доходов (п. 4), имеет полномочия создавать и упразднять банки, включая Федеральный банк с правом эмиссии денег (п. 6), вправе чеканить монеты, устанавливать ее стоимость и определять систему мер и весов (п. 11), защищать ценность национальной валюты и способствовать экономическому росту (п. 19), а также придает международным договорам по правам человека статус, равный Конституции, что особенно важно для защиты прав потребителей финансовых услуг (п. 22).

Основным законом, определяющим правовое положение кредитных организаций в Аргентине, является Закон о финансовых учреждениях № 21.526 (Ley de Entidades Financieras) 1977 года [19], которым регламентированы:

полномочия Центрального банка Аргентины (BCRA), в том числе, проведение монетарной политики, выпуск денег и надзор за финансовым сектором;

обязательные требования для банков, включая минимальный уставный капитал и нормативы ликвидности;

правила корпоративного управления для финансовых организаций.

Помимо этого, Законом № 20539 от 23 сентября 1992 года (текст заменен Законом № 24144) [20] утвержден Устав Центрального банка Аргентинской Республики, которым установлены функции и полномочия регулятора (BCRA). Устав BCRA детализирует организационную структуру и задачи Центрального банка, включая его операционную деятельность, минимальный размер денежного капитала и прочие важные положения.

До начала XIX века Аргентина функционировала как испанская колония. Её экономика была, преимущественно, аграрной, промышлен-

ное производство находилось на низком уровне, и, ввиду отсутствия самостоятельности, потребность в собственной развитой банковской системе не ощущалась. С обретением независимости в 1810 году возникла естественная необходимость в создании национальной валюты и финансовой системы, присущей любому суверенному государству. Однако экономическое развитие страны до 1880-х годов шло крайне медленно, что отразилось и на банковской сфере, которая оставалась слаборазвитой. Этот дефицит восполнялся за счет активного участия иностранного капитала, особенно британского, в финансовом секторе. Несмотря на это, начали появляться и собственные финансовые институты, одним из которых стал государственный банк Banco Provincia, основанный в 1822 году.

Конец XIX века стал для Аргентины периодом впечатляющего экономического подъема. Страна превратилась в одного из ключевых мировых поставщиков сельскохозяйственной продукции, что привело к значительному росту ее благосостояния и опережению многих европейских государств по уровню жизни. Этот процветающий климат привлек множество иммигрантов из Европы, которые привезли с собой не только финансовые средства, но и опыт в сфере банковского дела. Появление платежеспособного спроса стало стимулом для развития собственной аргентинской банковской системы.

В 1881 году был основан Банк Аргентинской Нации (Banco de la Nación Argentina). Это государственное учреждение выполняло функции центрального банка до 1935 года, занималось эмиссией национальной валюты и одновременно являлось крупнейшим банком страны. В 1886 году в Буэнос-Айресе начал свою деятельность старейший частный коммерческий банк Аргентины, который сегодня известен как BBVA Banco Frances (ранее Banco Francés del Río de la Plata). В 1905 году к ним присоединился еще один важный банк – Banco de Galicia.

Развитие аргентинской экономики и, в особенности, международной торговли стимулировало рост банковской системы. Иностранные банки активно присутствовали на рынке, что подтверждается открытием в 1914 году подразделения голландского ABN AMRO под названием ABN AMRO Bank Argentina. В периоды экономического благополучия аргентинские банки перенимали западные модели, не имея существенных отличий от иностранных банковских структур и ориентируясь, преимущественно, на внутренний рынок.

В 1990-е годы Аргентина кардинально изменила свою экономическую политику, перейдя к либеральным реформам. Страна распахнула свои двери для иностранных инвестиций, ослабила государственное регулирование бизнеса. Это привело к первоначальному экономическому росту, но, одновременно, заложило основу для серьезного кризиса. Экономика столкнулась с гиперинфляцией, массовой безработицей, социальными волнениями и крахом банковской системы. Если в 1994 году в стране функционировало более двухсот банков, то к началу 2000-х их осталось чуть больше девяноста.

Внимание к аргентинской банковской системе резко возросло в конце 1990-х – начале 2000-х годов, когда разразился кризис [13]. Особое беспокойство вызывала проблема возврата вкладов гражданам [14].

Стабилизация наступила лишь в 2006 году, хотя многие эксперты, как местные, так и зарубежные, сомневались в долгосрочной устойчивости банковской системы Аргентины. В 2014 году произошел новый, хотя и менее масштабный, экономический кризис [2]. В 2018 году Центральный банк Аргентины был вынужден поднять процентную ставку до 60%, чтобы предотвратить обесценивание национальной валюты [21].

Исторические факторы мало повлияли на состояние современной банковской системы Аргентины, несмотря на наличие в стране банков, ведущих свою деятельность с XIX века. Основной импульс для развития банковской структуры и банковского дела был дан кризисами и последующими реформами, направленными на их преодоление.

Определяющую роль в банковской системе играет Центральный банк Аргентины (Banco Central de la Republica Argentina) [22]. Он был создан 28 мая 1935 году и заменил на этом поприще Банк Аргентинской Нации (Banco de la Nación Argentina) и работавший с 1890 года Валютный совет.

В правовом статусе Центрального банка Аргентины много общего с компетенцией Банка России, например, Центральный банк Аргентины эмитирует национальную валюту и определяет правила работы банков второго уровня, куда входят все государственные и частные банки.

Однако в работе Центрального банка Аргентины есть своя специфика. Ему прямо запрещено кредитовать правительственные органы, центральные и региональные, финансировать бюджетный дефицит, нельзя выдавать кредиты частному сектору. Разрешается выкупать государственные ценные бумаги, но только по рыночным ценам, их количество во владении Центрального банка не должно увеличиваться более, чем на 10% в год.

Приход крупных международных финансовых организаций на аргентинский рынок способ-

ствовал формированию современной системы регулирования банковской деятельности. Значительный прогресс был достигнут в освоении новых технологий и финансовых инструментов, расширении спектра банковских услуг и развитии фондового рынка.

Однако, политика массового закрытия государственных банков, при недостатке средств у частных кредитных учреждений, привела к замедлению кредитования. Частный капитал не смог полностью взять на себя инвестиционные функции государства, особенно в таких сферах, как поддержка малого и среднего бизнеса, развитие инфраструктуры, доступное жилье и инновационные отрасли.

Проблема ограниченного доступа к банковским услугам, характерная для Латинской Америки, не была решена. Вместо ожидаемого улучшения, коммерциализация банковского сектора, выразившаяся в резком росте процентных ставок, создала дополнительные трудности для многих малых и средних предприятий. Глобализация банковской сферы привела к тому, что крупные международные корпорации заняли доминирующие позиции в наиболее прибыльных сегментах финансового рынка. Это способствовало формированию олигопольной структуры [23], которая, в условиях Латинской Америки, поддерживает высокие процентные ставки и ограничивает конкуренцию [4].

В настоящее время банковская система Аргентины представлена примерно 15 государственными и около 80 частными банками. Крупнейшие из них аккумулируют более половины всех банковских активов страны.

Banco Central de la República Argentina, BCRA является автономным учреждением. В статье 3 Основного устава перечислены цели его деятельности: «Банк стремится содействовать, в пределах своих полномочий и в рамках политики, установленной национальным правительством, обеспечению денежной стабильности, финансовой стабильности, занятости и экономического развития при социальной справедливости». Устав [24] нового финансового института был разработан аргентинским экономистом Раулем Пребишем [1], опиравшимся на результаты исследования финансовой системы Аргентины, проведенного в 1933 году Отто Нимейером [3], директором Банка Англии. Пребиш впоследствии занимал пост генерального директора BCRA до 1943 года.

В первые десять лет своего существования Центральный банк был частной организацией, где контрольный пакет акций принадлежал британским инвесторам. Несмотря на то, что президент Аргентины назначал президента Центрального банка, большинство директоров (11 из 12) представляли частные банки.

Согласно условиям договора Рока-Рансимена, заключенного в 1933 году [25], валютные резервы BCRA, сформированные за счет положительного торгового баланса Аргентины с Великобританией, хранились на специальном счете в Банке Англии. К 1945 году эта практика привела к замораживанию значительной суммы – около 1 миллиарда долларов США (более половины всех резервов). Это стало одной из причин, по которой Хуан Перон 24 марта 1946 года распорядился о национализации Центрального банка.

Функции и полномочия банка:

регулировать функционирование финансовой системы и применять Закон о финансовых учреждениях и устанавливать необходимые правила;

регулировать количество денег и процентные ставки;

выступать в качестве финансового агента национального государства, депозитария и агента страны перед международными валютными, банковскими и финансовыми институтами, к которым присоединилась нация, а также играть активную роль в международной интеграции и сотрудничестве;

концентрировать свои золотовалютные резервы и другие внешние активы и управлять ими.;

способствовать нормальному функционированию рынка капитала;

проводить валютную политику в целом в соответствии с законодательством, принятым Конгрессом;

регулировать платежные системы, расчетные и клиринговые палаты, переводческие организации и компании, осуществляющие операции с денежными потоками, а также все другие виды деятельности, связанные с финансовой и валютной деятельностью.;

обеспечивать защиту прав пользователей финансовых услуг и защиту конкуренции, координируя свои действия с государственными органами, компетентными в этих вопросах.

Так же, как и Банк России, Центральный банк Аргентины при осуществлении своих функций и полномочий не подчиняется приказам, указаниям или инструкциям Национальной исполнительной власти и не может брать на себя обязательства любого характера, которые предполагают их обусловливание, ограничение или делегирование без явного разрешения Конгресса.

Банк управляется советом директоров, состоящим из президента, вице-президента и восьми директоров. Все они должны быть коренными аргентинцами или гражданами Аргентины по натурализации, имеющими не менее десяти (10) лет гражданства. Они должны иметь доказан-

ную квалификацию в денежных, банковских или юридических вопросах, связанных с финансовой сферой, и обладать признанной моральной состоятельностью.

Президент, вице-президент и директора назначаются Национальной исполнительной властью с согласия Сената страны; они выполняют свои обязанности в течение шести лет с возможностью повторного назначения. Национальная исполнительная власть может назначать членов комиссии на время, необходимое для получения согласия Сената страны.

Вознаграждение президента, вице-президента и директоров определяется бюджетом Банка.

Банк уполномочен проводить следующие операции:

выпускать банкноты и монеты в соответствии с делегированием полномочий Достопочтенным Конгрессом нации.

предоставлять переоценку финансовым организациям по причинам временной неликвидности, не превышая максимальной суммы на организацию, эквивалентной ее собственному капиталу. Операции по переоценке будут включать передачу в собственность кредитных инструментов финансового учреждения в пользу Банка. Финансовое учреждение, которому оказывается помощь, по-прежнему несет обязательства в отношении выплат должникам по переоцененному портфелю.

предоставлять авансы на счетах финансовым учреждениям на случай временной неликвидности под залог государственных ценных бумаг или других ценных бумаг, а также под специальное или общее обеспечение или залог определенных активов при условии, что сумма отступных и авансов, предоставленных одному и тому же учреждению, ни при каких обстоятельствах не превышает установленный лимит.

вытекающие из международных соглашений в области платежей, а также взятие займов у многосторонних организаций или иностранных должностных лиц, центральных банков или организаций, заемщиком которых может быть только Банк, от себя или от имени Национального казначейства в качестве финансового агента Республики.

уступать, передавать или продавать кредиты, которые он приобрел у финансовых организаций, испытывающих проблемы с ликвидностью.

предоставлять авансы финансовым организациям под залог, уступку в качестве обеспечения, залога или специального обеспечения: I) кредитов или других финансовых активов, должником или гарантом которых является национальное государство, или II) долговые ценные бумаги или сертификаты участия, выпущенные финансовыми трастами, активы которых состоят из кредитов или других активов. финансисты, должником или гарантом которых является государство, для содействия предоставлению среднесрочных и долгосрочных кредитов, предназначенных для производственных инвестиций.

Центральный банк Аргентинской Республики вправе проводить следующие банковские операции:

покупать и продавать по рыночным ценам, в рамках спотовых и срочных операций государственные ценные бумаги, иностранную валюту и другие финансовые активы в целях валютного, валютного, финансового и кредитного регулирования.

передать третьим лицам активы, приобретенные им в собственность в результате выкупа, который он предоставил финансовым учреждениям, или передать их в доверительное управление другим финансовым учреждениям, в трасты, учрежденные Национальной исполнительной властью, в фонд гарантирования вкладов, или финансовый попечитель.

покупать и продавать золото и иностранную валюту. В случае, если он делает это от имени и по приказу Министерства экономики в качестве финансового агента Национального государства, возникающие убытки или прибыль должны быть зачислены или списаны национальному правительству;

получать золото и другие финансовые активы в качестве условного депонирования;

действовать в качестве корреспондента или агента других центральных банков, представлять или входить в состав любой организации международного характера, существующей или создаваемой с целью банковского, валютного или финансового сотрудничества;

получать депозиты в национальной или иностранной валюте;

устанавливать взносы финансовых организаций в фонды гарантирования депозитов и/или банковской ликвидности;

выпускать ценные бумаги или облигации, а также сертификаты участия в ценных бумагах, которыми он владеет.

Банку запрещено:

предоставлять ссуды национальному правительству, банкам, провинциям и муниципалитетам, за исключением случаев, предусмотренных статьей 20;

гарантировать или одобрить векселя и другие обязательства национального правительства, провинций, муниципалитетов и других государственных учреждений;

предоставлять ссуды физическим или юри-

дическим лицам, не уполномоченным действовать в качестве финансовых организаций.;

проводить скидки, авансы или другие кредитные операции, за исключением случаев, предусмотренных законом;

покупать и продавать недвижимость, за исключением тех операций, которые необходимы для нормального функционирования банка;

покупать акции, за исключением акций, выпущенных международными финансовыми организациями.;

принимать прямое или косвенное участие в любом коммерческом, сельскохозяйственном, промышленном или ином предприятии;

размещать свои авуары в национальной или иностранной валюте в инструментах, которые не имеют существенной непосредственной ликвидности;

выплачивать проценты по депозитным счетам, превышающие те, которые начисляются при размещении соответствующих средств, за вычетом затрат на такие операции.;

предоставлять специальные гарантии, которые прямо или косвенно, подразумевают или явно покрывают обязательства финансовых организаций, в том числе обязательства, возникшие в результате привлечения депозитов.

Банк может предоставлять временные авансы национальному правительству на сумму, эквивалентную двенадцати процентам (12%) денежной базы, образованной денежным обращением плюс депозиты до востребования финансовых организаций в Центральном банке Аргентинской Республики, на текущих счетах или на специальных счета.

Кроме того, Центральный банк Аргентины может предоставлять авансы на сумму, не превышающую десяти процентов (10%) от денежных ресурсов, полученных Национальным правительством за последние двенадцать месяцев. Такие авансы должны быть возвращены в течение двенадцати месяцев с момента их внесения. Если какой-либо из этих авансов останется невыплаченным по истечении этого срока, указанное право не может быть использовано повторно до тех пор, пока причитающиеся суммы не будут возвращены.

В порядке исключения и при условии, что ситуация или перспективы национальной или международной экономики того требуют, Банк может предоставить временные авансы на дополнительную сумму, эквивалентную, самое большее, десяти процентам (10%) денежных ресурсов, которые национальное правительство получило за последние двенадцать месяцев. Это исключительное право может осуществляться в течение максимум восемнадцати месяцев. По истечении этого срока Центральный банк Аргентинской Республики не может предоставлять Национальному правительству авансы, увеличивающие эту последнюю концепцию.

Авансы, указанные в предыдущем абзаце, должны быть возвращены в течение восемнадцати месяцев с момента их внесения. Если эти авансы не будут выплачены по истечении этого срока, это право не может быть использовано повторно до тех пор, пока суммы, причитающиеся по этой статье, не будут возвращены. Банк, непосредственно или через финансовые учреждения, отвечает за осуществление денежных переводов и банковских операций национального правительства как внутри страны, так и за рубежом, получает на хранение средства национального правительства и все автаркические пожертвования (Понятие «автаркические пожертвования» (встречается также как autarkic donations или autarkic endowments в политэкономическом контексте) не является классическим термином гражданского права. Это специфическая научная метафора и политэкономический конструкт, который описывает финансовую модель, направленную на достижение полной экономической независимости, самодостаточности (автаркии) и изоляции определенного института от внешних рынков или политического давления) и производит платежи от их имени. те же, с учетом положений предыдущей статьи.

Банк не выплачивает никаких процентов на суммы, депонированные на счете национального правительства, за исключением вкладов, которые он вносит от его имени и по его поручению в национальные или международные финансовые учреждения, и не получает вознаграждения за платежи, которые он производит самостоятельно, но может взимать с них расходы, которые он, в свою очередь, уплатил национальным финансовым учреждениям. финансовые учреждения.

Банк может распорядиться о передаче депозитов национального правительства и автаркических организаций финансовым учреждениям.

Он может также поручать банкам осуществлять банковские операции любого рода национального правительства, а также разделы или предприятия национального государства.

В качестве финансового агента национального государства банк может заменять вексельными ценными бумагами ценные бумаги, выпуск которых ему поручен, путем выдачи сертификатов. Банк может размещать ценные бумаги путем прямой продажи на рынке или через финансовые консорциумы. Он может поощрять и контролировать их деятельность.

В годы действия Закона о конвертируемости Кавалло [16], который установил фиксированный

обменный курс 1:1 между аргентинским песо и долларом США 1 апреля 1991 года, BCRA, в основном, отвечал за поддержание валютных резервов в соответствии с денежной базой. Однако эта политика лишила Центральный банк гибкости в отношении обменного курса и привела к рекордному экономическому кризису десять лет спустя. Отмена Закона о конвертируемости в январе 2002 года сопровождалась 70-процентной девальвацией и обесцениванием песо почти до 4 песо за доллар, а роль Центрального банка впоследствии заключалась в накоплении резервов для частичного контроля над обменным курсом.

При этом девальвация мгновенно обесценила сбережения граждан, заблокированные в банках из-за режима «кораллито» («Кораллито» (исп. Corralito — букв. «детский манеж» или «загончик») — это неофициальное название жестких мер по ограничению снятия наличных денег со счетов в банках, которые были введены правительством Аргентины в декабре 2001 года на пике глубокого экономического кризиса), спровоцировала инфляцию выше 40% по итогам года и привела к тому, что уровень бедности в стране превысил 57%.

Реакция Верховного суда Аргентины (Corte Suprema de Justicia de la Nación) на отмену Закона о конвертируемости и «песификацию» стала одной из самых драматичных глав в истории мирового права. Суд оказался перед жестким выбором между защитой конституционных прав граждан и угрозой финансовой стабильности государства. Буквально через месяц после отмены привязки к доллару, 1 февраля 2002 года, Верховный суд вынес исторический вердикт по делу «Banco de Galicia y Buenos Aires s/ solicita intervención» (известное как Fallo Smith [Fallo Smith Palabras del Derecho]): Суд единогласно признал ограничения «кораллито» и декреты о песификации неконституционными, постановив, что право собственности неприкосновенно по Конституции Аргентины, государство не имеет права под предлогом «экономической чрезвычайной ситуации» блокировать доступ граждан к их личным деньгам или принудительно менять валюту вклада [26]. Это решение вызвало лавину индивидуальных судебных исков (amparos). Люди массово получали судебные приказы и штурмовали банки, требуя вернуть им именно доллары, а не обесцененные песо. В ответ президент Эдуардо Дуальде и Конгресс инициировали процедуру импичмента против судей Верховного суда, обвинив их в предвзятости и попытке дестабилизировать страну. Хотя в 2002 году импичмент провалился, пришедший к власти в 2003 году президент Нестор Киршнер полностью обновил состав суда, вынудив большинство «мятежных» судей уйти в отставку под давлением обвинений в коррупции. Новый, обновленный состав Верховного суда кардинально изменил свою юридическую позицию, выбрав спасение государственной казны вместо защиты частных сбережений. Дело «Bustos» (2004): Суд признал законность песификации. Он постановил, что в условиях глубочайшего кризиса государство имеет право принимать экстраординарные меры для спасения экономики [27].

BCRA покупает и продаёт доллары на рынке по мере необходимости, чтобы поддерживать официальный обменный курс на конкурентоспособном международном уровне для аргентинского экспорта, а также стимулировать импортозамещение.

22 марта 2012 года Сенат Аргентины одобрил реформу устава Центрального банка. Согласно новому режиму, правительство сможет выплачивать государственный долг за счёт резервов Центрального банка. Банк также сможет расширить возможности кредитования Казначейства, что фактически укрепит финансовое положение правительства. В рамках более масштабных усилий по реструктуризации долга, позволивших Аргентине избежать дефолта тремя годами ранее, в декабре 2005 года президент Нестор Киршнер объявил о выплате долга перед МВФ в рамках одного ожидаемого транша [28]. Выплата была произведена 3 января 2006 года из резервов BCRA на сумму около 9,8 млрд долларов США. Это сократило объём резервов на треть, но не привело к негативным последствиям для денежной массы, за исключением возросшей зависимости от местного рынка облигаций, который требует несколько более высоких процентных ставок.

Опыт развития Аргентины показал, что экономика крупного государства может продолжительное время существовать и испытывать мощный экономический подъем в условиях практически полной либерализации валютного рынка, торговли и режима иностранных инвестиций [11].

Финансовые кризисы, пережитые многими латиноамериканскими странами с тяжелыми экономическими и социальными последствиями, поставили на повестку дня вопрос не только об ошибках и упущениях, допущенных в ходе реформирования, но и об эффективности рыночных механизмов в решении стоящих перед латиноамериканскими странами задач [12].

Наиболее продуктивным представляется не противопоставление, а поиск механизмов и форм взаимодействия государства и рынка, что в наибольшей степени отражает особенности складывающейся в последние годы в латиноамериканском регионе ситуации.

Список литературы:

[1] Calcagno, A. How Industrialization Became

the Core of Raúl Prebisch's Thought / A. Calcagno // Journal of the History of Economic Thought. — 2023. — Vol. 45, Issue 4. — Pp. 625–646. — DOI: https://doi.org/10.1017/S1053837222000670..

[2] Daponte D. Argentina's post-2001 economy and the 2014 default / D. Daponte, D. Dapontas // The Quarterly Review of Economics and Finance. — 2016. — Vol. 60. — Pp. 70–80.

[3] Flores Zendejas J. Money Doctors and Latin American Central Banks at the Onset of the Great Depression / J. Flores Zendejas // Cambridge University Press. — Published online: 15 June 2021.

[4] Proaño-Rivera B. On net interest margins in the Latin American banking sector: a comparative analysis between dollarized vs non-dollarized regimes / B. Proaño-Rivera, J. M. Feria-Domínguez // Academia Revista Latinoamericana de Administración. — 2024. — DOI: 10.1108/ARLA-11-2024-0255..

[5] Иванов А. А. Мы должны еще пройти этап кодификации в публичном праве: [интервью с А. А. Ивановым] // Закон. — 2023. — № 12. — С. 8–14.

[6] Кривохижа В. В. Структурные сдвиги в торгово-финансовой сфере стран-членов МЕРКОСУР в условиях глобализации мирохозяйственных связей: автореф. дис. ... канд. экон. наук / В. В. Кривохижа. — Москва, 2004.

[7] Кудрявцева Е. Ю. Экономическая интеграция стран МЕРКОСУР в системе мирохозяйственных отношений: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Е. Ю. Кудрявцева. — Москва, 2010.

[8] Примашев Н. М. Становление национального государства в Аргентине: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. М. Примашев. — Москва, 2002.

[9] Рыбалов И. О. Нам нужно учение о вещном праве, а не изменения в Гражданский кодекс: [интервью с И. О. Рыбаловым] // Закон. — 2023. — № 7. — С. 8–18.

[10] Середа А. Г. История конституционализма в испаноговорящих государствах Латинской Америки: дис. ... канд. юрид. наук / А. Г. Середа. — Краснодар, 2003.

[11] Соловаров В. Ю. Экономическая политика Аргентины в условиях глобализации мировой экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук / В. Ю. Соловаров. — Москва, 2008.

[12] Холодков Н. Н. Латинская Америка: финансовая либерализация и перестройка национальных банковских систем. Итоги и проблемы / Н. Н. Холодков. — Москва: ИЛА РАН, 2009. — 536 с.

[13] Щербакова, А. В. Аргентина и кризис 2001–2002 годов / А. В. Щербакова // Россия в глобальной политике. — 2021. — Т. 19, № 1 (107).

[14] Эрнандес А. М. Неконституционность финансового и банковского «корралито» / А. М. Эрнандес // Ius et Praxis. — 2002. — Т. 8, № 2. — С. 141–175. — URL: http://dx.doi.org/10.4067/S0718-00122002000200005..

[15] Яковлева Н. Аргентинская модель посткризисного развития / Н. Яковлева // Мировая экономика и международные отношения. — 2014. — № 2. — С. 67–77.

[16] Яковлев П. П. Перед вызовами времени (циклы модернизации и кризисы в Аргентине): монография / П. П. Яковлев. — Москва: Прогресс-Традиция, 2010. — 465 с. — URL: https://znanium.ru/catalog/product/1871646 (дата обращения: 10.10.2026).

[17] Нам нужно учение о вещном праве, а не изменения в Гражданский кодекс [Интервью с И.О. Рыбаловым] // Закон. 2023. N 7. С. 8 - 18., Мы должны еще пройти этап кодификации в публичном праве [Интервью с А.А. Ивановым] // Закон. 2023. N 12. С. 8 - 14.

[18] Действующая Конституция Аргентины была принята 1 мая 1853 года Конституционной ассамблеей в городе Санта-Фе. Она вступила в силу 25 мая того же года. https://www.congreso.gob.ar/constitucionParte1Cap1_ingles.php.

[19] Сайт: https://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/15000-19999/16071/norma.htm#:~:text=ARTICULO%2026.%20%E2%80%94&text=e)%20Cumplir%20mandatos%20y%20comisiones%20conexos%20con%20sus%20operaciones..

[20] Сайт: https://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/65000-69999/66194/texact.htm.

[21] Сайт: https://rg.ru/2018/08/31/centrobank-argentiny-podnial-kliuchevuiu-stavku-do-60-procentov.html.

[22] Сайт: https://www.bcra.gob.ar/.

[23] Согласно историческим данным Всемирного банка, аккумулированным на экономическом портале FRED (Федеральный резервный банк Сент-Луиса), индекс концентрации 3-х крупнейших банков Аргентины традиционно удерживает в своих руках около 45–54% всех банковских активов страны, что обеспечивает им устойчивое олигопольное положение на рынке: https://fred.stlouisfed.org/series/DDOI01ARA156NWDB.

[24] Сайт: https://www.bcra.gob.ar/Institucional/Carta_Organica.asp.

[25] Сайт: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.94940616-6aca8e69-70328525-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Roca%E2%80%93Runciman_Treaty.

[26] Сайт: https://www.eldial.com/nuevo/nuevo_diseno/v2/fallo4.asp?id=3415&base=14.

[27] Сайт: https://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1870-057820210001

00087.

[28] Сайт: https://www.kommersant.ru/doc/972745.

References:

[1] Calcagno, A. How Industrialization Became the Core of Raúl Prebisch's Thought / A. Calcagno // Journal of the History of Economic Thought. — 2023. — Vol. 45, Issue 4. — Pp. 625–646. — DOI: https://doi.org/10.1017/S1053837222000670..

[2] Daponte D. Argentina's post-2001 economy and the 2014 default / D. Daponte, D. Dapontas // The Quarterly Review of Economics and Finance. — 2016. — Vol. 60. — Pp. 70–80.

[3] Flores Zendejas J. Money Doctors and Latin American Central Banks at the Onset of the Great Depression / J. Flores Zendejas // Cambridge University Press. — Published online: 15 June 2021.

[4] Proaño-Rivera B. On net interest margins in the Latin American banking sector: a comparative analysis between dollarized vs non-dollarized regimes / B. Proaño-Rivera, J. M. Feria-Domínguez // Academia Revista Latinoamericana de Administración. — 2024. — DOI: 10.1108/ARLA-11-2024-0255..

[5] Ivanov A. A. We must still go through the stage of codification in public law: [interview with A. A. Ivanov] // Law. — 2023. — № 12. - S. 8-14.

[6] Krivohizha V. V. Structural shifts in the trade and financial sphere of the Mercosur member countries in the context of globalization of world economic relations: author. dis.... cand. econ. Sciences / V.V. Krivokhizha. - Moscow, 2004.

[7] Kudryavtseva E. Yu. Economic integration of the Mercosur countries in the system of world economic relations: author. dis.... cand. econ. Sciences / E. Yu. Kudryavtseva. - Moscow, 2010.

[8] Primashev N. M. The formation of a national state in Argentina: author. dis.... cand. jurid. Sciences / N. M. Primashev. - Moscow, 2002.

[9] Rybalov I.O. We need the doctrine of property law, not changes to the Civil Code: [interview with I.O. Rybalov] // Law. — 2023. — № 7. - S. 8-18.

[10] Sereda A. G. The history of constitutionalism in Hispanic Latin American states: dis.... cand. jurid. Sciences / A. G. Sereda. - Krasnodar, 2003.

[11] Solovarov V. Yu. Economic policy of Argentina in the context of the globalization of the world economy: abstract. dis.... cand. econ. Sciences / V. Yu. Solovarov. - Moscow, 2008.

[12] Kholodkov N. N. Latin America: financial liberalization and restructuring of national banking systems. Results and problems / N. N. Kholodkov. - Moscow: ILA RAS, 2009. - 536 s.

[13] Shcherbakova, A.V. Argentina and the crisis of 2001-2002/A.V. Shcherbakova // Russia in global politics. — 2021. - T. 19, NO. 1 (107).

[14] Hernandez A. M. Unconstitutionality of financial and banking "corralito "/A. M. Hernandez // Ius et Praxis. — 2002. - T. 8, NO. 2. - S. 141-175. — URL: http://dx.doi.org/10.4067/S0718-00122002000200005..

[15] Yakovleva N. Argentine model of post-crisis development/N. Yakovleva // World economy and international relations. — 2014. — № 2. - S. 67-77.

[16] Yakovlev P.P. Before the challenges of time (cycles of modernization and crises in Argentina): monograph / P.P. Yakovlev. - Moscow: Progress-Tradition, 2010. - 465 p. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/1871646 (access date: 10.10.2026).

[17] We need the doctrine of property law, not changes to the Civil Code [Interview with I.O. Rybalov] // Law. 2023. N 7. pp. 8-18., We must still go through the stage of codification in public law [Interview with A.A. Ivanov] // Law. 2023. N 12. S. 8-14.

[18] The current Constitution of Argentina was adopted on May 1, 1853 by the Constitutional Assembly in the city of Santa Fe. It entered into force on May 25 of the same year. https://www.congreso.gob.ar/constitucionParte1Cap1_ingles.php.

[19] Site: https://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/15000-19999/16071/norma.htm#:~:text=ARTICULO%2026.%20%E2%80%94&text=e)%20Cumplir%20mandatos%20y%20comisiones%20conexos%20con%20sus%20operaciones..

[20] Site: https://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/65000-69999/66194/texact.htm.

[21] Site: https://rg.ru/2018/08/31/centrobank-argentiny-podnial-kliuchevuiu-stavku-do-60-procentov.html.

[22] Site: https://www.bcra.gob.ar/.

[23] According to historical World Bank data accumulated on the economic portal FRED (Federal Reserve Bank of St. Louis), the concentration index of the 3 largest banks in Argentina traditionally holds in its hands about 45-54% of all banking assets of the country, which provides them with a stable oligopoly position in the market: https://fred.stlouisfed.org/series/DDOI01ARA156NWDB.

[24] Site: https://www.bcra.gob.ar/Institucional/Carta_Organica.asp.

[25] Site: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.94940616-6aca8e69-70328525-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Roca%E2%80%93Runciman_Treaty.

[26] Site: https://www.eldial.com/nuevo/nuevo_diseno/v2/fallo4.asp?id=3415&base=14.

[27] Site: https://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1870-05782021000100087.

[28] Site: https://www.kommersant.ru/doc/972745.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.10.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-178-188
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ТРОФИМОВ Максим Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет», ORCID 0000-0001-8584-6563, e-mail: sim-pai@mail.ru,

ПРОВОДИНА Олеся Александровна,
старший преподаватель кафедры административного и финансового права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет», ORCID0000-0003-4049-1759, e-mail: 19_lelya_91@mail.ru

ТЕРЕЩЕНКО Елена Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правовой культуры и защиты прав человека Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет», ORCID 0000-0003-4422-7488, e-mail: elena-tereshhenk@yandex.ru

РЕГУЛЯТОРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЕС КАК ИНСТРУМЕНТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ: ОТ GDPR К МЕЖДУНАРОДНОЙ ЦИФРОВОЙ СТРАТЕГИИ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу регуляторных механизмов обеспечения цифрового суверенитета Европейского союза и их роли как инструмента геополитического влияния в условиях технологического противостояния с США и Китаем. Предметом исследования выступают юридические средства и регуляторные механизмы, обеспечивающие экстерриториальное распространение правовых норм ЕС. Цель работы — выявить системный характер европейских регуляторных инициатив (GDPR, DSA, DMA, AI Act, EMFA, Международная цифровая стратегия) и оценить их геополитические последствия. Методологическую основу составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы, позволившие проанализировать экстерриториальные положения регламентов и выявить их конфликт с принципом невмешательства во внутренние дела государств, закрепленным в Уставе ООН и Декларации 1970 г. Результаты исследования показывают, что ЕС последовательно реализует стратегию «нормативной власти», экспортируя правовые стандарты вместо технологического лидерства, что порождает «брюссельский эффект» и вынуждает глобальные технологические корпорации адаптировать бизнес-модели. Вместе с тем выявлена фундаментальная двойственность данной стратегии: с одной стороны, она укрепляет автономию ЕС, с другой — создает международно-правовую напряженность из-за одностороннего экстерриториального нормотворчества. Сделан вывод о назревшем конфликте между традиционным пониманием государственного суверенитета и потребностью регулирования глобального цифрового пространства, что требует переосмысления классических принципов невмешательства. Материалы статьи представляют интерес для исследователей международного права, цифрового регулирования и геополитики.*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01643 «Информационный суверенитет (суверенитет в информационной сфере): российский и зарубежный опыт правового регулирования и обеспечения», https://rscf.ru/project/25-28-01643/

Ключевые слова: *Европейский союз (ЕС), регуляторные механизмы, суверенитет, цифровой суверенитет, цифровое пространство, экстерриториальность.*

Для цитирования: *Трофимов М. С., Проводина О. А., Терещенко Е. А. Регуляторные механизмы ЕС как инструмент геополитического влияния: от GDPR к международной цифровой стратегии // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 178–188.*

TROFIMOV Maksim Sergeevich,
Candidate of Law, Associate Professor, associate Professor, Department of administrative and financial law North Caucasus Federal University (Stavropol)

PROVODINA Olesya Alexandrovna,
Assistant of the Department of Administrative and Financial Law North Caucasus Federal University (Stavropol)

TERESHCHENKO Elena Anatolyevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Legal Culture and Human Rights Protection North Caucasus Federal University (Stavropol)

EU REGULATORY MECHANISMS AS AN INSTRUMENT OF GEOPOLITICAL INFLUENCE: FROM GDPR TO THE INTERNATIONAL DIGITAL STRATEGY

Annotation. *The article provides a comprehensive analysis of the EU's regulatory mechanisms for ensuring digital sovereignty and their role as an instrument of geopolitical influence amid technological rivalry with the United States and China. The subject of the study is the legal means and regulatory mechanisms that ensure the extraterritorial application of EU legal norms. The aim is to identify the systemic nature of European regulatory initiatives (GDPR, DSA, DMA, AI Act, EMFA, International Digital Strategy) and assess their geopolitical implications. The methodological framework is based on the formal-legal and comparative-legal methods, which made it possible to analyze the extraterritorial provisions of the regulations and reveal their conflict with the principle of non-intervention in the internal affairs of states, enshrined in the UN Charter and the 1970 Declaration. The findings demonstrate that the EU consistently implements a strategy of "regulatory power," exporting legal standards rather than technological leadership, which generates the "Brussels effect" and forces global tech corporations to adapt their business models. At the same time, the study reveals a fundamental duality of this strategy: on the one hand, it strengthens the EU's autonomy; on the other, it creates international legal tension due to unilateral extraterritorial rule-making. The conclusion is drawn that a conflict has matured between the traditional understanding of state sovereignty and the need to regulate the global digital space, which requires rethinking classical principles of non-intervention. The materials are of interest to researchers in international law, digital regulation, and geopolitics.*

Key words: *European Union (EU), regulatory mechanisms, sovereignty, digital sovereignty, digital space, extraterritoriality.*

For citation: *Trofimov M. S., Provodina O. A., Tereshchenko E. A. EU regulatory mechanisms as an instrument of geopolitical influence: from GDPR to the international digital strategy. Russian scientific bulletin. 2026;(11):178–188. (In Russ.).*

The research was carried out at the expense of a grant Russian Science Foundation № 25-28-01643 «Information sovereignty (sovereignty in the information sphere): Russian and foreign experience in legal regulation and support», https://rscf.ru/en/project/25-28-01643/

Введение

Современная геополитическая обстановка характеризуется обострением технологической конкуренции между ведущими мировыми акторами, в которой цифровая среда становится ключевым полем стратегического противостояния.

Критическая зависимость ЕС от неевропейских поставщиков цифровых технологий, ставшая точками уязвимости в сферах экономической безопасности и защиты данных, инициировала

формирование новой регуляторной архитектуры, призванной обеспечить цифровой суверенитет ЕС.

За последние годы ЕС разработал и принял ряд фундаментальных правовых актов, обеспечивающих цифровой суверенитет ЕС, включая Общий регламент о защите данных (General Data Protection Regulation [4], GDPR), Закон о цифровых услугах (Digital Services Act [5], DSA), Закон о цифровых рынках (Digital Markets Act [6], DMA), Закон об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act [7], AI Act) и Европейский акт о свободе СМИ (European Media Freedom Act [8], EMFA), которые в своей совокупности сформировали комплексную стратегию регулирования цифрового пространства. В дополнение к этому, принятие в 2025 г. Международной цифровой стратегии ЕС закрепило внешнеполитическое измерение цифрового суверенитета, стремясь согласовать внутреннее регулирование с глобальным позиционированием ЕС. Указанные регуляторные механизмы не только вынуждают переформатировать деятельность глобальных технологических корпораций, но и оказывают существенное влияние на формирование мировых стандартов цифрового управления, порождая так называемый «брюссельский эффект».

Эти документы, как отмечает М. Касенова, «призваны придать динамику дальнейшему развитию транспарантной регламентации и правовой определенности функционирования единого европейского рынка и его цифрового сегмента в целом». [2, с. 35]

В условиях технологического противостояния между США и Китаем данные регуляторные инициативы позволяют ЕС избежать попадания под влияние одной из сторон и предложить третий путь цифрового развития, основанный на европейских ценностях, что прямо способствует достижению технологической автономии и формированию собственной идентичности ЕС в цифровую эпоху.

Вместе с тем, системный анализ регуляторных механизмов обеспечения цифрового суверенитета ЕС показал, что в научной литературе остается недостаточно разработанным подход к изучению их совокупности как единого механизма. Имеющиеся исследования фрагментарно рассматривают отдельные акты, не уделяя должного внимания их взаимосвязи.

Таким образом, настоящее исследование направлено на комплексный анализ регуляторных механизмов обеспечения цифрового суверенитета ЕС (GDPR, DSA, DMA, AI Act, EMFA, Международной цифровой стратегии) и их геополитического значения, что позволило выявить как сильные стороны европейского подхода, так и его внутренние противоречия, а также определить перспективы практического применения европейской модели на глобальном уровне.

Объектом исследования выступают социально-правовые взаимодействия, возникающие при формировании и реализации законодательных инициатив ЕС в области цифровой экосистемы. Предметная область исследования охватывает юридические средства и регуляторные механизмы, обеспечивающие трансграничное распространение действия правовых норм ЕС за пределы его территории, что способствует установлению и укреплению цифрового суверенитета ЕС в глобальном масштабе.

При подготовке статьи использовались общенаучные методы исследования (анализ, синтез, системный подход), а также в качестве основных применялись формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Формально-юридический метод позволил провести детальный разбор положений ключевых регламентов ЕС (GDPR, DMA, DSA, AI Act, EMFA) с акцентом на экстерриториальность их действия, выявить механизмы принуждения (штрафы), критерии отнесения компаний к «привратникам», проанализировать конкретные случаи применения норм этих регламентов, выявить юридические коллизии между экстерриториальными нормами ЕС и принципами международного права. По сути формально-юридический метод помог обосновать существующий фундаментальный конфликт, когда европейские регламенты фактически ограничивают суверенитет третьих стран, вторгаясь в их внутреннюю (национальную) компетенцию. Применение сравнительно-правового метода позволило построить сравнительную таблицу трех моделей цифрового суверенитета (ЕС, США, Китай) по критериям объекта защиты, регуляторных подходов, отношения к трансграничным потокам данных и доминированию цифровых платформ, показать эволюцию подходов ЕС от реактивного регулирования информационных отношений и цифрового суверенитета к проактивному, выявить терминологическую неопределенность в политической практике обоснования, поддержки и защиты суверенитета в информационной сфере.

Использование всех методов в совокупности позволило раскрыть двойственность стратегии ЕС, которая, с одной стороны, направлена на укрепление собственной автономии, а с другой, на создание международно-правовой напряженности из-за одностороннего экстерриториального нормотворчества.

General Data Protection Regulation

В мае 2018 г. был принят Общий регламент по защите данных General Data Protection Regulation, GDPR – нормативный акт, устанавли-

вающий достаточно жесткие правила по обработке персональных данных граждан и резидентов ЕС, по сравнению с ранее действовавшей Директивой о защите данных от 1995 г.

GDPR стал одним из ключевых инструментов в построении и укреплении цифрового суверенитета ЕС, установив формальную законодательную автономию. GDPR представляет собой глобальный стандарт, которому вынуждены следовать крупнейшие технологические гиганты, в том числе американского и азиатского сектора. Механизм контроля, созданный GDPR, обеспечивается крупными штрафами за нарушение положений регламента (в случае нарушения основных принципов регламента – до 20 млн. евро или 4% от глобального годового оборота компании; за нарушение технических требований – до 10 млн. евро или 2% от глобального годового оборота компании (в зависимости от того, что больше)), что явилось мощным рычагом давления на компании. Так, в 2019 г., за недостаточное информирование пользователей при получении согласия на обработку и использование данных, Национальная комиссия по информатике и свободам (CNIL) Франции оштрафовала Google на €50 млн [9].

В 2023 г. Ирландская комиссия по защите данных (DPC) оштрафовала компанию Meta [10] (признана экстремистской и запрещена в РФ) на €1,2 млрд за несоблюдение правил конфиденциальности ЕС в части передачи персональных данных пользователей в США. Свое решение суд ЕС обосновал тем, что данные европейских пользователей слишком легко могут оказаться в распоряжении американских спецслужб. Компании было также предписано провести передачу данных в соответствии с правилами ЕС и в течении пяти месяцев регулятор обязал компанию прекратить пересылать данные о европейских пользователях в США [11]. Отмечается, что это один из самых крупных штрафов за несоблюдение правил конфиденциальности Евросоюза в части нарушения стандартов, установленных GDPR [12].

В том же 2023 г. китайская технологическая компания ByteDance, являющаяся владельцем сервиса коротких видео TikTok, получила в ЕС штраф в размере €345 млн. за нарушение законов об обеспечении безопасности личных данных несовершеннолетних. Управление комиссара по вопросам защиты персональных данных Ирландии указало на то, что настройки личного профиля по умолчанию делали его публичным [13], что является прямым нарушением регламента GDPR.

Позднее, уже в 2025 г., за нарушения GDPR Ирландская комиссия по защите данных оштрафовала компанию ByteDance на €530 млн. ($600 млн.). Комиссия установила, что ByteDance не смогла доказать ограничение доступа сотрудников из Китая к данным пользователей из ЕС и обязала компанию за полгода привести обработку данных в соответствие с законами ЕС [14].

Подобный случай наглядно демонстрирует действенную значимость GDPR как мощного инструмента экстерриториального регулирования цифровой среды. Независимо от фактического места обработки данных европейских клиентов, в том числе вне территориальных пределов ЕС, иностранные компании подпадают под действие европейского стандарта.

GDPR утвердил собственный подход к защите персональных данных, значительно отличающийся от американской и азиатской моделей, имеющий реальную юридическую силу даже в отношении крупнейших технологических корпораций мира.

Став фундаментальной основой в построении цифрового суверенитета ЕС, GDPR существенно изменил баланс сил в глобальной цифровой экономике. Влияние этого регламента выходит далеко за рамки просто защиты данных, затрагивая фундаментальные вопросы экономического, технологического и геополитического характера, заставляя крупнейшие мировые платформы адаптировать свои бизнес-модели и технические решения под европейские стандарты.

Не смотря на наглядную значимость GDPR по укреплению цифрового суверенитета ЕС, можно выделить ряд недостатков данной регуляторной инициативы. Нормативный акт несовершенен в части экономического и административного регулирования, что в первую очередь характеризуется высокой стоимостью внедрения. Компании вынуждены тратить миллиарды евро на соблюдение GDPR, что создает непропорциональную нагрузку на малый и средний бизнес, а необходимость ведения детальной документации и проведение оценки воздействия на данные создает бюрократическую нагрузку. Также существуют проблемы в вопросах правоприменения. В частности неравномерное применение GDPR национальными регуляторами создает правовую неопределенность и для бизнеса и для граждан. Разная правовая культура и традиции стран-членов ЕС, а также отсутствие достаточной гармонизации между национальными законодательствами в области данных перед введением GDPR обуславливают структурные причины данной проблемы.

Неравномерность применения в значительной степени снижает эффективность GDPR как единого общеевропейского стандарта защиты данных, что противоречит цели создания регламента – создание предсказуемой правовой среды для цифровой экономики единого европейского рынка.

Digital Markets Act и Digital Services Act

Не менее важным нормативным вектором ЕС к определению полной автономии своего информационного пространства стало принятие Закона о цифровых рынках (Digital Services Act, DSA) и Закона о цифровых услугах (Digital Markets Act, DMA).

DSA и DMA представляют собой комплексный законодательный пакет, принятый Европейским союзом в 2022 г., направленный на регулирование цифрового пространства и укрепление цифрового суверенитета ЕС. Оба акта вступили в полную силу в 2023-2024 гг. и формируют новую парадигму европейского цифрового регулирования.

Digital Markets Act обязывает компании-«привратники» (gatekeepers) соблюдать правила честной конкуренции, открывая свои экосистемы для сторонних разработчиков.

Концептуальной основой для положений DMA стал один из прецедентных примеров, повлиявший в целом на развитие регулирования цифровых платформ - дело против Google Shopping (C 48/22 P), которое формально установило стандарты для «самопредпочтения» (self-preferencing) для всех платформ. Так, в 2017 г. ЕС наложила на Google штраф в размере 2,42 млрд евро за то, что компания злоупотребляла доминирующим положением на рынке поисковых систем, чтобы продвигать свой собственный сервис сравнения цен и понижать видимость конкурентов. По состоянию на 2017 г. этот прецедент был крупнейшим антимонопольным штрафом в истории ЕС.

На основе этого дела в DMA были включены конкретные нормы, прямо устанавливающие запрет «гейткиперам» ранжировать свои собственные продукты или услуги более благоприятно, чем аналогичные сервисы третьих сторон, а также нормы, касающиеся требований о прозрачности алгоритмов ранжирования и обязательство обеспечивать равный доступ и видимость для всех участников рынка.

Дело Google Shopping стало ключевым прецедентом, который заложил концептуальный фундамент для введения DMA - регулирования, направленного на предотвращение использования «эффекта привратника» (gatekeeper effect) крупными цифровыми платформами [3], а практика «самопредпочтения» стала рассматриваться как ключевое нарушение для всех типов платформ.

По состоянию на апрель 2026 г. в перечень «привратников» по решению Европейской комиссии в рамках DMA включены 7 компаний: Alphabet, Amazon, Apple, ByteDance, Booking Holdings, Meta и Microsoft [15]. В общей сложности в список вошли 23 основные платформенные услуги, предоставляемые этими компаниями.

Решение ЕС о включении 7 технологических гигантов и их 23 платформенных услуг в список «привратников» по DMA имеет далеко идущие последствия, выходящие за пределы европейского рынка. В долгосрочной геополитической перспективе прослеживается формирование новой глобальной парадигмы отношений между крупными платформами, пользователями и правительствами.

Digital Services Act, в отличие от DMA, который фокусируется на крупных «привратниках», охватывает все цифровые платформы, предоставляющие услуги в ЕС, независимо от их размера, что значительно расширяет регуляторное влияние ЕС на глобальном цифровом рынке. Ее масштаб «варьируется в зависимости от размера и потенциального влияния онлайн-платформы на социальную, экономическую и информационную безопасность Европейского союза». [1, с.197]

Так, в мае 2025 г. Еврокомиссия инициировала расследование в отношении четырех платформ - Pornhub, Stripchat, XNXX и XVideos - по подозрению в нарушении DSA, в частности, из-за «недостаточных мер по защите порнографического контента от доступа несовершеннолетних» [16]. В Брюсселе посчитали, что компании заранее не оценили риски и не обеспечили достаточные меры безопасности, включая эффективную проверку возраста, что делает возможным доступ детей к откровенному контенту. Расследование стало логическим продолжением обсуждений, инициированных весной 2025 г. Тогда Еврокомиссия вынесла на рассмотрение проект директив, касающихся обеспечения безопасности несовершеннолетних пользователей интернет-платформ. Документ включает рекомендации по имплементации инновационных систем верификации возраста, среди которых фигурируют биометрические методы идентификации и электронные идентификационные документы.

В своей основе DSA представляет масштабный регуляторный акт, направленный на установление более безопасной и прозрачной цифровой среды через создание безопасной онлайн-среды, защиту фундаментальных прав пользователей, прозрачность в цифровой экосистеме и обеспечение справедливой конкуренции и инноваций [17].

В совокупности с DMA, Digital Services Act образуют целостную регуляторную систему, воздействие которой выходит далеко за пределы юрисдикции Союза: данный комплекс актов задаёт новые ориентиры в сфере ответственности интернет-платформ, защиты прав потребителей и транспарентности сервисов, фактически формируя эталонные стандарты для глобального цифрового пространства.

Не смотря на прогрессивные цели, DMA и

DSA имеют ряд недостатков и спорных моментов, которые вызывают критику и дискуссии.

Одним из первых критике был подвержен DSA со стороны США. Их аргументация сводится к тому, что закон создает несправедливые барьеры для бизнеса из США под видом заботы о пользователях. Требования по удалению контента расцениваются как форма государственной цензуры, инициированной ЕС, которая нарушает принципы Первой поправки (свободы слова) в США.

Европейские законодатели выступили в защиту закона, заявив, что он не ущемляет свободу слова и призван защищать основные права европейцев, а также обеспечивать безопасность детей в интернете. При этом, акцент был сделан на том, что закон DSA действует исключительно на территории ЕС.

Однако, США обязались «принять меры, чтобы американские компании не принуждали к соблюдению европейского режима цензуры, который наносит ущерб интересам Америки, Европы и всего мира» [18].

Ситуация складывается таким образом, что установление правил ЕС в одностороннем порядке может привести к напряженности в отношениях с другими юрисдикциями, в особенности с США, а само по себе жесткое регулирование способно спровоцировать уход инновационных компаний с европейского рынка, что создаст риск технологического отставания ЕС.

Следует также учитывать, что для технологической сферы характерен высокий темп изменений и есть большая вероятность, что законодательство может устареть быстрее, чем будет полностью внедрено.

Artificial Intelligence Act

Не менее амбициозной комплексной попыткой в направлении утверждения автономного цифрового суверенитета ЕС является установление нормативного первенства в сфере искусственного интеллекта с помощью Закона об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act, далее - AI Act).

AI Act, принятый Европейским союзом в 2024 г., представляет собой первое в мире комплексное законодательство, регулирующее искусственный интеллект (AI, ИИ). Этот нормативный акт является продолжением стратегии ЕС по укреплению цифрового суверенитета, дополняя ранее принятые DSA и DMA. AI Act вводит риск-ориентированный подход к регулированию систем ИИ и устанавливает правовую основу для развития, внедрения и использования ИИ в соответствии с европейскими ценностями.

Для обеспечения цифрового суверенитета ЕС критически важным элементом выступает внедрение через AI Act независимой методологии оценки рисков. Эта система принципиально отличается тем, что разработана без опоры на нормативы других государств и не подвержена влиянию корпоративных стандартов. Создание собственной структуры анализа и классификации рисков позволяет ЕС принимать автономные решения в области регулирования искусственного интеллекта, укрепляя тем самым свою технологическую независимость и способность самостоятельно определять параметры безопасности для цифровых технологий на европейском пространстве.

Данная концепция воплощает стратегический курс ЕС, в рамках которого законодательное регулирование превращается в фундаментальный механизм достижения цифровой независимости и автономии в эпоху развития систем ИИ. Используя нормативно-правовые инструменты, ЕС стремится утвердить свою позицию и влияние в глобальном цифровом пространстве, обеспечивая соответствие технологического прогресса европейским ценностям и интересам в период стремительного распространения ИИ-технологий.

European Media Freedom Act

Закон о свободе СМИ в Европе (European Media Freedom Act, EMFA), принятый в 2023 г., представляет собой комплексный нормативный акт, направленный на защиту медийного плюрализма, независимости СМИ и информационного пространства ЕС. В качестве ключевого компонента в стратегии укрепления цифрового суверенитета ЕС, EMFA гармонично дополняет существующую нормативную базу цифрового регулирования, включающую Закон о цифровых услугах (DSA), Закон о цифровых рынках (DMA) и Закон об искусственном интеллекте (AI Act). Данный нормативный акт формирует единые для всего Европейского союза инструменты и механизмы, призванные защитить медийную экосистему от дестабилизирующих факторов как извне, так и изнутри, что способствует укреплению информационного суверенитета всего европейского сообщества.

EMFA существенно расширяет возможности Европейского союза по охране своей информационной сферы от негативного внешнего воздействия, информационных манипуляций и распространения ложных сведений - ключевых аспектов обеспечения цифрового суверенитета. Данный нормативный акт формирует юридическую платформу для обнаружения и нейтрализации попыток информационного влияния со стороны иностранных субъектов, гарантируя тем самым информационную защищенность европейских граждан.

Формально, EMFA применяется только на территории ЕС, однако его влияние выходит за географические границы ЕС. Медиакомпании и

цифровые платформы, зарегистрированные вне ЕС, но предоставляющие услуги на европейском рынке, подпадают под юрисдикцию EMFA. Принцип экстерриториальности требует от иностранных медиасубъектов полного соответствия нормам EMFA при взаимодействии с европейскими потребителями контента. Таким образом, даже если штаб-квартира компании находится в США, Азии или другом регионе, предоставление услуг на территории ЕС автоматически обязывает её следовать европейским стандартам медиа-регулирования.

Анализируя влияние EMFA на международную аудиторию, можно заключить, что Закон о свободе СМИ в Европе, подобно Общему регламенту по защите данных, создает нормативный стандарт, который глобальные компании вынуждены принимать и соблюдать во всей своей деятельности, а не только для европейского рынка. Это выводит европейские стандарты защиты медиа-плюрализма и независимости СМИ на глобальный уровень.

Вполне очевидно, что EMFA в своей перспективе направлен на формирование целостной экосистемы, способствующей консолидации европейских медиакомпаний для повышения их устойчивости. Можно смело предположить, что под геополитическим влиянием и «Брюссельским эффектом», в ближайшем будущем EMFA будет оказывать прямое действие за пределами ЕС. Нормы EMFA будут адаптированы в странах-кандидатах, ассоциированных партнерах ЕС и демократических государствах других регионов. И в таком случае, в глобальном управлении информационным пространством европейские стандарты будут играть все более значимую роль, консолидируясь на возможности трансграничного управления посредством различных механизмов прямого и косвенного воздействия.

The International Digital Strategy for the European Union

Одним из последних шагов, направленных в сторону автономии цифрового регулирование в ЕС, стало принятие в июне 2025 г. Международной цифровой стратегии для Европейского союза (The International Digital Strategy for the European Union) [19].

Стратегия сфокусирована на формировании собственной европейской цифровой экосистемы, способной снизить критическую зависимость от внешних технологических акторов, прежде всего американских и китайских компаний. Через создание стратегических партнерств и обеспечение собственной цифровой безопасности, заложенных в основу Международной цифровой стратегии, ЕС трансформирует понимание цифрового суверенитета - от чистой независимости к «открытому стратегическому суверенитету», позволяющему Европе формировать глобальную цифровую среду в соответствии со своими ценностями и интересами.

В своей основе стратегия сфокусирована на нескольких приоритетных направлениях: укреплении цифрового суверенитета через развитие собственных технологических возможностей, обеспечении кибербезопасности и устойчивости цифровой инфраструктуры, формировании благоприятной среды для инноваций и конкурентоспособности европейских технологических компаний, а также содействии глобальному цифровому сотрудничеству на основе многосторонних механизмов.

В международном измерении стратегия направлена на позиционирование ЕС в качестве глобального регуляторного лидера в цифровой сфере, развитие стратегических партнерств с единомышленниками (прежде всего с США), активное продвижение европейской модели регулирования цифрового пространства и конструктивное взаимодействие с международными организациями по вопросам управления интернетом.

Если говорить об общих перспективах, то International Digital Strategy for the European Union открывает значительные возможности в технологическом и экономическом развитии. Прежде всего, стратегия создает предпосылки для формирования собственных технологических экосистем в критически важных секторах, что позволит существенно сократить технологическую зависимость Европы от внешних акторов, прежде всего от США и Китая. Данный факт благоприятно отразится на конкурентоспособности европейского бизнеса. Снижение превосходства IT-гигантов и поддержка европейских инициатив позволит сформировать новые тенденции и инновационные разработки в цифровой среде.

В целом, International Digital Strategy for the European Union является прямым вектором в сторону цифровой автономии ЕС и усилению его роли на международной арене. Однако, не стоит забывать, что технологический ландшафт подвержен быстрым изменениям и успешность реализации данной стратегии зависит от способности адаптироваться к меняющимся реалиям.

Выводы

Регуляторные механизмы обеспечения цифрового суверенитета Европейского союза представляют собой уникальный для современной международной практики феномен, в котором экстерриториальное правовое регулирование выступает главным инструментом геополитического влияния в условиях технологического противостояния с США и Китаем.

Посредством принятия комплекса норма-

тивных актов, ЕС избрал стратегию «нормативной власти», в рамках которой основным инструментом геополитического влияния становится не технологическое лидерство, а экспорт правовых стандартов.

Стоит отдельно подчеркнуть, что принятые ЕС нормативные акты не являются разрозненными инициативами. В комплексе они образуют взаимосвязанную систему, которая формирует новые глобальные стандарты ответственности платформ, защиты пользователей, прозрачности цифровых услуг и безопасности алгоритмов.

Фундаментальной особенностью европейской модели цифрового суверенитета является экстерриториальное применение ее нормативных актов, вне зависимости от фактического местонахождения или регистрации иностранных компаний, предоставляющих услуги на территории ЕС. Данный подход, с одной стороны, обеспечивает реальное регуляторное воздействие на глобальные технологические корпорации, с другой стороны, экстерриториальное нормотворчество ЕС вступает в фундаментальный конфликт с принципом невмешательства во внутренние дела государств, закрепленным в Уставе ООН (ст. 2(7)) [20] и Декларации о принципах международного права 1970 г. (Резолюция ГА ООН 2625) [21], что порождает правовую коллизию на международном уровне и провоцирует напряженность в отношениях с третьими странами.

Указанные правовые противоречия возникают по нескольким причинам. Первая и наиболее значимая причина связана с проблемой феномена государственного суверенитета в целом. Экстерриториальные положения европейских регламентов фактически распространяют юрисдикцию ЕС на субъектов, находящихся под суверенитетом других стран. В то время как принцип невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого другого государства, запрещает государствам «вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела любого другого государства. Вследствие этого вооруженное вмешательство и все другие формы вмешательства или всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных основ, являются нарушением международного права» [22].

Вторая причина возникающего разногласия связана с проявлением одностороннего нормотворчества. Регламенты ЕС были разработаны без глобального консенсуса или многосторонних переговоров между государствами. Нормы, имеющие мировое влияние, принимаются без необходимого в таких случаях мирового обсуждения, что свидетельствует об отсутствии их демократической легитимности. ЕС фактически принуждает третьи страны адаптировать внутреннее законодательство под европейские стандарты, а сами компании, не находящиеся под юрисдикцией ЕС, вынуждены соблюдать нормы, в создании которых их страны не участвовали.

Особенно напряженной данная ситуация выглядит в контексте положений Декларации 1970 г. о том, что «Каждое государство обладает неотъемлемым правом выбирать себе политическую, экономическую, социальную и культурную систему без вмешательства в какой-либо форме со стороны какого бы то ни было другого государства» [22].

Экстерриториальное регулирование ЕС может трактоваться как форма экономического и правового давления, которое ограничивает реализацию этого права другими государствами, что противоречит положениям Декларации 1970 г., согласно которой «Ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого каких бы то ни было преимуществ» [22].

Таким образом, проведенный анализ позволяет выявить фундаментальную двойственность цифровой стратегии ЕС, в которой, с одной стороны, регуляторные механизмы направлены на укрепление собственной автономии и защиту европейских ценностей, а с другой - их экстерриториальное применение создает международно-правовую напряженность и воспринимается третьими странами как одностороннее ограничение их суверенитета.

Назрел конфликт между традиционным пониманием государственного суверенитета, необходимостью регулирования глобального цифрового пространства и отсутствием эффективных многосторонних механизмов для выработки глобальных правил и стандартов деятельности различных субъектов в цифровой среде.

Тенденция сводится к тому, что современные технологические экосистемы и потоки данных не признают традиционных территориальных границ, что требует глобального переосмысления классических принципов невмешательства во внутренние дела государств.

Список литературы:

[1] Аксенов И.А. Регуляторные механизмы Digital Services Act и медиаобразовательные практики в системе обеспечения медиабезопасности несовершеннолетних в Европейском союзе // Логистика как фактор созидания. Глобальный мир: угрозы и возможности. Память поколений: сборник материалов VII Международного круг-

лого стола (конференции), в рамках мероприятий, посвященных празднованию 80-летия Великой Победы. 21 апреля 2025 г. Астрахань, ИП Р.В. Сорокин, 2025. С.196-199.

[2] Касенова М. Онлайн-платформы как структурный элемент цифровой экономики: о концептуальных регуляторных инициативах Европейского Союза // Интернет изнутри. 2021. № 16. С. 34-41.

[3] Шрам Д.В. Цифровые рынки между ex post и ex ante: сравнительный анализ подходов Европейского союза и Российской Федерации // Пролог: журнал о праве. 2026. № 1. С. 73–85. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.1.7.73–85..

[4] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) / Электронный ресурс/ Режим доступа: URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng (дата обращения: 30.03.2026).

[5] The Digital Services Act /Электронный ресурс/ Режим доступа: URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-services-act (дата обращения: 30.03.2026).

[6] Digital Markets Act (DMA) /Электронный ресурс/ Режим доступа: URL: https://digital-markets-act.ec.europa.eu/index_en (дата обращения: 30.03.2026).

[7] EU Artificial Intelligence Act | Up-to-date developments and analyses of the EU AI Act /Электронный ресурс/ Режим доступа: URL: https://artificialintelligenceact.eu/ (дата обращения: 30.03.2026).

[8] European Media Freedom Act / Электронный ресурс/ Режим доступа: URL: https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/european-media-freedom-act.html (дата обращения: 30.03.2026).

[9] Французский регулятор оштрафовал Google на €50 млн. /Электронный ресурс/ Режим доступа: URL: https://tass.ru/ekonomika/6023022 (дата обращения: 30.03.2026).

[10] Упоминаемая здесь и далее компания Meta (платформы Facebook, Instagram, What's App, Messenger, Meta Advertising) признана экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ.

[11] Ирландия оштрафовала Meta на €1,2 млрд за ненадлежащую защиту данных европейских пользователей – Коммерсантъ. /Электронный ресурс/ Режим доступа: URL: https://www.kommersant.ru/doc/5999589 (дата обращения: 16.04.2026).

[12] Ирландский регулятор оштрафовал Meta на €1,2 млрд. /Электронный ресурс/ Режим доступа: URL: https://tass.ru/ekonomika/17810633 (дата обращения: 16.04.2026).

[13] В ЕС оштрафовали TikTok на €345 млн за недостаточную защиту данных несовершеннолетних /Электронный ресурс/ Режим доступа: URL: https://tass.ru/obschestvo/18765181 (дата обращения: 16.04.2026).

[14] ЕС оштрафовал TikTok на €530 млн. за небезопасную обработку данных европейцев /Электронный ресурс/ Режим доступа: URL: https://3dnews.ru/1122228/es-oshtrafoval-tiktok-na-530-mln-za-nebezopasnuyu-obrabotku-dannih-evropeytsev (дата обращения: 16.04.2026).

[15] DMA designated Gatekeepers /Электронный ресурс/ Режим доступа: URL: https://digital-markets-act.ec.europa.eu/gatekeepers-portal_en (дата обращения: 16.04.2026).

[16] Новости мира: ЕК начала расследование в отношении порноплатформ из-за угрозы для детей /Электронный ресурс/ Режим доступа: URL: https://iz.ru/1893709/2025-05-27/ek-nachala-rassledovanie-v-otnoshenii-pornoplatform-iz-za-ugrozy-dlia-detei (дата обращения: 16.04.2026).

[17] The Digital Services Act | Shaping Europe's digital future /Электронный ресурс/ Режим доступа: URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-services-act (дата обращения: 18.04.2026).

[18] US State Department doubles down on criticism of EU's DSA | Biometric Update /Электронный ресурс/ Режим доступа: URL: https://www.biometricupdate.com/202505/us-state-department-doubles-down-on-criticism-of-eus-dsa (дата обращения: 12.05.2026).

[19] The International Digital Strategy for the European Union /Электронный ресурс/ Режим доступа: URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/international-digital-strategy (дата обращения 02.04.2026).

[20] Устав ООН (полный текст) | Организация Объединенных Наций - URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (16.05.2026).

[21] Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций - Декларации - Декларации, конвенции, соглашения и другие правовые материалы. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 16.05.2026).

[22] Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отноше-

ний и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций - Декларации - Декларации, конвенции, соглашения и другие правовые материалы. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (16.05.2026).

References:

[1] Aksenov I.A. Regulatory mechanisms of the Digital Services Act and media educational practices in the system of ensuring media security of minors in the European Union // Logistics as a factor of creation. Global Peace: Threats and Opportunities. Memory of generations: collection of materials of the VII International Round Table (Conference), as part of events dedicated to the celebration of the 80th anniversary of the Great Victory. April 21, 2025 Astrakhan, IP R.V. Sorokin, 2025. P.196-199.

[2] Kasenova M. Online platforms as a structural element of the digital economy: on conceptual regulatory initiatives of the European Union // Internet from the inside. 2021. № 16. S. 34-41.

[3] Schram D.V. Digital markets between ex post and ex ante: a comparative analysis of the approaches of the European Union and the Russian Federation // Prologue: Journal of Law. 2026. № 1. S. 73-85. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.1.7.73–85..

[4] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) / Электронный ресурс / Режим доступа: URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng (дата обращения: 30.03.2026).

[5] The Digital Services Act / Electronic Resource / Access Mode: URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-services-act (Accessed: 30.03.2026).

[6] Digital Markets Act (DMA) / Electronic Resource / Access Mode: URL: https://digital-markets-act.ec.europa.eu/index_en (Accessed: 30.03.2026).

[7] EU Artificial Intelligence Act | Up-to-date developments and analyses of the EU AI Act / Electronic Resource / Режим доступа: URL: https://artificialintelligenceact.eu/ (дата обращения: 30.03.2026).

[8] European Media Freedom Act / Electronic Resource / Режим доступа: URL: https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/european-media-freedom-act.html (дата обращения: 30.03.2026).

[9] The French regulator fined Google €50 million / Electronic resource / Access mode: URL: https://tass.ru/ekonomika/6023022 (access date: 30.03.2026).

[10] Referred to hereinafter, Meta (Facebook, Instagram, What's App, Messenger, Meta Advertising platforms) is recognized as an extremist organization whose activities are prohibited in the Russian Federation.

[11] Ireland fined Meta €1.2 billion for inadequate data protection of European users - Kommersant / Electronic resource / Access mode: URL: https://www.kommersant.ru/doc/5999589 (accessed: 16.04.2026).

[12] Irish regulator fined Meta €1.2 billion/Electronic resource / Access mode: URL: https://tass.ru/ekonomika/17810633 (accessed: 16.04.2026).

[13] In the EU, TikTok was fined €345 million for insufficient data protection of minors/ Electronic resource/Access mode: URL: https://tass.ru/obschestvo/18765181 (accessed on: 16.04.2026).

[14] The EU fined TikTok €530 million for unsafe processing of European data/Electronic resource / Access mode: URL: https://3dnews.ru/1122228/es-oshtrafoval-tiktok-na-530-mln-za-nebezopasnuyu-obrabotku-dannih-evropeytsev (accessed on: 16.04.2026).

[15] DMA designated Gatekeepers/Electronic resource / Access mode: URL: https://digital-markets-act.ec.europa.eu/gatekeepers-portal_en (access date: 16.04.2026).

[16] World News: The EC has launched an investigation into porn platforms due to a threat to children / Electronic resource / Access mode: URL: https://iz.ru/1893709/2025-05-27/ek-nachala-rassledovanie-v-otnoshenii-pornoplatform-iz-za-ugrozy-dlia-detei (contact date: 16.04.2026).

[17] The Digital Services Act | Shaping Europe's digital future / Electronic resource / Режим доступа: URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-services-act (access date: 18.04.2026).

[18] US State Department doubles down on criticism of EU's DSA | Biometric Update / Electronic resource / Режим доступа: URL: https://www.biometricupdate.com/202505/us-state-department-doubles-down-on-criticism-of-eus-dsa (access date: 12.05.2026).

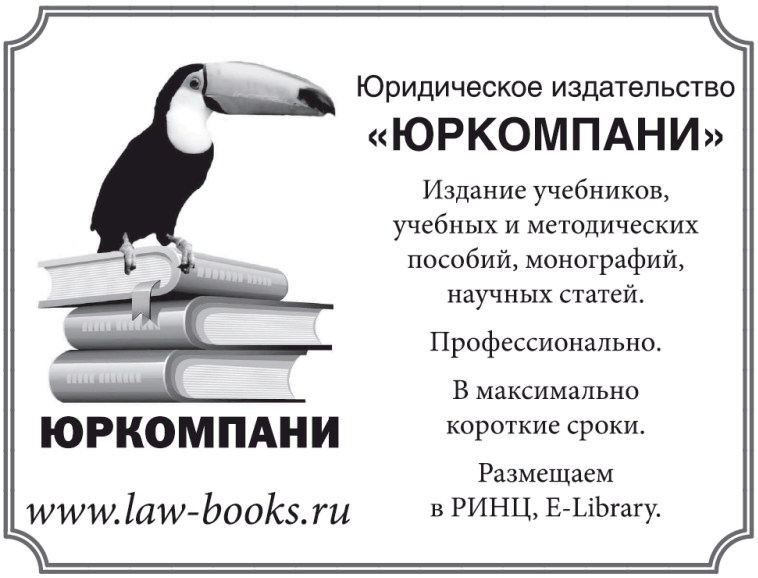
[19] The International Digital Strategy for the European Union / Electronic resource / Режим доступа: URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/international-digital-strategy (access date: 02.04.2026).

[20] UN Charter (full text) | United Nations - URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (16.05.2026).

[21] Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation

among States in Accordance with the Charter of the United Nations - Declarations - Declarations, Conventions, Agreements and Other Legal Materials. Adopted by UN General Assembly resolution 2625 (XXV) of October 24, 1970 - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (accessed: 16.05.2026).

[22] Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in Accordance with the Charter of the United Nations - Declarations - Declarations, Conventions, Agreements and Other Legal Materials. Adopted by UN General Assembly resolution 2625 (XXV) of October 24, 1970 - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (16.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.10.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-189-193
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

КРОХИНА Юлия Александровна,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ НАЛОГОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Аннотация. *В современной мировой экономике налоговая конкуренция является объективным и неизбежным явлением, вытекающим из суверенного права государства самостоятельно определять параметры налогового регулирования. Вместе с тем отсутствие единых международных стандартов в данной сфере, а также различия стран по их институциональным возможностям и экономическому развитию способствуют формированию асимметричных моделей налоговой политики. В таких случаях налоговая конкуренция приобретает формы, направленные на искусственное перераспределение налоговой базы, подрыв фискальных интересов государств и стимулирование агрессивного налогового планирования, что позволяет говорить о недобросовестной либо вредоносной налоговой конкуренции.*

Проведен сравнительно-правовой анализ механизмов противодействия недобросовестной налоговой конкуренции в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки. Названные страны являются крупнейшими мировыми экономиками, которые, в силу различий систем права и подходов к международному сотрудничеству, неодинаково подходят к разрешению задачи по выработке эффективных инструментов для нейтрализации негативных последствий губительных налоговых практик. Получен вывод о наличии отдельных схожих практик противодействия недобросовестной налоговой конкуренции. Одновременно выявлены различия российской и американской моделей по регламентированным процедурам, ключевым параметрам, векторам развития нормативно-правовой базы.

Российская система правовых механизмов противодействия недобросовестной налоговой конкуренции максимально направлена на имплементацию международных стандартов, развитие многостороннего сотрудничества и характеризуется кодифицированностью, использованием формализованных инструментов. Американская модель имеет более суверенный подход, основанный на сочетании судебных доктрин, национального законодательства, экстерриториальных механизмов налогового контроля.

Выявленные дифференциации позволяют более эффективно применять меры противодействия недобросовестной налоговой конкуренции в практической деятельности как налогоплательщиков, так и правоприменительных органов обеих государств.

Ключевые слова: *налоговая конкуренция, трансфертное ценообразование, контролируемые иностранные компании, автоматический обмен налоговой информацией, судебный прецедент, уклонение от уплаты налогов, офшоры, антиуклонительные механизмы.*

Для цитирования: *Крохина Ю. А. Правовые механизмы противодействия недобросовестной налоговой конкуренции в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки: общее и особенное // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 189–193.*

KROKHINA Yulia Alexandrovna,
Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of Civil Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics.

LEGAL MECHANISMS TO COUNTER UNFAIR TAX COMPETITION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE UNITED STATES OF AMERICA: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Annotation. *In the modern global economy, tax competition is an objective and inevitable phenomenon stemming from a state's sovereign right to independently determine the parameters of tax regulation. At the same time, the lack of uniform international standards in this area, as well as differences between countries in terms of their institutional capabilities and economic development, contribute to the formation of asymmetric tax policy models. In such cases, tax competition takes on forms aimed at artificially redistributing the tax base, undermining the fiscal interests of states, and stimulating aggressive tax planning, which allows us to speak of unfair or harmful tax competition. A comparative legal analysis of the mechanisms for countering unfair tax competition in the Russian Federation and the United States of America has been conducted. These countries are among the largest economies in the world, and due to differences in their legal systems and approaches to international cooperation, they approach the task of developing effective tools to neutralize the negative consequences of harmful tax practices in different ways. The conclusion is that there are some similar practices for countering unfair tax competition. At the same time, differences have been identified between the Russian and American models in terms of regulated procedures, key parameters, and the development vectors of the regulatory framework. The Russian system of legal mechanisms to counter unfair tax competition is primarily aimed at implementing international standards and developing multilateral cooperation, and is characterized by codification and the use of formalized tools. The American model has a more sovereign approach, based on a combination of judicial doctrines, national legislation, and extraterritorial tax control mechanisms. The identified differentiations make it possible to apply measures to counter unfair tax competition more effectively in the practical activities of both taxpayers and law enforcement agencies of both states.*

Key words: *tax competition, transfer pricing, controlled foreign companies, automatic exchange of tax information, judicial precedent, tax evasion, offshore jurisdictions, anti avoidance mechanisms.*

For citation: *Krokhina Yu. A. Legal mechanisms to counter unfair tax competition in the Russian Federation and the United States of America: similarities and differences. Russian scientific bulletin. 2026;(11):189–193. (In Russ.).*

В условиях недобросовестной налоговой конкуренции возрастает риск использования сложных трансграничных структур и альтернативных юрисдикций для минимизации налоговой нагрузки, что ставит новые вызовы перед многими государствами и требует адаптации правовых механизмов противодействия недобросовестным налоговым практикам [5].

В правовых системах Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки сформирована многоуровневая модель противодействия недобросовестной налоговой конкуренции, включающей общие антиуклонительные механизмы, специальные нормы, направленные на регулирование отдельных видов трансграничных операций, административные инструменты налогового контроля и специальные положения налоговых соглашений. Сложный системный подход свидетельствует о важности данного направления в налоговой политики и правовом регулировании обеих стран. Однако функционирование механизмов противодействия недобросовестной налоговой конкуренции в РФ и США существенно различаются.

В Российской Федерации ключевые инструменты противодействия налоговым злоупотреблениям имеют четко сформулированную законодательную основу, которая закреплена непосредственно в Налоговом кодексе РФ. Поворотным моментом стало включение в НК РФ статьи 54.1, определяющей пределы допустимого уменьшения налоговой базы и связывающей недопустимость налоговой выгоды с искажением сведений и отсутствием необходимых условий деловой цели, надлежащего исполнения обязательств [12]. Это характеризует отечественную систему как нормативно-кодифицированную, что обуславливается принадлежностью России к романо-германской правовой семье.

Американская модель, напротив, была сформирована в рамках англо-саксонской правовой традиции, где значительную роль играет судебный прецедент. Поэтому исторически универсальный антиуклонительный механизм сформировался в форме судебных доктрин. Принцип приоритета экономического содержания сделки над ее экономической формой, доктрина экономического содержания, доктрина «поэтапных сделок» являются результатом судебного толкования налогового законодательства [1]. Однако американский законодатель частично кодифицировал одну из центральных доктрин по экономической сущности через введение секции 7701(о) [13]. Это характеризует американскую систему как судебно-доктринальную с точечным законодательным закреплением отдельных доктрин, что обуславливается возможностью судов адаптировать инструменты к новым формам послед-

ствий от недобросовестной налоговой конкуренции [11].

Имеется сходство подходов стран в сфере специальных антиуклонительных норм. Данный факт можно объяснить влиянием международных стандартов регулирования трансграничного налогообложения, разработанных в рамках деятельности ОЭСР и развития проекта BEPS [10]. В частности, как в Российской Федерации, так и в США используются правила трансфертного ценообразования, основанные на принципе «вытянутой руки» [8]. Налоговые органы стран обладают полномочиями по корректировке доходов налогоплательщиков в случае отклонения цен в контролируемых сделках от рыночного уровня. Нормы закреплены в налоговых кодексах обеих стран, что свидетельствует о формировании унифицированного подхода к регулированию внутригрупповых операций в транснациональных компаниях в мировой налоговой практике [3].

Сходная ситуация прослеживается в регулировании контролируемых иностранных компаний. Как российское, так и американское законодательство, предусматривает включение определенных видов иностранных дочерних компаний в налоговую базу акционеров-резидентов. Однако различно историческое формирование института налогообложения контролируемых иностранных компаний, поскольку американские правила являются одним из наиболее ранних примеров законодательных мер по борьбе с международным налоговым уклонением и действуют с 1962 года.

В России институт КИК был введен на полвека позже в 2014 году в рамках политики деофшоризации [7]. Российские правила о КИК связывают статус контролирующего лица с долей участия (25% либо 10% при совокупном участии резидентов РФ свыше 50%), в американские правила определяют статус по критерию контроля более 50% голосующих акций у резидентов США.

В обеих странах присутствуют схожие с концепцией «тонкой капитализации» механизмы борьбы с недобросовестной налоговой конкуренцией, однако конкретные правила различны. Отечественная модель использует правила контролируемой задолженности, установленной ст. 269 НК РФ, как в классической концепции путем регулирования соотношения заемного и собственного капитала [12]. Законодатель исходит из презумпции, что задолженность, превышающая установленный НК РФ порог в 3 раза (12,5 в отдельных. случаях), перед взаимозависимым иностранным лицом свидетельствует о искусственном перераспределении прибыли через процентные платежи. В США иной подход: законодатель накладывает ограничение на вычет процентных расходов согласно § 163 (j) [13].

Наибольшие различия между подходами регулирования проявляются в использовании новых инструментов противодействия размыванию налоговой базы. В частности, американская налоговая реформа привела к внедрению дополнительных механизмов, направленных на ограничение перемещению прибыли транснациональных корпораций - GILTI (global intangible low-taxed income) и BEAT (base erosion anti-abuse tax). Режим глобального минимального налогообложения иностранных доходов и налог на размывание налоговой базы ориентированы на нейтрализацию преимуществ, возникающих при использовании юрисдикций с низким уровнем налогообложения [6]. Этим американская модель демонстрирует стремление к формированию собственных инструментов регулирования международного налогообложения. Российских подход напротив направлен не на внедрение новых самостоятельных налоговых режимов, а на имплементацию международных стандартов и развитие существующих механизмов [4].

Существенные различия прослеживаются и на договорном уровне противодействия недобросовестной налоговой конкуренции. Российская Федерация в рамках имплементации международных стандартов внедрила в соглашения об избежании двойного налогообложения тест основной цели (PPT), основанной на оценке направленности сделке и позволяющий отказать в предоставлении льгот при установлении налоговой мотивации как одной из основных целей [9]. В отличие от этого, США используют положения limitation of benefits (LOB), представляющие собой систему формализованных критериев допуска к льготам, основанных на объективных характеристиках налогоплательщика. Таким образом, российский подход в данной части носит более оценочный характер, тогда как американский – формализованный.

Другим существенным различием между рассматриваемыми моделями является разрешение вопроса по международному обмену налоговой информацией. Российская Федерация участвует в многосторонних механизмах налогового обмена, включая систему автоматического финансового обмена (CRS MCAA) и обмен страновыми отчетами (CbC MCAA), что отражает стремление страны к интеграции в международную систему налоговой прозрачности [14]. При этом после 2022 года налоговое сотрудничество станы стало более фрагментированным в силу приостановки обмена информацией отдельными странами, что объективно снижает эффективность трансграничного контроля. Это ставит новый вызов перед Россией по поиску альтернативных инструментов для раскрытия налоговой информации.

Соединенные Штаты Америки придерживаются более автономного регулирования и не участвуют в автоматической системе обмена [2]. Вместо этого американский законодатель фактически создал глобальный механизм раскрытия зарубежных финансовых активов через FATCA. Это характеризует американскую модель обмена информацией как экстерриториальную, несмотря на отказ от участия в CRS.

Среди отечественных административных инструментов противодействия недобросовестной налоговой конкуренции специфичным является использование перечней юрисдикций с льготным налоговым режимом, именуемых также «офшорным списком». Включение иностранной юрисдикции в соответствующий перечень влечет применение специальных налоговых последствий. То есть перечень выступает формализованным инструментом идентификации повышенного налогового риска, из чего можно сделать вывод о большей формализованности отечественной модели. В США оценка налоговых рисков осуществляется преимущественно исходя из характера операций и структуры группы.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что несмотря на наличие сходных инструментов, российская и американская модели противодействия недобросовестной налоговой конкуренции различаются по институциональному устройству, основным характеристикам и направлениям развития. Российская система в большей степени ориентирована на имплементацию международных стандартов, развитие многостороннего сотрудничества и характеризуется кодифицированностью, использованием формализованных инструментов. В отличие от этого американская модель имеет более автономный подход, основанный на сочетании судебных доктрин, национального законодательства, экстерриториальных механизмов налогового контроля. Эти различия следует учитывать при оценке эффективности мер: российская система выигрывает в нормативной определенности, тогда как американская – в гибкости судебных доктрин и масштабе экстерриториальной инфраструктуры раскрытия налоговой информации.

Список литературы:

[1] Барабанов В.Ю. Трансфертное ценообразование как современный инструмент управления международным бизнесом // Мировая экономика и мировые финансы. 2024. Т. 3. № 1. С. 91–94.

[2] Бобошко Н. М. Налоговое администрирование как элемент налоговой безопасности.

[3] государства: сравнительно-правовой анализ // Вестник Московского университета МВД России. 2026. № 4. С. 148–155.

[4] Давыдов Т.В., Битян А.А. Сопоставление институциональных форм налоговых систем России и США // Финансовые рынки и банки. 2025. № 6. С. 75-79.

[5] Засыпкин В.А. Актуальные налогово-правовые проблемы подхода ЕС по оценке преференциальных налоговых режимов в целях противодействия недобросовестной налоговой конкуренции // Аграрное и земельное право. 2024. № 2(230). С. 118-122.

[6] Касаткина Г.М., Рябухина Е. А. Эффективность налогового администрирования как фактор снижения налоговых рисков и укрепления экономической безопасности // Global& Regional Research. 2025. Т. 7, № 2. С. 13–22.

[7] Муратов Р. А. История возникновения правового регулирования деятельности контролируемых иностранных компаний в РФ // Международное право и международные организации. 2021. № 2. С. 43-54.

[8] Петухова Р.А. Налоговые последствия новых правил трансфертного ценообразования с 2024 года // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 3 (147) с. 32-38.

[9] Светлова Е. С. Международное сотрудничество в борьбе с трансграничными налоговыми правонарушениями // Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии. – 2025. – N 3. – С. 77-83.

[10] Тухугов Я.Ш., Баташев Р.В. Использование налоговой политики в целях укрепления глобального партнерства // Economy and Business: Theory and Practice. 2024. vol. 12-3 (118). P. 106-109.

[11] Шахмаметьев А.А. Международные компании в системе мер по деошоризации и правовая основа их деятельности // Образование и право. 2024. № 2. С. 215 - 220.

[12] Налоговый кодекс Российской Федерации, часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст.3824; часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

[13] Internal Revenue Code of 1986 // United States Code. Title 26.

[14] OECD. Automatic exchange of information exchange relationships [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/international-standards-on-tax-transparency/automatic-exchange-of-information-exchange-relationships.html (дата обращения: 15.04.2026).

References:

[1] Barabanov V.Yu. Transfer pricing as a modern tool for managing international business // World economy and world finance. 2024. VOL. 3.

№ 1. S. 91-94.

[2] Boboshko N.M. Tax Administration as an Element of Tax Security.

[3] states: comparative legal analysis // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 4. S. 148-155.

[4] Davydov T.V., Bityan A.A. Comparison of institutional forms of tax systems of Russia and the USA // Financial markets and banks. 2025. № 6. S. 75-79.

[5] Zasypkin V.A. Current tax and legal problems of the EU approach to assessing preferential tax regimes in order to counter unfair tax competition // Agrarian and land law. 2024. № 2(230). S. 118-122.

[6] Kasatkina G.M., Ryabukhina E.A. The effectiveness of tax administration as a factor in reducing tax risks and strengthening economic security // Global & Regional Research. 2025. T. 7, NO. 2. S. 13-22.

[7] Muratov R. A. History of the legal regulation of the activities of controlled foreign companies in the Russian Federation // International law and international organizations. 2021. № 2. S. 43-54.

[8] Petukhova R.A. Tax consequences of new transfer pricing rules from 2024 // Izvestia of St. Petersburg State Economic University. 2024. No. 3 (147) p. 32-38.

[9] Svetlova E. S. International cooperation in combating cross-border tax offenses // Izvestia Velikolukskaya State Agricultural Academy. – 2025. – N 3. - S. 77-83.

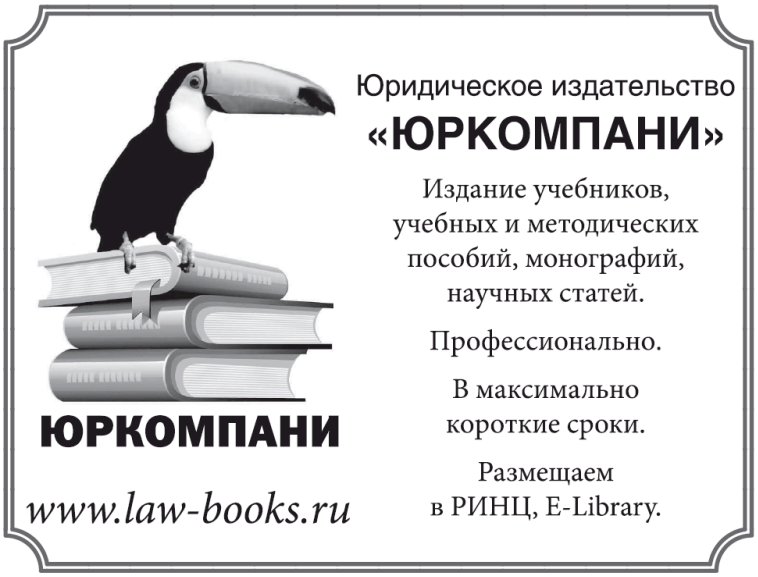
[10] Tukhugov Y. Sh., Batashev R.V. Using tax policy to strengthen global partnership // Economy and Business: Theory and Practice. 2024. vol. 12-3 (118). P. 106-109.

[11] Shakhmametyev A.A. International companies in the system of measures for de-sporization and the legal basis of their activities // Education and law. 2024. № 2. S. 215-220.

[12] Tax Code of the Russian Federation, part one dated 31.07.1998 No. 146-FZ // SZ RF. 1998. № 31. Article 3824; part two of 05.08.2000 No. 117-FZ // NW RF. 2000. № 32. Art. 3340.

[13] Internal Revenue Code of 1986 // United States Code. Title 26.

[14] OECD. Automatic exchange of information exchange relationships [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/international-standards-on-tax-transparency/automatic-exchange-of-information-exchange-relationships.html (дата обращения: 15.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-194-199
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ОЛИМЗОДА Джомии Джамшед,
адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия,
e-mail: jomii.olimzoda@mail.ru

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ТРЕТЬИМ ЛИЦАМ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ ДЛЯ САМОЗАЩИТЫ В РОССИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. *Правомерность вооруженной самозащиты и основание возмещения вреда третьему лицу требуют самостоятельной гражданско-правовой оценки. Цель исследования – уточнить разграничение крайней необходимости и ответственности владельца источника повышенной опасности в российском и таджикском праве. Применены сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Сопоставлены научные положения о необходимом и сопутствующем вреде, пользе от спасения и поведении виновника опасности. Научная новизна состоит в обосновании раздельной квалификации повреждения каждого охраняемого блага и последовательности определения обязанного лица. Предложено устанавливать, было ли сохранение конкретного блага совместимо с устранением угрозы реально доступным способом. Обоснована возможность разных оснований возмещения в одном эпизоде самозащиты. Перенос обязанности на получателя помощи связан с предварительным установлением необходимой потери. Предложено правило судебного толкования, конкретизирующее соотношение безвиновной ответственности владельца оружия и возмещения при крайней необходимости.*

Ключевые слова: *гражданское оружие, самозащита, третье лицо, возмещение вреда, крайняя необходимость, необходимая оборона, источник повышенной опасности, российское право, таджикское право.*

Для цитирования: *Олимзода Д. Д. Возмещение вреда третьим лицам при применении гражданского оружия для самозащиты в российском и таджикском праве // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 194–199.*

OLIMZODA Jomii Jamshed,
Postgraduate Researcher, Faculty of Research and Academic Staff Training, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

COMPENSATION FOR HARM TO THIRD PARTIES CAUSED BY THE USE OF CIVILIAN WEAPONS IN SELF-DEFENCE UNDER RUSSIAN AND TAJIK LAW

Annotation. *The lawfulness of armed self-defence and the grounds for compensating an injured third party require separate civil-law assessments. The study aims to clarify the distinction between necessity and liability for harm caused by a source of increased danger under Russian and Tajik law. Comparative and formal legal methods are used. Scholarly approaches to necessary and incidental harm, the benefit of rescue and the conduct creating danger are compared. The contribution is a proposed separate legal assessment of damage to each protected interest and a sequence for identifying the liable person. The proposed criterion asks whether the particular interest could have been preserved while eliminating the threat by a realistically available means. A single episode of self-defence may accordingly give rise to different grounds for compensation. Transferring the obligation to the beneficiary of rescue requires prior identification of the necessary loss. Proposed judicial guidance specifies the relationship between the weapon holder's strict liability and compensation for harm caused in a state of necessity.*

Key words: *civilian weapons, self-defence, third party, compensation for harm, necessity, lawful defence, source of increased danger, Russian law, Tajik law.*

For citation: *Olimzoda J. J. Compensation for harm to third parties caused by the use of civilian weapons in self-defence under russian and tajik law. Russian scientific bulletin. 2026;(11):194–199. (In Russ.).*

Введение

Применение гражданского оружия в целях самозащиты сопряжено с риском причинения вреда третьим лицам, чьи жизнь, здоровье и имущество сохраняют самостоятельную правовую охрану. Гражданско-правовая оценка последствий такого применения предполагает установление правомерности противодействия посягательству и определение оснований возмещения вреда каждому потерпевшему.

В российском и таджикском праве разрешение последнего вопроса связано с разграничением правил о возмещении вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости, и ответственности владельца источника повышенной опасности. От применимого основания зависят определение обязанного лица и условия распределения имущественных потерь. Обоснование соотношения указанных правил требует самостоятельной квалификации вреда каждому охраняемому благу с учетом связи его повреждения с устранением угрозы.

Правомерность защиты и требование третьего лица

Право гражданина применять законно имеющееся оружие для защиты жизни, здоровья и собственности закреплено в ч. 1 ст. 24 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» и ч. 1 ст. 28 Закона Республики Таджикистан от 19 марта 2013 г. № 939 «Об оружии». Его осуществление допускается в состоянии необходимой обороны либо крайней необходимости. Одновременно оба закона запрещают причинение вреда третьим лицам при необходимой обороне. Такое регулирование предполагает самостоятельную оценку правомерности воздействия на посягающего и оснований возмещения вреда другим лицам.

Соответственно, предусмотренное ст. 1066 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и ст. 1191 Гражданского кодекса Республики Таджикистан (далее – ГК РТ) освобождение от возмещения относится к вреду, причиненному посягающему при соблюдении условий необходимой обороны. Жизнь, здоровье и имущество третьего лица сохраняют самостоятельную правовую охрану. Поэтому при разрешении его требования защитная цель применения оружия оценивается во взаимосвязи с обстоятельствами причинения вреда конкретному благу и условиями возникновения обязанности по его возмещению.

Раздельная оценка указанных последствий отражена и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [1]. Согласно п. 25 вред третьим лицам подлежит самостоятельной уголовно-правовой квалификации с учетом обстоятельств его причинения, в том числе по правилам о крайней необходимости либо невиновном причинении вреда. Гражданско-правовое значение необходимой обороны конкретизировано в п. 29, связывающем освобождение от возмещения с соблюдением ее пределов. В российском правопорядке эти разъяснения определяют применение национальных норм; сходство соответствующих положений таджикского законодательства позволяет использовать приведенное разграничение в качестве сравнительно-правового аргумента.

Значение самостоятельного основания возмещения получает доктринальное обоснование в позиции Н.А. Малышевой. Крайнюю необходимость ученый связывает с чрезвычайным столкновением охраняемых интересов, а компенсацию ущерба от правомерной деятельности государственных органов – с осуществлением властных полномочий и специальным законодательным основанием [3, с. 79]. Из этого разграничения следует, что содержание компенсационной обязанности определяется юридическими фактами, предусмотренными соответствующей нормой. Применительно к вооруженной самозащите общественно полезная цель действия должна поэтому оцениваться в совокупности с обстоятельствами причинения конкретного вреда и установленными законом условиями его возмещения.

Научные основания распределения потерь

Установленное основание возмещения определяет круг лиц, между которыми могут распределяться имущественные потери. По ст. 1067 ГК РФ и ст. 1192 ГК РТ вред, причиненный для устранения опасности при отсутствии иных средств ее устранения, по общему правилу возмещает причинитель. С учетом обстоятельств причинения вреда суд вправе возложить эту обязанность на лицо, в интересах которого совершены защитные действия, либо полностью или частично освободить от возмещения как указанное лицо, так и причинителя. Следовательно, признание спасательного действия правомерным сопровождается самостоятельным определением субъекта и объема компенсационной обязанности.

Необходимость такого определения обу-

словлена сохранением правовой охраны интересов потерпевшего. Как указывает Р.А. Филяков, «причинитель вреда, пусть и в целях достижения благой цели, совершает вторжение в чужую частную сферу» [5, с. 168]. Приведенное положение раскрывает значение имущественной потери третьего лица: общественно полезный результат достигается посредством воздействия на принадлежащее ему благо. Поэтому при распределении последствий защиты подлежат сопоставлению интересы причинителя вреда, получателя помощи и потерпевшего.

Одним из оснований такого сопоставления выступает польза от предотвращения опасности. Так по мнению Н.А. Назаровой и В.А. Смагина компенсация за счет спасенного лица восстанавливает соотношение сохраненного блага и имущественных потерь другого участника; осмотрительность причинителя обеспечивается определенностью условий правомерности защитного действия [4, с. 50]. Более широкое обоснование распределения потерь выражено Д.Е. Богдановым: «Дистрибутивная справедливость в сфере деликтных отношений проявляется также в ситуациях возмещения вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости» [2, с. 142]. Правомерность причинения вреда в этой концепции объясняет судебное усмотрение при выборе обязанного лица с учетом обстоятельств дела. Из сопоставления указанных подходов следует, что сохраненный интерес составляет критерий распределения потерь, применяемый во взаимосвязи с положением потерпевшего и характером предпринятых действий.

Наряду с пользой от спасения самостоятельное значение имеет поведение лица, создавшего опасность. Непосредственное возложение компенсационной обязанности на виновника угрозы предлагает Н.В. Южанин [7, с. 24]. Критерий пользы указывает на лицо, чей интерес сохранен, а критерий создания опасности – на субъекта, чье поведение вызвало необходимость защиты. Применительно к вооруженной самозащите второй подход требует установить причинную связь между действиями нападающего и конкретным вредом, а также правовое основание предъявляемого к нему требования.

Определению обязанного лица, в свою очередь, предшествует установление применимых правил возмещения. Эта последовательность прослеживается в позиции Н.К. Шакуровой, которая предлагает оценивать причинение вреда третьим лицам при использовании транспорта по распоряжению государственного органа «в контексте состояния крайней необходимости и особых обстоятельств (действий в публичных интересах)» [6, с. 104]. Применение специального порядка распределения обязанности ученый связывает с доказанностью соответствующих обстоятельств. Таким образом, интерес лица, ради которого предпринимались действия, приобретает значение для переноса обязанности после подтверждения условий крайней необходимости.

Применительно к гражданскому оружию такая последовательность требует уточнения роли конкретного повреждения в устранении угрозы. В разграничении, предложенном Н.В. Южаниным, вред может служить необходимым средством предотвращения опасности либо возникать как возможное сопутствующее последствие защитных действий; оба случая связываются с состоянием крайней необходимости [7, с. 23].

При использовании оружия это различие подлежит дополнительному сопоставлению с правилами об ответственности владельца источника повышенной опасности. Представляется обоснованным сначала установить, охватывается ли повреждение конкретного блага условиями крайней необходимости либо обусловлено самостоятельным проявлением опасных свойств оружия, а затем определить лицо, обязанное возместить соответствующий вред. Тем самым распределению потерь по критерию полученной пользы предшествует выбор применимой гражданско-правовой нормы.

Связь повреждения чужого блага с устранением опасности

Для разграничения указанных оснований возмещения предлагается рассматривать повреждение конкретного охраняемого блага в качестве самостоятельного предмета правовой оценки. Суду надлежит установить, существовал ли в момент защиты реально осуществимый способ устранения угрозы, совместимый с сохранением данного блага. Если его повреждение составляло необходимое условие спасения, проверяются основания применения правил о крайней необходимости. При возможности устранить угрозу с сохранением блага исследуются самостоятельное проявление опасных свойств оружия и условия ответственности его владельца. Предложенный критерий позволяет определить применимую гражданско-правовую норму в отношении каждого требования потерпевшего.

Практическое значение такого разграничения раскрывается в следующем условном примере. Выстрел повреждает принадлежащую третьему лицу вещь, используемую нападающим для посягательства, а рикошет причиняет вред автомобилю другого собственника. Если повреждение первой вещи являлось необходимым условием прекращения угрозы, основания возмещения устанавливаются с учетом правил о крайней необходимости. Повреждение автомобиля требует са-

мостоятельной квалификации: при возможности устранить угрозу с сохранением его целостности проверяются условия ответственности за вред, причиненный опасными свойствами оружия. Таким образом, несколько повреждений, возникших вследствие одного защитного действия, могут иметь различные основания возмещения.

При таком подходе преднамеренность или случайность повреждения приобретает вспомогательное значение. Непреднамеренный вред также может оказаться неизбежным последствием единственного доступного способа спасения. Вместе с тем риск, объективно присущий применению оружия, характеризует избранный способ защиты, тогда как необходимость повреждения конкретного блага требует самостоятельного обоснования. Поэтому установлению подлежат роль повреждения в устранении угрозы, доступные способы защиты и возможность сохранения затронутого блага при использовании каждого из них.

Указанные обстоятельства оцениваются исходя из обстановки в момент нападения, срочности противодействия и сведений, доступных защищавшемуся лицу. Выявленная впоследствии техническая возможность учитывается при условии ее реальной осуществимости в данной обстановке. Применение правил о крайней необходимости предполагает также проверку допустимости и соразмерности причиненного вреда; особого обоснования эти условия требуют при повреждении здоровья или причинении смерти. Возможность возмещения правомерно причиненного вреда в предусмотренных законом случаях закреплена п. 3 ст. 1064 ГК РФ и ч. 6 ст. 1189 ГК РТ.

При самостоятельном проявлении опасных свойств оружия основание возмещения определяется по правилам об ответственности владельца источника повышенной опасности. В Российской Федерации отнесение оружия к таким источникам прямо предусмотрено ст. 2 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии», а условия ответственности установлены ст. 1079 ГК РФ. В Республике Таджикистан ч. 1 ст. 1204 ГК РТ определяет источник повышенной опасности через используемые субъектами гражданского права физические, физико-химические, химические и биологические силы, представляющие повышенную опасность для окружающих; ч. 2 предусматривает ответственность владельца независимо от вины. Следовательно, российская квалификация опирается на прямое указание специального закона, тогда как таджикская требует обоснования соответствия поражающего воздействия оружия признакам, закрепленным в гражданском законодательстве. После установления указанного статуса в обоих правопорядках проверяются конкретное проявление опасных свойств оружия, причинная связь с повреждением, правовое основание владения и предусмотренные законом основания освобождения от ответственности. В предлагаемом подходе обязанность владельца возместить вред независимо от вины сохраняется в качестве исходного правила для последствий, обусловленных опасными свойствами оружия. Применение особого порядка распределения потерь требует самостоятельного установления совокупности условий крайней необходимости применительно к повреждению каждого охраняемого блага.

Обоснование компенсационной обязанности

Установленное основание возмещения определяет порядок выбора обязанного лица. При крайней необходимости обязанность возместить вред по общему правилу возлагается на причинителя, а ее перенос на лицо, в интересах которого он действовал, зависит от судебной оценки обстоятельств. В рамках предлагаемого подхода принцип пользы, обоснованный Н.А. Назаровой и В.А. Смагиным, получает предметное ограничение: переносу подлежит обязанность возместить потерю, необходимость которой для защиты соответствующего интереса установлена [4, с. 50]. Возмещение вреда от самостоятельного проявления опасных свойств оружия определяется совокупностью условий ответственности владельца источника повышенной опасности.

Такое разграничение предполагает последовательное разрешение двух вопросов: какие повреждения охватываются условиями крайней необходимости и на кого может быть возложено их возмещение. Защищенный интерес позволяет определить возможного должника, а доказанная необходимость конкретной потери – объем переносимой обязанности. Поэтому в предлагаемой модели решение о ее возложении на получателя помощи требует указания на поврежденное благо, значение его повреждения для устранения угрозы и интерес, ради которого действовал причинитель.

Наряду с интересом получателя помощи самостоятельное значение имеет поведение лица, создавшего опасность. Предложение Н.В. Южанина о возложении потерь на виновника опасности связывает выбор должника с обстоятельствами ее возникновения [7, с. 25]. Применительно к нападению реализация этого подхода требует установления причинной связи действий посягающего с конкретным вредом. Основания непосредственного требования потерпевшего к нападающему и возможного последующего требования лица, возместившего вред, подлежат

самостоятельной проверке. Судебное освобождение от компенсационной обязанности также требует мотивировки с учетом обстоятельств причинения вреда и имущественных последствий такого решения для потерпевшего.

Из приведенного разграничения следует предлагаемое положение о толковании ст. 1067 и 1079 ГК РФ, ст. 1192 и 1204 ГК РТ: при повреждении нескольких охраняемых благ основание возмещения устанавливается отдельно по каждому из них. Применение правил о крайней необходимости предполагает обоснование связи конкретной потери с устранением угрозы и отсутствия реально доступного способа защиты, совместимого с сохранением соответствующего блага. Возможность возложения компенсационной обязанности на лицо, в интересах которого действовал причинитель, оценивается в пределах установленной необходимой потери, с учетом защищенного интереса и обстоятельств причинения вреда.

Заключение

Ответственность владельца оружия за вред, обусловленный проявлением его опасных свойств, независимо от вины составляет исходную гарантию защиты третьих лиц. Разграничение данного режима и правил о крайней необходимости предлагается проводить применительно к каждому поврежденному благу. Повреждение конкретного охраняемого блага тем самым приобретает значение самостоятельной единицы гражданско-правовой квалификации, а установление необходимости соответствующей потери предшествует решению вопроса о переносе компенсационной обязанности на лицо, в интересах которого действовал причинитель.

Такая последовательность придает различию необходимого и сопутствующего вреда значение для выбора применимой нормы. В пределах одного эпизода самозащиты допускаются различные основания возмещения, а возможный объем обязанности получателя помощи связывается с доказанной необходимостью конкретной потери для защиты его интереса. Предложенное правило оценки применимо к российскому и таджикскому праву с учетом различий в законодательном определении источника повышенной опасности и соответствующих оснований квалификации поражающего воздействия оружия.

Список литературы:

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 09.12.2025) "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление" // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 11.

[2] Богданов Д.Е. Возмещение вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости, с позиций справедливости // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 6. С. 140-144.

[3] Малышева Н.А. Сравнительный анализ правоотношений по компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, и обязательств, возникающих из причинения вреда в состоянии крайней необходимости // Экономика. Право. Общество. 2021. Т. 6. № 3 (27). С. 76-83.

[4] Назарова Н.А., Смагин В.А. Крайняя необходимость в гражданском праве: понятие и возмещение вреда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2026. Т. 17. Вып. 1. С. 44-56.

[5] Филяков Р.А. Превентивные способы защиты при угрозе правонарушения по российскому гражданскому праву: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.3. Иркутск, 2026. 220 с.

[6] Шакурова Н.К. Обязательства по возмещению вреда, причиненного деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.3. Казань, 2022. 192 с.

[7] Южанин Н.В. Меры защиты в состоянии крайней необходимости // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 4 (32). С. 19-26.

References:

[1] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.09.2012 No. 19 (ed. 09.12.2025) "On the application by the courts of legislation on the necessary defense and causing harm during the detention of a person who has committed a crime" // Sobr. legislation Ros. Federations. – 2012. – № 11.

[2] Bogdanov D.E. Compensation for harm caused in a state of emergency, from the standpoint of justice // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 6. S. 140-144.

[3] Malysheva N.A. Comparative analysis of legal relations to compensate for damage caused by legitimate actions of state bodies and obligations arising from causing harm in a state of emergency // Economics. Right. Society. 2021. T. 6. № 3 (27). S. 76-83.

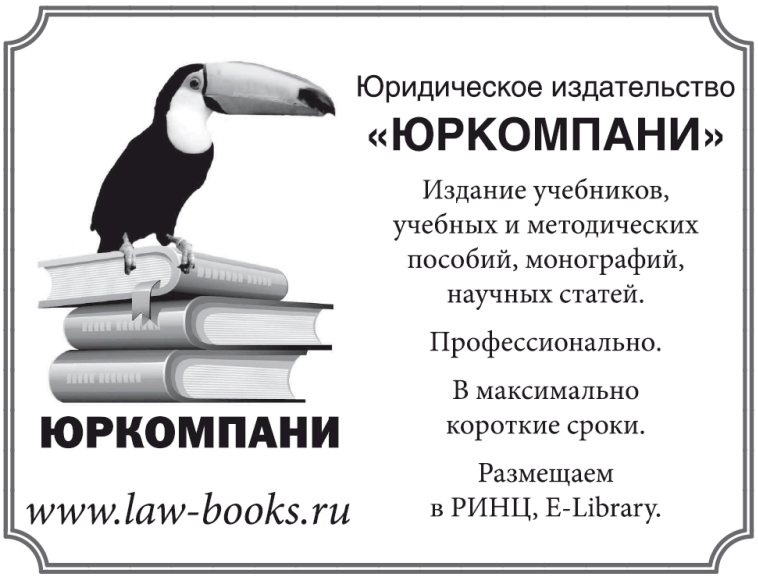
[4] Nazarova N.A., Smagin V.A. Extreme need for civil law: the concept and compensation for harm // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2026. VOL. 17. No. 1. S. 44-56.

[5] Filyakov R.A. Preventive methods of protection in case of threat of offense under Russian civil law: dis.... cand. jurid. Sciences: 5.1.3. Irkutsk, 2026. 220 s.

[6] Shakurova N.K. Obligations to compensate for harm caused by activities that create increased danger to others: dis.... cand. jurid. Sciences: 5.1.3.

Kazan, 2022. 192 p.

[7] Yuzhanin N.V. Protection measures in a state of emergency // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2015. № 4 (32). S. 19-26.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-200-205
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

МИТРОФАНОВ Александр Юрьевич,
Доцент, MBA, DBA, Ph.D., Лысьвенский филиал ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет» (ЛФ ПНИПУ), Российская Федерация, г. Лысьва,
e-mail: mitrofanov592@mail.ru

ПАРАДИГМА «СТИМУЛ–ДОСТАВКА» В ПРАВЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ США И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО ВАКУУМА В РОССИЙСКОМ ИТ-СЕКТОРЕ

Аннотация. *В представленной работе осуществляется междисциплинарный сравнительно-правовой анализ утилитарной концепции регулирования интеллектуальных прав, доминирующей в правопорядке США, и традиционной антропоцентрической модели, имманентной цивилистической системе Российской Федерации, в контексте масштабного внедрения генеративных алгоритмов искусственного интеллекта. Автор доказывает, что консервативная автороцентрическая догматика статьи 1257 Гражданского кодекса РФ провоцирует возникновение латентного инвестиционного вакуума, императивно изымая результаты автономной машинной генерации из сферы правовой охраны. В качестве эффективного правового инструмента преодоления регуляторного лага предлагается доктринальная рецепция элементов американского экономического прагматизма посредством конструирования самостоятельного института смежных прав инвестора (организатора) в отношении объектов, сгенерированных высокоавтономными вычислительными системами.*

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, экономический утилитаризм, антропоцентризм, смежные права, защита инвестиций, Гражданский кодекс РФ, инвестиционный вакуум.*

Для цитирования: *Митрофанов А. Ю. Парадигма «стимул–доставка» в праве интеллектуальной собственности США и ее значение для преодоления инвестиционного вакуума в российском ИТ-секторе // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 200–205.*

MITROFANOV A.Y.,
Associate Professor, MBA, DBA, Ph.D., Lysva Branch of Perm National Research Polytechnic University (LF PNIPU), Lysva, Russian Federation

THE INCENTIVE–DELIVERY PARADIGM IN THE UNITED STATES INTELLECTUAL PROPERTY LAW AND ITS IMPORTANCE FOR OVERCOMING THE INVESTMENT VACUUM IN THE RUSSIAN IT SECTOR

Annotation. *This paper provides a cross-disciplinary comparative legal analysis of the utilitarian framework governing intellectual property rights in the United States and the traditional anthropocentric paradigm inherent to the civil law system of the Russian Federation, specifically within the context of the widespread integration of generative artificial intelligence algorithms. The author demonstrates that the conservative author-centric dogmatics of Article 1257 of the Civil Code of the Russian Federation provokes a latent investment vacuum by imperatively excluding autonomous machine-generated outputs from legal protection. As an effective legal instrument to address this regulatory lag, the author proposes a doctrinal reception of American economic pragmatism achieved through the construction of an independent related rights framework for investors (organizers) over objects generated by highly autonomous computing systems.*

Key words: *intellectual property, artificial intelligence, economic utilitarianism, anthropocentrism, related rights, investment protection, Civil Code of the Russian Federation, investment vacuum.*

For citation: *Mitrofanov A. Y. The incentive–delivery paradigm in the United States intellectual property law and its importance for overcoming the investment vacuum in the Russian it sector. Russian scientific bulletin. 2026;(11):200–205. (In Russ.).*

1. Introduction (Введение). Постановка проблемы регуляторного лага

Стремительное развертывание и сквозное внедрение систем генеративного искусственного интеллекта коренным образом трансформируют устоявшуюся архитектонику гражданского оборота нематериальных активов. Текущий беспрецедентный технологический скачок вступил в глубокое системное и методологическое противоречие с классическими доктринами и институтами права интеллектуальной собственности. Появление высокоавтономных вычислительных комплексов, способных без прямого антропогенного участия продуцировать высококачественные текстуальные массивы, графические объекты, музыкальные произведения и программные коды, наглядно обнажило феномен регуляторного лага — критического и прогрессирующего отставания позитивного правотворчества от динамики реальных социально-экономических и имущественных отношений. Перед современной цивилистической наукой возник фундаментальный цивилизационный вызов: с одной стороны, необходимо гарантировать незыблемость личных неимущественных и исключительных прав традиционных авторов — физических лиц, а с другой — сформировать адекватные правовые условия для привлечения венчурного капитала и защиты интересов высокотехнологичного бизнеса. Разрешение указанной дилеммы требует проведения глубокого сравнительно-правового анализа двух полярных методологических парадигм: прагматичного экономического утилитаризма США и строгого авторо-центричного формализма пандектного толка, традиционно принятого в Российской Федерации и Европейском Союзе [1, с. 88].

В отсутствие своевременной концептуальной перестройки институтов частного права отечественная индустрия информационных технологий рискует столкнуться со стагнацией. Разработчики программного обеспечения и инвесторы, направляющие колоссальные финансовые ресурсы на приобретение дорогостоящего оборудования и аренду облачных вычислительных мощностей, лишены легальных инструментов капитализации результатов функционирования созданных ими систем. Отсутствие определенности в вопросе о правовой принадлежности машинных объектов выталкивает данный сектор в «серую» зону оборота, где защита прав осуществляется преимущественно квазиправовыми или чисто техническими методами, что существенно сдерживает легитимный оборот цифровых благ [4, с. 81].

2. Methods (Методы исследования).

Методологическую основу настоящего междисциплинарного исследования составляет комплекс общенаучных и специальных юридических инструментов познания, применение которых позволило обеспечить системный, верифицируемый и объективный характер анализа.

Формально-юридический метод использован для догматического толкования норм действующего российского законодательства, опосредующего оборот цифровых и интеллектуальных прав (включая ст. 1228, ст. 1257, ст. 1270, ст. 1334 ГК РФ), а также для дескриптивного правового анализа алгоритмов функционирования нейросетевых систем [13].

Сравнительно-правовой метод применялся при компаративном сопоставлении регуляторной парадигмы «стимул–доставка», сложившейся в правопорядке США, нормативных барьеров Европейского Союза и отечественной правовой доктрины.

Метод технико-юридического моделирования позволил сопоставить архитектуру программной генерации данных со сложившимися классическими цивилистическими конструкциями исключительных и смежных прав.

Инструментарий экономического анализа права (Law and Economics) выступил базисом для оценки эффективности существующих правовых режимов с точки зрения минимизации транзакционных издержек инвесторов и преодоления рыночных дисбалансов в ИТ-секторе.

3. Results (Результаты исследования).

3.1. Экономический утилитаризм права США: депоэтизация автора

Правовая система Соединенных Штатов Америки демонстрирует высочайшую степень адаптивности к радикальным технологическим инновациям, что предопределено закрепленной на конституционном уровне утилитарной (инструментальной) концепцией интеллектуальных прав. Согласно положениям статьи 1 (раздел 8, пункт 8) Основного закона США, Конгресс наделен полномочиями содействовать развитию науки и полезных ремесел посредством краткосрочного закрепления за авторами и изобретателями ис-

ключительных прав на их произведения и открытия [2, p. 219].

Телеологический и экономический анализ указанной конституционной нормы наглядно демонстрирует, что американский правопорядок трактует исключительные права вовсе не как естественное, неотчуждаемое право создателя, а исключительно как искусственный экономический стимул, предоставляемый государством в рамках своеобразного общественного договора ради максимизации долгосрочного научно-технического прогресса. Личная или индивидуальная выгода автора в данной парадигме вторична и полностью подчинена публичным интересам общества.

Обозначенную позицию на протяжении двух столетий последовательно подтверждает в своих решениях Верховный суд США (SCOTUS). Так, в классическом прецеденте Mazer v. Stein судебная инстанция прямо указала, что экономическое поощрение авторов является лишь эффективным прагматичным инструментом продвижения общественного благосостояния через раскрытие талантов создателей. Позднее, в рамках дела Twentieth Century Music Corp. v. Aiken, судьи вновь подчеркнули безусловный приоритет публичных целей распределения знаний над частным доходом конкретного правообладателя [3, p. 156].

В эпоху цифровизации утилитарный подход получил глубокое доктринальное развитие в рамках чикагской школы экономического анализа права Р. Познера и У. Ландеса. С этих позиций легальная правовая монополия признается экономически оправданной лишь в той мере, в какой она выступает инструментом преодоления «фиаско рынка» (market failure) и стимулирует осуществление долгосрочных инвестиций в новые высокотехнологичные разработки [4, с. 50].

Указанный рыночный прагматизм предопределил и текущую реакцию американских институтов на вызовы генеративного искусственного интеллекта. Бюро по авторскому праву США (USCO), а также Федеральный окружной суд округа Колумбия в рамках знакового судебного разбирательства по делу Thaler v. Perlmutter (2023 г.) безальтернативно отказали в признании авторских прав на объекты, созданные автономными алгоритмическими системами без определяющего, прямого антропогенного участия (так называемый критерий обязательного человеческого авторства — Human Authorship Requirement) [5, p. 143].

Мотивы данного отказа носят сугубо утилитарный характер: нейросети и многопараметрические большие языковые модели полностью лишены биологического сознания, не обладают материальными потребностями и объективно не требуют предоставления личных финансовых стимулов для продолжения генерации цифрового контента. Наделение искусственного интеллекта статусом субъекта авторского права экономически нецелесообразно, поскольку ведет к созданию избыточных, вредных для рынка правовых монополий и искусственно сужает сферу общественного достояния (public domain).

При этом американская правовая система компенсирует жесткость данного правила посредством доктрины «произведений, созданных по найму» (Work Made for Hire), позволяющей признавать первоначальным законным правообладателем юридическое лицо — инвестора, если у истоков проектирования и настройки алгоритма стоял хотя бы минимальный творческий вклад человека, выразившийся в определении параметров системы (критерий «искры креативности» — modicum of creativity) [6, p. 345].

3.2. Антропоцентризм права РФ и ЕС: доктринальный кризис

Диаметрально противоположная теоретическая и ценностная база доминирует в континентальных правопорядках, включая Российскую Федерацию и государства Европейского Союза. Здесь исторически преобладает строго антропоцентрическая модель, восходящая к естественно-правовой концепции личных прав (droit d'auteur) И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля. Результат интеллектуальной деятельности в данной парадигме признается непосредственной эманацией человеческого духа и материальной объективацией уникальной личности конкретного творца, а государство лишь признает и защищает неотъемлемое право человека на плоды его ментального труда. В российском позитивном праве данный методологический принцип возведен в ранг жесткого законодательного императива. Согласно императивной норме статьи 1257 ГК РФ, автором произведения гражданина признается исключительно физическое лицо, чьим непосредственным творческим трудом оно было создано [7, ст. 5496]. В развитие данного положения норма статьи 1228 ГК РФ полностью исключает возможность возникновения авторских прав у любых субъектов (как физических, так и юридических лиц), не внесших личного творческого вклада в создание объекта. Отечественная правоприменительная практика, включая руководящие разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 23 апреля 2019 года, непреклонно рассматривает любые компьютерные алгоритмы и системы лишь в качестве сугубо технических инструментов деятельности, функционально аналогичных механической фотокамере или традиционной кисти художника [8, п. 80]. В ситуации, когда все участие

человека в процессе генерации свелось исключительно к формулированию текстового запроса (промпта) для нейросети, итоговый результат признается законом полностью лишенным творческого субстрата и безальтернативно исключается из сферы правовой охраны.

Сходный бескомпромиссный антропоцентризм характерен и для наднационального правопорядка Европейского Союза. Суд ЕС (CJEU) в рамках прецедентного решения по делу Infopaq установил, что любой цифровой объект может быть взят под охрану авторским правом только в том случае, если он представляет собой «собственное интеллектуальное творение автора», наглядно отражающее его индивидуальность, уникальные личностные характеристики и свободный творческий выбор [9, para 37]. Таким образом, в Российской Федерации и Европейском Союзе автономный контент, сгенерированный системами искусственного интеллекта, полностью выведен за рамки авторско-правовой охраны. Однако догматический формализм и консерватизм континентальной правовой семьи провоцируют возникновение опасного инвестиционного вакуума. Технологические компании, вкладывающие колоссальные объемы венчурного капитала в закупку дефицитных вычислительных мощностей, разработку архитектуры нейросетей и агрегацию обучающих массивов данных, оказываются абсолютно беззащитными перед лицом недобросовестной конкуренции. Результаты их масштабной и высокозатратной коммерческой деятельности мгновенно переходят в категорию общественного достояния, в силу чего могут быть безвозмездно скопированы и использованы любыми третьими лицами. Континентальное право в его нынешнем состоянии демонстрирует очевидное бессилие перед задачей защиты инвестиционного, нетворческого труда в рамках классических институтов авторского права [10, с. 14].

4. Discussion (Обсуждение). Разработка авторской нормативной модели

Для оперативной ликвидации выявленного регуляторного лага и преодоления затяжного инвестиционного вакуума в отечественном ИТ-секторе требуется взвешенная адаптация ключевых элементов американского утилитарного прагматизма к архитектонике российской правовой системы. Вместе с тем прямой, механический перенос англосаксонских правовых фикций (таких как признание корпорации первоначальным автором или наделение алгоритма элементами электронной правосубъектности) представляется недопустимым, поскольку он глубоко чужд отечественной цивилистической традиции и разрушает логику пандектной системы. Как обоснованно указывает М. А. Рожкова, искусственный интеллект и цифровые активы требуют пересечения и взаимной увязки правовых режимов, но без размывания классического понимания человеческого творчества [11, с. 53]. Развивая эту мысль, В. А. Лаптев подчеркивает, что смарт-контракты и цифровые платформы автоматической фиксации прав должны опираться на четкие легальные дефиниции субъектов гражданского оборота [1, с. 81]. Е. А. Суханов также неоднократно предостерегал от искусственного конструирования «электронных лиц», указывая на необходимость использования классического инструментария обязательственного и смежного права [12, с. 112]. Оптимальным и наиболее гармоничным решением видится задействование проверенного европейским и российским законодателем института смежных прав особого рода (sui generis), созданного по точной методологической аналогии с существующими механизмами защиты прав изготовителей баз данных (ст. 1334 ГК РФ) или публикаторов (ст. 1337 ГК РФ). Обозначенный подход позволит защитить финансовые вложения инвесторов, не посягая при этом на антропоцентрическую природу авторского права. Для нормативного воплощения данной концепции предлагается модернизировать Главу 71 Гражданского кодекса РФ, дополнив её самостоятельным параграфом 6: «Права лица, организовавшего создание объекта системой искусственного интеллекта». Данный законодательный блок должен включать в себя две базовые статьи, четко детерминирующие субъектный состав, объект и содержание нового правового режима:

«Статья 1344.1. Лицо, организовавшее создание объекта системой искусственного интеллекта

Лицом, организовавшим создание объекта графического, текстового, аудиовизуального или иного характера посредством генеративной системы искусственного интеллекта (организатором создания объекта искусственного интеллекта), признается гражданин или юридическое лицо, обеспечившее организационные, финансовые, технологические или интеллектуальные предпосылки, необходимые для функционирования данной системы и генерации указанного объекта.

При отсутствии доказательств иного организатором создания объекта искусственного интеллекта признается лицо, обладающее законным правом использования (включая право собственности на аппаратные комплексы или право использования программного обеспечения по лицензионному договору) вычислительной системы,

с помощью которой был сгенерирован данный объект.

Системой искусственного интеллекта в целях настоящей статьи признается программно-аппаратный комплекс, функционирующий на основе многопараметрических нейросетевых алгоритмов и способный в автоматическом режиме без прямого пошагового контроля со стороны человека создавать объекты, внешне схожие с результатами творческого труда человека.»

«Статья 1344.2. Исключительное право организатора создания объекта искусственного интеллекта

Лицу, организовавшему создание объекта системой искусственного интеллекта, принадлежит исключительное право использовать данный объект в любой форме и любым не противоречащим закону способом (исключительное право на объект искусственного интеллекта).

Организатор создания объекта искусственного интеллекта вправе по своему усмотрению разрешать или запрещать третьим лицам использование указанного объекта. Отсутствие запрета не считается согласием (разрешением).

Исключительное право на объект искусственного интеллекта возникает в момент окончательного завершения процесса его машинной генерации (фиксации в информационной системе) и действует в течение десяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом его создания.

Положения настоящего параграфа не распространяются на личные неимущественные права. В отношении объектов искусственного интеллекта не возникают права автора, предусмотренные Главой 70 настоящего Кодекса».

Conclusion (Выводы и предложения)

Проведенное сравнительно-правовое исследование парадигмы «стимул–доставка» в праве США и её сопоставление с отечественными цивилистическими реалиями позволяет сформулировать следующие итоговые выводы:

Институциональная недостаточность авторского права.

Традиционные авторско-правовые институты континентальной правовой семьи, скованные жесткими рамками антропоцентризма (ст. 1257 ГК РФ), функционально непригодны для регулирования результатов деятельности искусственного интеллекта. Попытки искусственного отыскания «творческого вклада» человека в составлении промптов ведут к девальвации понятия творчества и подрывают методологическую чистоту цивилистики.

Ликвидация инвестиционного вакуума.

Отсутствие правовой охраны для результатов высокоавтономной машинной генерации лишает ИТ-индустрию экономических стимулов и создает латентные риски экспроприации данных конкурентами. Внедрение предложенной авторской модели смежного права особого рода (sui generis) позволит эффективно защитить венчурные инвестиции в сектор больших данных и генеративных систем, не нарушая при этом классических канонов охраны прав авторов — физических лиц.

Обеспечение баланса интересов.

Установление десятилетнего срока действия исключительного права инвестора (в противовес пожизненному и семидесятилетнему срокам в авторском праве) выступает оптимальным балансом между коммерческими интересами разработчиков ИИ и публичными интересами общества, предотвращая монополизацию рынка и гарантируя своевременный переход машинных объектов в сферу общественного достояния.

Список литературы:

[1] Лаптев В. А. Смарт-контракты в системе фиксации прав на цифровые активы // Государство и право. — 2023. — № 4. — С. 81–92.

[2] The Constitution of the United States of America: Analysis and Interpretation. — Washington : Government Printing Office, 2012. — 2548 p.

[3] Judgment of the Supreme Court of the United States in Twentieth Century Music Corp. v. Aiken, 422 U.S. 151 (1975).

[4] Познер Р., Ландес У. Экономическая структура правового регулирования интеллектуальной собственности / пер. с англ. — М. : Изд. Института Гайдара, 2018. — 424 с.

[5] Judgment of the United States District Court for the District of Columbia in Thaler v. Perlmutter, No. 1:22-cv-01564 (D.D.C. Aug. 18, 2023).

[6] Nimmer M. B., Nimmer D. Nimmer on Copyright. — New York : Matthew Bender & Co., 2022. — Vol. 2. — 840 p.

[7] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (ч. 1). — Ст. 5496.

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 2019. — № 92.

[9] Judgment of the Court (Fourth Chamber) of 16 July 2009 in Infopaq International A/S v. Danske Dagblades Forening, Case C-5/08, ECLI:EU:C:2009:465 // Reports of Cases. — 2009.

[10] Савельев А. И. Научно-практический комментарий к статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (цифровые права) // Вестник гражданского права. — 2021. — № 2. — С. 82–116.

[11] Рожкова М. А. Искусственный интеллект и цифровые активы: пересечение правовых режи-

мов // Журнал российского права. — 2024. — № 1. — С. 49–61.

[12] Суханов Е. А. Проблемы кодификации законодательства о вещных правах и вызовы цифровизации // Вестник экономического правосудия РФ. — 2023. — № 9. — С. 104–118.

[13] Фролов И. В. Цифровые активы в конкурсной массе: проблемы формирования и реализации // Предпринимательское право. — 2023. — № 3. — С. 41–50.

References:

[1] Laptev V. A. Smart contracts in the system of fixing rights to digital assets // State and law. — 2023. — № 4. - S. 81-92.

[2] The Constitution of the United States of America: Analysis and Interpretation. — Washington : Government Printing Office, 2012. — 2548 p.

[3] Judgment of the Supreme Court of the United States in Twentieth Century Music Corp. v. Aiken, 422 U.S. 151 (1975).

[4] Posner R, Landes U. Economic Structure of Intellectual Property Law/trans. From English - M.: Ed. Gaidar Institute, 2018. - 424 s.

[5] Judgment of the United States District Court for the District of Columbia in Thaler v. Perlmutter, No. 1:22-cv-01564 (D.D.C. Aug. 18, 2023).

[6] Nimmer M. B., Nimmer D. Nimmer on Copyright. — New York : Matthew Bender & Co., 2022. — Vol. 2. — 840 p.

[7] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 08.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2006. - No. 52 (part 1). - Art. 5496.

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. — 2019. — № 92.

[9] Judgment of the Court (Fourth Chamber) of 16 July 2009 in Infopaq International A/S v. Danske Dagblades Forening, Case C-5/08, ECLI:EU:C:2009:465 // Reports of Cases. — 2009.

[10] Savelyev A. I. Scientific and practical commentary on Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation (digital rights) // Bulletin of Civil Law. — 2021. — № 2. - S. 82-116.

[11] Rozhkova M.A. Artificial intelligence and digital assets: intersection of legal regimes // Journal of Russian Law. — 2024. — № 1. - S. 49-61.

[12] Sukhanov E. A. Problems of codification of legislation on property rights and challenges of digitalization // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. — 2023. — № 9. - S. 104-118.

[13] Frolov I.V. Digital assets in the bankruptcy estate: problems of formation and implementation // Entrepreneurial law. — 2023. — № 3. - S. 41-50.

- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-206-210
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

АБАКУМОВ Владимир Владимирович,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: abakumov_2003@inbox.ru

ЯКУШИН Кирилл Алексеевич,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: recs.4@mail.ru

ОВСЯННИКОВ Александр Иванович,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: dink201958@gmail.com

Научный руководитель:
ЗАРУБИНА Кристина Александровна,
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доцент кафедры ТИГиП Юго-Западного государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

ВРАЧЕБНАЯ ТАЙНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы обеспечения врачебной тайны в условиях цифровизации российского здравоохранения. Анализируются положения Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп.), регулирующие содержание врачебной тайны, обработку медицинской информации и функционирование информационных систем в сфере здравоохранения. Особое внимание уделяется соотношению врачебной тайны и режима персональных данных, расширению круга лиц, имеющих технический доступ к медицинской информации, а также особенностям информационного обмена между медицинскими организациями. Рассматриваются риски несанкционированного доступа, копирования и распространения электронных медицинских сведений. Обосновывается необходимость совершенствования правового регулирования доступа к медицинской информации с учетом цифровой специфики здравоохранения.*

Ключевые слова: *врачебная тайна, медицинское право, цифровизация, здравоохранение, персональные данные, медицинская информация.*

Для цитирования: *Абакумов В. В., Якушин К. А., Овсянников А. И. Врачебная тайна в условиях цифровизации здравоохранения // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 206–210.*

ABAKUMOV Vladimir Vladimirovich,
student at Southwestern State University

YAKUSHIN Kirill Alekseevich,
student at Southwestern State University

OVSYANNIKOV Alexander Ivanovich,
student at Southwestern State University

Supervisor:
ZARUBINA Kristina Alexandrovna,
Ph.D., Ph.D., Associate Professor, Department of TIGiP,
Southwestern State University

MEDICAL SECRECY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF HEALTHCARE

Annotation. *The article examines the problems of ensuring medical confidentiality in the context of digitalization of Russian healthcare. The provisions of the Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ "On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation" (amended and supplemented), regulating the content of medical confidentiality, the processing of medical information and the functioning of information systems in the healthcare sector, are analyzed. Particular attention is paid to the correlation of medical secrecy and the regime of personal data, the expansion of the circle of persons with technical access to medical information, as well as the peculiarities of information exchange between medical organizations. The risks of unauthorized access, copying and dissemination of electronic medical information are considered. The need to improve the legal regulation of access to medical information, taking into account the digital specifics of healthcare, is justified.*

Key words: *medical secrecy, medical law, digitalization, healthcare, personal data, medical information.*

For citation: *Abakumov V. V., Yakushin K. A., Ovsyannikov A. I. Medical secrecy in the context of digitalization of healthcare. Russian scientific bulletin. 2026;(11):206–210. (In Russ.).*

Цифровизация здравоохранения стала одним из заметных направлений развития российской системы охраны здоровья. Электронные медицинские документы, информационные системы, дистанционное общение врача с пациентом и электронные рецепты ускоряют обмен сведениями. Цифровые сервисы записи на прием также упрощают получение медицинской помощи гражданами. Важное значение приобретает развитие Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения. Однако рост объема цифровых данных создает дополнительные риски для их конфиденциальности. При бумажном документообороте медицинские сведения обычно находились у конкретной медицинской организации. Цифровое взаимодействие позволяет передавать информацию между несколькими системами и разными субъектами оказания медицинской помощи [1, с. 69].

Правовое регулирование этой сферы, прежде всего, формируется на основе норм Конституции Российской Федерации. Так, статьи 23 и 24 закрепляют важнейшие положения о неприкосновенности частной жизни и запрете на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия, что так же затрагивает медицинские правоотношения [2]. Статья 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп.). Часть 1 этой статьи относит к врачебной тайне сведения о факте обращения гражданина за медицинской помощью. К ней также относятся данные о состоянии здоровья, диагнозе и другие сведения, полученные при обследовании и лечении. Закон запрещает разглашать такие сведения. Следовательно, защита распространяется не только на диагноз пациента. Врачебная тайна возникает уже при самом обращении за медицинской помощью. Для цифровой среды это особенно значимо, поскольку информационная система может автоматически фиксировать такой факт.

Однако цифровой способ хранения сведений не меняет их правовую природу. Информация сохраняет статус врачебной тайны независимо от формы медицинской документации. Статья 91 Федерального закона № 323-ФЗ регулирует сбор, хранение, обработку и предоставление медицинской информации в информационных системах здравоохранения. При этом персональные данные обрабатывают с соблюдением законодательства о персональных данных и врачебной тайны. Поэтому цифровизация не отменяет конфиденциальность медицинских сведений. Напротив, законодатель сохраняет этот режим при использовании электронных информационных систем.

Особое значение имеет работа Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (далее – ЕГИСЗ). Статья 91.1 Федерального закона № 323-ФЗ определяет цель создания ЕГИСЗ: гражданам обеспечивают доступ к услугам здравоохранения в электронной форме. Система также обеспечивает взаимодействие информационных систем. Ее структура

включает различные информационные ресурсы, связанные со сферой здравоохранения. Закон допускает обработку сведений о лицах, получающих медицинскую помощь, медицинской документации и других соответствующих данных. Отдельные сведения о документации и состоянии здоровья могут размещаться с согласия гражданина или его законного представителя [3].

Цифровая врачебная тайна сталкивается с первой существенной проблемой. Число потенциальных точек доступа к информации увеличивается. Традиционно врачебную тайну связывали прежде всего с врачом и медицинской организацией. В цифровой системе доступ технически может затрагивать медицинских работников и сотрудников организации. К обработке также могут иметь отношение операторы информационных систем и специалисты, обеспечивающие их работу. В предусмотренных законом случаях сведения получают государственные органы и иные организации. Чем больше участников обработки, тем строже нужно разграничивать их полномочия.

Сам технический доступ к информационной системе не дает права свободно просматривать медицинские сведения. Такой доступ связывают с определенными полномочиями и целями обработки данных. Врач, участвующий в лечении пациента, объективно нуждается в соответствующей информации. Однако учетная запись сотрудника медицинской организации не должна открывать ему сведения обо всех пациентах. Цифровое здравоохранение поэтому требует разграничивать доступ по должностным полномочиям. Учитывать следует и необходимость использования конкретной медицинской информации [4, с. 114].

Эта проблема имеет непосредственное практическое значение. Электронные медицинские сведения можно быстро копировать и передавать. Бумажную медицинскую карту невозможно одновременно предоставить десяткам сотрудников. Электронная запись при неправильной настройке системы потенциально доступна значительно большему числу пользователей. Цифровой файл также можно сохранить на другом устройстве или передать через электронные каналы связи. Поэтому одного запрета на разглашение врачебной тайны недостаточно. Нужны технические средства, препятствующие незаконному доступу и позволяющие установить факт такого доступа.

Отдельная проблема возникает при соотношении врачебной тайны с законодательством о персональных данных. Медицинские сведения относятся к персональным данным и одновременно защищаются режимом врачебной тайны. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (с изм. и доп.) относит данные о состоянии здоровья к специальным категориям персональных данных. Их обработка допускается только в случаях, предусмотренных законом. Поэтому медицинская организация одновременно соблюдает несколько правовых режимов: общие правила обработки персональных данных, специальные требования к медицинской информации и нормы о врачебной тайне [5].

Врачебная тайна и персональные данные при этом не совпадают полностью. Врачебная тайна прежде всего определяет конфиденциальность конкретных медицинских сведений и условия их предоставления другим лицам. Режим персональных данных охватывает более широкий круг отношений. Он регулирует сбор, хранение, обработку, использование, передачу и защиту информации о физическом лице. Для цифрового здравоохранения такое разграничение имеет практическое значение. Нарушение одного режима не исключает одновременного нарушения другого [6, с. 41].

Закон предусматривает случаи передачи медицинской информации без согласия гражданина или его законного представителя. Часть 4 статьи 13 Федерального закона № 323-ФЗ содержит достаточно широкий перечень соответствующих оснований. В частности, сведения можно предоставить для лечения пациента, который не способен выразить свою волю. Такое предоставление допускается и при угрозе распространения инфекционных заболеваний. Закон также предусматривает передачу информации по запросам суда, органов дознания и следствия, прокуратуры и в других случаях. Медицинские организации могут обмениваться сведениями для оказания медицинской помощи, включая данные из медицинских информационных систем. При этом они обязаны соблюдать законодательство о персональных данных.

Последнее правило имеет особое значение при цифровизации здравоохранения. Обмен медицинскими сведениями между организациями обеспечивает преемственность лечения. Пациент может сначала обратиться в одну медицинскую организацию, а затем продолжить лечение в другой. В таком случае врачу может понадобиться прежний диагноз, результаты обследований или назначенная терапия. Полностью запретить передачу этих данных означало бы существенно ограничить возможности цифрового здравоохранения. Поэтому проблема заключается не в самом обмене, а в установлении допустимых границ такого взаимодействия.

Главным критерием должна оставаться связь доступа к медицинской информации с конкретной медицинской целью. Сведения, необходимые для диагностики и лечения пациента,

имеют законное основание для использования. Информация, которую просматривают без связи с медицинской помощью, такого основания не получает. Тоже относится к использованию данных в личных интересах работника или третьего лица. Наличие технического доступа само по себе не легализует использование сведений. Поэтому цифровизация требует четко разделять виды доступа и цели обработки медицинской информации.

Отдельный вопрос связан с ответственностью за неправомерное раскрытие медицинских сведений. Электронная система не отменяет ответственность лиц, нарушивших режим врачебной тайны. Однако цифровая среда требует установить не только факт распространения информации. Нужно определить и способ получения доступа к соответствующим сведениям. Поэтому значение приобретают журналы регистрации действий пользователей и идентификация сотрудников. Электронная аутентификация также позволяет фиксировать операции с медицинской информацией [7, с. 103].

Медицинскую информацию используют также для статистических, научных и аналитических целей. Статья 13 Федерального закона № 323-ФЗ допускает разглашение врачебной тайны для научных исследований и других целей. Такое разглашение возможно при наличии предусмотренного законом согласия. Законодательство о цифровом здравоохранении допускает формирование информации без персональных данных или с обезличенными персональными данными. При этом необходимо отделять сведения, позволяющие установить личность пациента, от данных статистического анализа. Одного формального указания на «обезличивание» недостаточно для автоматического устранения риска идентификации.

Таким образом, цифровизация здравоохранения расширяет возможности реализации права граждан на медицинскую помощь. Одновременно она создает дополнительные угрозы сохранению врачебной тайны. Электронная медицинская документация и ЕГИСЗ обеспечивают преемственность лечения и ускоряют информационный обмен. Однако увеличение объема цифровых данных требует более строгого контроля доступа. Законодательство уже закрепляет основные элементы соответствующего регулирования. Статья 13 Федерального закона № 323-ФЗ определяет содержание врачебной тайны и допустимые случаи ее раскрытия. Статьи 91 и 91.1 устанавливают правовые основы информационного обеспечения здравоохранения и работы ЕГИСЗ. Между тем, основная проблема заключается в соответствии технических возможностей информационных систем юридическим пределам доступа к медицинским сведениям. Поэтому требуется развивать персональное разграничение доступа медицинских работников. Не менее важна обязательная фиксация действий пользователей с медицинскими данными. Следует также контролировать необоснованные обращения к электронным медицинским картам и повышать ответственность за неправомерное использование цифровой медицинской информации. При дальнейшей цифровизации врачебная тайна должна охватывать не только обязанность врача сохранять сведения о пациенте. Этот режим должен защищать медицинскую информацию на всех этапах ее существования: от получения и внесения в электронную систему до хранения, передачи и уничтожения.

Список литературы:

[1] Якуньков В. В. Проблемы правового регулирования информационно-технологических систем в сфере охраны здоровья населения / В. В. Якуньков // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 3 (231). – С. 68-73.

[2] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 05.10.2026).

[3] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (с изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 05.10.2026).

[4] Ананьева Е. О. Цифровые технологии в системе здравоохранения: доступ к данным и медицинская тайна / Е. О. Ананьева, П. В. Ивлиев // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 4 (220). – С. 113-114.

[5] О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (с изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 06.10.2026).

[6] Рузанова В. Д. Гармонизация законодательства об охране здоровья и законодательства о персональных данных как основа для развития персонализированной медицины / В. Д. Рузанова // Юридический вестник Самарского университета. – 2023. – № 4. – С. 38-45.

[7] Мустафина-Бредихина Д. М. Предоставление сведений о пациенте: от врачебной тайны до врачебной ошибки / Д. М. Мустафина-Бредихина // Неонатология: Новости. Мнения. Обучение. 2015. № 2 (8). С. 102-104.

References:

[1] Yakunkov V.V. Problems of legal regulation of information technology systems in the field of public health protection / V.V. Yakunkov // Law and the state: theory and practice. – 2024. – № 3 (231). - S. 68-73.

[2] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote 12.12.1993 (with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information. - URL: http://pravo.gov.ru (access date: 05.10.2026).

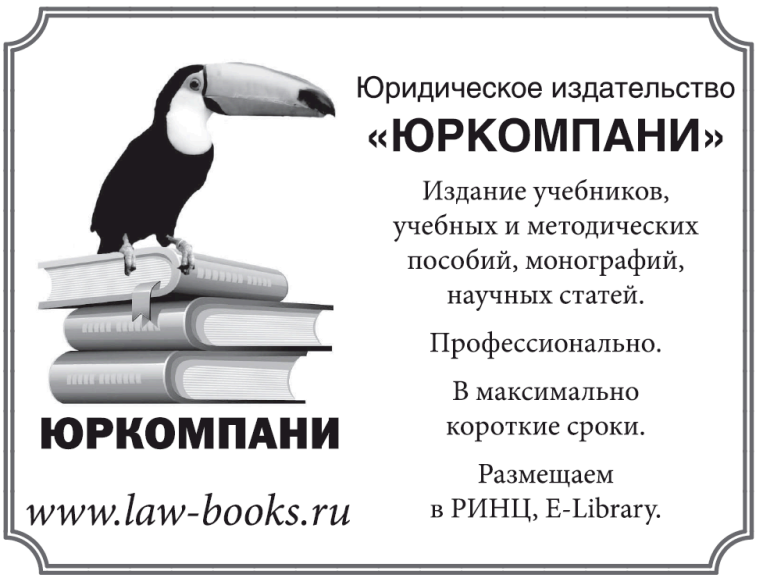
[3] On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ (as amended) // Official Internet portal of legal information. - URL: http://pravo.gov.ru (access date: 05.10.2026).

[4] Ananyeva E.O. Digital technologies in the healthcare system: access to data and medical secrecy/E.O. Ananyeva, P.V. Ivliev // Agrarian and land law. – 2023. – № 4 (220). - S. 113-114.

[5] On personal data: Federal Law No. 27.07.2006 of 152-FZ (as amended) // Official Internet portal of legal information. - URL: http://pravo.gov.ru (access date: 06.10.2026).

[6] Ruzanova V. D. Harmonization of health protection legislation and legislation on personal data as a basis for the development of personalized medicine/V. D. Ruzanova // Legal Bulletin of Samara University. – 2023. – № 4. - S. 38-45.

[7] Mustafina-Bredikhina D. M. Providing information about the patient: from medical confidentiality to medical error / D. M. Mustafina-Bredikhina // Neonatology: News. Opinions. Training. 2015. № 2 (8). S. 102-104.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-211-216
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ЗАРИПОВ Шамиль Ришатович,
Старший преподаватель кафедры финансового и административного права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: zaripovlawyer@mail.ru

КАРАМОВ Ильгиз Флоритович,
Старший преподаватель кафедры финансового и административного права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: absolvitur2022@gmail.com

ОГУРЕЧНИКОВ Денис Георгиевич,
Доцент кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

САЛИМОВ Ильгиз Арсланович,
Доцент кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

ЗАРИПОВ Ришат Усманович,
Старший преподаватель кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

СИСТЕМОПРИОБРЕТЕННЫЕ КАТЕГОРИИ ФИНАНСОВОГО ПРАВА

Аннотация. *Статья посвящена системоприобретенным категориям финансового права, которые, в отличие от системообразующих категорий финансового права (предмет, функции, метод, принципы, финансово-правовая политика, финансы), формируются и приобретают системное качество в процессе функционирования уже сложившейся отрасли. Выделены их признаки: 1) производность; 2) функциональная специализация. К таким категориям отнесены финансово-правовой режим, субъекты финансового права, финансово-правовая ответственность и финансовый контроль. Кратко раскрыто содержание каждой из них, включая развитие субъектного состава в условиях цифровизации и сквозной характер финансового контроля. Показана корреспондирующая связь этих категорий с предметом, функциями, методом, принципами, финансово-правовой политикой и финансами.*

Ключевые слова: *системообразующие категории финансового права, системоприобретенные категории финансового права, финансово-правовой режим, субъекты финансового права, финансово-правовая ответственность, финансовый контроль.*

Для цитирования: *Зарипов Ш. Р., Карамов И. Ф., Огуречников Д. Г., Салимов И. А., Зарипов Р. У. Системоприобретенные категории финансового права // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 211–216.*

ZARIPOV Shamil Rishatovich,
Senior Lecturer at the Department of Financial and Administrative Law, Institute of Law, «Ufa University of Science and Technology», Ufa, Russia

KARAMOV Ilgiz Floritovich,
Senior Lecturer at the Department of Financial and Administrative Law, Institute of Law, «Ufa University of Science and Technology», Ufa, Russia

OGURECHNIKOV Denis Georgievich,
Associate Professor of the Department of Physical Culture at the Institute of Nature and Human, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology», Ufa, Russia

SALIMOV Ilgiz Arslanovich,
Associate Professor of the Department of Physical Culture at the Institute of Nature and Human, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology», Ufa, Russia

ZARIPOV Rishat Usmanovich,
Senior Lecturer at the Department of Physical Education, Institute of Nature and Humanity, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology», Ufa, Russia

UNIT SYSTEM-ACQUIRED CATEGORIES OF FINANCIAL LAW

Annotation. *The article is devoted to the system-acquired categories of financial law, which, unlike the system-forming categories of financial law (subject, functions, method, principles, financial-legal policy, finance), are formed and acquire systemic quality in the process of functioning of an already established branch. Their characteristics are identified: 1) derivative nature; 2) functional specialization. Such categories include the financial-legal regime, the subjects of financial law, financial-legal liability, and financial control. The content of each of them is briefly outlined, including the development of the subject composition under conditions of digitalization and the cross-cutting nature of financial control. The corresponding relationship between these categories and the subject, functions, methods, principles, financial-legal policy, and finances is shown.*

Key words: *System-forming categories of financial law, system-acquired categories of financial law, financial-legal regime, subjects of financial law, financial-legal liability, financial control.*

For citation: *Zaripov Sh. R., Karamov I. F., Ogurechnikov D. G., Salimov I. A., Zaripov R. U. Unit system-acquired categories of financial law. Russian scientific bulletin. 2026;(11):211–216. (In Russ.).*

Ранее в исследовании соавтор настоящей статьи отмечал: «Системообразующие категории отрасли права – конвенционально утвержденная совокупность единых и отраслевых категорий, являющиеся целостностными, конвергенциональными, трансформируемыми и динамичными, иерархичными, универсальными, имеющие нормативное содержание и широту воздействия, категории отрасли права в обеспечении функции дифференциации отрасли права в системе права» [4, с. 16]. Наряду с системообразующими категориями финансового права (предмет, функции, метод, принципы, финансово-правовая политика и финансы) [5, с. 254], в структуре финансового права присутствуют системоприобретенные факторы (категории). Их правовая природа и функциональная роль качественно иныес они не конституируют отрасль изначально, не определяют её фундаментальные основания и не задают вектор её возникновения. Напротив, системоприобретенные категории формируются, вызревают и обретают системное качество в процессе функционирования уже сложившейся отрасли права. Как отмечала А.Д. Шминке, системоприобретенные связи складываются именно в процессе функционирования данной системы [10, с. 16].

С позиций теории функциональных систем П.К. Анохина, системоприобретенные категории относятся к числу внутренних факторов, которые порождаются объединёнными в систему элементами и группами элементов в ходе их взаимодействия [2, с. 78]. Если системообразующие категории первого и второго порядка выступают своего рода «генетическим кодом» отрасли, предопределяющим её рождение и базовую архитектуру, то системоприобретенные категории представляют

собой функциональные органы, которые возникают по мере необходимости, эволюционируют вместе с системой и обеспечивают её адаптацию к изменяющимся условиям.

Отличительными признаками системоприобретенных категорий финансового права являются: 1) производность, то есть они возникают на основе и в развитие системообразующих категорий первого и второго порядка; 2) функциональная специализация, то есть каждая из них обслуживает определённый аспект финансово-правового регулирования. К числу системоприобретенных категорий финансового права относятся финансово-правовой режим, субъекты финансового права, финансово-правовая ответственность и финансовый контроль. Рассмотрим каждую из них.

Финансово-правовой режим представляет собой одну из наиболее сложных и теоретически емких системоприобретенных категорий финансового права. Как обосновано в диссертационном исследовании К.В. Андриевского, финансово-правовой режим «являясь ядром финансово-правового регулирования в целом, обеспечивает регулирование поведения участников общественных отношений, складывающихся в сфере публичных финансов, сообразно отраслевому предмету и методу» [1, с. 91].

Будучи разновидностью публичного правового режима, финансово-правовой режим представляет собой целостную систему финансово-правовых норм, которые закрепляют и гарантируют: 1) соответствующий порядок поведения субъектов режимного регулирования в отношениях, определяющих движение публичных денежных средств; 2) целевое воздействие на поведение субъектов в указанных отношениях с учётом баланса интересов их участников. Системоприобретенный характер финансово-правового режима проявляется в том, что он не является изначально заданной конструкцией, а формируется в процессе развития финансового права как реакция на потребность в упорядочении определённых групп финансовых отношений.

В рамках финансового права выделяются различные виды режимов бюджетно-правовые, налогово-правовые, правовые режимы денежного обращения и валютного регулирования, каждый из которых возникает по мере усложнения соответствующей сферы финансовых отношений и приобретает собственные, неповторимые черты. Финансово-правовой режим выполняет важнейшую селективную функцию в рамках теории функциональных систем, он ограничивает множество возможных вариантов поведения субъектов, оставляя лишь те, которые соответствуют целям финансово-правового регулирования и ведут к достижению полезного результата по эффективному, законному и социально ориентированному публичному финансовому порядку. Именно через режимы финансовое право настраивается на регулирование конкретных видов финансовых отношений.

Субъекты финансового права также относится к числу системоприобретенных, поскольку она возникает и эволюционирует в процессе практического функционирования финансово-правовой системы. Как отмечает И.Г. Гараев, субъект финансового правоотношения - это реальный участник финансовых правоотношений, реализовавший свою потенциальную способность [3, с. 14]. В теории финансового права субъект определяется как лицо, обладающее правосубъектностью и наделённое необходимыми правами и обязанностями, потенциально способное стать участником финансовых правоотношений.

В видовом многообразии субъектов финансового права выделяются: 1) государство (Российская Федерация, субъекты РФ, публично-территориальные образования); 2) коллективные субъекты (юридические лица, органы государственной власти и местного самоуправления, организации); 3) индивидуальные субъекты – физические лица, вступающие в финансовые отношения (граждане РФ, лица без гражданства, бипатриды, иностранные граждане) [3, с. 14]. Ю.А. Крохина определяет субъектов финансового права как «лица (физические или юридические), государственно-территориальное образование и их органы, за которыми финансовым законодательством признано особое юридическое свойство (качество) правосубъектности, дающее возможность участвовать в различных финансовых правоотношениях» [6, с. 103].

Системоприобретенный характер категории субъектов проявляется в её динамичности: по мере развития финансовых отношений и появления новых их участников – операторов цифровых платформ, майнеров цифровой валюты, владельцев цифровых кошельков, цифровых аватаров в метавселенных – круг субъектов финансового права расширяется, а их правовой статус уточняется и конкретизируется. Именно в этом качестве категория субъектов связывает воедино предмет, метод и принципы финансового права, обеспечивая их практическую реализацию в конкретных правоотношениях.

Финансово-правовая ответственность является ещё одной ключевой системоприобретенной категорией. Как справедливо отмечалось в ходе третьей советской дискуссии о системе права, наличие самостоятельной ответственности является одним из дополнительных критериев отраслеобразования, что подтверждает си-

стемное значение данной категории [8, с. 43]. Н.А. Саттарова раскрывает финансово-правовую ответственность как «форму государственного принуждения в сфере финансовой деятельности государства и муниципальных образований, заключающейся в применении компетентными органами государственной власти к правонарушителю финансово-правовых норм обременений имущественного характера» [7, с. 53]. Основными разновидностями финансово-правовой ответственности являются налоговая, бюджетная, банковская и валютная ответственность. Каждая из них обладает собственной спецификой, однако все они объединены общей публично-правовой природой и направлены на охрану публичных финансовых интересов. Системоприобретенный характер финансово-правовой ответственности обусловлен тем, что она возникает и развивается как реакция правовой системы на потребность в охране финансовых отношений.

В отличие от предмета, метода или принципов, которые предшествуют возникновению отрасли, ответственность формируется по мере накопления правоприменительной практики, выявления типичных нарушений и необходимости их пресечения. Именно поэтому финансово-правовая ответственность не является статичной конструкцией: она постоянно эволюционирует, обогащаясь новыми составами правонарушений (например, в сфере цифровых финансовых активов, майнинга, валютного контроля), новыми видами санкций и новыми процедурами привлечения к ответственности.

В доктрине финансового права отсутствует единое, устоявшееся определение финансового контроля. Однако в обобщённом виде под финансовым контролем понимается контроль за законностью и целесообразностью действий в области образования, распределения и использования денежных фондов государства и субъектов местного самоуправления в целях эффективного социально-экономического развития страны и её регионов. Финансовый контроль представляет собой не только процесс изучения совокупности операций, приносящих доход, но и систему мероприятий, направленных на изучение субъектов хозяйственной деятельности, действующих на территории Российской Федерации. В более широком смысле финансовый контроль в доктрине понимается как термин, объединяющий любую контрольную деятельность государства и местного самоуправления в финансовой сфере. И.Б. Лагутин, исследуя финансовый контроль как категорию финансового права, отмечает, что это цельное научное направление финансового права, а также важное специальное понятие, включающее в себя другие понятия (государственный и муниципальный финансовый контроль, валютный контроль, налоговый контроль и др.) [9]. Финансовый контроль является своего рода стержнем как для системы правоотношений, составляющих предмет финансового права, так и для теории финансово-правовой науки.

Системоприобретенный характер финансового контроля проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, финансовый контроль возникает и развивается как реакция на потребность в охране финансовых отношений. Он не является изначально заданной конструкцией, предшествующей отрасли, а формируется по мере усложнения финансовой деятельности государства, появления новых видов доходов и расходов, расширения круга участников финансовых отношений. Именно потребность в обеспечении законности, эффективности и целевого характера использования публичных фондов порождает институт финансового контроля, который затем обрастает собственной нормативной базой, процедурами и субъектами. Во-вторых, финансовый контроль сквозным образом пронизывает все подотрасли и институты финансового права. Он не существует как изолированное правовое образование, а вплетён в ткань бюджетного, налогового, валютного, банковского регулирования.

Бюджетный контроль осуществляется в рамках бюджетного процесса, налоговый контроль в ходе налогового администрирования, валютный контроль при осуществлении валютных операций, банковский надзор в процессе регулирования кредитных организаций. Эта сквозная, интегрированная природа и есть главное проявление системоприобретенного качества: контроль возникает там, где возникает потребность в проверке, и развивается вместе с развитием регулируемых отношений. В-третьих, финансовый контроль эволюционирует вместе с финансово-правовой системой, обогащаясь новыми формами, методами и субъектами. В условиях цифровой экономики финансовый контроль трансформируется: внедряются автоматизированные системы мониторинга (распределённый реестр ФНС, платформа «Знай своего клиента», «прозрачный блокчейн» Росфинмониторинга), появляются новые объекты контроля (цифровые финансовые активы, операции с криптовалютами, майнинг), формируются новые контрольные процедуры (мониторинг в режиме реального времени, риск-ориентированный подход). Эта динамичность подтверждает, что финансовый контроль не является раз и навсегда данной конструкцией, а живёт и развивается вместе с отраслью.

В доктрине финансового права существуют различные подходы к определению места финансового контроля от признания его самостоятель-

ным институтом до рассмотрения в качестве подотрасли. Однако с позиций системного подхода наиболее адекватным является понимание финансового контроля как сквозного функционального института, который: 1) не образует изолированной подотрасли, а интегрирован во все ключевые институты; 2) выполняет сервисную, обеспечивающую роль по отношению к регулятивным институтам; 3) связывает воедино предмет, метод, принципы и иные системообразующие категории, обеспечивая их практическую реализацию.

Финансовый контроль охватывает: контроль за формированием доходов бюджетов; контроль за расходованием бюджетных средств; контроль за управлением государственным и муниципальным имуществом; контроль за соблюдением финансовой дисциплины в налоговых и иных обязательных платежах. По времени проведения он подразделяется на предварительный, текущий и последующий. По видам выделяются бюджетный, налоговый, валютный, банковский и страховой надзор, аудит. По субъектам государственный, муниципальный, внутренний и внешний контроль.

Финансовый контроль как системоприобретенная категория выполняет ряд функций, каждая из которых имеет системное значение: 1) Обеспечительная (контрольная) функция гарантирует соблюдение финансово-правовых норм, законности и финансовой дисциплины. Это основная, системообразующая функция, без которой все иные функции утрачивают смысл. 2) Превентивная (предупредительная) функция предупреждает финансовые правонарушения, выявляя отклонения на ранних стадиях и не допуская их развития. В рамках теории функциональных систем эта функция выполняет роль «раннего предупреждения», позволяя системе корректировать своё движение до наступления необратимых последствий. 3) Охранительная функция служит основанием для применения мер финансово-правовой ответственности (налоговые санкции, бюджетные меры принуждения), обеспечивая неотвратимость наказания за нарушения. 4) Аналитическая (оценочно-аналитическая) функция формирует информацию для корректировки финансовой политики, оценки эффективности распределительной функции финансов, позволяет выявлять системные проблемы и вырабатывать рекомендации по их устранению. 5) Регулятивная функция через контрольные механизмы оказывает воздействие на поведение участников финансовых отношений, побуждая их к законопослушному и эффективному поведению.

Финансовый контроль как системоприобретенная категория находится в тесной корреспондирующей связи со всеми системообразующими категориями первого и второго порядка: 1) с предметом финансового права финансовый контроль охватывает именно те отношения, которые входят в предмет финансового права (формирование, распределение, использование публичных фондов); 2) с функциями финансового права финансовый контроль выступает инструментом реализации охранительной, регулятивно-динамической и отчасти стимулирующей функций; 3) с методом финансового права финансовый контроль осуществляется преимущественно императивными методами, но в условиях цифровизации дополняется диспозитивными элементами (самоконтроль, риск-ориентированный подход); 4) с принципами финансового права финансовый контроль является механизмом реализации принципов законности, гласности, эффективности, неотвратимости ответственности; 5) с финансово-правовой политикой финансовый контроль обеспечивает обратную связь, позволяя оценивать достижение целей политики и корректировать их; 6) с финансами финансовый контроль есть практическое воплощение контрольной функции самих финансов как экономической категории. Именно через эту систему корреспондирующих связей финансовый контроль обретает свою системоприобретенную сущность, он не существует сам по себе, а вырастает из потребностей всех иных элементов системы, обслуживая их и обеспечивая их эффективное функционирование.

Таким образом, финансовый контроль, будучи системоприобретенной категорией финансового права, является механизмом обратной связи финансово-правового регулирования.

Подводя итог исследованию, системоприобретенные категории финансового права финансово-правовой режим, субъекты, финансово-правовая ответственность и финансовый контроль выполняют важнейшие системные функции: 1) обеспечивают практическую реализацию системообразующих категорий первого и второго порядка, переводя абстрактные принципы и нормы в плоскость реальных правоотношений; 2) адаптируют финансово-правовую систему к изменяющимся условиям, возникая и эволюционируя в ответ на новые вызовы и потребности; 3) интегрируют разрозненные институты и нормы в единые функциональные блоки; 4) выступают индикаторами эффективности финансово-правового регулирования состояние финансово-правового режима, круг субъектов и уровень правовой ответственности свидетельствуют о зрелости и развитости отрасли; 5) обеспечивают обратную связь в системе, сигнализируя о сбоях и дефектах правового регулирования и запуская механизмы их устранения. Исследование системоприобретенных категорий в системном ключе позволяет завершить формирование целостной методоло-

гической модели финансового права, в которой системообразующие категории первого и второго порядка задают фундаментальную архитектуру отрасли, а системоприобретенные категории обеспечивают её функционирование, развитие и адаптацию. Именно в единстве этих двух групп категорий, изначально заданных и функционально приобретенных, проявляется подлинная системность финансового права как динамичного, саморазвивающегося и целенаправленного правового образования, способного эффективно регулировать стремительно меняющиеся финансовые отношения в условиях цифровой трансформации и глобальной конкуренции юрисдикций.

Список литературы:

[1] Андриевский К. В. Финансово-правовые режимы : дис. … д-ра юрид. наук. — Москва, 2022. 503 с.

[2] Анохин П.К. Избр. труды. Философские аспекты теории фундаментальной системы. М.: «Наука», 1978. 400 с.

[3] Гараев И.Г. Государственные и муниципальные унитарные предприятия как субъекты российского финансового права. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 2011. 23 с.

[4] Зарипов Ш. Р. Понятие, признаки и сущность системообразующих категорий отрасли права, на примере системообразующих категорий финансового права / Ш. Р. Зарипов // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 31. – С. 8-19.

[5] Зарипов Ш.Р., Зарипов Р.У., Гарифуллин Р.Р., Еремеев В.Ю., Махмутов И.С. Методологические концепции определения системообразующих категорий правового образования // Российский научный вестник. – 2026. – № 8. – С. 248-257.

[6] Крохина Ю.А. Финансовое право России : учебник / Ю.А. Крохина. – 7-е изд., перераб. М. : Норма: ИНФРА-М, 2024. 568 с.

[7] Саттарова Н.А. Финансово-правовая ответственность: учеб. Пособие / Н.А. Саттарова. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2009. 136 с.

[8] Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 4 (231). С. 34-45.

[9] Лагутин, И. Б. Финансовый контроль как категория финансового права / И. Б. Лагутин // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 3(8). – С. 122-127.

[10] Шминке А.Д. Система права и система законодательства России: вопросы методологии … автореферат дисс. на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Саратов. 2012. 32 с.

References:

[1] Andrievsky K.V. Financial and legal regimes: dis.... Dr. Jurid. sciences. - Moscow, 2022. 503 p.

[2] Anokhin P.K. Izbr. works. Philosophical aspects of fundamental system theory. M.: "Science," 1978. 400 s.

[3] Garayev I.G. State and municipal unitary enterprises as subjects of Russian financial law. Abstract dis.... cand. jurid. sciences. Chelyabinsk. 2011. 23 pp.

[4] Sh. R. Zaripov. The concept, characteristics and essence of the backbone categories of the branch of law, using the example of the backbone categories of financial law/Sh. R. Zaripov // Issues of Russian justice. – 2024. – № 31. - S. 8-19.

[5] Zaripov Sh. R., Zaripov R.U., Garifullin R.R., Eremeev V.Yu., Makhmutov I.S. Methodological concepts for determining the backbone categories of legal education // Russian Scientific Bulletin. – 2026. – № 8. - S. 248-257.

[6] Krokhina Yu.A. Financial law of Russia: textbook/Yu.A. Krokhina. - 7th ed., Revised. M.: Norm: INFRA-M, 2024. 568 p.

[7] Sattarova N.A. Financial and legal responsibility: study. Manual / N.A. Sattarova. - Kazan: Publishing house "Cognition" of the Institute of Economics, Management and Law, 2009. 136 s.

[8] Sorokin V.D..Legal regulation: subject, method, process // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2000. № 4 (231). S. 34-45.

[9] Lagutin, I. B. Financial control as a category of financial law / I. B. Lagutin // problems of Russian law. – 2008. – № 3(8). - S. 122-127.

[10] Schminke A.D. The system of law and the system of legislation of Russia: issues of methodology... abstract diss. for the degree of candidate of legal sciences. Saratov. 2012. 32 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-217-227
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

СТЕПАНОВ Радик Геннадьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного администрирования, факультет безопасности и таможни, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ОТ КАРАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ К ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: РЕФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕДОСТОВЕРНОЕ ДЕКЛАРИРОВАНИЕ ТОВАРОВ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ДОБРОСОВЕСТНЫХ УЧАСТНИКОВ ВЭД

Аннотация. *В статье исследуются системные дефекты действующей модели административной ответственности за недостоверное декларирование товаров (ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ), не разграничивающей умышленное занижение таможенных платежей и технические ошибки добросовестных участников внешнеэкономической деятельности. На основании формально-юридического, сравнительно-правового и эмпирического методов анализа, включая материалы практической деятельности таможенного представителя ООО «ТРАНСЛОДЖИКС», выявлена несоразмерность карательных санкций, применяемых к неосторожным ошибкам, и обоснована необходимость перехода к дифференцированной модели ответственности. Предложены легальное определение технической ошибки, градация санкций в зависимости от суммы занижения и наличия умысла, обязательное судебное смягчение наказания для добросовестных декларантов, расширение оснований освобождения на стадию до выпуска товаров, а также элементы добровольного таможенного комплаенса. Результаты исследования могут быть использованы в правотворческой деятельности, судебной практике и таможенном администрировании.*

Ключевые слова: *недостоверное декларирование, административная ответственность, техническая ошибка, дифференциация ответственности, таможенные платежи, добросовестные участники внешнеэкономической деятельности, ст. 16.2 КоАП РФ, таможенный комплаенс.*

Для цитирования: *Степанов Р. Г. От карательной модели к дифференцированной ответственности: реформирование административной ответственности за недостоверное декларирование товаров в контексте защиты добросовестных участников ВЭД // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 217–227.*

STEPANOV Radik Gennadievich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Customs Administration, Faculty of Security and Customs, RANEPA under the President of the Russian Federation

FROM PUNITIVE MODEL TO DIFFERENTIATED RESPONSIBILITY: REFORMING ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR INACCURATE DECLARATION OF GOODS IN THE CONTEXT OF PROTECTING BONA FIDE FOREIGN TRADE PARTICIPANTS

Annotation. *The article examines systemic defects in the current model of administrative responsibility for inaccurate declaration of goods (part 2 of article 16.2 of the Administrative Code of the Russian Federation), which does not distinguish between deliberate understatement of customs payments and technical errors of bona fide participants in foreign economic activity. Based on the formal legal, comparative legal and empirical methods of analysis, including the materials of*

the practical activities of the customs representative of TRANSLOGICS LLC, the disproportion of punitive sanctions applied to careless errors was revealed, and the need to switch to a differentiated model of responsibility was justified. Proposed is a legal definition of a technical error, a gradation of sanctions depending on the amount of understatement and the presence of intent, mandatory judicial mitigation of punishment for bona fide declarants, expansion of the grounds for release to the stage before the release of goods, as well as elements of voluntary customs compliance. The results of the study can be used in law-making activities, judicial practice and customs administration.

Key words: *inaccurate declaration, administrative responsibility, technical error, differentiation of responsibility, customs payments, bona fide participants in foreign economic activity, Art. 16.2 Administrative Code of the Russian Federation, customs compliance.*

For citation: *Stepanov R. G. From punitive model to differentiated responsibility: reforming administrative responsibility for inaccurate declaration of goods in the context of protecting bona fide foreign trade participants. Russian scientific bulletin. 2026;(11):217–227. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Таможенные платежи занимают одно из центральных мест в архитектуре доходной части федерального бюджета Российской Федерации. Включая ввозные и вывозные таможенные пошлины, налог на добавленную стоимость и акцизы, взимаемые при перемещении товаров через таможенную границу, а также таможенные сборы, они формируют порядка 30-35 % совокупных бюджетных поступлений [17]. По данным Федеральной таможенной службы, в 2025 г. объём перечислений в федеральный бюджет составил 5,91 трлн рублей [17], что наглядно подтверждает системообразующую фискальную роль таможенного администрирования. Столь значительный финансовый поток неизбежно привлекает внимание и добросовестных участников внешнеэкономической деятельности, и лиц, заинтересованных в минимизации обязательных платежей противоправными способами.

Среди многообразия форм уклонения от уплаты таможенных платежей особое место занимают недекларирование и недостоверное декларирование товаров. В отличие от использования льготных режимов, фиктивных внешнеторговых операций или неправомерного применения тарифных преференций, данные правонарушения непосредственно связаны с искажением сведений, представляемых таможенному органу, что придаёт им высокую латентность и существенно затрудняет своевременное выявление [11]. Статистика правоохранительной деятельности таможенных органов свидетельствует об устойчивой негативной динамике: количество дел, возбуждённых по ст. 16.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ), возросло с 22309 в 2020 г. до 29217 в 2024 г., то есть почти на 31 % [16]. Доля указанной категории правонарушений в общем массиве таможенной деликтности стабильно составляет 35-40 %, что позволяет квалифицировать проблему как системную [17]. Не менее показательны данные о доначислениях после корректировки таможенной стоимости: если в 2023 г. их объём составлял 28,84 млрд рублей, то в 2024 г. - уже 38,04 млрд, а в 2025 г. достиг 56,4 млрд рублей [17], что указывает на нарастающую масштабность выявляемых искажений.

Вместе с тем рост числа возбуждённых дел сам по себе не свидетельствует об эффективности действующего механизма ответственности. Ключевая проблема, на которой сосредоточено настоящее исследование, заключается в ином. Часть вторая ст. 16.2 КоАП РФ сконструирована как формальный состав: для привлечения к ответственности достаточно самого факта заявления недостоверных сведений, которые могли послужить основанием для занижения подлежащих уплате таможенных платежей, без обязательного установления направленности умысла [8]. Единственный количественный фильтр - порог в 5 евро, введённый законодателем с 9 января 2026 г., - защищает декларантов лишь от незначительных сумм занижения [2]. При любой ошибке, повлёкшей недоплату свыше указанного эквивалента, участник внешнеэкономической деятельности рискует быть привлечённым к штрафу в размере от половины до двукратной суммы неуплаченных платежей вне зависимости от того, было ли нарушение результатом умышленной схемы или технической неточности при заполнении декларации.

Указанная правовая конструкция порождает очевидную несоразмерность. Добросовестный декларант, допустивший описку в коде Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности либо неполно указавший характеристики товара, оказывается в одном правовом поле с лицом, сознательно использующим цепочку фирм-однодневок, поддельные инвойсы и многоуровневые посреднические схемы для уклонения от уплаты таможенных платежей. Суды при этом не наделены обязанностью снижать размер штрафа при установлении технической ошибки: соответствующая норма ст. 4.1 КоАП РФ носит дискреционный характер, и на практике суды нередко отказывают в смягчении наказания, ссылаясь на

формальный характер состава правонарушения [10]. Единообразная судебная практика, предусматривающая дифференцированный подход к добросовестным участникам внешнеэкономической деятельности, к настоящему времени не сложилась.

Отмеченная проблема привлекает внимание исследователей. Вопросы административной ответственности за недекларирование и недостоверное декларирование рассматривались в работах Е. В. Севостьяновой [7], Е. И. Ладохина [8], В. А. Казанской [9], Э. В. Дриголы [11], Е. С. Полушина [10]. Проблемы контроля таможенной стоимости анализировались Г. И. Немировой и А. М. Ивановой [12], М. А. Бастраковой и О. Б. Сокольниковой [13]. Вместе с тем большинство указанных исследований сосредоточено на отдельных аспектах квалификации или на конкретных видах схем уклонения. Комплексная модель дифференциации административной ответственности, учитывающая степень вины, размер занижения и добросовестность декларанта, в том числе через введение легального понятия «технической ошибки» и обязательного судебного смягчения санкций, до настоящего времени не разработана. Данный пробел обусловливает научную новизну и практическую значимость настоящего исследования.

В этой связи выдвигается следующая гипотеза: действующая модель административной ответственности за недостоверное декларирование товаров, построенная на карательной парадигме и не разграничивающая умышленные правонарушения и технические ошибки, приводит к необоснованному привлечению добросовестных участников внешнеэкономической деятельности к санкциям, сопоставимым с наказанием за умышленные схемы уклонения, и снижает общую эффективность таможенного администрирования. Переход к дифференцированной модели ответственности, включающей легальное определение технической ошибки, градацию санкций в зависимости от степени вины и суммы занижения, обязательное судебное смягчение наказания для добросовестных декларантов, а также элементы добровольного таможенного комплаенса, способен обеспечить баланс между фискальными интересами государства и защитой законных интересов бизнеса.

Цель исследования состоит в обосновании необходимости и разработке конкретных предложений по реформированию ст. 16.2 КоАП РФ в направлении дифференциации административной ответственности за недостоверное декларирование товаров с учётом защиты добросовестных участников внешнеэкономической деятельности. Для достижения цели поставлены следующие задачи: (1) диагностировать правовые дефекты действующей конструкции ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ; (2) проанализировать практику применения формального состава к техническим ошибкам декларантов; (3) разработать модель дифференцированной ответственности, включающую легальное определение технической ошибки и градацию санкций; (4) обосновать дополнения к ст. 4.1 КоАП РФ и сформулировать рекомендации для разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации; (5) определить роль добровольного таможенного комплаенса как превентивного инструмента.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологический аппарат настоящего исследования включает совокупность общенаучных и специально-юридических методов, обеспечивающих комплексность и достоверность полученных выводов.

Формально-юридический метод применён для анализа действующих норм ст. 16.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, ст. 194 Уголовного кодекса Российской Федерации [3], а также нормативных положений Таможенного кодекса Евразийского экономического союза [1] и Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [4] в части, касающейся процедуры декларирования и оснований ответственности. Данный метод позволил выявить структурные дефекты формального состава правонарушения и установить пробелы правового регулирования, в частности отсутствие легального определения технической ошибки в тексте КоАП РФ.

Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления подходов к квалификации недекларирования и недостоверного декларирования в административном и уголовном праве, а также для выявления различий в доказывании умысла при применении ст. 16.2 КоАП РФ и ст. 194 УК РФ. Кроме того, элементы сравнительного анализа позволили оценить потенциальную применимость принципа пропорциональности санкций, характерного для права Европейского союза, к российской модели административной ответственности.

Анализ правоприменительной практики опирается на материалы судебных решений арбитражных судов, а также на правовые позиции, сформулированные в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2023 № 19 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 194, 198, 199 УК РФ» [5] и Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 49

[6]. Эмпирическую базу исследования составляют открытые статистические данные Федеральной таможенной службы, включая показатели правоохранительной деятельности таможенных органов за 2020-2024 гг. [16] и сведения о результатах контроля после выпуска товаров [17].

Отдельным источником эмпирических данных послужили материалы практической деятельности в сфере таможенного оформления, полученные в ООО «ТРАНСЛОДЖИКС» - организации, осуществляющей функции таможенного представителя и сопровождающей процедуры декларирования товаров. В рамках практической работы были изучены декларации на товары, товаросопроводительные документы, коммерческие инвойсы, а также материалы запросов таможенных органов и случаи корректировки таможенной стоимости. При использовании указанных материалов соблюдены требования конфиденциальности коммерческой информации; конкретные номера деклараций и реквизиты контрагентов не приводятся.

Метод правового моделирования (de lege ferenda) применён для формулирования авторских предложений по совершенствованию ст. 16.2 КоАП РФ и ст. 4.1 КоАП РФ, включая разработку легального определения технической ошибки, градацию санкций и обязательное судебное смягчение наказания для добросовестных декларантов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Диагностика проблемы: формальный состав ст. 16.2 КоАП РФ и его правовые последствия

Действующая конструкция ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ квалифицирует как административное правонарушение заявление декларантом или таможенным представителем недостоверных сведений о товарах, которые послужили основанием для занижения подлежащих уплате таможенных платежей [2]. Ключевой характеристикой данного состава является его формальный характер: для наступления ответственности не требуется реального причинения ущерба бюджету - достаточно самого факта представления сведений, которые могли повлечь занижение платежей. Иными словами, законодатель ставит знак равенства между потенциальной возможностью недоплаты и фактически совершённым уклонением.

С 9 января 2026 г. в указанную норму внесено существенное изменение: введён так называемый защитный порог в размере 5 евро, ниже которого заявление недостоверных сведений не влечёт административной ответственности [2]. Данная поправка, безусловно, представляет шаг в направлении гуманизации административного законодательства. Вместе с тем она защищает декларанта исключительно от незначительных сумм занижения. Любая ошибка, повлёкшая недоплату в эквиваленте 6 евро и более, формально образует состав правонарушения и открывает возможность для назначения штрафа в размере от половины до двукратной суммы неуплаченных платежей [8]. При этом ни в тексте КоАП РФ, ни в разъяснениях ФТС России не содержится легального определения того, что следует понимать под технической ошибкой, допущенной при заполнении декларации на товары.

Указанный пробел порождает правовую неопределённость, которая проявляется в правоприменительной практике двояко. Во-первых, таможенные органы при выявлении расхождений между заявленными и фактическими сведениями о товаре возбуждают дело об административном правонарушении, не исследуя вопрос о наличии либо отсутствии умысла на занижение платежей. Во-вторых, суды, рассматривая такие дела, как правило, ссылаются на формальный характер состава и назначают штраф в полном объёме, не применяя положения ст. 2.9 КоАП РФ о малозначительности и не пользуясь дискреционным правом снижения санкции по ст. 4.1 КоАП РФ. Единообразная судебная практика, предусматривающая дифференцированный подход к добросовестным участникам внешнеэкономической деятельности, к настоящему времени не сформировалась [10].

Принципиально иной подход демонстрирует уголовно-правовая доктрина. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 27.06.2023 № 19 прямо указал, что для квалификации деяния по ст. 194 УК РФ недостаточно простой констатации факта занижения таможенных платежей: необходимо установить, что умысел лица был направлен именно на уклонение от их уплаты в крупном или особо крупном размере [5]. Верховный Суд ориентировал нижестоящие суды исследовать реальную структуру внешнеэкономической сделки, анализировать цепочки подконтрольных организаций, изучать электронную переписку и обстоятельства фактического владения товаром. Тем самым на уровне уголовного судопроизводства закреплено требование доказывать направленность умысла, а не ограничиваться формальным признаком неуплаты.

Парадокс состоит в том, что аналогичное требование не распространяется на административное производство по ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ. В результате участник внешнеэкономической деятельности, допустивший непреднамеренную неточность при описании товара, оказывается в правовом положении, сопоставимом с положением лица, сознательно использующего многоуровневые посреднические схемы и поддельные ин-

войсы.

Наглядным подтверждением данного тезиса служит дело № 10009000-XXXXXX/2026, возбуждённое в отношении ООО «ТРАНСЛОДЖИКС», действовавшего в качестве таможенного представителя от имени декларанта. При подаче декларации на безалкогольный сильногазированный напиток «COCA-COLA ZERO SUGAR» на Акцизный специализированный таможенный пост в графе 31 декларации на товары был указан состав напитка без упоминания сахара (глюкозы, фруктозы, сахарозы и т. д.), а также не были заявлены сведения о количестве углеводов в пищевой ценности. Между тем в соответствии с подп. 23 п. 1 ст. 181 Налогового кодекса Российской Федерации сахаросодержащие напитки признаются подакцизным товаром, для которого установлена соответствующая ставка акциза. Таможенный орган квалифицировал данное обстоятельство как занижение подлежащих уплате таможенных платежей на сумму 260884 руб. 80 коп. и задержал товар до завершения разбирательства. При этом материалы дела не содержали доказательств того, что неполнота описания была обусловлена умыслом на уклонение от уплаты акциза; речь шла о технической неточности, допущенной при подготовке документов, однако правовые последствия для таможенного представителя оказались идентичны тем, которые наступают при умышленном занижении [2].

Аналогичную проблему иллюстрирует дело № 10317000-XXXX/2026 от 25 марта 2026 г. При досмотре контейнера с товаром «лимоны свежие», задекларированного ООО «ТРАНСЛОДЖИКС», таможенный орган установил несоответствие фактических количественных характеристик сведениям, заявленным в декларации: часть товара весом 675,32 кг. не была указана при декларировании. Рыночная стоимость незадекларированной части составила 86893,42 руб. С учётом наличия отягчающих обстоятельств таможенный орган назначил юридическому лицу административный штраф в двукратном размере стоимости предмета правонарушения - 173786,84 руб. [10]. И в данном случае формальный подход к квалификации не позволил учесть, что расхождение могло быть обусловлено ошибкой поставщика или экспедитора при формировании грузового места, а не умыслом декларанта на сокрытие части товара.

Приведённые примеры свидетельствуют о системном дефекте действующей модели: формальный состав ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ не содержит правовых механизмов, позволяющих таможенному органу и суду адекватно дифференцировать ответственность в зависимости от степени вины, размера причинённого ущерба и добросовестности декларанта. В результате карательная функция административной ответственности распространяется на широкий круг неосторожных действий, что противоречит принципам справедливости и соразмерности наказания, закреплённым в ст. 1.2 и ст. 4.1 КоАП РФ [2].

Указанный вывод согласуется с результатами анализа практической деятельности ООО «ТРАНСЛОДЖИКС», показавшего, что значительная часть рисков недостоверного декларирования связана не с умышленными противоправными действиями, а со сложностью таможенного законодательства, неоднозначностью классификации отдельных категорий товаров по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, недостаточностью сведений в документах, подтверждающих таможенную стоимость, а также с человеческим фактором [14]. Данные наблюдения подтверждают необходимость перехода от карательной парадигмы к дифференцированной модели ответственности, способной разграничить умышленное уклонение и непреднамеренную ошибку.

3.2. Предлагаемая модель дифференцированной ответственности: от формального состава к учёту добросовестности

Проведённый в предшествующем подразделе анализ позволяет констатировать, что действующая конструкция ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ не содержит правовых механизмов, адекватно разграничивающих умышленное занижение таможенных платежей и непреднамеренную техническую ошибку декларанта. Устранение данного дефекта требует не точечных корректировок, а системной переработки нормы в направлении дифференциации ответственности с учётом степени вины, размера причинённого ущерба и поведения декларанта после выявления нарушения. Ниже излагается авторская модель такой дифференциации.

Легальное определение технической ошибки. Первым и основополагающим шагом является закрепление в КоАП РФ понятия «техническая ошибка», которое до настоящего времени отсутствует в тексте закона. В научной литературе предпринимались попытки определить данное явление через категорию малозначительности (ст. 2.9 КоАП РФ), однако малозначительность оценивается судом постфактум и не исключает самого факта возбуждения дела об административном правонарушении [9]. Полагаем, что техническая ошибка должна быть закреплена как самостоятельное основание, исключающее или существенно снижающее ответственность.

Предлагается дополнить ст. 16.2 КоАП РФ примечанием следующего содержания: «Под технической ошибкой понимается описка, опечатка,

арифметическая или иная аналогичная неточность в сведениях, заявленных декларантом или таможенным представителем, возникшая без намерения занизить подлежащие уплате таможенные платежи или обойти установленные запреты и ограничения, при условии, что декларант принял разумные и достаточные меры к проверке достоверности заявленных сведений». Одновременно целесообразно закрепить перечень обстоятельств, свидетельствующих в пользу технической ошибки: незначительность занижения, единичный характер нарушения, отсутствие аналогичных нарушений в предшествующий период, добровольное исправление до возбуждения дела, а также наличие объективных факторов, затруднявших правильную классификацию или определение таможенной стоимости (сложность товара, неоднозначность нормативных требований, неполнота сведений, представленных иностранным контрагентом).

Градация санкций в зависимости от суммы занижения и наличия умысла. Действующая редакция ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ предусматривает единый штраф - от половины до двукратной суммы неуплаченных платежей - вне зависимости от того, составляет ли занижение эквивалент 6 евро или 600 тысяч евро. Единственный количественный фильтр - порог в 5 евро, введённый с 9 января 2026 г., - защищает лишь от минимальных сумм [2]. Полагаем, что указанная конструкция не отвечает принципу соразмерности наказания, закреплённому в ст. 4.1 КоАП РФ.

Предлагается установить следующую дифференциацию. При технической ошибке, повлёкшей занижение таможенных платежей на сумму до 20 евро включительно, административная ответственность заменяется предупреждением без назначения штрафа. При занижении от 20 до 100 евро размер штрафа не должен превышать 25 % суммы неуплаченных платежей при условии, что нарушение совершено впервые и декларант добровольно устранил последствия. При занижении свыше 100 евро сохраняется полная ответственность по действующей норме - штраф от половины до двукратной суммы неуплаченных платежей. Вместе с тем при установлении умышленного характера нарушения вне зависимости от суммы занижения, превышающей 5 евро, назначается штраф в двукратном размере без права на смягчение. Указанная градация позволяет отделить малозначительные технические погрешности от значительных и умышленных нарушений, обеспечивая тем самым реализацию принципа справедливости наказания.

Обязательное судебное смягчение наказания для добросовестных декларантов. Существенным недостатком действующего механизма является дискреционный характер снижения штрафа по ст. 4.1 КоАП РФ. Суд вправе, но не обязан снизить размер санкции при наличии смягчающих обстоятельств, и на практике суды нередко отказывают в таком снижении, мотивируя решение формальным характером состава правонарушения [10]. Для устранения данной неопределённости предлагается дополнить ст. 4.1 КоАП РФ частью 3.1 следующего содержания: «При назначении административного наказания за правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ, суд обязан снизить размер штрафа до 10-25 % от суммы неуплаченных таможенных платежей, если установлено, что занижение явилось следствием технической ошибки, а не умысла, и декларант принял меры к добровольному устранению последствий». Перевод снижения штрафа из плоскости дискреции в плоскость обязанности суда обеспечит единообразие практики и создаст для добросовестных участников внешнеэкономической деятельности предсказуемые правовые последствия.

Расширение оснований освобождения от ответственности при контроле до выпуска товаров. Действующая редакция нормы предусматривает освобождение декларанта от ответственности лишь при условии, что ошибка выявлена и исправлена после выпуска товаров, но до момента начала таможенной проверки или получения уведомления о ней. Если же таможенный орган обнаружил ошибку на этапе контроля до выпуска, декларант лишается права на освобождение даже при последующем добросовестном исправлении. Представляется, что указанное разграничение не имеет логического обоснования: в обоих случаях декларант не преследовал цели занижения платежей и готов добровольно устранить допущенную неточность.

Предлагается изложить условие освобождения в следующей редакции: «Декларант освобождается от административной ответственности, если техническая ошибка выявлена и исправлена им до момента вынесения таможенным органом решения о возбуждении дела об административном правонарушении либо до получения уведомления о проведении таможенной проверки». Дополнительно целесообразно закрепить, что факт обнаружения ошибки таможенным органом в ходе контроля до выпуска товаров сам по себе не лишает декларанта права на освобождение от ответственности, если он добровольно и незамедлительно - в течение пяти рабочих дней с момента получения соответствующего уведомления - исправил недостоверные сведения и уплатил необходимые суммы.

Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Для преодоления раз-

розненности судебных решений, при которых одни суды снижают штрафы добросовестным участникам внешнеэкономической деятельности, а другие отказывают в этом, ссылаясь на формальный характер состава, представляется необходимым принятие Пленумом Верховного Суда Российской Федерации отдельного постановления «О вопросах применения статьи 16.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в отношении добросовестных участников внешнеэкономической деятельности». В данном постановлении следует закрепить следующие обязательные разъяснения: формальный состав правонарушения не исключает обязанности суда исследовать наличие или отсутствие умысла; техническая ошибка является обстоятельством, существенно уменьшающим степень общественной опасности деяния; при незначительном занижении и добросовестном поведении декларанта суд обязан применять положения ст. 2.9 КоАП РФ о малозначительности; при отсутствии умысла и наличии добровольного исправления суд назначает наказание в виде предупреждения либо штрафа в минимальном размере - не более 10 % от суммы неуплаченных платежей.

Совокупность предложенных мер - легальное определение технической ошибки, градация санкций, обязательное судебное смягчение, расширение оснований освобождения на стадию до выпуска товаров и разъяснения Пленума - формирует целостную модель дифференцированной ответственности, способную разграничить карательное воздействие на умышленных нарушителей и защитные гарантии для добросовестных участников внешнеэкономической деятельности.

3.3. Добровольный таможенный комплаенс как превентивная альтернатива карательной модели

Дифференциация административной ответственности, предложенная в предшествующем подразделе, решает задачу справедливого распределения санкций постфактум. Вместе с тем системное снижение числа правонарушений невозможно без формирования превентивных механизмов, направленных на предупреждение технических ошибок ещё до подачи декларации на товары. В этом контексте особую роль приобретает концепция добровольного таможенного комплаенса - модели, при которой участники внешнеэкономической деятельности принимают на себя обязанность по внутреннему контролю за соблюдением таможенного законодательства, а государство, в свою очередь, поощряет такую добросовестность снижением контрольной нагрузки.

Первым элементом указанной модели является внедрение организациями - участниками внешнеэкономической деятельности систем внутреннего таможенного аудита. Такие системы предполагают регулярную проверку контрагентов, предварительную верификацию классификационных кодов Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, контроль полноты включения расходов в структуру таможенной стоимости, а также аудит внешнеторговых документов на предмет их соответствия требованиям декларирования. При наличии подтверждённой и документально оформленной системы комплаенса таможенные органы вправе применять к организации пониженные профили риска, сокращая число досмотров и запросов дополнительных документов. Подобный подход уже реализуется в отдельных зарубежных юрисдикциях и рекомендован Всемирной таможенной организацией в рамках программ содействия торговле [15].

Вторым элементом выступает развитие цифровых сервисов самопроверки деклараций до их официальной подачи. Практический опыт ООО «ТРАНСЛОДЖИКС» показывает, что значительная часть технических ошибок возникает при заполнении граф декларации на товары и может быть выявлена на этапе подготовки документа. Создание общедоступного программного инструмента, позволяющего декларанту до подачи декларации проверить логическую непротиворечивость заявленных сведений, соответствие кода Товарной номенклатуры описанию товара, полноту включения в таможенную стоимость лицензионных платежей и транспортных расходов, а также сопоставить вес и количество товара с данными упаковочных листов, способно существенно сократить число непреднамеренных ошибок.

Третьим элементом является обязательное периодическое повышение квалификации специалистов в сфере внешнеэкономической деятельности. Таможенное законодательство Евразийского экономического союза и Российской Федерации характеризуется высокой динамикой изменений: корректируются ставки Единого таможенного тарифа, вводятся новые меры нетарифного регулирования, изменяются правила определения таможенной стоимости. В этих условиях специалисты, непосредственно занимающиеся подготовкой деклараций, объективно не всегда способны отслеживать все нововведения. Предлагается установить обязательный цикл повышения квалификации продолжительностью три года - период, достаточный для накопления существенного объёма нормативных изменений, но не создающий избыточной нагрузки на бизнес. Для начинающих специалистов целесообразно определить первое обучение по истечении первого года профессиональной деятельности.

Реализация перечисленных мер способна обеспечить переход от преимущественно репрессивной модели таможенного контроля, ориентированной на выявление и наказание уже совершённых нарушений, к модели добровольного соответствия, при которой значительная часть технических ошибок предотвращается на стадии подготовки декларации. В долгосрочной перспективе это позволит снизить нагрузку на судебные органы, высвободить контрольные ресурсы таможенных служб для противодействия умышленным схемам уклонения и повысить уровень правовой определённости для добросовестных участников внешнеэкономической деятельности.

ОБСУЖДЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет констатировать дефекты действующей конструкции ч. 2 ст. 16.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и вступить в дискуссию с рядом укоренившихся в правоприменительной практике подходов, которые, по нашему убеждению, препятствуют формированию справедливой и сбалансированной модели ответственности.

Одним из наиболее устойчивых аргументов, на который ссылаются таможенные органы и часть судов при назначении штрафов добросовестным участникам внешнеэкономической деятельности, является тезис о том, что формальный характер состава правонарушения исключает необходимость исследования субъективной стороны деяния. Согласно данной позиции, сам факт заявления недостоверных сведений, которые могли повлечь занижение таможенных платежей, является достаточным основанием для привлечения к ответственности, а вопрос о наличии или отсутствии умысла не имеет правового значения. Указанный подход, по существу, отождествляет административное правонарушение с объективным вменением, при котором ответственность наступает независимо от вины лица.

Между тем, подобная интерпретация противоречит фундаментальному принципу вины, закреплённому в ст. 1.5 КоАП РФ, согласно которому лицо подлежит административной ответственности только за те правонарушения, в отношении которых установлена его вина [2]. Неосторожная форма вины, хотя и предусмотрена КоАП РФ как основание ответственности, не может приравниваться к прямому умыслу на уклонение от уплаты таможенных платежей. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 27.06.2023 № 19 применительно к уголовной ответственности по ст. 194 Уголовного кодекса Российской Федерации прямо указал на недопустимость квалификации деяния исключительно на основании формального признака неуплаты без установления направленности умысла [5]. Полагаем, что аналогичный стандарт доказывания должен распространяться и на административное производство по ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ. Формальный состав не тождественен безвинному вменению: формальность означает лишь то, что для наступления ответственности не требуется реального причинения ущерба, но не освобождает правоприменителя от обязанности установить хотя бы неосторожную форму вины.

Второй дискуссионный тезис, заслуживающий критического осмысления, состоит в утверждении о безусловной соразмерности действующих санкций - штрафа от половины до двукратной суммы неуплаченных таможенных платежей. Сторонники данной позиции указывают на то, что строгость наказания выполняет превентивную функцию и удерживает участников внешнеэкономической деятельности от попыток занижения таможенной стоимости. Однако превентивный эффект санкций определяется не столько их строгостью, сколько их неотвратимостью и дифференциацией в зависимости от степени общественной опасности деяния. Когда добросовестный декларант, допустивший арифметическую ошибку при заполнении декларации, и организатор многоуровневой схемы с использованием фирм-однодневок и поддельных инвойсов несут одинаковые по характеру санкции, превентивная функция наказания подрывается: у законопослушных участников внешнеэкономической деятельности формируется ощущение правовой безысходности, а у недобросовестных лиц - понимание того, что их действия не будут квалифицированы иначе, чем случайная ошибка.

Принцип пропорциональности санкций, получивший развитие в праве Европейского союза, предполагает, что наказание должно соответствовать тяжести нарушения, степени вины лица и размеру причинённого ущерба [12]. Аналогичный подход закреплён в рекомендациях Всемирной таможенной организации в рамках программ содействия торговле, где подчёркивается необходимость дифференциации контрольных мер в зависимости от уровня добросовестности участника внешнеэкономической деятельности [15]. Предложенная в настоящем исследовании модель дифференцированной ответственности, включающая градацию санкций и обязательное судебное смягчение для добросовестных декларантов, полностью согласуется с указанными международными стандартами.

Вместе с тем необходимо честно обозначить риски, связанные с реализацией предложенной модели. Введение легального понятия «техническая ошибка» создаёт потенциальную возможность для злоупотребления: недобросовестные

участники внешнеэкономической деятельности могут ссылаться на данный институт, пытаясь квалифицировать умышленные действия как неосторожные неточности. Для минимизации данного риска в авторской модели предусмотрены следующие ограничители. Во-первых, перечень обстоятельств, свидетельствующих в пользу технической ошибки, является закрытым и включает незначительность занижения, единичный характер нарушения, отсутствие аналогичных нарушений в предшествующий период и добровольное исправление до возбуждения дела. Во-вторых, при установлении умышленного характера нарушения вне зависимости от суммы занижения сохраняется максимальная санкция - двукратный штраф без права на смягчение. В-третьих, бремя доказывания технической ошибки возлагается на декларанта: именно он должен представить документы, подтверждающие отсутствие умысла и наличие объективных факторов, затруднявших правильное заполнение декларации. В-четвёртых, при выявлении повторных нарушений, квалифицированных ранее как технические ошибки, последующие аналогичные деяния считаются как умышленные.

Практическая значимость предложенной модели выходит за рамки совершенствования отдельной нормы административного законодательства. Снижение числа необоснованных возбуждений дел об административных правонарушениях в отношении добросовестных декларантов позволит высвободить значительные процессуальные ресурсы таможенных органов и судов, перенаправив их на противодействие умышленным и организованным схемам уклонения. По данным Федеральной таможенной службы, за три квартала 2025 г. таможенными органами было возбуждено более 129 тыс. дел об административных правонарушениях, из которых около 62 % приходится на нарушения, связанные с недостоверным декларированием [16]. Даже если предположить, что лишь 15-20 % из них связаны с неосторожными техническими ошибками, речь идёт о тысячах дел, которые при наличии дифференцированной модели могли бы быть разрешены в досудебном порядке или не возбуждаться вовсе.

Для бизнеса правовая определённость является не менее значимым фактором, чем непосредственный размер санкций. Участник внешнеэкономической деятельности, который заранее знает, что техническая ошибка повлечёт предупреждение или минимальный штраф, а не разорительную санкцию в двукратном размере, будет заинтересован в добросовестном исправлении и сотрудничестве с таможенными органами, а не в сокрытии ошибки и затягивании процесса. Таким образом, предложенная модель способна не только защитить добросовестных декларантов, но и повысить общий уровень прозрачности таможенного администрирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволило подтвердить выдвинутую гипотезу: действующая модель административной ответственности за недостоверное декларирование товаров, построенная на карательной парадигме и не разграничивающая умышленные правонарушения и технические ошибки, приводит к необоснованному привлечению добросовестных участников внешнеэкономической деятельности к санкциям, сопоставимым с наказанием за умышленные схемы уклонения, и снижает общую эффективность таможенного администрирования.

В ходе исследования решены следующие задачи. Во-первых, диагностированы правовые дефекты действующей конструкции ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ: формальный характер состава, отсутствие легального определения технической ошибки, дискреционный характер судебного смягчения санкций, ограниченность оснований освобождения при контроле до выпуска товаров. Во-вторых, на основании практических материалов ООО «ТРАНСЛОДЖИКС» и данных судебной практики продемонстрировано, что технические ошибки при декларировании влекут правовые последствия, идентичные умышленному занижению таможенных платежей. В-третьих, разработана авторская модель дифференцированной ответственности, включающая легальное определение технической ошибки, градацию санкций в зависимости от суммы занижения и наличия умысла, обязательное судебное смягчение наказания для добросовестных декларантов и расширение оснований освобождения на стадию до выпуска товаров. В-четвёртых, сформулированы рекомендации по дополнению ст. 4.1 КоАП РФ и подготовке отдельного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В-пятых, обоснована роль добровольного таможенного комплаенса как превентивного инструмента, включающего внутренний аудит, цифровую самопроверку деклараций и периодическое повышение квалификации специалистов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с мониторингом правоприменительной практики после вступления в силу поправок, введённых с 9 января 2026 г. [2], оценкой эффективности защитного порога в 5 евро, а также разработкой количественных моделей прогнозирования последствий перехода к дифференцированной модели ответственности. Отдельного внимания заслуживает вопрос имплементации принципа пропорциональности санкций в националь-

ное административное законодательство с учётом опыта права Европейского союза и рекомендаций Всемирной таможенной организации [15].

Список литературы:

[1] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс]. - Консультант Плюс. Справочно-правовая система. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/..

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.02.2024) [Электронный ресурс]. - Консультант Плюс. Справочно-правовая система. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/..

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2024) [Электронный ресурс]. - Консультант Плюс. Справочно-правовая система. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/..

[4] Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. - Консультант Плюс. Справочно-правовая система. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/..

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 19 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 194, 198, 199 УК РФ» [Электронный ресурс]. - Консультант Плюс. Справочно-правовая система. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/..

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс]. - Консультант Плюс. Справочно-правовая система. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338711/..

[7] Севостьянова Е. В. Совершенствование порядка привлечения к административной ответственности за недекларирование либо недостоверное декларирование товаров: дис. … канд. юрид. наук / Е. В. Севостьянова. - Люберцы: Российская таможенная академия, 2020. - 215 с.

[8] Ладохин Е. И. Проблемы квалификации административного правонарушения в части недекларирования и недостоверного декларирования товаров / Е. И. Ладохин // Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор. - 2021. - № 1. - С. 123-128.

[9] Казанская В. А. Проблемные аспекты привлечения к административной ответственности за недекларирование либо недостоверное декларирование товаров (статья 16.2 КоАП РФ) / В. А. Казанская // Молодой учёный. - 2025. - № 42 (593). - С. 196-200.

[10] Полушин Е. С. Недекларирование или недостоверное декларирование: разграничение составов административных правонарушений по ч. 1 и ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ [Электронный ресурс] / Е. С. Полушин. - Режим доступа: https://www.alta.ru/expert_opinion/67651..

[11] Дригола Э. В. Административная ответственность за недостоверное декларирование товаров, сопряжённое с несоблюдением запретов и ограничений / Э. В. Дригола // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. - 2024. - № 2 (55). - С. 46-54.

[12] Немирова Г. И. Анализ контроля таможенной стоимости товаров в системе администрирования таможенных доходов / Г. И. Немирова, А. М. Иванова // Экономические отношения. - 2022. - Т. 12, № 3. - С. 451-472.

[13] Бастракова М. А. Тенденции определения, декларирования и контроля таможенной стоимости в ЕАЭС и РФ в контексте права ВТО и ВТамО / М. А. Бастракова, О. Б. Сокольникова // Российский экономический интернет-журнал. - 2024. - № 2. - С. 9.

[14] Ермолаева Е. В. Количественные характеристики товара как квалифицирующий признак недекларирования товара / Е. В. Ермолаева // Вестник Российской таможенной академии. - 2021. - № 4. - С. 132-143.

[15] Конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (пересмотренная Киотская конвенция): заключена в Брюсселе 18.05.1973 (в ред. Протокола от 26.06.1999) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.wcoomd.org/.

[16] Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 2020-2024 гг. [Электронный ресурс]. - Официальный сайт Федеральной таможенной службы. - Режим доступа: https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/..

[17] Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России за 2022-2025 гг. [Электронный ресурс]. - Официальный сайт Федеральной таможенной службы. - Режим доступа: https://customs.gov.ru/activity/results/..

References:

[1] Customs Code of the Eurasian Economic Union (as amended by 29.05.2019) (Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian

Economic Union) [Electronic resource]. - Consultant Plus. Reference and legal system. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/..

[2] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 30.12.2001 dated 195-FZ (as amended on 24.02.2024) [Electronic Resource]. - Consultant Plus. Reference and legal system. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/..

[3] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended by 24.02.2024) [Electronic Resource]. - Consultant Plus. Reference and legal system. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/..

[4] Federal Law of 03.08.2018 No. 289-FZ "On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" [Electronic Resource]. - Consultant Plus. Reference and legal system. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/..

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.06.2023 No. 19 "On some issues of judicial practice in criminal cases of crimes provided for by Articles 194, 198, 199 of the Criminal Code of the Russian Federation" [Electronic resource]. - Consultant Plus. Reference and legal system. - Access mode: https://www.consultant.ru/..

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.11.2019 No. 49 "On some issues arising in judicial practice in connection with the entry into force of the Customs Code of the Eurasian Economic Union" [Electronic resource]. - Consultant Plus. Reference and legal system. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338711/..

[7] Sevostyanova E. V. Improving the procedure for bringing to administrative responsibility for non-declaration or inaccurate declaration of goods: dis.... cand. jurid. Sciences / E.V. Sevostyanova. - Lyubertsy: Russian Customs Academy, 2020. - 215 s.

[8] E.I. Ladokhin. Problems of qualification of an administrative offense in terms of non-declaration and inaccurate declaration of goods / E.I. Ladokhin // Development of customs affairs of the Russian Federation: Far Eastern vector. - 2021. - № 1. - S. 123-128.

[9] Kazanskaya V. A. Problematic aspects of bringing to administrative responsibility for non-declaration or inaccurate declaration of goods (article 16.2 of the Administrative Code of the Russian Federation) / V. A. Kazanskaya // Young scientist. - 2025. - № 42 (593). - S. 196-200.

[10] Polushin E. S. Non-declaration or inaccurate declaration: delimitation of administrative offenses under Part 1 and Part 2 of Art. 16.2 Administrative Code of the Russian Federation [Electronic Resource]/E. S. Polushin. - Access mode: https://www.alta.ru/expert_opinion/67651..

[11] Drigola E. V. Administrative responsibility for inaccurate declaration of goods associated with non-compliance with prohibitions and restrictions / E. V. Drigola // Academic Bulletin of the Rostov branch of the Russian Customs Academy. - 2024. - № 2 (55). - S. 46-54.

[12] Nemirova G. I. Analysis of the control of the customs value of goods in the system of administration of customs revenues/G. I. Nemirova, A. M. Ivanova // Economic relations. - 2022. - T. 12, NO. 3. - S. 451-472.

[13] M. A. Bastrakova. Trends in determination, declaration and control of customs value in the EAEU and the Russian Federation in the context of WTO law and WCO/M. A. Bastrakova, O. B. Sokolnikova // Russian Economic Internet Journal. - 2024. - № 2. - S. 9.

[14] Ermolaeva E. V. Quantitative characteristics of goods as a qualifying feature of non-declaration of goods / E. V. Ermolaeva // Bulletin of the Russian Customs Academy. - 2021. - № 4. - S. 132-143.

[15] Convention on Simplification and Harmonization of Customs Procedures (Revised Kyoto Convention): concluded in Brussels 18.05.1973 (as amended by the Protocol of 26.06.1999) [Electronic Resource]. - Access mode: https://www.wcoomd.org/.

[16] Indicators of law enforcement activities of the customs authorities of the Russian Federation for 2020-2024. [Electronic resource]. - Official website of the Federal Customs Service. - Режим доступа: https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/..

[17] Final report on the results and main activities of the FCS of Russia for 2022-2025 [Electronic resource]. - Official website of the Federal Customs Service. - Режим доступа: https://customs.gov.ru/activity/results/..

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-228-233
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ШАЙДУЛЛИНА Венера Камилевна,
доцент юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, доцент кафедры мировых финансовых рынков и финтеха Высшей школы финансов Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук; ORCID 0000-0002-2716-9282, e-mail: vk.shaydullina@gmail.com

СПОСОБЫ ПОСТРОЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ В ОБОРОТЕ ЦИФРОВЫХ (ВИРТУАЛЬНЫХ) АКТИВОВ

Аннотация. *Гражданско-правовой результат операции с цифровым (виртуальным) активом зависит от того, определимо ли лицо, обязанное перед обладателем актива. В статье сопоставлены два способа построения обязательственных связей между обладателем и профессиональной инфраструктурой оборота: распределение обязанностей между специализированными участниками и сосредоточение их у одного поставщика услуг. Проверка проведена по пяти функциям оборота – выпуску и размещению актива, его учету и хранению, обмену, переводу и совершению сделок по поручению клиента. Эмпирическую основу составили реестры Банка России по состоянию на 11 октября 2026 года и материалы специального регуляторного режима Центрального банка Азербайджанской Республики. Установлено, что в Российской Федерации каждая из пяти функций закреплена за участником, определимым по публичному реестру, тогда как в Азербайджанской Республике ни одна из них не обособлена, а каждый из допущенных к тестированию проектов совмещает от двух до трех функций, вследствие чего обязанное лицо устанавливается только из содержания договора. Обоснован вывод о том, что совмещение функций не требует безусловного организационного запрета: оно допустимо, если обязанности разграничены, конфликт интересов предотвращен и по каждому нарушению определимо лицо, отвечающее перед клиентом. Для Российской Федерации предложено уточнить разграничение смежных функций поименованных участников, для Азербайджанской Республики – конкретизировать обязанности внутри общей категории поставщика услуг виртуальных активов, не создавая для каждой функции отдельный вид юридического лица.*

Ключевые слова: *цифровые активы, виртуальные активы, цифровой депозитарий, оператор информационной системы, поставщик услуг виртуальных активов, обязательственная связь, ответственность посредника, совмещение функций, регуляторная песочница, Азербайджанская Республика.*

Для цитирования: *Шайдуллина В. К. Способы построения обязательственных связей в обороте цифровых (виртуальных) активов // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 228–233.*

SHAYDULLINA Venera K.,
Associate Professor of the Faculty of Law of the State Academic University for the Humanities, Associate Professor of the Department of World Financial Markets and Fintech of the Higher School of Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Juridical Sciences

WAYS OF STRUCTURING THE OBLIGATIONAL LINKS IN THE CIRCULATION OF DIGITAL (VIRTUAL) ASSETS

Annotation. *The civil-law outcome of a transaction in a digital (virtual) asset depends on whether the person owing a duty to the holder of the asset can be identified. The article compares two ways of structuring the obligational links between the holder and the professional infrastructure*

of circulation: the distribution of duties among specialised participants and their concentration in a single service provider. The assessment covers five functions of circulation – the issue and placement of an asset, its accounting and custody, exchange, transfer, and the conclusion of transactions on a client's instructions. The empirical basis comprises the registers of the Bank of Russia as of 11 October 2026 and the materials of the special regulatory regime of the Central Bank of the Republic of Azerbaijan. In the Russian Federation each of the five functions is attached to a participant identifiable from a public register, whereas in the Republic of Azerbaijan none of them is separated and each project admitted to testing combines from two to three functions, so that the obligated person can be established only from the content of the contract. It is argued that the combination of functions requires no unconditional organisational prohibition: it is admissible where duties are delimited, a conflict of interest is prevented and, for every breach, the person answerable to the client is identifiable. For the Russian Federation it is proposed to clarify the delimitation of adjacent functions of the named participants, and for the Republic of Azerbaijan to specify the duties within the general category of a virtual asset service provider without creating a separate type of legal entity for each function.

Key words: *digital assets, virtual assets, digital depository, operator of an information system, virtual asset service provider, obligational link, liability of an intermediary, combination of functions, regulatory sandbox, Republic of Azerbaijan.*

For citation: *Shaydullina V. K. Ways of structuring the obligational links in the circulation of digital (virtual) assets. Russian scientific bulletin. 2026;(11):228–233. (In Russ.).*

Вопрос о субъектном составе оборота цифровых (виртуальных) активов обычно решается через перечень специальных статусов: закон называет профессиональных участников и устанавливает требования к их деятельности. Для гражданского права, однако, существеннее другое. Обладатель актива вступает не в отношения со статусом, а в обязательственную связь с конкретным лицом, и при нарушении ему необходимо установить, кто именно обязан перед ним и за что отвечает. Проблема правового режима цифровых объектов обсуждается в отечественной науке преимущественно со стороны объекта [1; 2], а различие моделей регулирования оборота цифровых прав и цифровой валюты описывается через степень включенности актива в гражданский оборот [3]. Настоящая статья рассматривает оборот со стороны обязательственной связи и проверяет, определимо ли обязанное лицо в каждом из двух сопоставляемых правопорядков.

Цифровой оборот не порождает новых субъектов гражданского права: его участниками выступают уже известные правопорядку лица, которые наделяются специальным статусом в зависимости от выполняемой функции. Способов построения обязательственных связей существует два. Обязанности либо распределяются между специализированными участниками, и тогда обладатель актива вступает в несколько специализированных связей, либо сосредоточиваются у одного поставщика услуг, и тогда обладатель вступает в одну связь комплексного содержания. Различие между названными способами не сводится к организационному удобству: от него зависит, кто обязан перед клиентом и какую ответственность несет.

Различие проявляется прежде всего в том, откуда берется содержание обязанности. При распределении обязанностей между специализированными участниками специальный статус несет нормативное ядро, установленное помимо воли сторон. Статья 23 Федерального закона от 4 августа 2026 года № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» выделяет договор цифрового учета и договор о предоставлении доступа к адресу-идентификатору, требует для них письменной формы и делает утвержденные депозитарием условия осуществления деятельности неотъемлемой частью договора. Статья 20 того же Федерального закона возлагает на цифровой депозитарий ответственность за ненадлежащий учет и доступ, включая убытки от неправомерного распоряжения активами. Статья 25 обязывает его ежедневно сверять количество учитываемых активов и отделять учитываемые по клиентским счетам цифровые валюты и цифровые права от собственных активов. Обладателю актива, следовательно, не требуется выводить содержание обязанности из текста соглашения: значительная его часть предустановлена законом и связана со статусом контрагента. При сосредоточении обязанностей у одного поставщика услуг тот же результат достигается только договором, а при его неполноте – общими нормами обязательственного права, которые не учитывают особенностей цифрового объекта.

Проверка проведена по пяти функциям оборота: выпуску и размещению актива, его учету и хранению, обмену, переводу и совершению сделок по поручению клиента. Названные функции выбраны потому, что каждая из них создает самостоятельный имущественный риск для обладате-

ля и потому нуждается в определенном лице, обязанном перед обладателем. По каждой функции устанавливалось, обособлена ли она в самостоятельный правовой статус и можно ли установить обязанное лицо до возникновения спора, то есть из публично доступного источника, а не из содержания конкретного договора.

Эмпирическую основу составили реестры Банка России по состоянию на 11 октября 2026 года и материалы специального регуляторного режима Центрального банка Азербайджанской Республики [4; 5; 6]. Российские реестры фиксируют 25 операторов информационных систем, 5 цифровых депозитариев и 8 организаций, осуществляющих обмен цифровых валют, а также традиционных профессиональных участников, способных обслуживать оборот, включая 247 брокеров и 8 организаторов торговли. Инфраструктура растет: на конец 2025 года в реестре состояло 19 операторов информационных систем, то есть прирост за неполные десять месяцев 2026 года составил 31,6 процента, а объем размещений за 2025 год достиг 1,65 триллиона рублей при 2007 выпусках. Азербайджанский рынок проходит стадию отбора: из 35 заявок двух завершенных циклов специального режима к тестированию допущено 8, то есть 22,9 процента, причем 5 из 8 допущенных проектов связаны с виртуальными активами. Пределы доказательной силы данных специального режима учитывались: систематический обзор эффективности регуляторных песочниц показывает, что их результаты отражают поведение допущенных участников, а не рынка в целом [7]. Общая характеристика азербайджанского цифрового платежного рынка приводится по отраслевым исследованиям [8].

Результаты проверки приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Лицо, обязанное перед обладателем цифрового (виртуального) актива, по функциям оборота

Функция оборота	Обязанное лицо в Российской Федерации	Обязанное лицо в Азербайджанской Республике	Источник сведений об обязанном лице
Выпуск и размещение актива	Оператор информационной системы (25 в реестре)	Поставщик, соединяющий выпуск с предложением актива пользователям («ПортКоин»)	Реестр – в Российской Федерации; условия проекта – в Азербайджанской Республике
Учет и хранение актива	Цифровой депозитарий (5 в реестре)	Поставщик, соединяющий хранение с обменом и переводом («БИТАЗН», «КриптоБрокер»)	Реестр – в Российской Федерации; договор – в Азербайджанской Республике
Обмен актива	Организация, осуществляющая обмен цифровых валют (8 в реестре)	Тот же поставщик в составе комплекса услуг	Реестр – в Российской Федерации; договор – в Азербайджанской Республике
Перевод актива	Цифровой депозитарий, администрирующий адрес-идентификатор	Поставщик, соединяющий перевод с конвертацией («м10», «ПортКоин»)	Закон и реестр – в Российской Федерации; условия проекта – в Азербайджанской Республике
Совершение сделок по поручению клиента	Брокер (247 в реестре)	Поставщик, осуществляющий посредничество внутри общего договора («КриптоБрокер»)	Реестр – в Российской Федерации; договор – в Азербайджанской Республике
Итого функций, обособленных в самостоятельный статус	5 из 5	0 из 5	–

Источник: составлено автором по реестрам Банка России и реестру специального регуляторного режима Центрального банка Азербайджанской Республики.

Различие оказывается не количественным, а структурным. В Российской Федерации все пять функций закреплены за участниками, определимыми по публичному реестру: обладатель актива знает обязанное лицо до того, как возникнет спор, и предъявляет требование лицу, статус которого установлен законом. В Азербайджанской Республике ни одна из пяти функций не обособлена в самостоятельный статус. Каждый из допущенных к тестированию проектов совмещает от двух до трех функций: биржа «БИТАЗН» оказывает услуги обмена, перевода и хранения; «Юникапитал» совместно с «КриптоБрокером» обеспечивает покупку, продажу и хранение виртуальных активов; «ПортКоин» соединяет перевод активов из внешней инфраструктуры с конвертацией в манаты; интеграция приложения «м10» с международной платформой тестирует пополнение и вывод средств. Обязанное лицо в названных случаях устанавливается не из реестра, а из содержания договора с поставщиком услуг.

Практическое значение определимости обязанного лица до возникновения спора удобно показать на примере убытков, возникших при переводе актива. При распределении обязанностей обладатель адресует требование депозитарию, администрирующему адрес-идентификатор, и спор сводится к вопросу о том, находилась ли причина распоряжения в сфере контроля названного участника. При их сосредоточении обладатель адресует требование поставщику услуг,

однако прежде должен определить, в какой части его деятельности возникла причина: при хранении актива, при исполнении поручения, при обмене или при переводе. Различие в формулировке предмета доказывания оборачивается различием в фактическом объеме защиты, поскольку сведения о внутреннем устройстве инфраструктуры находятся у поставщика, а не у клиента. Определимость обязанного лица поэтому является не техническим удобством, а условием исполнимости требования.

Отсюда не следует вывод о порочности сосредоточения обязанностей. Совмещение обменной, учетной, хранительной и посреднической функций широко распространено и за пределами обоих правопорядков, а сравнительные исследования депозитарного хранения цифровых активов показывают, что качество защиты клиента определяется не числом юридических лиц, а ясностью распределения прав на актив и рисков посредника [9]. Эмпирическая проверка договорной терминологии платформ подтверждает названный вывод с обратной стороны: сама по себе она нередко не дает клиенту представления о его имущественном положении [10]. Положение хранителей в состоянии финансового неблагополучия показывает, к чему приводит неопределенность: при недостаче активов клиенту важно не наименование статуса контрагента, а возможность установить, кто отвечает за сохранность и из какого имущества требование будет удовлетворено [11].

Порок сосредоточения обязанностей состоит поэтому не в совмещении как таковом, а в двух его последствиях. Первое касается конфликта интересов: поставщик, который одновременно исполняет поручение клиента и выступает другой стороной сделки, принимает решение в условиях расхождения собственного и клиентского интереса. Второе касается определимости обязанного лица: при комплексном договоре нарушение, произошедшее при хранении, внешне неотличимо от нарушения, произошедшего при обмене или переводе, вследствие чего клиенту приходится доказывать не только факт убытков, но и то, в какой именно части деятельности поставщика возникла их причина. Защита слабой стороны в цифровой среде требует устранения именно названной неопределенности, а не умножения организационных запретов [12; 13].

Конфликт интересов при совмещении функций устраняется средствами гражданского права, а не организационным разделением. Поставщик, соединяющий исполнение поручения клиента с собственной позицией в сделке, обязан раскрыть собственный интерес до совершения операции, исполнить поручение клиента прежде собственного и вести раздельный учет клиентских и собственных активов, позволяющий установить, за счет какого имущества операция совершена. Названные обязанности знакомы праву профессиональных участников финансового рынка и не требуют изобретения специальных конструкций для цифрового оборота. Их перенос в режим поставщика услуг виртуальных активов дает тот же результат, что и организационный запрет совмещения, но без издержек дробления деятельности, которые для формирующегося рынка оказались бы непропорциональными.

Предлагаемое правило состоит в следующем. Совмещение функций допустимо, если выполнены три условия одновременно. Обязанности по каждой функции разграничены в договоре и в правилах поставщика услуг с указанием предмета, момента исполнения и оснований ответственности. Конфликт интересов предотвращен организационными и договорными средствами, включая раскрытие собственного интереса поставщика и приоритет поручения клиента. По каждому нарушению определимо лицо, отвечающее перед клиентом, причем бремя установления той части деятельности, в которой возникла причина убытков, возлагается на поставщика услуг как на лицо, контролирующее соответствующую инфраструктуру. Третье условие является решающим: оно переводит вопрос из плоскости организационной структуры в плоскость доказывания и потому применимо к обеим моделям.

Распределение обязанностей также не свободно от затруднений. Специализация статусов создает смежные зоны, в которых функции соприкасаются: учет и предоставление доступа к адресу-идентификатору, обмен и исполнение поручения клиента, размещение актива и ведение информационной системы. Когда нарушение происходит в смежной зоне, множественность связей превращается из преимущества в затруднение, поскольку обладателю приходится определять, к кому из нескольких участников обращено его требование. Поэтому для Российской Федерации целесообразно уточнить разграничение смежных функций поименованных участников и установить, что при неясности распределения обязанностей перед клиентом отвечает участник, в инфраструктуре которого совершено юридически значимое действие. Своеобразие защиты цифровых прав по сравнению с вещно-правовыми способами делает названное уточнение особенно существенным [14].

Для Азербайджанской Республики предложение состоит в конкретизации обязанностей внутри общей категории поставщика услуг виртуальных активов. Создавать для каждой функции отдельный вид юридического лица не требуется:

достаточно связать с каждой функцией определенный состав обязанностей перед клиентом – предмет основной обязанности, способ учета и доступа, порядок распоряжения, момент исполнения, правила возврата или перевода актива и ответственность за его утрату либо неправомерное распоряжение. Необходимость такого шага подтверждается и азербайджанской литературой: учет обменных операций с виртуальными активами нуждается в нормативной определенности [15], а общие начала осуществления прав и исполнения обязанностей, равно как и принцип добросовестности, способны восполнить содержание отношения, но не способны заранее указать обязанное лицо [16].

Условия тестирования показывают, каким способом задача решается сейчас. Бирже «БИТАЗН» в период тестирования был запрещен вывод виртуального актива за пределы платформы. Названное ограничение сужает возможность передачи актива, но делает операции наблюдаемыми, а риски контролируемыми, то есть достигает определенности средствами допуска, а не средствами обязательственного права. Подобное решение оправданно для ограниченного эксперимента и непригодно для общего режима: оно обеспечивает контроль над операцией, но не отвечает на вопрос, кто обязан перед клиентом, если операция все же совершена ненадлежащим образом. Переход от эксперимента к общему регулированию поэтому предполагает замену ограничений допуска определенностью обязательственной связи.

Существенно, что ни одна из моделей не является окончательно сложившейся. Российская инфраструктура переходит от действующих операторов информационных систем к новым специальным статусам, причем активную деятельность на конец 2025 года вели 13 операторов из 19, то есть 68,4 процента состоявших в реестре. Азербайджанская инфраструктура переходит от экспериментального тестирования к специальному лицензированию поставщиков услуг виртуальных активов. Выбор способа связать функцию с обязанностью, следовательно, еще не закрыт ни в одном из правопорядков, и именно поэтому критерий определимости обязанного лица целесообразно закрепить до того, как структура рынка окончательно сложится. Закрепленный позднее, он потребует пересмотра уже выданных статусов и заключенных договоров.

Таким образом, распределение обязанностей между специализированными участниками и их сосредоточение у одного поставщика услуг представляют собой не разные уровни развития законодательства, а разные способы построения обязательственных связей. Российский правопорядок дает обладателю определимого контрагента по каждой из пяти проверенных функций и нуждается в уточнении смежных зон. Азербайджанский правопорядок не обособляет ни одной функции и нуждается в конкретизации обязанностей внутри общей категории поставщика услуг. Общим для обоих правопорядков остается критерий оценки: оборот защищен постольку, поскольку по каждому нарушению определимо лицо, отвечающее перед обладателем актива, и поскольку установление части деятельности, в которой возникла причина убытков, не возлагается на клиента.

Список литературы:

[1] Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. 303 с.

[2] Рожкова М. А. Проблемы установления самостоятельного правового режима для цифровых объектов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 2 (48). С. 146–157.

[3] Зайнутдинова Е. В. Модели правового регулирования оборота цифровых прав и цифровой валюты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 4. С. 149–182.

[4] Реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов. Банк России. URL: https://www.cbr.ru/vfs/finmarkets/files/supervision/list_OIS.xlsx (дата обращения: 20.10.2026).

[5] Реестр цифровых депозитариев. Банк России. URL: https://www.cbr.ru/vfs/registries/admissionfinmarket/list_cifd.xlsx (дата обращения: 20.10.2026).

[6] Regulatory Sandbox Registry. Central Bank of the Republic of Azerbaijan. URL: https://sandbox.cbar.az/en/registry (дата обращения: 20.10.2026).

[7] Wang Y., Zhou Z. Effectiveness of Regulatory Sandboxes in Financial Services: A Systematic Review // Regulation & Governance. 2026. P. 1–20.

[8] Мамедов З. Ф., Мамедова Ч. Современные тенденции развития цифрового финансового и платежного рынка Азербайджана // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 2. С. 161–169.

[9] Zetzsche D. A., Sinnig J., Nikolakopoulou A. Crypto Custody // Capital Markets Law Journal. 2024. Vol. 19. No. 3. P. 207–229.

[10] Zetzsche D. A., Nikolakopoulou A. Crypto Custody: An Empirical Assessment // Journal of Financial Regulation. 2025. Vol. 11. No. 1. P. 73–97.

[11] Skauradszun D., Kuempel J. Crypto Custodians in Financial Distress // International Insolvency Review. 2023. Vol. 32. No. 3. P. 538–561.

[12] Сергеева О. В. Защита слабой стороны в условиях цифровизации договорных отношений // Журнал российского права. 2024. № 6. С. 37–52.

[13] Волос А. А. Категория «слабая сторона гражданского правоотношения» в условиях цифровизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 3. С. 84–105.

[14] Блинкова Е. В., Кошелюк Б. Е. Особенности защиты цифровых прав // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2024. Т. 10. № 3 (39). С. 158–173.

[15] Джафаров Э. О., Нифталиев С. Г. Некоторые вопросы регулирования учета криптовалют // Аудит. 2024. № 4 (46). С. 5–19.

[16] Haziyev A. H. Mülki hüquqların həyata keçirilməsi və vəzifələrin icrası // Juridical Sciences and Education. 2024. No. 75. P. 79–86.

References:

[1] Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. Digital assets: legal analysis: monograph. M.: 4 Print, 2020. 303 pp.

[2] Rozhkova M. A. Problems of establishing an independent legal regime for digital objects // Journal of the Court for Intellectual Rights. 2025. № 2 (48). S. 146-157.

[3] Zainutdinova E.V. Models of legal regulation of the turnover of digital rights and digital currency // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2023. T. 16. № 4. S. 149-182.

[4] Register of operators of information systems where digital financial assets are issued. Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/vfs/finmarkets/files/supervision/list_OIS.xlsx (дата обращения: 20.10.2026).

[5] Register of Digital Depositories. Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/vfs/registries/admissionfinmarket/list_cifd.xlsx (дата обращения: 20.10.2026).

[6] Regulatory Sandbox Registry. Central Bank of the Republic of Azerbaijan. URL: https://sandbox.cbar.az/en/registry (access date: 20.10.2026).

[7] Wang Y., Zhou Z. Effectiveness of Regulatory Sandboxes in Financial Services: A Systematic Review // Regulation & Governance. 2026. P. 1–20.

[8] Mammadov Z. F., Mammadova C. Current trends in the development of the digital financial and payment market of Azerbaijan // Economics and Management. 2024. T. 30. № 2. S. 161-169.

[9] Zetzsche D. A., Sinnig J., Nikolakopoulou A. Crypto Custody // Capital Markets Law Journal. 2024. Vol. 19. No. 3. P. 207–229.

[10] Zetzsche D. A., Nikolakopoulou A. Crypto Custody: An Empirical Assessment // Journal of Financial Regulation. 2025. Vol. 11. No. 1. P. 73–97.

[11] Skauradszun D., Kuempel J. Crypto Custodians in Financial Distress // International Insolvency Review. 2023. Vol. 32. No. 3. P. 538–561.

[12] Sergeeva O. V. Protection of the weak side in the context of digitalization of contractual relations // Journal of Russian Law. 2024. № 6. S. 37-52.

[13] Volos A. A. Category "weak side of civil legal relations" in the context of digitalization // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. VOL. 17. № 3. S. 84-105.

[14] Blinkova E.V., Koshelyuk B.E. Features of the protection of digital rights // Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2024. T. 10. № 3 (39). S. 158-173.

[15] Jafarov E.O., Niftaliev S.G. Some issues of regulation of cryptocurrency accounting // Audit. 2024. № 4 (46). S. 5-19.

[16] Haziyev A. H. Mülki hüquqların həyata keçirilməsi və vəzifələrin icrası // Juridical Sciences and Education. 2024. No. 75. P. 79–86.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-234-239
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ВАСИЛЬЕВ Андрей Сергеевич,
Юридический институт Томского государственного университета, Томск, Россия,
e-mail: andrey.vasileyv.04@mail.ru

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И МОШЕННИЧЕСТВА (Ч. 5–7 СТ. 159 УК РФ): ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема разграничения мошенничества, сопряжённого с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ), и гражданско-правового деликта. Анализируются особенности объективных и субъективных признаков специального состава, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, правовые позиции Конституционного Суда РФ, в том числе Постановление от 29 июня 2026 г. № 43-П. Особое внимание уделено критерию отсутствия реальной возможности исполнить обязательство и его соотношению с предпринимательским риском, а также различию неисполнения и ненадлежащего исполнения обязательства с точки зрения признака безвозмездности хищения. Обосновывается вывод о том, что решающее значение имеют момент возникновения умысла и обоснованность предпринимательского риска, а перечень обстоятельств, названных Пленумом, не является исчерпывающим.*

Ключевые слова: *мошенничество, предпринимательская деятельность, преднамеренное неисполнение договорных обязательств, ненадлежащее исполнение, умысел, предпринимательский риск, ст. 159 УК РФ.*

Для цитирования: *Васильев А. С. Разграничение договорных отношений в сфере предпринимательской деятельности и мошенничества (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ): проблемы квалификации // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 234–239.*

VASILYEV Andrey S.,
Law Institute, Tomsk State University, Tomsk, Russia

DELIMITATION OF CONTRACTUAL RELATIONS IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY AND FRAUD (PARTS 5–7 OF ARTICLE 159 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): PROBLEMS OF QUALIFICATION

Annotation. *The article examines the problem of distinguishing fraud involving deliberate non-performance of contractual obligations in the sphere of entrepreneurial activity (parts 5–7 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation) from a civil-law tort. The features of the objective and subjective elements of this special corpus delicti, the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, including Resolution No. 43-P of June 29, 2026, are analyzed. Particular attention is paid to the criterion of the absence of a real possibility to perform the obligation and its relation to entrepreneurial risk, as well as to the distinction between non-performance and improper performance of an obligation in terms of the gratuitous nature of theft. It is concluded that the decisive factors are the moment the intent arose and the justified nature of the entrepreneurial risk, while the list of circumstances named by the Plenum is not exhaustive.*

Key words: *fraud, entrepreneurial activity, deliberate non-performance of contractual obligations, improper performance, intent, entrepreneurial risk, Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

For citation: *Vasilyev A. S. Delimitation of contractual relations in the sphere of entrepreneurial activity and fraud (parts 5–7 of article 159 of the criminal code of the Russian Federation): problems of qualification. Russian scientific bulletin. 2026;(11):234–239. (In Russ.).*

По данным МВД России за 2024 г., на долю мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ) [1] пришлось 23,3% зарегистрированных преступлений.

Предпринимательское мошенничество части 5–7 ст. 159 УК РФ вновь было закреплено в уголовном законе в 2016 г. (Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ) с намерением провести черту между преступным поведением в бизнесе и обычным, пусть и недобросовестным, нарушением договора. Однако текст нормы и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ [2] эту проблему не решили, а в некоторой мере сделали острее.

При квалификации предпринимательского мошенничества ключевой вопрос для правоприменителя и самого предпринимателя состоит в том, как правильно определить: когда деятельность, по природе связанная с риском неисполнения обязательств, становится уголовно наказуемой, а когда свидетельствует о гражданско-правовом деликте [3].

Цель статьи — определить критерии, по которым предпринимательское мошенничество отличается от гражданско-правового нарушения. Для этого предстоит описать особенности состава преступления, предусмотренного ч. 5–7 ст. 159 УК РФ; раскрыть признак преднамеренности и критерий отсутствия реальной возможности исполнения обязательства; связать их с предпринимательским риском; отделить преднамеренное неисполнение обязательства от его ненадлежащего исполнения. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, анализ позиций Конституционного Суда РФ и разъяснений Верховного Суда РФ.

Часть 5 ст. 159 УК РФ — специальная (и более того, привилегированная) норма - по отношению к общему составу мошенничества (ч. 1–4). Отличия касаются дополнительного объекта, предмета, способа и субъекта. Дополнительный объект здесь — отношения, возникающие в ходе предпринимательской деятельности: заключая договор с заранее принятым решением его не исполнять, виновный нарушает не только отношения собственности, но и порядка гражданского оборота.

Согласно примечанию 2 к ст. 159 УК РФ субъектом выступает индивидуальный предприниматель, сохраняющий этот статус на момент совершения деяния, либо лицо, действующее без доверенности от имени коммерческой организации (например, директор). Тот, кто занимается бизнесом без регистрации, под специальную норму не подпадает, и его действия квалифицируются по общему составу мошенничества. Гражданское право исходит из иного: согласно п. 4 ст. 23 ГК РФ гражданин, ведущий предпринимательскую деятельность без регистрации, не может ссылаться на отсутствие у него статуса предпринимателя, и к его сделкам применяются правила о предпринимательских обязательствах. Расхождение очевидно: гражданское право распространяет на фактического предпринимателя специальный режим, а уголовное, напротив, - отказывает ему в применении более мягкой специальной нормы именно из-за отсутствия формального статуса.

В ходе изучения решений высших судебных инстанций установлено, что наиболее значимым для определения круга потерпевших является постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2026 г. № 43-П по жалобе С.Н. Шеврюкова [4]. Директор подрядной организации, прокладывавшей кабель для ПАО «Сахалинэнерго», оставил в земле старый кабель, а в отчёте указал его замену. Суды не стали применять ч. 5 ст. 159 УК РФ, сославшись на то, что учредителем потерпевшей организации является орган, управляющий государственным имуществом, то есть фактически государство. Конституционный Суд РФ совершенно обоснованно признал такое толкование противоречащим Конституции РФ: закон не делает исключений для организаций, созданных публично-правовыми образованиями, и если обе стороны договора отвечают признакам предпринимателя и (или) коммерческой организации, применяется специальный состав, а круг участников потерпевшей стороны значения не имеет. Иное понимание нарушает принципы равной защиты форм собственности, справедливости и правовой определённости. Следовательно, довод о том, что при потерпевших с государственным участием предметом посягательства являются бюджетные средства (его отстаивала, в частности, И.И. Евтушенко [5, с. 18]), больше применяться не может: значима организационно-правовая форма потерпевшего, а не состав его участников.

Отличительная черта состава — преднамеренность неисполнения договорных обязательств, что предполагает: принятие такого решения до заключения сделки или получения имущества. Именно этот признак, его отличие от объективной невозможности исполнения и от обычного предпринимательского риска образует основную трудность квалификации.

В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 [2] преднамеренное неисполнение обязательства объяснено

как умышленное полное или частичное неисполнение стороной договора принятого обязательства с целью завладеть чужим имуществом или правом на него путём обмана либо злоупотребления доверием; при этом сторонами должны быть индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации. Пленум требует, чтобы прямой умысел подтверждался доказательствами по делу, и перечисляет обстоятельства, на которые можно опираться: у лица не имелось и не могло быть реальной возможности исполнить обязательство; скрыты сведения о долгах и залогах; полученные деньги потрачены на личные нужды; при заключении договора использованы фиктивные учредительные документы или подделыные гарантийные письма, и т.п.

Вместе с тем, Верховный Суд РФ подчёркивает, что ни одно из этих обстоятельств само по себе умысла не доказывает, вывод должен основываться на совокупности доказательств. Это указание часто не учитывается на стадии предварительного расследования, из-за чего возбуждаются уголовные дела при наличии между сторонами явных гражданско-правовых отношений. Анализируя судебную практику по таким делам, был изучен значительный массив судебных актов из которых следует вывод, что суды нередко признают ошибочным вменение мошенничества там, где налицо обычный гражданско-правовой спор; наиболее показательным является дело руководителя организации П., обвиняемого по ч. 3 ст. 159 УК РФ в связи с получением излишней оплаты за работы по благоустройству: Пятый кассационный суд общей юрисдикции определением от 23.01.2025 № 77-40/2025 оставил без изменения апелляционное определение, которым уголовное дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Суд указал, что подписание актов выполненных работ и распоряжение полученными деньгами «никоим образом не подтверждает его умысел на обман, а является обычными действиями в ходе осуществления предпринимательской деятельности». Кроме того, суд отметил: «Дав правильную и мотивированную оценку положенным в основу приговора доказательствам, суд апелляционной инстанции установил ошибку в действиях лиц, заполняющих документы, и ненадлежащий контроль со стороны П., что не может признаваться мошенничеством, разрешается в порядке гражданского судопроизводства и что было незамедлительно устранено самим П., вернувшим излишне выплаченные деньги после того, как он узнал о допущенной в расчетах ошибке». Однако в следственной практике встречается и обратная ситуация, когда, напротив, в возбуждении уголовного дела при наличии действительного мошенничества необоснованно отказывают.

Наиболее неоднозначным в правоприменительной практике является такой признак мошенничества, как отсутствие реальной возможности исполнения обязательства. Его содержание тесно связано с понятием предпринимательской деятельности. Согласно абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательская деятельность самостоятельна, осуществляется на свой риск и нацелена на систематическое извлечение прибыли. Отсутствие полной уверенности в исполнении на момент заключения договора — не отклонение, а свойство такой деятельности: предприниматель обычно принимает обязательства, рассчитывая на будущие поступления (оплату от других клиентов, кредит, продажу товара, платежи по иным договорам), и с точки зрения гражданского права это нормальная практика. Принятие обязательств сегодня в расчёте на покрытие их завтрашними доходами составляет саму суть бизнеса и не является признаком преступления.

Поэтому критерий Пленума — у лица «фактически не имелось и не могло быть реальной возможности исполнить обязательство» — следует толковать по существу, а не формально. В нём можно выделить несколько элементов.

Момент оценки: возможность исполнения оценивается на день заключения договора (ex ante), а не с учётом последующих событий (ex post). Срыв сделки, банкротство контрагента, от которого ждали денег, перемена рыночной конъюнктуры и иные позднейшие обстоятельства не превращают законно заключённый договор в мошенничество задним числом.

Субъективная сторона: поскольку прямой умысел должен быть подтверждён доказательствами, одной лишь объективной невозможности исполнения недостаточно: лицо должно осознавать на момент заключения договора, что исполнить его достоверно не получится. Слова «не имелось и не могло быть» означают, что невозможность существует не только в момент заключения, но и в перспективе. Если же человек добросовестно, пусть и чрезмерно оптимистично, рассчитывал исполнить обязательство (в том числе за счёт ожидаемых, но не полученных ресурсов), привлекать его к ответственности лишь потому, что со стороны этот расчёт выглядел рискованным, нельзя — это неудачное ведение дел, а не преступление.

Различие между объективной невозможностью и разумным деловым расчётом: необходимо выяснить на основе того, исключала ли ситуация исполнение вообще (например, у лица нет ни производства, ни работников, ни необходимых разрешений, так что деятельность очевидно фиктивна) либо существовал реальный, хотя и негарантированный план (поступление по друго-

му контракту, получение кредита, поставка от собственного поставщика). В первом случае отсутствие возможности исполнения заведомо и говорит об умысле на хищение; во втором перед нами обычный предпринимательский риск, даже если расчёт позднее не оправдался.

Об отсутствии умысла на хищение свидетельствуют также и подготовительные действия к исполнению обязательства: заключение субподрядов, закупка материалов, найм работников, обращение за лицензией или кредитом. Если же никаких шагов к исполнению нет, а аванс расходуется на цели, не связанные с предметом сделки, это весомо подтверждает заведомость.

Такой подход соответствует позиции Конституционного Суда РФ по утратившей силу ст. 159.4 УК РФ (постановление от 11 декабря 2014 г. № 32-П [6]): мошенничество в предпринимательской сфере предполагает использование договора, который заведомо не будет исполнен, причём не из-за обстоятельств, входящих в предпринимательский риск. Тем самым Суд указал, что заведомое неисполнение следует отличать от обычного риска, и это различие служит основой квалификации.

При изучении судебных актов о доказывании умысла при неполном исполнении договора выявлено, что суды последовательно отделяют задолженность, возникшую при реальном исполнении, от хищения; наиболее показательным является дело руководителя организации, осуждённого по ч. 3 ст. 159.4 УК РФ за неполную оплату полученной от поставщика продукции, Шестой кассационный суд общей юрисдикции определением от 15.11.2022 № 77-5702/2022 прекратил уголовное дело в связи с отсутствием состава преступления. Суд учёл, что «значительная часть денежных средств за поставленную продукцию, в объеме около 85%, поступила» на счета поставщика, а также что у общества «имеются должники за поставленную продукцию». По выводу суда, «сам по себе факт задолженности в размере около 15 % от общего объема поставленной продукции <…> не является достаточным основанием считать доказанным наличие у руководителя организации умысла на хищение».

Обвинительные приговоры по таким делам также нередки, и в изученной практике встречается немало примеров установления заведомости; однако наиболее показательным является дело руководителя строительной организации Н.Р., осуждённого по ч. 3 и ч. 4 ст. 159 УК РФ за хищение авансов по договорам подряда: Сахалинский областной суд апелляционным определением от 12.12.2025 № 22-1130/2025 оставил обвинительный приговор без изменения. Суд указал, что «при отсутствии необходимого количества работников в подчинении, технических средств и строительных материалов, свободных финансовых средств в необходимом объеме, взымая аванс за выполнение им обязательств, Н.Р. заведомо не имел намерений их выполнять». Вывод об умысле подтверждался и последующим поведением осуждённого: он «полученные от аванса денежные средства направлял на личные нужды <…>, а в последующем переставал выходить на связь с потерпевшими».

Отметим, что, по нашему мнению, сформированному в ходе изучения нами значительного массива судебных актов по данной категории дел, зачастую правоприменителем все же действия, направленные на исполнение обязательства, игнорируются путем использования «классических» формулировок обвинения, что такие действия осуществлялись лишь «под видом осуществления исполнения обязательств», «в целях придания правомерности своих действий», «с целью сокрытия» и прочие.

Отдельно стоит вопрос о распоряжении полученными деньгами. Нецелевое расходование полученной предоплаты само по себе умысла на хищение не доказывает. Деньги, переданные по договору, переходят к получателю в собственность, и он вправе распоряжаться ими по своему усмотрению, если договор не обязывает использовать их на определённую цель (как, например, при целевом финансировании). Поэтому траты, не связанные с предметом сделки, приобретают значение для квалификации лишь в совокупности с другими обстоятельствами: бездействием по исполнению обязательства и иными признаками, указывающими на заведомость неисполнения.

Остановимся и на обмане в намерениях — наиболее спорной разновидности обмана при таком мошенничестве. Практика, как показало проведённое нами изучение судебных актов, признаёт его мошенническим, но именно он создаёт наибольший риск объективного вменения: внутреннее намерение на момент заключения сделки никак не проявлено вовне, и установить его можно только по проверяемым обстоятельствам (наличие ресурсов, принятые меры, последующее поведение), а не по предположениям следствия.

Есть и ещё одна проблема. Гражданское право различает исполнение, неисполнение и ненадлежащее исполнение обязательства, тогда как диспозиция ч. 5 ст. 159 УК РФ и разъяснения Пленума говорят лишь о полном или частичном неисполнении. Случаи, когда обязательство исполнено, но с нарушением существенных условий (иной предмет, иные характеристики, иные сроки), буквально этим составом не охватывается.

Принципиально важно отличать полное или частичное неисполнение от ненадлежащего ис-

полнения. При неисполнении контрагент не получает никакого встречного предоставления за переданное имущество; при ненадлежащем — получает, пусть и не соответствующее договору по качеству, комплектности, количеству, срокам или другим параметрам. Это различие сущностное, а не терминологическое, поскольку касается признака безвозмездности, без которого нет хищения (примечание 1 к ст. 158 УК РФ): хищением считается лишь изъятие без предоставления равноценного эквивалента. Если контрагент всё же получил встречное предоставление, имеющее самостоятельную ценность — товар худшего качества или в меньшем количестве, работу с отступлениями от задания, но пригодную к использованию, услугу, оказанную с опозданием, — безвозмездность отсутствует либо присутствует лишь в размере непредоставленного. По своей природе такая ситуация не совпадает с неисполнением и, как правило, не образует хищения всей переданной суммы; она разрешается гражданско-правовыми средствами (ст. 393, 475, 476, 721 ГК РФ): уменьшением цены, возмещением убытков, устранением недостатков, взысканием неустойки.

Обобщив изученные нами дела о ненадлежащем исполнении подрядных обязательств, мы можем описать типичную ситуацию так: подрядчик получил оплату и выполнил работы, но использовал материалы более низкого класса, чем согласовано, либо допустил отступления от проекта, не мешающие использованию объекта. Это ненадлежащее исполнение: заказчик получил реальный результат, имеющий собственную стоимость. Оснований для квалификации как мошенничества нет (если нет иных доказательств умысла обмануть относительно самого факта исполнения): ущерб равен разнице между обещанным и полученным, а не всей оплаченной сумме, и спор решается в гражданском порядке по правилам о подряде.

Иначе обстоит дело в ситуации уже приведенного примера по делу Шеврюкова: имитация исполнения (отчёт о замене кабеля) при том, что старый кабель остался в земле, по сути, означает полное неисполнение этой части обязательства, замаскированное недостоверной отчётностью. Безвозмездность здесь сохраняется в полном объёме стоимости работ по замене, так как реального встречного предоставления заказчик не получил.

Исходя из сказанного, дополнительно к критериям Пленума можно предложить следующие признаки, отделяющие предпринимательское мошенничество (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ) от гражданско-правового нарушения в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения договора.

Первым признаком является момент возникновения умысла. Для квалификации деяния по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ значим только умысел, сложившийся до или в момент заключения договора (возникновения обязательства). Если намерение не исполнять возникло после получения имущества из-за изменившихся обстоятельств, конъюнктуры или потери интереса к сделке, уголовной ответственности за хищение нет, наступают лишь гражданско-правовые последствия.

Вторым - объективность препятствий. Решающее значение имеет не то, что на момент заключения договора исполнение не было гарантировано, а то, существовали ли обстоятельства, делавшие его невозможным в принципе, в отличие от разумного расчёта на будущие поступления, свойственного нормальному риску.

Третьим - характер обмана. Обман должен касаться существенных для контрагента условий и лежать в основе передачи имущества. Переговорные приёмы, преувеличение своих возможностей (так называемый sales talk, на который, по замечанию Е.А. Русскевича [7], другая сторона не вправе всерьёз опираться) и заблуждение о несущественных обстоятельствах мошенничества не образуют.

Четвёртым - поведение после получения имущества. В пользу мошенничества говорят сокрытие имущества, уклонение от контактов, имитация исполнения с помощью подложных документов; в пользу гражданско-правового спора — открытое поведение, переговоры об урегулировании, частичное исполнение или возмещение убытков.

Пятым - реальная хозяйственная деятельность. Если регистрация в качестве предпринимателя или организации формальна и намерения вести бизнес нет, специальная норма не применяется, и деяние квалифицируется по общим частям ст. 159 УК РФ.

Шестым - обоснованность предпринимательского риска. Если неисполнение вызвано обоснованным риском, то есть на момент заключения договора у лица были разумные, пусть и не абсолютные основания рассчитывать на исполнение (ожидаемые платежи по другим контрактам, планируемый кредит, реально существовавшая, но не реализовавшаяся возможность), состава мошенничества нет, так как отсутствует заведомость неисполнения. Обоснованность оценивается по тем же параметрам, что описаны выше (оценка на дату заключения, осознание лицом реальности расчёта, предпринятые меры), и с учётом обычной практики соответствующей сферы бизнеса, а не по эталону безрискового поведения.

Седьмым - противоправность самой деятельности. Ч. 5–7 ст. 159 УК РФ возможно при-

менять лишь тогда, когда договор заключён в рамках законной предпринимательской деятельности. Если деятельность изначально преступна, например сбыт наркотических средств или незаконная продажа оружия, она не может быть признана предпринимательской, даже когда такие отношения облечены в соответствующую гражданско-правовым отношениям форму (договор). Предмет такой сделки изъят из оборота, и защищаемых правом обязательств она не порождает.

Подводя итог, отметим: разграничение предпринимательского мошенничества и гражданско-правового нарушения нельзя строить на формальных признаках — наличии договора, факте неисполнения или размере ущерба. Решают момент возникновения и направленность умысла, а также то, что у лица на момент заключения договора фактически не имелось и не могло быть реальной возможности исполнения; обоснованный предпринимательский риск состав мошенничества исключает. Разъяснения Пленума не исчерпывают всех критериев, поэтому вывод об умысле требует оценки совокупности доказательств.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в действ. ред.).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (в действ. ред.).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в действ. ред.).

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2026 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Шеврюкова Сергея Николаевича».

[5] Евтушенко И.И. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ): проблемы квалификации // Общество и право. 2018. № 1 (63). С. 17–22.

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».

[7] Русскевич Е.А. Мошенничество или ненадлежащее исполнение договорных обязательств: применение стандарта доказывания prima facie как способ обеспечения стабильности экономических отношений // Уголовное право. 2025. № 12.

References:

[1] The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (in force. ed.).

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2016 No. 48 "On the practice of the application by the courts of legislation regulating the specifics of criminal liability for crimes in the field of entrepreneurial and other economic activity" (in action. ed.).

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (in Act. ed.).

[4] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 29, 2026 No. 43-P "In the case of checking the constitutionality of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen Shevryukov Sergey Nikolaevich.".

[5] Yevtushenko I.I. Criminal law characteristics of fraud in the field of entrepreneurial activity (part 5-7 of article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of qualification // Society and law. 2018. № 1 (63). S. 17-22.

[6] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 11, 2014 No. 32-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the request of the Salekhard City Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug.".

[7] Russkevich E.A. Fraud or improper performance of contractual obligations: application of the prima facie standard of proof as a way to ensure the stability of economic relations // Criminal law. 2025. № 12.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-240-244
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ПИВНЕНКО Денис Леонидович,
заместитель председателя комитета государственной охраны объектов культурного наследия Волгоградской области, старший преподаватель кафедры юриспруденции и психологии ВФ ВолГУ, соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Волгоградский государственный университет, e-mail: denispiv.2022@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОТЕНЦИАЛЬНОМ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО И АВТОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ПРОВЕДЕНИЕМ РАБОТ ПО СОХРАНЕНИЮ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация. *Работа посвящена исследованию ряда дискуссионных положений проекта нормативного правового акта, предлагающего регламентацию осуществления технического и авторского надзора за проведением работ по сохранению объектов культурного наследия. Обосновано, что полемичными являются такие положения проекта как временный характер его действия, требование о руководстве документами по стандартизации, неясность приоритета отраслевых и общестроительных норм, отсутствие минимального порога периодичности осуществления надзора, а также возможность его проведения силами иностранных юридических лиц. Аргументировано, что потенциальное правовое регулирование, обладая определенными достоинствами, выявляет требующие своего разрешения дополнительные вопросы регламентации, поскольку они оказывают непосредственное воздействие на права и обязанности как публичных, так и частных субъектов. По итогам исследования отмечается тенденция трансформации взглядов субъекта правотворчества, направленная на более четкое и ясное регулирование, способствующее обеспечению баланса публичных и частных интересов.*

Ключевые слова: *объекты культурного наследия, технический надзор, авторский надзор, временный характер, документы по стандартизации, приоритет отраслевых и общестроительных норм, периодичность надзора, иностранные лица, реализация гражданских прав, баланс публичных и частных интересов, дискуссионность.*

Для цитирования: *Пивненко Д. Л. К вопросу о потенциальном правовом регулировании осуществления технического и авторского надзора за проведением работ по сохранению объектов культурного наследия // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 240–244.*

PIVNENKO Denis Leonidovich,
Deputy Chairman of the Committee for the State Protection of Cultural Heritage Sites of the Volgograd Region, Senior lecturer at the Department of Law and Psychology Volzhsky Branch of Volgograd State University, Candidate of the academic degree of Candidate of Legal Sciences Volgograd State University

REGARDING THE ISSUE OF POTENTIAL LEGAL REGULATION OF TECHNICAL AND AUTHORIAL SUPERVISION OF WORKS ON THE PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS

Annotation. *The work is devoted to the study of a number of controversial provisions of a draft regulatory legal act that proposes to regulate the implementation of technical and design supervision over the work on the preservation of cultural heritage sites. It has been substantiated that the following provisions of the draft are controversial: the temporary nature of its application, the requirement to follow standardization documents, the lack of clarity regarding the priority of sector-*

specific and general construction standards, the absence of a minimum threshold for the frequency of supervision, and the possibility of conducting it by foreign legal entities. It has been argued that potential legal regulation, while having certain advantages, also reveals additional regulatory issues that require resolution, as they have a direct impact on the rights and obligations of both public and private entities. The study reveals a trend towards a transformation in the views of the subject of law-making, aimed at achieving more precise and clear regulation that helps to ensure a balance between public and private interests.

Key words: *cultural heritage sites, technical supervision, author's supervision, temporary nature, standardization documents, priority of industry and general construction standards, frequency of supervision, foreign persons, realization of civil rights, balance of public and private interests, controversial.*

For citation: *Pivnenko D. L. Regarding the issue of potential legal regulation of technical and authorial supervision of works on the preservation of cultural heritage objects. Russian scientific bulletin. 2026;(11):240–244. (In Russ.).*

Актуальность темы исследования обусловлена закрепленными в Конституции РФ и Федеральном законе от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон об ОКН) взаимонаправленными положениями, сочетающими требования по сохранению объектов культурного наследия (далее – ОКН) с гарантиями предпринимательской деятельности, свобода которой может быть ограничена исключительно в общегосударственных целях.

Указанная взаимонаправленность проявляется и в деятельности по «физическому» сохранению ОКН (глава VII Закона об ОКН), при которой обеспечение сохранности объектов представляет собой результат усилий частных субъектов, осуществляющих названную деятельность в соответствии с особой регламентацией (законодательство об охране ОКН), в особых целях – предотвращение разрушения или причинения ОКН вреда как уникального национального достояния [1] и в условиях особого контроля публичных и частных субъектов, в чем, между прочим, автор вновь находит доказательство содержательного дуализма понятия «охрана» [2].

Сказанное, очевидно, проявляется и при осуществлении технического (далее – ТН) и авторского надзора (далее – АН) за проведением работа по сохранению ОКН, правовая регламентация которых до настоящего времени не получила своего должного развития. Так, статья 45 Закона об ОКН констатирует, что, среди прочего, работы по сохранению ОКН проводятся при условии осуществления ТН и АН, условной правовой основой для которых служат соответствующие ГОСТы [3; 4], не обладающие, как это подчеркивал Верховный Суд РФ, императивными свойствами [5].

В связи с этим, необходимо отметить, что в настоящее время наметилась положительная динамика усилий субъектов правотворчества, направленных на устранение существующих в сфере охраны ОКН пробелов регламентации, что, относительно заявленной темы исследования, проявилось в разработке проекта приказа Минкультуры России «Об установлении порядка осуществления технического надзора и авторского надзора за проведением работ по сохранению объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, а также научного руководства проведением таких работ» (далее – Проект) [6]. Анализ Проекта, вместе с тем, показывает, что наряду с очевидными преимуществами, главным из которых надлежит назвать саму интенцию к регулированию ранее не находивших своей регламентации правоотношений, ему присущи определенные дискуссионные аспекты.

Ввиду объема публикации акцентируем внимание на некоторых из названных аспектов и отразим следующую корреспондирующую им проблематику.

Во-первых, как и ряд ранее исследованных автором проектов [7, 8, 9], предлагаемое правовое регулирование носит временный характер (до 01 марта 2033 г.), что, с одной стороны, не в полной мере способствует стабильности гражданского оборота, поскольку, таким образом, устанавливаемые пределы должного поведения субъектов изначально обнаруживают условную нестабильность, с другой – предполагается, что выявляемая темпоральность обусловлена стремлением законодателя реализовать в определенный период времени, фактически, правовой эксперимент, который как раз таки бы и способствовал обеспечению «уравновешенного состояния» посредством нахождения оптимальной регламентации.

Сказанное видится чрезвычайно важным и

для публичных, и для частных субъектов, осуществляющих деятельность в сфере охраны ОКН, поскольку, если речь идет о реализации гражданских прав (напомним здесь, что ТН и АН – прерогатива частных субъектов), то пределы такой реализации, очевидно, должны быть однозначно понимаемы как уполномоченными органами государственной охраны ОКН, так и лицами, ответственными за ТН и АН [10], в целях недопущения наступления негативных последствий и достижения обеспечения сохранности ОКН.

Во-вторых, весьма полемичным представляется закрепление в Проекте положений, согласно которым лица, осуществляющие ТН и АН, среди прочего должны руководствоваться документами по стандартизации в области строительства и сохранения ОКН, что, не соответствует вышеприведенной позиции Верховного Суда РФ, равно как и актуализирует проблематику разработки и нормативного утверждения стандартов в области охраны ОКН.

В-третьих, согласно общим положениям Проекта предметом ТН объявляется соответствие работ нормативным правовым актам (далее – НПА) по сохранению ОКН, что входит в противоречие с ранее отмеченными позициями о документах по стандартизации, а также, при системном толковании норм Проекта, не позволяет однозначно определить приоритет отраслевых либо общестроительных НПА.

В-четвертых, Проект предусматривает, что периодичность и продолжительность пребывания лиц, осуществляющих ТН и АН, на ОКН определяются соответствующими договорами, заключенными между данными лицами (частными субъектами) и заказчиками работ по сохранению ОКН (частные и публичные субъекты) и, одновременно с этим, предлагает сторонам таких договоров взаимоувязывать частоту посещения объекта с видами и объемами работ.

Вместе с тем, безусловно не отрицая общие гражданско-правовые принципы свободы действий и договора, видится, что поскольку сохранение ОКН осуществляется частными субъектами не только в собственных, но и в общенациональных интересах, в чем, между прочим, проявляется особая специфика сферы охраны ОКН, минимальный порог указанной периодичности ТН и АН все же подлежит нормативному закреплению.

При этом, представляется, что сказанное, среди прочего, будет способствовать не только сохранению ОКН в публичных целях, но и, очевидно, защите интересов правообладателей ОКН (частных и публичных субъектов), заинтересованных в обеспечении надлежащего качества осуществляемых на ОКН работ.

В-пятых, Проект указывает на возможность проведения ТН и АН, в том числе силами иностранных юридических лиц, чем воспроизводятся положения постановления Правительства РФ от 28 января 2022 г. № 67 «О лицензировании деятельности по сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» в их взаимосвязи с нормами Федерального закона от 04 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности».

Вместе с тем, проектная норма актуализирует не просто некоторые правовые аспекты применительно к области охраны ОКН, но, в первую очередь, концептуальную проблематику обеспечения государственной безопасности, достигаемой с использованием конкретных средств правового регулирования. Так, в условиях современного беспрецедентного внешнего давления, памятуя об особой роли ОКН как общенационального достояния народов РФ, представляется, что равноправное положение (безо всяких изъятий) иностранных субъектов в сфере охраны ОКН подлежит ревизии, при которой «водоразделом» может явиться, например, регистрация субъекта на территории того иностранного государства, с которым Российской Федерацией заключены соответствующие договоры о межгосударственном сотрудничестве.

Резюмируя полученные результаты, дополнительно отметим, что не лишенное дискуссионности, впервые предлагаемое правовое регулирование ТН и АН продолжает наметившуюся тенденцию трансформации взглядов субъекта правотворчества, направленную на более четкую регламентацию деятельности в сфере охраны ОКН, что среди прочего, способствует обеспечению баланса публичных и частных интересов, а также надлежащей и предсказуемой реализации гражданских прав.

Список литературы:

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 09 декабря 2014 г. № 2755-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Харламовой Ирины Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 31 и пунктом 4 статьи 36 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Шаронов С.А. Гражданско-правовое регулирование охранной деятельности в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2015. 445 с.

[3] ГОСТ Р 56254-2014 Технический надзор на объектах культурного наследия. Основные

положения (Переиздание) (утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 26 ноября 2014 г. № 1803-ст) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200114721?ysclid=mvj59goo1y265102273&section=text (дата обращения: 22.10.2026).

[4] ГОСТ Р 56200-2014 Научное руководство и авторский надзор при проведении работ по сохранению объектов культурного наследия. Основные положения (Переиздание) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: (утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 октября 2014 г. № 1460-ст) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200114184?ysclid=mvj59b1cua73829110&section=text (дата обращения: 22.10.2026).

[5] Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 12 марта 2024 г. № АПЛ24-32 // СПС «КонсультантПлюс».

[6] Проект приказа Минкультуры России «Об установлении порядка осуществления технического надзора и авторского надзора за проведением работ по сохранению объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, а также научного руководства проведением таких работ» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс] URL: https://regulation.gov.ru/projects/171954/ (дата обращения: 22.10.2026).

[7] Проект приказа Минкультуры России «Об установлении состава и содержания проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, при которых не затрагиваются конструктивные и другие характеристики надежности и безопасности соответствующего объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс] URL: https://regulation.gov.ru/projects/171174/ (дата обращения: 22.10.2026).

[8] Проект приказа Минкультуры России «Об установлении состава и содержания проектной документации на проведение научно-исследовательских и изыскательских работ по оценке сохранности историко-культурной ценности объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, требований к проведению таких работ и порядка их проведения» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс] URL: https://regulation.gov.ru/projects/171155/ (дата обращения: 22.10.2026).

[9] Пивненко Д.Л. Некоторые дискуссионные аспекты потенциального правового регулирования состава и содержания проектной документации по сохранению и изучению объектов культурного наследия // Право и управление. 2026. № 9. С. 271-275.

[10] Волковская Л.Н. Особенности нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации на современном этапе // Право и государство: теория и практика. 2019. № 4 (172). С.76-78.

References:

[1] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 9, 2014, № 2755-O “On Refusing to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Irina Vyacheslavovna Kharlamova Regarding the Violation of Her Constitutional Rights by Paragraph 2 of Article 31 and Paragraph 4 of Article 36 of the Federal Law ‘On Objects of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation’” // SPS “ConsultantPlus”.

[2] Sharonov S.A. Civil and Legal Regulation of Security Activities in the Russian Federation: dis. … Dr. of Law Sciences. Volgograd, 2015. 445 s.

[3] GOST R 56254-2014 Technical supervision at cultural heritage sites. Basic provisions (reissue) (approved and put into effect by order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated November 26, 2014, № 1803-st) // Electronic fund of legal and regulatory-technical documents [Electronic resource] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200114721?ysclid=mvj59goo1y265102273 &section=text (date accessed: 22.10.2026).

[4] GOST R 56200-2014 Scientific guidance

and author's supervision in the conduct of work on the preservation of cultural heritage objects. Main provisions (reissue) // Electronic fund of legal and regulatory-technical documents [Electronic resource] URL: (approved and put into effect by order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated October 30, 2014, № 1460-st) // Electronic fund of legal and regulatory-technical documents [Electronic resource] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200114184?ysclid=mvj59b1cua73829110& section=text (date accessed: 22.10.2026).

[5] Appellate ruling of the Appellate Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 12, 2024, № APL24-32 // SPS "ConsultantPlus".

[6] Draft Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation "On Establishing the Procedure for Technical Supervision and Author's Supervision of the Preservation of an Object of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monument) of the Peoples of the Russian Federation included in the Unified State Register of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation, or an Identified Object of cultural heritage (Historical and Cultural Monument) of the peoples of the Russian Federation, as well as scientific management of such work" // Federal Portal of draft Normative Legal Acts [Electronic resource] URL: https://regulation.gov.ru/projects/171954/ (date accessed: 22.10.2026).

[7] Draft Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation "On Establishing the Composition and Content of Project Documentation for the Preservation of an Object of cultural heritage (Historical and Cultural Monument) of the Peoples of the Russian Federation included in the Unified State Register of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation, or an Identified Object of cultural heritage (Historical and Cultural Monument) of the Peoples Of the Russian Federation, which do not affect the constructive and other characteristics of reliability and safety of the relevant cultural heritage object (monument of history and culture) of the peoples of the Russian Federation" // Federal Portal of draft normative Legal Acts [Electronic resource] URL: https://regulation.gov.ru/projects/171174/ (date accessed: 22.10.2026).

[8] Draft Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation "On Establishing the Composition and Content of Project Documentation for Conducting Research and Survey Work to Assess the Preservation of the Historical and Cultural Value of an Object of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monument) of the Peoples of the Russian Federation included in the Unified State Register of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation, or identified an object of cultural heritage (a monument of history and culture) of the peoples of the Russian Federation, the requirements for such works and the procedure for their implementation" // Federal Portal of draft Normative Legal Acts [Electronic resource] URL: https://regulation.gov.ru/projects/171155/ (date accessed: 22.10.2026).

[9] Pivnenko D.L. Some debatable aspects of the potential legal regulation of the composition and content of project documentation for the preservation and study of cultural heritage objects // Law and Management. 2026. № 9. S. 271-275.

[10] Volkovskaya L.N. Features of the regulatory and legal regulation of entrepreneurial activity in the Russian Federation at the present stage // Law and State: Theory and Practice. 2019. № 4 (172). S. 76-78.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.10.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-245-248
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ПОПОВА Светлана Вячеславовна,
старший преподаватель кафедры пожаротушения и аварийно-спасательных работ, Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург, e-mail: mail@law-books.ru

АНТОНОВ Андрей Александрович,
преподаватель кафедры пожаротушения и аварийно-спасательных работ, Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург, e-mail: mail@law-books.ru

ОБЗОР ДАННЫХ ПО ПОЖАРАМ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯМ НА ТЕРРИТОРИИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА 2025 ГОД

Аннотация. *В статье представлен анализ показателей по количеству пожаров, гибели и травмированности людей от них, материальные потери и основные причины возгораний, произошедший на территории Свердловской области в 2025 году.*

Ключевые слова: *статистика пожаров, гибель людей, материальные потери, причины пожаров, Свердловская область.*

Для цитирования: *Попова С. В., Антонов А. А. Обзор данных по пожарам и их последствиям на территории Свердловской области за 2025 год // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 245–248.*

POPOVA Svetlana Vyacheslavovna,
Senior Lecturer at the Department of Fire Fighting and Rescue Operations, Ural Institute of the State Emergency Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg

ANTONOV Andrey Aleksandrovich,
Teacher at the Department of Fire Fighting and Rescue Operations, Ural Institute of the State Emergency Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg

REVIEW OF DATA ON FIRES AND THEIR CONSEQUENCES IN THE SVERDLOVSK REGION IN 2025

Annotation. *The article presents an analysis of indicators on the number of fires, deaths and injuries of people from them, material losses and the main causes of fires that occurred in the Sverdlovsk region in 2025.*

Key words: *statistics of fires, deaths of people, material losses, causes of fires, Sverdlovsk region.*

For citation: *Popova S. V., Antonov A. A. Review of data on fires and their consequences in the Sverdlovsk region in 2025. Russian scientific bulletin. 2026;(11):245–248. (In Russ.).*

Одной из важных задач, стоящих перед нашим государством, является обеспечение безопасности людей и их имущества от различного рода чрезвычайных ситуаций, в том числе и от пожаров [1]. На протяжении всей истории, пожары причиняли огромные материальные потери и гибель людей. Огонь выжигал целые города, оставляя за собой пепел и человеческое горе. Даже в настоящее время, когда человечество перешло на новый уровень защиты от пожаров, они все равно происходят и последствия от них очень серьезные. Примером такого является пожар, произошедший в городе Кемерово в 2018 году в ТРЦ «Зимняя Вишня», результатом чего стала гибель 60 человек, включая 37 детей [2].

Свердловская область характеризуется

значительной площадью и занимает шестнадцатое место из всех регионов нашей страны. Она обладает высокой концентрацией промышленных предприятий, транспортной инфраструктурой и численностью населения (5 место среди всех городов) [3]. В связи с этим возникает высокий риск происхождения пожаров на территории данной области.

На основе данных ФГБУ ВНИИПО МЧС России [4] и ГУ МЧС по Свердловской области нами проведен анализ обстановки по пожарам и последствиям от них на территории Свердловской области за 2025 год.

Данный анализ показывает, что обстановка с пожарами в сравнении с прошлым годом имеет численное снижение и составляет 5780 возгораний. По отношению к прошлому году, число пожаров снизилось на 12 % (рис. 1). Наибольшее число пожаров приходилось на воскресенье и составило 16,6% от общего числа пожаров. Практически 64,5 % (3731 случай) от всех пожаров, их возникновение происходило в зданиях и сооружениях, соответственно на открытых территориях число возгораний составило 35,5% (2056 случаев). Чаще всего пожары происходили в зданиях жилого назначения 2514 случаев. В одноквартирных жилых домах (819 пожаров), в многоквартирных – 690 пожаров и на иных объектах жилого назначения (1125 пожаров). Такие показатели схожи с данными по всей Российской Федерации [5].

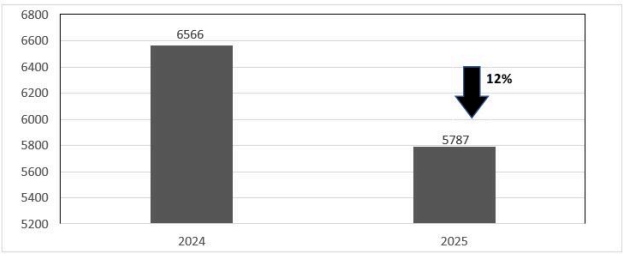

Рис. 1. Сравнительные данные по количеству пожаров на территории Свердловской области в период 2024-2025 гг.

Снижение данного показателя свидетельствует о том, что профилактическая работа органов надзорной деятельности проводится на высоком уровне и повысилась ответственность граждан по соблюдению правил пожарной безопасности.

От пожаров на территории Свердловской области погибло 182 человека, что на 21,2% меньше, чем в 2024 году, где всего зафиксировано 231 случай гибели людей. При этом в 2025 году наблюдается рост детской смертности на пожарах, в 2025 году она составила 16 детей, что больше на 23,1% в сравнении с прошлым годом (13 детей) (рис. 2).

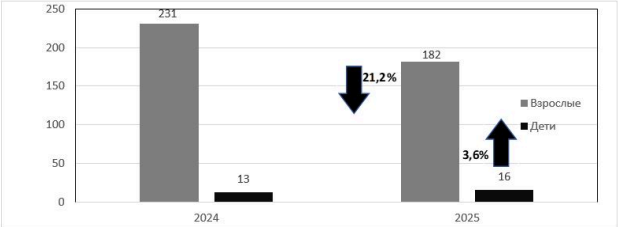

Рис. 2. Динамика гибели людей (детей) на пожарах на территории Свердловской области в период 2024-2025 гг.

Наибольшее число погибших людей приходилось на ночное время (19,8%), а по дням недели в субботу (36 человек). В основном гибель людей наступала от отравления токсичными продуктами горения (125 человек). От воздействия высоких температур – 28 человек. От неустановленных причин 12 человек.

Кроме того, на пожарах в 2025 году травмы различной степени тяжести получили 220 человек и этот показатель имеет снижение с аналогичным периодом прошлого года на 3,1%, где всего получили травмы 227 человек. Однако количество травм у детей, наоборот увеличилось на 3,6% и составляет 29 детей (за 2024 год – 28 несовершеннолетних) (рис. 3).

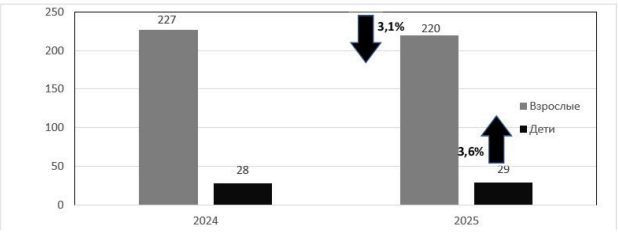

Рис. 3. Динамика травмированности людей (детей) на пожарах на территории Свердловской области в период 2024-2025 гг.

В 2025 году пожарами уничтожено имущество (зарегистрированный материальный ущерб) на сумму 1528,3 млн. рублей, что практически в 3,5 раза больше с аналогичным периодом прошлого года, где ущерб от пожаров составил 432,3 млн. рублей. Расчетный материальный ущерб составил 7993,1 млн. рублей.

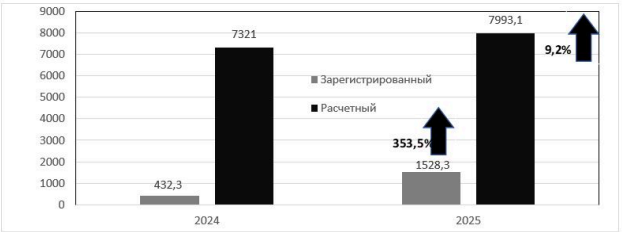

Рис. 4. Материальный ущерб от пожаров (зарегистрированный/расчетный) на территории Свердловской области в период 2024-2025 гг.

Пожарно-спасательными подразделениями спасено 925 человек и эвакуировано 8374 человека. В сравнении с прошлым годом эти показатели были 976 человек и 13322 человек соответственно (рис. 5).

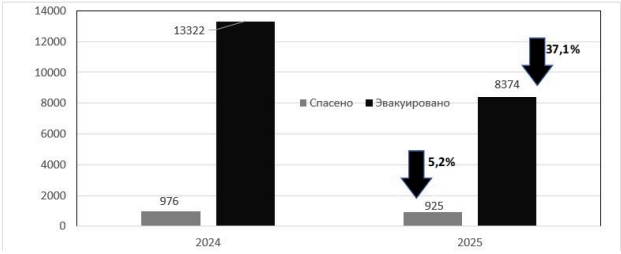

Рис. 5. Количество спасенных и эвакуированных людей на пожарах на территории Свердловской области в период 2024-2025 гг.

Основными причинами пожаров являются неосторожное обращение с огнем и нарушение правил устройства и эксплуатации электрооборудования и электроприборов (рис. 6). Анализируя статистические показатели прошлых лет, отметим, что данные имеют устойчивую тенденцию сохранения из года в год [6-9].

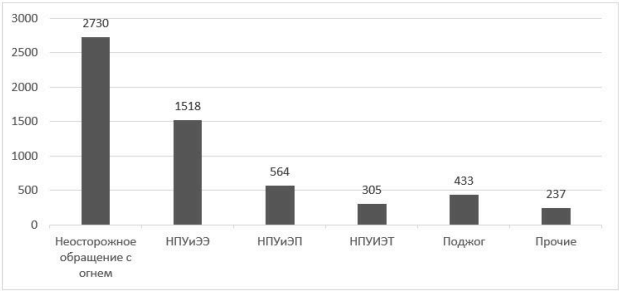

Рис. 6. Основные причины пожаров

Подведя итоги отметим, что несмотря на снижение числа пожаров на территории Свердловской области в 2025 году, их количество остается высоким, а последствия от них сопровождаются гибелью людей и значительным материальным ущербом, который в этом году увеличился в 3,5 раза по отношению с прошлому году. Основной причиной пожаров стало неосторожное обращение с огнем, а причиной гибели людей – отравление токсичными продуктами горения. Данные результаты свидетельствуют о том, что необходимо и дальше продолжать профилактическую работу с населением по формированию ответственности по соблюдению правил пожарной безопасности, что позволит снизить риск возникновения пожаров и последствий от них.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ (ред. от 04.08.2026) "О пожарной безопасности".

[2] Мураев, Н. П. Компьютерное моделирование развития пожара и эвакуации в зданиях массового пребывания людей / Н. П. Мураев, А. А. Карапузиков // Правовая информатика. – 2025. – № 4. – С. 127-134. – DOI 10.24412/1994-1404-2025-4-127-134. – EDN NRUOVD.

[3] Сравнительный анализ основных показателей по пожарам на территории Свердловской области за 2021 год / А. А. Карапузиков, А. Д. Низяков, С. В. Папулов, Р. И. Тимерханов // Ресурсосберегающие технологии и технические средства для производства продукции растениеводства и животноводства : Сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 14–15 февраля 2022 года / Под научной редакцией Н.П. Ларюшина, О.Н. Кухарева. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2022. – С. 46-49. – EDN FKYHFR.

[4] Пожары и пожарная безопасность в 2025 году. Статистика пожаров и их последствий : информационно-аналитический сборник. Балашиха: ФГБУ ВНИИПО МЧС России, 2026. 113 с.

[5] Дьяков, В. Ф. Анализ основных показателей по пожарам в Российской Федерации в период с 2021 по 2025 год / В. Ф. Дьяков // Российский научный вестник. – 2026. – № 2. – С. 69-73. – DOI 10.24412/2782-3830-2026-2-69-73. – EDN DSCIOG.

[6] Попова, С. В. Анализ статистических данных по пожарам на территории Свердловской области за период 2017-2021 гг / С. В. Попова // Наука в современном мире: результаты исследований и открытий : Сборник научных трудов по материалам XI Международной научно-практической конференции, Анапа, 08 февраля 2023 года. – Анапа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2023. – С. 28-32. – EDN RIBCFQ.

[7] Попова, С. В. Статистический анализ пожаров на территории Свердловской области за период 2017-2022 гг / С. В. Попова // Актуальные вопросы науки и практики и перспективы их решений : Сборник научных трудов по материалам XIX Международной научно-практической конференции, Анапа, 05 октября 2023 года. – Анапа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2023. – С. 30-33. – EDN JKTPFE.

[8] Мураев, Н. П. Анализ обстановки с пожарами на территории Свердловской области за 2024 год / Н. П. Мураев, А. А. Карапузиков // Природноресурсный потенциал, экология и устойчивое развитие регионов России : Сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 20–21 января 2025 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный

университет, 2025. – С. 144-147. – EDN XYZKMC.

[9] Анализ обстановки с пожарами на территории Свердловской области за 2023 год / А. А. Карапузиков, В. Ф. Дьяков, А. Н. Иванов, С. А. Бикеев // Охрана труда и техносферная безопасность на объектах промышленности, транспорта и социальных инфраструктур : Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 26–27 февраля 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. – С. 72-76. – EDN WOUNSX.

References:

[1] Federal Law No. 21.12.1994 of 69-FZ (as amended by 04.08.2026) "On Fire Safety.".

[2] Muraev, N.P. Computer modeling of the development of fire and evacuation in buildings of mass stay of people/N.P. Muraev, A.A. Karapuzikov // Legal informatics. – 2025. – № 4. - S. 127-134. – DOI 10.24412/1994-1404-2025-4-127-134. – EDN NRUOVD.

[3] Comparative analysis of the main indicators of fires in the Sverdlovsk region for 2021 / A. A. Karapuzikov, A. D. Nizyakov, S. V. Papulov, R. I. Timerkhanov // Resource-saving technologies and technical means for the production of crop and livestock products: Collection of articles VII of the International Scientific and Practical Conference, Penza, February 14-15 2022/Under the scientific editorship of N.P. Laryushin, O.N. Kukhareva. - Penza: Penza State Agrarian University, 2022. - S. 46-49. – EDN FKYHFR.

[4] Fires and fire safety in 2025. Statistics of fires and their consequences: information and analytical collection. Balashikha: FSBI VNIIPO EMERCOM of Russia, 2026. 113 pp.

[5] Dyakov, V.F. Analysis of the main indicators for fires in the Russian Federation from 2021 to 2025 / V.F. Dyakov // Russian Scientific Bulletin. – 2026. – № 2. - S. 69-73. – DOI 10.24412/2782-3830-2026-2-69-73. – EDN DSCIOG.

[6] Popova, S.V. Analysis of statistical data on fires in the Sverdlovsk region for the period 2017-2021 / S.V. Popova // Science in the modern world: research and discovery results: Collection of scientific works based on materials from the XI International Scientific and Practical Conference, Anapa, February 08, 2023. - Anapa: Limited Liability Company "Research Center for Economic and Social Processes" in the Southern Federal District, 2023. - S. 28-32. – EDN RIBCFQ.

[7] Popova, S.V. Statistical analysis of fires in the Sverdlovsk region for the period 2017-2022/ S.V. Popova // Current issues of science and practice and prospects for their solutions: Collection of scientific works based on the materials of the XIX International Scientific and Practical Conference, Anapa, October 05, 2023. - Anapa: Limited Liability Company "Research Center for Economic and Social Processes" in the Southern Federal District, 2023. - S. 30-33. – EDN JKTPFE.

[8] Muraev, N.P. Analysis of the situation with fires in the Sverdlovsk region for 2024 / N.P. Muraev, A.A. Karapuzikov // Natural resource potential, ecology and sustainable development of Russian regions: Collection of articles of the XXIII International Scientific and Practical Conference, Penza, January 20-21, 2025. - Penza: Penza State Agrarian University, 2025. - S. 144-147. – EDN XYZKMC.

[9] Analysis of the situation with fires in the Sverdlovsk region for 2023/A. A. Karapuzikov, V. F. Dyakov, A. N. Ivanov, S. A. Bikeev // Labor protection and technosphere safety at industrial facilities, transport and social infrastructures: Collection of articles III of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Penza, February 26-27, 2024. - Penza: Penza State Agrarian University, 2024. - S. 72-76. – EDN WOUNSX.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.10.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-249-254
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ШПИРА Мария Юрьевна,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Факультет Высшая школа государственного аудита, студентка 2 курса магистратуры,
e-mail: mail@law-books.ru

КВОТИРОВАНИЕ ВЫБРОСОВ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ НОРМИРОВАНИЯ ДОПУСТИМОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АТМОСФЕРНЫЙ ВОЗДУХ

Аннотация. *В настоящей статье исследуется правовая природа механизма квотирования выбросов вредных веществ как потенциального источника публичных доходов. Автор обосновывает тезис о преждевременности введения данного механизма. В работе предлагается комплекс мер по трансформации квотирования из скрытого источника общего бюджетного покрытия в целевой компенсационный платеж, обеспечивающий реализацию конституционных гарантий охраны окружающей среды.*

Ключевые слова: *квотирование выбросов, квазиналоговый платеж, плата за негативное воздействие, налогообложение, целевой бюджетный фонд.*

Для цитирования: *Шпира М. Ю. Квотирование выбросов как дополнительный финансово-правовой инструмент нормирования допустимого воздействия на атмосферный воздух // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 249–254.*

SHPIRA Maria Yuryevna,
Lomonosov Moscow State University Faculty Higher School of State Audit, 2nd year master's student

EMISSION QUOTAS AS A FINANCIAL AND LEGAL TOOL FOR REGULATING ALLOWABLE IMPACT ON AIR QUALITY

Annotation. *This article examines the legal nature of the mechanism for quotating emissions of harmful substances as a potential source of public revenue. The author substantiates the thesis that the introduction of this mechanism is premature. The paper proposes a set of measures to transform quotating from a hidden source of general budgetary coverage into a targeted compensation payment that ensures the implementation of constitutional guarantees for environmental protection.*

Key words: *emissions quotating, quasi-tax payment, fee for negative impact, taxation, targeted budget fund.*

For citation: *Shpira M. Yu. Emission quotas as a financial and legal tool for regulating allowable impact on air quality. Russian scientific bulletin. 2026;(11):249–254. (In Russ.).*

Обсуждение вопросов нормирования допустимого воздействия на атмосферный воздух на законодательном уровне всегда находилось в центре научного внимания. Данный аспект обусловлен тем, что многие инструменты государственного регулирования негативного воздействия на атмосферный воздух «де-юре» закреплены на законодательном уровне, однако на практике их потенциал ограничен рядом проблемных аспектов. К их числу практики и теоретики относят: следствие высокой стоимости природоохранных мероприятий, низкой заинтересованности предприятий-загрязнителей в фактическом снижении выбросов, просчетов при планировании, принятии и реализации экологически значимых государственных решений. В связи с этим, на законодательном уровне на сегодняшний день принято и действуют множество нормативных правовых актов, ведомственных актов и постановлений Правительства, которые призваны урегулировать вопрос допустимого воздействия на атмосферный воздух, создания благоприятной

среды для предприятий, в их числе основополагающий Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды [2]» (далее по тексту – Закон № 7), Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха [3]» (далее по тексту – Закон № 96), Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 23.03.2026) «Об отходах производства и потребления [4]».

Безусловно, функционирование любого государства неразрывно связано с социально-экономическим развитием общества, проживающего на его территории, что подтверждается национальными целями и стратегическими задачами развития Российской Федерации. В рамках реализации стратегических задач особое значение приобретает совершенствование правовых и экономических механизмов, обеспечивающих достижение целевых показателей качества окружающей среды, что, в свою очередь, актуализирует необходимость детального анализа инструментов административного и финансового воздействия на хозяйствующих субъектов, оказывающих негативное влияние на состояние атмосферного воздуха. В рамках научных дискуссий неоднократно поднимался вопрос о квотировании выбросов как финансово-правовом инструменте нормирования допустимого воздействия на атмосферный воздух, в частности об его экономической пользе как финансово-правового инструмента, функциях, его эффективности. Различными авторами, в частности А.А. Бушуевой [9], А.А. Романовым [10], Е.В. Старовой [11], Н.И. Хлудневой [12], рассматривались отдельные изменения в системе правового регулирования ограничения выбросов в атмосферный воздух, сопоставлялись принципиальные элементы санитарно-гигиенического, технологического нормирования и метода установления целевых показателей снижения выбросов (квотирования) в указанной сфере общественных отношений. Поставленные вопросы являются также предметом настоящего изыскания [7].

Вместе с тем, для обозначения законодательного пробела следует определить цель, поставленную автором, связанную с предлагаемыми поправками правового регулирования. Автором поставлен вопрос: разумно и обоснованно ли введение в правовое поле механизма квотирования выбросов как обязательного финансового инструмента?

В рамках реализации функций и задач для обеспечения снижения уровня загрязнения атмосферного воздуха в отдельных городских поселениях и городских округах с 1 января 2020 года по 31 декабря 2026 года был запущен эксперимент по квотированию выбросов на основе сводных расчетов. Для достижения заданных целей принят Федеральный закон от 26.07.2019 № 195-ФЗ «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха [5]», ряд приказов, в числе которых Приказ Минприроды России от 29.11.2019 № 814 «Об утверждении правил квотирования выбросов загрязняющих веществ (за исключением радиоактивных веществ) в атмосферный воздух [6]», Приказ Минприроды России от 28.04.2023 № 265 «О внесении изменений в приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 29 ноября 2019 г. № 814 «Об утверждении правил квотирования выбросов загрязняющих веществ (за исключением радиоактивных веществ) в атмосферный воздух []» и многие другие. При этом исторически и в настоящее время охрана атмосферного воздуха продолжает оставаться предметом правового регулирования соответствующего законодательства, поэтому выявление соотношения нового массива законодательства о нормировании допустимого воздействия на атмосферный воздух представляется актуальным в условиях параллельного действия указанных регуляторов [8].

В рамках настоящего эксперимента для обеспечения мер правовой охраны атмосферного воздуха, которые в общем виде закреплены в Законе № 7 и детализированы в Законах № 96 и № 195, реализуются следующие цели: 1) разработка и утверждение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на объектах I, II и III категорий, программы производственного экологического контроля, содержащей сведения об инвентаризации выбросов веществ в атмосферный воздух и их источников, и др.; 2) нормирование качества атмосферного воздуха и физического воздействия на него, нормирование выбросов в атмосферный воздух; 3) установление платы за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками; 4) осуществление государственного мониторинга атмосферного воздуха; 5) проведение государственного экологического контроля (надзора) в части соблюдения обязательных требований в области охраны атмосферного воздуха; 6) государственный учет выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, вредных физических воздействий на атмосферный воздух и их источников; 7) инвентаризация источников выбросов и выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и др., т.е. по своей правовой природе данный эксперимент призван снижать негативное воздействие на окружающую среду.

С введением института квотирования в правовое поле, в доктрине экологического права он

традиционно рассматривался преимущественно как мера технического регулирования, направленная на достижение санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Однако анализ правоприменительной практики и финансовых отчетов контрольно-счетных органов обнаруживает вторую, не менее значимую сущность квотирования – его фискальный потенциал. Законодатель, конструируя механизм квотирования, имплицитно заложил в него функцию дополнительного дохода бюджетной системы, что проявляется посредством системы платы за превышение квот, повышенные коэффициенты к ставкам платы, а также через административно-штрафные санкции за несоблюдение установленных лимитов. Соответственно мы приходим к выводу о том, что данный институт имеет двойственную природу.

Следует подчеркнуть, что двойственная природа института квотирования выбросов не является случайным дефектом законодательной техники, а представляет собой осознанное моделирование экономико-правового инструментария, характерного для концепции «зеленого бюджетирования». В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 22.05.2023 № 786, утвердившим порядок взаимодействия участников эксперимента, квоты распределяются между хозяйствующими субъектами с учетом технологических нормативов и фактических объемов производства. При этом превышение установленной квоты влечет автоматическое применение повышающего коэффициента 100 к ставкам платы за негативное воздействие на окружающую среду, что прямо предусмотрено п. 4 ст. 16.3 Закона № 7.

Таким образом, квотирование приобретает характер «квазиналогового» платежа, т.е. субъект хозяйственной деятельности, исчерпавший квоту, продолжает производственную деятельность, но вынужден компенсировать государству сверхнормативное воздействие в кратном размере. Это создает устойчивый денежный поток, направляемый в федеральный и региональные бюджеты, что подтверждается отчетными данными Росприроднадзора о росте поступлений от платы за негативное воздействие на окружающую среду на 17,3% в 2024 году относительно базового 2022 года.

Отчет Счетной палаты Российской Федерации по итогам мониторинга реализации эксперимента в городских центрах с наибольшим уровнем загрязнения (Челябинск, Новокузнецк, Норильск, Омск и др.) содержит парадоксальный вывод: при формальном снижении валовых выбросов на 8,6% от базового уровня, достигнутом к первому кварталу 2025 года, фискальная эффективность инструмента оказалась существенно выше его природоохранной результативности. Объем поступивших в консолидированные бюджеты субъектов РФ сумм от повышенной платы за сверхлимитные выбросы и штрафных санкций за 2023–2024 годы составил 84,7 млрд рублей, что в 2,3 раза превысило плановые прогнозные показатели Министерства природы России, заложенные в паспорте федерального проекта «Чистый воздух [13]». При этом доля средств, реинвестированных в природоохранные мероприятия (модернизация фильтров, внедрение систем непрерывного мониторинга), составила лишь 38,6%, тогда как остальная часть была направлена на компенсацию дефицита бюджетов региональных фондов.

Данное обстоятельство порождает системную проблему соотношения фискальной и природоохранной функций квотирования, которая в настоящее время не имеет однозначного правового разрешения ни в доктрине, ни в законодательстве.

Юридическая конструкция квотирования как финансово-правового инструмента базируется на трех взаимосвязанных элементах: нормативов выбросов (установление допустимых объемов выбросов в расчете на единицу продукции), лимитов на выбросы (оперативное перераспределение квот между предприятиями в зависимости от экологической обстановки) и экономическом стимулировании через дифференцированные ставки платы. Ключевым нормативным правовым актом, детализирующим этот механизм, является Приказ Минприроды России от 29.11.2019 № 814, которым утверждена методика разработки квот, основанная на данных сводных расчетов загрязнения и математическом моделировании рассеивания вредных веществ. Однако именно методика выявила существенный правовой пробел: квотирование распространяется исключительно на «квотируемые» загрязняющие вещества (бенз(а)пирен, формальдегид, взвешенные частицы PM2.5 и PM10), тогда как фискальные последствия превышения квот рассчитываются от базовой ставки платы, установленной для всех загрязняющих веществ, включая те, которые не участвуют в эксперименте. Как видится, данная ситуация порождает «дисбаланс», при котором природоохранная функция квотирования сужается до ограниченной группы веществ, а фискальная функция приобретает универсальный характер, охватывая всю совокупность выбросов предприятия.

Совокупность проанализированных данных позволяет сделать вывод о наличии устойчивой тенденции к «фискализации» квотирования выбросов: иными словами, из инструмента нормирования предельно допустимых нагрузок на атмосферный воздух он постепенно переходит

в механизм пополнения бюджета, что противоречит первоначальному замыслу законодателя, выраженному в пояснительной записке к законопроекту № 195-ФЗ. Цели, декларированные в паспорте эксперимента (снижение совокупного объема выбросов на 20% к 2030 году), вероятнее всего, будут достигнуты лишь частично, однако фискальные задачи, на наш взгляд, будут перевыполнены.

При этом правовая неопределенность в соотношении природоохранных и бюджетных функций и всего института, не совсем справедлива, т.е. предприятия, рассматривающие повышенную плату как легальную возможность продолжения сверхнормативного воздействия, могут направиться в сторону стратегии «плати и загрязняй», что, как полагается, подрывает конституционное право граждан на благоприятную окружающую среду (ст. 42 Конституции РФ). Представляется необходимым внесение изменений в действующее законодательство с целью установления обязательной «реинвестиционной квоты» (не менее 60%) от поступлений, связанных с квотированием, на реализацию целевых экологических программ, а также расширения перечня квотируемых веществ с учетом данных санитарно-эпидемиологического мониторинга. Только при таком подходе квотирование сможет реализовать свой двойственный потенциал.

Завершая представленный анализ, ответим на вопрос, поставленный вначале статьи: разумно и обоснованно ли введение в правовое поле механизма квотирования выбросов как обязательного финансового инструмента? Применительно к действующей правовой действительности введение данного механизма в качестве источника публичных доходов не отвечает закрепленным законодательным принципам, коим должен удовлетворять любой элемент финансовой системы, в силу требований и ст. 3 Закона № 7. Фискальная нагрузка, возникающая у хозяйствующего субъекта вследствие превышения установленных квот, не имеет самостоятельного юридического состава, отграниченного от меры административной ответственности и от платы за негативное воздействие на окружающую среду. Ставка, увеличенная в стократном размере, применяется не на основании непосредственно закона о бюджете или «налогового» акта, а в порядке отсылочной нормы п. 4 ст. 16.3 Закона № 7-ФЗ. Поскольку стократное увеличение ставки не образует самостоятельного юридического состава и не может быть квалифицировано ни как мера административной ответственности (отсутствует состав и процедура по КоАП), ни как элемент налогового обязательства (ст. 8, 3 НК РФ), оно представляет собой фискальное изъятие, существенные элементы которого в силу правовых позиций и ст. 39, 41, 46 БК РФ подлежат установлению актом законодательного уровня законом о бюджете либо НК РФ. Следовательно, отсылочная норма п. 4 ст. 16.3 Закона № 7-ФЗ не способна выступать единственным основанием применения стократной ставки, ибо неналоговый характер платежа не отменяет требования законодательной определённости его существенных элементов, а лишь исключает применение режима НК РФ.

С позиций доктрины финансового права, квота не является налогом в его конституционно-правовом понимании, поскольку не обладает свойствами индивидуальной безвозмездности и безвозвратности. Вместе с тем совокупность признаков – обязательность, принудительный характер изъятия, поступление в бюджеты бюджетной системы, отсутствие эквивалентности конкретному публичному благу – позволяет квалифицировать повышенную плату за сверхлимитные выбросы как «квазиналоговый» платеж, что требует распространения на нее базовых начал налогового законодательства, включая запрет на придание обратной силы, установление исчерпывающего перечня льгот и однозначность определения плательщика. В отсутствие легальной дефиниции «квотируемое вещество» и четкого разграничения между платой в пределах лимита, сверх лимита и штрафной санкцией образуется кумулятивный эффект, при котором одно фактическое действие (выброс) порождает три юридических последствия, не скоординированных между собой, что нарушает принцип однократности налогообложения (п. 1 ст. 3 НК РФ) применительно к обложению негативного воздействия.

Введение квотирования как обязательного фискального инструмента является, по мнению автора, преждевременным ввиду отсутствия достаточной эмпирической базы для справедливого распределения бремени между отраслями промышленности и регионами. Дифференциация ставок, предусмотренная методикой Минприроды России, учитывает лишь рассеивание вредных веществ, но по своему существу, игнорирует экономическую рентабельность производств и их способность к переложению издержек на конечного потребителя. В результате квотирование приобретает регрессивный характер, возлагая основное бремя на предприятия с высокой социальной значимостью (теплоэнергетика, жилищно-коммунальное хозяйство), чьи выбросы обусловлены не столько технологическим несовершенством, сколько необходимостью обеспечения населения теплом и электроэнергией. При этом ст. 18 Закона № 219-ФЗ, предусматривающая компенсационные меры для таких субъектов, не корреспондирует с нормами Бюджетного кодекса РФ (далее

по тексту – БК РФ [1]) о целевом характере использования средств, поступающих от платы за негативное воздействие, что делает декларированные гарантии необеспеченными реальными бюджетными обязательствами.

Вместе с тем полное отрицание фискальной функции квотирования было бы методологически неверным, поскольку финансовое обеспечение природоохранной деятельности в условиях дефицита бюджетных средств и объективно необходимой модернизации производственных фондов требует участия публично-правовых образований. Разумность и обоснованность введения исследуемого механизма как обязательного финансового инструмента возможны лишь при его трансформации из скрытого источника общего бюджетного покрытия в целевой фонд, аккумулирующий ресурсы исключительно для воспроизводства качества окружающей среды. Именно поэтому предложение о законодательном закреплении минимальной доли реинвестирования на уровне шестидесяти процентов представляется юридически выверенным и соответствующим принципам бюджетной обусловленности, сформулированным в ст. 35 БК РФ.

Резюмируя изложенное, следует констатировать: механизм квотирования выбросов имеет двойственную правовую природу, однако его современное правоприменение демонстрирует смещение акцентов с охраной функции на фискальную в ущерб целеполаганию, закрепленному в ст. 42 Конституции РФ. Для приведения института в соответствие с конституционными требованиями необходимо исключить множественность юридических последствий одного деяния, установив единый компенсационный платеж за сверхлимитное воздействие с зачислением его в отдельный субсчет бюджетов субъектов Российской Федерации, а также предусмотреть обязательную ежегодную отчетность о направлениях использования аккумулированных средств. Только при соблюдении указанных условий квотирование может рассматриваться как легитимный и обоснованный инструмент, реализующий свой потенциал в равной мере для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия и для финансирования восстановительных мероприятий.

Список литературы:

[1] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.06.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

[2] Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

[3] Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об охране атмосферного воздуха» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2222.

[4] Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 23.03.2026) «Об отходах производства и потребления» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.

[5] Федеральный закон от 26.07.2019 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 30. Ст. 4097.

[6] Приказ Минприроды России от 29.11.2019 № 814 (ред. от 28.04.2023) «Об утверждении правил квотирования выбросов загрязняющих веществ (за исключением радиоактивных веществ) в атмосферный воздух» (Зарегистрировано в Минюсте России 24.12.2019 № 56956) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 26.12.2019.

[7] Приказ Минприроды России от 28.04.2023 № 265 «О внесении изменений в приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 29 ноября 2019 г. № 814 «Об утверждении правил квотирования выбросов загрязняющих веществ (за исключением радиоактивных веществ) в атмосферный воздух» (Зарегистрировано в Минюсте России 01.06.2023 № 73661) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 01.06.2023.

[8] Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.

[9] Бушуева А. И. Квотирование выбросов: алгоритм действий для предприятий / А. И. Бушуева // Экология производства. – 2026. – № 4(261). – С. 28-37.

[10] Романов А. А. О методическом обеспечении эксперимента по квотированию выбросов / А. А. Романов, Е. В. Леоненко // Экология производства. – 2021. – № 4(201). – С. 78-87.

[11] Старова Е. В. Новые правовые инструменты ограничения выбросов в атмосферный воздух / Е. В. Старова // Экологическое право. – 2020. – № 2. – С. 27–31.

[12] Хлуденева Н.И. Квотирование выбросов как способ снижения негативного воздействия на атмосферный воздух: проблемы реализации экспериментального правового режима // Закон. – 2023. – № 10. – С. 39 - 45.

[13] Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. Реализация федерального проекта «Чистый воздух»: аналитический отчет / Счетная палата Российской Федерации. – Москва, 2023. – 84 с. – Текст: электронный. – URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/64f/86t1xajzpwu5blnw66q0rieuy094t8oj.pdf (дата обращения: 04.10.2026).

References:

[1] Budget Code of the Russian Federation of 31.07.1998 No. 145-FZ (as amended 26.06.2026) (as amended and supplemented, entry by virtue of 01.09.2026) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 3823.

[2] Federal Law No. 10.01.2002 dated 7-FZ (rev. dated 04.08.2026) "On Environmental Protection" (as amended and supplemented, entry by virtue of 01.09.2026) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 2. Art. 133.

[3] Federal Law No. 04.05.1999 of 96-FZ (as amended by 28.12.2024) "On the Protection of Atmospheric Air" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. № 18. Art. 2222.

[4] Federal Law of 24.06.1998 No. 89-FZ (as amended by 23.03.2026) "On Production and Consumption Waste" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 26. Art. 3009.

[5] Federal Law No. 26.07.2019 of 195-FZ (as amended 25.12.2023) "On Conducting an Experiment on Emission Quotas and Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of Reducing Air Pollution" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. № 30. Art. 4097.

[6] Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation No. 814 dated 29.11.2019 (as amended by 28.04.2023) "On Approval of Rules for Quotas for Emissions of Pollutants (Except Radioactive Substances) into the Air" (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation 24.12.2019 No. 56956) // Official Internet Portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru, 26.12.2019.

[7] Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation No. 265 dated April 28, 2023 "On Amending Order of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation No. 814 dated November 29, 2019" On Approval of the Rules for Quotas for Emissions of Pollutants (Excluding Radioactive Substances) into the Atmospheric Air "(Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on June 1, 2023 No. 73661) // Official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru, 01.06.2023.

[8] Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 204 "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2030" // Official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru.

[9] Bushueva A.I. Emission quotas: algorithm of actions for enterprises/A.I. Bushueva // Ecology of production. – 2026. – № 4(261). - S. 28-37.

[10] Romanov A. A. On the methodological support of the experiment on emission quotas / A. A. Romanov, E. V. Leonenko // Ecology of production. – 2021. – № 4(201). - S. 78-87.

[11] Starova E.V. New legal instruments for limiting emissions into the air/E.V. Starova // Environmental law. - 2020. - № 2. - S. 27-31.

[12] Khludeneva N.I. Emission quotas as a way to reduce the negative impact on the air: problems of implementing an experimental legal regime // Law. - 2023. - № 10. - S. 39-45.

[13] Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation. Implementation of the federal project "Clean Air": analytical report / Accounts Chamber of the Russian Federation. - Moscow, 2023. - 84 p. - Text: electronic. - URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/64f/86t1xajzpwu5blnw66q0rieuy094t8oj.pdf (access date: 04.10.2026).

- ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.10.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-255-259
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

КАСИХИН Лев Владимирович,
аспирант Российской государственной академии интеллектуальной собственности,
e-mail: lev.kasihin@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *В статье исследуются основания и пределы правовой охраны результатов деятельности систем искусственного интеллекта. На основе формально-юридического и сравнительно-правового анализа разграничиваются авторство, принадлежность исключительных прав, отсутствие охраны и общественное достояние. Рассматриваются российское законодательство, практика по делам Thaler и DABUS, доклад Бюро авторского права США и обновленные подходы к установлению изобретательства. Сопоставляются аргументы о стимулировании инвестиций, раскрытии технических решений и сохранении доступа к знаниям. Обосновывается, что использование ИИ как инструмента не исключает охраны человеческого вклада, тогда как затраты на разработку системы сами по себе не порождают прав на каждый ее результат. Предлагается дифференцированное регулирование с учетом характера результата, вклада человека и доказанной потребности в дополнительных стимулах.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект; результаты интеллектуальной деятельности; авторство; авторское право; патентное право; общественное достояние; ноу-хау; инновации; исключительное право.*

Для цитирования: *Касихин Л. В. Теоретико-правовые предпосылки развития правового регулирования результатов деятельности систем искусственного интеллекта // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 255–259.*

KASIKHIN Lev Vladimirovich,
Postgraduate Student, Russian State Academy of Intellectual Property

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS FOR REGULATING OUTPUTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

Annotation. *This article examines the grounds and limits of legal protection for outputs of artificial intelligence systems. Using doctrinal and comparative legal analysis, it distinguishes authorship, ownership of exclusive rights, the absence of protection, and the public domain. The study considers Russian legislation, the Thaler and DABUS cases, the US Copyright Office report, and updated approaches to determining inventorship. It compares arguments concerning investment incentives, disclosure of technical solutions, and access to knowledge. The article argues that using AI as a tool does not preclude protection of human contributions, whereas investment in developing a system does not, by itself, create rights in every output. It proposes differentiated regulation based on the nature of the output, human contribution, and an evidenced need for additional incentives.*

Key words: *artificial intelligence; intellectual creations; authorship; copyright; patent law; public domain; trade secrets; innovation; exclusive rights.*

For citation: *Kasikhin L. V. Theoretical and legal foundations for regulating outputs of artificial intelligence systems. Russian scientific bulletin. 2026;(11):255–259. (In Russ.).*

Введение

Правовой режим результатов деятельности систем искусственного интеллекта нельзя определить единым выбором между предоставлением исключительного права и свободным использованием. Текст, техническое решение и конфиденциальные сведения относятся к различным правовым категориям. Кроме того, использование одной и той же системы может сопровождаться как существенным творческим участием человека, так и получением результата, в котором такой вклад не установлен. Поэтому вопрос о предоставлении охраны требует предварительной квалификации объекта и обстоятельств его создания.

Авторство и правовая охрана в российском законодательстве

Исходное значение имеет различие между автором и обладателем исключительного права. Статья 1228 ГК РФ связывает авторство с творческим трудом гражданина; организационная, техническая или материальная помощь сама по себе не образует авторского вклада. Исключительное право может впоследствии перейти к иному лицу на предусмотренном законом основании. Поэтому затраты организации на разработку или приобретение ИИ не делают ее автором результата. Для приобретения исключительного права необходимо, чтобы охраняемый объект и основание возникновения либо перехода права действительно существовали [1].

Выражение «результат, созданный ИИ» недостаточно определенно для юридической квалификации. Следует выяснить, что именно сделал человек: разработал охраняемую форму, творчески переработал материал, определил композицию либо только сформулировал общую задачу. Творческий вклад может выражаться и в осмысленном отборе и расположении материалов, но его наличие устанавливается по конкретным обстоятельствам. Количество запросов и продолжительность работы не заменяют анализа того, какие человеческие решения получили выражение в итоговом объекте.

Отсутствие первоначальной авторской охраны также следует отличать от перехода произведения в общественное достояние. Статья 1282 ГК РФ связывает такой переход с прекращением действия исключительного права. Если охраняемое произведение не возникло вследствие отсутствия необходимого человеческого творчества, точнее говорить об отсутствии авторско-правовой охраны соответствующего материала, а не о прекращении ранее существовавшего права. Это разграничение важно и потому, что режим общественного достояния сохраняет охрану авторства, имени автора и неприкосновенности произведения [1].

В патентном праве необходимо отдельно оценивать личность изобретателя и патентоспособность технического решения. Статья 1347 ГК РФ признает автором изобретения гражданина, творческим трудом которого оно создано. Статья 1350 устанавливает требования новизны, изобретательского уровня и промышленной применимости. Соответствие технического решения этим требованиям не отменяет вопроса об авторстве, а применение ИИ в исследовании само по себе не доказывает отсутствие изобретателя-человека. Значение имеет его вклад в конкретное заявленное решение [1].

Развитие зарубежных подходов в 2025 и 2026 годах

В январе 2025 года Бюро авторского права США опубликовало часть II доклада Copyright and Artificial Intelligence. Ведомство разграничило полностью машинную генерацию и использование ИИ как инструмента человеческого творчества. Возможность охраны связывается, в частности, с человеческими выразительными элементами, творческими изменениями и расположением материала. Вывод о недостаточности одних лишь запросов сформулирован применительно к рассмотренным технологиям и не означает запрета на охрану любого произведения, при создании которого использовался ИИ. Доклад представляет позицию ведомства, а не законодательный акт [2].

В деле Thaler v. Perlmutter Апелляционный суд округа Колумбия 18 марта 2025 года подтвердил требование человеческого авторства в споре о регистрации изображения, заявленного как автономно созданное машиной. 2 марта 2026 года Верховный суд США отказал в принятии петиции о пересмотре. Этот отказ оставил решение нижестоящего суда в силе, но не является самостоятельным разрешением Верховным судом всех вопросов авторства при использовании ИИ. Существенно и то, что дело рассматривалось при заявленной заявителем автономности машинного создания [3].

В патентной сфере Верховный суд Великобритании в решении Thaler v. Comptroller-General от 20 декабря 2023 года исходил из того, что изобретателем по действующему закону должен быть человек. Владение системой DABUS само по себе не предоставило заявителю право на патенты на результаты, которые он приписывал исключительно машине. Суд разрешал вопросы толкования закона и оформления заявок; такой вывод нельзя подменять утверждением о технической неспособности ИИ участвовать в создании полезных решений [4].

Подход Европейского патентного ведомства получил дальнейшее развитие в решении Т

0528/25 от 5 февраля 2026 года. Жалоба по выделенной заявке DABUS была отклонена. Указание заявителем самого себя в качестве изобретателя не устранило противоречия с сопроводительными пояснениями о самостоятельном создании решения машиной. Рассмотрение продолжило линию решений J 8/20 и J 9/20, согласно которой машинная система не может быть обозначена изобретателем в смысле Европейской патентной конвенции. При этом палата подтвердила принципиальную возможность указать человека изобретателем решения, разработанного с использованием ИИ; решающим в данном деле было противоречивое оформление заявления об изобретателе [5].

В ноябре 2025 года Патентное ведомство США объявило обновленные разъяснения об изобретательстве с применением ИИ, полностью заменив подход документа февраля 2024 года. Ведомство указало на применение обычного стандарта определения изобретателя независимо от использования ИИ; система рассматривается как инструмент, а изобретателем может быть физическое лицо. Поэтому ссылаться на прежний документ 2024 года как на актуальное руководство без учета его замены некорректно [6].

Таким образом, исходный вопрос уже не сводится к отсутствию какой-либо позиции судов и ведомств. В рассмотренных правопорядках проводится различие между участием ИИ в процессе создания и признанием самой системы автором или изобретателем. При этом критерии достаточности человеческого вклада остаются предметом конкретной оценки. Зарубежные акты полезны для сравнительного анализа, но не изменяют непосредственно содержание российского законодательства.

Экономическое обоснование охраны и его пределы

Аргумент о стимулировании разработчиков занимает центральное место в дискуссии о расширении охраны. Р. Эббott в работе I Think, Therefore I Invent связывал признание компьютерного изобретательства с поощрением создания систем, способных производить новые технические решения. Этот подход позволяет поставить вопрос о том, кому должна доставаться экономическая выгода от автоматизированного исследования. Однако предложенная в научной работе модель не тождественна последующим выводам судов и не описывает действующее правило об авторстве машин [7].

Предоставление исключительного права может повысить ожидаемую доходность проекта, но это еще не доказывает необходимости охранять каждый автоматически полученный результат. Инвестиции могут возмещаться через платный доступ к сервису, заказные исследования, поддержку и внедрение. Дополнительная охрана должна оцениваться по тому, создает ли она полезный стимул сверх уже доступных способов получения дохода. В настоящем исследовании такой эффект рассматривается как проверяемая гипотеза, а не как установленная универсальная закономерность.

Наряду с инвестиционными выгодами следует учитывать издержки для пользователей и последующих исследователей. Массовое появление исключительных прав на автоматически формируемые материалы может повысить расходы на проверку прав и лицензирование. Особенно существенны ситуации, когда разные лица независимо получают сходные результаты. Законодательное решение должно учитывать возможность независимого создания, пределы запрета и доказательства заимствования, иначе охрана способна затруднить именно ту инновационную деятельность, которую призвана поддерживать.

Патентная монополия не является единственным способом стимулирования исследований. М. Кремер и Х. Уильямс анализировали премии и предварительные обязательства по закупке новых продуктов как дополнения к существующим механизмам интеллектуальной собственности. Их работа посвящена общей политике стимулирования инноваций, а не доказательству обязательной охраны результатов ИИ. Применительно к рассматриваемой проблеме этот подход позволяет сравнивать исключительные права с грантами, конкурсным финансированием и вознаграждением за раскрытие общественно полезных решений [8].

Раскрытие результатов и охрана конфиденциальных сведений

Заслуживает поддержки положение о том, что отсутствие авторского права не обеспечивает фактического доступа к результату. Владелец вычислительной инфраструктуры может не публиковать полученные данные. Однако правовой режим секрета производства возникает не автоматически. Согласно статье 1465 ГК РФ необходимы коммерческая ценность сведений вследствие их неизвестности третьим лицам, отсутствие свободного законного доступа и разумные меры конфиденциальности. Поэтому нельзя утверждать, что любой неохраняемый машинный текст или изображение может быть объявлен ноу-хау с одинаковыми последствиями [1].

Охрана секрета производства отличается от запрета использования результата всеми третьими лицами. Пункт 2 статьи 1466 ГК РФ признает самостоятельное исключительное право за лицом, которое добросовестно и независимо получило соответствующие сведения. Следовательно,

сохранение результата в тайне не гарантирует единственности его обладателя. Эта особенность особенно значима при использовании сходных моделей и данных разными исследовательскими группами [1].

Патентная система действительно предусматривает раскрытие технического решения. Статья 1375 ГК РФ требует описания, достаточного для осуществления изобретения специалистом, а статья 1385 регулирует публикацию сведений о заявке и доступ к ее документам. Но из этого не следует, что любой отказ в патенте неизбежно ведет к сокрытию полезной информации. Выбор между патентованием, публикацией и конфиденциальностью зависит от характера решения и модели его коммерциализации [1].

Применительно к ИИ аргумент о раскрытии необходимо конкретизировать. Общественный интерес состоит в доступности воспроизводимого технического решения. Само описание использования нейросети, без раскрытия сущности заявленного решения, не обеспечивает этого интереса. В то же время требование раскрывать все параметры модели или весь обучающий массив не должно вводиться автоматически: объем необходимых сведений следует связывать с возможностью осуществить именно заявленное изобретение.

Ошибочно также связывать отсутствие прав на результат исключительно с использованием открытого программного обеспечения. Лицензия на программу, правовой режим модели и охраноспособность конкретного результата относятся к разным объектам. Открытость исходного кода сама по себе не переводит все результаты работы системы в общественное достояние. Необходимо отдельно учитывать человеческий вклад, условия соответствующих лицензий и возможное включение в результат охраняемых материалов третьих лиц.

Предпосылки дифференцированного регулирования

Развитие регулирования целесообразно начать с уточнения правил установления и доказывания человеческого вклада. Для литературных и художественных результатов следует оценивать творческие решения, выраженные в форме; для изобретений — вклад в заявленное техническое решение. История изменений, проектные материалы, экспериментальные записи и сведения об использованных инструментах могут помогать такой оценке. При этом сама документация процесса не должна создавать право при отсутствии требуемого законом основания.

Второе направление касается распределения имущественных интересов между разработчиком, пользователем, работодателем и заказчиком. Их соглашения могут определять доступ к результатам, конфиденциальность и передачу существующих прав. Однако договорное обещание предоставить исключительность не создает отсутствующего авторского или патентного права в отношении неопределенного круга лиц. Поэтому договорные условия должны различать гарантии исполнителя, ограничения использования сервиса и передачу прав на охраняемый объект.

Третье направление — проверка необходимости специальной охраны результатов без достаточного человеческого вклада. Если будет доказано, что существующие механизмы систематически не обеспечивают полезные исследования и раскрытие их результатов, можно обсуждать особое ограниченное имущественное право. Такое предложение относится к возможной законодательной реформе. Его введение не требует признания ИИ субъектом права или носителем личных неимущественных прав.

Для подобной модели необходимо заранее определить охраняемый объект, управомоченное лицо, срок, способы использования и исключения. Предпочтительно исследовать узкую защиту от прямого копирования с сохранением возможности независимого получения аналогичного результата. Самостоятельного обоснования требуют условия раскрытия и критерии вклада организатора. Простое распространение полного авторско-правового режима на все машинные результаты не позволяет учесть различия между видами объектов и затратами на их получение.

Наконец, новая охрана не должна устранять ответственность за использование чужих произведений или технических решений. Правомерность исходных материалов, наличие прав на результат и допустимость его последующего использования должны проверяться раздельно. Необходимость реформы следует оценивать по наблюдаемым последствиям: доступности знаний, условиям конкуренции, затратам на лицензирование и способности участников возмещать обоснованные расходы.

Заключение

Теоретической предпосылкой развития регулирования результатов ИИ является необходимость согласовать человеческое авторство, инвестиционные стимулы и общественный доступ. Действующее российское право связывает авторство с творческим трудом гражданина, а зарубежная практика 2025–2026 годов уточняет применение человеческого критерия при использовании новых технологий. Отсутствие авторской охраны не равнозначно фактической общедоступности материала, однако и инвестиции в систему не образуют автоматического права на каждый ее результат.

Представляется обоснованным дифференцированный подход: сохранять охрану доказанного человеческого вклада, использовать предусмотренные законом договорные и конфиденциальные режимы и обсуждать специальное право лишь при подтвержденной необходимости. Аргументы о стимулировании инноваций и раскрытии технических решений заслуживают учета, но требуют сопоставления с издержками исключительности. Прогноз о «творческой сингулярности» сам по себе не может заменить такое правовое и экономическое обоснование.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (ч. I). — Ст. 5496.

[2] U.S. Copyright Office. Copyright and Artificial Intelligence. Part 2: Copyrightability. January 2025. P. 18–27, 41. Доклад: https://www.copyright.gov/ai/ (дата обращения: 11.10.2026).

[3] Thaler v. Perlmutter. No. 23-5233. U.S. Court of Appeals for the D.C. Circuit. 18.03.2025; Supreme Court of the United States. No. 25-449. Petition denied 02.03.2026. Решение и движение дела: https://www.supremecourt.gov/search.aspx?filename=/docket/docketfiles/html/public/25-449.html (дата обращения: 11.10.2026).

[4] Thaler v. Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks [2023] UKSC 49. 20.12.2023. URL: https://supremecourt.uk/cases/uksc-2021-0201 (дата обращения: 11.10.2026).

[5] European Patent Office. T 0528/25 (Designation of inventor/DABUS). Decision of 05.02.2026. URL: https://www.epo.org/en/boards-of-appeal/decisions/t250528eu1 (дата обращения: 11.10.2026). См. также J 8/20 и J 9/20 от 21.12.2021, на которые ссылается решение.

[6] USPTO. Revised inventorship guidance for AI-assisted inventions. Официальное сообщение от 26.11.2025. URL: https://www.uspto.gov/subscription-center/2025/revised-inventorship-guidance-ai-assisted-inventions (дата обращения: 11.10.2026).

[7] Abbott R. I Think, Therefore I Invent: Creative Computers and the Future of Patent Law // Boston College Law Review. 2016. Vol. 57. No. 4. P. 1079–1126. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2727884 (дата обращения: 11.10.2026).

[8] Kremer M., Williams H. Incentivizing Innovation: Adding to the Tool Kit // Innovation Policy and the Economy. 2010. Vol. 10. P. 1–17. DOI: 10.1086/605851. URL: https://www.journals.uchicago.edu/doi/full/10.1086/605851 (дата обращения: 11.10.2026).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (part four): Federal Law of 18.12.2006 No. 230-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2006. - No. 52 (part I). - Art. 5496.

[2] U.S. Copyright Office. Copyright and Artificial Intelligence. Part 2: Copyrightability. January 2025. P. 18–27, 41. Report: https://www.copyright.gov/ai/ (Accessed: 11.10.2026).

[3] Thaler v. Perlmutter. No. 23-5233. U.S. Court of Appeals for the D.C. Circuit. 18.03.2025; Supreme Court of the United States. No. 25-449. Petition denied 02.03.2026. Decision and motion of the case: https://www.supremecourt.gov/search.aspx?filename =/docket/docketfiles/html/public/25-449.html (date of appeal: 11.10.2026).

[4] Thaler v. Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks [2023] UKSC 49. 20.12.2023 URL: https://supremecourt.uk/cases/uksc-2021-0201 (accessed on: 11.10.2026).

[5] European Patent Office. T 0528/25 (Designation of inventor/DABUS). Decision of 05.02.2026. URL: https://www.epo.org/en/boards-of-appeal/decisions/t250528eu1 (access date: 11.10.2026). See also J 8/20 and J 9/20 of the 21.12.2021 referred to in the decision.

[6] USPTO. Revised inventorship guidance for AI-assisted inventions. Official message from 26.11.2025. URL: https://www.uspto.gov/subscription-center/2025/revised-inventorship-guidance-ai-assisted-inventions (accessed on: 11.10.2026).

[7] Abbott R. I Think, Therefore I Invent: Creative Computers and the Future of Patent Law // Boston College Law Review. 2016. Vol. 57. No. 4. P. 1079–1126. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2727884 (access date: 11.10.2026).

[8] Kremer M., Williams H. Incentivizing Innovation: Adding to the Tool Kit // Innovation Policy and the Economy. 2010. Vol. 10. P. 1–17. DOI: 10.1086/605851. URL: https://www.journals.uchicago.edu/doi/full/10.1086/605851 (access date: 11.10.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.10.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-260-266
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ДИКАЖЕВ Мухарбек Магомедгиреевич,
Доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»,
e-mail: dikajev@mail.ru

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭТАП ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов правового мониторинга. Интерес к теме вызван тем, что правовые нормы, вырабатываемые в процессе общественного развития и закрепленные на законодательном уровне, должны эффективно выполнять свою функцию, а потому требуют постоянного аналитического изучения. Это может быть обеспечено путем правового мониторинга – целостного процесса, в ходе которого устанавливается соотношение целей нормативно-правового регулирования с достигнутыми результатами. Автор обращает внимание на то, что правовой мониторинг представляет собой научно-исследовательскую деятельность, позволяющую не только выявить пробелы и проблемы нормативно-правового регулирования, но и предложить уполномоченным органам рекомендации по оптимизации положений законодательства. С точки зрения автора, из аналитической сущности правового мониторинга проистекает комплексный и плановый характер деятельности по его осуществлению. Ключевая нагрузка в процессе правового мониторинга приходится на аналитический (основной) этап, стадии которого автор подробно раскрывает в статье, указывая на необходимость не только экспертной оценки нормативно-правовых актов, но и социологических исследований для установления результативности нормативно-правового регулирования. Помимо теоретических выкладок, в статье приводятся примеры из практики Центра правового мониторинга. В заключительной части статьи делаются выводы, и подчеркивается, что правовой мониторинг необходим для планомерного совершенствования нормативно-правового регулирования, повышения его результативности и устранения спорных положений.*

Ключевые слова: *нормативно-правовое регулирование; дефекты правоприменения; мониторинг; мониторинг в правовой сфере; анализ законодательства; этапы правового мониторинга.*

Для цитирования: *Дикажев М. М. Анализ результативности нормативно-правового регулирования как ключевой этап правового мониторинга // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 260–266.*

DIKAZHEV Mukharbek Magomedgireevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Ingush State University

ANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS OF LEGAL AND REGULATORY FRAMEWORK AS A KEY STAGE OF LEGAL MONITORING

Annotation. *This article examines certain aspects of legal monitoring. Interest in this topic stems from the fact that legal norms—developed throughout the course of social evolution and enshrined in legislation—must perform their intended functions effectively, which necessitates ongoing analytical scrutiny. Such scrutiny can be achieved through legal monitoring: a comprehensive process that evaluates the alignment between the objectives of legal regulation and the actual outcomes attained. The author highlights that legal monitoring constitutes a form of research activity, enabling not only the identification of gaps and challenges within the legal framework but also the provision of recommendations to authorized bodies for the optimization of legislative provisions. The author argues that the analytical nature of legal monitoring dictates that*

the activities involved must be both comprehensive and systematic. The core of the legal monitoring process lies in the analytical (primary) stage; the author details the phases of this stage, emphasizing the need for both expert assessment of legal acts and sociological research to determine the effectiveness of legal regulation. In addition to theoretical analysis, the article presents practical examples from the work of the Center for Legal Monitoring. The concluding section summarizes the findings, underscoring that legal monitoring is essential for the systematic improvement of legal regulation, the enhancement of its effectiveness, and the resolution of contentious provisions.

Key words: *legal and regulatory framework; flaws in law enforcement; monitoring; monitoring in the legal sphere; analysis of legislation; stages of legal monitoring.*

For citation: *Dikazhev M. M. Analysis of the effectiveness of legal and regulatory framework as a key stage of legal monitoring. Russian scientific bulletin. 2026;(11):260–266. (In Russ.).*

Практически любое природное явление и человеческая деятельность представляет собой объект, который регулируется тем или иным образом. Диапазон таких регуляторов варьирует от естественных законов природы, существующих и действующих вне зависимости от участия человека, до морально-этических и правовых норм, естественным образом возникающих или сознательно разрабатываемых в ходе развития самого социума. И если речь идет о фундаментальных законах природы, наиболее общих, неизменных закономерностях, которые обусловливают поведение материи, энергии и пространственно-временного континуума, то они существуют априори и не требуют оценки их результативности. Если же говорить о правилах, нормах и законах, регулирующих жизнь общества, т.е. таких, которые не существуют вне социума, а вырабатываются непосредственно в процессе общественного развития, то их результативность как раз требует оценивания. Логика проста: если норма, разработанная в обществе, не приводит к положительному результату, если она устарела, утратила смысл, или ее применение неэффективно, очевидно, что такая норма нуждается в переосмыслении. Не является исключением и нормативно-правовое регулирование как процесс, осуществляемый государством и направленный на выработку системы юридических норм, обеспечивающей упорядочивание общественных отношений. С учетом этого целью работы является изучение того, какую роль играет такой компонент правового мониторинга как анализ результативности нормативно-правового регулирования.

Актуальность темы не вызывает сомнения, поскольку именно регулярное отслеживание качества нормативно-правовых актов не только позволяет оценить результативность и пользу конкретного закона, но и повышает качество и эффективность права в целом.

В первую очередь следует разобраться в самой процедуре правового мониторинга, что может быть выполнено только на основе понимания значения термина и содержания данного процесса. Термин «мониторинг», в широком смысле означающий «систему постоянных наблюдений, оценки и прогноза изменения состояния какого-либо природного, социального и т.п. объекта» [1], интересен сам по себе и происхождением, и генерализацией.

Изначально термин «мониторинг» появился в 1971 г. в документах комитета SCOPE (Scientific Committee on Problems of the Environment – научный комитет по проблемам окружающей среды) при ЮНЕСКО и использовался исключительно в приложении к экологической сфере [2, с. 30]. Данным термином определялось непрерывное наблюдение за состоянием окружающей среды, целью которого в свою очередь было прогнозирование, оценка и предупреждение неблагоприятных изменений важнейших параметров. Далее произошло то, что в лингвистике принято называть генерализацией или «семантическим расширением» (расширение значения), т.е. процессом, в ходе которого лексическая единица переходит от более узкого значения к более широкому [3, с. 488]. Благодаря такому расширению слово «мониторинг» стало охватывать значительно большее количество явлений и контекстов, найдя применение в медицине, психологии, педагогике и образовании, экономике, социологии, политике и управлении. Не является исключением и нормативно-правовое регулирование.

Для понимания того, как осуществляется мониторинг в данной сфере, остановимся в первую очередь на сущности и содержании собственно нормативно-правового регулирования. М.А. Рожкова обращает внимание на существование ряда разновидностей нормативного регулирования и, поскольку это достаточно объемное понятие, дает его определение по частям. Так, в своей статье она характеризует нормативное регулирование в широком смысле как «установление общеобязательных правил для целенаправленного воздействия на определенную сферу» [4]. Далее она отмечает, что в нормативном регулировании целесообразно выделять две объемных разновидности – социальное и техническое. Сам эпитет «социальное» приводит к пониманию того, что эта ветка нормативного ре-

гулирования относится к установлению правил, регулирующих поведение как человека, так и различных общественных структур. Социальные нормы в свою очередь включают в себя различные группы норм (морально-этические, корпоративные, правовые, судебные и др.). И вот здесь мы подходим непосредственно к определению более узкого сегмента регулирования – правового. В формулировке М.А. Рожковой правовое регулирование – это «установление общеобязательных правовых норм, которые призваны упорядочить общественные отношения» [4]. Очевидно, что такие отношения могут возникать между индивидуумами, группами людей, юридическими лицами и государством.

Существуют и другие варианты определения нормативно-правового регулирования, в которых сразу раскрывается весь термин без деления его на отдельные компоненты. В частности, К.В. Вайнбаум определяет нормативно-правовое регулирование как один из видов государственной деятельности, который направлен «на создание правовых норм, их изменение или отмену» [5, с. 79].

Сопоставляя приведенные определения, приходим к выводу, что нормативно-правовое регулирование должно осуществляться непосредственно государством и его уполномоченными органами, поскольку только в этом случае обеспечивается создание целостной системы юридических норм (тех самых общеобязательных правил поведения), упорядочивающих перечисленные ранее общественные отношения. Исходя из этого, можно выделить главные маркеры нормативно-правового регулирования:

общеобязательный характер – определяется тем, что нормы права распространяются на неопределенный круг лиц, являющихся субъектами права (граждане, юридические лица, государство) и обязательны для исполнения всеми субъектами;

разработка и обеспечение исполнения юридических норм является прерогативой государства – именно государство обладает правом применения принудительной силы и мер юридической ответственности для обеспечения исполнения правовых норм;

формальный характер – все нормы, относящиеся к данной категории, закрепляются в форме нормативно-правовых актов.

Учитывая тему статьи, наибольший интерес представляет второй из приведенных маркеров: как именно обеспечивается исполнение нормативно-правовых актов и определяется результативность данного процесса. Для этого вернемся к общему определению мониторинга, приведенному ранее, и конкретизируем такую его разновидность как правовой мониторинг. Несмотря на отсутствие единообразия в терминологии, определяющей данную категорию (например, встречаются варианты «мониторинг правового пространства», «мониторинг нормативных актов», «мониторинг правового поля» и ряд других), содержательно все определения достаточно близки, поэтому будем использовать наиболее краткую формулировку – правовой мониторинг. Данный феномен определяется как «осуществление оценки качества нормативно-правовой основы регулирования общественных отношений и ее практической реализации в ходе правоприменительной деятельности» [6]. Правовой мониторинг представляет собой целостный процесс, который заключается в установлении того, как соотносятся заложенные в правовом регулировании цели с достигнутыми в ходе применения нормативно-правовых актов результатами. Важно и то, что правовой мониторинг следует рассматривать как научно-исследовательскую деятельность, поскольку путем исследования выявляются недостатки текущего правового регулирования, информацию о которых затем получают уполномоченные законодательные органы. Здесь следует согласиться с позицией К.О. Пикаевой, которая отмечает, что сущность правового мониторинга не тождественна контролю системы законодательных актов, это именно «анализ законодательства во взаимосвязи с правоприменительной практикой на предмет выявления тенденций и проблем его реализации» [6]. Важно, что именно такой подход к пониманию правового мониторинга и его механизм закреплен на законодательном уровне: речь идет об Указе № 657, изданном Президентом Российской Федерации 20 мая 2011 г. (в актуальной редакции от 9 октября 2023 г.), «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации».

Очевидно, что аналитический характер правового мониторинга предполагает наличие у него этапов, в соответствии с которыми осуществляется анализ нормативно-правовых актов, делаются выводы о наличии проблем, негативно влияющих на нормативно-правовое регулирование, даются рекомендации по их преодолению. Комплексный и плановый характер деятельности в парадигме правового мониторинга обозначен и в ст. 2 «Положения о мониторинге правоприменения в Российской Федерации», относящегося к названному выше Указу. Исходя из этого, можно указать три главных этапа правового мониторинга: подготовительный, аналитический (несет основную нагрузку) и заключительный. Поскольку каждый из перечисленных этапов имеет значительный объем и продолжительность, в них принято выделять отдельные стадии.

Подготовительный этап правового монито-

ринга включает в себя:

установление объекта мониторинга – выделение отдельного нормативно-правового акта (или системы актов), который подлежит анализу и оценке;

определение цели и задач мониторинга;

планирование – заключается в разработке и утверждении плана мониторинга, а также в определении субъектов, которые уполномочены проводить его;

методологическое обеспечение – на этой стадии определяются показатели и критерии мониторинга, делается обоснованный выбор методов получения необходимых данных (анализ правоприменительной практики и статистических сведений, проведение социологических опросов, запросы в различные ведомства) [7].

Аналитический (основной) этап является наиболее объемным по содержанию и продолжительности и осуществляется с соблюдением нескольких стадий. Так, на первой стадии осуществляется сбор и систематизация информации, необходимой для понимания того, как работает законодательная база. К такой информации относится мнение ученых и практиков; оценки экспертов; результаты прокурорских проверок; сведения из средств массовой информации; зарубежный опыт нормативно-правового регулирования в рассматриваемой сфере. Вторая стадия включает в себя экспертизу рассматриваемого нормативно-правового акта или их системы, в процессе чего устанавливаются следующие факты:

соответствует ли анализируемый нормативно-правовой акт нормам и принципам международного права;

соответствие Конституции Российской Федерации и федеральным конституционным законам;

согласованность с другими законодательными актами;

круг правоотношений, регулируемых законодательным актом, правовой мониторинг которого осуществляется;

полномочия правоприменителей (круг которых также устанавливается на данной стадии) проверяемого нормативно-правового акта [7].

Кроме того, в ходе правового мониторинга на этой стадии осуществляется анализ законодательных актов, которые принимались для конкретизации и развития норм первичного акта. Это необходимо для установления того, насколько в принципе была целесообразной разработка и принятие изучаемого нормативно-правового акта. Наконец, третья стадия аналитического этапа посвящена непосредственно мониторингу, т.е. динамическому изучению нормативно-правового акта. Так, методом ретроспективного анализа устанавливается, насколько эффективным является правовое регулирование с помощью рассматриваемого законодательного акта; действенность заложенных в нем норм; принципиальная целесообразность такого регулирования. Фактически суть заключается в том, чтобы установить, следовало ли вообще принимать этот нормативно-правовой акт, и насколько результативным является его применение.

Как уже было отмечено, аналитический этап в совокупности его стадий является наиболее объемным разделом правового мониторинга. Это обусловлено также и значительным разнообразием инструментов и методов мониторинга. Так, Э.Р. Чернова предлагает следующий их перечень:

контрольные мероприятия по проверке исполнения норм, заложенных в анализируемом документе, с последующим анализом и оценкой результатов этих мероприятий;

проведение социологических исследований;

сбор статистических показателей, имеющих отношение к реализации изучаемого нормативно-правового акта, и их анализ;

анализ и оценивание правоприменительной практики [7].

И вот здесь, говоря о ключевом характере данного этапа, следует остановиться на том, как реализуются социологические исследования, поскольку именно они дают возможность раскрыть реальную эффективность нормативно-правового акта для граждан. Поясним: мнение ученых и практиков, экспертная оценка и другие показатели, безусловно, важны, однако они в большей степени раскрывают формально-юридическую сторону правоприменения. В то же время для эффективного правового регулирования необходимо понимание того, как тот или иной законодательный акт способствует регулированию гражданско-правовых отношений. Причем для объективного оценивание требуется параллельно установить уровень правосознания людей и определить, какие дефекты правоприменения возникают непосредственно в процессе реализации изучаемого акта.

В связи с этим решение задач аналитического этапа правового мониторинга обеспечивается применением целого ряда методов социологического исследования. Остановимся на них кратко. Это различные виды опросов – от массовых, которые наиболее релевантны при изучении эффективности законодательства в «жизненных» сферах (налоги, здравоохранение, образование, жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт), до экспертных, которые обеспечивают получение сведений о применении законов на практике от

специалистов соответствующего профиля (юристы, судьи, адвокаты, работники прокуратуры, государственные служащие). Также применяется такой метод как контент-анализ, в ходе которого на предмет установления проблем в применении нормативно-правового акта изучаются данные об обращении граждан с жалобами и заявлениями в органы власти; публикации в средствах массовой информации (включая электронные); обсуждения на форумах и в социальных сетях. Целесообразным является и создание фокус-групп для предметного обсуждения изучаемых нормативно-правовых актов с гражданами, которых можно отнести к целевым социальным группам. Помимо опросов применяется и наблюдение за тем, как осуществляется работа государственных и муниципальных органов по правовому регулированию, и за тем, как эти органы взаимодействуют непосредственно с гражданами в данной сфере.

Активную деятельность в русле правового мониторинга в нашей стране с 2012 г. осуществляет «Центр мониторинга законодательства и правоприменения» (или «Центр правового мониторинга»), являющийся структурным подразделением Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина. Создание этого центра стало откликом на Указ Президента Российской Федерации № 601 от 7 мая 2012 г. «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», в котором была указана необходимость участия специалистов в различных областях права в экспертном сопровождении нормативно-правового регулирования, включая мониторинговые исследования [8]. Именно результаты работы данного центра позволяют увидеть важность аналитического этапа правового мониторинга, что может быть проиллюстрировано конкретными примерами.

Учитывая глобальную цифровизацию, благодаря которой применение цифровых технологий стало практически стандартом в большинстве сфер деятельности (управление, здравоохранение, образование, финансы, транспорт, логистика, строительство, промышленность и сельское хозяйство), актуальным является мониторинг нормативно-правового регулирования в этой сфере. В частности речь идет о федеральном законе № 258 от 31 июля 2020 г. «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации», установившем правовые основы в виде особых режимов для испытания передовых цифровых технологий. Суть заключается в том, что на этапе апробации цифровых инноваций были исключены или изменены общие нормы законодательства. Очевидно, что действие подобного специального режима может быть оправданным лишь ограниченное время (согласно программе экспериментального правового режима не более трех лет). Именно поэтому в течение некоторого времени проводился мониторинг указанного закона, после чего директор центра правового мониторинга О.С. Гринь в своем докладе отметил необходимость запуска «процедуры перехода от экспериментального правового режима к общему режиму правового регулирования». Переход стал обоснованным именно в силу того, что на основании данных правового мониторинга специалисты центра внесли взвешенные предложения по корректировке подхода к предмету правового регулирования, установленного данным законом; глубже проработали понятийный аппарат; уточнили цели и структуру рассматриваемого нормативно-правового акта [9].

Другим примером эффективного правового мониторинга является комплексный анализ, проведенный центром в отношении 37 федеральных законов, принятых в период COVID-19 для противодействия распространению инфекции. На основании анализе результативности нормативно-правового регулирования по указанному вопросу специалистами центра были сформулированы две группы выводов [10]. Фактически речь шла о плюсах и минусах принятых в 2020 г. законах. Логично, что по результатам правового мониторинга меры с доказанной эффективностью были закреплены в качестве постоянно действующих, тогда как выявленные негативные проявления были исключены из дальнейшего использования. Это показывает, что аналитический этап правового мониторинга позволяет достичь его основной цели – на основе изучения законодательства и правоприменительной практики выявить сильные и слабые стороны нормативно-правового акта.

Далее осуществляется переход к заключительному этапу правового мониторинга, включающему в себя три стадии, на которых выполняются следующие действия:

установление основных итогов мониторинга не только самого нормативно-правового акта, но и относящейся к нему правоприменительной практики, и документальное их оформление в виде аналитической справки, заключения или отчета;

выработка направлений совершенствования нормативно-правового регулирования и конкретные рекомендации для устранения выявленных пробелов и проблем законодательной базы;

предоставление всех собранных в ходе правового мониторинга материалов и выработанных рекомендаций законодательным и исполнительным органам власти федерального или регионального уровня для внесения корректив в положения нормативно-правового акта и совершен-

ствования практики его применения [7].

Наконец, важно и то, что результаты правового мониторинга не являются «тайной за семью печатями»: они публично оглашаются в средствах массовой информации, включая интернет, и находят отражение в методических рекомендациях для осуществления правоприменительной практики.

Завершая рассмотрение правового мониторинга в целом и анализа результативности нормативно-правового регулирования, который выполняется на аналитическом этапе процесса, можно сделать ряд ключевых выводов. Правовой мониторинг является необходимым процессом в первую очередь для обеспечения соблюдения прав и свобод человека. Именно в ходе правового мониторинга формируется возможность для анализа результативности нормативно-правового регулирования, что в свою очередь позволяет оценить правомерный и обоснованный характер решений, принимаемых на основе конкретного нормативно-правового акта или их системы, своевременно обнаружить пробелы в законодательстве и устранить их, выявить проблемы и разработать рекомендации по их преодолению. Все это в совокупности позволяет охарактеризовать правовой мониторинг как эффективный вид экспертно-аналитической деятельности в сфере нормативно-правового регулирования, обеспечивающий наиболее приемлемый планомерный подход к совершенствованию законодательства.

Список литературы:

[1] Большой словарь иностранных слов // Словари и энциклопедии [Электронный ресурс]. URL: https://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-big/index.htm (дата обращения 01.11.2026).

[2] Ганеева Ж.Г. Определение понятия «мониторинг» в различных сферах его применения // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. С. 30-33.

[3] Шкапенко Т.М. «Семантическое расширение»: объем и содержание понятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 487-501.

[4] Рожкова М.А. Нормативное регулирование (правовое, техническое, этическое) – что это такое и каким образом его разграничивать? // Закон.ру. 2020. 21 апреля [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2020/4/21/normativnoe_regulirovanie_pravovoe_tehnicheskoe_eticheskoe__chto_eto_takoe_i_kakim_obrazom_ego_razgr (дата обращения 03.11.2026).

[5] Вайнбаум К.В. Нормативно-правовое регулирование, осуществляемое органами исполнительной власти в РФ // Актуальные исследования. № 3(133). Ч. 1. С. 79-81.

[6] Пикаева К.О. Правовой мониторинг – новый вид юридической деятельности // Этнос и право [Электронный ресурс]. URL: https://ep.mrsu.ru/journal/10/Pikaeva.html (дата обращения 03.11.2026).

[7] Чернова Э.Р. Этапы и стадии мониторинга законодательства и правоприменения // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6. С. 61-62.

[8] Центр мониторинга законодательства и правоприменения [Электронный ресурс]. URL: https://msal.ru/structure/tsentry/tsentr-monitoringa-zakonodatelstva-i-pravoprimeneniya/ (дата обращения 07.11.2026).

[9] Директор Центра правового мониторинга Олег Сергеевич Гринь принял участие в семинаре-совещании на тему «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://legal-monitoring.ru/articles/news/962/ (дата обращения 07.11.2026).

[10] Мониторинг правоприменения как вид экспертно-аналитического исследования: особенности содержания и методики [Электронный ресурс]. URL: https://to02.minjust.gov.ru/ru/activity/directions/19/monitoring-pravoprimeneniya-kak-vid-ekspertno-analiticheskogo-issledovaniya-osobennosti-soderzhaniya-i-metodiki31052024/ (дата обращения 06.11.2026).

References:

[1] Large dictionary of foreign words // Dictionaries and encyclopedias [Electronic resource]. URL: https://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-big/index.htm (дата обращения 01.11.2026).

[2] Ganeeva Zh.G. Definition of the concept of "monitoring" in various areas of its application // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2005. S. 30-33.

[3] Shkapenko T.M. "Semantic extension": the volume and content of the concept // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics. 2025. T. 16. № 2. S. 487-501.

[4] Rozhkova M.A. Regulatory regulation (legal, technical, ethical) - what is it and how to distinguish it? // Zakon.ru. 2020. April 21 [Electronic resource]. URL: https://zakon.ru/blog/2020/4/21/normativnoe_regulirovanie_pravovoe_tehnicheskoe_eticheskoe__chto_eto_takoe_i_kakim_obrazom_ego_razgr (дата обращения 03.11.2026).

[5] Weinbaum K.V. Regulatory Regulation by Executive Authorities in the Russian Federation // Current Research. № 3(133). PART 1. S. 79-81.

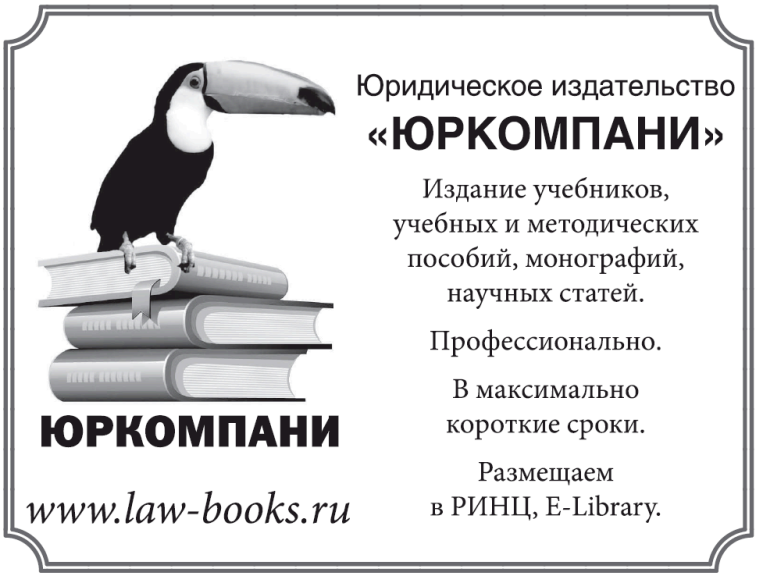
[6] Pikaeva K.O. Legal monitoring is a new type of legal activity // Ethnos and law [Electronic resource]. URL: https://ep.mrsu.ru/journal/10/Pikaeva.html (date of contact 03.11.2026).

[7] Chernova E.R. Stages and stages of monitoring legislation and law enforcement // Law and state: theory and practice. 2023. № 6. S. 61-62.

[8] Law and Enforcement Monitoring Center [Electronic Resource]. URL: https://msal.ru/structure/tsentry/tsentr-monitoringa-zakonodatelstva-i-pravoprimeneniya/ (дата обращения 07.11.2026).

[9] Grin Oleg Sergeevich Director of the Legal Monitoring Center, took part in a seminar-meeting on the topic "On experimental legal regimes in the field of digital innovation in the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://legal-monitoring.ru/articles/news/962/ (date of contact 07.11.2026).

[10] Monitoring of law enforcement as a type of expert and analytical research: features of content and methods [Electronic resource]. URL: https://to02.minjust.gov.ru/ru/activity/directions/19/monitoring-pravoprimeneniya-kak-vid-ekspertno-analiticheskogo-issledovaniya-osobennosti-soderzhaniya-i-metodiki31052024/ (дата обращения 06.11.2026).

- ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-267-276
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ВОЛЧЕНКО Анастасия Владимировна,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, подполковник полиции, e-mail: espy207@yandex.ru

КОГТЕВА Анна Николаевна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры информационной безопасности Финансового Университета при Правительстве РФ, e-mail: annelya1@yandex.ru

КОННОВА Ирина Геннадьевна,
старший преподаватель кафедры информационной безопасности Финансового Университета при Правительстве РФ, e-mail: konnova2007@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МАРКИРОВКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ, СОЗДАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *В статье исследована проблема нормативной неопределенности правовых оснований, содержания и порядка применения маркировки информационных материалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта. Установлено, что российское законодательство предусматривает возможность размещения предупреждения при создании материала в аудио- и (или) визуальной форме с применением большой фундаментальной модели искусственного интеллекта, однако не формирует общего правового режима маркировки таких материалов, не закрепляет критерии существенности участия искусственного интеллекта в их создании и не определяет требования к сохранению соответствующего обозначения при последующем распространении. Проведен сравнительный анализ ключевых моделей правового регулирования, каждая из которых в отдельности не обеспечивает комплексного регулирования соответствующих информационных отношений. Предложена двухуровневая модель маркировки, предусматривающая сохранение машиночитаемых сведений о происхождении материала на всех этапах его обращения и размещение видимого предупреждения при публичном распространении контента, характеризующегося существенным синтетическим вкладом. Обоснована необходимость закрепления общей нормы о маркировке материалов, созданных с использованием искусственного интеллекта, в законодательстве об информации, унификации технических форматов маркировки, установлении запрета на ее умышленное удаление, а также введении процедуры исправления ошибочного обозначения.*

Ключевые слова: *генеративный искусственный интеллект, происхождение информации, прослеживаемость, информационный материал, маркировка, метаданные, информационная безопасность.*

Для цитирования: *Волченко А. В., Когтева А. Н., Коннова И. Г. Правовое регулирование маркировки информационных материалов, созданных с использованием искусственного интеллекта // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 267–276.*

VOLCHENKO Anastasia Vladimirovna,
Candidate of Law, Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure of the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, ieutenant Colonel of Police

KOGTEVA Anna Nikolaevna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Information Security University of Finance under the Government of the Russian Federation

KONNOVA Irina Gennadievna,
Senior Lecturer at the Department of Information Security, Financial University under the Government of the Russian Federation

LEGAL REGULATION OF THE LABELLING OF INFORMATION MATERIALS CREATED WITH THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. *The article examines the issue of regulatory uncertainty regarding the legal grounds, content, and application procedures for labeling information materials created using artificial intelligence technologies. It is established that while Russian legislation allows for the inclusion of a warning when material in audio and/or visual form is created using a large foundational AI model, it fails to establish a general legal framework for labeling such materials, does not define criteria for the significance of AI involvement in their creation, and does not specify requirements for retaining the relevant designation during subsequent distribution. A comparative analysis of key regulatory models reveals that none of them individually provides comprehensive regulation of the relevant information-related interactions. A two-tier labeling model is proposed, involving the retention of machine-readable data on the material's origin throughout its lifecycle and the display of a visible warning during the public dissemination of content characterized by a significant synthetic contribution. The article substantiates the need to enshrine a general rule on labeling AI-generated materials within information legislation, to standardize technical labeling formats, to prohibit the intentional removal of such labels, and to introduce a procedure for correcting erroneous designations.*

Key words: *generative artificial intelligence, information origin, traceability, information material, labeling, metadata, information security.*

For citation: *Volchenko A. V., Kogteva A. N., Konnova I. G. Legal regulation of the labelling of information materials created with the use of artificial intelligence. Russian scientific bulletin. 2026; (11):267–276. (In Russ.).*

Введение

Распространение генеративных систем искусственного интеллекта обусловило существенную трансформацию механизмов создания и распространения информации в публичной среде. Текстовые, графические, аудиальные и аудиовизуальные материалы могут быть полностью синтезированы, подвергнуты содержательному преобразованию либо технической обработке с использованием одной и той же генеративной системы. При этом адресат, как правило, не располагает достоверными сведениями о способе создания или модификации соответствующего материала, тогда как внешние признаки его искусственного происхождения по мере совершенствования технологических решений утрачивают доказательственное значение [2].

В указанных условиях маркировка приобретает значение специального правового средства раскрытия сведений о происхождении информационного материала. Ее функциональное назначение состоит в снижении информационной асимметрии между лицом, создавшим или преобразовавшим материал, его последующим распространителем и конечным адресатом. Формирование специальной правовой регламентации соответствующих отношений началось и в российском законодательстве. Федеральным законом от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» предусмотрено, что лицу, применяющему большую фундаментальную

модель искусственного интеллекта для создания информационного материала в аудио- и (или) визуальной форме, должна быть обеспечена возможность размещения информационного предупреждения о применении технологий искусственного интеллекта (ч. 1 ст. 9); формат, содержание и порядок размещения такого предупреждения определяются соглашением между лицом, применяющим большую фундаментальную модель искусственного интеллекта, и лицом, предоставляющим возможность ее применения (ч. 2 ст. 9); на владельца крупного пользовательского информационного ресурса, отвечающего установленным законом критериям, возлагается обязанность обеспечить пользователям техническую возможность размещения соответствующего предупреждения (ч. 3 ст. 9). Указанные положения ст. 9 вступают в силу с 1 марта 2027 г. в соответствии с ч. 2 ст. 13 названного Федерального закона.

Вместе с тем, установленная конструкция преимущественно формирует техническую инфраструктуру добровольного обозначения материалов и не образует комплексного правового механизма их маркировки. Закон не закрепляет общего юридического факта, обусловливающего возникновение обязанности по размещению предупреждения, оставляет неопределенным соотношение специальных требований к аудио- и визуальным материалам с общим указанием на информацию в ч. 3 ст. 9 и не устанавливает требований к сохранению сведений о происхождении контента после его выгрузки, копирования и последующего распространения на иных информационных ресурсах.

Выявленные особенности обусловливают необходимость определения нормативной модели, которая позволила бы установить юридически значимые критерии применения маркировки и разграничить случаи, в которых использование искусственного интеллекта требует специального информирования адресата.

Основание обязанности по маркировке определяется в научной литературе через факт создания материала с использованием искусственного интеллекта либо через опасность введения адресата в заблуждение [1, с. 351-355; 2, с. 179; 3, с. 60-62; 8, p. 142; 11, p. 4-6]. Обязательное обозначение генеративного материала предполагает также определение обязанного лица и последствий нарушения. В частности, Н. Ф. Бодров и А. К. Лебедева предлагают «установление ответственности за отказ от маркировки или удаление какого-либо вида маркировки» [1, с. 354]. При отсутствии автоматически предустановленного обозначения М. В. Самарцева считает, что «обязанность по их маркировке лежит на пользователе системы искусственного интеллекта или на лице, осуществляющем использование таких результатов» [3, с. 66]. Обе позиции связывают раскрытие происхождения материала с обязанностями участников его создания и использования. Иное основание видимого предупреждения состоит в способности материала сформировать ошибочное представление о реальном лице или событии либо повлиять на решение адресата [8, p. 142; 11, p. 4-6]. Технические средства решают самостоятельную задачу: сохраняют сведения о создании и изменении материала для последующей проверки [7; 10, p. 9-13]. Поэтому выбор основания маркировки необходимо отделять от определения способа исполнения соответствующей обязанности.

Цель исследования состоит в обосновании условий возникновения обязанности по маркировке и распределении обязанностей по сохранению сведений о происхождении материала между участниками его создания и распространения. Для этого сопоставляются российское, европейское и китайское регулирование, научные положения об основаниях маркировки, данные о восприятии предупреждений и возможности проверки происхождения материалов. Формально-юридический метод применяется для установления содержания обязанностей, сравнительно-правовой – для выявления различий в их основаниях и адресатах, системный – для согласования требований к созданию, публикации и последующему распространению материала.

Основная часть

Под информационным материалом предлагается понимать совокупность сведений, выраженную в текстовой, графической, аудиальной, аудиовизуальной либо комбинированной форме и предназначенную для восприятия человеком или распространения. Объектом маркировки выступает доступный восприятию результат применения искусственного интеллекта; модель и промежуточные вычислительные данные в указанную категорию не входят. Маркировку следует определить как присоединение к материалу воспринимаемого адресатом предупреждения и (или) машиночитаемых сведений о его создании либо изменении с использованием искусственного интеллекта. Она раскрывает способ создания материала. Установление авторства, проверка достоверности сведений и определение возрастной категории аудитории составляют самостоятельные задачи, поэтому соответствующие обозначения имеют разные основания и содержание.

Маркировка должна предоставлять адресату сведения, позволяющие отличить запись реального события от его искусственного воспроизведения и установить характер изменения исходного материала. Факт применения искусствен-

ного интеллекта подтверждает способ создания результата, но не доказывает ложность содержащихся в нем утверждений. Содержательное основание такого разграничения выражено в позиции C. Wittenberg и соавторов: информирование о способе создания материала и предупреждение о возможных последствиях его восприятия преследуют разные цели [11, p. 4]. Ложное сообщение, в свою очередь, может быть создано человеком без применения генеративной системы.

Формальная модель маркировки основывается на объективно устанавливаемом факте использования генеративной системы при создании информационного материала. Объектом правового регулирования в данном случае выступает материал, созданный с применением искусственного интеллекта; юридически значимым основанием – участие соответствующей технологии в его формировании; критерием возникновения обязанности – сам факт генерации; правовым последствием – необходимость размещения предупреждения независимо от содержания материала, целей его создания и контекста последующего распространения. В российской научной литературе Н. Ф. Бодров и А. К. Лебедева обосновывают необходимость обязательного обозначения генеративного контента и установления ответственности за удаление маркировки, предлагая сочетать визуальное обозначение с техническими средствами идентификации происхождения материала [1, с. 354]. М. В. Самарцева также связывает возникновение общей обязанности по маркировке с автономным созданием результата искусственным интеллектом и предлагает возлагать соответствующую обязанность на пользователя в случаях, когда разработчиком не обеспечено автоматическое обозначение такого результата [3, с. 66].

Преимуществом формальной модели является широкий охват регулируемых случаев и относительная определенность первичной юридической квалификации факта использования искусственного интеллекта. Вместе с тем, юридическая определенность формальной модели сопровождается снижением информативности маркировки при существенном различии характера и объема использования искусственного интеллекта.

Современные генеративные и иные алгоритмические системы могут применяться как для выполнения вспомогательных технических операций (исправления пунктуации, удаления фонового шума, повышения разрешения изображения, перевода текста или замены фона), так и для создания основного содержания информационного материала. Применение единого обозначения ко всем перечисленным случаям не позволяет адресату установить характер и степень машинного участия в формировании результата.

Кроме того, систематическое использование однотипного предупреждения способно снижать его информационную значимость и формировать ошибочную ассоциацию между искусственным происхождением материала и его недостоверностью. В двух экспериментах проведенных S. Altay и F. Gilardi с участием 4 976 респондентов в США и Великобритании, установлено снижение воспринимаемой точности материалов, обозначенных как созданные искусственным интеллектом, независимо от их фактической достоверности и действительного способа создания. При этом выраженность указанного эффекта уменьшалась при более конкретном раскрытии степени автоматизации [4]. Полученные результаты свидетельствуют о том, что формально определенная, но содержательно недифференцированная маркировка способна сама выступать источником систематического искажения восприятия информационного материала.

Альтернативное решение предлагает риск-ориентированная модель, в рамках которой юридическое значение придается не любому факту использования искусственного интеллекта, а способности созданного или измененного с его применением материала сформировать ошибочное представление о подлинности либо оказать влияние на принятие общественно или юридически значимого решения. Для возникновения обязанности требуется установить, кому и с какой целью сообщается материал, представлен ли он как достоверное воспроизведение реального лица или события и какое решение адресата способен обусловить. Например, искусственно воспроизведенный голос в сообщении от имени контрагента может повлиять на распоряжение денежными средствами. В таком случае раскрытие способа создания записи связано с предупреждением заблуждения относительно личности отправителя. Исключение для технической обработки допустимо, если содержание и признаки, позволяющие установить источник сообщения, сохранены. Непубличное использование следует освобождать от видимого предупреждения лишь при отсутствии связи с осуществлением прав и исполнением обязанностей.

Установление обязанности в зависимости от обстоятельств распространения требует разграничить сведения, доступные каждому участнику. Поставщик системы может фиксировать способ создания результата, но обычно не определяет, где и для чего пользователь его разместит. Владелец информационного ресурса контролирует условия публикации, однако может получить файл без сведений о его происхождении. Пользователь располагает данными о применении искус-

ственного интеллекта и цели размещения, но добровольность раскрытия позволяет ему скрыть эти сведения. Из этого следует необходимость раздельного закрепления обязанностей: поставщик фиксирует происхождение результата, публикующее лицо сообщает о характере его использования, а владелец ресурса обеспечивает сохранение и отображение полученных сведений.

Связь между созданием материала и его последующим распространением может поддерживаться машиночитаемой маркировкой. Для этого применяются цифровые водяные знаки, метаданные и записи о происхождении и изменениях файла, защищенные криптографической подписью. Возможность маркирования текста подтверждена испытанием S. Dathathri и соавторов, охватившим почти 20 млн ответов генеративной системы: применение водяного знака не ухудшило качество ответов по результатам пользовательской оценки [7, p. 818]. В стандарте C2PA подпись позволяет проверить связь записи с материалом и выявить изменение подписанных сведений; проверка истинности содержания в ее назначение не входит [5]. Следовательно, такие средства могут обеспечивать исполнение обязанности по сохранению сведений о происхождении, тогда как доведение предупреждения до адресата требует отдельного правила об отображении маркировки.

Сохранность маркировки зависит от операций, выполняемых с материалом. Метаданные могут утрачиваться при создании снимка экрана или перекодировании, а водяной знак – переставать обнаруживаться после обработки. Вероятностное распознавание также допускает ошибочное отнесение созданного человеком материала к результатам генерации. В исследовании B. Rijsbosch, G. van Dijck и K. Kollnig машиночитаемое обозначение выявлено у 19 из 50 генераторов изображений (38 %), видимое – у 9 (18 %); последние маркировали изображения независимо от наличия признаков дипфейка [10, p. 9]. Эти данные подтверждают неполноту применения доступных средств в исследованной выборке. Для правового регулирования отсюда следует необходимость определить, кто обязан сохранять маркировку при преобразовании файла и как устанавливается причина ее утраты. Отсутствие обозначения не позволяет достоверно установить способ создания материала.

Сопоставление рассмотренных решений позволяет разграничить основание обязанности, содержание раскрываемых сведений и способ их передачи. Факт генерации может служить основанием машиночитаемой фиксации, а характер изменения материала и обстоятельства его использования – основанием предупреждения адресата. Применение одинаковых требований к этим действиям возлагало бы обязанность публичного обозначения уже на стадии создания частного материала либо оставляло бы сведения о происхождении незафиксированными до публикации. Поэтому предлагаются два взаимосвязанных вида обязанностей:

фиксировать происхождение материала в машиночитаемой форме при его создании и сохранять эти сведения при последующих операциях;

размещать воспринимаемое адресатом предупреждение при распространении или использовании материала в установленных законом случаях.

Содержание предупреждения следует определять с учетом различий между раскрытием происхождения и оценкой достоверности. В двух экспериментах C. Wittenberg и соавторов, охвативших более 7500 участников из США, маркировка вводящих в заблуждение изображений, созданных искусственным интеллектом, снижала доверие к ним. Влияние на намерение поделиться изображением зависело от формулировки предупреждения [11, p. 6-7]. Данные об этих эффектах обосновывают необходимость раздельного обозначения способа создания материала и результатов проверки его содержания. Для первой цели предлагаются формулы «сгенерировано с использованием ИИ» и «существенно изменено с применением ИИ». Вывод о ложности или способности ввести в заблуждение требует самостоятельного установления соответствующих обстоятельств; факт генерации такого вывода не подтверждает.

Раздельное закрепление обязанностей по технической маркировке и информированию адресата предусмотрено европейским регулированием. В п. 2 и 4 ст. 50 Регламента (ЕС) 2024/1689 обязанности поставщика системы и лица, применяющего ее, различаются по содержанию и основаниям возникновения. Регламент (ЕС) 2024/1689 обязывает поставщика генеративной системы обеспечить маркировку синтетических аудио-, видео-, графических и текстовых результатов в машиночитаемом формате, отвечающем требованиям эффективности, совместимости, устойчивости и надежности. В п. 2 ст. 50 предусмотрено исключение для вспомогательного стандартного редактирования и обработки, не изменяющей существенно входные данные или их смысл.

В п. 4 ст. 50 обязанность раскрывать искусственное происхождение предусмотрена для дипфейков, а также для текста, публикуемого в целях информирования общества по вопросам публичного интереса. Для последнего исключение связано с проверкой человеком или редакционным контролем при наличии лица, несущего редакционную ответственность за публикацию.

Определение дипфейка ограничивает круг обозначаемых материалов: D. Gabor указывает на исключение из него текста и вымышленных лиц, хотя последние способны восприниматься как реально существующие [8, p. 142]. Редакционную ответственность он связывает с фактическим контролем публикации посредством редакционных решений [8, p. 146-147]. По общему правилу ст. 50 применяется со 2 августа 2026 г.; для систем, выведенных на рынок до этой даты, исполнение обязанностей по п. 2 ст. 50 предусмотрено с 2 декабря 2026 г. Кодекс практики прозрачности контента, созданного с использованием искусственного интеллекта, является добровольным средством подтверждения соблюдения требований [6].

Китайская модель в большей степени ориентирована на обеспечение непрерывности сведений о происхождении материала при его последующем распространении. Меры по маркировке искусственно созданного и синтезированного контента распространяются на текст, изображения, аудио, видео и виртуальные сцены, и предусматривают использование явных и скрытых обозначений. В состав метаданных включается информация о синтетическом происхождении материала, поставщике соответствующей услуги и идентификаторе контента.

Платформа обязана проверять метаданные, учитывать сведения, представленные пользователем, размещать видимое обозначение, а при выявлении технических признаков синтетического происхождения без подтверждающих данных – квалифицировать материал как предположительно созданный с применением искусственного интеллекта. На пользователя возлагаются обязанности сообщать о публикации такого контента, не удалять и не искажать маркировку; сведения о последующем распространении также включаются в метаданные [9]. В сравнении с европейской моделью, китайский подход более детально регламентирует сохранение сведений по всей цепочке распространения, одновременно предоставляя платформе более значительный объем квалификационных полномочий.

Предусмотренное российским законом регулирование исходит из предоставления пользователю возможности обозначить происхождение материала. В ч. 1 ст. 9 Федерального закона «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» использованы формулы «в аудио- и (или) визуальной форме» и «обеспечивается возможность размещения информационного предупреждения». Обязанность пользователя размещать такое предупреждение в каждом случае из этих положений не следует. При этом ч. 3 ст. 9 определяет обязанность владельца соответствующего информационного ресурса применительно к информации, созданной с использованием большой фундаментальной модели, без повторения ограничения по форме. Названные положения вступают в силу с 1 марта 2027 г. В отличие от европейского и китайского регулирования, российский закон оставляет применение предупреждения на усмотрение пользователя, а его формат, содержание и порядок размещения – на договорное определение сторонами.

Предоставление возможности разместить предупреждение оставляет нерешенными вопросы о случаях обязательного раскрытия происхождения, минимальном содержании обозначения и его сохранении при последующем распространении. Применительно к текстовым материалам требуется уточнить соотношение ч. 1 и 3 ст. 9: первая прямо их не называет, вторая использует общую категорию информации. Кроме того, связь регулирования с установленными законом признаками большой фундаментальной модели ограничивает круг охватываемых результатов. Количество параметров модели характеризует используемую систему, но не определяет способность конкретного материала ввести адресата в заблуждение. Изображение лица или запись голоса могут быть искусственно изменены средствами, не отвечающими указанным признакам. Поэтому основание обязательной маркировки предлагается связывать с характером созданного результата и условиями его распространения.

Для определения случаев обязательного предупреждения предлагается критерий существенного синтетического вклада. Под ним следует понимать создание либо изменение средствами искусственного интеллекта содержания материала, изображения, голоса или признаков, позволяющих отнести его к определенному лицу или источнику, способное повлиять на вывод адресата о происхождении или подлинности материала либо на решение, влекущее возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей. К таким изменениям относятся включение новых утверждений, воспроизведение незафиксированных действий, замена лица или голоса, создание признаков сообщения от определенного отправителя. Основание маркировки определяется содержанием внесенного изменения, а не долей автоматически обработанных элементов.

Количественная доля измененных элементов не позволяет последовательно разграничить случаи обязательного предупреждения. Сходное возражение против процентного порога формулирует D. Gabor: изменение меньшей части материала может затронуть сведения, определяющие восприятие целого [8, p. 143]. Замена лица на

небольшом участке изображения способна создать ложное представление об участнике события, тогда как изменение размера всего изображения может сохранить его содержание. Поэтому исправление орфографии, форматирование, масштабирование и шумоподавление предлагается освобождать от видимого обозначения при условии сохранения смысла, изображенных обстоятельств и признаков, позволяющих установить лицо или источник сообщения. Исключение должно применяться по результату обработки. Если при удалении шума система создает ранее отсутствовавшую речь или восстанавливает детали, меняющие представление о событии, такая операция подлежит оценке по критерию существенного синтетического вклада.

Указанный критерий определяет основание предупреждения адресата. Фиксация происхождения решает иную задачу – сохранение сведений, необходимых для последующей проверки. Поэтому предлагаемые обязанности должны различаться по моменту возникновения, обязанному лицу и способу исполнения.

Обязанность формировать машиночитаемые сведения предлагается возложить на поставщика генеративной системы. При создании результата он должен обеспечивать включение метаданных либо идентификатора, позволяющего получить сведения о выполненной операции, поставщике или системе и времени создания. При последующем изменении содержания или признаков, позволяющих установить лицо либо источник сообщения, предлагается возложить обязанность дополнить запись на участника, осуществляющего такую обработку, при наличии технической возможности. Связь с исходной записью должна сохраняться. Возникновение этих обязанностей следует связывать с созданием и преобразованием результата независимо от намерения его опубликовать. При частном использовании сведения могут сохраняться без непосредственного отображения. Состав маркировки необходимо ограничить данными, необходимыми для проверки происхождения: раскрытие личности пользователя и содержания запроса не входит в предлагаемую обязанность. Обработка персональных данных требует самостоятельного правового основания.

Обязанность размещать воспринимаемое адресатом предупреждение предлагается возложить на лицо, публично распространяющее материал с существенным синтетическим вкладом либо использующее его при совершении сделки, обращении в государственный орган или ином действии, способном повлечь правовые последствия. Предупреждение должно быть доступно при восприятии материала: для текста и изображения – размещаться рядом с ними, для видео – отображаться при воспроизведении, для аудиозаписи – передаваться звуковым сообщением и сопровождать файл. При копировании и распространении фрагмента, содержащего синтетическое изменение, обозначение необходимо сохранять. Для художественного или заведомо вымышленного материала допустимо раскрытие в титрах либо сопровождающем описании, если способ представления позволяет адресату отличить вымысел от документальной записи.

Распределение обязанностей должно соответствовать действиям, которые участник вправе и технически способен совершать с материалом. Поставщик системы обеспечивает фиксацию происхождения результата и возможность размещения предупреждения. Публикующее лицо определяет наличие существенного синтетического вклада и размещает установленное обозначение. Владелец информационного ресурса считывает совместимые метаданные, сохраняет их при преобразовании файла и отображает предупреждение в случаях, когда его размещение обязательно. Последующий распространитель сохраняет доступные сведения о происхождении и сопровождающее материал обозначение. Если метаданные удаляются при автоматическом перекодировании на ресурсе, исполнение обязанности по их сохранению должно обеспечиваться владельцем ресурса: пользователь не контролирует эту операцию.

Для применения указанных требований необходимо различать проверку включенных в файл сведений и вероятностное распознавание признаков генерации. Эти способы дают разные основания для маркировки и последующего оспаривания обозначения.

Проверка криптографической подписи подтверждает целостность подписанной записи и ее связь с материалом, но не удостоверяет истинность всех включенных в нее утверждений. Поэтому ресурс может сообщать о наличии проверенной записи и ее источнике. Для результата вероятностного распознавания предлагается обозначение «возможно создано или изменено с использованием ИИ». Такой результат не должен служить единственным основанием санкции или ограничения распространения. Различие между подтвержденными сведениями, заявлением пользователя и техническими признаками предполагаемой генерации учитывается, в частности, в ст. 6 китайских Мер по маркировке [9]. Лицу, чей материал обозначен автоматически, следует предоставить право получить сведения об основании маркировки, представить исходный файл и потребовать пересмотра. Обязанность рассмотреть обращение в установленный срок и испра-

вить необоснованное обозначение предлагается возложить на владельца ресурса.

Предлагается запретить умышленное удаление, искажение или подделку обязательной маркировки с целью сокрытия происхождения материала при его дальнейшем распространении. Для привлечения к ответственности за такое нарушение требуется установить обязанность сохранять обозначение, возможность ее исполнения и умышленный характер действий. Утрата метаданных вследствие несовместимости программ или перекодирования без установления этих обстоятельств недостаточна для вменения умышленного сокрытия. Если материал используется в агитации, коммерческом предложении, сообщении от имени другого лица либо представляется в качестве доказательства, наряду с нарушением требований к маркировке подлежат самостоятельной оценке возможное введение в заблуждение, нарушение чужих прав и предусмотренные соответствующей отраслью права основания ответственности.

Общие обязанности по маркировке целесообразно закрепить в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Предметом предлагаемой нормы должны стать отношения по созданию, предоставлению и распространению материалов независимо от технических характеристик примененной системы. В законе необходимо определить маркировку и существенный синтетический вклад, основания возникновения обязанностей по фиксации происхождения и предупреждению адресата, круг обязанных лиц, запрет умышленного сокрытия обязательного обозначения и право требовать исправления ошибочной маркировки.

Предусмотренные ст. 9 Федерального закона от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» обязанности по обеспечению возможности размещения предупреждения следует согласовать с предлагаемыми общими требованиями. Условия возникновения обязанности и минимальный состав раскрываемых сведений должны определяться законом. Требования к отображению обозначения и совместимости технических форматов допустимо установить подзаконным актом при прямом законодательном определении компетенции уполномоченного органа. Соглашение поставщика и пользователя может конкретизировать порядок размещения предупреждения в пределах обязательных требований; его условия не должны уменьшать объем сведений, раскрываемых адресату.

По предлагаемому правилу для возникновения обязанности предупреждать адресата необходима совокупность двух условий: существенный синтетический вклад и публичное распространение материала либо его использование при совершении юридически значимого действия. Таким образом, частное использование, не связанное с осуществлением прав или исполнением обязанностей, освобождается от непосредственного предупреждения. Это исключение не препятствует сохранению машиночитаемых сведений на стадии создания результата.

При применении данного правила требуется устанавливать, какие сведения или признаки были созданы либо изменены и как они способны повлиять на восприятие лица, события или источника сообщения. Такой предмет проверки позволяет отличить вспомогательную обработку от изменения содержания. Ограничение обязанности предупреждения этими случаями соотносит раскрытие происхождения материала с конкретной возможностью заблуждения адресата и сохраняет свободу использования технических средств при подготовке информации.

Заключение

Правовое регулирование маркировки требует согласовать обязанности лиц, участвующих в создании, публикации и последующем распространении материала. Предоставление пользователю технической возможности разместить предупреждение оставляет открытыми вопросы об обязательности его применения, сохранении сведений после передачи файла и исправлении ошибочного обозначения.

Обосновано разграничение обязанности фиксировать происхождение материала и обязанности предупреждать адресата. Первая возникает при создании или изменении результата и обеспечивает возможность последующей проверки. Для второй предложена совокупность условий: существенный синтетический вклад и публичное распространение материала либо его использование при совершении действия, способного повлечь правовые последствия. Критерий существенности определяется изменением содержания, изображения, голоса или признаков, позволяющих отнести материал к определенному лицу или источнику, способным повлиять на представление адресата о происхождении или подлинности либо на юридически значимое решение.

Маркировка должна раскрывать способ создания или изменения материала. Вывод о его недостоверности требует самостоятельных оснований. Проверка подписанных метаданных и вероятностное распознавание генерации подлежат разграничению по содержанию подтверждаемых обстоятельств; автоматическое предположение должно сопровождаться правом на проверку и исправление обозначения.

Предлагаемые обязанности целесообразно закрепить в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» применительно к текстовым, графическим, аудиальным и аудиовизуальным материалам. Поставщик системы должен обеспечивать фиксацию происхождения, публикующее лицо – предупреждение адресата, владелец ресурса – сохранение и отображение сведений, последующий распространитель – передачу материала с установленным обозначением. Такое распределение связывает каждую обязанность с действиями, находящимися под контролем соответствующего лица.

Исполнение этих обязанностей требует совместимых форматов, сохранения сведений при преобразовании файлов и процедуры пересмотра ошибочной маркировки. Ответственность за умышленное сокрытие следует связывать с доказанным удалением, искажением или подделкой обязательного обозначения при возможности его сохранить. В результате предметом правового контроля становятся конкретные действия участников распространения, а обозначение искусственного происхождения сохраняет информационное назначение и не создает презумпции ложности или противоправности материала.

Список литературы:

[1] Бодров Н.Ф., Лебедева А.К. Перспективы правового регулирования и алгоритм маркировки генеративного контента // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18. № 4 (68). с. 348-357.

[2] Брюховецкий И.В. Правовые особенности маркировки созданного генеративным искусственным интеллектом контента в КНР // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2024. № 10 (122). с. 176-181.

[3] Самарцева М.В. Маркировка результатов, автономно создаваемых генеративным искусственным интеллектом // Пролог: журнал о праве. 2025. № 2. с. 57-67.

[4] Altay S., Gilardi F. People Are Skeptical of Headlines Labeled as AI-Generated, Even If True or Human-Made, Because They Assume Full AI Automation // PNAS Nexus. 2024. Vol. 3. № 10. 11 p.

[5] C2PA and Content Credentials Explainer. Version 2.2 / Coalition for Content Provenance and Authenticity. 2025 [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://spec.c2pa.org/specifications/specifications/2.2/explainer/_attachments/Explainer.pdf (дата обращения: 04.09.2026).

[6] Code of Practice on Transparency of AI-Generated Content / European Commission [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/code-practice-ai-generated-content (дата обращения: 04.09.2026).

[7] Dathathri S., See A., Ghaisas S. et al. Scalable Watermarking for Identifying Large Language Model Outputs // Nature. 2024. Vol. 634. № 8035. p. 818-823.

[8] Gabor D. Labelling Deepfakes under EU Law: The AI Act and Beyond // Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny. 2025. Vol. 87. № 4. p. 139-160.

[9] Measures for Labelling Artificial Intelligence-Generated and Synthetic Content / Cyberspace Administration of China. Promulgated [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.cac.gov.cn/2025-03/14/c_1743654684782215.htm (дата обращения: 04.09.2026).

[10] Rijsbosch B., van Dijck G., Kollnig K. Missing the Mark: Adoption of Watermarking for Generative AI Systems in Practice and Implications under the New EU AI Act // Policy & Internet. 2026. Vol. 18. № 2. Article e70041. 17 p.

[11] Wittenberg C., Epstein Z., Berinsky A. J., Rand D. G. Labeling AI-Generated Content: Promises, Perils, and Future Directions // An MIT Exploration of Generative AI. 2024. 16 p.

References:

[1] Bodrov N.F., Lebedeva A.K. Prospects for legal regulation and algorithm for labeling generative content // Penitentiary science. 2024. T. 18. № 4 (68). from. 348-357.

[2] Bryukhovetsky I.V. Legal features of labeling content created by generative artificial intelligence in the PRC // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin. 2024. № 10 (122). p. 176-181.

[3] Samartseva M.V. Marking of results autonomously created by generative artificial intelligence // Prologue: Journal of Law. 2025. № 2. p. 57-67.

[4] Altay S., Gilardi F. People Are Skeptical of Headlines Labeled as AI-Generated, Even If True or Human-Made, Because They Assume Full AI Automation // PNAS Nexus. 2024. Vol. 3. № 10. 11 p.

[5] C2PA and Content Credentials Explainer. Version 2.2 / Coalition for Content Provenance and Authenticity. 2025 [Electronic resource] // Access mode: https://spec.c2pa.org/specifications/specifications/2.2/explainer/_attachments/Explainer.pdf (access date: 04.09.2026).

[6] Code of Practice on Transparency of AI-Generated Content / European Commission [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/code-practice-ai-generated-content (дата обращения: 04.09.2026).

[7] Dathathri S., See A., Ghaisas S. et al. Scalable Watermarking for Identifying Large Language Model Outputs // Nature. 2024. Vol. 634. № 8035. p. 818-823.

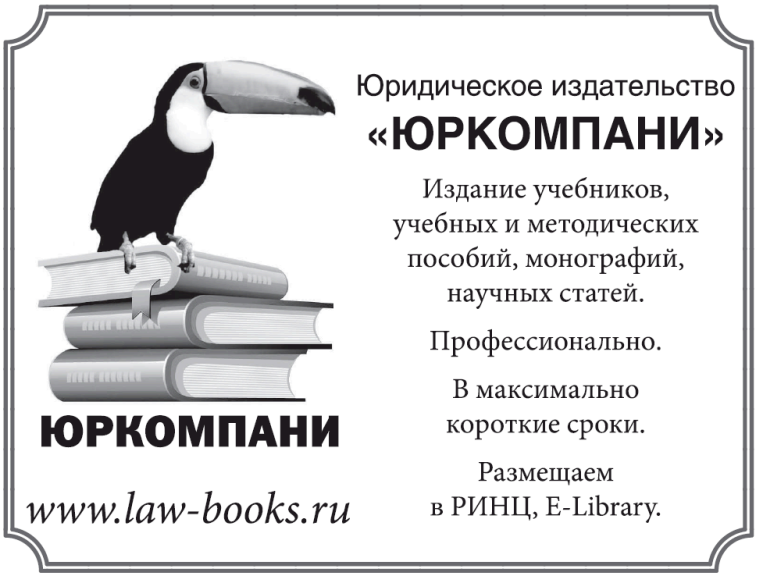
[8] Gabor D. Labelling Deepfakes under EU

Law: The AI Act and Beyond // Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny. 2025. Vol. 87. № 4. p. 139-160.

[9] Measures for Labelling Artificial Intelligence-Generated and Synthetic Content / Cyberspace Administration of China. Promoted // Access mode: https://www.cac.gov.cn/2025-03/14/c_1743654684782215.htm (access date: 04.09.2026).

[10] Rijsbosch B., van Dijck G., Kollnig K. Missing the Mark: Adoption of Watermarking for Generative AI Systems in Practice and Implications under the New EU AI Act // Policy & Internet. 2026. Vol. 18. № 2. Article e70041. 17 p.

[11] Wittenberg C., Epstein Z., Berinsky A. J., Rand D. G. Labeling AI-Generated Content: Promises, Perils, and Future Directions // An MIT Exploration of Generative AI. 2024. 16 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-277-282
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ЛУГАСЬКОВА Наталья Васильевна,
кандидат биологических наук, доцент кафедры «Техносферная безопасность», Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС), ORCID ID 0000-0002-8997-0542, e-mail: lugaskova@rambler.ru

САФРОНОВА Елена Борисовна,
старший преподаватель кафедры «Техносферная безопасность», Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС), ORCID ID 0000-0001-7890-4868, e-mail: Elsafronova@mail.ru

ЛЫХИНА Полина Николаевна,
студент 4 курса бакалавриата «Техносфераня безопасность» Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС), e-mail: lykhina89@bk.ru

МАКАРОВА Александра Дмитриевна,
студент 4 курса бакалавриата «Техносфераня безопасность» Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС), e-mail: mail@law-books.ru

НОРМАТИВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К МЕТОДАМ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА ВОЗДУХА В ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ И СКЛАДСКИХ ПОМЕЩЕНИЯХ

Аннотация. *Рассмотрено влияние качества воздуха в производственных и складских помещениях на самочувствие, здоровье и работоспособность персонала. Описаны основные физические, химические и биологические факторы воздушной среды, характерные для промышленных и логистических объектов. Проанализированы возможные краткосрочные реакции организма и последствия длительного воздействия неблагоприятной воздушной среды. Рассмотрены подходы к контролю воздуха рабочей зоны и предложены организационно-технические меры по снижению профессиональных рисков. Сделан вывод о необходимости системного мониторинга, устранения источников загрязнения и поддержания эффективной вентиляции как условий сохранения здоровья и устойчивой производительности труда.*

Ключевые слова: *качество воздуха, складские помещения, воздух рабочей зоны, работоспособность, профессиональные риски, нормативные требования к качеству воздуха в рабочей зоне.*

Для цитирования: *Лугаськова Н. В., Сафронова Е. Б., Лыхина П. Н., Макарова А. Д. Нормативные требования к методам контроля качества воздуха в производственных и складских помещениях // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 277–282.*

LUGASKOVA Natalia Vasilyevna,
PhD in Biology, Associate Professor of the Technosphere Safety Department, Ural State University of Railway Transport (USURT)

SAFRONOVA Elena Borisovna,
Senior Lecturer at the Department of Technosphere Safety, Ural State University of Railway Transport (USURT)

LYKHINA Polina Nikolaevna,
4th-yearbachelor's student in the field of "Technosphere Safety"
Ural State University of Railway Transport (USURT)

MAKAROVA Alexandra Dmitrievna,
4th-year bachelor's student in "Technosphere Safety"Ural State
Transport University (USURT)

REGULATORY REQUIREMENTS FOR AIR QUALITY CONTROL METHODS IN PRODUCTION FACILITIES AND STORAGE FACILITIES

Annotation. *The impact of air quality in industrial and storage facilities on the well-being, health, and performance of personnel is examined. The main physical, chemical, and biological factors of the air environment typical of industrial and logistics facilities are described. The possible short-term reactions of the body and the consequences of prolonged exposure to an unfavourable air environment have been analysed. Approaches to monitoring the air in the work area have been considered, and organisational and technical measures to reduce occupational risks have been proposed. It has been concluded that systemic monitoring, elimination of pollution sources, and maintenance of effective ventilation are necessary conditions for preserving health and ensuring sustainable labour productivity.*

Key words: *air quality, warehouse premises, air in the work area, work capacity, occupational risks, regulatory requirements for air quality in the work area.*

For citation: *Lugaskova N. V., Safronova E. B., Lykhina P. N., Makarova A. D. Regulatory requirements for air quality control methods in production facilities and storage facilities. Russian scientific bulletin. 2026;(11):277–282. (In Russ.).*

Введение

Качество воздуха рабочей зоны является одним из значимых факторов производственной среды, влияющих на безопасность труда, состояние здоровья и эффективность выполнения трудовых операций. В производственных цехах состав воздуха может изменяться под воздействием технологических процессов, сварки, резки, окраски, обработки материалов и работы оборудования. На складах источниками загрязнения могут выступать движение погрузочной техники, перемещение и повреждение упаковки, пыление сыпучих материалов, выхлопные газы двигателей внутреннего сгорания, а также испарения отдельных химических веществ. В закрытых помещениях загрязняющие вещества способны накапливаться, если воздухообмен недостаточен или система вентиляции работает неэффективно, при этом может наблюдаться аддитивный и синергетический эффекты их воздействия на организм работника. [1; 2].

Актуальность темы определяется тем, что неблагоприятная воздушная среда может приводить не только к профессиональным заболеваниям, но и к менее очевидным последствиям: раздражению слизистой глаз и дыхательных путей, головной боли, повышению утомляемости, снижению работоспособности и, как следствие, снижению концентрации внимания и увеличению вероятности ошибочных действий. Контроль качества воздуха в рабочей зоне складских и производственных процессов имеет особое значение, поскольку персонал часто работает с оборудованием, транспортными средствами, грузами и механизмами, снижение работоспособности из-за несоблюдения требований к качеству воздуха в производственном помещении может стать причиной травм.

Цель исследования - обобщить сведения о влиянии качества воздуха в производственных и складских помещениях на самочувствие и работоспособность человека и определить основные направления профилактики неблагоприятного воздействия. Для достижения цели рассмотрены ключевые загрязнители, механизмы их воздействия, нормативные основы контроля и практические меры управления рисками. Работа носит обзорно-аналитический характер; собственные инструментальные измерения и обследование конкретного предприятия не проводились.

Основные факторы качества воздуха в рабочей зоне

При оценке качества воздуха в производственных и складских помещениях необходимо руководствоваться нормативными требованиями, закрепленными в СанПиН 1.2.3685–21 и СП 2.2.4285-26 [2,3].

Под качеством воздуха в контексте охраны труда следует понимать совокупность характеристик воздушной среды, определяющих степень

воздействия на работника химических, физических и биологических факторов. Для оценки недостаточно ориентироваться только на наличие запаха или субъективное ощущение духоты: ряд опасных веществ не имеет выраженного запаха, а некоторые воздействия могут проявляться постепенно. Поэтому оценка должна опираться на характер технологического процесса, потенциальные источники загрязнения и результаты производственного контроля.

К первой группе факторов относятся аэрозоли и пыль. Они образуются при шлифовании, резке, пересыпании, дроблении, уборке, движении транспорта по загрязнённым поверхностям и разрушении упаковочных материалов. Воздействие зависит от химического состава, размера частиц, концентрации и продолжительности контакта. Особое внимание должно быть уделено мелкодисперсным аэрозолям, их частицы способны проникать глубже в дыхательную систему, вызывать раздражение, усиливать нагрузку на органы дыхания и в конечном итоге могут стать причиной развития у работников производственно-обусловленных заболеваний. Для отдельных видов промышленной пыли характерны специфические хронические эффекты, поэтому оценивать её следует с учётом состава сырья и процесса.

Вторая группа - газообразные вещества и пары. В зависимости от производства это могут быть оксид углерода, оксиды азота, озон, пары растворителей, компонентов лакокрасочных материалов, моющих средств и других химических продуктов. Источниками могут быть двигатели внутреннего сгорания, процессы горения, сварка, нанесение покрытий и хранение химических веществ. Угарный газ особенно опасен тем, что не имеет цвета и запаха и нарушает перенос кислорода кровью. Летучие органические соединения в зависимости от состава и дозы способны вызывать раздражение слизистых оболочек, головную боль и другие неблагоприятные реакции [2; 3]. При расчете и проектировании системы вентиляции в производственных и складских помещениях необходимо учитывать нормативные требования в соответствии с ГОСТ Р 59972-2021 [4], в частности полный запрет на рециркуляцию воздуха при наличии газообразных веществ 1 и 2 классов опасности.

Третья группа включает биологические загрязнители - плесневые грибы, бактерии, аллергены и компоненты биологического происхождения, которые могут попадать в воздух с сырьём, органической пылью от упаковочных материалов, при неудовлетворительном обслуживании систем кондиционирования воздуха и вентиляции. Избыточная влажность и конденсат создают условия для развития плесени. Биологические агенты могут быть причиной аллергических реакций, раздражения и ухудшения состояния работников с повышенной чувствительностью. Кроме того наличие в воздухе рабочей зоны биологических загрязнителей может стать причиной развития профессиональных заболеваний, а продукты жизнедеятельности бактерий и плесневых грибов повышают риск развития у работников синдрома токсической органической пыли.

Наконец, на субъективное восприятие воздушной среды и работоспособность влияют параметры микроклимата: температура, относительная влажность, скорость движения воздуха и достаточность воздухообмена. Отклонения любого параметра микроклимата от нормативных значений снижает работоспособность и может привести к обострению хронических заболеваний. Так, например, высокая температура увеличивает тепловую нагрузку на работающего человека, приводит к быстрому развитию утомления; слишком сухой воздух может усиливать сухость слизистых оболочек, что повышает риск инфицирования в период сезонных простудных заболеваний. Углекислый газ, являясь естественным продуктом жизнедеятельности человека, при определенных концентрациях снижает физиологические возможности организма, приводит к гипоксии головного мозга. Повышение концентрации углекислого газа в рабочей зоне часто используется как один из косвенных индикаторов достаточности воздухообмена в помещениях с людьми, но сама по себе не заменяет измерение специфических производственных загрязнителей [5; 6].

Влияние воздушной среды на самочувствие и работоспособность

Реакция организма на присутствие в рабочей зоне загрязняющих веществ зависит от вида загрязнителей, их концентрации, длительности воздействия, индивидуальной чувствительности и сочетания с другими факторами среды. При кратковременном воздействии работники могут отмечать першение в горле, кашель, раздражение глаз, неприятный запах, головную боль, сонливость и ощущение усталости. Эти признаки неспецифичны и могут быть связаны также с тепловым дискомфортом, шумом, недостатком сна или другими условиями труда; однако их повторяемость в определённой зоне является поводом для проверки воздушной среды.

Длительное воздействие некоторых аэрозолей и химических веществ может приводить к хроническим заболеваниям дыхательной системы и другим производственно-обусловленным нарушениям здоровья. Степень риска определяется не только максимальными концентрациями, но и общей экспозицией в течение смены, частотой повторения работ и эффективностью

применяемых средств защиты. Поэтому разовая проверка воздуха не всегда отражает реальную картину, особенно если загрязнение возникает только при определённых операциях или в пиковые периоды загрузки.

Связь качества воздуха с работоспособностью проявляется не только через физиологические, но и когнитивные механизмы. Раздражение дыхательных путей и глаз, головная боль, ощущение духоты и тепловой дискомфорт затрудняют поддержание необходимого уровня внимания и увеличивают субъективную тяжесть работы. В операциях, требующих точности, контроля показаний приборов, комплектования заказов, управления погрузчиком или соблюдения маршрутов движения, даже небольшое снижение внимания может повысить вероятность ошибочного действия и стать причиной несчастного случая. Обзор исследований по качеству внутренней среды указывает на связь ряда показателей воздушной среды, включая аэрозоли, CO_2 и некоторые газообразные загрязнители, с жалобами на самочувствие и показателями производительности; при этом сила эффекта зависит от условий и методик конкретного исследования [5; 6].

Необходимо разграничивать установленный причинный эффект и статистическую связь. Нельзя утверждать, что любое повышение концентрации загрязняющих веществ автоматически означает снижение производительности труда и работоспособности или что все жалобы работников вызваны именно качеством воздуха на рабочем месте. Для корректной оценки следует сопоставлять результаты измерений с наблюдениями за условиями труда, данными о технологических операциях, жалобами персонала и другими факторами рабочей среды. Наиболее обоснованный подход - использовать качество воздуха как один из элементов комплексной системы управления профессиональными рисками.

Особенности производственных и складских помещений

На производственных участках характер загрязнения определяется технологией. При сварке и термической обработке образуются аэрозоли и газы; при окраске и применении растворителей - пары химических веществ; при механической обработке - пыль и аэрозоли охлаждающих жидкостей; при работе с сыпучим сырьём - взвешенные частицы. В таких условиях приоритетными мерами являются локализация выделений непосредственно у источника, применение местной вытяжной вентиляции, герметизация оборудования и замена опасных материалов менее опасными, если это технически возможно.

Складские помещения имеют собственную специфику: значительные объёмы, высокие стеллажи, интенсивное движение техники, частое открывание ворот и доступ большого объема наружного воздуха, неоднородное распределение воздушных потоков. В зонах погрузки и разгрузки при использовании техники с двигателями внутреннего сгорания возможно поступление продуктов сгорания. Перемещение паллет, картонной тары и сыпучих грузов может приводить к вторичному поднятию пыли. При хранении бытовой химии, красок, растворителей или иных химических продуктов необходимо учитывать требования к совместимости хранения, герметичности тары и предотвращению испарений.

Отдельного внимания требуют помещения с ограниченным воздухообменом, сезонными колебаниями температуры и высокой плотностью персонала. Открытые ворота не всегда обеспечивают устойчивое проветривание: направление воздушных потоков зависит от погоды, конфигурации здания и работы оборудования. Поэтому вентиляцию следует оценивать в реальных режимах эксплуатации, включая наиболее интенсивные смены и технологические операции. При выборе оборудования необходимо учитывать не только общий объём приточного воздуха, но и распределение потоков, расположение источников загрязнения, состояние фильтров и регулярность технического обслуживания.

Нормативные основы и методы контроля

В Российской Федерации санитарно-гигиенические требования к воздуху рабочей зоны и контролю содержания вредных веществ установлены, в частности, ГОСТ 12.1.005–88 «Система стандартов безопасности труда. Общие санитарно-гигиенические требования к воздуху рабочей зоны». Документ охватывает требования к показателям микроклимата, допустимому содержанию вредных веществ и методам контроля [1]. Гигиенические нормативы производственных факторов, включая химические и физические факторы, также устанавливаются СанПиН 1.2.3685–21 [2] и СП 2.2.4285-26 («Санитарно-эпидемиологические требования к условиям труда») [3]. Конкретные нормативные значения необходимо выбирать с учётом класса опасности вещества, вида работ, категории помещения и актуальной редакции нормативных и правовых документов.

Производственный контроль целесообразно начинать с идентификации опасностей: изучения технологического процесса, паспортов безопасности используемых материалов, режима работы оборудования, схем вентиляции и обращений работников. Затем определяется перечень контролируемых показателей и точки отбора проб. Измерения следует проводить в условиях, отражающих фактическую экспозицию персонала: в зоне дыхания работника, при характерной

нагрузке и во время операций, потенциально сопровождающихся выделением загрязнителей. Используемые средства измерений и лабораторные методы должны соответствовать требованиям применимых нормативных документов.

В зависимости от ситуации оценивают концентрации конкретных химических веществ и аэрозолей, параметры микроклимата, эффективность вентиляции, а также наличие угарного газа и иных опасных газов. Для оперативного наблюдения могут применяться датчики и системы мониторинга, однако автоматические индикаторы не всегда заменяют лабораторные измерения и должны регулярно проверяться. Результаты контроля важно документировать, анализировать в динамике и использовать для корректировки мероприятий по охране труда.

Практически полезно сопоставлять объективные данные производственного контроля с информацией о самочувствии работников: частотой жалоб, временем и местом их возникновения, выполнявшейся операцией и режимом работы вентиляции. Такой анализ не является медицинской диагностикой, но помогает выявлять зоны, требующие дополнительного обследования. При обнаружении превышений или подозрении на аварийное загрязнение необходимо действовать по установленным на предприятии процедурам, ограничивать доступ работников в опасную зону и привлекать ответственных специалистов.

Меры по улучшению качества воздуха и сохранению работоспособности

Наиболее эффективная профилактика строится по принципу приоритета устранения опасности и инженерного контроля коллективной и индивидуальной защиты. В соответствии с методикой управления рисками в первую очередь следует по возможности исключать или сокращать образование загрязнителей: применять менее опасные материалы, поддерживать оборудование в исправном состоянии, предотвращать утечки и организовывать процессы так, чтобы минимизировать пыление. Для пыли и паров, образующихся в конкретной точке, предпочтительна местная вытяжка, удаляющая загрязнение до его распространения по помещению.

Общеобменная вентиляция должна обеспечивать расчётный воздухообмен и корректно работать в режимах фактической нагрузки. Важно своевременно очищать и заменять фильтры, проверять воздуховоды, решётки, автоматику и баланс притока и вытяжки. Рециркуляция воздуха требует отдельной оценки: она не должна приводить к переносу загрязнителей между зонами или накоплению веществ, которые система не способна эффективно удалять. При работе техники с двигателями внутреннего сгорания следует оценивать возможность перехода на электрические аналоги либо обеспечивать необходимые меры по удалению выхлопных газов.

Для достижения нормативных концентраций загрязняющих веществ в воздухе складских помещений необходимо уделять достаточное внимание процессу уборки помещения и организации хранения. Сухое подметание и продувка сжатым воздухом могут повторно поднимать пыль; предпочтительны методы уборки, которые уменьшают её распространение, с учётом свойств загрязнителя и требований безопасности. Химические вещества необходимо хранить в исправной закрытой таре, соблюдать совместимость продуктов и не допускать несанкционированного переливания. Следует поддерживать чистоту поверхностей, своевременно устранять протечки и конденсат, а также контролировать состояние зон с повышенной влажностью.

Средства индивидуальной защиты органов дыхания применяются при наличии соответствующих рисков и должны подбираться по типу загрязнителя, концентрации и условиям работы. Они не заменяют технические меры и требуют обучения, правильной подгонки, обслуживания и своевременной замены фильтров. Работникам необходимо объяснять признаки возможного загрязнения, порядок сообщения о неисправностях вентиляции и действия при аварийной ситуации.

Для оценки результативности мер предприятию целесообразно использовать систему показателей: результаты лабораторного контроля, количество выявленных отклонений, сроки устранения неисправностей вентиляции, частоту жалоб персонала, выполнение графиков технического обслуживания и данные о профессиональной заболеваемости в допустимых рамках конфиденциальности. Оценивать динамику следует осторожно: изменение производительности может зависеть от сезонности, объёма заказов, организации труда и других факторов. Тем не менее комплексный мониторинг в рамках производственного контроля помогает своевременно обнаруживать неблагоприятные тенденции и обосновывать профилактические мероприятия.

Заключение

Качество воздуха в производственных и складских помещениях является важным элементом безопасных условий труда и может влиять как на состояние здоровья, так и на продуктивность выполнения рабочих задач. Основными факторами риска выступают пыль и аэрозоли, газообразные загрязнители, пары химических веществ, биологические агенты и недостаточный воздухообмен. Неблагоприятная воздушная среда способна вызывать раздражение, головную боль, утомляемость и затруднение концентрации

внимания, а длительное воздействие отдельных веществ - повышать риск хронических нарушений здоровья.

Профилактика должна включать выявление источников загрязнения, инструментальный контроль, эффективную местную и общеобменную вентиляцию, безопасную организацию уборки и хранения, техническое обслуживание оборудования и применение подходящих средств индивидуальной защиты. Для складов особое значение имеют управление выхлопными газами погрузочной техники, контроль пыления и оценка воздухообмена в зонах погрузки и разгрузки. Для производственных участков меры необходимо выбирать с учётом конкретной технологии и состава выделяющихся веществ.

Таким образом, улучшение качества воздуха следует рассматривать не как разовую санитарную меру, а как постоянный процесс управления профессиональными рисками. Сочетание нормативного контроля, инженерных решений и участия работников позволяет снижать вероятность неблагоприятных воздействий, поддерживать работоспособность персонала и повышать общую надёжность производственных и логистических процессов.

Список литературы:

[1] ГОСТ 12.1.005–88. Система стандартов безопасности труда. Общие санитарно-гигиенические требования к воздуху рабочей зоны. - Введ. 1989-01-01. - Текст: электронный // Росстандарт. - URL: https://protect.gost.ru/gost/details/7835f82d-eca3-444b-956f-d668fe8a4bc0 (дата обращения: 17.10.2026).

[2] СанПиН 1.2.3685–21. Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания: санитарные правила и нормы [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[3] СП 2.2.4285-26. «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям труда» [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[4] ГОСТ Р 59972-2021 ««Системы вентиляции и кондиционирования воздуха общественных зданий. Технические требования» [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[5] Indoor environmental quality in offices and risk of health and productivity complaints at work: A literature review // Journal of Hazardous Materials Advances. - 2023. - Vol. 12. - Art. 100314. - DOI: 10.1016/j.hazadv.2023.100314. - Текст: электронный. - URL: https://doi.org/10.1016/j.hazadv.2023.100314 (дата обращения: 17.10.2026).

[6] Wyon, D. P. The effects of indoor air quality on performance and productivity / D. P. Wyon // Indoor Air. - 2004. - Vol. 14, suppl. 7. - P. 92–101. - DOI: 10.1111/j.1600-0668.2004.00278.x..

References:

[1] GOST 12.1.005-88. Occupational safety standards system. General sanitary and hygienic requirements for working area air. - Anavar. 1989-01-01. - Text: electronic // Rosstandart. - URL: https://protect.gost.ru/gost/details/7835f82d-eca3-444b-956f-d668fe8a4bc0 (access date: 17.10.2026).

[2] SanPiN 1.2.3685-21. Hygienic standards and requirements for ensuring the safety and (or) harmlessness of human habitat factors: sanitary rules and regulations [Electronic resource] Access from the legal system "Consultant Plus".

[3] SP 2.2.4285-26. "Sanitary and epidemiological requirements for working conditions" [Electronic resource] Access from the legal system "Consultant Plus".

[4] GOST R 59972-2021 "Ventilation and air conditioning systems of public buildings. Technical Requirements" [Electronic Resource] Access from Consultant Plus Legal Help System.

[5] Indoor environmental quality in offices and risk of health and productivity complaints at work: A literature review // Journal of Hazardous Materials Advances. - 2023. - Vol. 12. - Art. 100314. - DOI: 10.1016/j.hazadv.2023.100314. - Text: electronic. - URL: https://doi.org/10.1016/j.hazadv.2023.100314 (access date: 17.10.2026).

[6] Wyon, D. P. The effects of indoor air quality on performance and productivity / D. P. Wyon // Indoor Air. - 2004. - Vol. 14, suppl. 7. - P. 92–101. - DOI: 10.1111/j.1600-0668.2004.00278.x..

- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-283-286
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

САФРОНОВ Владимир Павлович,
аспирант 3 курса, «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова», г. Казань,
e-mail: volodya.safronoff18@yandex.ru

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ

Аннотация. *Гражданское законодательство предоставляет комплекс инструментов для защиты нематериальных благ, сочетая восстановительные и компенсационные механизмы. Эффективность зависит от правильной фиксации нарушений и юридического сопровождения.*

В статье рассматриваются механизмы защиты нематериальных благ (жизнь, здоровье, честь, достоинство, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни и др.) в рамках гражданского права РФ. Основное внимание уделено специальным способам защиты, предусмотренным ст. 12, 150–152 ГК РФ, которые направлены на восстановление нарушенных прав и компенсацию вреда.

Ключевые слова: *нематериальные блага, гражданско-правовая защита, Гражданский кодекс РФ, нематериальные блага, защита чести и достоинства, опровержение, моральный вред, персональные данные, личные неимущественные права.*

Для цитирования: *Сафронов В. П. Специальные способы гражданско-правовой защиты нематериальных благ // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 283–286.*

SAFRONOV Vladimir Pavlovich,
3rd-year PhD student Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

SPECIAL METHODS OF CIVIL LAW PROTECTION OF INTANGIBLE GOODS

Annotation. *Civil legislation provides a set of instruments for the protection of intangible goods, combining restorative and compensatory mechanisms. Effectiveness depends on the correct recording of violations and legal support.*

The article examines the mechanisms for the protection of intangible goods (life, health, honour, dignity, business reputation, privacy, etc.) within the framework of civil law of the Russian Federation. Particular attention is paid to the special methods of protection provided for by Articles 12 and 150–152 of the Civil Code of the Russian Federation, which are aimed at restoring violated rights and compensating for harm.

Key words: *intangible goods, civil law protection, Civil Code of the Russian Federation, intangible goods, protection of honour and dignity, refutation, moral harm, personal data, personal non-property rights.*

For citation: *Safronov V. P. Special methods of civil law protection of intangible goods. Russian scientific bulletin. 2026;(11):283–286. (In Russ.).*

Нематериальные блага (жизнь, здоровье, честь, достоинство, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни и др.) защищаются гражданским правом в соответствии со ст. 12, 150–152 ГК РФ [1]. Помимо общих способов защиты (возмещение убытков, взыскание неустойки), применяются специальные способы, направленные на восстановление нарушенного нематериального права:

Опровержение порочащих сведений. Статья 152 Гражданского кодекса РФ закрепляет право гражданина или юридического лица на защиту чести, достоинства и деловой репутации от распространения ложных, порочащих сведений [8, С.124]. Этот механизм является одним из основных способов защиты нематериальных благ в гражданском праве.

Если распространены ложные сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию, потерпевший вправе требовать публичного опровержения (в том же СМИ, соцсети, где было распространение); удаления информации (если ее невозможно опровергнуть без удаления); замены или отзыва документа (если порочащие данные содержатся в официальном документе).

Для успешного требования опровержения необходимо доказать факт распространения сведений (распространение – это сообщение информации хотя бы одному лицу (письменно, устно, через СМИ, интернет и т. д.)), порочащий характер сведений (сведения должны унижать честь и достоинство, подрывать репутацию в обществе или деловых кругах), несоответствие действительности (истец должен доказать, что информация ложная. Если ответчик утверждает, что сведения правдивы, бремя доказывания лежит на нем).

В зависимости от формы распространения порочащих сведений, суд может обязать нарушителя произвести:

публичное опровержение. Если сведения распространялись в СМИ, опровержение должно быть опубликовано в том же издании с указанием, какие именно сведения являются ложными. Если информация размещалась в интернете (соцсети, форумы, блоги), опровержение должно быть размещено там же.

удаление информации. Если опровержение невозможно без удаления (например, ложный отзыв на сайте, фейковый профиль в соцсети), суд обязывает полностью удалить контент. В случае отказа администрации сайта – возможна блокировка страницы через Роскомнадзор.

замену или отзыв документа. Если порочащие сведения содержатся в официальном документе (характеристика, справка, служебная записка), суд может обязать исправить документ, изъять и уничтожить экземпляры с ложной информацией.

Отсюда, ст. 152 ГК РФ предоставляет эффективные механизмы для защиты чести, достоинства и репутации. Однако успех зависит от правильной фиксации нарушения и грамотного юридического сопровождения. В сложных случаях (особенно в интернете) важно привлекать IT-экспертов и нотариусов для сбора доказательств.

Право на ответ и публикацию собственной версии (ст. 152 ГК РФ, ст. 43-46 Закона «О СМИ» [3]). Право на ответ (реплику) в СМИ – это специальный способ защиты чести, достоинства и деловой репутации, позволяющий лицу, в отношении которого распространены недостоверные или предвзятые сведения, изложить свою позицию в том же средстве массовой информации. Если СМИ опубликовало недостоверные или предвзятые сведения, гражданин может потребовать публикации ответа в том же издании и опровержения в специальной форме (например, в том же разделе газеты или в аналогичном эфирном времени).

Гражданин или организация вправе потребовать от СМИ публикации ответа, если сведения касаются непосредственно заявителя (упоминают его имя, должность, организацию и т. д.), информация носит негативный или предвзятый характер, даже если формально не является ложной (например, одностороннее освещение конфликта) или материал уже был распространен (опубликован в печати, в эфире, в интернет-СМИ).

Таким образом, право на ответ представляет собой инструмент восстановления справедливости без судебных разбирательств. Однако если СМИ уклоняется от публикации, следует обращаться в суд с требованием принудительного размещения ответа и взыскания морального вреда.

Компенсация морального вреда (ст. 151, 1099–1101 ГК РФ). Компенсация морального вреда представляет собой денежную выплату, призванную смягчить нравственные или физические страдания, вызванные нарушением нематериальных благ (честь, достоинство, деловая репутация, частная жизнь и др.) [5, С.78]. При нарушении нематериальных благ (включая достоинство, честь, личную тайну) потерпевший может требовать денежной компенсации за причиненные нравственные или физические страдания.

Компенсация возможна при одновременном наличии факта нарушения нематериального блага (распространение клеветы, вторжение в частную жизнь, оскорбление и т. д.), причинно-следственной связи между нарушением и страданиями и вины нарушителя (кроме случаев, когда закон предусматривает компенсацию без вины – например, вред, причиненный источником повышенной

опасности).

Определение размера компенсации производится по таким критериям как степень вины нарушителя, характер страданий потерпевшего, требования разумности и справедливости и судебная практика по аналогичным делам [4, С.46].

Отсюда, компенсация морального вреда является инструментом защиты нематериальных благ, успех которого зависит от качества доказательств (фиксация нарушения, медицинские документы), обоснованности запрашиваемой суммы (аналоги из практики) и грамотного юридического сопровождения (особенно в сложных случаях).

Пресечение действий, нарушающих личные неимущественные права (ст. 12, 150 ГК РФ). Этот способ защиты применяется, когда нарушение носит длящийся характер. Его цель – немедленно остановить нарушение и предотвратить дальнейший ущерб [10, С.83]. Если нематериальное благо нарушается продолжающимися действиями (например, незаконное использование изображения, распространение порочащей информации в интернете), можно требовать запрета на дальнейшее распространение, удаления информации (через суд или претензию хостингу или соцсети) и блокировки аккаунтов или сайтов, распространяющих незаконный контент.

Требование о пресечении действий возможно при незаконном использовании изображения (ст. 152.1 ГК РФ), распространении порочащей информации (клевета, оскорбления), вмешательстве в частную жизнь (публикация переписок, персональных данных) и иных нарушениях личных неимущественных прав (например, незаконное использование имени).

Таким образом, пресечение нарушений является быстрым способом остановить ущерб репутации или частной жизни. Для эффективной защиты важно фиксировать нарушения, действовать через администрацию сайта до суда и требовать предварительных мер (блокировки) в суде.

Признание информации не соответствующей действительности (ст. 152 ГК РФ). Данный способ защиты применяется, когда порочащие или ложные сведения зафиксированы в официальных документах (трудовая книжка, служебная характеристика, медицинская справка, кредитная история, справка из правоохранительных органов), содержатся в государственных реестрах (ЕГРЮЛ, базы данных МВД, налоговой) или включены в решения государственных органов (например, постановление о дисциплинарном взыскании).

Если ложные сведения содержатся в официальных документах (например, в характеристике с работы, справке), можно требовать: исправления записи, признания документа недействительным, аннулирования порочащей информации (например, через суд или жалобу в государственный орган) [6, С.146]. Данный механизм позволяет не просто добиться формального исправления, но и полностью восстановить репутацию, нарушенную из-за ошибок в официальных документах.

Защита персональных данных (ст. 152.2 ГК РФ, Закон «О персональных данных» № 152-ФЗ [2]). Персональные данные – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному физическому лицу. К категориям персональных данных относятся общие (ФИО, телефон, e-mail), специальные (раса, здоровье, биометрия, судимость), биометрические (отпечатки пальцев, ДНК, фото/видео) и иные (IP-адрес, cookie-файлы, геолокация) [9, С.35].

К нарушениям, дающие право на защиту относятся незаконный сбор (без согласия субъекта персональных данных), использование не по целям, указанным при сборе, распространение без разрешения (публикация в интернете, передача третьим лицам) или ненадлежащее хранение (утечки из-за слабой защиты).

При незаконном сборе, использовании или распространении персональных данных можно требовать уничтожения незаконно полученных данных, удаления из публичного доступа и запрета на дальнейшую обработку.

7. Защита изображения гражданина (ст. 152.1 ГК РФ). Статья 152.1 ГК РФ защищает право гражданина на контроль за использованием своего изображения (фото, видео, рисунки) [7, С.119]. Это важная гарантия неприкосновенности частной жизни. Использование фото или видео без согласия допускается только в исключительных случаях (публичные интересы, съемка в общественных местах без акцента на личности). В остальных случаях можно требовать удаления изображения, запрета на дальнейшее использование и компенсации морального вреда.

Таким образом, нематериальные блага (жизнь, здоровье, честь, достоинство, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни и др.) защищаются гражданским законодательством РФ с помощью общих (возмещение убытков, взыскание неустойки) и специальных способов защиты. Специальные способы защиты нематериальных благ направлены не только на компенсацию ущерба, но и на восстановление доброго имени, пресечение дальнейших нарушений и удаление порочащей информации. В зависимости от ситуации можно комбинировать несколько способов (например, опровержение, компенсация морального вреда и удаление информации).

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от

24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. – Ст. 3451.

[3] Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.11.2024) «О средствах массовой информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 20. – Ст. 2296.

[4] Анисимов А.П. Защита чести, достоинства и деловой репутации в цифровую эпоху / А.П. Анисимов // Закон. – 2021. – № 5. – С. 45–58.

[5] Богданова Е.Е. Компенсация морального вреда: проблемы судебной практики / Е.Е. Богданова // Журнал российского права. – 2022. – № 3. – С. 78–92.

[6] Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. / В.П. Грибанов. – М.: Статут, 2020. – 382 с.

[7] Егорова М.А. Нематериальные блага и их защита в гражданском праве / М.А. Егорова // Вестник гражданского права. – 2023. – № 1. – С. 112–125.

[8] Красавчиков О.А. Личные неимущественные права и их защита. / О.А. Красавчиков. – М.: Норма, 2022. – 382 с.

[9] Микрюков В.А. Защита персональных данных в интернете: правовые аспекты / В.А. Микрюков // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 4. – С. 33–47.

[10] Свердлык Г.А. Способы защиты гражданских прав. / Г.А. Свердлык. – Екатеринбург: УрГЮУ, 2020. – 538 с.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 24.02.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.

[2] Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ (as amended on 28.02.2025) "On Personal Data" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31. – Art. 3451.

[3] Law of the Russian Federation of 27.12.1991 No. 2124-1 (as amended on 23.11.2024) "On Mass Media" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 20. – Art. 2296.

[4] Anisimov A.P. Protection of Honour, Dignity and Business Reputation in the Digital Era / A.P. Anisimov // Zakon. – 2021. – No. 5. – Pp. 45–58.

[5] Bogdanova E.E. Compensation for Moral Harm: Problems of Judicial Practice / E.E. Bogdanova // Journal of Russian Law. – 2022. – No. 3. – Pp. 78–92.

[6] Gribanov V.P. Limits of the Exercise and Protection of Civil Rights / V.P. Gribanov. – Moscow: Statut, 2020. – 382 p.

[7] Egorova M.A. Intangible Goods and Their Protection in Civil Law / M.A. Egorova // Bulletin of Civil Law. – 2023. – No. 1. – Pp. 112–125.

[8] Krasavchikov O.A. Personal Non-Property Rights and Their Protection / O.A. Krasavchikov. – Moscow: Norma, 2022. – 382 p.

[9] Mikryukov V.A. Protection of Personal Data on the Internet: Legal Aspects / V.A. Mikryukov // Law and the Digital Economy. – 2021. – No. 4. – Pp. 33–47.

[10] Sverdlyk G.A. Methods of Protection of Civil Rights / G.A. Sverdlyk. – Yekaterinburg: Ural State Law University, 2020. – 538 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-287-294
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

САДЕКОВ Рустем Рафекович,
доцент кафедры психолого-педагогического и медицинского обеспечения деятельности ОВД ВИПК МВД России, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, кандидат педагогических наук, доцент. Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Академия управления МВД России, Россия, e-mail: 177ru@mail.ru,

БЕДРИН Виталий Сергеевич,
доцент кафедры Информатики и математики, кандидат юридических наук, доцент (ВАК) Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», e-mail: mail@law-books.ru

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. *В авторской статье исследуется граница между защитой нарушенного интереса и освобождением стороны от принятого ею риска. Требование добросовестности позволяет пресечь поведение, при котором участник договора формально опирается на принадлежащее ему право, но использует его вопреки обоснованному доверию контрагента. Однако обращение к этому принципу способно породить и другую проблему: неблагоприятный хозяйственный результат начинает восприниматься как достаточная причина для пересмотра договорённостей. На основе системного толкования гражданского законодательства и анализа позиций Верховного Суда РФ обосновывается связь критериев добросовестности с выбором правового последствия. К таким критериям отнесены основание ожидаемого поведения, доступные участнику сведения и способы действия, обоснованность доверия к его предшествующей позиции и характер затронутого интереса. Научная новизна состоит в их согласовании с правомерным распределением договорного риска: суду предлагается выяснять, могло ли ожидаемое от стороны поведение обеспечить интерес контрагента без изменения этого распределения. На материале информационных обязанностей и противоречивого поведения показано, почему установление недобросовестности ещё не определяет объём ограничения права. Обосновывается недопустимость распространения отказа в защите на требования, не связанные с выявленным нарушением, без указания дополнительных правовых оснований.*

Ключевые слова: *добросовестность, гражданское право, договорные отношения, злоупотребление правом, договорный риск, информационные обязанности, правомерные ожидания, отказ в защите права.*

Для цитирования: *Садеков Р. Р., Бедрин В. С. Принцип добросовестности в гражданском праве: критерии оценки поведения участников договорных отношений // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 287–294.*

SADEKOV Rustem Rafekovich,
is an Associate Professor in the Department of Psychological, Pedagogical, and Medical Support for Law Enforcement Activities at the All-Russian Advanced Training Institute (VIPK) of the Russian Interior Ministry, and an Associate Professor in the Department of Psychology, Pedagogy, and Personnel Management at the Academy of Management of the Russian Interior Ministry; he holds the academic degree of Candidate of Pedagogical Sciences and the academic rank of Associate Professor

BEDRIN Vitaliy Sergeyevich,
Associate Professor, Department of Informatics and Mathematics Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (recognized by the Higher Attestation Commission) Federal State-Owned Educational Institution of Higher Education "Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"

THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN CIVIL LAW: CRITERIA FOR EVALUATING THE CONDUCT OF PARTIES TO CONTRACTUAL RELATIONS

Annotation. *This article examines the boundary between protecting an infringed interest and exempting a party from the risks they have assumed. The requirement of good faith serves to curb conduct where a contracting party formally relies on a right they possess, yet exercises it in a manner that contradicts the reasonable expectations of the counterparty. However, invoking this principle can also give rise to a different problem: an unfavorable economic outcome may come to be perceived as sufficient grounds for renegotiating contractual arrangements. Drawing on a systemic interpretation of civil legislation and an analysis of the positions taken by the Supreme Court of the Russian Federation, the article establishes a link between the criteria for good faith and the determination of appropriate legal consequences. These criteria include the basis for expected conduct, the information and courses of action available to a party, the reasonableness of the counterparty's reliance on that party's prior stance, and the nature of the interest at stake. The scholarly contribution lies in aligning these criteria with the legitimate allocation of contractual risk; it is proposed that courts should determine whether the conduct expected of a party could have secured the counterparty's interest without altering this risk allocation. Through an examination of disclosure obligations and inconsistent conduct, the article demonstrates why a finding of bad faith does not, in itself, dictate the extent to which a right should be restricted. Furthermore, it argues that it is impermissible to extend the denial of legal protection to claims unrelated to the identified breach without establishing additional legal grounds.*

Key words: *good faith, civil law, contractual relations, abuse of right, contractual risk, information duties, legitimate expectations, denial of legal protection.*

For citation: *Sadekov R. R., Bedrin V. S. The principle of good faith in civil law: criteria for evaluating the conduct of parties to contractual relations. Russian scientific bulletin. 2026;(11):287–294. (In Russ.).*

Введение

Участник договорного спора имеет право безукоризненно сослаться на условие договора и всё же не получить должной судебной защиты. К примеру, кредитор, сам воспрепятствовавший исполнению, едва ли вправе рассчитывать на взыскание санкций за вызванную этим просрочку. Столь же сомнительно положение одной из сторон, которая подтверждала продолжение договора, а затем взяла и воспользовалась прежним основанием для отказа от него. В подобных случаях ссылка на добросовестность понятна. Гораздо труднее объяснить, какое именно обстоятельство делает осуществление права недопустимым и насколько далеко должен распространяться отказ в его защите. Этот вопрос особенно актуален для договорных отношений. Их участники преследуют разные, и при этом нередко противоположные

экономические интересы. Выгодная для продавца цена может оказаться обременительной для покупателя; согласованный срок способен утратить удобство для одной из сторон. Из этого ещё не следует, что контрагент обязан сразу уступить. Если всякое несоответствие хозяйственных результатов ожиданиям участников объяснять недобросовестностью, то обязательность договора будет зависеть от последующей оценки его выгодности.

В цивилистике ранее были предложены разные способы раскрытия содержания доброй совести. Системное исследование принципа представлено в ряде научных исследований, так в работе К. В. Нам [1]; критерии, вырабатываемые судебной практикой, рассматривает Т. П. Подшивалов [2], функциональный подход обсуждает Р. Р. Лугманов [3]. Для поставленного нами вопроса особенно значимо обращение ученого В. А. Кокоревой к признакам недобросовестного поведения [5]. Такой путь позволяет судить о имеющем место нарушении по конкретным поступкам. Но признание поведения недобросовестным оставляет открытым вопрос о судьбе притязания: следует ли отвергнуть его полностью, ограничить отдельную часть или же применить иной способ защиты?

Мы считаем, что ответ связан с распределением договорного риска. При оценке поведения имеет смысл сопоставлять фактически совершённое действие с тем, которого контрагент мог обоснованно ожидать, и выяснять, сохраняло ли последнее принятую сторонами договорную нагрузку. Это сопоставление позволяет отделить уклонение от сотрудничества от отказа принять на себя чужой риск. В таком разграничении и его связи с пределами защиты права состоит развиваемое в статье ключевое положение. Проводимое нами исследование основано на системном толковании норм ГК РФ [8] и анализе правовых позиций Верховного Суда РФ. Законодательство нашей страны рассматривается по состоянию на 16 октября 2026 г., а приводимые наряду с судебными актами условные примеры служат пояснению нашей аргументации.

Собственный интерес стороны и обязанность учитывать интерес контрагента

В юридической практике пункт 2 статьи 1 ГК РФ признаёт за участниками оборота возможность приобретать и осуществлять гражданские права своей волей и в своём интересе. Следующий пункт той же статьи обязывает их действовать добросовестно. Такое соседство положений с правовой точки зрения, существенно: закон сохраняет самостоятельность частного интереса и одновременно определяет допустимый способ его осуществления. Участник договора наделен правом добиваться выгодных условий, настаивать на исполнении и отклонять не устраивающее его предложение. Обязанность учитывать контрагента при этом не равнозначна обязанности обеспечивать ему прибыль.

Содержание этой обязанности подробно раскрывается в пункте 3 статьи 307 ГК РФ. Закон гласит о необходимом содействии для достижения цели обязательства и о предоставлении необходимой информации. Следовательно, значение имеет связь содействия с тем отношением, в которое стороны вступили. Когда действия одного участника объективно необходимы другому для согласованного исполнения, отказ совершить их затрагивает саму возможность осуществления договора. Если же от контрагента ожидают принятия дополнительных расходов или обязанностей лишь потому, что ему это легче сделать, основание такого ожидания зачастую далеко не очевидно.

Представим себе, что поставщик обязан доставить товар на склад покупателя. Покупатель хоть и располагает сведениями о пропускном режиме, без которых транспорт не допустят на территорию, но своевременно их не сообщает. Обязанность предоставить эти сведения вытекает из необходимости обеспечить четкую и согласованную доставку. Иначе обстоит дело с ожиданием, что покупатель сам найдёт перевозчика и оплатит перевозку, возложенную договором на поставщика. Организационно он, возможно, способен это сделать. Как мы понимаем. юридически из такой способности ещё не возникает обязанность заменить контрагента в исполнении. Различие между двумя ситуациями обнаруживается через содержание договора, хотя обе допускают внешне сходный упрёк в недостаточном содействии.

Изучим пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25, который связывает оценку добросовестности с поведением, ожидаемым от участника оборота, который учитывает права и законные интересы другой стороны и содействует ей [9]. Ожидание в данном случае не может определяться исключительно представлениями потерпевшего. Его основанием служат закон, договор, применимый обычай, существо обязательства, а также предшествующее этому взаимодействие сторон. Поэтому первым критерием оценки мы считаем юридическую обоснованность ожидаемого поведения. И чем менее определённа предъявляемая к стороне обязанность, тем убедительнее должно быть объяснение того, откуда она возникла.

С актуальным признанием такой обязанности связан ещё один вопрос: всякое ли ее нарушение свидетельствует о недобросовестности? А. В. Яровой справедливо в своей работе

предостерегает от отождествления недобросовестности с гражданским правонарушением и отдельными элементами его состава [4]. Для взыскания предусмотренной договором неустойки за просрочку обычно не требуется дополнительно доказывать недобросовестность должника. Как мы знаем, нарушение срока уже имеет собственную юридическую квалификацию. Обращение к статье 10 ГК РФ приобретает иной смысл, когда участник пытается извлечь преимущество из созданного им препятствия или использовать чужое доверие для осуществления формально принадлежащего ему права.

Различается и само значение осведомлённости. Для иного заведомо недобросовестного осуществления права, обозначенного в пункте 1 статьи 10 ГК РФ, заведомо входит в характеристику запрещённого поведения. Между тем положительная обязанность сообщить необходимую информацию не исчезает только потому, что сторона не желала причинить вред. Поэтому сведение всех проявлений добросовестности к незнанию о неблагоприятных обстоятельствах не объясняет договорного сотрудничества. Здесь важны содержание обязанности и возможность исполнить её в той ситуации, в которой находился участник.

Сведения и доверие при оценке поведения сторон

На практике уд разрешает спор, уже зная, чем закончились отношения сторон. Для его участников многие обстоятельства в момент принятия решения часто оставались неизвестными. Это различие легко упустить, когда неблагоприятный результат представляется закономерным. Между тем обязанность предупредить об известном препятствии существенно отличается от обязанности заранее обнаружить его посредством специального исследования. Последняя может вытекать из закона, договора или профессионального характера деятельности, но нуждается именно в таком основании. Одного факта, что опасность впоследствии обнаружилась, будет недостаточно.

Отсюда следует второй критерий, связанный с оценкой доступных участнику сведений и реальной возможности действовать в соответствии с возложенной на него обязанностью. Вопрос о том, что сторона должна была знать, решается с учётом применимого правила и характера её деятельности. Профессиональный статус имеет значение для такой оценки, однако не делает осведомлённость безграничной. И напротив, ссылка на незнание будет малоубедительна, если участник сам препятствовал получению необходимых сведений, либо сознательно воспользовался тем, что контрагент не успевает их проверить.

Особенно отчётливо эта проблема проявляется при заключении договора. Так. пункт 2 статьи 434.1 ГК РФ устанавливает презумпцию недобросовестности при сообщении неполной или недостоверной информации, включая умолчание об обстоятельствах, которые должны быть раскрыты с учётом характера договора. Здесь, с юридической точки зрения, охраняется возможность принять осмысленное решение о вступлении в обязательство. Исследование А. С. Райниковым охранительных обязанностей участников переговоров [6] помогает нам объяснить, почему такая защита возникает до заключения договора. При этом свобода переговоров, рассматриваемая им как самостоятельный аспект свободы договора [7], предполагает возможность не достичь соглашения. Обязанность раскрыть существенные сведения не превращает переговоры в обещание заключить сделку.

Не снимает информационной обязанности и ссылка на недостаточную осмотрительность другой стороны. Контрагент действительно может иметь доступ к сведениям, которые разумно было бы проверить до заключения договора. Однако возможность проверки, к сожалению, часто не оправдывает заведомо ложного сообщения или намеренного затруднения доступа к достоверной информации. Отметим, что в споре о добросовестности важна не абстрактная способность стороны проявить больше заботливости, а то, какими средствами она располагала и как на их использование повлияло поведение другого участника.

В определении от 22 июля 2026 г. № 301-ЭС26-525(3) по делу № А43-194/2023 Верховный Суд РФ рассмотрел ситуацию, в которой значительная часть кредитной задолженности гражданина возникла по договорам, заключённым за три дня [12]. Некоторые банки не могли проверить действительную долговую нагрузку, потому что сведения о новых кредитах ещё не отразились в кредитной истории в онлайн режиме. Суд связал недобросовестность с использованием этого информационного разрыва, а также и с обстоятельствами принятия обязательств без намерения их исполнить. Ссылка на обязанность банков самостоятельно проверять заёмщика не устраняла значения его собственного поведения.

При этом Суд не согласился с другим доводом Россельхозбанка — об умышленном сокрытии кредитов при заполнении анкеты. Изучив эти обстоятельства, мы пришли к выводу, что формулировка раздела о доходах и расходах не позволяла однозначно понять, что от гражданина требуют подробно сообщить обо всех имеющихся у него кредитных обязательствах. За понятность

анкеты в основном отвечает профессиональный участник рынка. Отклонение этого довода не изменило общего исхода: в части требования Россельхозбанка было оставлено в силе определение первой инстанции об отказе в освобождении от долга. Для рассматриваемой нами темы полагаем очень существенно то, что оценка одного эпизода не предрешила оценку другого. Признание заёмщика недобросовестным в свою очередь не сделало обоснованным любой предъявленный ему упрёк. Банкротные последствия этого дела имеют специальную правовую природу; за его пределами интерес представляет именно способ оценки информационного поведения.

Доступность сведений тесно связана с доверием к позиции контрагента. Сторона принимает свои решения, опираясь не только на текст соглашения, но и на последующие заявления, принятие исполнения и четкое согласование дальнейших действий. Поэтому важным критерием является обоснованность доверия, вызванного предшествующим поведением участника. Существенна при этом не неизменность его намерений как таковая. Известно, что переговоры допускают пересмотр предложений, а ход исполнения может обнаружить новые обстоятельства. Юридическое значение имеет противоречие, при котором сторона отказывается от позиции, на которую сама дала основание положиться.

Исследуя гражданское законодательство мы понимаем, что ГК РФ регулирует отдельные случаи такого поведения в пункте 5 статьи 166, пункте 3 статьи 432 и пунктах 5–6 статьи 450.1. Эти положения близки по направленности, но различаются условиями применения. Так, пункт 5 статьи 450.1 связывает запрет последующего отказа по тем же основаниям и с подтверждением действия договора при наличии основания для отказа. Требовать во всех подобных случаях ещё и доказательств расходов, понесённых другой стороной в расчёте на продолжение договора, означало бы дописать в норму отсутствующее условие. Общая идея защиты доверия объясняет смысл запрета, однако не заменяет его законодательную конструкцию.

Важным является аспект, что оценка поведения была бы неполной без указания на затронутый интерес. В этом мы видим еще один важный критерий. Умолчание может лишить сторону возможности осознанно выбрать контрагента; отказ в необходимом содействии может воспрепятствовать исполнению; противоречивое поведение — поставить под сомнение результат действий, совершённых с опорой на прежнюю позицию другой стороны. Такое описание позволяет нам установить, в чём состоит нарушение, даже когда денежные потери ещё не наступили. Причинная связь с убытками необходима для их возмещения, но наличие убытков при этом нельзя считать общим условием всякого обращения к добросовестности.

Договорный риск и пределы ограничения права

Перечисленные критерии объясняют, в чём можно упрекнуть участника отношения. Однако они ещё не отвечают на вопрос, почему установленное поведение должно привести к запрошенному истцом результату. Между признанием недобросовестности и выбором правового последствия остаётся самостоятельный предмет правовой оценки. Именно здесь, на наш взгляд, особенно велик риск подменить защиту нарушенного интереса общим пересмотром хозяйственных условий сделки.

Вернёмся к условному примеру с доставкой товара. Своевременно сообщив о пропускном режиме, покупатель содействовал бы исполнению, сохранив за поставщиком обязанность организовать перевозку. Ожидаемое действие не меняло принятого сторонами распределения расходов и рисков. Если же под видом содействия от покупателя требуют оплатить перевозку, которую он не принимал на себя, содержание ожидания становится иным. Для его защиты уже недостаточно объяснить полезность помощи. Следует показать, почему соответствующая обязанность возникла именно у покупателя.

Сопоставление фактического и ожидаемого поведения имеет здесь вполне определённую цель: выяснить, защищает ли заявленное требование возможность согласованного исполнения или изменяет саму договорённость. Отрицательный ответ на вопрос о сохранении прежнего риска не исключает судебного разбирательства. Он означает, что такое вмешательство нуждается в дополнительном основании. Договорное условие может противоречить императивному предписанию, быть результатом обмана или подпадать под специальные правила защиты слабой стороны. Правомерность распределения риска поэтому нельзя предполагать и обосновывать лишь на том основании, что оно зафиксировано сторонами в договоре.

Другая условная ситуация касается твёрдой цены. Если стороны приняли на себя обычный риск роста затрат и заблаговременно не предусмотрели пересмотра цены, снижение рентабельности исполнения не возлагает на контрагента обязанность восстановить ожидаемую прибыль. Но если рост затрат вызван тем, что он сознательно задерживал необходимое согласование, а затем предъявил санкции за возникшую просрочку, ссылка на твёрдую цену не исчерпывает существа спора. Спорным становится преимущество,

получаемое благодаря собственному поведению. Защита от него совместима с сохранением первоначальной цены: устранение последствий нарушения не обязательно требует пересмотра всего экономического содержания сделки.

Есть и обратная ситуация. Освобождение стороны от ответственности за возникшее препятствие не всегда освобождает её от последствий несообщения о нём. Согласно пункту 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 должник принимает разумные меры к уменьшению ущерба от непреодолимой силы, в том числе уведомляет кредитора [10]. Первоначальное препятствие и последующее бездействие должника имеют разное правовое значение. Требование добросовестности сохраняет значение именно потому, что договор продолжает связывать стороны даже в обстоятельствах, за наступление которых они не отвечают.

Сопоставление поведения с условиями договора позволяет точнее определить основание судебного вмешательства. Защита предусмотренного договором права зависит как от правомерности условия, так и от добросовестности его осуществления. Функциональный подход [3] помогает объяснить, для чего применяется принцип; выявление признаков недобросовестности [5] — какое поведение заслуживает отрицательной оценки. Сопоставление с правомерным распределением риска дополняет эти рассуждения вопросом о том, почему выбранное последствие соответствует выявленному нарушению.

Практическое значение этого вопроса проявляется при одностороннем отказе от договора. Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 допускает отказ в защите права, осуществлённого недобросовестно, включая признание одностороннего отказа или изменения обязательства ничтожным [11]. Но неблагоприятные последствия для контрагента присущи и правомерному прекращению договора. Их наличие не объясняет, чем нарушено требование добросовестности. Такое объяснение может следовать, например, из предшествующего подтверждения действия договора при уже возникшем основании для отказа. И вот тогда защита относится к конкретному противоречию в поведении, а не к любому неудобству, вызванному прекращением отношений.

Сходным образом решается вопрос об объёме отказа в защите. Представим, что заказчик не обеспечил доступ на объект, а затем потребовал от подрядчика неустойку за вызванную этим просрочку. Прежде всего применению подлежат правила о просрочке кредитора и ответственности за нарушение взятого на себя обязательства. Если они дают ответ на спорный вопрос, дополнительная ссылка на статью 10 ГК РФ ничего не прибавляет к имеющейся квалификации. Когда же установлено самостоятельное злоупотребление, его последствия относятся к соответствующему требованию или периоду. Из недобросовестного поведения заказчика в одном эпизоде не вытекает освобождение подрядчика от ответственности за иные нарушения.

Возможность частичного отказа в защите прямо закреплена законодателем в пункте 2 статьи 10 ГК РФ. Особое значение имеет обоснование его границ. Недобросовестность характеризует поведение участника в определённом отношении; она не даёт оснований рассматривать его как лицо, вообще не заслуживающее гражданско-правовой защиты. Если суд отказывает в более широком круге требований, связь между установленным нарушением и таким последствием должна быть продемонстрирована отдельно. А иначе средство пресечения злоупотребления начинает выполнять несвойственную ему функцию наказания за отрицательно оценённое поведение.

Отметим, что различие между квалификацией и последствием заметно и в правилах о переговорах. По пункту 20 постановления Пленума № 7 возмещение убытков должно поставить потерпевшего в положение, в котором он находился бы, если бы не вступал в переговоры с недобросовестным контрагентом [10]. Это вполне объясняет, почему прибыль, ожидавшаяся от несостоявшегося договора, не взыскивается автоматически как результат его предполагаемого исполнения. Утрата возможности заключить другой договор может иметь значение, но требует собственного доказательственного обоснования. Кроме того, пункт 6 статьи 434.1 ГК РФ исключает применение предусмотренных пунктами 3 и 4 этой статьи правил о возмещении убытков к гражданам, признаваемым потребителями. Общая отрицательная оценка переговорного поведения не устраняет этого ограничения.

Не меняется и исходное распределение бремени доказывания. Добросовестность предполагается в силу пункта 5 статьи 10 ГК РФ. Иной порядок для обстоятельств, названных в подпунктах 1 и 2 пункта 2 статьи 434.1, разъяснён нормативно в пункте 19 постановления Пленума № 7 [10]. В связи с этим, предложенные критерии не возлагают на каждого участника обязанность заранее доказывать безупречность всех своих действий. Они позволяют точнее определить предмет спора, когда добросовестность уже поставлена под сомнение. Если этот вопрос поднимается в суде, то следует понимать, что обстоятельства выносятся на обсуждение сторон согласно пункту 1 постановления Пленума № 25 [9].

Заключение

Добросовестность получает определённое юридическое содержание там, где можно объяснить, какого поведения сторона вправе была ожидать от контрагента и почему. Основание такого ожидания, доступные участнику сведения и действия, вызванное им доверие и затронутый интерес дают взаимосвязанные критерии оценки. Они уверенно сохраняют значение на разных стадиях договорного отношения, хотя при этом конкретное содержание обязанности и условия защиты устанавливаются по применимым нормам.

Развиваемое нами в статье положение касается связи этих критериев с договорным риском. Сопоставление фактического поведения с доступным стороне добросовестным действием позволяет увидеть, требовалось ли от неё обеспечить согласованное исполнение или принять иную договорную нагрузку. Во таком случае судебная защита предполагает объяснение основания такого изменения. В первом ограничение права соотносится с тем препятствием или преимуществом, которое возникло вследствие нарушения обязанности сотрудничества, раскрытия информации, либо последовательного поведения.

Это разграничение сохраняет и корректирующее значение доброй совести, и обязательность правомерных договорённостей. Отказ в защите пресекает конкретное злоупотребление; его объём не может определяться общим впечатлением о неблаговидности участника спора. Предложенные критерии предназначены для оценки отношений между контрагентами. Их применение к защите третьих лиц и публичного интереса требует отдельного исследования, как и проверка выводов на сопоставимых спорах по отдельным видам договоров.

Список литературы:

[1] Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: М-Логос, 2023. 388 с. ISBN 978-5-6047367-9-1.

[2] Подшивалов Т. П. Добросовестность и её критерии в судебной практике // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 1. С. 75–83. DOI: 10.46279/ASMO.2024.73.93.003..

[3] Лугманов Р. Р. Спорные аспекты принципа добросовестности // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 1. С. 47–60. DOI: 10.46279/ASMO.2024.38.35.001..

[4] Яровой А. В. Добросовестность: проблемы доктринального определения и практического применения // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 7. С. 83–93. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.083-093..

[5] Кокорева В. А. Понятие и критерии добросовестности и недобросовестности участников гражданских правоотношений // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2026. Т. 26. № 3. С. 90–97. DOI: 10.14529/law260312.

[6] Райников А. С. Переговоры о заключении договора в контексте цивилистического учения о доброй совести // Правосудие. 2025. Т. 7. № 3. С. 109–121. URL: https://journals.rcsi.science/2686-9241/article/view/364717 (дата обращения: 16.10.2026).

[7] Райников А. С. Свобода переговоров как самостоятельный аспект принципа свободы договора: содержание и пределы // Ex jure. 2024. № 3. С. 97–110. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-97-110..

[8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 16.10.2026).

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». П. 1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 16.10.2026).

[10] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (ред. от 22.06.2021). Пп. 10, 19–21. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (дата обращения: 16.10.2026).

[11] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении». П. 14. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207545/ (дата обращения: 16.10.2026).

[12] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.07.2026 № 301-ЭС26-525(3) по делу № А43-194/2023. URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2556296 (дата обращения: 16.10.2026).

References:

[1] Nam K. V. The principle of conscientiousness: development, system, problems of theory and practice. 2nd ed., Revised and add. M.: M-Logos, 2023. 388 pp. ISBN 978-5-6047367-9-1.

[2] Podshivalov T.P. Conscientiousness and its criteria in judicial practice // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2024. № 1. S. 75-83. DOI: 10.46279/ASMO.2024.73.93.003..

[3] Lugmanov R.R. Controversial aspects of the principle of good faith // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2024. № 1. S. 47-60. DOI: 10.46279/ASMO.2024.38.35.001..

[4] Yarovaya A.V. Conscientiousness: problems of doctrinal definition and practical application // Actual problems of Russian law. 2025. T. 20. № 7. S. 83-93. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.083-093..

[5] Kokoreva V. A. Concept and criteria for good faith and dishonesty of participants in civil legal relations // Bulletin of South Ural State University. "Right" series. 2026. T. 26. № 3. S. 90-97. DOI: 10.14529/law260312.

[6] Rainikov A. S. Negotiations on the conclusion of a treaty in the context of the civilistic doctrine of good conscience // Justice. 2025. VOL. 7. № 3. S. 109-121. URL: https://journals.rcsi.science/2686-9241/article/view/364717 (accessed: 16.10.2026).

[7] Rainikov A. S. Freedom of negotiation as an independent aspect of the principle of freedom of contract: content and limits // Ex jure. 2024. № 3. S. 97-110. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-97-110..

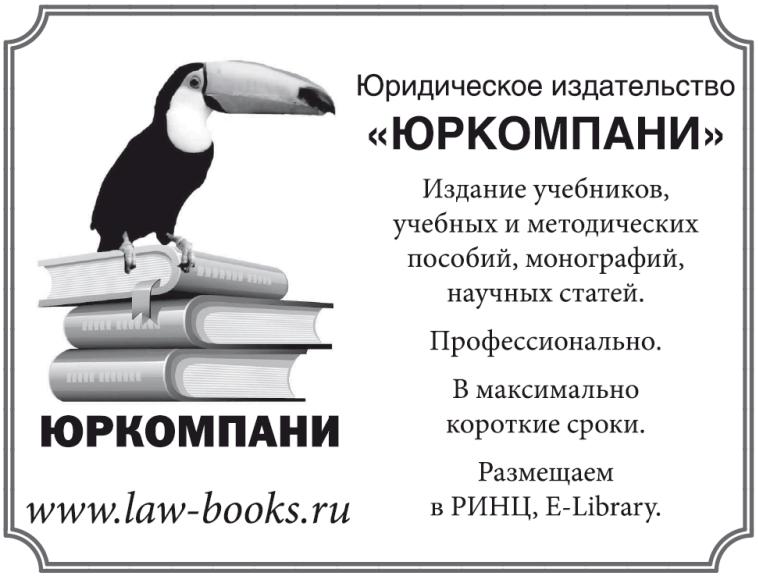
[8] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 10.06.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (access date: 16.10.2026).

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 "On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation." ITEM 1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (access date: 16.10.2026).

[10] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2016 No. 7 "On the application by the courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for violation of obligations" (ed. 22.06.2021). Pp. 10, 19–21. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (access date: 16.10.2026).

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.11.2016 No. 54 "On Certain Issues of Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Obligations and Their Fulfillment." CLAUSE 14. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207545/ (access date: 16.10.2026).

[12] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.07.2026 No. 301-EC26-525 (3) in case No. A43-194/2023. URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2556296 (access date: 16.10.2026).

- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС -

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-295-299
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ИСАЕВА Елена Дмитриевна,
Брянский филиал Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова, Брянск, Россия,
e-mail: isaevaelena190373@yandex.ru

ИНТЕГРАЦИЯ НЕЙРОСЕТЕВЫХ РЕШЕНИЙ В СЛЕДСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ТАКТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРТНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические и прикладные проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) и нейросетей в уголовно-процессуальную деятельность. Автор анализирует потенциал нейросетевых алгоритмов для оптимизации следственных действий, криминалистического анализа и судебной экспертизы. Особое внимание уделяется тактическим аспектам использования ИИ (планирование расследования, выдвижение версий, работа с доказательствами) и экспертным аспектам (автоматизация почерковедческих, баллистических, фоноскопических исследований). Выявляются риски алгоритмической предвзятости, проблемы верификации выводов нейросетей и вопросы процессуального закрепления результатов. Предлагаются пути совершенствования законодательства и методик применения ИИ в следственной практике.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, нейросети, криминалистика, следственная тактика, судебная экспертиза, цифровизация правосудия, доказывание, алгоритмическая предвзятость.*

Для цитирования: *Исаева Е. Д. Интеграция нейросетевых решений в следственную деятельность: тактические и экспертные аспекты // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 295–299.*

ISAEVA Elena Dmitrievna,
Bryansk Branch of the Oryol Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov,
Bryansk, Russia

INTEGRATING NEURAL NETWORK SOLUTIONS INTO INVESTIGATIVE WORK: TACTICAL AND EXPERT ASPECTS

Annotation. *This article examines the theoretical and practical challenges associated with integrating artificial intelligence (AI) technologies and neural networks into criminal procedural activities. The author analyzes the potential of neural network algorithms to optimize investigative actions, forensic analysis, and expert examinations. Particular attention is paid to the tactical aspects of AI application—such as investigation planning, the formulation of hypotheses, and the handling of evidence—as well as to expert-related applications, including the automation of handwriting, ballistic, and phonoscopic analyses. The article identifies risks such as algorithmic bias, the challenges of verifying conclusions drawn by neural networks, and issues concerning the formal procedural validation of results. Furthermore, it proposes ways to improve legislation and the methodologies for employing AI within investigative practice.*

Key words: *artificial intelligence, neural networks, forensics, investigative tactics, forensic expert examination, digitalization of justice, evidentiary proof, algorithmic bias.*

For citation: *Isaeva E. D. Integrating neural network solutions into investigative work: tactical and expert aspects. Russian scientific bulletin. 2026;(11):295–299. (In Russ.).*

Современные информационные и нейросетевые технологии стремительно проникают во все сферы социальной жизни и в различные методы машинного обучения. Правоохранительная деятельность — не исключение. В последнее время увеличилась нагрузка на следственные органы, усложнились способы совершения преступлений, значительно возрос объем цифровых данных, которые, в совокупности, требуют создания инструментов, способных осуществлять прогнозирование, выявлять скрытые закономерности и обрабатывать большие массивы информации.

Практика зарубежных правоохранительных органов показывает, что они уже применяют различные нейросетевые решения: системы прогнозирования преступлений (PredPol), биометрическая идентификация (Clearview AI), анализ видеопотоков (Rekognition) [1, с. 58]. В практике правоохранительных органов нашей страны также уже внедряются системы электронного документооборота, различные инструменты анализа экспертно-криминалистических данных и криминалистические учеты нового поколения. Но интеграция ИИ в деятельность предварительного расследования порождает различные теоретические и практические проблемы, которые связаны с комплексом вопросов. Заменит ли нейросеть следователя или эксперта, или она будет только их помощником? Как оценивать достоверность доказательств согласно уголовно-процессуального кодекса, если алгоритмы делают вероятностные выводы? Каковы тактические риски при состязательности сторон, если система или инструмент, выдавший результат, непрозрачна и логика его работы скрыта?

Следовательно, необходимо проанализировать различные аспекты интеграции нейросетевых решений в следственную и экспертную деятельность, выявить проблемы их использования и сформулировать предложения по возможному их преодолению.

В контексте следственной деятельности, под нейросетевыми решениями понимается использование различных программно-аппаратных комплексов, работа которых основана на искусственных нейронных сетях, которые способны обрабатывать криминалистически значимую информацию, поддерживать принятие определенных решений, автоматизировать отдельные рутинные операции и экспертные исследования.

Современные технологии работы с информацией, к которым в первую очередь относятся алгоритмы искусственного интеллекта и обработки больших данных, открыли новые горизонты для решения задач во многих сферах жизнедеятельности, в том числе и в расследовании преступлений. Управлением научно-исследовательской деятельности (Научно-исследовательским институтом криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета РФ проводятся исследования, направленные на изучение возможностей этих методов в установлении обстоятельств совершенных преступлений и причастных к ним лиц [2].

В правоохранительной деятельности и цифровой криминалистике применяемые цифровые инструменты можно классифицировать в зависимости от функционального использования:

предиктивные системы используются для построения прогнозов на основе исторических данных (месте, времени, поведенческих паттернах, типе прошлых преступлений), которые выявляют закономерности на основе алгоритмов машинного обучения. Такими примерами могут служить: система PredPol (на основе пространственно-временных закономерностей прогнозирует места преступлений) или Dejaview (оценивает поведенческие факторы, анализируя видео с камер наблюдения в реальном времени). Указанные системы могут «подсветить» точки, где с высокой долей вероятности может произойти новое преступление или оценить вероятность рецидива у конкретного лица [3].

аналитические платформы (работа с Big Data) помогают в разборе и обработке больших и неоднородных массивов информации, анализируя социальные сети, данные мобильных операторов, записи с камер видеонаблюдения, финансовые транзакции и др. Задачей данных платформ является сетевой и кластерный анализ, поиск аномалий, неочевидных связей между событиями, участниками и цифровыми следами [4, с. 227].

системы распознавания образов специализируются на идентификации личности по биометрическим (голосу, отпечаткам пальцев и др.) и иным визуальным данным (анализ следов орудий преступлений, почерка) [5].

генеративные модели способны создавать новый контент или реконструировать полученную информацию. Например, они могут генерировать черновики процессуальных документов на основе шаблонов и введенные данных, что экономит время следователя по их составлению; моделировать криминалистические версии, которые затем проверяются следователем; реконструировать события по набору следов, данных экспертиз и показаний участников процесса.

Правовая неопределенность по использованию ИИ в уголовно-процессуальной деятельности создается отсутствием в действующем уголовно-процессуальном кодексе (УПК РФ [12]) прямых норм, регулирующих его использование. В ст. 6

УПК РФ указывается на обеспечение прав и законных интересов участников процесса, а в ст. 74 УПК РФ доказательства определяются через свойства их относимости, допустимости и достоверности, что требует возможности проверки выводов, полученных, в том числе, с помощью нейросетевых технологий. В данном случае проблемой являются результаты работы нейросети, так как они не являются доказательствами сами по себе. Они, конечно, могут рассматриваться как иные документы (ст. 84 УПК РФ), если представлены в виде распечатки или справки; как заключение эксперта (ст. 80 УПК РФ), если в рамках экспертного исследования использовались нейросети или вещественное доказательство (ст. 81 УПК РФ), если речь идет о цифровом носителе информации. Но в данных случаях также необходимо указание на человека (следователя, эксперта), который впоследствии будет нести персональную ответственность за сделанные выводы. А.А. Кульпин указывает на риски, связанные с передачей алгоритмам функций оценки доказательств и недопустимость использования ИИ-агентов для принятия процессуальных решений вместо следователя [6, с. 212]. М. А. Малина, в свою очередь, подчёркивает, что нейросеть способна оперировать только формализованными, математически представленными данными и не обладает нравственными качествами, необходимыми правоприменителю [7, с. 156].

Традиционная тактика расследования основана на интуиции, опыте и дедуктивном методе. Нейросети позволяют дополнить этот арсенал: анализ аналогичных дел — выявление типичных сценариев, мотивов, способов сокрытия следов; построение вероятностных моделей — оценка вероятности той или иной версии на основе имеющихся данных; выявление аномалий — обнаружение противоречий в показаниях, несоответствий в документах.

Примером может служить система на основе графовых нейронных сетей, которая способна построить граф связей между подозреваемыми, свидетелями, транспортными средствами и местами событий, что позволяет следователю увидеть скрытые корреляции. В данном случае существует тактический риск: чрезмерное доверие к алгоритму может привести к «туннельному зрению» — игнорированию версий, не укладывающихся в модель. Исследование Х. Киуру и соавторов экспериментально показало, что консультация с большой языковой моделью может увеличивать объём поиска информации, однако не приводит к явному улучшению точности выводов, а в ряде случаев может усиливать предвзятость подтверждения [8, с. 49]. Поэтому ИИ должен использоваться как инструмент поддержки, а не замены следователя.

Также нейросети могут оптимизировать производство отдельных следственных действий: допрос — анализ невербальных реакций (мимика, микровыражения, голосовые модуляции) с помощью компьютерного зрения и аудиоанализа. Однако это порождает этические и процессуальные вопросы: допустимо ли использовать «детектор лжи» на основе ИИ без согласия допрашиваемого? При обыске и выемке — автоматизированный поиск объектов по заданным признакам в цифровых массивах (например, поиск запрещенного контента на носителях). В рамках осмотра места происшествия — использование дронов с ИИ для 3D-реконструкции, автоматического обнаружения следов (кровь, отпечатки, гильзы).

Объем цифровых данных растет экспоненциально. Нейросети на сегодняшний день уже позволяют: классифицировать файлы по степени криминалистической значимости; восстанавливать удаленные данные; декодировать зашифрованные сообщения (при наличии ключей или уязвимостей); анализировать метаданные для установления хронологии событий. Проблемой в данном случае могут служить алгоритмы, которые обучены, например, на данных, полученных с нарушением прав человека (например, из утечек), что ставит вопрос о пригодности таких доказательств в цифровую эпоху.

Экспертные аспекты применения нейросетей также различны, происходит автоматизация традиционных видов экспертиз. Почерковедческая экспертиза. Нейросети (CNN, Siamese networks) демонстрируют точность выше 90% при идентификации исполнителя рукописи. Однако они не заменяют эксперта, а лишь сужают круг подозреваемых. Дактилоскопия. Алгоритмы сопоставления отпечатков (AFIS) давно используются, но современные нейросети позволяют работать с частичными и деформированными следами, что облегчает и ускоряет процесс идентификации личности. Фоноскопическая экспертиза. Нейросети обеспечивают шумоочистку, идентификацию диктора, выявление монтажа. Однако генеративные модели (Deepfake) создают новые вызовы: аудиозапись может быть синтезирована, и экспертиза должна это выявлять. Баллистика. Автоматическое сопоставление следов на пулях и гильзах с использованием 3D-сканирования и нейросетей повышает скорость и точность идентификации [9, с. 5].

С введением нейросетевых технологий в экспертной деятельности начали появляться и новые виды экспертиз, которые невозможны без ИИ: экспертиза алгоритмов — оценка корректности работы нейросети, выявление предвзятости; экспертиза цифрового алиби — анализ данных

геолокации, биометрии, активности в сетях; экспертиза Deepfake — установление факта синтеза изображения, видео, аудио [10, с. 86].

В связи с распространением нейросетевых технологий, возникает и проблема верификации выводов нейросети. Ключевой экспертный вызов — «непрозрачность» глубоких нейросетей (black box problem). Эксперт не всегда может объяснить, почему алгоритм пришел к тому или иному выводу. В суде это порождает сомнения в достоверности. Путями возможных решений могут являться: использование интерпретируемых моделей (XAI — Explainable AI), которые раскрывают логику принятия решения ИИ; обязательное сопровождение выводов ИИ заключением эксперта-человека; разработка стандартов тестирования и валидации нейросетей для судебных целей [11, с. 17]. Следовательно, существуют проблемы и риски интеграции нейросетей в следственную деятельность, так как нейросети обучаются на исторических данных, которые могут содержать предубеждения (расовые, гендерные, социальные). Это приводит к дискриминационным решениям: например, система прогнозирования преступлений может направлять патрули преимущественно в районы проживания этнических меньшинств, что имеет правовое последствие - нарушение принципа равенства перед законом (ст. 19 Конституции РФ).

Также существует вероятность ошибок и ложных срабатываний, так как даже точные алгоритмы могут дать ложноположительные результаты. В следственной практике это может привести к необоснованному подозрению, задержанию, а в худшем случае — к судебной ошибке. Например: система распознавания лиц ошибочно идентифицировала человека как подозреваемого, что привело к его задержанию на несколько суток. Отсутствие же законодательной регламентации порождает следующие вопросы: кто несет ответственность за ошибку ИИ: разработчик, оператор, следователь или судья? Как защищать права обвиняемого, если он не может допросить алгоритм? Является ли нейросеть «специалистом» в смысле ст. 58 УПК РФ?

Существуют и этические дилеммы. Использование ИИ для прогнозирования поведения, скрытого наблюдения, анализа биометрии без согласия — все это вторгается в частную жизнь. Баланс между эффективностью расследования и правами человека требует тонкой настройки.

Исходя из вышеизложенного, необходимо определить направления совершенствования интеграции нейросетей в уголовно-процессуальную деятельность. Для этого назрел вопрос принятия федерального закона «Об использовании систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности», который бы установил: правовой статус ИИ-систем; требования к сертификации и валидации; порядок процессуального закрепления результатов использования нейросетей; ответственность за ошибки и злоупотребления. Также нужна разработка криминалистических рекомендаций по использованию нейросетей, в которых будут указаны типовые алгоритмы применения ИИ при производстве следственных действий; методики оценки достоверности выводов нейросети и гарантии прав участников процесса и предложены варианты протоколов фиксации хода и результатов работы ИИ. Обучение сотрудников для работы с нейросетями требует обладания ими следующих компетенций: основ машинного обучения; критической оценки выводов ИИ; правовых аспектов использования цифровых технологий.

Интеграция нейросетевых решений в следственную деятельность — объективный процесс, обусловленный цифровизацией общества и усложнением преступности. Нейросети способны повысить эффективность расследования, автоматизировать рутинные операции, выявить скрытые связи и закономерности. Однако их использование порождает комплекс тактических, экспертных, правовых и этических проблем. Ключевой вывод -нейросеть не должна заменять следователя или эксперта. Она должна оставаться вспомогательным инструментом, выводы которого подлежат обязательной верификации человеком. Только в этом случае возможно соблюдение баланса между эффективностью правосудия и защитой прав личности.

Список литературы:

[1] Криминологический анализ зарубежной правоохранительной практики по применению нейросетей в борьбе с преступностью и возможность использования данных технологий в Российской Федерации / // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2024. — № 2 (46). — С. 56–61.

[2] Интервью руководителя НИИ криминалистики СК России А.А.Бессонова информационному агентству ТАСС // https://sledcom.ru/press/interview/item/1621439/.

[3] Федоров А. Р., Федоров П. А. Предиктивная аналитика при расследовании преступлений: методологические и технологические аспекты // Высокотехнологичное право. — 2025. — Т. 1, № 2. — (High tech law. 2025. 1(2)).

[4] Романова, Л. А. Большие данные (big data) в контексте применения искусственного интеллекта при расследовании преступлений прошлых лет / Л. А. Романова // XVII итоговая студенческая научная конференция: Сборник статей, Санкт-Петербург, 02 апреля 2025 года. Том 4. – Санкт-

Петербург: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2025. – С. 225-230.

[5] Воробьева И. Б. Применение больших данных (big data) при прогнозировании и расследовании преступлений // Вестник СГЮА. 2021. № 3 (140).

[6] Кульпин А. А. ИИ-агенты в следственной деятельности: размышления о рисках и недопустимых последствиях // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2026. № 3. С. 209–216.

[7] Малина М. А. Проблемы и перспективы применения искусственного интеллекта в деятельности следователя // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21, № 2. — С. 150–164.

[8] Киуру Х., Саволайнен А., Виртанен Т., Хейккиля М., Лахтинен Дж. Влияние консультаций с большой языковой моделью на объём поиска информации: экспериментальное исследование // Психологический журнал. — 2024. — Т. 45, № 3. — С. 45–58.

[9] Россинская, Е. Р. Искусственный интеллект в судебной экспертизе: возможности и риски / Е. Р. Россинская, А. И. Усов, А. А. Топорков // Эксперт-криминалист. — 2023. — № 2. — С. 3–8.

[10] Лебедева А. К. Судебно-экспертное противодействие нейросетевым фальсификациям цифровых доказательств в цивилистических процессах // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2026. № 4 (140). С. 83–89.

[11] Иванов, А. А. Проблема верификации экспертных данных, полученных с помощью нейросетевых технологий / А. А. Иванов, Б. Б. Петров // Новые образовательные технологии в инженерной подготовке : сборник материалов конференции / под ред. В. С. Тимченко. — 2025. — С. 13–18.

[12] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

[1] Criminological analysis of foreign law enforcement practice on the use of neural networks in the fight against crime and the possibility of using these technologies in the Russian Federation // Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies. — 2024. — № 2 (46). - S. 56-61.

[2] Interview of the head of the Research Institute of Criminalistics of the Investigative Committee of Russia A.A. Bessonov to the TASS news agency // https://sledcom.ru/press/interview/item/1621439/.

[3] Fedorov A.R., Fedorov P.A. Predictive analytics in crime investigation: methodological and technological aspects // High-tech law. — 2025. - T. 1, NO. 2. — (High tech law. 2025. 1(2)).

[4] Romanova, L. A. Big data in the context of the use of artificial intelligence in the investigation of crimes of past years / L. A. Romanova // XVII final student scientific conference: Collection of articles, St. Petersburg, April 02, 2025. Volume 4. - St. Petersburg: All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2025. - S. 225-230.

[5] Vorobyova I. B. The use of big data in predicting and investigating crimes // Bulletin of the SSLA. 2021. № 3 (140).

[6] Kulpin A.A. AI agents in investigative activities: reflections on risks and unacceptable consequences // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2026. № 3. S. 209-216.

[7] Malina M. A. Problems and prospects for the use of artificial intelligence in the activities of the investigator // Actual problems of Russian law. — 2026. - T. 21, NO. 2. - S. 150-164.

[8] Kiuru H, Savolainen A, Virtanen T, Heikkilä M, Lahtinen J. The impact of consultations with a large language model on the volume of information search: an experimental study // Psychological journal. — 2024. - T. 45, NO. 3. - S. 45-58.

[9] Rossinskaya, E.R. Artificial intelligence in forensic science: opportunities and risks/ E.R. Rossinskaya, A.I. Usov, A.A. Toporkov // Forensic expert. — 2023. — № 2. - S. 3-8.

[10] Lebedeva A.K. Forensic counteraction to neural network falsifications of digital evidence in civil processes // Bulletin of O. E. Kutafin University (MSLA). 2026. № 4 (140). S. 83-89.

[11] Ivanov, A. A. The problem of verification of expert data obtained using neural network technologies / A. A. Ivanov, B. B. Petrov // New educational technologies in engineering training: collection of conference materials/ed. V. S. Timchenko. — 2025. - S. 13-18.

[12] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 18.12.2001 dated 174-FZ (rev. dated 26.07.2026) Access from the ConsultantPlus legal system.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-300-303
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

КУХТЯЕВА Е.А.,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процесса СКИ ВГУЮ,
e-mail: mail@law-books.ru

ЧЕХОВ О.Ш.,
магистрант 2 года обучения СКИ ВГУЮ,
e-mail: mail@law-books.ru

СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ: ПРОБЛЕМА БАЛАНСА ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы реализации обвинения в судебных стадиях уголовного судопроизводства. Автор отстаивает позицию, согласно которой судебное обвинение не является простым продолжением следственного тезиса, а представляет собой самостоятельную процессуальную деятельность. Анализируется проблема множественности субъектов обвинения. Особое внимание уделяется конфликту позиций прокурора и потерпевшего, а также системному кризису института частного обвинения. По результатам исследования обосновывается необходимость законодательного закрепления института субсидиарного обвинения, упрощения процедуры возбуждения дел частного обвинения и уточнения статуса иных участников обвинительной деятельности (гражданского истца и представителей).*

Ключевые слова: *уголовный процесс, обвинение в суде, субъекты обвинения, прокурор, потерпевший, субсидиарное обвинение, частное обвинение, обвинительный уклон.*

Для цитирования: *Кухтяева Е. А., Чехов О. Ш. Субъектный состав обвинения в суде: проблема баланса публичных и частных интересов // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 300–303.*

KUKHTYAEVA E.A.,
Art. Lecturer at the Department of Criminal Law and Proceedings of the SCI VGUI

CHEKHOV O.Sh.,
master's student of 2 years of study at SKI VGUYU

SUBJECT MATTER OF THE PROSECUTION IN COURT: THE PROBLEM OF BALANCING PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS

Annotation. *The article discusses theoretical and practical issues of the implementation of the charge in the judicial stages of criminal proceedings. The author defends the position that the prosecution is not a simple continuation of the investigative thesis, but is an independent procedural activity. The problem of the multiplicity of subjects of the accusation is analyzed. Particular attention is paid to the conflict between the positions of the prosecutor and the victim, as well as the systemic crisis of the institution of private prosecution. According to the results of the study, the need for legislative consolidation of the institution of subsidiary prosecution, simplification of the procedure for initiating cases of private prosecution and clarification of the status of other participants in the prosecution (civil plaintiff and representatives) is justified.*

Key words: *criminal process, prosecution in court, subjects of prosecution, prosecutor, victim, subsidiary prosecution, private prosecution, accusatory bias.*

For citation: *Kukhtyaeva E. A., Chekhov O.SH. Subject matter of the prosecution in court: the problem of balancing public and private interests. Russian scientific bulletin. 2026;(11):300–303. (In Russ.).*

Обвинение традиционно рассматривается как ось, на которой держится весь уголовный процесс. Однако за привычной формулой о триаде функций (обвинение, защита, разрешение дела) скрывается сложная процессуальная реальность. На предварительном расследовании обвинение существует как тезис, утверждение о виновности, закрепленное в процессуальных документах. В суде оно трансформируется в деятельность: доказывание, спор, отстаивание позиции перед независимым арбитром.

В науке давно идет спор о том, является ли обвинение в суде продолжением уголовного преследования или это самостоятельная функция. С. А. Альперт полагал, что государственное обвинение возникает уже на стадии досудебного следствия. В. С. Зеленецкий связывал его возникновение с моментом утверждения прокурором обвинительного заключения [1]. Представляется, что истина лежит в плоскости различения функций и субъектов. Обвинение в суде — это качественно иной этап реализации функции, который осуществляется другими субъектами, в других условиях (состязательность, независимый суд) и влечет иные последствия. Как точно заметил В. М. Савицкий, обвинение составляет основной, по сути единственный, предмет судебного спора и служит его внутренним двигателем [8]. Смешение же следственного и судебного обвинения приводит к ошибочному восприятию последнего как производного элемента, лишенного собственной природы.

Актуальность темы обусловлена тем, что действующее правовое регулирование не в полной мере учитывает сложность субъектного состава обвинения. Законодатель часто исходит из того, что центральной фигурой является исключительно прокурор. Между тем, права и законные интересы потерпевшего, а также специфика частного обвинения требуют пристального внимания, поскольку именно здесь возникают наиболее острые конфликты, ограничивающие доступ граждан к правосудию.

Пределы усмотрения государственного обвинителя

Прокурор в суде выступает от имени государства, что накладывает на него особую ответственность. В отличие от защитника, он не вправе добиваться обвинительного приговора любой ценой. Закон (ч. 7 ст. 246 УПК РФ) обязывает государственного обвинителя отказаться от обвинения, если оно не подтверждается исследованными в суде доказательствами. Прокурор не связан выводами обвинительного заключения (ч. 5 ст. 37 УПК РФ). Как отмечает Л. В. Головко, независимость прокурора в суде от выводов следствия — это не просто техническое полномочие, а принципиальное условие состязательного правосудия [3].

Однако на практике реализация этого принципа сталкивается с ведомственной культурой. Как справедливо отмечал А. Д. Бойков, обвинительный уклон — это не просто профессиональная деформация отдельного должностного лица, а системная проблема, воспроизводящаяся на уровне неформальных правил и ведомственных инструкций [2]. Прокурор, отказываясь от обвинения, нередко воспринимает это как «проигрыш» в работе, что противоречит самой природе его статуса как «стража закона». Для преодоления этого дисбаланса необходимо не только ужесточить требования к мотивировке отказа, но и создать условия, при которых объективная позиция обвинителя не будет влечь для него негативных ведомственных последствий.

При этом пределы усмотрения прокурора ограничены и другим образом. Он не вправе изменять обвинение в сторону ухудшения положения подсудимого (ст. 252 УПК РФ). Как подчеркивает В. А. Лазарева, право на защиту — это не просто право знать, в чем тебя обвиняют, это право на то, чтобы обвинение не менялось произвольно в ходе процесса [5]. Подсудимый должен иметь возможность подготовиться к защите, а не реагировать на «сюрпризы» в каждом заседании.

Потерпевший как субъект обвинения и проблема субсидиарности

Наиболее острая проблема в системе субъектов обвинения связана с фигурой потерпевшего. Формально он наделен широкими правами, однако процессуально остается в положении «наблюдателя». Как точно заметил М. С. Строгович, «положение потерпевшего в уголовном процессе — это барометр, который показывает, насколько государство доверяет своим гражданам и насколько оно готово защищать их интересы» [9].

Если прокурор отказывается от обвинения, потерпевший не может самостоятельно продолжить обвинительную деятельность, что фактически перекрывает ему доступ к правосудию. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П признал право потерпевшего довести до суда свою позицию, однако не обязал суд продолжать разбирательство при отказе прокурора. В результате право на судебную защиту ограничивается усмотрением государственного обвинителя. Как отмечает Н. Е. Петрова, признание права потерпевшего осталось во многом декларативным, так как не было обеспечено процессуальным механизмом [7].

Выходом из этой ситуации видится внедрение института субсидиарного обвинения, при котором потерпевший получает право поддерживать обвинение вместо прокурора. Положитель-

ный опыт его применения существует в странах ближнего зарубежья. В Казахстане при отказе прокурора от обвинения суд продолжает разбирательство, и обвинение поддерживает потерпевший (ст. 337 УПК РК). В Таджикистане отказ прокурора не лишает потерпевшего права поддерживать обвинение (ч. 5 ст. 24 УПК РТ).

Введение такого механизма в России требует осторожности. Он должен быть обставлен гарантиями против злоупотреблений (например, ограничение категориями тяжких и особо тяжких преступлений, проверка судом наличия достаточных доказательств) и обеспечивать подсудимому право на защиту от «дополнительного» обвинения. Нельзя допустить, чтобы субсидиарное обвинение превратилось в орудие мести. Это должно быть право, а не обязанность, и осуществляться с процессуальными гарантиями.

Институт частного обвинения исторически задумывался как доступный способ защиты прав в конфликтах, не затрагивающих публичные интересы. Однако в современном виде он поражен системным кризисом. Чрезмерная формализация процедуры привела к тому, что мировые судьи массово возвращают заявления из-за несоответствия требованиям (отсутствие точной квалификации, неточное указание места и т.д.). Потерпевший, не обладающий юридическими знаниями, вынужден фактически составлять документ уровня обвинительного акта.

Кроме того, частный обвинитель находится в заведомо неравном положении с подсудимым, который может воспользоваться помощью квалифицированного защитника. Государство, взяв на себя роль арбитра, не предоставляет частному обвинителю инструментов для сбора доказательств. Он не может проводить следственные действия, не имеет доступа к оперативным возможностям, не может обеспечить явку свидетелей. Как отмечает Х. М. Лукожев, «частный обвинитель в российском процессе — это фигура, которая обладает широкими правами, но ограниченными возможностями» [6].

Примирение сторон, которое должно быть сердцем этой процедуры, на практике нередко превращается в формальность или способ разгрузить суды. Для преодоления кризиса требуется комплексная реформа. Заявление потерпевшего не должно требовать излишней формализации; мировые судьи должны оказывать содействие в его составлении. Также необходимо расширить возможности частного обвинителя по сбору доказательств, в том числе через обязательное участие полиции в случаях, когда самостоятельный сбор объективно затруднен.

Иные субъекты обвинения: гражданский истец и представители

Обвинение в суде не исчерпывается прокурором и потерпевшим. Рядом с ними действуют гражданский истец, представители и законные представители. Их процессуальный статус в законе очерчен фрагментарно, что порождает немало практических вопросов.

Гражданский истец отстаивает имущественные требования, которые вырастают из обвинения, но с ним не сливаются. В. А. Лазарева замечает, что гражданский истец находится на стыке уголовного и гражданского права, и его статус требует особого внимания [5]. Его цели не всегда совпадают с целями прокурора: государству важно быстро рассмотреть дело, а истцу - взыскать максимальную сумму. Закон не дает четкого ответа, может ли гражданский истец отказаться от иска без согласования с прокурором.

Особое место занимают законные представители (родители, опекуны), представляющие интересы несовершеннолетних потерпевших. Здесь часто возникает конфликт интересов: родитель может быть готов примириться с обидчиком, а ребенок требует наказания. Суды в такой ситуации нередко склоняются к мнению взрослого, в результате чего интересы несовершеннолетнего могут оказаться принесенными в жертву интересам взрослого. Назрела необходимость детальной регламентации статуса таких субъектов: определения пределов их самостоятельности и порядка разрешения конфликтов с представляемыми лицами.

Проведенный анализ показывает, что обвинение в суде — это не монолитная деятельность прокурора, а сложная система взаимодействий различных субъектов, каждый из которых имеет свои интересы. Для повышения эффективности правосудия и обеспечения реального баланса публичных и частных интересов необходимо:

Законодательно закрепить право потерпевшего на субсидиарное обвинение при отказе прокурора, предусмотрев процессуальные гарантии от злоупотреблений и защиту прав подсудимого.

Упростить процедуру возбуждения дел частного обвинения и расширить полномочия мировых судей по оказанию помощи потерпевшим в сборе доказательств.

Уточнить процессуальный статус гражданского истца и представителей потерпевшего, четко разграничив пределы их самостоятельности и волю представляемых лиц.

Только при условии реального баланса интересов уголовный процесс будет отвечать своему назначению — защите прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, и справедливому разрешению уголовного дела.

Список литературы:

[1] Альперт С. А. Обвинение в советском уго-

ловном процессе. Харьков: Изд-во Харьковского юридического института, 1974. 58 с.

[2] Бойков А. Д. Обвинительный уклон (Истоки и пути преодоления) // Закон и ведомственные нормативные акты в СССР: труды. Москва, 1989. С. 143–156.

[3] Головко Л. В. Курс уголовного процесса. М.: Статут, 2017. 1280 с.

[4] Зеленецкий В. С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. Харьков: Вища школа, 1979. 144 с.

[5] Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. М.: Юрайт, 2015. 359 с.

[6] Лукожев Х. М. Обвинение в суде первой инстанции: проблемы теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2018. 224 с.

[7] Петрова Н. Е. Частное и субсидиарное обвинение. Самара: Изд-во Самарского университета, 2004. 216 с.

[8] Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. М.: Наука, 1971. 228 с.

[9] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М.: Наука, 1968. Т. 1. 470 с.

References:

[1] Alpert S. A. Indictment in a Soviet criminal trial. Kharkov: Publishing House of the Kharkov Law Institute, 1974. 58 pp.

[2] Boykov A.D. Accusatory bias (Sources and ways of overcoming) // Law and departmental regulations in the USSR: works. Moscow, 1989. S. 143-156.

[3] Golovko L. Course in Criminal Procedure. M.: Statute, 2017. 1280 s.

[4] Zelenetsky V. S. Initiation of public prosecution in the Soviet criminal process. Kharkov: Vischa school, 1979. 144 p.

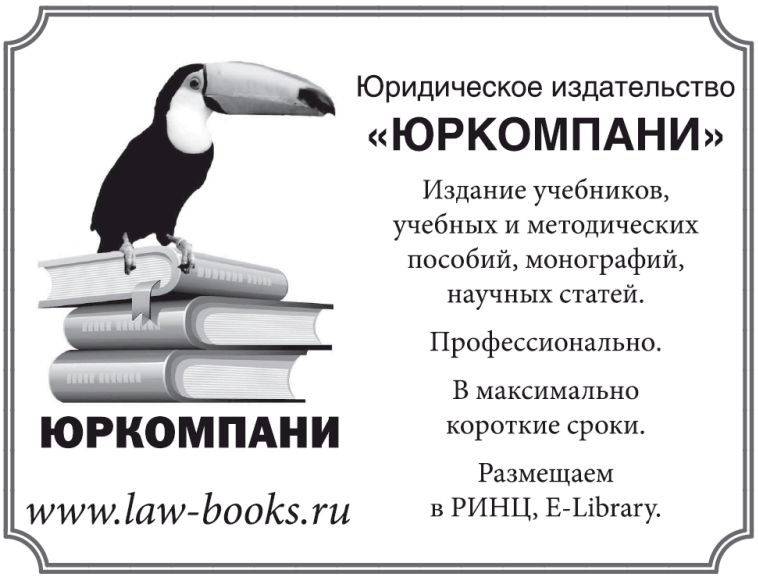
[5] Lazareva V. A. Proof in criminal proceedings: a teaching and practical guide. M.: Yurayt, 2015. 359 pp.

[6] Lukozhev Kh. M. Accusation in the court of first instance: problems of theory and practice. M.: Yurlitinform, 2018. 224 pp.

[7] N. E. Petrova Private and Subsidiary Prosecution. Samara: Publishing House of Samara University, 2004. 216 pp.

[8] Savitsky V. M. State prosecution in court. M.: Science, 1971. 228 pp.

[9] Strogovich M.S. Course of the Soviet criminal process: in 2 vols. M.: Nauka, 1968. VOL. 1. 470 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-304-311
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета, ВЮИ ФСИН России, e-mail: krim33@mail.ru

ТКАЧЕНКО Елена Сергеевна,
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, e-mail: tkachenkoes@rambler.ru

ЕЖОВА Олеся Николаевна,
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии, педагогики и организации воспитательной работы с осужденными, Самарский юридический институт ФСИН России, e-mail: e-olesjf2008@mail.ru

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ ИЗ ЧИСЛА ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *В статье рассматриваются психологические, педагогические и уголовно-процессуальные основы допроса несовершеннолетних лиц, отбывающих наказание по приговору суда. Определяются особенности выбора тактических приемов с учетом возрастной незрелости, повышенной внушаемости, эмоциональной неустойчивости и влияния условий изоляции. Анализируются научные позиции по вопросам установления психологического контакта, оценки достоверности показаний и участия педагога, психолога, защитника и законного представителя. Особое внимание уделяется разграничению допроса и оперативного опроса, предупреждению психологического давления, обеспечению процессуальных гарантий и взаимодействию органов предварительного расследования с учреждениями уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Предлагается дифференцированный алгоритм подготовки и производства допроса.*

Ключевые слова: *несовершеннолетний осужденный, допрос, психологический контакт, педагог, психолог, законный представитель, защитник, показания, следственная тактика, воспитательная колония, уголовное судопроизводство, уголовно-исполнительная система.*

Для цитирования: *Бодяков В. Н., Ткаченко Е. С., Ежова О. Н. Психолого-педагогические основы допроса несовершеннолетних лиц из числа осужденных // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 304–311.*

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
candidate of legal sciences, associate professor Docent at the Department of department of criminal justice and forensic science of the Faculty of Law, Faculty of Law of the Higher Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

TKACHENKO Elena Sergeevna,
candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Psychology at the Humanitarian Institute Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov

EZHOVA Olesya Nikolaevna,
candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Legal Psychology,
Pedagogy and Organization of Educational Work with Convicts,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service
of Russia

THE PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL FOUNDATIONS OF INTERROGATING MINORS WHO ARE CONVICTS

Annotation. *The article examines the psychological, pedagogical, and criminal procedural foundations of interrogating minors who are serving a sentence imposed by a court. It identifies the specific features of selecting tactical methods, taking into account the age-related immaturity, heightened suggestibility, emotional instability, and the influence of isolation conditions. The article analyses scientific positions on establishing psychological contact, assessing the reliability of testimony, and the involvement of a teacher, psychologist, defense attorney, and legal representative. Special attention is paid to distinguishing between interrogation and operational questioning, preventing psychological pressure, ensuring procedural guarantees, and the interaction between preliminary investigation bodies and institutions of the penal system of the Russian Federation. A differentiated algorithm for preparing and conducting an interrogation is proposed.*

Key words: *juvenile convict, interrogation, psychological contact, teacher, psychologist, legal representative, defender.*

For citation: *Bodyakov V. N., Tkachenko E. S., Ezhova O. N. The psychological and pedagogical foundations of interrogating minors who are convicts. Russian scientific bulletin. 2026; (11):304–311. (In Russ.).*

Допрос несовершеннолетнего лица из числа осужденных представляет собой процессуальное действие, результативность и доказательственное значение которого обусловлены не только соблюдением требований уголовно-процессуального закона, но и правильным применением специальных психологических и педагогических знаний. Процессуальный статус осужденного сам по себе не образует самостоятельного порядка производства допроса. Подлежащие применению нормы определяются тем, в каком качестве лицо участвует в конкретном уголовном деле: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего либо свидетеля. Следовательно, факт отбывания наказания не уменьшает объема принадлежащих несовершеннолетнему прав и не позволяет переносить на него ограничения, непосредственно не предусмотренные федеральным законом.

Исходное значение имеет разграничение понятий «несовершеннолетний осужденный» и «несовершеннолетний участник уголовного судопроизводства». В соответствии со статьей 87 УК РФ несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет. Вместе с тем при выборе порядка допроса необходимо учитывать возраст лица именно на момент производства процессуального действия, характер его процессуального положения, наличие психического расстройства или отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством. Это обусловливает необходимость индивидуальной правовой оценки в каждом случае, в том числе, когда преступление совершено лицом до достижения восемнадцатилетнего возраста, а допрос производится позднее.

Психологическая специфика рассматриваемого допроса определяется совокупным воздействием возрастных особенностей и условий исполнения наказания. Несовершеннолетнему могут быть свойственны эмоциональная лабильность, импульсивность, недостаточная способность прогнозировать последствия собственных решений, ориентация на мнение референтной группы, зависимость от авторитетного взрослого и повышенная восприимчивость к внешнему воздействию. Л.И. Божович связывала становление личности подростка с формированием внутренней позиции, потребности в самоутверждении и нового отношения к требованиям взрослых [13, с. 372]. Д.Б. Эльконин обращал внимание на то, что ведущим фактором подросткового развития становится общение со сверстниками, в рамках которого формируются самооценка и представления о допустимом поведении [14, с. 280]. Эти положения имеют непосредственное криминалистическое значение: показания несовершеннолетнего могут испытывать влияние групповых установок, боязни осуждения со стороны других

осужденных, стремления сохранить определенный социальный статус либо продемонстрировать независимость от представителей публичной власти.

Условия изоляции способны изменять восприятие следственной ситуации. Несовершеннолетний осужденный, как правило, уже обладает опытом взаимодействия с правоохранительными органами и судом, знаком с формализованными процедурами, однако такой опыт не всегда формирует адекватное понимание правовой природы нового допроса. Предшествующее привлечение к уголовной ответственности может обусловить недоверие, демонстративную закрытость или, напротив, стремление сообщить сведения, которые, по мнению допрашиваемого, способны повлиять на условия отбывания наказания. Поэтому следователь или дознаватель обязан разъяснить, что дача показаний по новому уголовному делу не связана с предоставлением не предусмотренных законом преимуществ, изменением режима содержания либо применением мер поощрения.

В научных трудах А.Р. Ратинова допрос рассматривается как сложное информационно-психологическое взаимодействие, в ходе которого получение сведений зависит от особенностей восприятия, запоминания, воспроизведения и межличностной коммуникации [6, с. 188]. Указанный подход позволяет отказаться от упрощенного понимания допроса как последовательности вопросов и ответов. Его сущность включает создание условий для актуализации памяти, преодоление коммуникативных барьеров и обеспечение свободного волеизъявления допрашиваемого. В отношении несовершеннолетнего осужденного это означает, что допустимый тактический прием должен оцениваться не только с точки зрения формального отсутствия запрета, но и с позиции его соответствия возрасту, уровню развития и способности лица осознавать содержание происходящего.

А.В. Дулов подчеркивал, что психологическое воздействие в уголовном судопроизводстве правомерно лишь при сохранении свободы выбора допрашиваемого и недопустимости подавления его воли [7, с. 251]. Правомерное воздействие следует отличать от психического принуждения. К первой категории могут быть отнесены установление контакта, разъяснение значения правдивых показаний, предъявление доказательств в предусмотренном законом порядке, применение приемов актуализации памяти. Ко второй относятся угрозы, шантаж, унижение достоинства, намеренное введение в заблуждение относительно правовых последствий, обещание не предусмотренных законом льгот, а также использование страха перед администрацией учреждения или другими осужденными. Полученные вследствие незаконного воздействия сведения могут быть признаны недопустимыми доказательствами на основании статьи 75 УПК РФ.

В.Л. Васильев указывал, что установление психологического контакта предполагает достижение такого уровня взаимодействия, при котором участник понимает коммуникативную ситуацию, воспринимает собеседника как способного выслушать его и получает возможность свободно излагать известные обстоятельства [8, с. 409-416]. Применительно к несовершеннолетнему осужденному контакт не должен отождествляться с эмоциональным сближением или получением согласия с версией следствия. Его юридически значимым содержанием выступает создание безопасной и понятной обстановки, исключающей давление и обеспечивающей осознанное осуществление процессуальных прав.

Р.С. Белкин характеризовал тактику допроса как систему научно обоснованных рекомендаций по подготовке, проведению и фиксации следственного действия с учетом следственной ситуации и личности допрашиваемого [10, с. 610]. При этом, особое значение придавалось предварительному изучению личности, выбору последовательности вопросов и использованию ассоциативных связей при восстановлении воспринятых событий [9, с. 583]. Вместе с тем сведения о личности несовершеннолетнего не должны использоваться для формирования обвинительного стереотипа. Наличие судимости, дисциплинарных взысканий или негативных характеристик не свидетельствует о недостоверности сообщаемой информации и не освобождает должностное лицо от проверки каждого показания в совокупности с другими доказательствами.

Подготовка к допросу должна включать установление точного возраста несовершеннолетнего, определение его процессуального статуса, проверку владения языком уголовного судопроизводства, выяснение уровня образования, особенностей познавательного и речевого развития, состояния здоровья и наличия обстоятельств, затрудняющих участие в следственном действии. Изучение личности допустимо посредством анализа материалов уголовного дела и предусмотренного законом взаимодействия с администрацией учреждения, защитником, законным представителем, педагогом и психологом. Получаемые сведения должны использоваться исключительно для обеспечения прав участника и выбора корректной тактики.

При допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого подлежат применению положения статей 425 и 426 УПК РФ. Участие защитника обязательно в силу пункта 2 части пер-

вой статьи 51 УПК РФ. Защитник вправе задавать вопросы, знакомиться с протоколом и делать замечания о правильности и полноте содержащихся в нем записей. Допрос не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день. Если подозреваемый или обвиняемый не достиг шестнадцатилетнего возраста либо достиг его, но страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии, участие педагога или психолога является обязательным. Законный представитель допускается к участию в установленном законом порядке и обладает правами, предусмотренными статьей 426 УПК РФ.

Когда несовершеннолетний осужденный допрашивается в качестве потерпевшего или свидетеля, применяются положения статей 189 и 191 УПК РФ. Продолжительность следственного действия дифференцируется в зависимости от возраста. Допрос потерпевшего или свидетеля в возрасте до семи лет не может продолжаться без перерыва более тридцати минут, а в общей сложности – более одного часа; в возрасте от семи до четырнадцати лет – соответственно более одного и более двух часов; в возрасте старше четырнадцати лет – более двух и более четырех часов. При производстве следственных действий с участием потерпевшего или свидетеля, не достигшего шестнадцатилетнего возраста либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно.

Привлечение педагога и психолога не может рассматриваться как формальное присутствие дополнительного совершеннолетнего лица. Педагог содействует учету возрастных и образовательных особенностей, помогает оценить понятность терминов и вопросов. Психолог обладает специальными знаниями о познавательных процессах, эмоциональных реакциях, коммуникативных барьерах и признаках психологического неблагополучия. Следователь должен заблаговременно разъяснить специалисту его права и задачи, сообщить необходимую информацию о процессуальном статусе допрашиваемого, согласовать допустимые формы взаимодействия. При этом педагог или психолог не вправе подменять следователя, самостоятельно вести допрос либо внушать несовершеннолетнему желательное содержание ответа.

Выбор конкретного специалиста требует учета возможного конфликта ролей. Психолог исправительного учреждения, хорошо знакомый несовершеннолетнему, способен быстрее установить контакт и предупредить эмоциональную дезорганизацию. Одновременно зависимость допрашиваемого от оценки конкретного работника учреждения может ограничить свободу высказывания. В связи с этим необходимо выяснять отношение несовершеннолетнего к участию соответствующего специалиста, характер предшествующего взаимодействия и наличие обстоятельств, вызывающих сомнения в его беспристрастности. Решение о привлечении конкретного педагога или психолога должно быть мотивировано интересами несовершеннолетнего и задачами уголовного судопроизводства.

А.Ф. Кони связывал нравственные основы судопроизводства с уважением человеческого достоинства, справедливостью процедуры и недопустимостью достижения процессуальной цели средствами, несовместимыми с назначением правосудия [12, с. 54]. Этот подход сохраняет значение при допросе лица, уже осужденного за преступление. Вступивший в законную силу приговор не устраняет обязанности уважать достоинство личности, гарантированное статьей 21 Конституции РФ, и не позволяет исходить из презумпции склонности несовершеннолетнего к ложным показаниям. Законная тактика должна быть направлена на получение проверяемой информации, а не на подтверждение заранее сформированного предположения.

Установление контакта целесообразно начинать с обращения к несовершеннолетнему в нейтральной и уважительной форме, представления участников, разъяснения цели процессуального действия и правовых последствий участия в нем. Процессуальные права следует разъяснять доступным языком, не заменяя юридическое содержание бытовыми формулировками. После разъяснения необходимо убедиться, что несовершеннолетний понял свой статус, право пользоваться помощью защитника, право не свидетельствовать против себя, супруга и близких родственников, а также порядок заявления ходатайств и замечаний. Простого получения подписи в протоколе недостаточно, если фактическое понимание прав вызывает обоснованные сомнения.

При постановке вопросов должны учитываться уровень речевого развития и ограниченность жизненного опыта. Недопустимы наводящие вопросы, сложные синтаксические конструкции, одновременное включение нескольких обстоятельств, использование неразъясненных профессиональных выражений и жаргона. Например, вопрос «Ты подтвердил передачу запрещенного предмета, потому что опасался взыскания?» содержит фактическое утверждение и предлагаемый мотив. Процессуально корректнее последовательно выяснить: «Что произошло?», «Кто находился рядом?», «Какие действия совершал каждый из присутствующих?», «Что ты чув-

ствовал в этот момент?», «Оказывал ли кто-либо на тебя воздействие?». Такая последовательность уменьшает риск внушения и позволяет отделить непосредственно воспринятые обстоятельства от выводов допрашиваемого.

Ж. Пиаже показал, что детское и подростковое мышление развивается поэтапно, а понимание причинности и временной последовательности зависит от уровня когнитивного развития [15, с. 210]. Поэтому расхождения в обозначении времени, расстояния или продолжительности события не должны автоматически интерпретироваться как сознательная ложь. Несовершеннолетний может уверенно воспроизводить центральное действие, но ошибаться в периферийных деталях, последовательности эпизодов и количественных характеристиках. Проверка показаний должна включать уточняющие вопросы о привычных ориентирах: распорядке дня, приеме пищи, учебных занятиях, отбое, конкретном помещении или последовательности перемещений.

Оптимальной является последовательность, при которой после вводной части несовершеннолетнему предоставляется возможность свободного рассказа. Прерывание рассказа допустимо только при очевидном уходе от предмета допроса либо необходимости предупредить сообщение охраняемой законом тайны, не относящейся к делу. Далее задаются уточняющие, дополняющие, напоминающие и контрольные вопросы. Напоминающие вопросы должны активизировать сохранившиеся ассоциативные связи, но не содержать требуемого ответа. К допустимым приемам относятся предложение вспомнить обстановку, мысленно восстановить последовательность действий, описать освещение, звуки и взаимное расположение участников.

С.Л. Рубинштейн рассматривал память не как механическое воспроизведение неизменной записи, а как активный процесс, связанный с осмыслением и реконструкцией прошлого опыта [16, с. 306]. По этой причине дословное совпадение нескольких показаний не всегда является показателем их достоверности, а отдельные расхождения не обязательно свидетельствуют о лжи. При оценке показаний несовершеннолетнего необходимо учитывать условия первоначального восприятия, время, прошедшее после события, последующее обсуждение обстоятельств с другими лицами, содержание ранее заданных вопросов и эмоциональное состояние.

Особую сложность представляет допрос о событиях, связанных с неформальными отношениями между осужденными. Несовершеннолетний может опасаться неблагоприятной реакции со стороны других лиц, преуменьшать собственную осведомленность либо использовать нейтральные выражения вместо прямого описания произошедшего. В подобной ситуации недопустимо усиливать страх указанием на возможное ухудшение его положения. Следователь обязан оценить необходимость мер безопасности, исключить присутствие заинтересованных лиц, выбрать помещение, обеспечивающее конфиденциальность, и не допустить преждевременного разглашения содержания показаний.

Видео- и аудио-фиксация повышает проверяемость хода и результатов следственного действия, однако не заменяет протокол допроса. В случаях, предусмотренных статьей 191 УПК РФ, применение видеозаписи является обязательным, если несовершеннолетний либо его законный представитель против этого не возражает. До начала фиксации следует разъяснить ее назначение, показать расположение оборудования и убедиться, что технические средства не вызывают выраженной тревоги. В протоколе отражаются время начала и окончания допроса, перерывы, состав участников, факт разъяснения прав, применение технических средств, заявления, ходатайства и замечания. По возможности существенные выражения несовершеннолетнего фиксируются в форме, максимально близкой к его речи.

Судебно-следственная практика показывает, что нарушения при допросе несовершеннолетнего нередко связаны не с содержанием показаний, а с несоблюдением обязательной процессуальной формы: отсутствием защитника, непривлечением педагога или психолога, превышением установленной продолжительности, неразъяснением права, предусмотренного статьей 51 Конституции РФ. Пленум Верховного Суда РФ ориентирует суды на необходимость выяснять, обеспечено ли право несовершеннолетнего на защиту на всех стадиях производства по делу, а также соблюдены ли специальные правила производства следственных действий с его участием [5, п. 9, 12]. Существенное ограничение гарантированных законом прав способно повлечь признание полученных сведений недопустимым доказательством.

Типовой практической ситуацией является допрос несовершеннолетнего осужденного в качестве свидетеля по факту противоправных действий другого лица на территории исправительного учреждения. Ошибочным будет проведение с ним первоначальной беседы, фактически направленной на получение подробных сведений об обстоятельствах преступления, без определения процессуального статуса и разъяснения прав, а затем механическое перенесение полученной информации в протокол допроса. С.А. Шейфер обоснованно отмечал, что познавательная дея-

тельность следователя приобретает доказательственное значение только при ее осуществлении в установленной процессуальной форме [11, с. 38]. Оперативный опрос и процессуальный допрос имеют различную правовую природу, поэтому результат оперативно-розыскного мероприятия не может автоматически подменять показания, полученные в порядке УПК РФ.

Другая типичная ситуация связана с изменением процессуального положения лица. Если в ходе допроса свидетеля возникают достаточные основания полагать, что он может быть причастен к расследуемому преступлению, продолжение получения от него самоизобличающих показаний под угрозой ответственности недопустимо. Следственное действие необходимо прекратить, разрешить вопрос о процессуальном статусе лица и обеспечить участие защитника. Конституционный запрет принуждения к свидетельствованию против самого себя действует независимо от того, отбывает несовершеннолетний наказание или находится на свободе.

В рамках деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации подготовка допроса предполагает законное взаимодействие следователя или дознавателя с администрацией воспитательной колонии либо иного учреждения, в котором находится несовершеннолетний. Администрация учреждения обеспечивает установленный порядок допуска участников, безопасность и предоставление подходящего помещения, сообщает сведения, необходимые для учета режима дня, обучения, медицинских ограничений и психологического состояния лица. Психологи и иные работники учреждения могут в пределах компетенции содействовать предупреждению эмоциональной перегрузки и выбору корректной формы общения. Такое взаимодействие способствует соблюдению прав несовершеннолетних, поддержанию правопорядка и достижению задач исправления осужденных, однако не должно приводить к вмешательству администрации в содержание показаний или процессуальную самостоятельность следователя.

Расположение участников допроса также обладает психологическим значением. Проведение следственного действия в помещении, вызывающем ассоциации с применением дисциплинарных мер, способно усилить тревогу. По возможности следует выбирать спокойную обстановку, исключить присутствие посторонних и обеспечить отсутствие очевидного физического доминирования. Защитник, педагог, психолог и законный представитель должны располагаться таким образом, чтобы несовершеннолетний мог обратиться к ним, но не воспринимал их реакцию как подсказку или оценку правильности ответа.

Законный представитель способен оказывать как поддерживающее, так и сдерживающее воздействие. Несовершеннолетний может опасаться осуждения, наказания или разглашения личной информации. Если действия законного представителя наносят ущерб интересам несовершеннолетнего, законодательство предусматривает возможность ограничения его участия либо отстранения в установленном порядке с допуском другого законного представителя. Решение не может основываться исключительно на предположении следователя; оно должно быть мотивировано конкретными обстоятельствами и отражено в процессуальном документе.

При оценке достоверности показаний недопустимо основываться только на внешних проявлениях – избегании взгляда, паузах, покраснении, двигательной активности или изменении темпа речи. Подобные реакции могут быть вызваны тревогой, непривычной ситуацией, особенностями темперамента или страхом перед возможными последствиями. Ни следователь, ни педагог, ни психолог не вправе делать категорический вывод о ложности показаний исключительно на основании невербального поведения. Достоверность устанавливается посредством сопоставления сведений с другими доказательствами, проверки внутренней согласованности, уточнения источника осведомленности и производства иных следственных действий.

Предъявление доказательств несовершеннолетнему допускается после получения свободного рассказа и фиксации первоначальной позиции. Не рекомендуется начинать допрос с демонстрации наиболее эмоционально воздействующих материалов. Последовательность предъявления определяется их содержанием, состоянием допрашиваемого и риском внушения. Следователь обязан точно разграничивать подтвержденные факты и обстоятельства, подлежащие проверке, не выдавать предположение за установленное событие и не сообщать заведомо ложные сведения. Тактическая гибкость не означает допустимости обмана относительно содержания прав, наличия доказательств или последствий признания.

После завершения допроса несовершеннолетнему и другим участникам предоставляется возможность ознакомиться с протоколом. Текст может быть прочитан самим допрашиваемым либо оглашен следователем. Важно проверить, понимает ли несовершеннолетний используемые формулировки, особенно если его разговорная речь была изложена в юридически корректной форме. Замечания и дополнения подлежат внесению в протокол. Отказ от подписания документа

удостоверяется в порядке, предусмотренном статьей 167 УПК РФ, однако причины отказа должны быть выяснены без давления и, по возможности, отражены в протоколе.

Научные положения А.Р. Ратинова, А.В. Дулова, В.Л. Васильева, Р.С. Белкина и С.А. Шейфера позволяют выделить взаимосвязанные критерии допустимой тактики: законность, научную обоснованность, этичность, избирательность воздействия и сохранение свободы волеизъявления. Возрастная психология, представленная трудами Л.И. Божович, Д.Б. Эльконина, Ж. Пиаже и С.Л. Рубинштейна, дополняет эти критерии требованиями учитывать незавершенность личностного развития, зависимость подростка от социальной оценки, особенности памяти, мышления и эмоциональной регуляции. Синтез криминалистического и психолого-педагогического подходов исключает как чрезмерно формализованное проведение допроса, так и использование психологических методов вне установленных законом гарантий.

Подводя итог, отметим, что допрос несовершеннолетнего лица из числа осужденных должен строиться на дифференцированном сочетании уголовно-процессуальных, криминалистических, психологических и педагогических требований. Определяющее значение имеют правильное установление процессуального статуса, обязательное обеспечение права на защиту, соблюдение возрастных ограничений продолжительности следственного действия, обоснованный выбор педагога или психолога и создание условий для свободного сообщения сведений. Факт осуждения не может служить основанием для ограничения гарантий, обвинительной оценки личности или применения усиленного психологического воздействия. Эффективность допроса обеспечивается не жесткостью коммуникации, а законностью процедуры, индивидуализацией тактики, уважением достоинства несовершеннолетнего и последующей объективной проверкой сообщенных им сведений. Взаимодействие органов предварительного расследования с учреждениями уголовно-исполнительной системы Российской Федерации должно осуществляться в пределах компетенции каждого субъекта и быть направлено на обеспечение безопасности, процессуальных прав несовершеннолетнего и получение допустимых, относимых и достоверных доказательств.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921.

[3] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[5] О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.

[6] Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001. 352 с.

[7] Дулов А.В. Судебная психология. Минск: Вышэйшая школа, 1975. 464 с.

[8] Васильев В.Л. Юридическая психология: учебник. 6-е изд. СПб.: Питер, 2009. 608 с.

[9] Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2010. 928 с.

[10] Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов. 3-е изд., доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2001. 837 с.

[11] Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.

[12] Кони А.Ф. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. 628 с.

[13] Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. 464 с.

[14] Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды / под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

[15] Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 528 с.

[16] Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.

[17] Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25.

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of December 18, 2001 No. 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian

Federation. 2001. № 52. Part I. Art. 4921.

[3] Criminal Executive Code of the Russian Federation: Federal Law of January 8, 1997 No. 1-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. № 2. Art. 198.

[4] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[5] On the judicial practice of applying legislation regulating the peculiarities of criminal liability and punishment of minors: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 1, 2011 No. 1 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. № 4.

[6] Ratinov A.R. Forensic Psychology for Investigators. M.: Yurlitinform, 2001. 352 pp.

[7] Dulov A.V. Forensic psychology. Minsk: Higher School, 1975. 464 p.

[8] Vasiliev V.L. Legal psychology: textbook. 6th ed. St. Petersburg: Peter, 2009. 608 pp.

[9] Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. Forensics: a textbook for universities / ed. R.S. Belkin. 4th ed., Revised and add. M.: Norm; INFRA-M, 2010. 928 pp.

[10] Belkin R.S. Forensic course: a textbook for universities. 3rd ed., Add. M.: UNITY-DANA; Law & amp; Law, 2001. 837 pp.

[11] Shafer S.A. Investigative actions. System and procedural form. M.: Yurlitinform, 2001. 208 pp.

[12] Koni A.F. Selected works: in 2 vols. 1. M.: State Publishing House of Legal Literature, 1959. 628 pp.

[13] Bozovic L.I. Personality and its formation in childhood. M.: Enlightenment, 1968. 464 p.

[14] Elkonin D.B. Selected psychological works/ed. V.V. Davydova, V.P. Zinchenko. M.: Pedagogy, 1989. 560 s.

[15] Piaget J. Child speech and thinking. M.: Pedagogy-Press, 1994. 528 pp.

[16] Rubinstein S.L. Fundamentals of general psychology. St. Petersburg: Peter, 2002. 720 s.

[17] Convention on the Rights of the Child: approved by the UN General Assembly on November 20, 1989 // Collection of international treaties of the USSR. 1993. No. XLVI.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-312-317
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

БАБКИН Леонид Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин ФЧОУВО «Московский университет имени С.Ю. Витте», e-mail: leonidmihailovitchbabkin@yandex.ru

БОГДАНОВ Максим Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры организации режима, Псковского филиала Университета ФСИН России, e-mail: mbogdanov75@mail.ru

ЕВСЕЕВА Ирина Александровна,
Преподаватель кафедры административного права и административной деятельности полиции Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя, e-mail: iren5-85@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОСУЖДЕННОГО ОТ ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ современного состояния и перспектив развития правового института уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, в Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена глобальной тенденцией гуманизации уголовной политики и поиском более эффективных, социально-интегрирующих форм государственной реакции на преступления небольшой и средней тяжести. Цель работы – выявить системные проблемы и противоречия в законодательном регулировании и правоприменительной практике данных видов наказаний, а также разработать научно обоснованные предложения по их совершенствованию.*

Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные методы (сравнительно-правовой, формально-логический, статистический). Автор, опираясь на положения уголовного и уголовно-исполнительного права, рассматривает виды наказаний, альтернативных лишению свободы (исправительные работы, обязательные работы, ограничение свободы, принудительные работы, штраф, лишение права занимать определенные должности и др.), через призму их карательного, воспитательного и ресоциализирующего потенциала. Особое внимание уделяется проблемам судебного усмотрения, дифференциации избрания наказания, эффективности исполнения и контроля.

Результаты: делается вывод о недостаточной реализации принципа экономии уголовной репрессии, сохраняющейся «карательной» инерции правоприменения и необходимости стимулирования судов к более широкому использованию санкций, не связанных с изоляцией. Вносятся конкретные предложения по корректировке санкций статей Особенной части УК РФ, развитию системы пробации и социального сопровождения осужденных, внедрению современных электронных средств контроля.

Ключевые слова: *уголовное наказание, альтернативные наказания, изоляция от общества, гуманизация, дифференциация ответственности, пробация, ресоциализация, уголовная политика.*

Для цитирования: *Бабкин Л. М., Богданов М. Н., Евсеева И. А. Правовое регулирование наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: проблемы и перспективы*

совершенствования в Российской Федерации // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 312–317.

BABKIN Leonid Mikhailovich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Humanities FCHOUVO "Moscow University named after S.Yu. Witte"

BOGDANOV Maxim Nikolaevich,
Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Regime Organization, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

EVSEEVA Irina Alexandrovna,
Lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Police, Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

LEGAL REGULATION OF PUNISHMENTS NOT INVOLVING THE ISOLATION OF THE CONVICTED PERSON FROM SOCIETY: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article provides a comprehensive analysis of the current state and prospects for the development of the legal institution of criminal penalties not related to the isolation of a convicted person from society in the Russian Federation. The relevance of the research is determined by the global trend of humanization of criminal policy and the search for more effective, socially integrating forms of government response to crimes of minor and moderate severity. The purpose of the work is to identify systemic problems and contradictions in the legislative regulation and law enforcement practice of these types of punishments, as well as to develop scientifically sound proposals for their improvement.*

The methodological basis of the research was made up of general scientific (analysis, synthesis, systematic approach) and private scientific methods (comparative legal, formal logical, statistical). The author, relying on the provisions of criminal and penal enforcement law, examines the types of punishments alternative to imprisonment (correctional labor, compulsory labor, restriction of freedom, forced labor, fine, deprivation of the right to hold certain positions, etc.) through the prism of their punitive, educational and resocializing potential. Special attention is paid to the problems of judicial discretion, differentiation of the choice of punishment, effectiveness of execution and control.

Results: the conclusion is drawn about the insufficient implementation of the principle of economy of criminal repression, the continuing "punitive" inertia of law enforcement and the need to encourage courts to use sanctions more widely, not related to isolation. Specific proposals are being made to adjust the sanctions of articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, the development of the probation and social support system for convicts, and the introduction of modern electronic controls.

Key words: *criminal punishment, alternative punishments, isolation from society, humanization, differentiation of responsibility, probation, re-socialization, criminal policy.*

For citation: *Babkin L. M., Bogdanov M. N., Evseeva I. A. Legal regulation of punishments not involving the isolation of the convicted person from society: problems and prospects for improvement in the Russian Federation. Russian scientific bulletin. 2026;(11):312–317. (In Russ.).*

Современная уголовно-правовая политика цивилизованных государств развивается в русле поиска баланса между неотвратимостью ответственности за совершенное преступление и принципами справедливости, гуманизма и экономической целесообразности. Одним из магистральных векторов этой эволюции является последовательное расширение применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества (альтернативных наказаний). Данная тенденция

отражает понимание того, что тюремное заключение, особенно за преступления небольшой и средней тяжести, зачастую не только не исправляет виновного, но и приводит к его глубокой социальной деградации, криминализации, разрыву полезных общественных связей и значительным финансовым затратам для государства [1, С. 12].

В Российской Федерации система альтернативных лишению свободы мер, закрепленная в Уголовном кодексе (УК РФ), формально является достаточно развитой. Однако, как свидетельствует судебная статистика и многочисленные исследования, их реальное применение сталкивается с существенными правовыми, организационными и социально-психологическими барьерами. Доля наказаний, не связанных с лишением свободы, в общем числе назначенных, хотя и имеет позитивную динамику, все еще не соответствует потенциалу, заложенному в законе, и явно уступает показателям многих зарубежных стран [2, С. 56].

Целью настоящей статьи является проведение системного анализа правового регулирования уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в России, выявление ключевых проблем их законодательной регламентации и правоприменительной практики, а также формулирование научно-практических предложений по оптимизации данного института в контексте гуманизации уголовной политики и повышения эффективности борьбы с преступностью.

Институт наказаний, альтернативных лишению свободы, представляет собой структурный элемент системы уголовных наказаний, предусмотренной статьей 44 УК РФ. К ним традиционно относят: штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; обязательные работы; исправительные работы; ограничение по военной службе; ограничение свободы; принудительные работы; а также условное осуждение, которое, не являясь видом наказания, служит формой его исполнения без реальной изоляции [3, С. 78].

Юридическая природа этих мер характеризуется двойственностью. С одной стороны, они реализуют карательную функцию уголовного права, сопряжены с причинением осужденному правоограничений (имущественного характера, в сфере трудовых отношений, свободы передвижения и др.), государственным порицанием и судимостью. С другой стороны, их восстановительно-ресоциализирующий потенциал принципиально выше, так как они позволяют сохранить социально полезные связи индивида: семейные, трудовые, образовательные. Это способствует минимизации вторичной виктимизации семьи осужденного и снижению рисков рецидива [4, С. 34].

Принципиальное значение для понимания роли альтернативных наказаний имеет принцип экономии уголовной репрессии, подразумевающий, что более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид не сможет обеспечить достижение целей наказания (ч. 1 ст. 60 УК РФ). Данная законодательная установка прямо ориентирует правоприменителя на приоритетное рассмотрение возможности назначения наказания, не связанного с изоляцией [5, С. 91].

Несмотря на декларируемый приоритет, законодательное регулирование альтернативных наказаний содержит ряд внутренних противоречий, ограничивающих их применение. Анализ санкций показывает, что за многие преступления небольшой и средней тяжести лишение свободы указано в качестве основного или даже единственного вида наказания наряду с альтернативами.

Однако санкции часто сконструированы таким образом, что верхний предел штрафа или срока исправительных/обязательных работ является явно несоразмерным тяжести деяния, что психологически подталкивает судью к выбору лишения свободы как более «предсказуемой» меры. Недостаточно развита система «ступенчатых» санкций, где альтернативные меры выступали бы в качестве первого, а лишение свободы – последнего выбора [6, С. 112]. Отдельные виды наказаний имеют жесткие ограничения, снижающие их применимость. Например, обязательные работы не могут быть назначены нетрудоспособным, что логично, но также и осужденным к лишению свободы более чем на пять лет (ч. 4 ст. 49 УК РФ), что вызывает вопросы. Исправительные работы не применяются к неработающим, фактически ставя их в менее выгодное положение и стимулируя суд избрать лишение свободы. Порядок их исполнения, сопряженный с удержаниями из заработка, зачастую приводит к увольнению осужденного работодателем, желающим избежать административных сложностей [7, С. 45].

Введенный как альтернатива краткосрочному лишению свободы, данный вид наказания (ст. 53 УК РФ) долгое время не функционировал в полной мере из-за отсутствия инфраструктуры. Сегодня его применение связано с обязательным возложением на осужденного обязанностей и использованием электронных средств контроля (ЭСКО). Однако судебная практика демонстрирует осторожность в его применении, а сам режим ограничений (например, запрет покидать жилище в определенное время) при неэффективном контроле может становиться фикцией.

Этот относительно новый вид наказания (ст. 53.1 УК РФ) позиционируется как реальная

альтернатива лишению свободы. Однако его место в системе наказаний остается дискуссионным. Фактически это лишение свободы в условиях более мягкого режима, но с обязательным привлечением к труду. Проблемы связаны с ограниченной сеткой исправительных центров, рисками эксплуатации труда осужденных и сохранением их социальной изоляции, хоть и в иной форме [8, С. 201].

Правовые нормы реализуются в конкретных судебных решениях, и здесь на первый план выходят субъективные факторы. Часть судейского корпуса и представителей правоохранительных органов сохраняет скептическое отношение к эффективности альтернативных наказаний, считая их излишне мягкими и не обеспечивающими должного устрашения. Это порождает «перестраховочную» позицию, когда проще избрать лишение свободы, особенно при отсутствии положительной характеристики личности подсудимого или под давлением общественного мнения [9, С. 134].

Критически важную роль играет подготовка материалов уголовного дела. Для обоснованного ходатайства о назначении наказания, не связанного с изоляцией, необходимы данные о личности, семейном положении, трудовой деятельности, состоянии здоровья обвиняемого. Зачастую следствие не уделяет должного внимания сбору этой информации, сосредотачиваясь на доказательстве события преступления. Отсутствие в материалах дела сведений о стабильной работе или положительных характеристик автоматически снижает шансы на альтернативное наказание.

Неразвитость служб пробации в России – ключевая системная проблема. В отличие от стран с передовым опытом, где пробационные службы занимаются подготовкой докладов для суда, сопровождением осужденного и контролем за ним, в России эти функции размыты между уголовно-исполнительными инспекциями (УИИ), полицией и органами местного самоуправления. УИИ, будучи перегруженными и испытывающими кадровый дефицит, физически не способны обеспечить качественный индивидуальный подход и эффективный надзор, особенно при большом числе подконтрольных лиц [10, С. 77].

Для преодоления обозначенных проблем необходима консолидированная работа законодателя, правоприменителя и научного сообщества:

Проведение ревизии санкций статей Особенной части УК РФ за преступления небольшой и средней тяжести с целью выведения лишения свободы из санкций как основного вида наказания и формирования «лестницы» мер, начинающейся с безусловных альтернатив.

Дифференциация и расширение условий применения исправительных работ, в том числе через создание специальных рабочих мест или привлечение к общественно полезным работам для неработающих осужденных.

Четкое законодательное закрепление оснований и процедуры замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ) как рутинного, а не исключительного механизма.

Создание в структуре УИС или в качестве отдельной государственной службы полноценной Федеральной службы пробации, основной задачей которой станет подготовка для суда подробных досудебных отчетов о личности обвиняемого, разработка и контроль за исполнением индивидуальных программ работы с осужденным, оказание социально-психологической помощи.

Активное внедрение технологий электронного мониторинга (ЭСКО) как инструмента, повышающего доверие суда к альтернативным наказаниям, и расширение практики их применения не только при ограничении свободы, но и как дополнительного контрольного механизма при условном осуждении.

Стимулирование развития программ восстановительного правосудия (медиации) на досудебной стадии, результатом успешного проведения которых могло бы быть обязательное рассмотрение судом наказания, не связанного с изоляцией [11, С. 98].

Формирование и регулярное обновление руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, содержащих четкие критерии и примеры обоснованного назначения каждого вида альтернативного наказания.

Включение в программы повышения квалификации судей и следователей специальных модулей, посвященных современным подходам к оценке эффективности наказания, криминологическому прогнозированию и практике применения альтернативных мер.

Пропаганда позитивного опыта и «лучших практик» назначения и исполнения наказаний, не связанных с изоляцией, через профессиональные издания и судебные департаменты.

Таким образом, правовое регулирование уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, в Российской Федерации находится на важном этапе своего развития. Несмотря на наличие в законе достаточно широкого арсенала подобных мер, их потенциал в полной мере не реализован вследствие комплекса взаимосвязанных проблем: от недостатков законодательной техники и конструкции санкций до глубоко укоренившихся стереотипов правоприменительной практики и слабости инфраструкту-

ры исполнения.

Дальнейшая гуманизация уголовной политики и повышение эффективности борьбы с преступностью требуют системной модернизации данного института. Ключевыми направлениями такой модернизации должны стать: корректировка санкций в Особенной части УК РФ в пользу безусловного приоритета альтернатив; создание мощной, профессиональной службы пробации, способной обеспечить индивидуализацию наказания и социальное сопровождение; широкое внедрение технологических средств контроля; и, наконец, целенаправленная работа по изменению правосознания судейского корпуса и сотрудников правоохранительных органов.

Только при условии комплексного подхода, сочетающего изменения в законе, судебной практике и организации исполнения наказаний, институт альтернативных санкций сможет стать действительно работающим инструментом достижения целей уголовной ответственности, заключающихся не только в каре, но и в исправлении осужденного и предупреждении новых преступлений, обеспечивая при этом принципы справедливости и экономии репрессии.

Список литературы:

[1] Аликперов Х.Д. Гуманизация уголовной политики и проблемы декриминализации // Государство и право. – 2021. – № 5. – С. 11-20.

[2] Воронин О.А., Селиверстов В.И. Альтернативы лишению свободы в российском уголовном праве: современное состояние и перспективы // Уголовное право. – 2022. – № 3. – С. 54-61.

[3] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. В.М. Лебедев. – 15-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 1120 с.

[4] Кропачев Н.М., Волженкин Б.В. Ресоциализация осужденных: уголовно-правовые и пенитенциарные аспекты. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. – 215 с.

[5] Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1: Общая часть. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. – 480 с.

[6] Рарог А.И. Наказание и его цели: новые подходы // Журнал российского права. – 2019. – № 8. – С. 108-119.

[7] Сабанин С.Н. Проблемы исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества: теория и практика // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2022. – № 2. – С. 42-48.

[8] Ткачевский Ю.М. Новые виды наказаний в российском уголовном праве: принудительные работы // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2020. – № 4. – С. 198-210.

[9] Ульянова В.А. Судейское усмотрение при назначении наказания: пределы и проблемы. – М.: Норма, 2021. – 176 с.

[10] Федеральная служба исполнения наказаний. Статистический сборник. – М.: ФСИН России, 2023. – 245 с.

[11] Яковлева Л.В. Восстановительное правосудие и пробация: интеграционный потенциал для российской правовой системы // Законность. – 2022. – № 7. – С. 94-100.

[12] European Committee on Crime Problems. The Use of Non-Custodial Sanctions and Measures in Europe. – Strasbourg: Council of Europe, 2021. – 89 p.

[13] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[14] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.04.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.

[15] Обзор практики назначения судами уголовного наказания в виде ограничения свободы и принудительных работ, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 4.

References:

[1] Alikperov H.D. Humanization of criminal policy and decriminalization problems // State and law. – 2021. – № 5. - S. 11-20.

[2] Voronin O.A., Seliverstov V.I. Alternatives to imprisonment in Russian criminal law: current state and prospects // Criminal law. – 2022. – № 3. - S. 54-61.

[3] Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) / Rev. ed. V.M. Lebedev. - 15th ed., Revised and add. - M.: Yurayt, 2023. - 1120 s.

[4] Kropachev N.M., Volzhenkin B.V. Re-socialization of convicts: criminal-legal and penitentiary aspects. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2020. - 215 s.

[5] Naumov A.V. Russian criminal law. Course of lectures: in 3 vols. T. 1: General part. - 5th ed., Revised and add. - M.: Prospect, 2021. - 480 s.

[6] Rarog A.I. Punishment and its goals: new approaches // Journal of Russian Law. – 2019. – № 8. - S. 108-119.

[7] Sabanin S.N. Problems of the execution of punishments not related to isolation from society: theory and practice // Penal system: law, economics, management. – 2022. – № 2. - S. 42-48.

[8] Tkachevsky Yu.M. New types of punishments in Russian criminal law: forced labor // Bulletin of Moscow University. Series 11: Right. –

2020. – № 4. - S. 198-210.

[9] Ulyanova V.A. Judicial discretion in sentencing: limits and problems. - M.: Norma, 2021. - 176 s.

[10] Federal Penitentiary Service. Statistical compilation. - M.: FSIN of Russia, 2023. - 245 s.

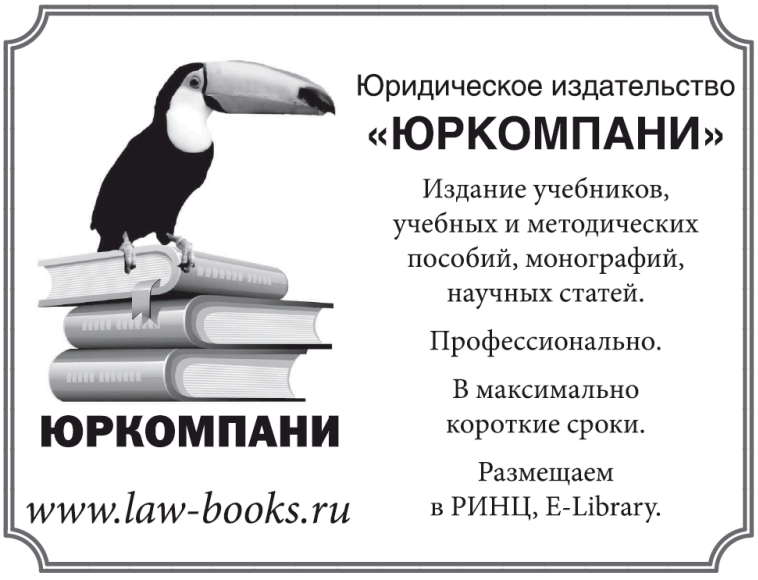
[11] Yakovleva L.V. Restorative justice and probation: integration potential for the Russian legal system // Legality. – 2022. – № 7. - S. 94-100.

[12] European Committee on Crime Problems. The Use of Non-Custodial Sanctions and Measures in Europe. – Strasbourg: Council of Europe, 2021. – 89 p.

[13] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 24.04.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. - Art. 2954.

[14] Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 24.04.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1997. – № 2. - Art. 198.

[15] Review of the practice of courts imposing criminal penalties in the form of restriction of freedom and forced labor, approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 25.12.2019 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2020. – № 4.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-318-323
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

БАТОЧКО О.В.,
доцент кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», кандидат юридических наук, майор полиции в отставке, e-mail: mail@law-books.ru

ГУСЕЯН Г.О.,
студент группы ПД-22 специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность, специализация «Обеспечение безопасности в уголовно-исполнительной системе», e-mail: gulya.guseyan22@mail.ru

ОКУНЕВА А.О.,
студент группы ПД-22 специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность, специализация «Обеспечение безопасности в уголовно-исполнительной системе», e-mail: mail@law-books.ru

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И АВТОНОМНЫХ СИСТЕМ

Аннотация. *Статья посвящена проблема уголовно-правовой квалификации преступлений террористической направленности, совершенных с использованием технологий искусственного интеллекта и автономных систем. Авторами рассматривается понятие преступлений террористической направленности и террористического характера, оценивается их нормативная регламентация и определяется значение в квалификации деяний. Исследована специфика объективной стороны, причинной связи и субъективного вменения в условиях, когда общественно опасные последствия причиняются не непосредственно действиями человека, а через автономное алгоритмическое решение ИИ-агента. Подчеркивается, что искусственный интеллект и автономные системы не являются субъектами уголовного права и не могут нести ответственность.*

Ключевые слова: *технологии искусственного интеллекта, автономные системы, преступления террористической направленности, преступления террористического характера, субъект преступления, причинно-следственная связь.*

Для цитирования: *Баточко О. В., Гусеян Г. О., Окунева А. О. Квалификация преступлений террористической направленности, совершенных с использованием искусственного интеллекта и автономных систем // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 318–323.*

BATOCHKO O.V.,
associate professor at the Department of Criminal Law at the Southwest State University, Candidate of Legal Sciences, and a retired police major

GUSEYAN G.O.,
student in group PD-22, majoring in Law Enforcement, with a specialization in "Ensuring Security in the Penitentiary System"

OKUNEVA A.O.,
student in group PD-22, majoring in Law Enforcement, with a specialization in «Ensuring Security in the Penitentiary System»

QUALIFICATION OF CRIMES OF A TERRORIST NATURE COMMITTED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND AUTONOMOUS SYSTEMS

Annotation. *The article is devoted to the problem of criminal-legal classification of terrorist crimes committed using artificial intelligence technologies and autonomous systems. The authors examine the concept of terrorist crimes and crimes of a terrorist nature, assess their regulatory framework, and determine their significance in the classification of acts. The study examines the specifics of the objective side, the causal relationship, and subjective imputation in conditions where socially dangerous consequences are caused not directly by human actions, but through an autonomous algorithmic decision of an AI agent. It is emphasized that artificial intelligence and autonomous systems are not subjects of criminal law and cannot be held liable.*

Key words: *artificial intelligence technologies, autonomous systems, terrorist crimes, terrorist crimes, the subject of the crime, causation.*

For citation: *Batochko O. V., Guseyan G. O., Okuneva A. O. Qualification of crimes of a terrorist nature committed using artificial intelligence and autonomous systems. Russian scientific bulletin. 2026;(11):318–323. (In Russ.).*

28 сентября 2026 года по случаю 25 – летия со дня создания Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН глава Контртеррористического управления ООН Дмитрий Зуев заявил, что терроризм как общественно-опасное и деструктивное явление продолжает эволюционировать [1]. Пользуясь нестабильной и сложной обстановкой в мире, террористы расширяют географию своей деятельности, а также внедряют в нее новые и развивающиеся технологии, в числе которых немаловажное место занимают технологии искусственного интеллекта (далее по тексту – ИИ) [2, с.126].

Столь нарастающие темпы развития терроризма и всё более активное применение террористами новых технологий доказывают ограниченную эффективность борьбы с данным явлением как со стороны органов государственного управления, так и международных организаций. История борьбы с терроризмом насчитывает не одно десятилетие, однако полностью искоренить данное явление не представляется возможным по настоящее время. Показательно, что государства реагируют на угрозы террористической направленности и на институциональном уровне. Так, к примеру Указом президента Российской Федерации в 2015 году в Министерстве иностранных дел Российской Федерации была учреждена новая должность – заместителя министра по вопросам противодействия терроризму [3].

Появление и стремительное развитие технологий искусственного интеллекта несомненно сказалось на всех сферах общественной жизни, правоприменительная деятельность не стала исключением. Каждый технологический рост и прорыв ставят перед компетентными государственными органами вопрос: как правильно квалифицировать деяние, совершенное с использованием новых средств.

Проблемы квалификации во многом обусловлены тем, что правоприменитель сталкивается с явлениями, содержание которых остается неопределенным. В связи со сказанным, прежде чем рассматривать проблемы уголовно – правовой квалификации, обратимся к определению ключевых понятий по теме исследования.

В правоприменительной деятельности и юридической доктрине для обозначения деяний, связанных с терроризмом, используются два термина — «преступления террористического характера» и «преступления террористической направленности», которые имеют достаточно похожую сущностную схожесть, но принципиально различную степень нормативной легитимности. «Преступления террористического характера» фигурировали в тексте утратившего силу Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом», в котором под такими преступлениям подразумевался перечень деяний, связанных с терроризмом. Вместе с тем действующий Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» данного понятия не содержит, оперируя категориями «терроризм», «террористическая деятельность» и «террористический акт». Несмотря на это, термин «преступления террористического характера» продолжает встречаться в ряде нормативных актов, например в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) и в ведомственных нормативных актах — без определения и без указания на конкретные статьи Уголовного кодекса РФ (далее по тексту — УК РФ), что порождает правовую неопределённость. Термин «преступления террористической направленности» никогда не являлся законодательно определенным: он отсутствует как в федеральных законах, так и в УК РФ. Его использование обусловлено исключительно

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1, в названии которого — «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» — фигурирует данная дефиниция. Использование в Постановлении Пленума данной категории дает основание утверждать, что названный документ посвящен категории преступлений, формально отсутствующей в федеральном законе и УК РФ. Таким образом, оба термина в настоящее время не имеют легального закрепления, однако если первый имел историческое нормативное основание, то второй представляет исключительно доктринально-правоприменительное использование. Как отмечают С.Ю. Субочев и А.Н. Шмыгун [8, с.146], действующий Федеральный закон не охватил понятия «преступления террористического характера», что не облегчит правоприменительную работу специалистов и не разрешит один из проблемных вопросов: что следует понимать под преступлениями террористического характера.

Отсутствие легального термина «преступления террористической направленности» представляет собой серьезную проблему применительно к деяниям, совершаемым с использованием технологий искусственного интеллекта и автономных систем. Если в отношении традиционных террористических преступлений, правоприменитель опирается на сложившуюся правоприменительную практику и на разъяснения Пленума ВС РФ, то в отношении террористических преступлений, совершенных с использованием новых технологий, такая практика практически отсутствует [5].

Рассмотрим, как именно террористы используют искусственный интеллект в своей деятельности, поскольку практика последних лет свидетельствует о том, что террористические организации активно адаптируют достижения в области искусственного интеллекта и автономных систем для подготовки и совершения преступлений [4].

Во-первых, технологии искусственного интеллекта позволяют автоматизировать и систематизировать часть процессов преступной деятельности. В качестве примера выступает нигерийская террористская группировка «Боко Харам», внесённая Советом Безопасности ООН в список террористических организаций, основной целью которой было введение законов шариата на всей территории Нигерии и полного уничтожения западного образа жизни. Члены группировки рассматривали любую общественную и политическую деятельность, связанную с западными ценностями, как подлежащую безусловному запрету. К числу таких ценностей они относили светское образование, демократию западного образца и принцип разделения властей, голосование на выборах, ношение западной одежды, а также использование элементов современной западной культуры. В июле 2026 года, Cambridge Programme on AI Science & Policy (CASP) при Кембриджском университете был опубликован отчёт о применении ИИ внутри действующей террористической организации. Доклад основан на 57 полуструктурированных интервью с 27 бывшими участниками «Боко харам», проведённых на северо-востоке Нигерии в 2025–2026 годах. По словам бывших участников группировки, «Боко Харам» применял в своей деятельности такие сервисы как ChatGPT, Claude, Gemini, Grok, Meta AI и DeepSeek для перевода, пропаганды, оперативного планирования и технического устранения неполадок [9]. Кроме того, террористы не имели штатных инженеров и специалистов по вооружению, которых проблематично нанять, перевезти через границу и удержать. Боевики описывали системе возникающие технические проблемы (характеристики мотоциклов, необходимое расстояние, другие параметры), а ИИ выдавал готовое решение. В период с 2023 по 2024 год для членов «Боко Харам» были проведены обучающие семинары, где боевиков учили использовать ведущие ИИ чат-боты, устанавливать VPN и программы шифрования. На примере «Боко Харам» можно сделать вывод о том, что технологии ИИ используются террористами в качестве средства автоматизации и систематизации боевой деятельности. Помимо прочего, данный пример наглядно показывает конкретный квалификационный вопрос: если боевик получил от чат-бота техническое решение, которое привело к созданию мощного взрывного устройства, как это отражается на установлении субъективной стороны и причинно-следственной связи?

Другим направлением использования ИИ технологий террористами выступает создание масштабируемого пропагандистского контента террористическими организациями. Террористические организации посредством технологий ИИ генерируют изображения различного рода: видео контент новостных выпусков, а также дипфейки - аудиофайлы с голосами лидеров, читающих религиозные тексты. По данным американского аналитического центра Center for Strategic and International Studies, запрещенная в Российской Федерации международная террористическая организация Аль-Каида распространяла изображения, созданные с помощью технологий искусственного интеллекта, а в 2024 году киберструктура Аль-Каиды – «Электронная армия Аль-Малахем» выпустила уникальное руководство «Удивительные способы использования чат-ботов

на базе искусственного интеллекта», в котором была дана подробная инструкция по использованию технологий ИИ в деятельности организации. Помимо прочего, Аль-Каида использует инструменты искусственного интеллекта для перевода сообщений на различные языки [10]. Проблема квалификации таких деяний заключается в определении субъекта преступления. В данном случае правоприменитель стоит перед сложным выбором: субъект — оператор, использовавший ИИ и задавший промпт, разработчик модели или лицо, распространившее контент?

Одной из наиболее острых на данный момент сфер применения новых технологий террористами выступает использование автономных боевых систем — дронов и транспортных средств, способных к автономному распознаванию и поражению целей. Благодаря алгоритмам машинного обучения дроны могут анализировать изображения в реальном времени, идентифицировать цели и наносить удары без участия человека [6].

Примером использования автономных систем в совершении атак выступает операция «Паутина», проведенная вооруженными силами Украины 1 июня 2025 года накануне переговоров в Стамбуле лидеров двух стран. Суть указанной операции заключалась в атаке более 117 дронов на военные аэродромы России. Российские системы радиоэлектронной борьбы смогли успешно прервать канал связи между дронами и операторами, однако атака не прервалась. Дроны продолжили полёт и поразили цели благодаря терминальной автономии — режиму, в котором система самостоятельно распознаёт и удерживает цель по визуальным данным, без участия человека [11].

Таким образом можно сделать вывод о том, что решение о поражении конкретной цели принималось не человеком-оператором, а бортовым алгоритмом. Оператор лишь задавал общий маршрут и тип цели, а финальный выбор и наведение осуществлялись автономно. Проблема квалификации деяний с использованием автономных систем также состоит в том, что классическая модель состава преступления, где обязательны субъективная сторона преступления и причинно-следственная связь ставится под сомнение.

Рассмотрев основные направления использования ИИ технологий и автономных систем в совершении преступлений террористической направленности, можно отметить ряд проблем в квалификации таких деяний. Во-первых, классическая модель уголовного права предусматривает, что субъективная сторона преступления — это внутренняя, психическая сторона деяния, которая отражает отношение лица к совершаемому им общественно опасному действию (бездействию) и его последствиям. То есть преступное деяние состоит из схемы умысел – деяние – преступный результат. В то время технологии искусственного интеллекта и автономные системы «вставляют» нечеловеческого агента между человеческим намерением и применением силы. Человек может запустить дрон с намерением атаковать военный объект, но система, «самостоятельно» интерпретировав данные сенсоров, выберет гражданскую цель. Кроме того, искусственный интеллект не обладает сознанием, волей и правосубъектностью, поэтому не может быть субъектом преступления. Следовательно, его «решение», принимаемое автономными системами и ИИ не является умыслом в классическом уголовно-правовом смысле [7].

Помимо прочего, проблемным вопросом является квалификация таких деяний, где система принимает решение на основе самообучения, далее приводя дрон в действие. В таком случае крайне сложно доказать, что лицо, запустившее дрон, предвидело и желало наступления конкретных последствий. Это доказывает невозможность вменения прямого умысла и дальнейшего привлечения к ответственности конкретного лица. Также стоит отметить, что автономность алгоритмов затрудняет установление причинной связи в преступном деянии. Как указывают О.А. Козина и Е.А. Соколова, проблема усугубляется тем, что причинно-следственная связь между действиями разработчика или владельца и вредом, причиненным автономной системой, может быть разорвана. Разработчик не предвидел и не мог предвидеть конкретное решение, принятое системой на основе самообучения; владелец не вмешивался в работу алгоритма» [12, с.76].

Помимо прочего, использование в террористических преступлениях технологий ИИ и автономных систем подтверждает теорию «опосредованного вреда» - ситуация, когда вред наступает не напрямую от деяния виновного, а через цепочку событий или с использованием «посредника - через автономное алгоритмическое поведение ИИ-агента. Первоначальным звеном выступают действия разработчика — создание алгоритма, обучение модели, однако это действие отделено от наступившего и само по себе не порождает общественно опасных последствий. Далее оператор запускает систему, вводит исходные данные, ставит задачи или выбирает режим функционирования. Это звено также не находится в непосредственной причинной связи с конкретными общественно-опасными последствиями, поскольку оператор, как правило, не контролирует все последующие решения системы и не может предвидеть их в полном объёме. Затем в цепочку вступает автономное «решение» системы — выбор цели, определение способа и момента воздей-

ствия, которые осуществляются алгоритмом на основе самообучения. Именно это звено является ключевым: оно не является действием человека в уголовно-правовом смысле, но именно оно непосредственно обусловливает наступление вреда. Замыкающим звеном выступает наступление вреда — общественно опасных последствий, предусмотренных уголовным законом. Следовательно, причинная связь не обрывается, а растягивается: между действием человека и результатом возникает нечеловеческий агент, который принимает решение самостоятельно.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что применение террористической деятельности технологий ИИ и автономных систем подтверждает теорию опосредованного вреда в уголовном праве, при котором между действиями человека и преступным результатом появляется звено в виде автономного алгоритмического решения. Квалификация преступлений террористической направленности, совершенных с использованием ИИ и автономных систем, должна основываться на анализе следующих элементов: 1) роли и намерений разработчика; 2) действий оператора (запуск, ввод данных, постановка задач, выбор режима); 3) степени автономности и предсказуемости системы; 4) возможности и обязанности человека предвидеть и контролировать поведение системы; 5) наличия специальной цели террористического преступления. Совершение преступлений террористической направленности с использованием рассматриваемых технологий не создает нового состава, но влияет на квалификацию как способа, средства, обстановки и степени общественной опасности деяния, а в перспективе требует уточнения разъяснений Пленума ВС РФ и, возможно, введения квалифицирующего признака.

Список литературы:

[1] В ООН заявили, что террористы все чаще используют ИИ. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/28159243 (дата обращения: 03.10.2026).

[2] Рогожина С.Г. Квалификация преступлений, совершённых с использованием искусственного интеллекта: новые вызовы для уголовного закона // Всероссийский научный журнал «Вопросы права». 2026. № 4. С. 126-129.

[3] О заместителе Министра иностранных дел Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму: Указ Президента Российской Федерации от 19.03.2015 № 143 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Российская Федерация. Законы. О борьбе с терроризмом: Федеральный закон от 25.07.1998 № 130-ФЗ: [утратил силу с 1 января 2007 г.] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Российская Федерация. Законы. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ: (ред. от 25.05.2026) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 05.10.2009 № Пр-2540 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[7] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1: (ред. от 03.11.2016) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] Субачев С. Ю., Шмыгун А.Н. Закрепление категории "преступления террористического характера" в федеральном законе "о противодействии терроризму" // Общество и право. 2006. № 2(12). С. 146-147.

[9] В Кембридже описали использование ChatGPT, Claude и Gemini боевиками «Боко харам». URL: https://citforum.ru/news/47204/ (дата обращения: 07.10.2026).

[10] Аль-Каида: предыстория, текущее состояние и политика США. URL: https://www.iimes.ru/?p=108966/ (дата обращения: 07.10.2026).

[11] Бортников: Украина провела операцию "Паутина" под руководством Британии. URL: https://rg.ru/2025/10/16/bortnikov-ukraina-provela-operaciiu-pautina-pod-rukovodstvom-britanii.html/ (дата обращения: 07.10.2026).

[12] Козина О. А. Искусственный интеллект как орудие преступления: проблемы вменения и субъекта ответственности // Сфера науки. 2026. Т. 1, № 6. С. 70-81.

References:

[1] The UN said terrorists are increasingly using AI. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/28159243 (access date: 03.10.2026).

[2] Rogozhina S.G. Qualification of crimes committed using artificial intelligence: new challenges for the criminal law // All-Russian scientific journal "Questions of Law." 2026. № 4. S. 126-129.

[3] On the Deputy Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation for Countering Terrorism: Decree of the President of the Russian Federation of 19.03.2015 No. 143 // Access from the ConsultantPlus legal system.

[4] Russian Federation. Laws. On the fight against terrorism: Federal Law of 25.07.1998 No. 130-FZ: [expired on January 1, 2007] // Access from the ConsultantPlus legal reference system.

[5] Russian Federation. Laws. On countering terrorism: Federal Law No. 06.03.2006 of 35-FZ: (as amended by 25.05.2026) // Access from the ConsultantPlus legal system.

[6] The concept of countering terrorism in the Russian Federation: approved by The President of the Russian Federation 05.10.2009 No. Pr-2540 // Access from the ConsultantPlus legal system.

[7] On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.02.2012 No. 1: (ed. 03.11.2016) // Access from the ConsultantPlus reference and legal system.

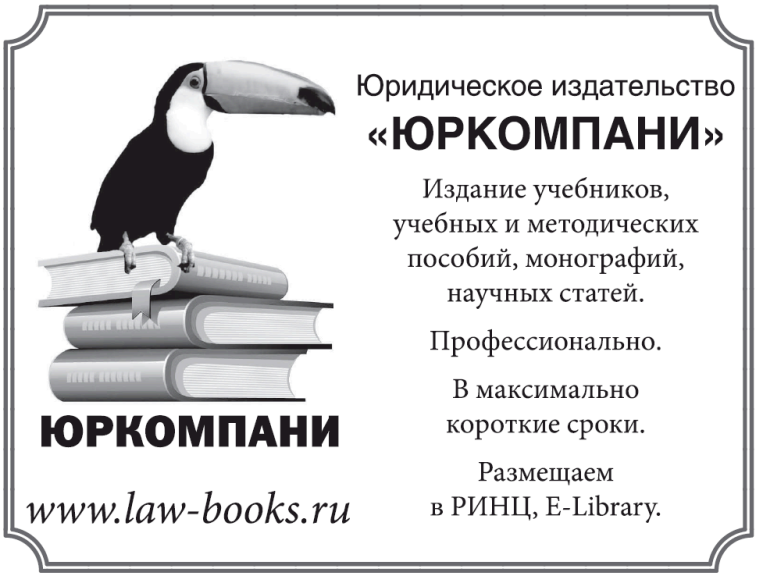
[8] Subachev S. Yu., Shmygun A.N. Consolidation of the category "crimes of a terrorist nature" in the federal law "on countering terrorism" // Society and law. 2006. № 2(12). S. 146-147.

[9] Cambridge described the use of ChatGPT, Claude and Gemini by Boko Haram militants. URL: https://citforum.ru/news/47204/ (access date: 07.10.2026).

[10] Al Qaeda: Background, Current Status, and U.S. Policy. URL: https://www.iimes.ru/?p=108966/ (access date: 07.10.2026).

[11] Bortnikov: Ukraine conducted Operation Web under British leadership. URL: https://rg.ru/2025/10/16/bortnikov-ukraina-provela-operaciiu-pautina-pod-rukovodstvom-britanii.html/ (дата обращения: 07.10.2026).

[12] Kozina O. A. Artificial intelligence as an instrument of crime: problems of imputation and the subject of responsibility // Sphere of science. 2026. T. 1, NO. 6. S. 70-81.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-324-330
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

НИКОЛАЕВ Вадим Александрович,
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
e-mail: vadyusha_nikolaev7420@mail.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ (ПОД/ФТ) ПРИ ОБОРОТЕ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ

Аннотация. *Исследуется противодействие отмыванию доходов и финансированию терроризма при обороте цифровых валют с учётом российской законодательной реформы 2026 года. Цель работы — определить условия юридически обоснованного использования цифрового анализа и информационного сопровождения переводов. Применены формально-юридический метод, системное толкование и сопоставление с подходами ФАТФ. Разграничены цифровая валюта, цифровые финансовые активы и цифровой рубль, превентивная оценка риска и доказывание преступления. Обосновано, что транзакционная связь не заменяет подтверждения принадлежности актива, его преступного происхождения и направленности умысла. Предложена трёхуровневая проверка: идентификация участника, установление происхождения актива и мотивированный выбор правового последствия. Сформулированы предложения по документированию анализа, ответственности посредников и пересмотру ошибочных ограничений с учётом переходных положений законодательства.*

Ключевые слова: *цифровая валюта, легализация преступных доходов, ПОД/ФТ, цифровой анализ, цифровой депозитарий, идентификация, информационное сопровождение переводов, ФАТФ.*

Для цитирования: *Николаев В. А. Правовые аспекты противодействия легализации (отмыванию) доходов (ПОД/ФТ) при обороте цифровых валют // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 324–330.*

NIKOLAEV Vadim Aleksandrovich,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

LEGAL ASPECTS OF ANTI-MONEY LAUNDERING AND COUNTER-TERRORIST FINANCING IN DIGITAL CURRENCY TRANSACTIONS

Annotation. *The article examines anti-money laundering and counter-terrorist financing in digital currency transactions following Russia's 2026 legislative reform. It aims to identify conditions for the legally sound use of digital analysis and transfer information. The methods include doctrinal legal analysis, systematic interpretation and comparison with FATF approaches. The study distinguishes digital currency, digital financial assets and the digital ruble, as well as preventive risk assessment and proof of a criminal offence. It argues that a transactional link cannot replace evidence of control over an asset, its criminal origin or the relevant intent. A three-level review is proposed: identification of the participant, examination of the asset's origin and a reasoned choice of legal consequences. Recommendations address documentation of analysis, intermediary responsibility and review of erroneous restrictions, taking account of transitional statutory provisions.*

Key words: *digital currency, money laundering, AML/CFT, digital analysis, digital depository, identification, transfer information, FATF.*

For citation: *Nikolaev V. A. Legal aspects of anti-money laundering and counter-terrorist financing in digital currency transactions. Russian scientific bulletin. 2026;(11):324–330. (In Russ.).*

Оборот цифровых валют поставил перед системой противодействия легализации преступных доходов задачу соединить сведения о движении актива с юридически значимой информацией о его владельце и происхождении. Запись в распределённом реестре способна подтвердить перемещение цифровых единиц, однако сама по себе не устанавливает, кто распорядился ими и на каком основании. Поэтому результативность ПОД/ФТ зависит от согласования финансового мониторинга, отраслевых правил оборота и уголовно-правовой оценки конкретного поведения. Е. А. Липин рассматривает отмывание доходов в цифровой экономике как угрозу экономической безопасности, связанную с изменением способов включения преступного дохода в хозяйственный оборот. Для юридического исследования этот подход требует уточнения: какие сведения достаточны для превентивной проверки и какие обстоятельства необходимо доказать для применения ответственности [1].

Временные границы анализа определены состоянием нормативного регулирования на 18 октября 2026 года. Федеральные законы от 4 августа 2026 года № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» и № 283-ФЗ, изменивший связанные законодательные акты, сформировали новую основу регулирования профессионального оборота цифровых валют. При этом принятие нормативной модели и её полное применение не совпадают во времени: законодатель установил переходные сроки и отложенное вступление отдельных положений в силу [2]. Это обстоятельство исключает механическое перенесение выводов публикаций 2021–2025 годов о недостатке регулирования на современное состояние рынка.

Цель исследования — определить условия, при которых данные о цифровой валюте могут служить основанием для обоснованного решения в системе ПОД/ФТ. Объектом выступают отношения, складывающиеся при предупреждении использования цифровых валют в противоправной деятельности; предметом — нормы об идентификации, цифровом анализе, информационном сопровождении переводов и юридических последствиях выявленного риска. Использованы формально-юридический метод, системное толкование и сопоставление национального регулирования с международными стандартами. Научная новизна состоит в обосновании трёхуровневой правовой проверки, которая связывает технический результат анализа с конкретным участником и применимой правовой нормой. Предлагаемая модель имеет нормативно-аналитический характер; её эффективность не представляется как подтверждённая эмпирическим исследованием.

Развитие научных подходов. Д. В. Кащеев связывает риски ПОД/ФТ с трансграничностью криптовалютного рынка, недостатками идентификации и использованием цифровых активов на разных этапах движения преступного дохода [4]. Такое описание полезно для определения направлений контроля, но последовательность размещения, расслоения и интеграции следует рассматривать как аналитическую схему, а не обязательный набор признаков состава преступления. Доход может первоначально возникнуть в цифровой форме, а преобразование в рубли не является необходимым условием возникновения антиотмывочного риска.

Г. В. Назаренко группирует индикаторы отмывания по характеристикам транзакций, способам обеспечения анонимности, сведениям об отправителях и получателях, а также источнику средств [5]. Эта классификация позволяет упорядочить разнородные признаки. Её дальнейшее развитие, по нашему мнению, должно состоять в закреплении связи между обнаруженным индикатором, запрашиваемым подтверждением и возможным правовым последствием. Без такой связи перечень признаков превращается в основание для формального отнесения любой необычной операции к подозрительным.

Б. В. Яцеленко и И. С. Шадрихина обращают внимание на трудности уголовно-правовой оценки операций с цифровой валютой и предлагают совершенствовать механизмы противодействия её использованию при отмывании доходов [6]. Значение этой работы состоит в постановке вопроса о согласованности правового регулирования. Вместе с тем оценка совершённого деяния должна строиться на признаках соответствующего состава, а выводы о необходимости изменения закона — отделяться от описания действующего права. Ни необычность технологии, ни несовершенство контроля сами по себе не подтверждают преступный характер операции.

И. Ю. Золин и С. И. Земцова показывают, что при легализации наркодоходов цифровая валюта используется в сочетании с обменными сервисами и способами усложнения транзакционной истории [7]. Их исследование раскрывает значение установления предикатного источника дохода. Однако выявленная в конкретной криминальной среде типология не может автоматически переноситься на всех участников рынка. Один и тот же технологический инструмент допускает различные способы использования, а его правовая оценка зависит от обстоятельств операции и осведомлённости лица.

Отдельное направление представлено работой Д. Е. Медведевой и А. А. Татаурова, посвящённой цифровому рублю и потенциальным рискам легализации доходов [8]. Сопоставление этой пуб-

ликации с исследованиями криптовалют полезно прежде всего для разграничения правовых режимов. Возможность автоматизации расчётов характерна для разных цифровых инструментов, но круг обязанных субъектов, доступность сведений и способы контроля определяются устройством соответствующей системы. Поэтому единое обозначение «цифровые деньги» недостаточно для выбора применимой нормы.

Предмет регулирования и пределы его унификации. В статье под цифровой валютой понимается объект, определяемый законодательством о цифровых валютах и цифровых правах. Важен имущественный характер такого объекта и отсутствие обязанного перед каждым обладателем лица, кроме субъектов, обеспечивающих соблюдение правил соответствующей информационной системы. Цифровые финансовые активы, напротив, удостоверяют предусмотренные законом права. Цифровой рубль относится к российской национальной валюте и действует в иной правовой и организационной среде. Банк России характеризует его как дополнительную форму рубля [9]. Следовательно, правила частного криптовалютного оборота нельзя без специального основания распространять на платформу цифрового рубля.

Понятие виртуального актива в документах ФАТФ имеет функциональное назначение: оно используется для определения рисков и охвата услуг, связанных с такими активами. Руководство ФАТФ 2021 года связывает применение антиотмывочных мер с характером деятельности поставщика услуг, а не только с используемым им наименованием [10]. Национальная юридическая квалификация при этом сохраняет самостоятельное значение. В частности, токен со стабильной стоимостью нельзя относить к цифровой валюте исключительно по факту его использования в расчётах: необходимо исследовать права владельца, наличие обязанного лица и применимость режима иностранных цифровых инструментов.

Седьмой целевой обзор ФАТФ 2026 года показывает, что развитие законодательства не устраняет практических трудностей выявления поставщиков услуг, надзора и применения правила передачи сведений об участниках перевода. В документе также рассматриваются риски операций через внешние кошельки, офшорных сервисов и децентрализованных финансов [11]. Для российского регулирования из этого следует методологический вывод: создание реестра участников и установление обязанностей необходимо оценивать вместе с возможностью проверить их исполнение. Формальное присутствие посредника в регулируемой системе не обеспечивает достоверности каждой совершённой через него операции.

Обязанности участников профессионального оборота. Федеральный закон № 115-ФЗ связывает предупреждение отмывания доходов с идентификацией, внутренним контролем, выявлением соответствующих операций, хранением и передачей информации уполномоченному органу. Круг обязанных организаций и содержание их действий определяются законом [12]. Поэтому личное владение цифровой валютой, профессиональное предоставление услуг и обслуживание расчёта банком требуют различной правовой оценки. Посредник должен исполнять обязанности, относящиеся к его статусу и функции в операции; клиентский договор не создаёт для него полномочий, которых закон не предусматривает.

Реформа 2026 года вводит цифровые депозитарии и организации, осуществляющие обмен цифровых валют, в систему специального регулирования. Как разъяснил Росфинмониторинг 1 сентября 2026 года, с изменениями связаны идентификация клиентов, обновление сведений, применение предусмотренных законом мер и информационное сопровождение переводов [13]. Основное значение этих правил состоит в создании юридически определённой точки взаимодействия между пользователем, инфраструктурой оборота и уполномоченными органами. Однако сведения депозитария об учёте актива и сведения банка о денежном платеже описывают разные части одной операции; их необходимо сопоставлять по сумме, времени, участникам и основанию расчёта.

Самостоятельное место занимает цифровой анализ по статье 35 Закона № 282-ФЗ. Его предмет охватывает проверку актива и адресов-идентификаторов на связь с деятельностью, в отношении которой установлена уголовная или административная ответственность, а также с иными препятствующими обстоятельствами. Закон предусматривает проведение анализа до сделки или операции, а при отсутствии фактической возможности — в установленный внутренними правилами срок, не превышающий трёх рабочих дней. Для ряда посредников обязанность зависит от использования адресов, администрируемых цифровыми депозитариями; привлечение поставщика услуг не переносит на него ответственность обязанного участника [2]. Таким образом, цифровой анализ представляет собой специальную обязанность с определённой сферой применения, а не универсальную обязанность каждого владельца приобретать коммерческий отчёт о риске.

Информационное сопровождение операций и цифровой анализ выполняют взаимосвязанные, но самостоятельные функции. Статья 7.2-1 Закона № 115-ФЗ регулирует получение, передачу, контроль полноты и хранение сведений об участ-

никах операций с цифровыми валютами и цифровыми правами; последствия отсутствия сведений различаются в зависимости от роли соответствующего лица [12]. История движения актива не заменяет информацию о плательщике и получателе, а правильно заполненное поручение не подтверждает законность происхождения актива. Поэтому соблюдение одной процедуры не должно рассматриваться как доказательство исполнения другой.

Из этого следует необходимость разграничивать и ответственность участников. Депозитарий обеспечивает относящиеся к нему учётные и контрольные действия; брокер исполняет собственные обязанности при передаче поручения; банк оценивает доступную ему денежную часть расчёта. Внутренние документы должны устанавливать, какие сведения получены непосредственно, какие поступили от другого участника и какие нуждаются в дополнительной проверке. Предлагаемое распределение не освобождает от самостоятельных требований закона: оно позволяет установить, на каком участке возник информационный разрыв, и кто должен его устранить.

Превентивный риск и уголовно-правовое доказывание. Результат анализа адреса имеет ограниченное юридическое значение. Отмеченная связь с рискованной инфраструктурой может служить поводом для проверки, но не устанавливает автоматически преступное происхождение всех поступивших активов. Необходимо различать непосредственный перевод от известного контрагента и вывод о связи через последовательность промежуточных адресов. Также должны учитываться особенности формирования аналитических данных: объединение адресов в предполагаемую группу, давность метки, неполнота наблюдаемой истории и возможность ошибочной атрибуции. Это не исключает использования анализа, но требует фиксации его допущений.

Уголовно-правовая оценка по статьям 174 и 174.1 УК РФ предполагает установление предусмотренных соответствующей нормой обстоятельств: приобретения имущества преступным путём, действий с ним, требуемой осведомлённости и цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению. Различие между статьями связано, в частности, с тем, кем совершено преступление, в результате которого приобретено имущество [14]. Нарушение условий обслуживания или правил профессионального оборота не равнозначно наличию этого состава. Напротив, формально корректное прохождение идентификации не исключает ответственности, если все необходимые признаки доказаны.

Не следует также отождествлять отмывание доходов и финансирование терроризма. При отмывании ключевое значение имеет преступный источник имущества и предусмотренная законом направленность действий. Для финансирования терроризма средства могут иметь первоначально законный источник; оцениваются цели их предоставления, сбора или использования и осознание соответствующих обстоятельств, установленных уголовным законом. Поэтому проверка только истории происхождения актива недостаточна для всего комплекса ПОД/ФТ. Необходима самостоятельная оценка получателя, назначения операции и иных юридически значимых связей без переноса признаков одного состава на другой.

Использование технических сведений в уголовном процессе требует соблюдения правил получения и оценки доказательств. Положения статей 74 и 88 УПК РФ не допускают подмены исследования относимости, допустимости и достоверности ссылкой на авторитет аналитического сервиса [15]. По нашему мнению, при использовании отчёта следует сохранять исходные сведения о транзакциях, дату выгрузки, идентификаторы операций, версию применённого инструмента и описание способа установления связи адресов. Правовая форма включения этих данных в материалы дела определяется процессуальным законом и обстоятельствами их получения; коммерческий отчёт не становится заключением эксперта только вследствие своего названия.

Трёхуровневая модель правовой проверки. Для согласования рассмотренных требований предлагается модель, в которой каждый уровень отвечает на самостоятельный вопрос. Первый уровень устанавливает участника и его отношение к операции. Проверяются личность или сведения об организации, полномочия представителя, применимые сведения о бенефициарном владельце, принадлежность используемых счетов и характер контроля над адресом. Результат этого уровня — подтверждённая либо требующая уточнения связь конкретного лица с активом. Совпадение имени клиента с именем держателя банковского счёта не заменяет проверки иных существенных обстоятельств.

Второй уровень направлен на происхождение актива и экономическое основание операции. Здесь сопоставляются история переводов, документы о приобретении, сведения о майнинге либо ином заявленном источнике, условия договора и расчётные документы. Объём дополнительного запроса должен зависеть от выявленного риска и возможностей клиента представить подтверждение. Устранение сомнений не следует связывать с требованием доказать отсутствие любой противоправной связи за всю историю существования цифровых единиц. Такое требование практически неисполнимо и не позволяет определить, какое

именно обстоятельство подлежит проверке.

Третий уровень заключается в выборе юридически обоснованного решения. Обязанный участник должен установить норму, определяющую последствие, фактическое основание её применения, необходимый объём фиксации и компетентное лицо, принимающее решение. Продолжение обслуживания, дополнительная проверка, направление сведений уполномоченному органу и предусмотренное законом ограничение — различные результаты. Самостоятельно установленный процент риска не создаёт нового основания замораживания или конфискации имущества. При наличии прямой обязанности закон должен исполняться; при наличии оценочного полномочия необходимы мотивировка и документирование.

Модель можно пояснить на условном примере, который не воспроизводит конкретное уголовное дело. Клиент предъявляет договор продажи ранее приобретённой цифровой валюты, но анализ показывает опосредованную связь адреса с сервисом, отмеченным как рискованный. Первый уровень требует установить отношение клиента к адресу и расчёту. Второй — проверить документируемую историю приобретения и характер выявленной связи. Третий — определить применимое правовое основание дальнейших действий. Если обнаружена ошибка атрибуции, оценка должна быть пересмотрена; если получены обстоятельства, предусмотренные законом для обязательной меры, она применяется независимо от объяснений клиента. Вывод о виновности при этом остаётся за пределами полномочий обслуживающей организации.

Документирование и гарантии прав участников. Практическим инструментом модели предлагается сделать протокол правовой проверки операции. В нём целесообразно фиксировать проверяемый актив и адреса, источники сведений, выявленные индикаторы, документы клиента, проверенные объяснения, применённую норму и принятое решение. Отдельно указываются пределы вывода: подтверждённый факт, вероятностная связь или неустранённое сомнение. Протокол не должен создавать видимость достоверности путём механического заполнения формы. Его назначение — обеспечить возможность установить, почему конкретное ограничение было признано необходимым и какие сведения могут повлиять на пересмотр решения.

Открытость такого решения имеет законные пределы. Часть 6 статьи 35 Закона № 282-ФЗ ограничивает раскрытие правил цифрового анализа; антиотмывочное законодательство также предусматривает ограничения информирования клиента. Поэтому предложение об объяснимости не предполагает передачи клиенту внутренних алгоритмов, закрытых индикаторов или сведений, раскрытие которых запрещено. Следует разграничить защищаемую методику и доступную в установленном порядке информацию о правовом основании решения и способе его пересмотра. Для надзорного и судебного контроля должны сохраняться данные, позволяющие проверить обоснованность действий без публичного раскрытия защищаемых сведений.

При объединении информации об адресах с идентификационными данными возникают обязанности по защите персональных данных. Статьи 5 и 6 Федерального закона № 152-ФЗ требуют учитывать цель, объём и правовое основание обработки [16]. Публичность распределённого реестра сама по себе не означает допустимости любого последующего профилирования идентифицированного лица. Вместе с тем выполнение установленной законом обязанности нельзя ставить в зависимость от произвольного отзыва согласия, если применяется самостоятельное законное основание обработки. При передаче сведений аналитическому поставщику необходимо определить предмет обработки, меры защиты и допустимость доступа к данным.

Переходные положения и направления совершенствования. Применение новых правил требует проверки даты возникновения обязанности. Согласно статье 56 Закона № 282-ФЗ, часть 3 статьи 1, статья 21 и часть 1 статьи 30 вступают в силу 1 июля 2027 года; ряд других положений, включая статью 45, — 1 сентября 2027 года [2]. Поэтому на дату исследования нельзя описывать весь предусмотренный законом режим как уже действующий в полном объёме. В частности, будущие специальные механизмы предотвращения операций без добровольного согласия клиента необходимо отличать от действующих мер ПОД/ФТ. Сроки приведения деятельности отдельных категорий участников в соответствие с новым регулированием также оцениваются по относящимся к ним переходным нормам.

Первое направление совершенствования состоит в установлении требований к проверяемости результата цифрового анализа. Целесообразно определить минимальный состав сохраняемых данных, порядок фиксации версии модели и обновления атрибуции адресов, правила проверки существенных ошибок. Эти требования должны обеспечивать последующий контроль, сохраняя предусмотренную законом конфиденциальность методик. Обязанность доказать надлежащее исполнение контрольной процедуры не тождественна обязанности раскрыть алгоритм всем участникам рынка.

Второе направление — согласование ин-

формационных обязанностей на стыке инфраструктур. Следует предусматривать сопоставимые идентификаторы операции и порядок устранения расхождений между сведениями депозитария, брокера и банка. При этом повторное получение документов может быть оправданно самостоятельной обязанностью участника или противоречием в данных; устранение дублирования не должно превращаться в автоматическое доверие любому сообщению посредника. Для международного обмена необходимы совместимые форматы, законное основание передачи и проверка доступности требуемых сведений у иностранного контрагента.

Третье направление связано с защитой от ошибочного ограничения. В пределах действующих процедур необходимо обеспечить подачу дополнительных сведений, регистрацию обращения, повторную проверку существенной ошибки и фиксацию результата пересмотра. Внутренняя процедура должна учитывать запреты на раскрытие информации и случаи, когда организация не вправе самостоятельно отменить применённую меру. Оценивать качество системы целесообразно по полноте документирования и своевременности законных действий, а также по выявленным и исправленным ошибкам. Количество отказов само по себе не показывает, насколько результативно предотвращается отмывание доходов.

Заключение. Правовые аспекты ПОД/ФТ при обороте цифровых валют определяются сочетанием имущественного режима актива, обязанностей профессиональных участников и правил применения ответственности. Реформа 2026 года создаёт инфраструктуру идентификации, информационного сопровождения переводов и цифрового анализа, однако не устраняет необходимости проверять фактическое основание каждого решения. Транзакционная связь, принадлежность актива и преступное происхождение дохода представляют собой различные обстоятельства. Для финансирования терроризма самостоятельное значение сохраняют назначение средств и предусмотренная законом осведомлённость лица.

Предлагаемая трёхуровневая модель связывает установление участника, проверку происхождения актива и мотивированный выбор правового последствия. Её практическое назначение — обеспечить прослеживаемость решения от исходного сигнала до применённой нормы, сохраняя различие между вероятностной оценкой и доказанным обстоятельством. Развитие регулирования следует ориентировать на проверяемость цифрового анализа, согласованность действий посредников и исправление существенных ошибок. Такой подход позволяет применять меры ПОД/ФТ соразмерно установленным обстоятельствам и в пределах компетенции соответствующего участника.

Список литературы:

[1] Липин Е. А. Влияние легализации доходов, полученных преступным путем на экономическую безопасность страны, в условиях цифровой экономики // Смирновские чтения – 2025: сборник материалов XXIV Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 19–21 марта 2025 г. СПб.: Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2025. С. 266–275.

[2] Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» // Собрание законодательства РФ. 2026. № 32. Ст. 4479.

[3] Федеральный закон от 04.08.2026 № 283-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/414700473/ (дата обращения: 18.10.2026).

[4] Кащеев Д. В. Противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма, обусловленное развитием рынка криптовалют // Вестник Евразийской науки. 2022. Т. 14. № 1. Ст. 32ECVN122. URL: https://esj.today/PDF/32ECVN122.pdf (дата обращения: 18.10.2026).

[5] Назаренко Г. В. Идентификация отмывания доходов, полученных преступным путем с применением цифровых валют // Философия права. 2021. № 4 (99). С. 149–154.

[6] Яцеленко Б. В., Шадрихина И. С. Противодействие использованию цифровой валюты в легализации (отмывании) денежных средств // Лоббирование в законодательстве. 2024. Т. 3. № 3. С. 59–63. DOI: 10.33693/2782-7372-2024-3-3-59-63. EDN: LRJIIQ.

[7] Золин И. Ю., Земцова С. И. Легализация (отмывание) наркодоходов: использование цифровой валюты // Теория и практика противодействия наркоугрозе. 2023. № 4 (20). С. 5–14. DOI: 10.51980/2686-939X_2023_4_5..

[8] Медведева Д. Е., Татауров А. А. Цифровой рубль и легализация денежных средств, полученных преступным путем [Электронный ресурс]: электронная копия публикации. С. 224–230. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=88583499 (дата обращения к электронной копии: 18.10.2026).

[9] Банк России. Что такое цифровой рубль, зачем он и как работает [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/faq/dr/ (дата обращения: 18.10.2026).

[10] FATF. Updated Guidance for a Risk-Based

Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. Paris: FATF, 2021. URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-virtual-assets-2021.html (дата обращения: 18.10.2026).

[11] FATF. Seventh Targeted Update on Implementation of the FATF Standards on Virtual Assets/VASPs. Paris: FATF, 2026. URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/targeted-updated-virtualassets-vasps-2026.html (дата обращения: 18.10.2026).

[12] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3418.

[13] Росфинмониторинг. Федеральная служба по финансовому мониторингу информирует об изменениях в нормативном правовом регулировании, вступающих в силу с 1 сентября 2026 г. [Электронный ресурс]. 01.09.2026. URL: https://fedsfm.ru/releases/10237 (дата обращения: 18.10.2026).

[14] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[15] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

[16] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

References:

[1] Lipin E.A. The impact of legalization of proceeds from crime on the economic security of the country in the digital economy // Smirnov Readings - 2025: collection of materials from the XXIV International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, March 19-21, 2025 St. Petersburg: Anatoly Sobchak International Banking Institute, 2025. S. 266-275.

[2] Federal Law of 04.08.2026 No. 282-FZ "On Digital Currencies and Digital Rights" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2026. № 32. Art. 4479.

[3] Federal Law of 04.08.2026 No. 283-FZ "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidating Legislative Acts (Certain Provisions of Legislative Acts) of the Russian Federation" [Electronic Resource]. URL: https://base.garant.ru/414700473/ (access date: 18.10.2026).

[4] Kashcheev D.V. Countering money laundering and terrorist financing due to the development of the cryptocurrency market // Bulletin of Eurasian Science. 2022. T. 14. № 1. Art. 32ECVN122. URL: https://esj.today/PDF/32ECVN122.pdf (Accessed: 18.10.2026).

[5] Nazarenko G.V. Identification of laundering of proceeds from crime using digital currencies // Philosophy of law. 2021. № 4 (99). S. 149-154.

[6] Yatselenko B.V., Shadrikhina I.S. Countering the use of digital currency in the legalization (laundering) of funds // Lobbying in legislation. 2024. VOL. 3. № 3. S. 59-63. DOI: 10.33693/2782-7372-2024-3-3-59-63. EDN: LRJIIQ.

[7] Zolin I. Yu., Zemtsova S. I. Legalization (laundering) of drug profits: the use of digital currency // Theory and practice of countering the drug threat. 2023. № 4 (20). S. 5-14. DOI: 10.51980/2686-939X_2023_4_5..

[8] Medvedeva D.E., Tataurov A.A. Digital ruble and legalization of funds obtained by criminal means [Electronic resource]: electronic copy of the publication. S. 224-230. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=88583499 (electronic copy access date: 18.10.2026).

[9] Bank of Russia. What is a digital ruble, why it and how it works [Electronic resource]. URL: https://www.cbr.ru/faq/dr/ (access date: 18.10.2026).

[10] FATF. Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. Paris: FATF, 2021. URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-virtual-assets-2021.html (access date: 18.10.2026).

[11] FATF. Seventh Targeted Update on Implementation of the FATF Standards on Virtual Assets / VASPs. Paris: FATF, 2026. URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/targeted-updated-virtualassets-vasps-2026.html (access date: 18.10.2026).

[12] Federal Law of 07.08.2001 No. 115-FZ "On Combating the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 33 (part 1). Art. 3418.

[13] Rosfinmonitoring. The Federal Financial Monitoring Service informs about changes in regulatory legal regulation that come into force on September 1, 2026. [Electronic resource]. 01.09.2026 URL: https://fedsfm.ru/releases/10237 (accessed on: 18.10.2026).

[14] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[15] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part 1). Art. 4921.

[16] Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (part 1). Art. 3451.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-331-334
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ПАНТЕЛЕЕВ Игорь Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент, Уральский институт ГПС МЧС России, Екатеринбург, Россия, профессор кафедры криминалистики и инженерно-технических экспертиз,
e-mail: doc07@yandex.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. *В статье предпринят системный анализ процессуальных форм изъятия предметов и документов, предусмотренных действующим уголовно-процессуальным законодательством. Автор исходит из того, что категория «изъятие» не является монолитной и находит своё выражение в различных институтах УПК РФ. Рассматриваются основания, условия и порядок производства выемки и обыска как основных следственных действий, опосредующих принудительное изъятие объектов, имеющих значение для уголовного дела. Отдельное внимание уделено проблематике изъятия на стадии возбуждения уголовного дела в контексте части первой статьи 144 УПК РФ, а также вопросам правового статуса изъятых предметов и документов до их признания вещественными доказательствами. Обосновывается необходимость законодательной конкретизации ряда процедурных аспектов изъятия в целях устранения правовой неопределённости и обеспечения баланса публичных и частных интересов.*

Ключевые слова: *изъятие, выемка, обыск, осмотр места происшествия, вещественные доказательства, стадия возбуждения уголовного дела.*

Для цитирования: *Пантелеев И. А. Процессуальные формы изъятия предметов и документов в уголовном судопроизводстве // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 331–334.*

PANTELEEV Igor Anatolyevich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Ural Institute of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Yekaterinburg, Russia Professor at the Department of KITE

PROCEDURAL FORMS OF SEIZURE OF OBJECTS AND DOCUMENTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. *The article provides a systematic analysis of the procedural forms of seizure of objects and documents provided for by the current criminal procedure legislation. The author proceeds from the fact that the category of "seizure" is not monolithic and finds its expression in various institutions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The grounds, conditions and procedure for the seizure and search are considered as the main investigative actions mediating the forced seizure of objects relevant to the criminal case. Special attention is paid to the problems of seizure at the stage of initiation of a criminal case in the context of the first part of Article 144 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as to the legal status of seized items and documents before they are recognized as material evidence. The article substantiates the need for legislative specification of a number of procedural aspects of exemption in order to eliminate legal uncertainty and ensure a balance of public and private interests.*

Key words: *seizure, seizure, search, inspection of the scene, physical evidence, the stage of criminal proceedings.*

For citation: *Panteleev I. A. Procedural forms of seizure of objects and documents in criminal proceedings. Russian scientific bulletin. 2026;(11):331–334. (In Russ.).*

Введение.

Проблематика изъятия предметов и документов в уголовном судопроизводстве неизменно находится в центре научных дискуссий и правоприменительных коллизий. Это обусловлено тем, что изъятие, будучи одной из форм ограничения права собственности и иных конституционных прав личности, требует чёткой и непротиворечивой законодательной регламентации. Между тем, как показывает анализ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1], категория «изъятие» используется законодателем в различных контекстах и не имеет единого легального определения.

Как справедливо отмечают исследователи, «изъятие» в уголовном процессе применяется не только в качестве способа получения вещественных доказательств, но и как форма процессуального контроля (изъятие уголовного дела прокурором), как способ ограничения при применении мер принуждения (изъятие имущества при наложении ареста), а также как элемент формирования выделенного уголовного дела [2]. Такой плюрализм употребления термина создаёт определённые сложности для правоприменителя, порождая неоднозначное толкование одних и тех же нормативных предписаний.

Целью настоящей статьи является систематизация процессуальных форм изъятия предметов и документов, предусмотренных УПК РФ, выявление коллизий и пробелов в правовом регулировании, а также предложения путей их устранения с учётом общих тенденций развития отечественного уголовного судопроизводства, среди которых ведущее место занимает поиск баланса публичного и частного интересов [3].

Выемка как основная процессуальная форма изъятия

Выемка представляет собой следственное действие, направленное на изъятие определённых предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, при условии, что точно известно, где и у кого они находятся. Статья 183 УПК РФ закрепляет основания и порядок производства выемки, отсылая в части процедуры к правилам производства обыска, установленным ст. 182 УПК РФ.

Принципиальной особенностью выемки является то, что она производится для изъятия уже известных объектов, в отличие от обыска, который направлен на обнаружение и изъятие объектов, местонахождение которых неизвестно. Это различие, однако, не всегда чётко проводится на практике, что создаёт предпосылки для процессуальных нарушений.

До начала выемки следователь обязан предложить лицу, у которого находятся подлежащие изъятию объекты, выдать их добровольно. В случае отказа – выемка производится принудительно. Такой порядок призван минимизировать конфликтный потенциал следственного действия и, по возможности, избегать применения мер государственного принуждения. Однако, как справедливо замечается в литературе, добровольная выдача не всегда свидетельствует об отсутствии принуждения в правовом смысле, поскольку отказ влечёт за собой принудительное изъятие, что само по себе является элементом властно-распорядительной деятельности государства [4].

Отдельного внимания заслуживает особый порядок производства выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также сведений о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях. В этих случаях выемка производится на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ. Законодатель, таким образом, устанавливает дополнительные процессуальные гарантии защиты конституционно значимых интересов личности, что согласуется с идеей баланса публичных и частных интересов.

Обыск как форма изъятия в условиях неопределённости

Обыск, в отличие от выемки, производится при наличии достаточных оснований полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. Статья 182 УПК РФ регламентирует основания и порядок производства обыска, который также, как и выемка, сопровождается изъятием обнаруженных объектов.

Изъятие в ходе обыска имеет свою специфику. Часть 9 ст. 182 УПК РФ устанавливает, что предметы, изъятые из незаконного оборота, подлежат изъятию вне зависимости от их отношения к расследуемому делу. Кроме того, в ходе обыска могут быть изъяты предметы и документы, не имеющие прямого отношения к уголовному делу, но запрещённые к обращению.

Процессуальное оформление изъятия в ходе обыска осуществляется путём составления протокола, в котором фиксируются все изъятые предметы и документы. При этом важно, что изъятые объекты подлежат осмотру и упаковке, что должно обеспечивать сохранность их свойств и исключать возможность подмены.

Изъятие на стадии возбуждения уголовного дела: коллизии и неопределённость

Наиболее острой остаётся проблема изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела. Часть 1 ст. 144 УПК РФ допускает изъятие предметов и документов при проверке

сообщения о преступлении, отсылая к «порядку, установленному настоящим Кодексом». Однако, как справедливо указывается в литературе, сам УПК РФ не содержит самостоятельной процедуры изъятия в рамках доследственной проверки [2].

В связи с этим в правоприменительной практике и доктрине сложились различные подходы к пониманию указанной нормы. Одни исследователи склоняются к тому, что законодатель подразумевал выемку, и, следовательно, изъятие до возбуждения дела возможно только при соблюдении требований ст. 183 УПК РФ. Другие, напротив, полагают, что отсылка к «порядку, установленному УПК РФ», не означает тождества с выемкой, а лишь указывает на необходимость применения общих правил составления процессуальных документов.

Как верно отмечают Ю.И. Дутов и Н.Ю. Дутов, «не следует считать, что законодатель подразумевал выемку под изъятием. Процедура изъятия в соответствии с УПК РФ возможна не только в ходе выемки, но также в ходе обыска, осмотра и освидетельствования» [2]. Более того, в рамках доследственной проверки изъятие может производиться в ходе осмотра места происшествия (часть 3 ст. 177 УПК РФ), а также в результате истребования предметов и документов.

Однако множественность форм изъятия при отсутствии чёткой регламентации создаёт риски неединообразного применения закона. Особую озабоченность вызывает возможность изъятия до возбуждения дела документов, содержащих охраняемую законом тайну, производство которого требует судебного решения при выемке по возбуждённому делу. Представляется, что расширительное толкование части 1 ст. 144 УПК РФ в этой части недопустимо.

Правовой статус изъятых предметов и документов: от изъятия до признания вещественными доказательствами

Изъятые предметы и документы не сразу приобретают статус вещественных доказательств. Статья 81 УПК РФ устанавливает, что вещественными доказательствами признаются предметы, которые служили орудиями преступления, сохранили на себе его следы, были объектами преступных действий, а также иные предметы и документы, которые могут служить средствами для установления обстоятельств дела.

Процесс признания изъятых объектов вещественными доказательствами сопряжён с осмотром и вынесением соответствующего постановления. Сроки такого признания законом прямо не установлены, за исключением уголовных дел о преступлениях в сфере экономики, где согласно статье 81.1 УПК РФ срок составляет 10 суток с момента изъятия, с возможностью продления до 30 суток [5].

До принятия решения о признании вещественными доказательствами изъятые предметы и документы находятся в правовом статусе, который можно определить как «могущие иметь доказательственное значение». В этот период они подлежат хранению в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Изъятые предметы и документы, не признанные вещественными доказательствами, подлежат возврату лицам, у которых они были изъяты, в срок не позднее 5 суток. Эта норма выступает важной гарантией защиты частных интересов, не позволяя неограниченно удерживать имущество граждан без достаточных оснований.

Заключение.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что изъятие предметов и документов в уголовном судопроизводстве представляет собой сложный правовой институт, имеющий различные процессуальные формы в зависимости от стадии производства по делу и характера изымаемых объектов. Отсутствие единой систематизации норм, регулирующих изъятие, порождает правовую неопределённость, которая негативно сказывается как на эффективности расследования, так и на защите конституционных прав личности.

Представляется необходимым законодательное урегулирование следующих вопросов:

легальное определение категории «изъятие» применительно к способам получения предметов и документов в уголовном процессе, с чёткими критериями отграничения от выемки и иных следственных действий;

детальная регламентация процедуры изъятия на стадии возбуждения уголовного дела, исключающая возможность производства изъятия объектов, требующих судебного решения, без соответствующего судебного контроля;

унификация сроков и порядка принятия решения о признании изъятых предметов и документов вещественными доказательствами с обеспечением гарантий своевременного возврата незаконно или необоснованно изъятого имущества.

Решение указанных задач позволит привести институт изъятия в соответствие с конституционными требованиями и будет способствовать утверждению баланса публичного и частного интересов в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

[2] Дутов Ю. И., Дутов Н. Ю. Особенности изъятия предметов и документов в ходе уголов-

ного судопроизводства // Ius publicum et privatum. – 2023. – № 2 (22). – С. 93–101.

[3] Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (постатейный). – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Юстицинформ, 2024. – URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/izyatie_dokumentov_ord/ (дата обращения: 01.07.2026).

[4] Химичева О. В., Тутынин И. Б., Семенкова Е. В. Принуждение и добровольность при изъятии в уголовном судопроизводстве. – Russian Investigator. – № 04/2025. – URL: https://lawinfo.ru/en/articles/9850/prinuzdenie-i-dobrovolnost-pri-izyatii-v-ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 01.07.2026).

[5] Порядок возврата имущества, изъятого по уголовному делу следователем. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_dnr/activity/legal-education/explain/e2095971/ (дата обращения 02.07.2026).

References:

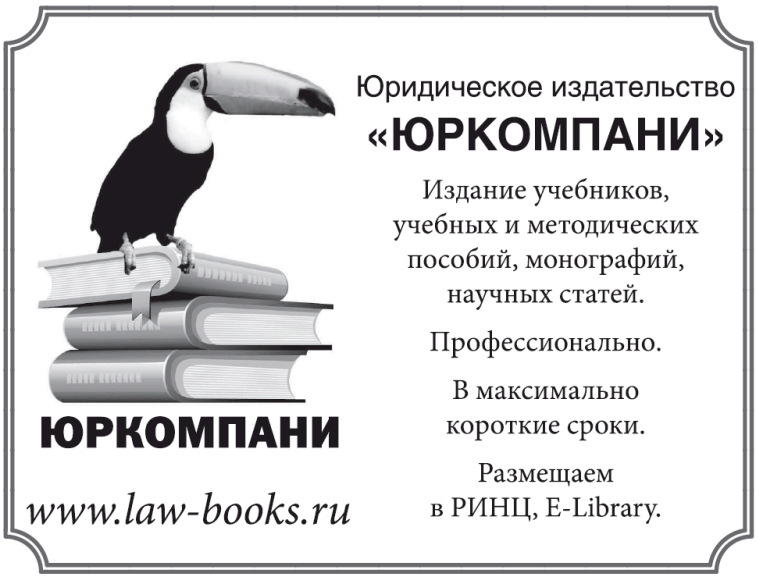
[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 08.03.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. - No. 52 (part I). - Art. 4921.

[2] Dutov Yu. I., Dutov N. Yu. Features of the seizure of objects and documents in the course of criminal proceedings // Ius publicum et privatum. – 2023. – № 2 (22). - S. 93-101.

[3] Borisov A. N. Commentary to the Federal Law of December 6, 2011 No. 402-FZ "On Accounting" (itemized). - 2nd edition, revised and supplemented. - Justicinform, 2024. – URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/izyatie_dokumentov_ord/ (дата обращения: 01.07.2026).

[4] Khimicheva O. V., Tutynin I. B., Semenkova E. V. Coercion and voluntariness when seized in criminal proceedings. – Russian Investigator. – № 04/2025. – URL: https://lawinfo.ru/en/articles/9850/prinuzdenie-i-dobrovolnost-pri-izyatii-v-ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 01.07.2026).

[5] Procedure for returning property seized in a criminal case by an investigator. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_dnr/activity/legal-education/explain/e2095971/ (дата обращения 02.07.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-335-340
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

СУЛЕЙМАНОВА Айшат Абдулбасировна,
магистр 2 года обучения Юридического института Дагестанского государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

ГАДЖИЕВА Айша Ансаровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Дагестанского государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. *В статье исследуются теоретические и прикладные проблемы реализации института конфискации имущества в российском уголовном праве. Проанализирована доктринальная полемика относительно правовой природы конфискации имущества и ее целеполагания. Выявлены проблемы ее применения на практике, в их числе: имеющаяся диспропорция между изъятием орудий преступления и доходов от него, коллизии одновременного назначения штрафа и конфискации. Авторами настоящего исследования также разработаны и сформулированы практико-ориентированные предложения по модернизации уголовно-правовых норм и правоприменительных подходов к институту конфискации. Обоснована необходимость законодательного расширения перечня предикатных преступлений, а также предложено закрепить в законе чёткие критерии совокупного финансового обременения виновного и третьих лиц при применении конфискации в отношении имущества, находящегося в общей собственности.*

Ключевые слова: *конфискация имущества, меры уголовно-правового характера, судебная практика, судебная статистика, конфискация in rem, защита прав третьих лиц, превенция.*

Для цитирования: *Сулейманова А. А., Гаджиева А. А. Совершенствование уголовно-правового института конфискации имущества: вопросы теории и практики // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 335–340.*

SULEYMANOVA Aishat Abdulbasirovna,
Master of 2 years of study at the Law Institute of Dagestan State University

HAJIEVA Aisha Ansarovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Institute of Dagestan State University

IMPROVEMENT OF THE CRIMINAL LAW INSTITUTION OF CONFISCATION OF PROPERTY: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Annotation. *The article explores the theoretical and applied problems of implementing the institution of confiscation of property in Russian criminal law. The doctrinal controversy regarding the legal nature of confiscation of property and its goal-setting is analyzed. Problems of its application in practice were identified, including: the existing imbalance between the seizure of the instruments of crime and the proceeds of it, collisions of the simultaneous imposition of a fine and confiscation. The authors of this study also developed and formulated practical-oriented proposals for the modernization of criminal law and law enforcement approaches to the institution of confiscation. The need for legislative expansion of the list of predicate crimes is justified, and it is also proposed to*

enshrine in the law clear criteria for the aggregate financial burden of the perpetrator and third parties when confiscation is applied to property in common ownership.

Key words: *confiscation of property, criminal law measures, judicial practice, judicial statistics, confiscation in rem, protection of the rights of third parties, prevention.*

For citation: *Suleymanova A. A., Hajieva A. A. Improvement of the criminal law institution of confiscation of property: questions of theory and practice. Russian scientific bulletin. 2026;(11):335–340. (In Russ.).*

Введение

Проблемы, связанные с правовой конструкцией конфискации имущества в действующем национальном законодательстве России, вызывают острые дискуссии среди учёных и практиков. Исключение конфискации имущества из системы наказаний (ст. 44 УК РФ) Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ и последующее ее возвращение в 2006 году в статусе «иной меры уголовно-правового характера» (гл. 15.1 УК РФ) предопределили устойчивую теоретическую и правоприменительную неопределенность данного института.

Институт конфискации имущества обладает значительным превентивным и восстановительным потенциалом, однако его эффективность в значительной степени ограничена несовершенством нормативной базы и несогласованностью правоприменительных практик. Будучи ориентированной на устранение материальной базы преступности и нейтрализацию криминогенных факторов, конфискация на практике сталкивается с пробелами нормативной регламентации и сложностями в правоприменении. Это подтверждено и данными официальной статистики. В период 2019–2021 гг. конфискация применялась менее чем к 1,1% осужденных, что свидетельствовало о ее периферийном характере в уголовно-правовой политике. В 2022–2023 гг. наметилась тенденции роста ее применения более чем в 2,3 раза к уровню 2021 г.

В 2024 году данная тенденция сохранилась, так по данным Генпрокуратуры, 2024 год стал переломным: число осуждённых с конфискацией имущества (по ст. 104.1 УК РФ) достигло 27 428 человек — рост на 44% по сравнению с 2023 годом. По данным Генпрокуратуры, общее число судебных решений о конфискации выросло с 11 тыс. до 31 тыс. за период с 2023 года, а в 2025 году суды почти втрое чаще выносили решения о конфискации имущества по уголовным делам [2]. При этом количество решений о конфискации имущества по делам о коррупции увеличилось на треть, а число изъятий автомобилей у водителей, повторно управлявших ими в состоянии опьянения, выросло более чем в два раза [2]. Однако, как отмечают ученые, темпы ее прироста обусловлены скорее не повышением эффективности выявления криминальных доходов, а введением Федеральным законом от 14.07.2022 № 258-ФЗ нормы о безальтернативной конфискации транспортных средств (п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ) за повторное управление в состоянии опьянения (ст. 264.1 УК РФ) и грубые нарушения ПДД (ст. 264.2, 264.3 УК РФ). По имеющимся данным свыше 80% всех актов конфискации приходится на изъятие орудий и средств совершения преступлений (транспортные средства, мобильные телефоны, компьютерное оборудование), тогда как изъятие доходов от криминальной деятельности (п. «а», п. «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ) по-прежнему остается на низком уровне [1].

Цель настоящей статьи — на основе анализа доктринальных позиций, эмпирических данных за последние пять лет и судебных актов выявить системные дефекты института конфискации имущества и предложить научно обоснованные пути его модернизации.

Институт конфискации и его назначение в уголовном законодательстве

Конфискация имущества традиционно воспринимается как инструмент, позволяющий лишить преступника экономической выгоды от преступления и устранить материальные предпосылки рецидива. В действующем российском законодательстве конфискация не является видом наказания (ст. 44 УК РФ), а отнесена к «иным мерам уголовно правового характера» (гл. 15.1 УК РФ). Такой подход отражает стремление законодателя подчеркнуть не столько карательную, сколько превентивную и восстановительную функцию рассматриваемого института [8]. Это вызвало острые научные споры и разногласия по поводу правовой природы конфискации имущества.

Обобщение имеющихся позиций в уголовно-правой доктрине позволяет выделить три основные концепции по этому вопросу:

1.Карательная концепция юридической природы института конфискации. В частности, отдельные исследователи утверждают, что «принудительное безвозмездное отчуждение собственности по приговору суда содержит все сущностные признаки наказания, а формальное отнесение конфискации к «иным мерам» [3], по их мнению, обычная нормотворческая фикция» [7];

Концепция мер криминологической безопасности. Сторонники данного подхода категорически отрицают карательную направленность института конфискации. С их точки зрения, це-

лями конфискации следует считать имеющуюся в ее потенциале возможность физической нейтрализации опасных предметов (орудий, средств совершения преступления), а также устранение материальной базы для продолжения преступной деятельности отдельных преступников и организованных сообществ [5]. В этом значении институт конфискации выполняет превентивную задачу;

Компенсационно-восстановительная концепция. Ученые, развивающие данную позицию, обращают внимание на потенциал реституции данного института. В качестве аргументов, они приводят положения ст. 104.3 УК РФ, которая закрепляет правило, что вред, причиненный преступлением собственнику или иному законному владельцу, возмещается из стоимости конфискованного имущества [4].

С наших позиций юридическая природа конфискации имущества отличается универсальным характером. В этой связи наиболее верной следует признать синтетическую позицию, учитывающую плюралистический характер данного института. С одной стороны, конфискация имущества направлена на подрыв финансовой основы терроризма, экстремизма и других организованных форм совершения преступлений, и в этом значении она выступает как мера криминологической безопасности, а с другой - в случаях непосредственного изъятия полученного преступного дохода конфискация представляется как мера восстановительного характера, и, отчасти, содержит элементы имущественной кары.

Как видно из изложенного юридическая природа конфискации обусловлена ее ближайшими целями, однако уголовный закон в главе 15.1. УК РФ прямо их не упоминает. По этому поводу некоторые исследователи пишут, что «отсутствие легальной фиксации целей конфискации в ст. 104.1 УК РФ приводит к размыванию критериев ее применения» [10]. В этой в связи в доктрине уголовного права аргументируется предложение закрепить цели конфискации в уголовном кодексе, это обеспечит единый подход в практике к применению конфискации и исключит произвольное толкование норм данного института [10]. С их позиций чёткая формулировка целей в тексте статьи могла бы помочь судьям и следователям единообразнее толковать норму, особенно в сложных пограничных случаях. Учеными предприняты попытки также сформулировать само содержание целей, однако этот вопрос остается предметом острых научных дискуссий. Так, Р.А. Тамашюнене в качестве целей конфискации предлагается закрепить: лишение преступника экономической выгоды от противоправной деятельности; устранение материальной базы преступности; частичное возмещение ущерба потерпевшим (в том числе государству); предупреждение новых преступлений [9].

Изложенные позиции заслуживают критики, так как называемые исследователями цели уже заложены в ст. 104.1 УК РФ, где определяется дефиниция конфискации, хотя они прямо и не указаны в самом тексте закона. В обоснование своей позиции приведем следующие аргументы: во-первых, в самой конструкции статьи в пунктах «а» и «б» речь идёт об имуществе, полученном в результате преступления или превращённом в другое имущество (доходы, новые объекты). Это напрямую реализует цель лишить виновного экономической выгоды. Пункты «в» и «г» нацелены на то, чтобы изъять ресурсы, которые используются или предназначены для продолжения преступной деятельности (финансирование терроризма, экстремизма, организованных групп) либо служат орудиями совершения преступлений; во-вторых, в смежной норме в части 1 статьи 104.3 УК РФ прямо предусматривается, что при решении вопроса о конфискации в первую очередь должен быть решён вопрос о возмещении вреда, причинённого законному владельцу, в том числе за счёт имущества, подлежащего конфискации. То есть механизм возмещения вреда встроен в систему норм о конфискации имущества, даже если в самой ст. 104.1 это не вынесено как отдельное положение.

Дискуссионные проблемы применения конфискации: теория и практика

Одной из самых обсуждаемых среди учёных и практиков проблем остается сегодня закрытый перечень преступлений, в отношении которых допускается ее применение (п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ) [10]. Законодательный подход к регламентации возможности применить конфискацию подвергается наибольшей критике.

Большинство исследователей в области уголовного права считают, что ограничение круга составов преступлений, по которым возможно применение кинофикации, снижает превентивный потенциал этой меры и создаёт ситуации, когда имущество, полученное в результате преступной деятельности, не подлежит изъятию только из за формального отсутствия состава в перечне. Более того, в практике отсутствует возможность применять конфискацию за некоторые виды преступлений, где по сути дела она априори является необходимой. В частности, Приговором районного суда гражданин К. был осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ за хищение денежных средств граждан на сумму свыше 15 млн руб. Суд отказал в конфискации приобретенной на эти средства недвижимости в доход государства на основании ст. 104.1 УК РФ ввиду отсутствия ч. 4 ст. 159

УК РФ в перечне, ограничив удовлетворение требований рамками гражданского иска. Однако, впоследствии исполнение по результатам вынесенного судом решения оказалось невозможным из-за сокрытия активов гр. К. По этому поводу в уголовно-правовой литературе неоднократно подчёркивалось, что конфискации подлежит любое имущество и доход, полученные в результате совершения любого преступления корыстной направленности, если они не подлежат возврату законному владельцу [10].

Ограничение круга деяний в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ приводит к невозможности изъятия дохода при очевидной корыстной направленности деяния, которое, казалось бы, служит основанием для ареста имущества и его последующей конфискации. Так, хищения в виде мошенничества (ст. 159 УК РФ) включены в перечень только при условии совершения в сфере предпринимательства (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ), за рамками института конфискации остаются все общеуголовные виды мошенничество (ч. 1–4 ст. 159 УК РФ).

Решение этой проблемы возможно двумя способами: необходимо существенно расширить перечень либо закрепить в уголовном законе общее правило о возможности: «конфискации при наличии имущественного результата преступления, за исключением случаев, когда иное прямо предусмотрено законом». Очевидно, сегодня возникла необходимость трансформировать модель специальной конфискации доходов и закрепить общее правило в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ указав, что конфискация может быть применена по всем тяжким и особо тяжким преступлениям, совершенным с корыстной мотивацией.

Несовершенство уголовно-правового института конфискации связано и с последними новациями, то есть введением конфискации транспортных средств. выявило острые коллизии норм семейного и уголовного права. Так, хорошо иллюстрирует сказанное следующий пример из практики: Определением судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции (дело № 77-1245/2023) был отменен приговор в части конфискации автомобиля, осужденного по ст. 264.1 УК РФ. Суд нижестоящей инстанции не учел, что транспортное средство являлось совместной собственностью супругов, а супруга осужденного не была осведомлена об использовании имущества в противоправных целях. Изъятие неделимой вещи в полном объеме привело к неправомерному лишению собственности невиновного третьего лица.

Статья 104.1 УК РФ сама по себе не содержит специальных правил для случаев, когда имущество, подлежащее конфискации, находится в общей (например, совместной супружеской) собственности.

В уголовном праве действует подход: если вещь признана орудием преступления или получена преступным путём, и при этом она в общей собственности — суд вправе конфисковать её целиком. Это закреплено в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ (в частности, в п. 3(1) Постановления от 14 июня 2018 г. № 17, с изменениями от 12.12.2023) [6]. При этом Пленум ВС РФ указывает, что: «для целей конфискации «принадлежащим обвиняемому» считается не только имущество в его личной собственности, но и то, что в общей, в том числе совместной с супругом». В результате суд может вынести решение о конфискации, не вдаваясь глубоко в вопрос: какая часть реально принадлежит невиновному супругу и как защитить его права

В этой связи авторами предлагается закрепить в ст. 104.2 УК РФ норму, согласно которой при конфискации неделимой вещи, находящейся в совместной собственности с добросовестным третьим лицом, конфискации подлежит денежный эквивалент доли осужденного, определенной по правилам гражданского и семейного законодательства.

Критически оценивается в науке и возможность применения на практике штрафа, исчисляемого в величине, кратной сумме взятки или коммерческого подкупа (ст. 290, 204 УК РФ), одновременно с конфискацией суммы полученной взятки. Ряд исследователей указывают на, что это создает проблему двойного имущественного взыскания за одно и то же деяние. По сути, государство дважды изымает средства, связанные с одним преступным фактом: сначала в виде штрафа (как уголовного наказания), а затем — в виде конфискации предмета преступления. Это напрямую затрагивает принцип справедливости (ст. 6 УК РФ) и конституционный запрет на двойную ответственность за одно деяние (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, ч. 2 ст. 6 УК РФ).

В судебной практике эти вопросы решаются по-разному. В отдельных случаях суды, стремясь избежать двойного взыскания, при назначении штрафа могут учитывать уже изъятую в порядке конфискации сумму и корректировать размер штрафа, чтобы не допустить дублирования. Однако это во многом вопрос судейского усмотрения, а не закреплённого правила. В правовых позициях судов еще не сложился чёткий правовой механизм, который бы разграничивал, в каких случаях допустимо такое сочетание, а когда оно является избыточным и недопустимы.

Представляется, что цель конфискации имущества состоит в лишении виновного незаконной выгоды и компенсировать вред, а двойное изъятие одной и той же суммы является избыточным

и несоразмерным средством воздействия на преступника. На практике это создаёт серьёзную финансовую нагрузку на осуждённого, порой ведущую к банкротству или иным тяжёлым последствиям, при этом достижение снижается и эффективность и превентивных целей.

Решение изложенной проблемы требует уточнения формулировок уголовного закона, а также четких разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, которые задали бы границы допустимого совокупного имущественного обременения. В этом плане авторами предлагается: на законодательном уровне разграничить случаи, когда допустимо одновременное применение кратного штрафа (по ст. 290, 204 УК РФ) и конфискации суммы взятки; установить правило: если сумма взятки уже конфискована, она должна вычитаться из размера штрафа либо учитываться при его назначении; дать детальные разъяснения Пленума ВС РФ с чёткими критериями допустимого совокупного финансового обременения.

Выводы

Законодательная конструкция института конфискации подвергается острой критике среди ученых и практиков, так как наличие «закрытого перечня» предикатных преступлений существенно снижает эффективность конфискации, ограничивая ее превентивный потенциал. Имеющиеся в действующем законе правовые пробелы, создают сложности в правоприменении. Нередко имеют место ситуации, когда имущество, полученное преступным путем, не подлежит изъятию из-за формального отсутствия состава преступления в перечне (например, при общеуголовном мошенничестве). С целью усилить эффективность данного института необходимо расширить перечень преступлений и включить п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ все тяжкие и особо тяжкие преступления с корыстной мотивацией.

В части конфискации транспортных средств необходимо защитить права добросовестных третьих лиц. В этом плане предлагается закрепить в ст. 104.2 УК РФ норму, согласно которой при конфискации неделимой вещи, находящейся в совместной собственности с добросовестным третьим лицом, конфискации подлежит денежный эквивалент доли осужденного, определенной по правилам гражданского и семейного законодательства.

Критически оцениваем возможность одновременного применения кратного штрафа (по ст. 290, 204 УК РФ) и конфискации суммы взятки создает двойное взыскание за одно деяние, что противоречит принципу справедливости (ст. 6 УК РФ) и конституционному запрету на двойную ответственность (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, ч. 2 ст. 6 УК РФ). Предлагаем разграничить на законодательном уровне случаи допустимого одновременного применения кратного штрафа и конфискации суммы взятки.

Список литературы:

[1] Баргаев, Д. К. Современное состояние уголовно-правовой конфискации имущества / Д. К. Баргаев // Полицейская и следственная деятельность. – 2022. – № 2. – С. 50-65.

[2] Войлуков К. Новая реальность дел об изъятии: статистика, экспертизы и переход к 2027 году URL: https://zakon.ru/blog/2026/5/7/novaya_realnost_del_ob_izyatii_statistika_ekspertizy_i_perehod_k_2027_godu_116295 (дата обращения 10.10.2026 г.).

[3] Золотухин, М. Ю. О понятии конфискации имущества / М. Ю. Золотухин // Вестник магистратуры. – 2023. – № 1-1(136). – С. 109-110.

[4] Лысенко, В. С. Конфискация имущества: актуальные проблемы этимологии, правовой природы, формы и содержания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konfiskatsiya-imuschestva-aktualnye-problemy-etimologii-pravovoy-prirody-formy-i-soderzhaniya (дата обращения: 11.10.2026).

[5] Пропостин, А. А. Конфискация как имущественная мера криминологической безопасности / А. А. Пропостин // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 331. — С. 119–122.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. N 45 "О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 года N 17 "О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве"" - Российская газета URL: https://rg.ru/documents/2023/12/20/document-sudoproizvodstvo.html?ysclid=mv47223w6423877289 (дата обращения 10.10.2026 г.).

[7] Ревин, В. П. Особенности конфискации имущества в российском уголовном праве / В. П. Ревин, В. В. Ревина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2007. — № 1. — С. 149–153.

[8] Сазин С. Т. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при применении конфискации имущества в Российской Федерации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2015, № 2 2. — С. 84–88.

[9] Тамашюнене Р. А. Проблемы определения целей конфискации имущества в современном уголовном праве // Научный лидер. — 2022, № 50 (95). URL https://scilead.ru/article/3464-problemi-opredeleniya-tselej-konfiskatsii-imu?

ysclid=muyhnxwm26499062976 (дата обращения 10.10.2026 г.).

[10] Токарев Р. Ю., Борисенко Н. С., Тушев А. А. Актуальные проблемы конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера // Вестник науки. — 2024, № 6 (75), т. 3. URL: https://www.вестник-науки.рф/article/15964 (дата обращения 10.10.2026 г.).

References:

[1] Bargaev, D.K. The current state of criminal legal confiscation of property / D.K. Bargaev // Police and investigative activities. – 2022. – № 2. - S. 50-65.

[2] Voylukov K. The new reality of seizure cases: statistics, examinations and transition to 2027 URL: https://zakon.ru/blog/2026/5/7/novaya _ realnost _ del _ ob _ izyatii _ statistika _ ekspertizy _ i _ perehod _ k _ 2027 _ godu _ 116295 (accessed 10.10.2026).

[3] Zolotukhin, M. Yu. On the concept of confiscation of property/M. Yu. Zolotukhin // Bulletin of magistracy. – 2023. – № 1-1(136). - S. 109-110.

[4] Lysenko, V. S. Confiscation of property: topical problems of etymology, legal nature, form and content // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2025. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konfiskatsiya-imuschestva-aktualnye-problemy-etimologii-pravovoy-prirody-formy-i-soderzhaniya (дата обращения: 11.10.2026).

[5] Propostin, A. A. Confiscation as a property measure of criminological security / A. A. Propostin // Bulletin of Tomsk State University. — 2010. — № 331. - S. 119-122.

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 12, 2023 N 45 "On Amending the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 14, 2018 N 17 "On Certain Issues, related to the use of confiscation of property in criminal proceedings"" - Rossiyskaya Gazeta URL: https://rg.ru/documents/2023/12/20/document-sudoproizvodstvo.html?ysclid=mv47223w6423877289 (date of appeal, 10.10.2026).

[7] Revin, V.P. Features of confiscation of property in Russian criminal law / V.P. Revin, V.V. Revin // Izvestia of Tula State University. Economic and legal sciences. — 2007. — № 1. - S. 149-153.

[8] Sazin S.T. Observance of human and civil rights and freedoms when applying confiscation of property in the Russian Federation // Izvestia of Tula State University. Economic and legal sciences. — 2015, № 2 2. - S. 84-88.

[9] Tamashyunene R. A. Problems of determining the goals of confiscation of property in modern criminal law // Scientific leader. — 2022, № 50 (95). URL https://scilead.ru/article/3464-problemi-opredeleniya-tselej-konfiskatsii-imu?ysclid=muyhnxwm26499062976 (дата обращения 10.10.2026 г.).

[10] Tokarev R. Yu., Borisenko N. S., Tushev A. A. Actual problems of confiscation of property as another measure of a criminal law nature // Bulletin of Science. - 2024, No. 6 (75), vol. 3. URL: https://www.вестник-науки.рф/article/15964 (accessed 10.10.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-341-343
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

КУХТЯЕВА Е.А.,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процесса СКИ ВГУЮ,
e-mail: mail@law-books.ru

ЯХЬЯЕВ М.М.,
магистрант 2 года обучения СКИ ВГУЮ,
e-mail: mail@law-books.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ УБИЙСТВА ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются дискуссионные вопросы субъективной стороны убийства при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ). Особое внимание уделяется категории «явного несоответствия» защиты характеру и опасности посягательства, а также критериям разграничения данного привилегированного состава с «простым» убийством (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и убийством в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ). Автор обосновывает невозможность покушения на убийство при эксцессе обороны, анализирует специфику мнимой обороны, а также роль психолого-психиатрической экспертизы в установлении истинного эмоционального состояния обороняющегося.*

Ключевые слова: *необходимая оборона, превышение пределов, явное несоответствие, субъективная сторона, умысел, аффект, мнимая оборона, квалификация убийства.*

Для цитирования: *Кухтяева Е. А., Яхьяев М. М. Теоретико-правовые аспекты субъективной стороны и разграничения убийства при превышении пределов необходимой обороны // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 341–343.*

KUKHTYAEVA E.A.,
Art. Lecturer at the Department of Criminal Law and Proceedings of the SCI VGUI

YAKHYAEV M.M.,
master's student of 2 years of study at SKI VGUYU

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE SUBJECTIVE SIDE AND DELINEATION OF MURDER WHEN THE LIMITS OF NECESSARY DEFENSE ARE EXCEEDED

Annotation. *The article discusses the debatable issues of the subjective side of murder when exceeding the limits of necessary defense (part 1 of article 108 of the Criminal Code of the Russian Federation). Particular attention is paid to the category of "obvious inconsistency" of protection with the nature and danger of encroachment, as well as the criteria for distinguishing this privileged composition from "simple" murder (part 1 of article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation) and murder in a state of passion (article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation). The author justifies the impossibility of attempted murder in the course of defense, analyzes the specifics of imaginary defense, as well as the role of psychological and psychiatric examination in establishing the true emotional state of the defender.*

Key words: *necessary defense, exceeding limits, obvious inconsistency, subjective side, intent, affect, imaginary defense, murder qualification.*

For citation: *Kukhtyaeva E. A., Yakhyaev M. M. Theoretical and legal aspects of the subjective side and delineation of murder when the limits of necessary defense are exceeded. Russian scientific bulletin. 2026;(11):341–343. (In Russ.).*

Институт необходимой обороны является важнейшей гарантией реализации конституционного права граждан на защиту от общественно опасных посягательств. Однако правоприменительная практика по делам о превышении пределов необходимой обороны (эксцессе) сопряжена со значительными трудностями, обусловленными оценочным характером уголовно-правовых норм. Как справедливо отмечается в литературе, грань между правомерной защитой, превышением ее пределов и умышленным причинением смерти вне состояния обороны зачастую является тонкой, а ошибки чреваты осуждением невиновных лиц к длительным срокам лишения свободы [6]. В связи с этим детальный анализ субъективной стороны деяния приобретает первостепенное значение для обеспечения принципа справедливости и законности.

Согласно ч. 2 ст. 37 УК РФ, превышением пределов признаются умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства. Указание на умышленность действий является ключевым для отграничения эксцесса от неосторожного причинения вреда (последнее исключает уголовную ответственность в силу ч. 3 ст. 37 УК РФ).

В доктрине подчеркивается, что признак явности несоответствия имеет две стороны: объективную (значительное фактическое расхождение между интенсивностью защиты и нападения) и субъективную (осознание обороняющимся этого несоответствия) [4]. Субъективная сторона превышения пределов включает в себя интеллектуальный момент (лицо осознает, что его действия выходят за рамки необходимого для отражения нападения) и волевой момент (лицо желает либо сознательно допускает причинение излишнего вреда).

Пункт 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 связывает ответственность с осознанием лица того, что причиняемый вред не требовался для предотвращения посягательства [1]. Следовательно, при квалификации по ч. 1 ст. 108 УК РФ обязательно установление прямого или косвенного умысла как на причинение смерти, так и на превышение допустимых пределов защиты. Если лицо, действуя в состоянии обороны, не осознавало чрезмерности своего вреда, ответственность по ст. 108 УК РФ исключается.

В связи с этим дискуссионным остается вопрос о возможности покушения на убийство при превышении пределов необходимой обороны. Поскольку объективная сторона данного состава предполагает наступление смерти посягающего как обязательного последствия (материальный состав), а субъективная — умысел, высказывается мнение, что содеянное при ненаступлении смерти не образует состава ч. 1 ст. 108 УК РФ [2]. Мы разделяем позицию, согласно которой материальная конструкция состава исключает квалификацию по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 108 УК РФ. В случае причинения тяжкого вреда здоровью при эксцессе обороны ответственность наступает по ч. 1 ст. 114 УК РФ, а не по правилам о покушении на убийство. Ответственность за неосторожное причинение смерти в состоянии обороны и вовсе исключается в силу ч. 3 ст. 37 УК РФ.

Наибольшие сложности в судебной практике вызывает отграничение ч. 1 ст. 108 от ч. 1 ст. 105 УК РФ. Умышленное причинение смерти предусмотрено обоими составами, однако условия, в которых действует лицо, и направленность его поведения имеют различное содержание. При превышении пределов обороны человек сохраняет цель защиты, хотя и осознает чрезмерность своих действий. Если же конфликт используется для расправы, мести или сведения счетов, правила о необходимой обороне неприменимы.

Мотив преступления при эксцессе — желание защититься от общественно опасного посягательства [5]. При этом неприязненные отношения, даже длительные, сами по себе не лишают человека права на защиту от реального нападения. Однако, если нападение уже завершилось, а лицо продолжает наносить удары из чувства мести, защитный мотив утрачивается, и содеянное переквалифицируется на ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Не менее сложным является разграничение ч. 1 ст. 108 и ст. 107 УК РФ (убийство в состоянии аффекта). Оба состава являются привилегированными, но основания смягчения ответственности различны. Для ст. 107 УК РФ обязательно внезапно возникшее сильное душевное волнение, вызванное противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Для ч. 1 ст. 108 УК РФ наличие аффекта не требуется, однако эмоциональное состояние лица (страх, паника) учитывается при оценке реальности угрозы.

Как отмечает Н. Г. Вольдимарова, для состояния необходимой обороны наиболее характерен аффект страха, лежащий в основе защитного рефлекса, в то время как для ст. 107 УК РФ типичен аффект гнева [3]. Разграничение этих состояний требует назначения комплексной психолого-психиатрической экспертизы, однако вывод о квалификации остается за судом, оценивающим заключение эксперта в совокупности с другими доказательствами. Важно понимать, что при аффекте лицо может действовать и без цели защиты (например, в ответ на оскорбление), что исключает применение ст. 108 УК РФ.

Особого внимания заслуживает институт мнимой обороны, при которой посягательство объективно отсутствует, но лицо ошибочно пола-

гает, что оно существует. В соответствии с п. 16 Постановления Пленума № 19, если обстановка давала основания предполагать посягательство, и лицо не осознавало и не могло осознавать ошибочность своего предположения, содеянное оценивается по правилам необходимой обороны [1].

Искренность убеждения в наличии угрозы не подтверждает обоснованности заблуждения; причины такого восприятия должны выясняться путем сопоставления поведения другого участника, содержания высказываний, освещения, расстояния и времени суток. Например, если в темном переулке незнакомец резко достает предмет из кармана, а обороняющийся воспринимает это как угрозу оружием, ошибка может быть признана добросовестной. Если же лицо должно было и могло распознать ошибку (например, при достаточном освещении и очевидности намерений), наступает ответственность за неосторожное преступление (ч. 1 ст. 109 УК РФ). В случае отсутствия оснований для заблуждения содеянное оценивается на общих основаниях.

Квалификация убийства при превышении пределов необходимой обороны требует скрупулезного исследования субъективной стороны деяния. Установление защитной направленности умысла, осознания явного несоответствия защиты характеру посягательства и разграничение эмоциональных состояний (страх, аффект гнева) являются необходимыми условиями для вынесения законного и справедливого приговора. Ошибочное вменение ч. 1 ст. 105 УК РФ вместо ч. 1 ст. 108 УК РФ влечет не только несправедливо суровое наказание, но и нарушает конституционное право граждан на защиту от преступных посягательств.

Список литературы:

[1] О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 11.

[2] Андреева Л. А. Покушение на убийство при превышении пределов необходимой обороны / Л. А. Андреева // Уголовное право. — 2019. — № 4. — С. 12–17.

[3] Вольдимарова Н. Г. Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны : дис. … канд. юрид. наук / Н. Г. Вольдимарова. — Москва, 2003. — 220 с.

[4] Побегайло Э. Ф. Необходимая оборона и задержание преступника / Э. Ф. Побегайло, И. В. Ревин. — Москва : Юрлитинформ, 2018. — 144 с.

[5] Попов А. Н. Преступление, совершенное при превышении пределов необходимой обороны : учебное пособие / А. Н. Попов. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. — 127 с.

[6] Суверова Е. С. Проблемы квалификации убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны : магистерская диссертация / Е. С. Суверова. — Барнаул, 2024. — 34 с.

References:

[1] On the application by the courts of legislation on the necessary defense and causing harm during the detention of a person who has committed a crime: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.09.2012 No. 19 (ed. 09.12.2025) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2012. — № 11.

[2] Andreeva L. A. Attempted murder when exceeding the limits of necessary defense / L. A. Andreeva // Criminal law. — 2019. — № 4. - S. 12-17.

[3] Voldimarova N. G. Criminal liability for murder if the limits of necessary defense are exceeded: dis.... cand. jurid. Sciences/ N. G. Voldimarova. - Moscow, 2003. - 220 s.

[4] Pobegailo E.F. Necessary defense and detention of a criminal/E.F. Pobegailo, I.V. Revin. - Moscow: Yurlitinform, 2018. - 144 s.

[5] Popov A. N. A crime committed when exceeding the limits of necessary defense: a textbook / A. N. Popov. - St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2023. - 127 s.

[6] Suverova E. S. Problems of qualification of murder committed when exceeding the limits of necessary defense: master's thesis/E. S. Suverova. - Barnaul, 2024. - 34 s.

- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-344-351
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

СТЕПАНОВ Радик Геннадьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного администрирования факультета безопасности и таможни Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ORCID: https://orcid.org/0009-0006-9511-2524,
e-mail: stepanovrg@bk.ru

ПРОСЛЕЖИВАЕМОЕ УСМОТРЕНИЕ В КАДРОВЫХ ПРОЦЕДУРАХ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ СНИЖЕНИЯ ПРОЦЕДУРНОЙ КОРРУПЦИОГЕННОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена разработке административно-правовой модели снижения процедурной коррупциогенности кадровых решений в таможенных органах Российской Федерации. Исходной предпосылкой служит выявленное противоречие между персональной формой профилактических обязанностей и процедурной природой коррупционного риска: действующее законодательство концентрирует профилактическое воздействие на должностном лице, тогда как коррупционная возможность воспроизводится структурой административной процедуры. На основе догматико-правового анализа Федерального закона «О противодействии коррупции», законодательства о государственной гражданской службе, ведомственных актов ФТС России, а также обезличенных статистических данных комиссий по урегулированию конфликта интересов одного из региональных таможенных управлений за 2023-2024 гг. разграничиваются нормативная и процедурная коррупциогенность; формулируется понятие прослеживаемого усмотрения; предлагается диагностическая матрица коррупциогенности кадровых процедур. Сравнительно-правовой блок включает анализ моделей противодействия коррупции в таможенных администрациях государств - членов ЕАЭС, а также стандартов Всемирной таможенной организации и европейской практики. Сформулированы предложения по совершенствованию ведомственного нормотворчества, направленные на обеспечение предсказуемости административного воздействия.*

Ключевые слова: *противодействие коррупции, таможенные органы, кадровые процедуры, конфликт интересов, прослеживаемое усмотрение, коррупциогенность процедуры, государственная гражданская служба, внешнеэкономическая деятельность, антикоррупционная экспертиза, административное усмотрение.*

Для цитирования: *Степанов Р. Г. Прослеживаемое усмотрение в кадровых процедурах таможенных органов: административно-правовая модель снижения процедурной коррупциогенности // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 344–351.*

STEPANOV Radik G.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Customs Administration, Faculty of Security and Customs, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TRACEABLE DISCRETION IN CUSTOMS PERSONNEL PROCEDURES: AN ADMINISTRATIVE-LEGAL MODEL FOR REDUCING PROCEDURAL CORRUPTION RISK

Annotation. *The article develops an administrative-legal model for reducing procedural corruption risk in personnel decisions of the customs authorities of the Russian Federation. The*

starting premise is the identified contradiction between the personal form of preventive obligations and the procedural nature of corruption risk: current legislation concentrates preventive impact on the individual official, whereas the corruption opportunity is reproduced by the structure of the administrative procedure itself. Based on the dogmatic-legal analysis of the Federal Law «On Combating Corruption», civil service legislation, departmental acts of the Federal Customs Service, as well as anonymised statistical data of conflict-of-interest commissions of a regional customs administration for 2023-2024, the paper distinguishes normative and procedural corruption risk; formulates the concept of traceable discretion; and proposes a diagnostic matrix of corruption risk in personnel procedures. The comparative-law section examines anti-corruption models in the customs administrations of EAEU member states, as well as standards of the World Customs Organization and European practice. Proposals for improving departmental regulation are formulated, aimed at ensuring the predictability of administrative impact.

Key words: *anti-corruption, customs authorities, personnel procedures, conflict of interest, traceable discretion, procedural corruption risk, civil service, foreign economic activity, anti-corruption expertise, administrative discretion.*

For citation: *Stepanov R. G. Traceable discretion in customs personnel procedures: an administrative-legal model for reducing procedural corruption risk. Russian scientific bulletin. 2026; (11):344–351. (In Russ.).*

Введение

Таможенные органы Российской Федерации занимают особое положение в системе федеральных органов исполнительной власти. Их компетенция одновременно включает функции таможенного контроля, валютного контроля, обеспечения мер нетарифного регулирования, экспортного контроля, а также выявление и пресечение преступлений и административных правонарушений [1]. Столь широкая компетенция, помноженная на постоянную коммуникацию с участниками внешнеэкономической деятельности (далее - ВЭД), формирует повышенные риски коррупционных правонарушений, что признается как в доктрине [2; 3], так и в ведомственных документах ФТС России. Коррупционная уязвимость таможенных процедур трансформируется в непредсказуемость административного воздействия, порождая дополнительные транзакционные издержки для бизнеса и снижая конкурентоспособность национальных таможенных процедур [4; 5]. В этом смысле антикоррупционное обеспечение кадровой политики таможенных органов выступает и инструментом защиты публичной службы, и условием правовой определённости внешнеторговой деятельности.

Действующая модель противодействия коррупции выстроена преимущественно вокруг системы индивидуальных обязанностей государственного служащего. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее - ФЗ № 273-ФЗ) закрепляет обязанности представлять сведения о доходах, сообщать о склонении к совершению коррупционных правонарушений, предотвращать и урегулировать конфликт интересов [6]. Аналогичный субъектный контур воспроизведён в законодательстве о государственной гражданской службе и о службе в таможенных органах [7; 8], а также в ведомственных актах ФТС России, включая Кодекс этики и служебного поведения [9].

В доктрине проблематика противодействия коррупции в таможенных органах разработана менее интенсивно, чем общие вопросы коррупционной правонарушительности. Отдельные аспекты управления коррупционными рисками рассматривались А. В. Назарчуком и Г. М. Бровкой [10; 11], правовые основы противодействия коррупции анализировались В. Д. Ковалем [12]. Методологические вопросы разрешения конфликта интересов получили развитие в исследовании Е. Н. Петрушко и А. А. Турьянского [13], а практика конкурсного отбора изучалась Е. А. Рыховой [14]. Вместе с тем в указанной литературе преобладает подход, который можно обозначить как персональную редукцию профилактики: объектом воздействия выступает должностное лицо, его имущество и репутация, тогда как структура процедуры принятия кадрового решения остаётся институционально неизменной.

Между тем именно процедура занимает промежуточное положение между нормой и деянием. Антикоррупционная экспертиза по Федеральному закону от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ адресована тексту нормативного правового акта [15]; дисциплинарная ответственность - конкретному деянию лица. Правоприменительная процедура не является ни тем, ни другим и потому выпадает из предметной области обоих инструментов. Указанное противоречие формулирует исследовательский вопрос: какие административно-правовые конструкции позволяют снизить коррупциогенность кадровых процедур, не устраняя законного административного усмотрения? Рабочая гипотеза состоит в том, что результативность предупреждения коррупции определяется степенью про-

слеживаемости кадрового решения - возможностью независимой реконструкции его оснований по зафиксированным материалам. Цель работы - разработать административно-правовую модель управления процедурной коррупциогенностью в таможенных органах.

Теоретические основания: нормативная и процедурная коррупциогенность

Ключевым теоретическим результатом работы является разграничение двух видов коррупциогенности, которые в действующем законодательстве не разделены. Нормативная коррупциогенность - свойство текста нормативного правового акта, выражающееся в наличии коррупциогенных факторов, определённых Методикой, утверждённой постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 [16]. Антикоррупционная экспертиза адресована исключительно нормативным актам и их проектам. В системе ФТС России порядок её проведения регламентирован приказом от 29 декабря 2020 г. № 1162 [17].

Процедурная коррупциогенность - свойство правоприменительной конструкции, сохраняющееся даже при безупречном тексте нормы. Она возникает там, где дискреционность должностного лица не сопровождается критериями выбора, мотивированной фиксацией оснований и возможностью внешней проверки. Формула, предложенная в доктрине, - «коррупционный риск = монополия + произвол - ответственность» [18, с. 686] - точно описывает процедурную коррупциогенность, но не предлагает инструмента её измерения.

Применительно к кадровым процедурам таможенных органов процедурная коррупциогенность проявляется в пяти индикаторах, образующих авторскую диагностическую матрицу (таблица 1). Концептуально данная матрица опирается на идею прослеживаемого усмотрения. Термин «прослеживаемость» уже устоялся в таможенном праве (система прослеживаемости товаров, РНПТ). Перенос этой категории на административное усмотрение означает, что решение должностного лица должно оставлять документальный след, позволяющий восстановить логику выбора. Матрица предлагается как эвристический диагностический инструмент; её валидация на расширенной выборке таможенных органов — задача дальнейшего исследования.

Таблица 1. Диагностическая матрица процедурной коррупциогенности кадровых решений

Каждый индикатор оценивается по шкале: 0 - отсутствует; 1 - выражен частично; 2 - выражен устойчиво. Интегральный показатель варьируется от 0 до 10 баллов. Матрица позиционируется как диагностический инструмент, позволяющий выявить «слепые зоны» в ведомственном нормотворчестве.

Кадровые процедуры: дефицит прослеживаемости

Противодействие коррупции в таможенных органах начинается с подбора кадров. В системе таможенных органов граждане проходят два вида службы - государственную гражданскую службу и службу иных видов. Правовой статус регулируется соответственно Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ [7] и Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ [8].

Конкурс на замещение вакантной должности гражданской службы проходит в два этапа: проверка документов и непосредственная оценка знаний конкурсной комиссией. Однако процедура содержит ряд коррупциогенных дефектов. Во-первых, конкурсная процедура не является прозрачной: результаты размещаются на официальном сайте, однако основания принятия решения не разглашаются, комиссия принимает решение в отсутствие конкурсантов, участие общественных представителей не является обязательным [14, с. 112]. Во-вторых, в отношении сотрудников, поступающих на службу иных видов, нормативно не установлены формализованные критерии оценивания. Формулировка законодателя носит оценочный характер: гражданин должен быть способен по своим личным и деловым качествам обеспечивать выполнение функций [8]. Наличие оценочных понятий при отсутствии состязательного элемента формирует зону неограниченного усмотрения. В-третьих, должности сотрудников не всегда размещаются в открытом доступе, что создаёт возможность отказа претендентам за «отсутствием вакантных мест» без внешних проверок [27].

Применение матрицы (таблица 1) к конкурсной процедуре даёт следующий результат: дискреционная варьируемость - 2; критериальная незаполненность - 2; информационная асимметрия - 2; мотивировочная недостаточность - 2; контрольная невоспроизводимость - 1. Интегральный показатель - 9 из 10, что соответствует высокому уровню процедурной коррупциогенности.

Кадровый резерв руководящего состава формируется в соответствии с приказом ФТС России от 7 апреля 2017 г. № 548 [19]. При выдвижении кандидатуры представляется характеристика, одобренная кадровыми подразделениями и подразделениями по противодействию коррупции. Однако процедура формирования резерва также не предусматривает публикации мотивированного сравнительного заключения, что ограничивает внешнюю проверяемость. Принципиальное различие между публикацией результата и прослеживаемостью решения является ключевым. Публикация результата не позволяет уста-

новить, почему назначен именно этот кандидат. Прослеживаемость предполагает возможность реконструкции мотивов выбора.

Конфликт интересов: от уведомительной модели к управляемому состоянию

Конфликт интересов представляет собой ситуацию, при которой личная заинтересованность должностного лица влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных обязанностей [6, п. 1 ч. 3 ст. 10]. ФЗ № 273-ФЗ устанавливает обязанность принимать меры по недопущению возможности возникновения конфликта интересов, а также уведомлять представителя нанимателя. Порядок уведомления установлен приказом ФТС России от 17 января 2025 г. № 35 [20]. Анализ обезличенных статистических данных комиссий по урегулированию конфликта интересов одного из региональных таможенных управлений за 2023-2024 гг. позволяет выявить ряд тенденций (таблица 2).

Таблица 2. Деятельность комиссий по урегулированию конфликта интересов (региональное таможенное управление), 2023-2024 гг.

Анализ данных позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, прослеживается тенденция к уменьшению количества заседаний комиссий, что может свидетельствовать как о повышении качества профилактической работы, так и о снижении активности выявления. Во-вторых, структура принимаемых решений остаётся практически неизменной: в обоих периодах по 34 уведомлениям даны рекомендации. Это позволяет предположить, что комиссия работает в режиме «конвейера рекомендаций», не дифференцируя меры урегулирования по существу ситуации. В-третьих, по всем случаям сообщений организаций о заключении трудового договора с бывшим государственным служащим было дано согласие, что ставит вопрос о реальной проверочной функции комиссии.

Существенной проблемой является отсутствие в законодательстве описания типичных ситуаций конфликта интересов. Закон указывает на лиц, состоящих в «иных близких отношениях» [6]. Остаётся неясным, что понимать под этим термином и как будет оцениваться этот характер отношений. В области противодействия коррупции не может существовать терминов, свободных к толкованию, поскольку это открывает дорогу к волюнтаризму.

Сравнительно-правовой блок: ЕАЭС и зарубежные модели

Все государства - члены Евразийского экономического союза ратифицировали Конвенцию ООН против коррупции [21]. Таможенный кодекс ЕАЭС прямо не затрагивает вопросы противодействия коррупции, однако определяет, что таможенные органы выполняют функции, устанавливаемые национальным законодательством [22]. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» закрепляет функции таможенных органов в области противодействия коррупции [23]. В государствах - членах ЕАЭС модели противодействия коррупции существенно различаются: в Республике Казахстан функции возложены на специализированное антикоррупционное агентство, осуществляющее системный мониторинг рисков. За пределами ЕАЭС показателен опыт Китайской Народной Республики, где надзор осуществляется Национальной надзорной комиссией.

Всемирная таможенная организация (ВТамО) разработала стандарты в области добросовестности. Пересмотренная Аррушская декларация о добросовестности в таможенной сфере (Revised Arusha Declaration on Customs Integrity, 2003) [24] определяет десять элементов программы добросовестности, среди которых: прозрачность процедур, управление рисками добросовестности, подотчётность руководства. Принципиально важно, что модель ВТамО акцентирует не персональный контроль, а институциональное проектирование процедур, что коррелирует с концепцией прослеживаемого усмотрения.

В Европейском союзе функции по противодействию мошенничеству в таможенной сфере осуществляет Европейское бюро по борьбе с мошенничеством (OLAF) [25]. Модель OLAF включает независимое расследование и обязательное информирование. В европейской модели профилактика интегрирована в общую систему управления рисками, а не выделена в самостоятельный персональный контур. Сопоставление показывает, что российская модель тяготеет к персонально-обязанностному подходу, тогда как международные стандарты демонстрируют переход к процедурно-институциональному управлению.

Модель прослеживаемого усмотрения: структура и элементы

Центральным результатом работы является модель прослеживаемого усмотрения - четырёхэлементная конструкция, применимая к кадровым процедурам таможенных органов.

Элемент 1. Экспликация (ex ante). Заранее опубликованные критерии и границы усмотрения по конкретной должности. Применительно к кадровому конкурсу: критерии оценки должны быть сформулированы и опубликованы до объявления конкурса, а не определяться комиссией в процессе его проведения.

Элемент 2. Мотивированная альтернативность (ex nunc). Фиксация не только принятого решения, но и отклонённых альтернатив с ука-

занием причин. Конкурсная комиссия должна составлять мотивированное сравнительное заключение, содержащее балльную оценку каждого кандидата.

Элемент 3. Симметризация информации (ex nunc). Доведение до участника процедуры оснований решения в объёме, не составляющем государственную тайну. Кандидат, не прошедший конкурс, должен иметь право на получение мотивированного объяснения.

Элемент 4. Внешняя воспроизводимость (ex post). Сохранение «решенческого следа» - протокола действий, версии нормативной базы на дату решения, - позволяющего независимой проверке восстановить логику выбора.

Применение модели предполагает следующие меры: публикация реестров вакантных должностей всех видов службы; установление формализованных критериев оценки; публикация выдержек из протоколов заседаний конкурсной комиссии; включение независимых экспертов в состав комиссии; закрепление типового реестра конфликтных ситуаций по должностным профилям в ведомственном акте ФТС России.

Обсуждение

Предлагаемая модель не является альтернативой действующей системе персональных обязанностей. Она дополняет её, перенося часть профилактической нагрузки с должностного лица на структуру процедуры. Это согласуется с принципом приоритета мер предупреждения коррупции (ст. 3 ФЗ № 273-ФЗ). Вместе с тем, необходимо обозначить пределы применимости модели. Полная прослеживаемость невозможна в процедурах, связанных с государственной тайной и оперативно-розыскной деятельностью. Кроме того, модель требует дополнительных административных ресурсов: составление мотивированных заключений увеличивает нагрузку на кадровые подразделения.

Следует также учитывать, что механизм административной ответственности должностных лиц за коррупционные правонарушения остаётся фрагментарным: ст. 19.28 КоАП РФ адресована юридическим лицам, тогда как в отношении должностного лица реально применяются дисциплинарная либо уголовная ответственность. Этот пробел снижает эффективность профилактической модели. Предлагаемая модель соотносится с тенденциями цифровизации. Создание «электронной таможни», автоматизация функций (электронное декларирование, автоматический выпуск) объективно снижают коррупционные эффекты за счёт минимизации контакта должностного лица с подконтрольным субъектом [26, с. 73]. Как отмечается в исследованиях, технологическое совершенствование таможенного контроля и применение искусственного интеллекта минимизируют транзакционные издержки и снижают риски контрабанды [27]. Внедрение элементов прослеживаемого усмотрения в кадровые процедуры могло бы быть усилено за счёт цифровых инструментов: автоматизированной балльной оценки и электронного протоколирования. Институт таможенных представителей также выступает субъектом минимизации транзакционных издержек [4], однако его эффективность напрямую зависит от предсказуемости и прозрачности действий должностных лиц таможенных органов, что вновь возвращает нас к необходимости процедурной прослеживаемости.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Разграничение нормативной и процедурной коррупциогенности позволяет объяснить, почему антикоррупционная экспертиза нормативных актов не устраняет коррупционные риски кадровых процедур: предмет экспертизы - текст нормы, а не процедура её реализации.

Диагностика кадровых процедур с применением авторской матрицы выявляет высокий уровень процедурной коррупциогенности конкурсного отбора (9 из 10 баллов).

Анализ статистики комиссий по урегулированию конфликта интересов свидетельствует о тенденции к формализации их работы («конвейер рекомендаций»).

Модель прослеживаемого усмотрения, включающая экспликацию критериев, мотивированную альтернативность, симметризацию информации и внешнюю воспроизводимость, предлагает переход от персонально-обязанностного к процедурно-институциональному управлению рисками.

Предложения по совершенствованию ведомственного нормотворчества ФТС России могут быть реализованы без изменения федерального законодательства и направлены на обеспечение предсказуемости административного воздействия на участников ВЭД.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с экспертной валидацией диагностической матрицы на расширенной выборке таможенных органов, а также с разработкой проекта ведомственного акта о типовом реестре конфликтных ситуаций по должностным профилям.

Список литературы:

[1] Постановление Правительства РФ от 23.04.2021 № 636 «Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе...» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 17. Ст. 2988.

[2] Белоусов Ю. Л., Путилов П. Н. Противодействие коррупции в таможенных

органах Российской Федерации // Universum: экономика и юриспруденция. 2018. № 2 (47). С. 1-6.

[3] Ульянов Д. В. Проблема борьбы с коррупцией в таможенных органах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 2-3. С. 107-109.

[4] Степанов Р. Г., Лядов О. А. Таможенный представитель как субъект минимизации транзакционных издержек во внешнеэкономической деятельности // Инновации и инвестиции. 2025. № 9. С. 45-49.

[5] Степанов Р. Г. Экономическая эффективность и правовые аспекты таможенного контроля после выпуска товаров: опыт Северо-Западного таможенного управления // Экономика и предпринимательство. 2025. № 12 (185). С. 112-116.

[6] Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 383.

[7] Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

[8] Федеральный закон от 21.07.1997 № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3586.

[9] Приказ ФТС России от 30.12.2021 № 1187 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения должностных лиц таможенных органов Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

[10] Назарчук А. В. Управление коррупционными рисками в таможенных органах как направление развития транзитного потенциала государства // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 5-2. С. 178-184.

[11] Бровка Г. М., Назарчук А. В. Управление коррупционными рисками в таможенных органах ЕАЭС: базовые аспекты // Экономическая наука сегодня. 2019. № 10. С. 45-52.

[12] Коваль В. Д. Правовые основы противодействия коррупции в системе таможенной службы // БГЖ. 2016. № 4 (17). С. 371-374.

[13] Петрушко Е. Н., Турьянский А. А. Основные методологические направления совершенствования технологии разрешения конфликта интересов при прохождении государственной службы в таможенных органах Российской Федерации // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 1-17.

[14] Рыхлова Е. А. Практика и проблемные вопросы конкурсного отбора для поступления на службу в таможенные органы // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 1. С. 111-116.

[15] Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.

[16] Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 9. Ст. 978.

[17] Приказ ФТС России от 29.12.2020 № 1162 «Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Федеральной таможенной службы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

[18] Карачина Н. О. Коррупционные риски // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 685-687.

[19] Приказ ФТС России от 07.04.2017 № 548 «Об утверждении Инструкции об организации работы по формированию кадрового резерва...» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

[20] Приказ ФТС России от 17.01.2025 № 35 «Об утверждении Порядка уведомления представителя нанимателя... о возникновении личной заинтересованности...» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

[21] Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 2003 г.) // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10. С. 7-54.

[22] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org..

[23] Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5082.

[24] Revised Arusha Declaration on Customs Integrity. World Customs Organization, 2003. URL: http://www.wcoomd.org.

[25] Regulation (EU, Euratom) No 883/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 September 2013 concerning investigations conducted by the European Anti-Fraud Office (OLAF) // Official Journal of the European Union. L 248. P. 1-22.

[26] Степанов Р. Г. Технологическое и инсти-

туциональное совершенствование таможенного контроля в Российской Федерации: экономические последствия контрабанды и роль искусственного интеллекта // Экономика и предпринимательство. 2025. № 12 (185). С. 98-103.

References:

[1] Decree of the Government of the Russian Federation of 23.04.2021 No. 636 "On approval of the Regulation on the Federal Customs Service..." // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. № 17. Art. 2988.

[2] Belousov Yu. L., Putilov P. N. Countering corruption in the customs authorities of the Russian Federation // Universum: economics and jurisprudence. 2018. № 2 (47). S. 1-6.

[3] Ulyanov D.V. The problem of combating corruption in customs authorities // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. № 2-3. S. 107-109.

[4] Stepanov R.G., Lyadov O.A. Customs representative as a subject of minimization of transaction costs in foreign economic activity // Innovations and investments. 2025. № 9. S. 45-49.

[5] Stepanov R. G. Economic efficiency and legal aspects of customs control after the release of goods: the experience of the North-West Customs Administration // Economics and Entrepreneurship. 2025. № 12 (185). S. 112-116.

[6] Federal Law of 25.12.2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. № 4. Art. 383.

[7] Federal Law of 27.07.2004 No. 79-FZ "On the State Civil Service of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. № 31. Art. 3215.

[8] Federal Law of 21.07.1997 No. 114-FZ "On Service in the Customs Authorities of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. № 30. Art. 3586.

[9] Order of the Federal Customs Service of Russia dated 30.12.2021 No. 1187 "On approval of the Code of Ethics and Official Conduct of Officials of the Customs Authorities of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru.

[10] Nazarchuk A. V. Management of corruption risks in customs authorities as a direction of development of transit potential of the state // Economy and business: theory and practice. 2021. № 5-2. S. 178-184.

[11] Brovka G.M., Nazarchuk A.V. Management of corruption risks in the customs authorities of the EAEU: basic aspects // Economic science today. 2019. № 10. S. 45-52.

[12] Koval V. D. Legal Framework for Combating Corruption in the Customs Service System // BGJ. 2016. № 4 (17). PP. 371-374.

[13] Petrushko E.N., Turyansky A.A. Main methodological directions for improving the technology for resolving conflicts of interest during public service in the customs authorities of the Russian Federation // APRIORI. Series: Humanities. 2015. № 1. S. 1-17.

[14] Rykhlova E. A. Practice and problematic issues of competitive selection for entry into the service of customs authorities // Problems of economics and legal practice. 2015. № 1. S. 111-116.

[15] Federal Law of 17.07.2009 No. 172-FZ "On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. № 29. Art. 3609.

[16] Decree of the Government of the Russian Federation of 26.02.2010 No. 96 "On anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2010. № 9. Art. 978.

[17] Order of the Federal Customs Service of Russia dated 29.12.2020 No. 1162 "On Approval of the Procedure for Conducting Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts of the Federal Customs Service" // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru.

[18] Karachina N.O. Corruption risks // Legal technology. 2019. № 13. S. 685-687.

[19] Order of the Federal Customs Service of Russia dated 07.04.2017 No. 548 "On approval of the Instruction on the organization of work on the formation of a personnel reserve... "// Official Internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru.

[20] Order of the Federal Customs Service of Russia dated 17.01.2025 No. 35 "On Approval of the Procedure for Notification of the Employer's Representative... on the emergence of personal interest... "// Official Internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru.

[21] United Nations Convention against Corruption (adopted by UN General Assembly resolution 58/4 on October 31, 2003) // Bulletin of International Treaties. 2006. № 10. S. 7-54.

[22] Customs Code of the Eurasian Economic Union (Appendix No. 1 to the Agreement on the Customs Code of the Eurasian Economic Union dated 11.04.2017) // Official website of the Eurasian Economic Commission. URL: http://www.eurasiancommission.org..

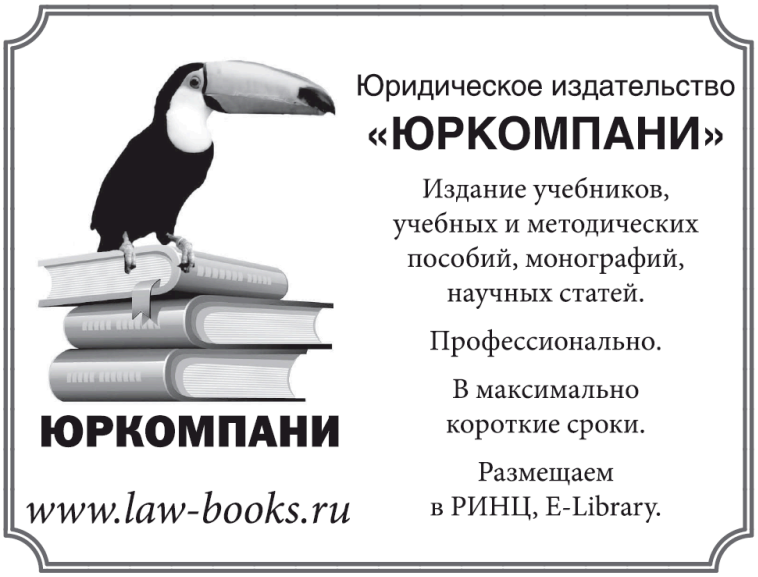
[23] Federal Law of 03.08.2018 No. 289-FZ "On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 32 (part I). Art. 5082.

[24] Revised Arusha Declaration on Customs Integrity. World Customs Organization, 2003. URL:

http://www.wcoomd.org.

[25] Regulation (EU, Euratom) No 883/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 September 2013 concerning investigations conducted by the European Anti-Fraud Office (OLAF) // Official Journal of the European Union. L 248. P. 1-.

[26] Stepanov R. G. Technological and institutional improvement of customs control in the Russian Federation: the economic consequences of smuggling and the role of artificial intelligence // Economics and Entrepreneurship. 2025. № 12 (185). S. 98-103.

- УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-352-359
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

БАРЫНКИН Максим Валерьевич,
старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки юридического факультета ВЮИ ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ПОЖИМАЛИН Вячеслав Николаевич,
доцент института подготовки государственных муниципальных служащих Академии ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ТИТОВ Дмитрий Валерьевич,
доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки ФКУ «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»
кандидат технических наук, доцент,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ДЕМИДОВ Олег Геннадьевич,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Псковского филиала Университета ФСИН России, кандидат юридических наук,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ФСИН РОССИИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОТРУДНИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема морально-нравственного воспитания курсантов образовательных организаций высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний России в контексте формирования профессиональной идентичности будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы. Актуальность исследования обусловлена особым характером профессиональной деятельности сотрудников УИС, предполагающей не только соблюдение правовых предписаний и выполнение служебных задач, но и принятие ответственных нравственных решений в условиях повышенной психологической напряжённости, взаимодействия с осуждёнными и необходимости соблюдения баланса между требованиями безопасности, законности и уважением человеческого достоинства. Цель статьи заключается в теоретическом обосновании роли морально-нравственного воспитания как системообразующего фактора становления профессиональной идентичности курсантов ведомственных образовательных организаций. На основе анализа научных публикаций российских исследователей, нормативно-правовых положений и психолого-педагогических подходов раскрываются сущность профессиональной идентичности сотрудника УИС, содержание морально-нравственного воспитания и специфика их взаимосвязи в образовательной среде ведомственного вуза. Выделены ценностно-смысловой, когнитивный, эмоционально-рефлексивный и поведенческий компоненты профессиональной идентичности. Обоснованы принципы, педагогические условия, этапы и направления организации воспитательной работы с курсантами. Предложены критерии и показатели оценки результативности морально-нрав-*

ственного воспитания, а также практическая модель его интеграции в образовательный и служебный процессы. Сделан вывод о необходимости перехода от преимущественно информационного и формально-дисциплинарного понимания воспитания к системной организации деятельности, обеспечивающей осознанное принятие профессиональных ценностей, развитие нравственной рефлексии и готовность к правомерному поведению в сложных служебных ситуациях.

Ключевые слова: *морально-нравственное воспитание, курсанты, ФСИН России, уголовно-исполнительная система, профессиональная идентичность, профессиональная социализация, нравственные ценности, профессиональная этика, служебная ответственность, ведомственное образование.*

Для цитирования: *Барынкин М. В., Пожималин В. Н., Титов Д. В., Демидов О. Г. Морально-нравственное воспитание курсантов образовательных организаций высшего образования ФСИН России как основа формирования профессиональной идентичности сотрудника уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 352–359.*

BARYNKIN Maxim Valerevich,
Senior Lecturer, Department of Fire and Tactical Special Training, Faculty of Law, VUI FSIN of Russia

POZHIMALIN Vyacheslav Nikolaevich,
Associate Professor of the Institute for the Training of State Municipal Employees of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

TITOV Dmitry Valerevich,
Associate Professor, Department of Fire and Tactical and Special Training, PKU "Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service" Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

DEMIDOV Oleg Gennadievich,
Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines and Organization of Execution of Punishments Not Related to the Isolation of Convicts from Society of the Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences

MORAL AND ETHICAL EDUCATION OF CADETS IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA AS THE BASIS FOR FORMING THE PROFESSIONAL IDENTITY OF AN EMPLOYEE OF THE PENITENTIARY SYSTEM

Annotation. *The article examines the moral and ethical education of cadets at higher education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in the context of developing the professional identity of future penitentiary officers. The relevance of the study stems from the specific nature of penitentiary work, which requires not only compliance with legal regulations and the performance of official duties but also responsible moral decision-making under psychological pressure, interaction with convicted persons, and the need to balance security, legality, and respect for human dignity. The purpose of the article is to provide a theoretical justification for moral and ethical education as a system-forming factor in the development of cadets' professional identity. Drawing on Russian scholarly publications, legal provisions, and psychological and pedagogical approaches, the article explores the essence of professional identity in the penitentiary service, the content of moral and ethical education, and the relationship between these phenomena in the educational environment of departmental higher education institutions. Four components of professional identity are identified: value-semantic, cognitive, emotional-reflective, and behavioral. The article substantiates*

the principles, pedagogical conditions, stages, and areas of educational work with cadets. It also proposes criteria and indicators for assessing educational outcomes and presents a practical model for integrating moral and ethical education into academic and service activities. The study concludes that educational practice should move beyond predominantly informational and formally disciplinary approaches toward a systematic model that promotes the conscious acceptance of professional values, the development of moral reflection, and readiness for lawful conduct in complex professional situations.

Key words: *moral and ethical education, cadets, Federal Penitentiary Service of Russia, penitentiary system, professional identity, professional socialization, moral values, professional ethics, professional responsibility, departmental higher education.*

For citation: *Barynkin M. V., Pozhimalin V. N., Titov D. V., Demidov O. G. Moral and ethical education of cadets in higher education institutions of the federal penitentiary service of Russia as the basis for forming the professional identity of an employee of the penitentiary system. Russian scientific bulletin. 2026;(11):352–359. (In Russ.).*

Современная система подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации предъявляет повышенные требования к личности будущего сотрудника. Профессиональная деятельность в учреждениях и органах УИС осуществляется в условиях регламентированного служебного взаимодействия, необходимости поддержания установленного порядка, обеспечения безопасности, профилактики правонарушений и участия в процессах исправления и ресоциализации осуждённых. При этом качество профессиональной деятельности определяется не только уровнем юридических знаний, владением служебными алгоритмами и практическими навыками, но и устойчивостью нравственных убеждений, способностью к самоконтролю, справедливому отношению к людям и ответственному использованию предоставленных полномочий.

Специфика деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы заключается в постоянном взаимодействии правовых требований и нравственных аспектов профессиональных решений. Сотрудник может обладать необходимой нормативной подготовкой, однако испытывать затруднения при разрешении ситуации, предполагающей выбор между формальным удобством и ответственным исполнением обязанностей, между эмоциональной реакцией и профессиональной выдержкой, между стремлением к быстрому результату и необходимостью соблюдения установленной процедуры.

Поэтому подготовка специалиста УИС не может ограничиваться освоением совокупности профессиональных компетенций. Она предполагает формирование внутренней позиции, в которой законность, служебный долг, уважение человеческого достоинства, справедливость, ответственность и дисциплина становятся устойчивыми регуляторами поведения. Такая позиция складывается в процессе профессиональной социализации, существенным этапом которой выступает обучение в образовательной организации высшего образования ФСИН России.

Особое значение имеет то обстоятельство, что обучение по очной форме в образовательных организациях высшего образования федерального органа уголовно-исполнительной системы связано с поступлением на службу в УИС. Это придаёт образовательному процессу одновременно академический, профессиональный и служебно-воспитательный характер [1]. Следовательно, курсант осваивает не только содержание будущей профессии, но и образцы профессионального поведения, нормы ведомственной культуры, требования служебной дисциплины и представления о социальной значимости своей деятельности.

Вместе с тем формальное включение человека в профессиональную среду не означает автоматического формирования у него зрелой профессиональной идентичности. Принадлежность к ведомственному коллективу, ношение форменной одежды, соблюдение распорядка и освоение профессиональной терминологии сами по себе не свидетельствуют о глубоком принятии профессиональных ценностей. Необходим переход от внешнего следования требованиям к их осознанному признанию и самостоятельному применению в ситуациях, когда поведение не контролируется непосредственным руководителем.

Таким образом, возникает научно-практическое противоречие между необходимостью формирования у будущего сотрудника УИС устойчивой профессиональной идентичности и ограниченными возможностями её развития посредством преимущественно информационного обучения или внешнего дисциплинарного воздействия. Разрешение данного противоречия требует рассмотрения морально-нравственного воспитания как целенаправленного, непрерывного и интегрированного процесса профессионального становления курсантов.

В современной психологии и педагогике профессиональная идентичность рассматривает-

ся как сложное личностное образование, отражающее осознание человеком своей принадлежности к профессиональному сообществу, принятие его ценностей и норм, понимание собственного места в системе профессиональных отношений и готовность реализовывать профессиональную роль в практической деятельности.

Профессиональная идентичность не сводится к субъективному утверждению «я являюсь представителем определённой профессии». Она предполагает согласованность нескольких взаимосвязанных элементов: представлений о профессии, эмоционального отношения к ней, личностно значимых мотивов профессионального выбора, принятия профессиональных требований и способности действовать в соответствии с ними.

Применительно к уголовно-исполнительной системе профессиональная идентичность представляет собой интегративное личностно-профессиональное образование, выражающее осознание курсантом своей принадлежности к сотрудникам УИС, принятие общественного предназначения службы, усвоение правовых и нравственных требований профессии, готовность нести ответственность за служебные решения и способность соотносить собственные действия с требованиями закона и профессиональной этики.

Данное определение позволяет выделить несколько принципиальных характеристик профессиональной идентичности сотрудника УИС.

Во-первых, она имеет ценностно-смысловой характер. Сотрудник должен понимать не только содержание своих должностных обязанностей, но и их общественное значение. Выполнение служебных задач приобретает устойчивый личностный смысл тогда, когда человек осознаёт связь своих действий с обеспечением законности, безопасности, правопорядка и реализацией предусмотренных законом целей исполнения наказания.

Во-вторых, профессиональная идентичность характеризуется нормативной обусловленностью. Сотрудник УИС действует в правовом поле, в рамках установленных полномочий и ограничений. Поэтому профессиональная позиция не может строиться исключительно на личных представлениях о справедливости или целесообразности. Нравственная оценка должна учитывать требования закона, а субъективное убеждение не может оправдывать произвольное использование полномочий.

В-третьих, профессиональная идентичность имеет социальный характер. Она развивается в системе отношений с преподавателями, командирами, наставниками, коллегами и представителями профессионального сообщества. Значимыми становятся не только официальные требования, но и реальные модели поведения, наблюдаемые курсантом в повседневной образовательной и служебной деятельности.

В-четвёртых, профессиональная идентичность является динамическим образованием. Она не формируется одномоментно при поступлении в ведомственный вуз и не завершается получением диплома. В период обучения закладываются её основные основания, которые в дальнейшем уточняются в процессе практической деятельности, взаимодействия с коллективом и осмысления профессионального опыта.

В-пятых, профессиональная идентичность предполагает личностную ответственность. Человек должен воспринимать себя не только исполнителем внешних распоряжений, но и субъектом профессионального выбора, осознающим последствия собственных действий и обязанность действовать в пределах правовых и нравственных требований.

Для целей настоящего исследования целесообразно выделить четыре компонента профессиональной идентичности курсанта.

Ценностно-смысловой компонент включает принятие ценностей законности, служебного долга, справедливости, уважения человеческого достоинства, дисциплины, ответственности и общественного служения. Он отражает ответ на вопрос о том, ради чего человек выбирает профессию и какие принципы считает обязательными в своей деятельности.

Когнитивный компонент охватывает знания о назначении уголовно-исполнительной системы, правах и обязанностях сотрудников, правовых ограничениях служебной деятельности, нормах профессиональной этики и способах разрешения типичных морально-профессиональных противоречий.

Эмоционально-рефлексивный компонент характеризуется способностью осознавать собственные мотивы, оценивать эмоциональные реакции, анализировать последствия поведения, признавать ошибки и соотносить личные поступки с профессиональными ценностями.

Поведенческий компонент выражается в готовности применять усвоенные принципы на практике: соблюдать правовые требования, сохранять самообладание, действовать справедливо, не допускать унижающего обращения, своевременно сообщать о нарушениях в установленном порядке и отвечать за принятые решения.

Перечисленные компоненты взаимосвязаны. Знание норм профессиональной этики без внутреннего принятия соответствующих ценностей может оставаться формальным. Принятие нравственных идеалов без достаточной право-

вой компетентности не гарантирует правильного решения конкретной ситуации. Искреннее намерение поступать справедливо также не всегда обеспечивает надлежащее поведение при сильном эмоциональном напряжении.

Поэтому формирование профессиональной идентичности требует комплексного воздействия на знания, убеждения, эмоциональную сферу, навыки саморегуляции и реальные модели поведения курсантов.

Профессиональная идентичность сотрудника УИС формируется в условиях, отличающихся от многих других видов профессиональной деятельности. Её специфика обусловлена сочетанием властных полномочий, строгой правовой регламентации, повышенных требований к дисциплине и необходимости взаимодействовать с людьми, находящимися в условиях изоляции от общества.

Сотрудник уголовно-исполнительной системы обязан поддерживать установленный порядок, предупреждать нарушения, обеспечивать безопасность и исполнять предусмотренные законодательством функции. Одновременно его профессиональное поведение должно соответствовать принципам законности и уважения человеческого достоинства. Эти требования не являются взаимоисключающими: соблюдение правовых гарантий и ответственное обращение с человеком выступают важными условиями легитимности и профессионального качества служебной деятельности.

В повседневной практике сотрудник может сталкиваться с провокациями, конфликтами, попытками манипуляции, эмоционально напряжёнными переговорами и необходимостью принимать решения при дефиците времени. В таких обстоятельствах возрастает риск того, что профессиональное поведение начнёт определяться не усвоенными ценностями, а ситуативными эмоциями, личной неприязнью, стремлением к неформальному доминированию или групповым давлением.

Дополнительную сложность представляет необходимость разграничивать личное отношение к человеку и профессиональную оценку его поступков. Осуждение противоправного деяния не должно превращаться в отрицание человеческого достоинства лица, его совершившего. Поддержание дисциплины не тождественно произволу, а требовательность не оправдывает унижения.

Для будущего сотрудника УИС особенно важно осознать, что профессиональная роль предполагает управление собственным поведением даже в ситуации, когда поведение другого человека провоцирует негативную реакцию. Нравственная зрелость проявляется не в отсутствии эмоциональных переживаний, а в способности распознавать их и не допускать, чтобы они подменяли правовые основания решения.

В этой связи существенное значение приобретает понятие этической ответственности. В исследовании Р. М. Жалмурзина, посвящённом контекстному подходу к формированию этической ответственности курсантов ведомственного вуза ФСИН России, актуализируется роль личности сотрудника в профессиональном взаимодействии и обосновывается значение этической ответственности для формирования устойчивых профессиональных ориентиров [2].

Этическая ответственность в данном контексте означает готовность соотносить служебные решения с требованиями закона, профессиональными обязанностями, последствиями для других людей и собственными нравственными убеждениями. Она предполагает не только знание запретов, но и способность самостоятельно обосновать правомерность выбранного способа действий.

Важной особенностью профессиональной идентичности сотрудника УИС выступает также принятие гуманистического содержания профессиональной роли. Гуманизм в данном случае не означает отказ от дисциплины, снижения требований безопасности или игнорирования противоправного поведения. Он выражается в признании ценности человека, недопустимости произвольного причинения страданий и понимании того, что профессиональные полномочия должны реализовываться в правовых пределах.

Следовательно, профессиональная идентичность сотрудника УИС должна сочетать дисциплинированность и самостоятельность, требовательность и справедливость, служебную лояльность и принципиальность, эмоциональную устойчивость и способность к нравственной оценке происходящего.

Морально-нравственное воспитание в широком педагогическом понимании представляет собой целенаправленный процесс формирования нравственного сознания, ценностных ориентаций, убеждений, качеств личности и устойчивых способов поведения на основе осмысления общественно значимых норм и принципов.

В контексте подготовки кадров УИС морально-нравственное воспитание целесообразно определить как организованную и непрерывную деятельность образовательной организации, направленную на формирование у курсантов системы профессионально значимых нравственных ценностей, способности к этической оценке служебных ситуаций, внутренней ответственности за свои поступки и готовности реализовывать профессиональную роль в соответствии с законом,

служебным долгом и уважением человеческого достоинства.

Такое понимание предполагает разграничение нескольких взаимосвязанных категорий. Мораль представляет собой систему общественно признанных представлений о должном, добре и зле, справедливости, ответственности и допустимом поведении.

Нравственность характеризует степень личностного освоения этих представлений, их превращение в убеждения, мотивы и реальные способы действия. Иначе говоря, человек может знать моральное требование, но нравственная зрелость проявляется в том, насколько последовательно он руководствуется им в собственном поведении. Профессиональная этика конкретизирует общие нравственные требования применительно к особенностям определённой профессии. Для сотрудника УИС она связана с ответственным использованием полномочий, корректностью служебного общения, объективностью, недопустимостью личной заинтересованности при исполнении обязанностей и соблюдением правовых ограничений.

Морально-нравственное воспитание обеспечивает педагогические условия, при которых усвоение моральных норм переходит в их осмысленное принятие и практическое применение.

Применительно к ведомственному образованию принципиально важно, чтобы нравственное воспитание не подменялось исключительно дисциплинарными мерами. Соблюдение распорядка, выполнение команд и поддержание организованности необходимы для служебной подготовки, однако они не всегда свидетельствуют о сформированности внутренней нравственной позиции.

Внешняя дисциплинированность может основываться на страхе санкций, стремлении избежать неприятностей или желании получить одобрение руководителя. Устойчивое нравственное поведение предполагает более глубокий механизм: человек понимает смысл требования, признаёт его обоснованность, способен самостоятельно оценить ситуацию и выбирает правомерный способ действий даже при отсутствии непосредственного контроля. Следовательно, воспитательная работа должна обеспечивать переход от знания нормы к пониманию её значения, затем к внутреннему принятию и, наконец, к устойчивой поведенческой практике.

Российские исследования воспитания курсантов ведомственных образовательных организаций подтверждают актуальность системного подхода к развитию духовно-нравственных ценностей. В частности, Н. П. Тюменева и И. Л. Кашинцева рассматривают профессионально-ценностное самоопределение курсантов как значимое условие их нравственного развития и подчёркивают роль образовательной среды, гуманитарных дисциплин и разнообразных форм воспитательной деятельности [3].

Сходная проблематика раскрывается в работе М. В. Барынкина и М. М. Эрднеева, посвящённой духовно-нравственному воспитанию курсантов вузов ФСИН России [4]. В совокупности данные исследования позволяют рассматривать нравственное воспитание не как отдельное мероприятие, а как интегральную составляющую профессиональной подготовки.

Профессиональное самоопределение начинается с выбора будущей деятельности, однако не исчерпывается им. На начальном этапе обучения курсант может руководствоваться различными мотивами: интересом к юридической профессии, стремлением к социальной стабильности, желанием носить форменную одежду, представлениями о престиже службы, семейными традициями или стремлением к общественно значимой деятельности. Эти мотивы не обязательно противоречат друг другу. Однако по мере освоения профессии происходит их переоценка. Курсант сталкивается с реальными требованиями служебной дисциплины, высокой ответственностью, ограничениями личного времени и необходимостью поддерживать профессиональные стандарты в сложных обстоятельствах.

В этот период особенно важно, чтобы первоначальный интерес к профессии постепенно дополнялся осознанием её общественного назначения и нравственных оснований. Профессиональная идентичность становится устойчивее, когда человек понимает не только то, кем он хочет быть, но и то, каким специалистом он должен стать и почему определённые способы поведения являются для него обязательными.

В системе морально-нравственного воспитания необходимо уделять внимание таким ценностям, как:

законность и уважение к праву;

служебный долг и ответственность;

справедливость и объективность;

честь и достоинство;

дисциплина и самоконтроль;

уважение человеческого достоинства;

честность и неприятие коррупционных проявлений;

коллективная ответственность и взаимопомощь;

профессиональная компетентность и готовность к саморазвитию.

Названные ценности образуют не изолированный перечень качеств, а взаимосвязанную систему. Например, ответственность без законно-

сти может превращаться в субъективное стремление добиться результата любой ценой. Дисциплина без нравственной рефлексии может вести к формальному исполнению указаний без оценки их соответствия правовым требованиям. Гуманизм без понимания профессиональных обязанностей может ошибочно интерпретироваться как отказ от необходимой требовательности.

Поэтому педагогическая задача состоит не только в формировании отдельных качеств, но и в обучении курсантов согласованному применению профессиональных ценностей при принятии решений.

Особую роль играет ценностное отношение к человеку. С. А. Клычков в исследовании, посвящённом задачному подходу к формированию ценностного отношения курсантов ведомственного вуза ФСИН России к человеку, предлагает использовать проблемные ситуации, позволяющие обучающимся осмысливать такие ценности, как достоинство, доверие, долг, совесть, справедливость, ответственность и уважение к другому человеку [5].

Методологически значимым является то, что ценности рассматриваются не только как предмет усвоения, но и как основание для самостоятельного решения профессионально ориентированных задач. Такой подход способствует соединению нравственного знания с личностным смыслом и потенциальным практическим действием.

Одной из центральных задач морально-нравственного воспитания выступает развитие внутренней регуляции профессионального поведения. Внешние требования необходимы для организации службы, однако не способны полностью заменить самостоятельную нравственную оценку поступков.

В реальной профессиональной деятельности невозможно заранее предусмотреть все варианты взаимодействия и подробно регламентировать каждое действие. Даже при наличии правовых норм сотрудник должен уметь правильно определить обстоятельства ситуации, распознать потенциальный конфликт интересов, оценить собственное эмоциональное состояние и выбрать правомерный способ поведения.

Внутренняя регуляция включает несколько взаимосвязанных процессов.

Первый процесс — осознание нормы. Курсант понимает содержание требования, его правовое основание и профессиональное назначение.

Второй — ценностное принятие. Норма перестаёт восприниматься исключительно как внешнее ограничение и приобретает личностный смысл.

Третий — нравственная оценка ситуации. Обучающийся способен распознать обстоятельства, в которых возникает риск нарушения принципов законности, справедливости или уважения человеческого достоинства.

Четвёртый — самоконтроль и принятие решения. Курсант регулирует эмоциональные реакции, анализирует возможные последствия и выбирает допустимый вариант действий.

Пятый — рефлексия результата. После завершения ситуации обучающийся оценивает собственное поведение, определяет допущенные ошибки и формулирует выводы для дальнейшей профессиональной деятельности.

Именно последовательность этих процессов обеспечивает переход от декларативного знания к устойчивой профессиональной позиции.

Воспитательная работа должна создавать условия, при которых курсант учится задавать себе вопросы: соответствует ли предполагаемое действие закону; не обусловлено ли решение личной неприязнью; учитываются ли права и достоинство других людей; какие последствия повлечёт выбранный способ поведения; могу ли я обосновать своё решение перед руководителем, коллегами и самим собой?

Подобные вопросы не заменяют нормативного регулирования, но способствуют развитию профессиональной осознанности. Они формируют привычку соотносить действия с правовыми основаниями и нравственными последствиями.

Важнейшим результатом является способность курсанта сохранять профессиональную позицию в условиях группового давления. В коллективе могут возникать неформальные нормы, которые не соответствуют официальным требованиям. Если обучающийся ориентируется исключительно на мнение группы, стремление сохранить отношения с товарищами может оказаться сильнее принципиальности. Следовательно, воспитательная работа должна формировать понимание того, что профессиональная солидарность не означает сокрытия нарушений, оправдания неправомерных поступков или безусловной поддержки любого действия коллеги. Подлинная профессиональная ответственность предполагает соблюдение установленных процедур, готовность предотвращать нарушения и обращение к предусмотренным механизмам реагирования.

Проведенный теоретический анализ позволяет сделать вывод о том, что морально-нравственное воспитание курсантов образовательных организаций высшего образования ФСИН России выступает важным условием формирования профессиональной идентичности будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы. Его значение определяется спецификой профессиональной деятельности, предполагающей сочетание

правовой регламентации, служебной дисциплины, ответственности за использование полномочий и необходимости уважительного отношения к человеку.

Профессиональная идентичность не может быть сведена к формальному осознанию принадлежности к ведомству, знанию должностных обязанностей или соблюдению внешних требований. Она предполагает принятие профессиональных ценностей, понимание общественного назначения службы, способность к нравственной оценке ситуаций и готовность последовательно действовать в соответствии с законом и профессиональной этикой. В структуре профессиональной идентичности курсанта целесообразно выделять ценностно-смысловой, когнитивный, эмоционально-рефлексивный и поведенческий компоненты. Их взаимосвязь обеспечивает переход от усвоения профессиональных норм к формированию устойчивой внутренней позиции и практической готовности к ответственному поведению.

Таким образом, морально-нравственное воспитание следует рассматривать не как изолированное направление внеучебной работы, а как непрерывный процесс профессионального становления, интегрированный в обучение, служебную деятельность и организационную культуру ведомственного вуза. Его конечная задача заключается в формировании специалиста, который не только обладает необходимыми профессиональными знаниями и навыками, но и осознаёт нравственный смысл своей деятельности, умеет ответственно использовать полномочия, уважает человеческое достоинство и способен сохранять приверженность законности в сложных профессиональных обстоятельствах.

Список литературы:

[1] О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» : Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.10.2026).

[2] Жалмурзин Р. М. Контекстный подход к формированию этической ответственности курсантов ведомственного вуза ФСИН России // Самарский научный вестник. 2023. URL: https://journals.rcsi.science/2309-4370/article/view/253070 (дата обращения: 15.10.2026).

[3] Тюменева Н. П., Кашинцева И. Л. Опыт формирования духовно-нравственных ценностей курсантов и студентов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2020. DOI: https://doi.org/10.33463/2687-1238.2020.28(1-4).4.639-645..

[4] Барынкин М. В., Эрднеев М. М. Формирование духовно-нравственного воспитания курсантов вузов ФСИН России // Научный вестник Крыма. 2024. № 2 (48). URL: https://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/1081 (дата обращения: 15.10.2026).

[5] Клычков С. А. Задачный подход к формированию ценностного отношения курсантов ведомственного вуза ФСИН России к человеку // Самарский научный вестник. 2025. Т. 14, № 1. С. 133–137. DOI: https://doi.org/10.55355/snv2025141305.

References:

[1] On service in the penitentiary system of the Russian Federation and on amending the Law of the Russian Federation "On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment": Federal Law of July 19, 2018 No. 197-FZ. URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 15.10.2026).

[2] Zhalmurzin R. M. Contextual approach to the formation of ethical responsibility of cadets of a departmental university of the Federal Penitentiary Service of Russia // Samara Scientific Bulletin. 2023. URL: https://journals.rcsi.science/2309-4370/article/view/253070 (accessed: 15.10.2026).

[3] Tyumeneva N.P., Kashintseva I.L. Experience in the formation of spiritual and moral values of cadets and students of educational organizations of the Federal Penitentiary Service // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2020. DOI: https://doi.org/10.33463/2687-1238.2020.28(1-4).4.639-645..

[4] Barynkin M.V., Erdneev M.M. Formation of spiritual and moral education of cadets of universities of the Federal Penitentiary Service of Russia // Scientific Bulletin of Crimea. 2024. № 2 (48). URL: https://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/1081 (access date: 15.10.2026).

[5] Klychkov S. A. A task approach to the formation of the value attitude of cadets of a departmental university of the Federal Penitentiary Service of Russia to a person // Samara Scientific Bulletin. 2025. T. 14, NO. 1. S. 133-137. DOI: https://doi.org/10.55355/snv2025141305.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-360-367
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ТИМАШКОВА Е.В.,
доцент кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, Россия, Курск,
e-mail: timashkova.lenochka@mail.ru

ДЕГТЯРЕВА С.В.,
преподаватель кафедры административной деятельности ОВД, Воронежский институт МВД России,
e-mail: DegtarevSw@yandex.ru

ГИБРИДНАЯ РАДИКАЛИЗАЦИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

Аннотация. *Статья посвящена анализу феномена гибридной радикализации обучающихся – процесса, в котором онлайн- и офлайн-факторы формируют экстремистские установки во взаимосвязи, а не последовательно. На основе анализа российского законодательства о противодействии экстремистской деятельности, судебной практики о признании движения «Колумбайн» террористической организацией и статистических данных о нападениях на образовательные организации автор приходит к выводу, что действующая правовая рамка не в полной мере учитывает гибридный характер радикализации. Обосновывается необходимость разработки правовых механизмов, учитывающих непрерывность процесса «онлайн – офлайн» и роль цифровых платформ как инфраструктуры радикализации. Проведён сравнительно-правовой анализ опыта Европейского союза.*

Ключевые слова: *экстремизм, гибридная радикализация, скулшутинг, «Колумбайн», цифровая среда, профилактика, обучающиеся, несовершеннолетние, правовое регулирование.*

Для цитирования: *Тимашкова Е. В., Дегтярева С. В. Гибридная радикализация обучающихся: правовые аспекты противодействия в условиях цифровой среды // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 360–367.*

TIMASHKOVA E.V.,
Associate Professor at the Department of Criminal Law Southwestern State University, Russia, Kursk

DEGTYAREVA S.V.,
Lecturer at the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

HYBRID RADICALIZATION OF STUDENTS: LEGAL ASPECTS OF INTERACTION IN A DIGITAL ENVIRONMENT

Annotation. *The article analyzes the phenomenon of hybrid radicalisation of students – a process in which online and offline factors form extremist attitudes in an interrelated rather than sequential manner. Based on an analysis of Russian legislation on countering extremist activity, judicial practice on recognising the «Columbine» movement as a terrorist organisation, and statistical data on attacks on educational institutions, the author concludes that the current legal framework does not fully account for the hybrid nature of radicalisation. The necessity of developing legal mechanisms that consider the continuity of the «online – offline» process and the role of digital platforms as radicalisation infrastructure is substantiated. A comparative legal analysis of the European Union experience.*

Key words: *extremism, hybrid radicalisation, school shooting, Columbine, digital environment, prevention, students, minors, legal regulation.*

For citation: *Timashkova E. V., Degtyareva S. V. Hybrid radicalization of students: legal aspects of interaction in a digital environment. Russian scientific bulletin. 2026;(11):360–367. (In Russ.).*

Феномен радикализации молодёжи перестал быть предметом исключительно психологии или криминологии. Он приобрёл выраженное правовое измерение, что нашло отражение в российском законодательстве о противодействии экстремистской деятельности. Вместе с тем интенсивность нормотворчества не тождественна эффективности регулирования. В работе исследуется вопрос о том, в какой степени действующая правовая рамка учитывает реальные механизмы вовлечения обучающихся в экстремистскую деятельность.

Автор исходит из гипотезы о том, что феномен радикализации обучающихся носит гибридный характер: онлайн- и офлайн-факторы действуют не последовательно, а во взаимосвязи, формируя непрерывный процесс, который не различает цифровую и физическую среду. Действующее законодательство, однако, построено на дихотомии «онлайн – офлайн», что создаёт пробелы в правовом реагировании.

Цель исследования – выявить системные дефекты правового регулирования противодействия гибридной радикализации обучающихся и определить направления их устранения.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

Определить правовое содержание понятий «экстремизм» и «радикализация» применительно к смешанным формам.

Проанализировать судебную практику признания движения «Колумбайн» террористической организацией.

Установить масштаб проблемы на основе статистических данных.

Провести сравнительно-правовой анализ опыта Европейского союза.

Выявить пробелы правового регулирования.

Сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Научная новизна заключается в следующем: обосновывается необходимость введения в правовой оборот категории «гибридная радикализация» как основания для дифференциации правовых механизмов профилактики; предлагается систематизация правовой рамки противодействия скулшутингу с учётом комбинированного характера радикализации.

Проблема радикализации в образовательной среде традиционно исследуется в двух плоскостях: психологической (механизмы вовлечения, мотивация, групповая динамика) и криминологической (факторы риска, профилирование, профилактика). Зарубежная исследовательская литература оперирует понятием «гибридная» или «дуальная» радикализация – процесс, в котором онлайн- и офлайн-компоненты переплетаются, а не сменяют друг друга [14, с. 76]. Исследователи подчёркивают, что онлайн-контент часто обеспечивает первый контакт и нормализует экстремистские нарративы, однако дальнейшее углубление происходит офлайн – через личные связи, групповую динамику, символические действия [14, с. 78]. Радикализация, таким образом, не является линейным процессом; она возникает из сложного взаимодействия индивидуальных потребностей, идеологического контента и социальных сетей.

Эмпирическое обоснование гибридного характера радикализации представлено в исследовании Дж. Кеньона, Дж. Биндера и К. Бейкер-Болла, проанализировавших 235 осуждённых террористов: 113 (48%) классифицированы как «гибридный» тип (онлайн и офлайн), 93 (40%) – как офлайн-тип, 29 (12%) – как онлайн-тип [14, с. 80]. Данные подтверждают, что чисто онлайн-радикализация представляет собой относительно редкое явление; преобладает смешанная модель.

В российской правовой литературе проблематика противодействия экстремизму в образовательной среде представлена преимущественно анализом норм Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Комплексные исследования, учитывающие гибридный характер радикализации и институциональные изменения 2022–2026 годов (признание движения «Колумбайн» террористической организацией, введение ст. 10.2-1 и 10.2-2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ, принятие Федерального закона от 31.07.2023 № 408-ФЗ), освещены фрагментарно.

Методологическую основу исследования составили: формально-юридический метод – для анализа нормативных правовых актов; сравнительно-правовой метод – для сопоставления российских и европейских механизмов; метод анализа судебной практики – для выявления подходов судов к квалификации скулшутинга; системный подход – для оценки механизмов во взаимосвязи онлайн- и офлайн-факторов. Ограничения исследования связаны с различиями в методологиях учёта статистических данных различных ведомств (МВД России, СК России, ФСБ России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации), что обусловливает расхождения в абсолютных цифрах.

Конституция Российской Федерации закрепляет основы правового регулирования про-

тиводействия экстремистской деятельности [1], а Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ определяет экстремизм через перечень деяний, включая возбуждение розни, пропаганду исключительности или нарушение прав по признаку социальной группы. Закон охватывает не только насильственные действия, но и распространение экстремистских материалов [5].

Административная ответственность предусмотрена ст. 20.3 КоАП РФ (демонстрация экстремистской символики), ст. 20.3.1 КоАП РФ (возбуждение ненависти либо вражды) и ст. 20.29 КоАП РФ (распространение экстремистских материалов) [3]. Повторное нарушение по ст. 20.3.1 КоАП РФ влечёт уголовную ответственность по ст. 282 УК РФ [2]. Законодательство не содержит категории «радикализация» как процесса. Закон закрепляет перечень деяний, однако не определяет механизмы их формирования. Это создаёт пробел: правовое регулирование ориентировано на пресечение уже совершённых деяний, а не на предупреждение процесса вовлечения. Если радикализация носит смешанный характер, то механизмы, ориентированные только на цифровую среду (блокировка) или только на физическую (профилактика), не могут быть эффективными в отдельности.

Показательным примером гибридной радикализации является международное молодёжное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование – «Скулшутинг»). Под скулшутингом (от англ. school shooting) в настоящей работе понимается запланированное вооружённое нападение на обучающихся или сотрудников образовательной организации. В российском праве легальная дефиниция данного понятия отсутствует; рабочее определение используется в настоящей статье для обозначения соответствующего круга деяний.

2 февраля 2022 года решением Верховного Суда Российской Федерации по делу № АКПИ21-1059С международное молодёжное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование – «Скулшутинг») признано террористической организацией [9]. Решение переводит скулшутинг в категорию террористической деятельности, что влечёт применение ст. 205.5 УК РФ (организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации) и ст. 205.1 УК РФ (содействие террористической деятельности, включая вербовку) [2]. Возраст уголовной ответственности по ст. 205.5 УК РФ – 16 лет. Вместе с тем Федеральным законом от 17.11.2025 № 420-ФЗ статья 205.1 УК РФ включена в перечень составов, ответственность за которые наступает с 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ) [2]. Таким образом, за содействие террористической деятельности (включая вербовку) уголовная ответственность наступает с 14 лет.

Правоприменительная практика подтверждает это: Кассационным определением ВС РФ от 20.06.2024 № 222-УД24-33-А6 оставлен без изменения приговор, которым Галашина М.Ю. признана виновной по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ [10]. Однако признание организации террористической не решает задачу предотвращения вовлечения. Исследования подтверждают, что радикализация происходит в комбинированном пространстве: онлайн-сообщества обеспечивают идеологию, а офлайн-среда (буллинг, изоляция) – мотивацию [14, p. 82].

Статистические данные свидетельствуют о тенденции к росту числа нападений на образовательные организации, однако их сопоставление затруднено из-за различий в методологии ведомственного учёта. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2024 году было выявлено 13 фактов подготовки нападений на образовательные организации, из которых 11 пресечены правоохранительными органами [22].

Данные за 2025 год демонстрируют расхождения в зависимости от ведомственного источника. Так, по сведениям МВД России, в 2025 году зафиксировано 11 нападений на образовательные организации в девяти регионах России [24]; по данным СК России, озвученным Председателем СК России А.И. Бастрыкиным на Петербургском международном юридическом форуме в июне 2026 года, – 6 нападений, 18 случаев приготовления к ним и 31 случай участия несовершеннолетних в деятельности международного молодёжного движения «Колумбайн» [16]. По данным МВД России, в 2025 году в 15 регионах предотвращено 21 нападение на учащихся и преподавателей; возраст лиц, готовивших нападения, снизился до 10 лет [18]. Генеральная прокуратура Российской Федерации сообщает о 49 пресечённых нападениях в 29 регионах [25].

Статистика за 2026 год (январь – июль) демонстрирует динамику по мере накопления данных. По данным МВД России, к 20 мая 2026 года число предотвращённых нападений возросло до 52 в 29 регионах [19]. Национальный антитеррористический комитет (НАК) сообщает о 37 предотвращённых нападениях на образовательные учреждения с начала 2026 года [17]. По данным Совета Безопасности Российской Федерации, в 2025/2026 учебном году (с сентября 2025 года по май 2026 года) зафиксировано 26 вооружённых нападений учащихся на образовательные учреждения, из которых 21 – в течение 2026 года [20]. СК России в первом полугодии 2026 года возбудил восемь уголовных дел по фактам совершённых нападений [16]. По данным МВД

России, выявлено семь фактов оправдания деятельности движения «Колумбайн»; возраст лиц, вовлечённых в указанную деятельность, – от 11 лет, преимущественно 14–15 лет [19].

По данным НАК, в 2025 году было заблокировано более 170 тыс. фото- и видеоматериалов террористического содержания, что свидетельствует о масштабах распространения запрещённого контента в цифровой среде [17].

По сведениям Совета Безопасности Российской Федерации за первое полугодие 2026 года, число выявленных несовершеннолетних, преступивших уголовный закон, составило 11,4 тыс., что на 9% превышает аналогичный показатель прошлого года (10,5 тыс. лиц); число подростков, совершивших уголовно наказуемые деяния террористического характера, увеличилось с 88 до 196 [20].

Приведённые данные позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, проблема нападений на образовательные организации сохраняет устойчивый характер на протяжении 2024–2026 годов. Во-вторых, наблюдается рост числа выявленных несовершеннолетних правонарушителей, в том числе совершивших преступления террористической направленности. В-третьих, различия в методологиях учёта МВД России, СК России, ФСБ России, Совета Безопасности Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации не позволяют говорить о единой количественной динамике; корректная интерпретация возможна лишь применительно к каждому ведомственному источнику в отдельности.

Регламент (ЕС) 2021/784. Обязывает платформы удалять террористический контент в течение одного часа после получения соответствующего предписания. Размер санкций определяется национальным законодательством государств-членов; Регламент требует, чтобы они были эффективными, соразмерными и сдерживающими. Предусматривается сочетание онлайн-мер с офлайн-стратегиями дерадикализации [11].

Digital Services Act (Регламент (ЕС) 2022/2065). Обязывает крупные платформы (Very Large Online Platforms, VLOP) ежегодно оценивать риски радикализации несовершеннолетних и анализировать влияние алгоритмов рекомендаций. За систематические нарушения предусмотрен штраф до 6% годового мирового оборота [12].

Code of Conduct+. Обновлен 20.01.2025. Объединяет 12 платформ; обязывает рассматривать не менее двух третей уведомлений о языке вражды (hate speech) в течение 24 часов [13].

EU Knowledge Hub. Запущен 17 июня 2024 года. Ориентирован на интеграцию исследовательских данных и практических рекомендаций по профилактике радикализации [21].

Анализ выявляет шесть системных пробелов, препятствующих противодействию гибридной радикализации обучающихся:

Отсутствие категории «гибридная радикализация». Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ определяет экстремизм через перечень деяний, но не описывает процесс их формирования [5]. Регулирование ориентировано на пресечение совершённых правонарушений, а не на предупреждение вовлечения. Ни один субъект профилактики не наделён полномочиями выявлять и сопровождать лиц на ранних стадиях радикализации, когда онлайн- и офлайн-факторы лишь начинают взаимодействовать. Без процессуальной категории правовое реагирование стартует только после достижения радикализацией стадии уголовно наказуемого деяния.

Разрыв между онлайн- и офлайн-регулированием. Контроль цифрового пространства относится к компетенции Роскомнадзора, координация профилактики в образовательных организациях – Министерства просвещения [4]. Единый механизм обмена информацией нормативно не закреплён: Роскомнадзор не передаёт сведения о выявленном экстремистском контенте в образовательные организации, а те не информируют надзорный орган о признаках радикализации в офлайн-среде. При взаимосвязанном действии онлайн- и офлайн-факторов этот разрыв снижает эффективность изолированных мер.

Возрастные пороги уголовной ответственности. По ст. 20 УК РФ ответственность за наиболее тяжкие преступления наступает с 14 лет, за большинство экстремистских деяний – с 16 лет [2]. Данные МВД России фиксируют среди привлечённых за нападения на образовательные учреждения детей 10–11 лет [18, 19], что указывает на необходимость правового реагирования ранее порога ответственности. В этом возрасте механизмы ограничены профилактикой по Федеральному закону от 24.06.1999 № 120-ФЗ, не обеспечивающей адекватного ответа на ранние стадии вовлечения. Возникает правовой вакуум: несовершеннолетний уже подвергается радикализирующему воздействию, но ни один субъект не обязан принимать меры правового характера.

Отсутствие регулирования алгоритмов рекомендательных систем. Статья 10.2-2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ обязывает операторов раскрывать информацию о рекомендательных технологиях, но не выявлять и блокировать контент, способствующий радикализации [4, 8]. Алгоритмы формируют «эхо-камеры», многократно усиливающие экстремистские нарративы и ускоряющие радикализацию. Алгоритмическая рекомендация не рассматривается как самостоятельный объект регулирования, вследствие

чего один из ключевых механизмов гибридной радикализации остаётся вне правового контроля.

Отсутствие федерального межведомственного алгоритма. На региональном уровне такие механизмы созданы: в Белгородской области действует проект «Безопасное детство» – мониторинг социальных сетей, реестр несовершеннолетних «группы риска», алгоритм действий при выявлении негативного контента экстремистско-радикальной направленности; проект охватывает 434 образовательные организации в 22 муниципалитетах [15]. На федеральном уровне единый порядок взаимодействия образовательных организаций, органов внутренних дел, Роскомнадзора и иных ведомств не утверждён, что обусловливает неравномерное применение профилактических мер: их эффективность зависит от инициативы регионов, а не от единых правовых стандартов.

Отсутствие проактивных обязанностей провайдеров хостинга. Статья 10.2-1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ обязывает провайдеров уведомлять Роскомнадзор о начале деятельности, идентифицировать клиентов и взаимодействовать с государственной информационной системой противодействия правонарушениям [4]. Провайдер исполняет предписания об удалении запрещённой информации, но не обязан самостоятельно выявлять контент с признаками вербовки в террористическую или экстремистскую деятельность. Между тем именно провайдеры хостинга технически способны пресечь распространение вербовочного контента на стадии размещения, до массового потребления несовершеннолетними. Уголовное преследование владельцев платформ, не удаляющих террористический контент, – в частности, обвинение основателя Telegram П. Дурова по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ за неисполнение требований об удалении каналов, используемых для вербовки и координации терактов [23], – демонстрирует реактивный подход: ответственность наступает post factum, а не предотвращает подготовку. По данным ФСБ России, через чат-бот в Telegram завербованы 46 граждан в возрасте от 12 до 22 лет [23], что подтверждает роль цифровых платформ как инфраструктуры радикализации несовершеннолетних. Отсутствие проактивной обязанности выявлять и блокировать вербовочный контент до предписания оставляет один из ключевых каналов радикализации вне системного правового контроля.

Результаты анализа позволяют выделить пять направлений совершенствования законодательства:

Расширение понятийного аппарата закона путём закрепления определения гибридной радикализации как процесса взаимосвязанного и непрерывного формирования экстремистских установок под воздействием онлайн- и офлайн-факторов, что создаст основу для дифференциации профилактических мер с учётом специфики вовлечения. Это позволит выявлять лиц на ранних стадиях, когда уголовно наказуемый результат ещё предотвратим, и применять меры, соразмерные комбинированному характеру воздействия, а также обеспечит правовую базу межведомственного взаимодействия на всех этапах – от первичного выявления до индивидуального сопровождения [5].

Закрепление обязательного информирования в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Дополнение закона нормой об обязанности руководителей образовательных организаций незамедлительно уведомлять территориальные органы внутренних дел о признаках радикализации обучающихся [7, 15] устранит разрыв между онлайн- и офлайн-регулированием: образовательная организация при обнаружении поведенческих маркеров (изменение поведения, интерес к экстремистской символике, изоляция) станет первичным звеном информационной цепи. Жизнеспособность такого алгоритма подтверждает региональный проект «Безопасное детство» (Белгородская область), включающий механизм действий при выявлении негативного контента и межведомственные соглашения [15]; федеральная инкорпорация обеспечит единообразие правоприменения.

Внесение изменений в ст. 10.2-2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ предполагает возложение на операторов социальных сетей и информационных платформ обязанности выявлять и оперативно удалять контент, способствующий радикализации несовершеннолетних, а также ограничивать работу рекомендательных алгоритмов в отношении несовершеннолетних пользователей [4, 11]. Действующее регулирование охватывает технологии в целом, но не рассматривает алгоритмическую рекомендацию как самостоятельный фактор радикализации. Осуществимость подобного подхода подтверждает практика ЕС: Регламент (ЕС) 2021/784 устанавливает часовой срок удаления террористического контента, Digital Services Act обязывает крупные платформы ежегодно оценивать риски радикализации несовершеннолетних [11, 12]. Адаптация предполагает градуированные обязанности в зависимости от размера платформы и аудитории. Отдельного упоминания заслуживает доклад UNICEF «Защита детей в онлайн-играх: снижение рисков организованного насилия» (2025), фиксирующий игровые платформы как ключевую инфраструктуру радикализации – экстремистские группы используют внутриигровые чаты, голосовые каналы и сообщества для нормализации насилия и вер-

бовки [26]. Рекомендации UNICEF включают интеграцию механизмов предотвращения онлайн-насилия в национальные системы защиты детей, обновление правовых рамок с прямым указанием на игровые платформы и внедрение принципа «безопасности по дизайну» (safety-by-design), что согласуется с предлагаемой моделью градуированных обязанностей [26].

В рамках Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ предлагается закрепить обязательные коррекционно-воспитательные программы для детей 8–15 лет с выявленными признаками радикализации, а также ответственность родителей за ненадлежащий контроль цифрового контента, потребляемого ребёнком [6]. Действующие механизмы в этом возрастном диапазоне ограничены мягкой профилактикой без обязательного характера. Программы должны сочетать психологическое сопровождение с контролем цифровой среды и реализовываться на межведомственной основе с участием образования, внутренних дел и социальных служб.

Изменения в ст. 10.2-1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ возлагают на провайдеров хостинга обязанность выявлять контент с признаками вербовки в террористическую или экстремистскую деятельность с применением автоматизированного мониторинга [4, 11]. Действующее право обязывает реагировать на предписания, но не требует проактивного выявления. В регулировании ЕС проактивная логика реализована в Digital Services Act (оценка рисков радикализации крупными платформами), тогда как Регламент (ЕС) 2021/784 закрепляет реактивный механизм – удаление террористического контента в течение часа по предписанию и хранение данных шесть месяцев для расследования [11, 12]. Адаптация в российском праве возможна через градуированные обязанности: от автоматизированного скрининга для крупных провайдеров до усиленной модерации для малого и среднего сегмента. Целесообразно освободить провайдеров от ответственности за контент, выявленный и удалённый до предписания уполномоченного органа, что создаст стимул для проактивного мониторинга.

Проведённый анализ показывает, что радикализация обучающихся представляет собой гибридный процесс, в котором онлайн- и офлайн-факторы действуют во взаимосвязи, а не сменяют друг друга. Из этого следует, что противодействие такому процессу не может строиться на разрозненных мерах – результативен только комплексный подход, учитывающий непрерывность взаимодействия цифровой и физической среды. Действующее законодательство, прежде всего Федеральный закон № 114-ФЗ и Уголовный кодекс РФ, ориентировано на пресечение уже совершённых деяний и не ставит задачу профилактики самого процесса вовлечения. Признание движения «Колумбайн» террористической организацией [9] позволило криминализировать участие в нём, однако задачу предотвращения вовлечения это решение не снимает.

Ведомственная статистика на протяжении 2024–2026 годов устойчиво фиксирует сохранение проблемы и рост числа выявленных несовершеннолетних правонарушителей. Вместе с тем различия в методологиях учёта не позволяют говорить о единой количественной динамике: данные МВД России, СК России, ФСБ России, Совета Безопасности и Генеральной прокуратуры сопоставимы лишь внутри каждого ведомства [16, 17, 18, 19, 20].

Анализ выявляет несколько узловых пробелов. Прежде всего, в праве отсутствует само понятие «гибридная радикализация», что не позволяет дифференцировать профилактические механизмы. Сохраняется разрыв в возрасте ответственности: дети 8–15 лет уже подвергаются радикализирующему воздействию, тогда как правовые механизмы реагирования на этих стадиях ограничены мерами профилактики, не имеющими обязательного характера. Цифровые платформы не несут обязанностей по выявлению радикализирующего контента, а провайдеры хостинга – проактивных обязанностей по выявлению вербовочного контента. Для решения данных проблем необходимо ввести категорию «гибридная радикализация» в Федеральный закон № 114-ФЗ, закрепить межведомственные алгоритмы информирования в Федеральном законе № 273-ФЗ, усилить ответственность платформ и родителей, установить проактивные обязанности провайдеров хостинга. Опыт Европейского союза – Digital Services Act, Регламент 2021/784, Code of Conduct+ – и рекомендации UNICEF подтверждают эффективность интеграции онлайн- и офлайн-мер в единую правовую рамку.

Показателен в этом отношении кейс применения ст. 205.1 УК РФ к владельцам платформ, не удаляющим террористический контент [23]. Он демонстрирует реактивный характер правового реагирования: ответственность наступает после наступления последствий. Превентивное регулирование на уровне хостинга способно сместить правовое реагирование на более раннюю стадию. Вербовка 46 граждан в возрасте от 12 до 22 лет через чат-бот в Telegram [23] подтверждает, что без проактивных обязанностей платформ один из ключевых каналов радикализации несовершеннолетних остаётся вне системного правового контроля.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации

(принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

[4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

[5] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

[6] Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

[7] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

[8] Федеральный закон от 31.07.2023 № 408-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6133.

[9] Решение Верховного Суда РФ от 02.02.2022 № АКПИ21-1059С о признании международного молодёжного движения «Колумбайн» (другое используемое наименование – «Скулшутинг») террористической организацией // Карточка производства Верховного Суда РФ.

[10] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 20.06.2024 № 222-УД24-33-А6 // Справочно-правовая система (СПС) «КонсультантПлюс».

[11] Regulation (EU) 2021/784 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2021 on addressing the dissemination of terrorist content online // Official Journal of the European Union. L 172. 17.05.2021. P. 79–109.

[12] Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. L 277. 19.10.2022.

[13] Code of Conduct on Countering Illegal Hate Speech Online+ (updated 20.01.2025) // European Commission.

[14] Kenyon J., Binder J., Baker-Beall C. Online radicalization: Profile and risk analysis of individuals convicted of extremist offences // Legal and Criminological Psychology. 2023. Vol. 28, Issue 1. P. 74–90.

[15] Проект «Безопасное детство»: опыт Белгородской области по предупреждению негативных проявлений среди детей и молодёжи // Сборник информационно-методических материалов / Общероссийское общественно-государственное движение детей и молодёжи «Движение первых». – М., 2024.

[16] Бастрыкин: в России в 2025 году зафиксировали 6 нападений на образовательные учреждения, 18 случаев приготовления и 31 факт участия в «Колумбайне» // ТАСС. 2026. 25 июня.

[17] НАК сообщил о предотвращении 37 нападений на образовательные учреждения с начала года // Интерфакс. 2026. 14 апреля.

[18] Колокольцев: в 2025 году в России предотвращено 21 нападение школьников // ТАСС. 2026. 4 марта.

[19] Богданов: с начала 2026 года предотвращено 52 нападения на учебные организации в 29 регионах // ТАСС. 2026. 20 мая.

[20] Комментарий аппарата Совета Безопасности о преступности несовершеннолетних // Совет Безопасности Российской Федерации. 2026. 13 июля.

[21] EU Knowledge Hub on Prevention of Radicalisation (launched 17.06.2024) // European Commission.

[22] Кудряшов: в 2024 году пресечено 11 из 13 готовившихся нападений на образовательные учреждения // Коммерсантъ. 2025. 15 мая.

[23] ФСБ предъявила основателю Telegram П. Дурову обвинение в содействии террористической деятельности // Российская газета. 2026. 29 июля.

[24] В МВД описали типичный портрет нападавших на школы подростков // Парламентская газета. 2026. 20 мая.

[25] Генпрокурор Гуцан: в 2025 году предотвращено 49 нападений на объекты образования в 29 регионах // РТ на русском. 2026. 15 апреля.

[26] Lamphere-Englund G. Protecting Children in Online Gaming: Mitigating Risks from Organized Violence. UNICEF Innocenti Working Paper. 2025. URL: https://www.unicef.org/innocenti/reports/protecting-children-online-gaming..

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Official Internet portal of legal

information. URL: http://www.pravo.gov.ru.

[2] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 04.08.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[3] Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated 30.12.2001 (rev. dated 26.07.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part I). Art. 1.

[4] Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ (as amended by 29.12.2025) "On Information, Information Technologies and Information Protection" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (part I). Art. 3448.

[5] Federal Law of 25.07.2002 No. 114-FZ (as amended by 27.10.2025) "On Countering Extremist Activities" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3031.

[6] Federal Law No. 24.06.1999 of 120-FZ (ed. 04.08.2026) "On the Basics of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. № 26. Art. 3177.

[7] Federal Law No. 29.12.2012 of 273-FZ (as amended by 04.08.2026) "On Education in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (part I). Art. 7598.

[8] Federal Law of 31.07.2023 No. 408-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 32 (part I). Art. 6133.

[9] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 02.02.2022 No. AKPI21-1059C on the recognition of the Columbine international youth movement (another name used is Schoolshuting) as a terrorist organization // Card of the Supreme Court of the Russian Federation.

[10] Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.06.2024 No. 222-UD24-33-A6 // ConsultantPlus Reference Legal System (ATP).

[11] Regulation (EU) 2021/784 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2021 on addressing the dissemination of terrorist content online // Official Journal of the European Union. L 172. 17.05.2021. P. 79–109.

[12] Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. L 277. 19.10.2022.

[13] Code of Conduct on Countering Illegal Hate Speech Online+ (updated 20.01.2025) // European Commission.

[14] Kenyon J., Binder J., Baker-Beall C. Online radicalization: Profile and risk analysis of individuals convicted of extremist offences // Legal and Criminological Psychology. 2023. Vol. 28, Issue 1. P. 74–90.

[15] Project "Safe Childhood": the experience of the Belgorod region in preventing negative manifestations among children and youth // Collection of information and methodological materials / All-Russian social and state movement of children and youth "Movement of the first." - M., 2024.

[16] Bastrykin: in Russia in 2025, 6 attacks on educational institutions, 18 cases of preparation and 31 facts of participation in Columbine were recorded // TASS. 2026. June 25.

[17] NAC reported the prevention of 37 attacks on educational institutions since the beginning of the year // Interfax. 2026. April 14.

[18] Kolokoltsev: in 2025, 21 attacks by schoolchildren were prevented in Russia // TASS. 2026. March 4.

[19] Bogdanov: 52 attacks on educational organizations in 29 regions have been prevented since the beginning of 2026 // TASS. 2026. May 20.

[20] Commentary of the Security Council apparatus on juvenile delinquency // Security Council of the Russian Federation. 2026. July 13.

[21] EU Knowledge Hub on Prevention of Radicalisation (launched 17.06.2024) // European Commission.

[22] Kudryashov: in 2024, 11 out of 13 prepared attacks on educational institutions were suppressed // Kommersant. 2025. May 15.

[23] The FSB has charged the founder of Telegram P. Durov with facilitating terrorist activities // Rossiyskaya Gazeta. 2026. July 29.

[24] The Ministry of Internal Affairs described a typical portrait of teenagers attacking schools // Parlamentskaya Gazeta. 2026. May 20.

[25] Prosecutor General Gutsan: in 2025, 49 attacks on educational facilities in 29 regions were prevented // RT in Russian. 2026. April 15.

[26] Lamphere-Englund G. Protecting Children in Online Gaming: Mitigating Risks from Organized Violence. UNICEF Innocenti Working Paper. 2025. URL: https://www.unicef.org/innocenti/reports/protecting-children-online-gaming..

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-368-370
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ИВАШКО Наталья Васильевна,
Доцент кафедры физического воспитания и спорта
Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия,
e-mail: Russlen90@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФИЗКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *Физкультурное образование является неотъемлемой частью развития каждого человека. В современном мире появляется все больше новых технологий физкультурного образования, не только для детей, но и вполне для состоявшегося человека. Не секрет, что, приступая к физическим нагрузкам, для начала прощупывается почва, с которой предстоит работать. Учитывается все, начиная от состояния здоровья и заканчивая психологическим состоянием каждого. Весь анализ дает возможность обеспечения эффективного построения задач. Технологии физического воспитания являются одним из самых важных в физкультурном образовании. В XXI веке существует огромное количество технологий. В нашей работе рассмотрены самые новые и эффективные технологии физкультурного образования населения.*

Ключевые слова: *физкультурное образование, здоровьесберегающие технологии, информационно-коммуникационные технологии, соревновательные технологии, блочно-модульные технологии, игровые технологии.*

Для цитирования: *Ивашко Н. В. Применения современных технологий в физкультурном образовательном процессе // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 368–370.*

IVAHKO Natalia Vasilivna,
Associate Professor of the Department of Physical Education and Sports Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk

APPLICATION OF MODERN TECHNOLOGIES IN THE PHYSICAL CULTURE AND EDUCATION PROCESS

Annotation. *Physical education is an integral part of every person's development. In the modern world, there are more and more new technologies of physical education, not only for children, but also for an accomplished person. It is no secret that when starting physical activity, the soil with which you have to work is first felt. Everything is taken into account, from the state of health to the psychological state of everyone. The entire analysis makes it possible to ensure the effective construction of tasks. Physical education technologies are one of the most important in physical education. There is a huge amount of technology in the 21st century. In our work, the newest and most effective technologies of physical education of the population are considered.*

Key words: *physical education, health-saving technologies, information and communication technologies, competitive technologies, block-modular technologies, gaming technologies.*

For citation: *Ivahko N. V. Application of modern technologies in the physical culture and education process. Russian scientific bulletin. 2026;(11):368–370. (In Russ.).*

Введение. Поиск новых технологий физкультурного образования, растет с каждым годом. Поэтому, эта тема является одной из самых актуальных проблем современности. Это объясняется распространением новых педагогических технологий. Одной из самых популярных технологий в наше время, является технология дифференцированного физкультурного образования. Эта технология применяется как к школьникам, так и на индивидуальных занятиях в спортивных клубах. Данный вид подразумевает формирование физических нагрузок на основе личных

качеств и способностей. Она выделяется среди прочих других технологий, которые пытаются подогнать всех под одну систему. Это дает некое преимущество среди других. Поскольку развитие физического образования проходит намного быстрее. Сутью дифференцированного обучения являются дозированные двигательные действия. Продвигается данный процесс обучения по очень простой схеме, список упражнений, составленный на конкретного человека, помогает ему шаг за шагом продвигаться к поставленной цели. конкретного человека, помогает ему шаг за шагом продвигаться к поставленной цели. Эта технология на 90% эффективнее, чем остальные. Поскольку развитие физического образования проходит намного быстрее.

Профильная дифференциация по физкультурно-спортивным интересам студентов позволяет выделить группы специализаций.

Здоровьесберегающие технологии. На сегодняшний день, к сожалению, очень мало здоровых людей, это связано с экологической ситуацией в мире и пассивным способом жизни. Эта технология рассчитана на список специфических занятий, для укрепления мышц, дыхательных путей, подвижности. Преимуществами данной технологии является собственно укрепление здоровья, занятие любимым видом спорта без ущерба для организма. Благодаря данной технологии, великим спортсменом не станешь, но укрепить здоровье возможно. Самыми оптимальными занятиями данного вида является легкая атлетика и лыжная подготовка.

Информационно-коммуникационные – это технологии обучения, которые являются не менее важной среди остальных. Информационно-коммуникационная технология помогает определиться с видом спорта, обучает двигательной технике, помогает ознакомиться со спортивным инвентарем. А также проводит анализ развития различных видов спорта во всем мире. Налаживает физкультурное образование на 72,4% лучше остальных, поскольку предполагает непосредственно изучение научного материала.

На основе анкетирования учителей физкультуры и анализа полученных данных были построены диаграммы использования учителями на уроке физической культуры основных видов информационно-коммуникативных технологий. Применения информационно-коммуникативных технологий для решения дидактических задач на уроке физической культуры, а также использования учителями на уроке физической культуры основных программ пакета Microsoft Office

Была выявлена потребность у учителей физической культуры в дидактических и методических материалах по использованию информационно-коммуникативных технологий на уроке физической культуры. Соревновательная технология, как правило, используется в школах, университетах. Благодаря этой технологии, повышается эмоциональный уровень человека. На проведении этой технологии возможен анализ всей предыдущей работы, а также построение работы в будущем. Повышается мотивация к занятиям спортом. В основе метода, лежит идея непрерывного занятия физической культурой, усовершенствование своих спортивных навыков. Жажда победы и совершенства – главная цель соревновательной технологии.

Блочно-модульная технология, открывает перед человеком возможность самостоятельно выбирать систему физических нагрузок для решения задач, поставленных перед ним. Человек может самостоятельно разработать блок программы упражнений. Благодаря этому направлению, спортивную подготовку можно корректировать, изменять темпы и сроки. Программа рассчитана на реализацию поставленных задач путем последовательности различных нагрузок. Минус данной технологии в том, что сам человек не разберется, какая программа нагрузок ему необходима. Это решение должен принимать высококвалифицированный специалист на основе медицинских анализов, физических и психических данных. С научной точки зрения, эта технология дает ровным счетом 3% успеваемости. В большинстве случаев не эффективная технология.

Игровая технология актуальна для подростков и детей малого возраста. Для более продуктивных занятий, а также завлечение юного поколения в мир спорта, была разработана игровая технология. Она составляет некую установленную программу действий. Основу составляет направление физической активности детей на спортивные занятие через игру. Это необязательно должен быть футбол, волейбол и прочее, достаточно легкой игры с направлением движений. Например: бег, прыжки и так далее, важнее всего в применении метода «сюжетная» организация. Если же говорить о начальной стадии воспитания физкультурного образования, то лучше всего конечно, употреблять технологию игры, приучая детей к активному образу жизни. Если же говорить о начальной стадии воспитания физкультурного образования, то лучше всего конечно, употреблять технологию игры, приучая детей к активному образу жизни. Данная технология применена к детям, повышает эффективность среди прочих, на 57,7%.

Принимая во внимание представленный материал, можно сделать вывод, что самыми оптимальными технологиями в наше время является

технология дифференцированного физкультурного образования и соревновательная технология. Эти технологии дают предпосылку на самосовершенствование, самореализацию и саморазвитие. Преимуществами данных направлений есть:

Индивидуальный подход к каждому;

Анализ психических и физических возможностей;

Систематизированная постановка задач;

Мотивационная задача.

Выводы. Самыми оптимальными технологиями в наше время является технология дифференцированного физкультурного образования и соревновательная технология. Эти технологии дают предпосылку на самосовершенствование, самореализацию и саморазвитие. Таким образом, применение этих двух технологий, а не в редком случае, в их совмещении, оказывают положительное влияние, как на человека, так и на физическое образование в целом. Дифференцированная и спортивная технологии готовят разумный фундамент физических нагрузок вместе с организацией педагогических воздействий. Эти технологии используют для развития конкретно физических качеств и спортивной подготовки. А строгая сбалансированность с индивидуальными способностями, и уровнем спортивных навыков самого занимающегося позволяет как можно быстрее получить ожидаемые результаты. Дифференцированная и спортивная технологии готовят разумный фундамент физических нагрузок вместе с организацией педагогических воздействий. Эти технологии используют для развития конкретно физических качеств и спортивной подготовки. А строгая сбалансированность с индивидуальными способностями и уровнем спортивных навыков самого занимающегося, позволяет как можно быстрее получить ожидаемые результаты.

Список литературы:

[1] Чайцев В.Г., Пронина Ч.В. “Новые технологии ФВ школьников” Практическое пособие. М., 2007 г.

[2] Чичикин В.Т., Игнатьев П.В., Конюхов Е.Е. “Регуляция физкультурно-оздоровительной деятельности в образовательном учреждении”. Н.Новгород. 2007 г.

[3] Петров П.К. Информационные технологии в физической культуре и спорте / П.К. Петров. — М.: Академия, 2008. 288 с.

[4] Козлов А. В. Проблемы применения информационно-коммуникативных технологий в физкультурном образовании // Молодой ученый. — 2010. — № 6. — С. 334-337.

[5] Воронов И.А. Информационные технологии в физической культуре и спорте / И.А. Воронов. — СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. 140 с.

References:

[1] Chaitsev V.G., Pronina Ch. V. “New technologies for school children” Practical guide. M., 2007.

[2] Chichikin V.T., Ignatiev P.V., Konyukhov E.E. “Regulation of physical culture and recreation activities in an educational institution.” N.Novgorod. 2007.

[3] Petrov P.K. Information technologies in physical culture and sports / P.K. Petrov. — M.: Akademiya, 2008. 288 p.

[4] Kozlov A.V. Problems of application of information and communication technologies in physical education // Young scientist. - 2010. — No. 6. — pp. 334-337.

[5] Voronov I.A. Information technologies in physical culture and sports / I.A. Voronov. — St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2007. 140 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-371-377
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

БОРИСОВА Вилена Петровна,
Арктический государственный агротехнический университет, старший преподаватель,
e-mail: mail@law-books.ru

КАЗНАЧЕЕВ Валерий Александрович,
кандидат психологических наук, доцент кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСКОЛКОВ Александр Валерьевич,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД И ФСИН РОССИИ

Аннотация. *Проектирование учебных пособий по иностранному языку для курсантов образовательных организаций МВД и ФСИН России представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий учета специфики профессиональной подготовки и особенностей будущей службы. В современных реалиях, когда международное сотрудничество и обмен информацией выходят на первый план, владение иностранным языком становится неотъемлемой частью профессиональных компетенций сотрудников правоохранительных органов. Поэтому создание качественного и эффективного учебного пособия, соответствующего требованиям времени и особенностям образовательного процесса, является важнейшей задачей.*

Методологические основы проектирования таких учебных материалов включают в себя анализ целевой аудитории, определение образовательных целей и задач, а также выбор оптимальных методов и технологий обучения. В статье будет рассмотрен комплекс подходов, направленных на формирование профессионально-ориентированной языковой компетенции у курсантов, в том числе использование аутентичных материалов, моделирование реальных ситуаций и применение современных цифровых технологий. Особое внимание будет уделено интеграции лингвистических и культурологических аспектов, что способствует более глубокому пониманию изучаемого языка и его практическому применению в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: *ФСИН России, МВД России, образовательный процесс, иностранный язык, учебное пособие, методология.*

Для цитирования: *Борисова В. П., Казначеев В. А., Осколков А. В. Методологические основы проектирования учебного пособия по иностранному языку для курсантов образовательных организаций МВД и ФСИН России // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 371–377.*

BORISOVA Vilena Petrovna,
Arctic State Agrotechnological University, Senior Lecturer

KAZNACHEEV Valery Alexandrovich,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Physical, Firearm, and Tactical-Special Training, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

OSKOLKOV Alexander Valeryevich,
Senior Lecturer, Department of Criminal Law Disciplines and Organization of the Execution of Non-Custodial Sentences, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia on the Use of CrossFit Elements and Functional Training in the Applied Physical Training of Penal System Personnel at Educational Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia

METHODOLOGICAL BASIS FOR DESIGNING A FOREIGN LANGUAGE TUTORIAL FOR CADETS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS AND FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Annotation. *Designing foreign language study guides for cadets at educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs and the Federal Penitentiary Service is a complex, multifaceted process that requires taking into account the specifics of professional training and the nature of their future service. In today's environment, where international cooperation and information exchange have come to the forefront, foreign language proficiency has become an integral part of the professional competencies of law enforcement personnel. Consequently, creating high-quality, effective study guides that meet current demands and align with the educational process is a task of paramount importance.*

The methodological foundations for designing such materials involve analyzing the target audience, defining educational goals and objectives, and selecting optimal teaching methods and technologies. This article examines a range of approaches aimed at developing professionally oriented language competence among cadets, including the use of authentic materials, the simulation of real-life scenarios, and the application of modern digital technologies. Particular attention is paid to integrating linguistic and cultural aspects, thereby fostering a deeper understanding of the target language and facilitating its practical application in professional activities.

Key words: *FSIN of Russia, Ministry of Internal Affairs of Russia, educational process, foreign language, teaching aid, methodology.*

For citation: *Borisova V. P., Kaznacheev V. A., Oskolkov A. V. Methodological basis for designing a foreign language tutorial for cadets of educational organizations ministry of internal affairs and federal penitentiary service of Russia. Russian scientific bulletin. 2026;(11):371–377. (In Russ.).*

Проектирование учебного пособия по иностранному языку для курсантов образовательных организаций МВД и ФСИН России требует тщательной проработки теоретико-методологических предпосылок, которые обеспечат его высокое качество и эффективность. Учитывая специфику профессиональной деятельности будущих специалистов, необходимо опираться на ряд ключевых аспектов, среди которых можно выделить следующие: психолого-педагогические особенности обучения, методологические подходы к преподаванию иностранных языков, а также специфические требования к содержанию и структуре учебного материала. Во-первых, психолого-педагогические особенности обучения курсантов, будущих сотрудников правоохранительных органов, играют важную роль в проектировании учебного пособия. Изучение иностранного языка должно способствовать не только развитию языковых компетенций, но и поддерживать мотивацию к изучению предмета, развивающему личностные качества, такие как целеустремленность, дисциплинированность и ответственность. Важно учитывать особенности восприятия и усвоения информации у курсантов, их когнитивные и эмоционально-волевые особенности, а также их профессиональные интересы и мотивы [1, С. 31-33].

Методологические подходы к преподаванию иностранных языков представлены различными теориями, каждая из которых акцентирует внима-

ние на определенных аспектах учебного процесса. Среди них можно выделить деятельностный, коммуникативный и когнитивный подходы. Деятельностный подход основывается на принципе активного вовлечения обучающихся в процесс изучения языка посредством выполнения практических задач, максимаьно приближенных к реальным условиям профессиональной деятельности. Коммуникативный подход предполагает акцент на развитии речевой деятельности курсантов, их способности к использованию иностранного языка в различных коммуникативных ситуациях, что особенно важно для правоохранительной деятельности. Когнитивный подход рассматривает процесс изучения языка как средство развития познавательных способностей курсантов, их способности к анализу, обобщению и интерпретации информации.

Содержание учебного пособия должно соответствовать специфическим требованиям, обусловленным профессиональной деятельностью курсантов. Необходимо уделять особое внимание лексике и фразеологии, которая используется в профессионально ориентированных контекстах, таких как юридическая практика, криминология, охрана общественного порядка и др. Отдельное место следует отвести развитию навыков аудирования и чтения специализированных текстов, а также навыков письма и устной речи, ориентированных на решение профессиональных задач.

Структурирование учебного материала должно учитывать основы модульного и блочного подходов, что позволит обеспечить логичную и последовательную подачу информации, а также гибкость в использовании пособия в различных учебных ситуациях. Модульное построение учебного пособия дает возможность разработать различные учебные модули, охватывающие как базовые, так и специализированные аспекты изучения языка, которые можно комбинировать в зависимости от уровня подготовки курсантов и их профессиональных потребностей.

Кроме того, в проектировании учебного пособия важна интеграция информационно-коммуникационных технологий, что позволит создавать более интересные и интерактивные формы подачи материала, а также методические приемы, направленные на самоконтроль и самооценку. Это особенно актуально в условиях дистанционного и смешанного обучения, активно развивающихся в последнее время.

Профессиональная подготовка курсантов образовательных организаций МВД и ФСИН России обладает рядом специфических особенностей, продиктованных уникальными задачами и системой требований этих ведомств. Во-первых, учебный процесс ориентирован на формирование таких качеств, как дисциплинированность, ответственность, умение принимать решения в экстремальных ситуациях и строгое соблюдение законности. Эти аспекты оказывают значительное влияние на содержание и методологию разработки учебных пособий, в том числе по иностранному языку [2, С. 103-104].

Во-вторых, следует учитывать, что в процессе обучения иностранному языку курсантам необходимо осваивать специализированную терминологию и словарь, связанный с правоприменением, уголовным и административным правом, а также с процедурами, необходимыми в профессиональной деятельности. Например, знание фразеологии и терминологии в области международного сотрудничества, прав человека, миграционных процессов и борьбы с трансграничной преступностью может оказаться неоценимым для курсантов в их будущей работе.

Третья особенность профессиональной подготовки курсантов заключается в интеграции языка и практических умений. Курсантам приходится овладевать не просто знанием языка, но уметь применять его в реальных ситуациях, будь то проведение допросов, подготовка отчетов, составление протоколов или взаимодействие с иностранными коллегами и гражданами. Таким образом, учебное пособие по иностранному языку должно включать не только теоретические занятия, но и практические упражнения, моделирующие реальные профессиональные ситуации. Кроме того, важным элементом методологии подготовки является акцент на межкультурной коммуникации. Работа в сфере правопорядка часто требует взаимодействия с представителями различных культур, что накладывает дополнительные требования к владению иностранным языком. Понимание культурных особенностей и способность эффективно коммуницировать с людьми из разных стран являются важными компетенциями для курсантов, обеспечивая их готовность к выполнению служебных обязанностей на международном уровне [3, С. 20-22].

Также необходимо отметить, что профессиональное развитие курсантов предполагает интенсивное использование информационных и коммуникационных технологий. Курсанты должны быть готовы работать с профессиональными базами данных, системами правовой информации, а также владеть навыками профессиональной переписки в электронном виде. Учебное пособие по иностранному языку должно отражать этот аспект, предлагая курсантам задания, связанные с использованием современных технологий в профессиональной деятельности.

Таким образом, методологические основы проектирования учебного пособия по иностран-

ному языку для курсантов образовательных организаций МВД и ФСИН России базируются на учете специфики их профессиональной подготовки. Это включает в себя акцент на специализированную терминологию, интеграцию языка и практических умений, межкультурную коммуникацию и использование современных технологий. Успешное сочетание этих элементов позволяет создать учебные материалы, которые не только способствуют повышению уровня владения иностранным языком, но и делают курсантов готовыми к выполнению служебных задач в международном контексте.

Принципы отбора содержания и языкового материала для учебного пособия по иностранному языку для курсантов образовательных организаций МВД и ФСИН России представляют собой сложный и многогранный процесс, требующий тщательного анализа и понимания как педагогических, так и профессиональных требований. Во-первых, необходимо учитывать специфические профессиональные задачи, стоящие перед представителями правоохранительных органов, а также характер их деятельности в международной сфере. Во-вторых, отбор материала должен быть основан на современных педагогических подходах и ориентации на компетентностный результат обучения. Одним из ключевых принципов отбора содержания является профессиональная релевантность. Это означает, что все материалы и темы, включенные в учебное пособие, должны напрямую касаться профессиональной деятельности курсантов. К примеру, тексты и упражнения могут охватывать темы, связанные с международным сотрудничеством в области правопорядка, борьбой с транснациональной преступностью, миграционными процессами и антикоррупционной деятельностью. В этом контексте особое внимание уделяется юридической терминологии и специальной лексике, которая используется в процессе выполнения служебных обязанностей [4, С. 284-286].

Второй принцип — аутентичность материала. Курсантам необходимо предоставлять такие тексты и задания, которые представляют собой реальные документы, интервью, отчеты и другие материалы, используемые в международной правовой практике. Это может включать международные договоры, соглашения, инструкции и иные официальные документы. Аутентичность способствует не только повышению мотивации учащихся, но и подготовке их к реальным профессиональным ситуациям.

Следующий важный принцип — языковая и культурная адаптация. Учебное пособие должно учитывать многокультурное и мультиязыковое окружение, в котором работают современные правоохранители. Это включает не только учет культурных особенностей стран, с гражданами которых приходится взаимодействовать, но и осознание нормативных и этических аспектов общения. Включение культурных компонентов в учебный процесс способствует развитию межкультурной компетенции курсантов — важного аспекта в работе на международной арене.

Четвертым принципом является последовательность и систематичность. Все учебные материалы должны быть структурированы таким образом, чтобы обеспечивать поэтапное наращивание знаний и умений учащихся. Это подразумевает разработку модулярной системы обучения, где каждый модуль посвящён определенным темам и умениям, которые строятся от простого к сложному. Постепенное усложнение материала позволяет наилучшим образом усвоить языковые и профессиональные навыки.

Принцип интеграции теоретических и практических аспектов также является неотъемлемой частью отбора содержания учебного пособия. Курсантам необходимо предоставлять не только теоретические знания и языковые правила, но и возможность применять их на практике в симулированных профессиональных ситуациях. К примеру, можно включать в учебное пособие задания, требующие проведения переговоров, написания отчетов или выполнения заданий, связанных с интервьюированием свидетелей и подозреваемых.

Наконец, современность и актуальность материала. Учебное пособие должно отражать последние достижения и изменения в сфере международного права и правоохранительной деятельности. Это предполагает регулярное обновление содержания, включение современных кейсов и примеров, а также адаптацию материалов к текущим требованиям профессиональной среды.

Разработка структурно-содержательной модели учебного пособия по иностранному языку для курсантов образовательных организаций МВД и ФСИН России является одной из ключевых задач, направленной на обеспечение максимально эффективного процесса обучения. Данная модель должна учитывать специфические требования к профессиональной деятельности будущих сотрудников правоохранительных органов и быть направлена на формирование языковой компетенции, необходимой для выполнения служебных обязанностей.

Первым шагом в создании структурно-содержательной модели является определение целей и задач обучения. Цели должны быть ориентированы на практическое применение языка в профессиональных ситуациях, что включает в себя навыки устной и письменной коммуникации, спо-

собность к пониманию и интерпретации профессионально-ориентированных текстов, а также навыки перевода. Задачи, в свою очередь, могут включать развитие навыков слушания и понимания, говорения, чтения и письма на иностранном языке в условиях, максимально приближенных к реальным профессиональным ситуациям.

Структура учебного пособия должна быть логически построена и включать следующие основные разделы: вступительный раздел, основной учебный материал и оценочные средства. Вступительный раздел содержит общие информационные материалы, инструкции по работе с учебником, а также цели и задачи курса. Основной учебный материал делится на модули, каждый из которых посвящен определенной теме, соответствующей профессиональной деятельности будущих сотрудников МВД и ФСИН. Важно, чтобы модули включали разнообразные виды заданий, направленные на развитие всех видов речевой деятельности: упражнения на аудирование, тексты для чтения и перевода, задания для устной и письменной речи [5, С. 69-72].

Каждый модуль должен начинаться с вводной части, где представлена лексико-грамматическая база, необходимая для выполнения заданий. За вводной частью следуют задания на закрепление нового материала и его практическое применение в контексте профессиональной деятельности. Например, это могут быть диалоги и ситуации из профессиональной жизни, тексты законов и нормативных актов, статьи из специализированных изданий. Для повышения мотивации курсантов, материал должен быть максимально аутентичным и актуальным. Оценочные средства являются важным компонентом структурно-содержательной модели учебного пособия. Они должны включать разнообразные формы контроля: тесты, контрольные работы, ситуационные задачи и проекты. Оценка должна быть направлена не только на проверку знаний и навыков, но и на их применение в реальных профессиональных ситуациях. Это предполагает не только традиционные письменные тесты, но и устные экзамены, ролевые игры, моделирование ситуаций, требующих применения языка.

Важным аспектом является также обеспечение методической поддержки. Учебное пособие должно сопровождаться методическими рекомендациями для преподавателей, где подробно описана структура занятия, предлагаются варианты проведения уроков, советы по организации самостоятельной работы курсантов. Это помогает преподавателям гибко адаптировать процесс обучения в зависимости от уровня подготовленности и специфических потребностей курсантов.

Кроме того, необходимо учитывать современные образовательные технологии и практически-ориентированные методы обучения. Электронные ресурсы, мультимедийные приложения, интерактивные задания и онлайн-платформы могут существенно повысить эффективность и привлекательность учебного процесса. Интеграция технологий позволяет создавать динамичные и интерактивные учебные материалы, что особенно важно для развития навыков практического использования языка [6, С. 79-80].

Таким образом, структурно-содержательная модель учебного пособия по иностранному языку для курсантов образовательных организаций МВД и ФСИН России должна быть многоуровневой и комплексной, направленной на формирование языковой компетенции, соответствующей специфике профессиональной деятельности.

Критерии эффективности учебного пособия можно оценивать по нескольким ключевым показателям, которые непосредственно связаны с достижением образовательных целей и задач обучающихся курсантов образовательных организаций МВД и ФСИН России. Эти показатели включают в себя:

Достижение целей обучения: Учебное пособие должно быть направлено на достижение конкретных образовательных целей, которые включают в себя овладение курсантами необходимыми знаниями, умениями и навыками в области иностранного языка. Одним из критериев эффективности является успех курсантов в выполнении учебных заданий и сдаче экзаменов, которые подтверждают их уровень владения языком.

Мотивация учащихся: Эффективное учебное пособие должно способствовать поддержанию и повышению мотивации курсантов к изучению иностранного языка. Это может быть достигнуто через включение интерактивных заданий, ситуационных упражнений, кейсов и примеров, которые соответствуют профессиональным потребностям и интересам будущих сотрудников МВД и ФСИН.

Практическая направленность: Учебное пособие должно быть ориентировано на практическое применение изучаемого материала в профессиональной деятельности курсантов. Это включает в себя задания, связанные с профессиональными ситуациями, спецификой служебных обязанностей и реальными сценариями, с которыми курсанты могут столкнуться в процессе своей службы.

Инновационность методик: Использование современных педагогических технологий и методик преподавания иностранных языков является важным критерием эффективности. Это может включать внедрение цифровых ресурсов, мультимедийных материалов, онлайн-платформ для

обучения и взаимодействия, а также адаптацию контента к различным уровням языковой подготовки курсантов.

Педагогические условия использования учебного пособия включают в себя следующие аспекты:

Профессиональная подготовка педагогов: Ключевую роль в успешной реализации учебного пособия играет уровень квалификации педагогов. Для эффективного использования учебных материалов они должны владеть современными методиками преподавания иностранных языков, уметь адаптировать материал под нужды курсантов и быть готовыми к использованию инновационных технологий в учебном процессе.

Адаптация к особенностям контингента: Курсанты образовательных организаций МВД и ФСИН России имеют специфические учебные потребности, продиктованные их будущей профессиональной деятельностью. Учебное пособие должно учитывать эти особенности, обеспечивая адаптацию учебных материалов под уровень подготовки и профессиональные интересы каждого обучающегося.

Создание мотивационной среды: для достижения высоких результатов в изучении иностранного языка важно создать мотивационную среду, которая стимулирует курсантов к активному участию в учебном процессе. Это может быть достигнуто через организацию конкурсов, использования игровых методик, введение элементов соревновательности и поощрение успехов обучающихся.

Интеграция с практиками: Учебное пособие должно быть тесно интегрировано с практическими занятиями и учебными тренингами, которые моделируют реальные служебные ситуации. Таким образом, теоретические знания закрепляются через практическое применение, что способствует более глубокому и эффективному усвоению материала.

В заключение, эффективность использования учебного пособия для курсантов образовательных организаций МВД и ФСИН России во многом зависит от четкого соблюдения критериев эффективности и создания соответствующих педагогических условий. Только при соблюдении этих факторов можно достигнуть высокого уровня подготовки курсантов, который будет соответствовать современным требованиям их профессиональной деятельности.

Список литературы:

[1] Игумнова О. В. Методологические основы разработки учебного пособия по иностранному языку для курсантов образовательных организаций ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2025. № 10. С. 30–40.

[2] Проценко Е. А., Смолина Л. В. Дифференцированный подход к формированию иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции в разноуровневых группах курсантов вузов МВД России // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2025. № 3. С. 102–106.

[3] Суфянова Д. А. Повышение мотивации к изучению иностранного языка: опыт Пермского института ФСИН России // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2024. № 4 (15). С. 18–23.

[4] Швецова Н. А. Система упражнений для чтения текстов по специальности в ведомственных вузах ФСИН России // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота. Психолого-педагогические науки. 2025. № 1 (71). С. 282–286.

[5] Борисова С. В., Гончарова В. А., Кулинская С. В. Английский язык: информационно-телекоммуникационные технологии в правоохранительной деятельности = English for Information and Telecommunication Law Enforcement Specialists: учебник. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2025. 416 с.

[6] Парнюк Н. В., Хисматулина Н. В., Пугачева С. А. Английский язык: учебное пособие. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2025. 128 с.

References:

[1] Igumnova O. V. Methodological foundations for the development of a foreign language textbook for cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia // Vedomosti of the penal system. 2025. № 10. S. 30-40.

[2] Protsenko E.A., Smolina L.V. Differentiated approach to the formation of foreign-language professional communicative competence in multi-level groups of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Izvestia of the Voronezh State Pedagogical University. 2025. № 3. S. 102-106.

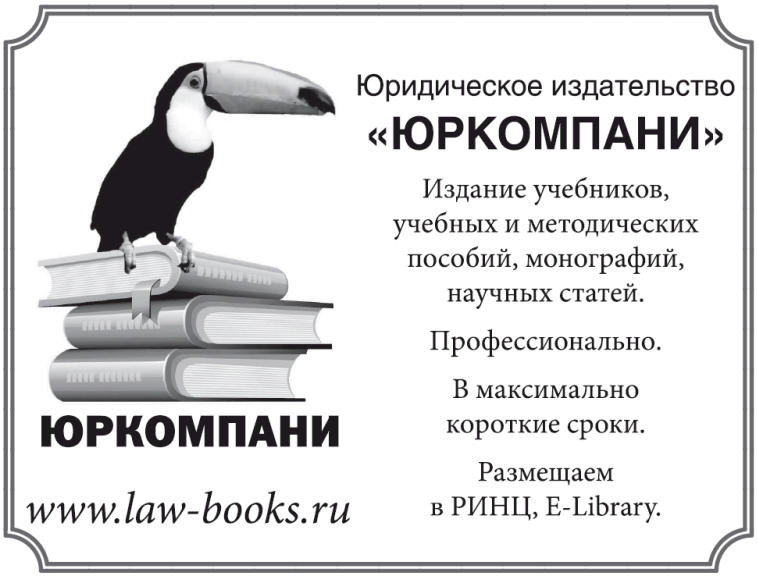
[3] Sufyanova D.A. Increasing motivation to learn a foreign language: the experience of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia // All-Russian Scientific and Practical Journal of Social and Humanitarian Research. 2024. № 4 (15). S. 18-23.

[4] Shvetsova N. A. System of exercises for reading texts by specialty in departmental universities of the Federal Penitentiary Service of Russia // Izvestia of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet. Psychological and pedagogical sciences. 2025. № 1 (71). S. 282-286.

[5] Borisova S.V., Goncharova V.A., Kulinskaya S.V. English: information and telecommunication technologies in law enforcement = English for Information and Telecommunication Law Enforcement Specialists: textbook. Krasnodar:

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. 416 p.

[6] Parnyuk N.V., Khismatulina N.V., Pugacheva S.A. English: a textbook. St. Petersburg: St. Petersburg Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. 128 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-378-385
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

КОЧЕТКОВА Лариса Григорьевна,
старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков Академии ФСИН России,
e-mail: llktt@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОГО ОТНОШЕНИЯ КУРСАНТОВ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ К ДИСЦИПЛИНЕ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» В УСЛОВИЯХ СУВЕРЕНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. *В статье представлены результаты экспериментального исследования, посвященного проблеме трансформации ценностно-смыслового отношения курсантов ведомственных вузов ФСИН России к дисциплине «Иностранный язык» в условиях суверенизации высшего образования. Актуальность исследования обусловлена переходом к национально ориентированной модели подготовки кадров и необходимостью преодоления внутреннего противоречия между формальным изучением иностранного языка и его реальной востребованностью в служебной деятельности. Приведены результаты анкетирования курсантов, представлена концепция практического занятия с конкретным лексико-грамматическим наполнением, методические рекомендации.*

Ключевые слова: *суверенизация высшего образования, ценностно-смысловое отношение, иностранный язык, курсанты ФСИН России, профессионально ориентированное обучение, пробация, экспериментальное исследование.*

Для цитирования: *Кочеткова Л. Г. Трансформация ценностно-смыслового отношения курсантов вузов ФСИН России к дисциплине «Иностранный язык» в условиях суверенизации высшего образования: экспериментальное исследование // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 378–385.*

KOCHETKOVA Larisa Grigorevna,
senior lecturer at the Department of Russian and Foreign Languages at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

TRANSFORMATION OF THE VALUE - SEMANTIC ATTITUDE OF CADETS AT HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA TO THE DISCIPLINE «FOREIGN LANGUAGE» UNDER THE CONDITIONS OF HIGHER EDUCATION SOVEREIGNTY: AN EXPERIMENTAL STUDY

Annotation. *The article presents the results of an experimental study devoted to the problem of transforming the value-semantic attitude of cadets of departmental universities of the Federal Penitentiary Service of Russia to the discipline «Foreign Language» in the context of the sovereignization of higher education. The relevance of the study is due to the transition to a nationally oriented model of personnel training and the need to overcome the internal contradiction between the formal study of a foreign language and its real demand in official activities. The results of a survey of cadets are presented, the concept of a practical lesson with specific lexical and grammatical content, and methodological recommendations are presented.*

Key words: *sovereignization of higher education; value-semantic attitude; foreign language; cadets of the Federal Penitentiary Service of Russia; professionally oriented training; probation; experimental study.*

For citation: *Kochetkova L. G. Transformation of the value - semantic attitude of cadets at higher education institutions of the federal penitentiary service of Russia to the discipline «foreign language» under the conditions of higher education sovereignty: an experimental study. Russian scientific bulletin. 2026;(11):378–385. (In Russ.).*

Введение

Современный этап развития высшего ведомственного образования характеризуется кардинальной перестройкой подходов к подготовке будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС). В условиях суверенизации высшего образования и перехода к национально ориентированной модели подготовки кадров возникает острая необходимость переосмысления ценностных оснований преподавания дисциплин гуманитарного цикла, в том числе иностранного языка. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что традиционная модель иноязычной подготовки, ориентированная преимущественно на абстрактную социокультурную интеграцию, вступает в противоречие с реальными запросами служебной деятельности и внутренними установками современного поколения курсантов. Курсанты демонстрируют устойчивое внутреннее противоречие: зачем изучать иностранный язык в закрытом ведомственном вузе, если будущая профессиональная деятельность не предполагает непосредственного взаимодействия с носителями языка. Разрешение данного противоречия видится в смещении акцента с абстрактной «интеграции в западную культуру» на понимание иностранного языка как инструмента оперативно-служебной деятельности и международного пенитенциарного сотрудничества в рамках дружественных интеграционных объединений (например, БРИКС).

Международное взаимодействие в области исполнения наказаний в рамках БРИКС предполагает обмен опытом, совместную подготовку специалистов пенитенциарной системы и развитие альтернативных мер наказания. В этом контексте иностранный язык перестает быть самоцелью и становится рабочим инструментом профессиональной коммуникации. Особую актуальность проблема приобретает в связи с вступлением в силу Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», создавшего принципиально новое направление в отечественной пенитенциарной системе - службу пробации, развитие которой предполагает изучение и адаптацию международного опыта ресоциализации и социальной адаптации лиц, отбывших наказание.

Объект данного исследования: процесс иноязычной подготовки курсантов ведомственных вузов ФСИН России.

Предмет исследования: ценностно-смысловое отношение курсантов к дисциплине «Иностранный язык» и педагогические условия его трансформации в условиях суверенизации высшего образования.

Цель исследования - теоретическое обоснование и экспериментальная проверка методики трансформации ценностно-смыслового отношения курсантов к изучению иностранного языка.

Задачи исследования:

выявить исходный уровень ценностно-смыслового отношения курсантов к дисциплине «Иностранный язык»;

разработать и апробировать комплекс упражнений, моделирующих профессиональные ситуации международного взаимодействия в сфере пробации;

оценить эффективность предложенной методики.

Гипотеза исследования: трансформация ценностно-смыслового отношения курсантов к дисциплине «Иностранный язык» будет эффективной, если содержание обучения ориентировано на профессионально значимые темы международного пенитенциарного сотрудничества в сфере пробации, а упражнения моделируют реальные ситуации профессиональной деятельности, актуализирующие ценностные смыслы служебной деятельности.

Научная новизна исследования заключается в том, что авторами предпринята попытка целенаправленной трансформации ценностно-смыслового отношения курсантов к дисциплине «Иностранный язык» через моделирование ситуаций международного пенитенциарного сотрудничества в сфере пробации. В отличие от традиционных подходов, ориентированных на формирование языковой компетенции как таковой, предложенная методика акцентирует внимание на ценностном аудировании профессионально значимых смыслов, что позволяет преодолеть внутреннее противоречие между формальным изучением языка и его реальной востребованностью в служебной деятельности. Новизна также состоит в разработке и апробации адаптированного к профессиональным реалиям УИС конкретного лексико-грамматического наполнения занятия. Проблематика исследования заключается в разрешении противоречия между объективной потребностью государства в подготовке специалистов УИС, способных осуществлять профессиональную коммуникацию на иностранном языке в сфере международного пенитенциарного сотруд-

ничества, и недостаточной разработанностью педагогических условий и методического инструментария, обеспечивающих трансформацию ценностно-смыслового отношения курсантов к дисциплине «Иностранный язык» в условиях суверенизации высшего образования.

Методологическая основа исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составили фундаментальные положения отечественной психологии и педагогики. Л. С. Выготский обосновал роль знаково-символических систем в формировании высших психических функций, подчеркивая, что овладение языком перестраивает всю систему сознания человека. А. Н. Леонтьев разработал теорию деятельности, в которой смысл определяется как отношение мотива к цели, что позволяет рассматривать ценностное отношение курсантов к иностранному языку через призму профессиональной мотивации. С. Л. Рубинштейн обосновал принцип единства сознания и деятельности, согласно которому ценностные ориентации формируются и проявляются в деятельности. В. А. Сластенин, развивая аксиологический подход в педагогике, определил ценностные ориентации как «систему устойчивых отношений личности к окружающему миру и самому себе в форме фиксированных установок на те или иные ценности материальной и духовной культуры общества» [12, с. 124]. А. В. Кирьякова разработала теорию ценностной ориентации личности как процесса восхождения к ценностям общества на основе диалектического закона возвышения потребностей, выделив три взаимосвязанные фазы: формирование ценностного образа мира, самоопределение в мире ценностей и проектирование жизненной перспективы [6].

Методологический базис исследования включает системно-деятельностный подход, обеспечивающий целостное рассмотрение процесса иноязычной подготовки как системы взаимосвязанных компонентов; аксиологический подход, позволяющий выявить ценностные основания профессиональной подготовки курсантов; личностно-ориентированный подход, учитывающий индивидуальные особенности и ценностные приоритеты обучающихся; компетентностный подход, определяющий целевую направленность обучения на формирование профессионально значимых компетенций.

Исторический анализ проблемы

Проблема ценностного отношения к иностранному языку в ведомственных вузах имеет глубокие исторические корни. В советский период преподавание иностранного языка в военизированных вузах было подчинено задачам идеологического воспитания и подготовки специалистов к участию в международном коммунистическом и рабочем движении. В 1920–1930-е годы основное внимание уделялось формированию навыков устной речи и перевода военно-технической документации. В послевоенный период, с началом холодной войны, акцент сместился на развитие навыков чтения и перевода аутентичных текстов, преимущественно военно-политического и научно-технического характера. В 1970–1980-е годы в связи с развитием международного сотрудничества в рамках Организации Варшавского договора и расширением контактов с развивающимися странами возрастает роль устной коммуникации и делового общения.

В постсоветский период, с вхождением России в Болонский процесс в 2003 году, произошла переориентация целей иноязычной подготовки на формирование универсальных компетенций, соответствующих международным образовательным стандартам. Однако, как отмечается в исследованиях последних лет, данный процесс сопровождался некритичным заимствованием зарубежных образовательных моделей и ценностей, что вступало в противоречие с национальными интересами и спецификой ведомственного образования [14]. С началом суверенизации высшего образования в 2022–2023 годах и выходом из Болонского процесса актуализировалась задача формирования национально ориентированной модели языковой подготовки, в которой иностранный язык рассматривается не как инструмент интеграции в западную культуру, а как средство решения профессиональных задач и трансляции отечественных духовно-нравственных ценностей.

Теоретический анализ проблемы

В современной педагогике проблема ценностного отношения к иностранному языку в ведомственных вузах исследуется в работах Н. А. Самойлик, которая в докторской диссертации (2023) доказала возможность целенаправленного формирования системы профессионально-ценностных ориентаций курсантов образовательных организаций ФСИН России, обосновав уровневую структуру и педагогические условия эффективности данного процесса [11]. Д. А. Суфянова выявила объективные и субъективные факторы, влияющие на мотивацию курсантов к изучению иностранного языка, обозначив проблемы многозадачности, дефицита времени и неявной практической ориентированности дисциплины [13]. Е. В. Храброва исследовала формирование патриотических ценностей и профессионализма у курсантов при изучении иностранного языка, доказав, что интеграция ценностных смыслов иностранного языка с профессиональным воспитанием способствует формированию устойчивого ценностного отношения к служебной деятельно-

сти [14]. Работы С. А. Грязнова раскрывают как значительный потенциал, так и риски, связанные с интеграцией технологий искусственного интеллекта в процесс обучения иностранному языку в вузах ФСИН России [4]. Исследования В. А. Кузнецова подтверждают необходимость развития у обучающихся ценностной рефлексии и защиты собственной идентичности в цифровой среде [8].

В контексте данного исследования под «ценностно-смысловым отношением» понимается интегральное личностное образование, выражающееся в избирательной, осознанной связи субъекта с объектом действительности, в которой объект приобретает личностный смысл и рассматривается сквозь призму системы ценностных ориентаций личности. «Суверенизация высшего образования» трактуется авторами как процесс обретения национальной системой образования самостоятельности и независимости в определении целей, содержания и методов подготовки кадров, ориентированный на приоритет национальных интересов и традиционных духовно-нравственных ценностей. «Профессионально ориентированное обучение иностранному языку» рассматривается нами как педагогическая система, обеспечивающая формирование иноязычной коммуникативной компетенции в единстве с профессиональными знаниями, умениями и навыками, необходимыми для решения служебных задач.

Авторами проведено экспериментальное исследование на базе Академии права и управления ФСИН России в 2025–2026 учебном году. На констатирующем этапе в анкетировании приняли участие 64 курсанта первого курса факультета психологии и пробации, обучающихся по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности».

Методы исследования: теоретический анализ психолого-педагогической литературы; анкетирование; педагогический эксперимент (констатирующий, формирующий, контрольный этапы); метод независимых характеристик; анализ самоотчетов курсантов; статистическая обработка данных (критерий φ^* — угловое преобразование Фишера).

Результаты констатирующего этапа

Анализ результатов анкетирования показал, что лишь 31 % курсантов проявляют устойчивый интерес к изучению иностранного языка. При этом 54 % респондентов заявили о желании изучать предмет в профессиональных целях, 61 % — для самообразования. Наиболее часто встречающиеся смысловые группы ответов распределились следующим образом:

приобретение навыков речевого общения (28,1 %),

получение профессиональных знаний (22,0 %),

формирование теоретических знаний (18,8 %),

важно для профессиональной карьеры (12,5 %),

саморазвитие и самосовершенствование (10,9 %),

развитие навыков публичного выступления (4,7 %),

не вижу практической значимости (3,0 %).

Типичными ответами курсантов были следующие: «Иностранный язык нужен для общего развития, но вряд ли пригодится в службе», «Считаю изучение иностранного языка формальностью, так как работаю в закрытом учреждении», «Хочу уметь общаться с иностранными коллегами, но не знаю, где это может пригодиться».

Данные показатели свидетельствуют о смещении ценностного отношения курсантов в сторону инструментально-прагматических смыслов. Низкий процент курсантов, связывающих изучение языка с развитием карьеры и публичными выступлениями, указывает на дефицит осознания профессиональной значимости дисциплины для будущей психологической работы с осужденными и лицами, состоящими на пробации. Полученные данные согласуются с результатами аналогичных исследований, проведенных на базе других ведомственных вузов, что подтверждает устойчивый характер выявленной тенденции [8].

Для углубленной диагностики ценностно-смысловой сферы курсантов был использован комплекс верифицированных методик. Опросник ценностных ориентаций Ш. Шварца в модификации В. Н. Карандашева позволил изучить структуру ценностей на уровне нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов [5]. Курсантам предлагалось оценить степень важности различных жизненных принципов в ситуациях профессионального выбора. В качестве примеров приведем следующие утверждения и типичные ответы курсантов.

На утверждение «Для меня крайне важно соблюдать конфиденциальность служебной информации при ее обсуждении в закрытых ведомственных чатах и мессенджерах, даже если это замедляет процесс решения оперативной задачи» типичным ответом был: «Скорее важно, чем нет, но в условиях срочности задачи иногда приходится пренебрегать этим правилом» (выбор варианта «скорее да» — 58 % респондентов).

На утверждение «Я считаю допустимым использование неформального, упрощенного стиля общения и сокращений в официальной деловой переписке по электронной почте с зарубежными

коллегами ради экономии времени» типичным ответом был: «Полностью согласен, так как скорость коммуникации важнее формальностей» (47 %).

На утверждение «Уважение к культурным и религиозным традициям собеседника в ходе цифровой коммуникации должно безоговорочно доминировать над стремлением жестко отстоять собственную позицию во время служебного спора» типичным ответом был: «Затрудняюсь ответить, так как в некоторых ситуациях необходимо жестко отстаивать позицию» (41 %).

Анкета сформированности цифровой деловой культуры (на основе подходов А. В. Кожеко) включала вопросы, выявляющие реальные поведенческие паттерны курсантов в сети Интернет [7]. Показательны следующие пункты с примерами ответов.

На вопрос «Как вы поступите, если обнаружите, что ваш коллега или подчиненный опубликовал на личной странице в социальной сети контент, двусмысленно интерпретирующий деятельность органов исполнительной власти?» типичным ответом был: «Сделаю скриншот и сообщу непосредственному начальнику, но не буду комментировать публично» (68 %).

На вопрос «Считаете ли вы необходимым перепроверять достоверность нормативных документов и профессиональных текстов на иностранном языке с помощью официальных баз данных, если они были переведены и предоставлены вам популярной нейросетью?» типичным ответом был: «Обычно доверяю переводу нейросети, если текст выглядит логично, но в сложных случаях проверяю» (выбор варианта «скорее нет, чем да» — 52 %).

На вопрос «Оцените по 5-балльной шкале, насколько часто вы сталкиваетесь с трудностями при подборе адекватных языковых эквивалентов на иностранном языке для выражения таких понятий, как «честь мундира», «служебный долг» и «гуманизм» в процессе электронной переписки» средний балл по группе составил 4,1 из 5, что свидетельствует о высокой частоте затруднений.

Тест уровня межкультурной коммуникативной толерантности В. В. Бойко был направлен на оценку уровня коммуникативной толерантности в поликультурной цифровой среде [2]. В него вошли такие суждения с примерами ответов.

На суждение «Меня раздражает, когда иностранный партнер по цифровой коммуникации демонстрирует иную логику построения аргументации, обусловленную особенностями его национального менталитета» типичным ответом был: «Скорее раздражает, чем нет» (44 %).

На суждение «Я испытываю дискомфорт, если деловое общение в сети происходит исключительно на иностранном языке как глобальном лингва франка, поскольку чувствую скрытое идеологическое давление и размывание собственных языковых норм» типичным ответом был: «Согласен, это вызывает внутреннее напряжение» (51 %).

На суждение «Я готов тратить дополнительное время на разъяснение специфики российской правовой системы иностранному собеседнику в чате, избегая использования резких и категоричных оценочных суждений» типичным ответом был: «Скорее готов, если это входит в мои служебные обязанности» (39 %).

Анализ результатов констатирующего этапа позволил выявить серьезные дефициты в структуре ценностно-смысловой сферы курсантов. Было установлено, что у 64 % респондентов доминирует прагматический, технократический подход к ведению цифровой коммуникации, выражающийся в стремлении к максимальному упрощению языковых норм, редукции этикетных формул и некритичном заимствовании иноязычных сленговых конструкций в ущерб ценностно-смысловому наполнению речи. Более того, 58 % курсантов продемонстрировали высокий уровень слепого доверия к неверифицированной информации, генерируемой автоматизированными системами перевода и искусственного интеллекта [4], что ведет к постепенному «усреднению» их профессионального языка и потере способности транслировать базовые национально-культурные ценности в процессе иноязычного общения. В рамках теста на коммуникативную толерантность у 42 % обучающихся был зафиксирован средний и низкий уровни признания культурной самобытности партнеров. Полученные данные актуализировали необходимость разработки и внедрения в образовательный процесс специализированного модуля, направленного на нивелирование указанных негативных тенденций.

Формирующий этап эксперимента

На формирующем этапе эксперимента в рамках изучения учебной дисциплины «Иностранный язык» был организован процесс выполнения комплекса упражнений, требующих от курсантов проведения глубокого ценностного аудита. Центральным элементом стала ролевая игра «International Probation Forum», моделирующая международное взаимодействие в сфере пробации [1]. Курсанты делились на четыре делегации: Россия, Бразилия, Индия, Южная Африка (страны БРИКС, имеющие развивающиеся системы пробации). Каждая делегация получала кейс с описанием ситуации в стране и позицией по вопросу о роли психолога в системе пробации. Задача: провести международный форум, обсудив три вопроса: какова роль психолога в системе про-

бации в вашей стране; какие методы работы с осужденными применяются; какие меры могли бы повысить эффективность взаимодействия психологов и служб пробации.

Речевые клише и устойчивые выражения: «On behalf of the delegation, I would like to...» (От имени делегации я хотел бы...), «We would like to share our experience...» (Мы хотели бы поделиться нашим опытом...), «Could you elaborate on...?» (Не могли бы вы любезно уточнить...?), «From our point of view, the most effective approach would be...» (С нашей точки зрения, наиболее эффективным подходом был бы...), «We believe that mutual cooperation could be instrumental in...» (Мы полагаем, что взаимное сотрудничество могло бы сыграть важную роль в...), «I am afraid I have to disagree with the previous speaker on the grounds that...» (Боюсь, я вынужден не согласиться с предыдущим оратором на том основании, что...). Фразовые глаголы: to carry out (risk assessment), to deal with (offenders), to look into (the case), to come up with (a rehabilitation plan), to put forward (recommendations), to follow up on (recommendations).

Типичные трудности курсантов при выполнении задания включали автоматическое использование англосаксонского юридического термина «punishment» вместо концептуально верного для российской доктрины термина «correction» при описании целей пенитенциарной системы; механическое копирование зарубежных трактовок прав человека без их критического осмысления через призму отечественных ценностных приоритетов; затруднения при подборе адекватных языковых эквивалентов для выражения понятий «служебный долг», «гуманизм», «честь мундира»; скатывание в неформальный дискурс при обсуждении спорных вопросов. Пример типичного ответа курсанта на этапе констатирующего эксперимента: «I think punishment is the main goal of the prison system» (Я думаю, наказание — главная цель тюремной системы). Пример скорректированного ответа на контрольном этапе: «From our perspective, the most effective approach would be to focus on correction and rehabilitation rather than mere punishment» (С нашей точки зрения, наиболее эффективным подходом было бы сосредоточиться на исправлении и реабилитации, а не на простом наказании).

Эффективность данного задания для решения поставленной в статье проблемы обусловлена тем, что оно моделирует реальную ситуацию профессиональной коммуникации, в которой иностранный язык выступает не самоцелью, а инструментом решения служебной задачи. Курсант вынужден не просто переводить, а аргументировать профессиональную позицию, отстаивать национальные ценностные приоритеты, что способствует трансформации ценностно-смыслового отношения к дисциплине.

Рефлексивный этап занятия, в рамках которого курсантам предлагалось написать эссе на тему «Why do I need a foreign language as a future psychologist in the probation service?», позволил зафиксировать смещение смысловых акцентов с внешней мотивации на внутреннюю профессионально-ориентированную. Курсанты отмечали: «Теперь я понимаю, что иностранный язык нужен мне для участия в международных форумах по пробации», «Я смогу представлять Россию на международных площадках, а не просто сдавать экзамен».

Результаты контрольного этапа

Контрольный этап эксперимента показал положительную динамику. В экспериментальной группе доля курсантов с устойчивым ценностным отношением к иностранному языку как средству профессиональной деятельности увеличилась с 27 % до 52 % ($p \leq 0,05$). В контрольной группе соответствующий показатель изменился с 29 % до 34 % (различия статистически незначимы). Качественный анализ самоотчетов курсантов экспериментальной группы выявил смещение смысловых акцентов с внешней мотивации на внутреннюю профессионально-ориентированную.

Актуальность проведенного исследования подтверждается следующими данными: по состоянию на 2024 год в Российской Федерации открыто 111 центров пробации в 75 регионах страны, заключено 3 712 соглашений о взаимодействии между территориальными органами ФСИН России и органами социальной политики [17]. В рамках международного сотрудничества в 2024 году делегация Федеральной службы исполнения наказаний Кыргызской Республики приняла участие в Международной научно-практической конференции в Рязани, приуроченной к 90-летию Академии ФСИН России, что свидетельствует о востребованности международного диалога в сфере пробации [15]. Министр юстиции Российской Федерации на встрече с руководителями пенитенциарных служб стран СНГ в 2026 году предложил обмениваться практикой применения мер пробации и ресоциализации бывших осужденных, что подтверждает актуальность подготовки специалистов, способных осуществлять профессиональную коммуникацию на иностранном языке [17].

Заключение

Проведенное исследование доказывает, что суверенизация высшего образования создает объективные предпосылки для переосмысления ценностно-смысловых оснований иноязычной подготовки в ведомственных вузах ФСИН

России. Смещение акцента на профессионально-прикладное понимание иностранного языка как инструмента международного пенитенциарного сотрудничества в сфере пробации позволяет преодолеть внутреннее противоречие, характерное для современного поколения курсантов. Предложенная методика демонстрирует эффективность в формировании устойчивого ценностного отношения к дисциплине. Перспективы дальнейшего исследования связаны с разработкой учебно-методических комплексов, обеспечивающих системную реализацию ценностно-ориентированного подхода, а также с изучением возможностей интеграции цифровых образовательных технологий в процесс формирования профессионально-коммуникативной компетенции.

Список литературы:

[1] Бирюков П.Н. Пробация: сравнительно-правовой анализ российской и зарубежных моделей : монография / П. Н. Бирюков, А. Ф. Реховский, Т. В. Филоненко ; отв. ред. П. Н. Бирюков. — Москва : Проспект, 2026. — 128 с.

[2] Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на коммуникативную толерантность : монография / В. В. Бойко. — Москва : Наука, 2021. — 248 с.

[3] Выготский Л.С. Мышление и речь / Л. С. Выготский // Собрание сочинений : в 6 т. — Москва : Педагогика, 1982. — Т. 2. — 504 с.

[4] Грязнов С.А. Проблемы и потенциал использования искусственного интеллекта в образовательных организациях ФСИН России / С. А. Грязнов // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук : сборник трудов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Самара, 2025. — С. 122–124.

[5] Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В. Н. Карандашев. — Санкт-Петербург : Речь, 2004. — 72 с.

[6] Кирьякова А.В. Теория ориентации личности в мире ценностей : монография / А. В. Кирьякова. — Оренбург : Издательство ОГПУ, 1996. — 188 с.

[7] Кожеко А.В. Формирование коммуникативных компетенций с применением интернет-эпистолярия в системе высшего образования / А. В. Кожеко // Высшее образование в России. — 2023. — Т. 32, № 4. — С. 112–125.

[8] Кузнецов В.А. Цифровой билингвизм и формирование гибридной идентичности в условиях сетевой социализации молодежи / В. А. Кузнецов // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. — 2025. — № 1. — С. 45–58.

[9] Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. — Москва : Смысл ; Академия, 2005. — 352 с.

[10] Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — Санкт-Петербург : Питер, 2002. — 720 с.

[11] Самойлик Н.А. Формирование системы профессионально-ценностных ориентаций курсантов образовательных организаций ФСИН России : дис. … д-ра психол. наук / Самойлик Наталья Анатольевна. — Иркутск, 2023. — 412 с.

[12] Сластенин В.А. Педагогика : учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов. — Москва : Академия, 2002. — 576 с.

[13] Суфянова Д.А. Повышение мотивации к изучению иностранного языка: опыт Пермского института ФСИН России / Д. А. Суфянова // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. — 2024. — № 4 (15). — С. 18–23.

[14] Храброва Е.В. Формирование патриотических ценностей и профессионализма у курсантов ведомственного вуза при изучении иностранного языка / Е. В. Храброва // Письма в Эмиссия.Оффлайн. — 2025. — № 11. — С. 42–48.

[15] Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2023.

[16] Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2023.

[17] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2021.

References:

[1] Biryukov P.N. Probation: comparative legal analysis of Russian and foreign models: monograph / P.N. Biryukov, A.F. Rekhovsky, T.V. Filonenko; resp. ed. P.N. Biryukov. - Moscow: Prospect, 2026. - 128 s.

[2] Boyko V.V. Energy of emotions in communication: a look at communicative tolerance: monograph / V.V. Boyko. - Moscow: Nauka, 2021. - 248 s.

[3] Vygotsky L.S. Thinking and speech / L.S. Vygotsky // Collected works: in 6 volumes - Moscow: Pedagogy, 1982. - VOL. 2. - 504 s.

[4] Gryaznov S.A. Problems and potential for the use of artificial intelligence in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of

Russia / S.A. Gryaznov // Topical issues of the humanities and social sciences: collection of works of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. - Samara, 2025. - S. 122-124.

[5] Karandashev V.N. Schwartz's methodology for studying personality values: concept and methodological guidance / V.N. Karandashev. - St. Petersburg: Speech, 2004. - 72 s.

[6] Kiryakova A.V. Theory of personality orientation in the world of values: monograph / A.V. Kiryakova. - Orenburg: OGPU Publishing House, 1996. - 188 s.

[7] A.V. Kozheko. Formation of communicative competencies using Internet epistolary in the higher education system / A.V. Kozheko // Higher education in Russia. — 2023. - T. 32, NO. 4. - S. 112-125.

[8] Kuznetsov V.A. Digital bilingualism and the formation of hybrid identity in the conditions of network socialization of youth / V.A. Kuznetsov // Bulletin of Moscow University. Series 20. Teacher education. — 2025. — № 1. - S. 45-58.

[9] Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality / A.N. Leontiev. - Moscow: Meaning; Academy, 2005. - 352 s.

[10] Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology / S.L. Rubinstein. - St. Petersburg: Peter, 2002. - 720 s.

[11] Samoilik N.A. Formation of a system of professional-value orientations of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia: dis.... Dr. psychol. Sciences / Samoilik Natalya Anatolyevna. - Irkutsk, 2023. - 412 s.

[12] Slastenin V.A. Pedagogy: a textbook for students of higher pedagogical educational institutions / V.A. Slastenin, I.F. Isaev, E.N. Shiyanov. - Moscow: Academy, 2002. - 576 p.

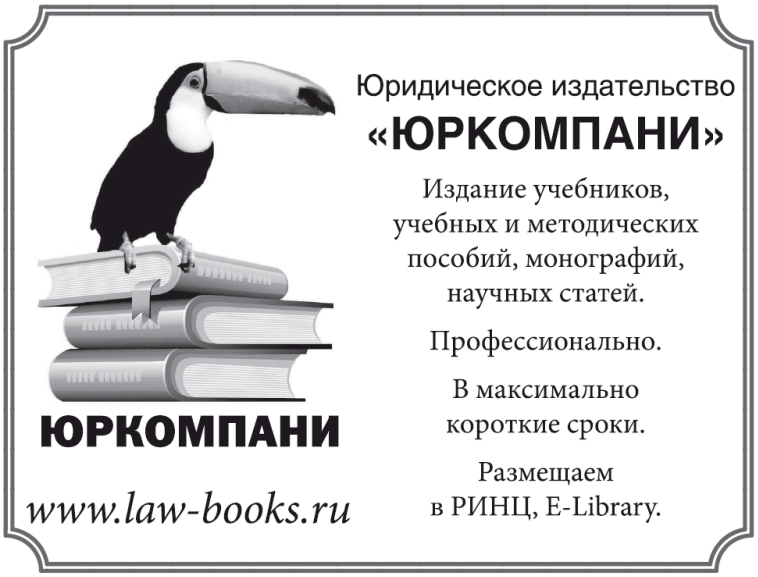
[13] D.A. Sufyanova. Increasing motivation to learn a foreign language: the experience of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia/ D.A. Sufyanov // All-Russian Scientific and Practical Journal of Social and Humanitarian Research. — 2024. — № 4 (15). - S. 18-23.

[14] Khrabrova E.V. Formation of patriotic values and professionalism among cadets of a departmental university when studying a foreign language / E.V. Khrabrova // Letters to the Emission. Offline — 2025. — № 11. - S. 42-48.

[15] Decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2023 No. 343 "On some issues of improving the higher education system" // Collection of legislation of the Russian Federation. — 2023.

[16] Federal Law of 06.02.2023 No. 10-FZ "On Probation in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2023.

[17] Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r "On the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the Period up to 2030" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2021.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-386-392
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

КЛЮЧНИКОВ Михаил Иванович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки юридического факультета ВЮИ ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ПОЖИМАЛИНА Анна Юрьевна,
доцент, заместитель начальника кафедры физической подготовки и спорта Академии ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

КАЗНАЧЕЕВ Валерий Александрович,
доцент кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России, кандидат психологических наук,
e-mail: kaznacheevva@bk.ru

ДЕМИДОВ Олег Геннадьевич,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Псковского филиала Университета ФСИН России, кандидат юридических наук,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

РОЛЬ СИЛОВОЙ ПОДГОТОВКИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *В статье рассматривается роль силовой подготовки в формировании профессионально значимых физических качеств будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения уровня физической готовности курсантов образовательных организаций ФСИН России к выполнению служебных задач в условиях повышенной ответственности, психоэмоционального напряжения и возможного физического противодействия. Цель работы заключается в теоретическом обосновании значения силовой подготовки как компонента профессионально-прикладной физической подготовки будущих сотрудников УИС. На основе анализа научных публикаций отечественных авторов и нормативных положений рассматривается влияние силовых упражнений на развитие максимальной и скоростно-силовой силы, силовой выносливости, координационных способностей и способности сохранять работоспособность при физическом утомлении. Выделяются основные принципы организации силовой подготовки: систематичность, постепенное увеличение нагрузки, индивидуализация, прикладная направленность и соблюдение требований безопасности. Обосновывается целесообразность сочетания традиционных силовых упражнений с функциональными комплексами, упражнениями с собственным весом и элементами профессионально-прикладной подготовки. Делается вывод о том, что целенаправленная силовая подготовка способствует формированию физической готовности будущих сотрудников УИС при условии её комплексного включения в образовательный процесс и оценки результатов по совокупности общих и специальных показателей.*

Ключевые слова: *силовая подготовка, уголовно-исполнительная система, ФСИН России, курсанты, профессионально значимые физические качества, силовая выносливость, профессионально-прикладная физическая подготовка, физическая готовность.*

Для цитирования: *Ключников М. И., Пожималина А. Ю., Казначеев В. А., Демидов О. Г. Роль силовой подготовки в формировании профессионально значимых физических качеств будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 386–392.*

KLYUCHNIKOV Mikhail Ivanovich,
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Fire and Tactical Special Training, Faculty of Law, VUI FSIN of Russia

POZHIMALINA Anna Yurievna,
Associate Professor, Deputy Head of the Department of Physical Training and Sports of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

KAZNACHEEV Valery Alexandrovich,
Associate Professor of the Department of Physical, Fire and Tactical and Special Training of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Psychological Sciences

DEMIDOV Oleg Gennadievich,
Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines and Organization of Execution of Punishments Not Related to the Isolation of Convicts from Society of the Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences

ROLE OF STRENGTH TRAINING IN DEVELOPING PROFESSIONALLY SIGNIFICANT PHYSICAL QUALITIES OF FUTURE PENITENTIARY SYSTEM EMPLOYEES

Annotation. *The article examines the role of strength training in developing professionally significant physical qualities of future employees of the penitentiary system of the Russian Federation. The relevance of the study stems from the need to improve cadets' physical readiness to perform professional duties under conditions of high responsibility, psychological and emotional stress, and possible physical resistance. The purpose of the study is to provide a theoretical justification for strength training as a component of professional and applied physical education for future penitentiary system employees. Based on an analysis of Russian scholarly publications and relevant regulatory provisions, the article considers the contribution of strength exercises to the development of maximal strength, speed-strength abilities, strength endurance, coordination, and the ability to maintain performance under physical fatigue. The main principles of strength training are identified, including consistency, gradual progression of training loads, individualization, occupational relevance, and safety. The study substantiates the value of combining traditional strength exercises with functional training, bodyweight exercises, and occupationally oriented physical training. It is concluded that purposeful strength training contributes to the physical readiness of future penitentiary system employees when systematically integrated into the educational process and assessed through a combination of general and specialized performance indicators.*

Key words: *strength training, penitentiary system, Federal Penitentiary Service of Russia, cadets, professionally significant physical qualities, strength endurance, professional and applied physical training, physical readiness.*

For citation: *Klyuchnikov M. I., Pozhimalina A. Yu., Kaznacheev V. A., Demidov O. G. Role of strength training in developing professionally significant physical qualities of future penitentiary system employees. Russian scientific bulletin. 2026;(11):386–392. (In Russ.).*

Профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации предъявляет повышенные требования к физической подготовленности, способности действовать в условиях дефицита времени, сохранять самообладание и выполнять служебные обязанности при значительных физических и психоэмоциональных нагрузках. В связи с этим физическая подготовка выступает одним из существенных компонентов профессионального становления будущих сотрудников УИС. Особое значение в структуре профессионально-прикладной физической подготовки имеет силовая подготовка, направленная на развитие способности преодолевать внешнее сопротивление и противодействовать физической нагрузке посредством мышечных усилий. Данный вид подготовки способствует развитию мышечной силы, силовой выносливости и скоростно-силовых способностей, необходимых для поддержания двигательной активности, контроля собственных движений и выполнения прикладных физических действий.

Вместе с тем силовая подготовка не должна рассматриваться исключительно как увеличение мышечной силы или достижение высоких результатов в отдельных упражнениях. Для будущего сотрудника УИС важна способность эффективно использовать приобретённые физические качества в профессионально значимых ситуациях. Следовательно, содержание тренировочного процесса должно соответствовать предполагаемым служебным задачам, уровню подготовленности обучающихся и требованиям безопасности.

Научная актуальность темы определяется необходимостью согласования общеразвивающей силовой подготовки с профессионально-прикладной направленностью физического воспитания в ведомственных образовательных организациях. В отечественных публикациях рассматриваются вопросы физической подготовки сотрудников УИС, формирования профессионально важных качеств и совершенствования прикладных навыков [1–4]. Однако особого внимания требует систематизация функций силовой подготовки в процессе профессионального становления курсантов.

Под силовой подготовкой целесообразно понимать целенаправленный педагогический процесс развития силовых способностей посредством физических упражнений, выполняемых с различным сопротивлением и дозируемой интенсивностью. В зависимости от характера упражнений, величины нагрузки, темпа движений и продолжительности работы могут преимущественно развиваться максимальная сила, скоростно-силовые способности или силовая выносливость. В профессиональном образовании будущих сотрудников УИС силовая подготовка должна быть частью целостной системы физического воспитания, объединяющей общую физическую подготовку, развитие двигательных навыков и освоение профессионально-прикладных действий. Такой подход согласуется с исследованиями отечественных авторов, посвящёнными особенностям физической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы [1; 2].

Специфика профессиональной деятельности в УИС заключается в разнообразии служебных функций. В зависимости от занимаемой должности сотрудник может выполнять задачи по обеспечению режима, сопровождению и охране, поддержанию установленного порядка, пресечению правонарушений и обеспечению личной безопасности. Поэтому требования к его физической подготовленности не могут ограничиваться одним показателем, например результатом в жиме штанги или количестве подтягиваний. Силовая подготовка приобретает профессиональную значимость тогда, когда развиваемые качества обеспечивают эффективное выполнение двигательных действий и сочетаются с координацией, быстротой реакции, выносливостью и владением специальными приёмами. В этой связи необходимо различать общую силовую подготовленность и способность применять физические возможности в конкретной служебной ситуации.

Общая силовая подготовка создаёт базу для дальнейшего совершенствования физических качеств. Специально направленная подготовка ориентируется на двигательные действия, соответствующие задачам будущей профессии. При этом освоение приёмов применения физической силы и специальных средств должно осуществляться в рамках предусмотренной программы, под контролем подготовленного преподавателя и с соблюдением установленных правовых ограничений. Таким образом, основное назначение силовой подготовки в образовательном процессе состоит не только в развитии мышечной силы, но и в формировании физической основы профессиональной надёжности будущего сотрудника.

К профессионально значимым физическим качествам будущих сотрудников УИС относятся мышечная сила, силовая выносливость, скоростно-силовые способности, общая выносливость, быстрота и координация движений. Их значение определяется характером предполагаемой служебной деятельности и необходимостью поддерживать достаточный уровень физической работоспособности.

Мышечная сила обеспечивает возможность преодолевать сопротивление, перемещать предметы, удерживать устойчивое положение тела и выполнять физические действия, требующие

значительных мышечных усилий. Для её развития применяются упражнения с отягощениями, тренажёры, упражнения с собственным весом и различные варианты преодоления дозированного сопротивления.

Силовая выносливость характеризует способность длительно выполнять мышечную работу или многократно повторять силовые действия без чрезмерного снижения эффективности. Для сотрудника УИС данное качество имеет значение в ситуациях, когда физическая нагрузка повторяется, а возможность полноценного восстановления ограничена. Средствами его развития выступают многоповторные упражнения, круговая тренировка и комплексы с умеренным сопротивлением и регламентированными интервалами отдыха. Скоростно-силовые способности проявляются в способности развивать значительное мышечное усилие за короткий промежуток времени. Их развитие может осуществляться посредством прыжковых упражнений, метаний медицинбола, ускорений и технически освоенных динамических упражнений с соответствующей нагрузкой. При этом приоритетом должны оставаться правильность выполнения и постепенное освоение техники.

Общая выносливость не относится исключительно к силовым способностям, однако необходима для сохранения работоспособности в течение продолжительного периода. Сочетание силовой работы с циклическими упражнениями умеренной интенсивности позволяет формировать более сбалансированную физическую подготовленность.

Координационные способности обеспечивают согласованность движений, сохранение равновесия и рациональное управление положением тела. Силовые упражнения со свободными весами, упражнения на устойчивость и контролируемые двигательные комплексы могут способствовать развитию координации, если выполняются с учётом уровня подготовленности обучающихся.

Важным условием является комплексное развитие перечисленных качеств. Изолированное увеличение максимальной силы не гарантирует повышения скоростных возможностей, выносливости или качества двигательных действий в нестандартной обстановке. Следовательно, программа силовой подготовки должна предусматривать сочетание упражнений различной направленности.

Эффективность силовой подготовки определяется не только выбором упражнений, но и соблюдением научно-методических принципов построения тренировочного процесса.

Принцип систематичности предполагает регулярное выполнение занятий и последовательное развитие физических качеств. Разовые интенсивные тренировки не обеспечивают устойчивого формирования силовых способностей, тогда как планомерная работа создаёт условия для адаптации организма к нагрузке.

Принцип постепенного увеличения нагрузки предусматривает последовательное изменение сопротивления, числа повторений, продолжительности работы и сложности упражнений. Нагрузка должна повышаться по мере освоения техники и улучшения физической подготовленности. Чрезмерное увеличение интенсивности повышает вероятность травм и ухудшения качества движений.

Принцип индивидуализации заключается в учёте исходного уровня физического развития, состояния здоровья, двигательного опыта и индивидуальной реакции на тренировочную нагрузку. Для курсантов с разным уровнем подготовленности целесообразно использовать варианты одного упражнения с различной сложностью и дозировкой.

Принцип прикладной направленности предполагает соотнесение содержания занятий с физическими требованиями будущей профессии. Это не означает, что все упражнения должны имитировать служебные действия. Общая силовая подготовка формирует необходимую базу, а её профессиональная направленность обеспечивается последующим включением освоенных физических качеств в прикладные упражнения и специализированные учебные задания.

Принцип комплексности предполагает развитие силы во взаимосвязи с выносливостью, быстротой, координацией и двигательными навыками. Комплексный подход особенно важен при подготовке специалистов, которым требуется сохранять эффективность действий в условиях физического и эмоционального напряжения.

Принцип безопасности предусматривает предварительное освоение техники, организацию пространства занятий, исправность оборудования, адекватную разминку и контроль признаков чрезмерного утомления. Упражнения с высокой интенсивностью, максимальными отягощениями и сложными динамическими движениями должны применяться только при наличии необходимой подготовленности, соответствующего оборудования и квалифицированного контроля.

Указанные принципы позволяют рассматривать силовую подготовку не как самостоятельный набор упражнений, а как управляемый педагогический процесс, ориентированный на устойчивое развитие профессионально значимых физических качеств.

Содержание силовой подготовки будущих

сотрудников УИС целесообразно формировать на основе сочетания традиционных упражнений, функциональной тренировки и профессионально-прикладных заданий.

К основным средствам могут быть отнесены:

упражнения с собственным весом: приседания, отжимания, подтягивания или их облегчённые варианты;

упражнения с отягощениями и на тренажёрах, направленные на развитие основных мышечных групп;

упражнения с медицинболами и другими подходящими снарядами для развития скоростно-силовых способностей;

круговые комплексы с дозированной нагрузкой для развития силовой выносливости;

упражнения на устойчивость, равновесие и координацию;

профессионально-прикладные упражнения, включённые в учебные занятия в соответствии с утверждённой программой подготовки.

Методически оправдано строить тренировочный процесс поэтапно. На начальном этапе основное внимание уделяется освоению техники базовых движений, укреплению мышц туловища и конечностей и формированию привычки к регулярным занятиям. На следующем этапе постепенно увеличиваются тренировочный объём и сложность упражнений. На этапе профессионально-прикладной направленности физические качества совершенствуются в составе комплексных заданий, требующих координации движений и сохранения работоспособности при дозированном утомлении.

Приведённая структура является общей методической моделью, а не обязательным регламентом конкретного занятия. Продолжительность этапов и параметры нагрузки должны определяться преподавателем с учётом целей урока, требований образовательной программы и состояния обучающихся.

Особое значение имеет выбор критериев оценки эффективности подготовки. Рекомендуется использовать совокупность показателей, отражающих различные стороны физической готовности:

Результаты нормативных упражнений, предусмотренных действующими требованиями ведомственной подготовки.

Показатели выполнения силовых упражнений с соблюдением техники.

Способность поддерживать качество выполнения многократно повторяемых двигательных действий.

Динамику результатов в течение учебного периода.

Посещаемость занятий, соблюдение требований безопасности и способность самостоятельно контролировать нагрузку.

Оценивание не должно основываться исключительно на сравнении абсолютных результатов курсантов. Более информативным для педагогического анализа является также изменение индивидуальных показателей относительно исходного уровня. Это позволяет учитывать различия в физическом развитии и корректировать содержание подготовки.

В научной литературе по физической подготовке сотрудников УИС подчёркивается необходимость совершенствования организации занятий и формирования профессионально значимых качеств [1–4]. С учётом этих положений представляется целесообразным шире использовать комплексные учебные задания, в которых силовые упражнения сочетаются с перемещениями, изменением положения тела и выполнением координационно сложных действий. Подобные задания должны соответствовать уровню подготовленности курсантов и не создавать неоправданного риска травматизма.

Профессиональная значимость силовой подготовки проявляется в нескольких взаимосвязанных направлениях.

Во-первых, достаточный уровень силы и силовой выносливости расширяет двигательные возможности будущего сотрудника. Это создаёт физическую основу для выполнения задач, связанных с перемещением оборудования, преодолением физических препятствий и поддержанием устойчивого положения тела.

Во-вторых, силовая подготовка может способствовать формированию общей физической работоспособности. При систематическом выполнении адекватно дозируемых упражнений повышается способность организма переносить физические нагрузки. Однако результат зависит от структуры тренировочного процесса, восстановления и сочетания силовых занятий с другими видами подготовки.

В-третьих, регулярная физическая подготовка создаёт условия для формирования дисциплинированности, самоконтроля и ответственности за соблюдение техники выполнения упражнений. Данные качества не возникают автоматически в результате силовых тренировок, но могут развиваться при соответствующей организации образовательного процесса, наличии обратной связи и осознанном отношении обучающихся к занятиям.

В-четвёртых, силовая подготовка обеспечивает физическую базу для освоения профессионально-прикладных навыков. Вместе с тем высокая мышечная сила сама по себе не означает го-

товности правильно действовать в конфликтной ситуации. Эффективное выполнение профессиональных задач требует также знания правовых оснований применения физической силы, владения установленными приёмами, умения оценивать обстановку и соразмерять действия с характером угрозы.

В этой связи необходимо избегать отождествления силовой подготовленности с общей профессиональной компетентностью. Физические качества представляют собой один из компонентов профессиональной готовности, который должен дополняться тактической, правовой, психологической и специальной подготовкой. Важным направлением совершенствования образовательного процесса является согласование силовой подготовки с другими дисциплинами профессионального цикла. Междисциплинарная организация занятий позволяет формировать более целостное представление о требованиях будущей службы и способствует переносу приобретённых физических навыков в профессионально значимые виды деятельности.

Проведённый теоретический анализ позволяет сделать вывод о существенной роли силовой подготовки в формировании профессионально значимых физических качеств будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Силовая подготовка выступает важнейшим компонентом профессионально-прикладного физического воспитания, обеспечивающим развитие мышечной силы, силовой выносливости и скоростно-силовых способностей. В сочетании с упражнениями на общую выносливость, координацию и быстроту она создаёт основу для формирования комплексной физической готовности курсантов к выполнению служебных задач.

Эффективность силовой подготовки определяется соблюдением принципов систематичности, постепенного увеличения нагрузки, индивидуализации, комплексности, прикладной направленности и безопасности. Важным условием её совершенствования является сочетание базовых силовых упражнений с функциональными и профессионально-прикладными заданиями, содержание которых должно соответствовать уровню подготовленности обучающихся и образовательным требованиям. Оценка результатов должна учитывать не только абсолютные показатели выполнения отдельных упражнений, но и динамику индивидуальных достижений, качество техники и способность сохранять работоспособность при повторяющейся нагрузке. При этом физическая подготовка не может рассматриваться изолированно от правовой, тактической и психологической составляющих профессионального образования.

Таким образом, целенаправленная организация силовой подготовки в образовательных организациях ФСИН России является одним из условий формирования физически подготовленного, дисциплинированного и профессионально ориентированного специалиста. Перспективы дальнейших исследований связаны с проведением педагогического эксперимента, позволяющего оценить влияние различных моделей силовой подготовки на динамику профессионально значимых физических качеств курсантов.

Список литературы:

[1] Гаджиев И.А. Особенности физической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы // Успехи гуманитарных наук. — 2023. — № 2. — С. 259–263.

[2] Никеров Д.И., Закиров Т. М. Роль физической подготовки в процессе формирования профессионально важных качеств сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института. — 2018. — № 2.

[3] Рождественский И.К., Салос И. А., Шугаенко Н. П. Роль физической подготовки в процессе формирования профессиональных качеств сотрудников уголовно-исполнительной системы // Молодой учёный. — 2022. — № 44 (439). — С. 364–366.

[4] Пузыревский Р.В. (ред.). Физическая подготовка как основная составляющая физической культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы: учебное пособие. — М.: Юрайт, 2021. — 276 с.

[5] Скрипников В.С. Роль физической подготовки в служебной деятельности сотрудников исправительных учреждений ФСИН России // Молодой учёный. — 2022. — № 19 (414).

[6] Казначеев В.А. Роль физической подготовки в служебной деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы. — 2022. DOI: https://doi.org/10.37313/2413-9645-2020-22-74-26-30..

[7] Зарубин Е.П., Шиняев К. А., Янченков Ю. А. Обоснование программы подготовки сотрудников ФСИН России к применению физической силы и специальных средств с использованием комплексных задач, моделирующих действия в разнообразных ситуациях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2023. — № 12. — С. 70–79. DOI: https://doi.org/10.51522/2307-0382-2023-259-12-70-79..

References:

[1] Hajiyev I.A. Features of physical training of employees of the penitentiary system // Successes of the humanities. — 2023. — № 2. - S. 259-263.

[2] Nikerov DI, Zakirov T. M. The role of physical training in the process of forming professionally

important qualities of employees of the penitentiary system // Bulletin of the Samara Law Institute. — 2018. — № 2.

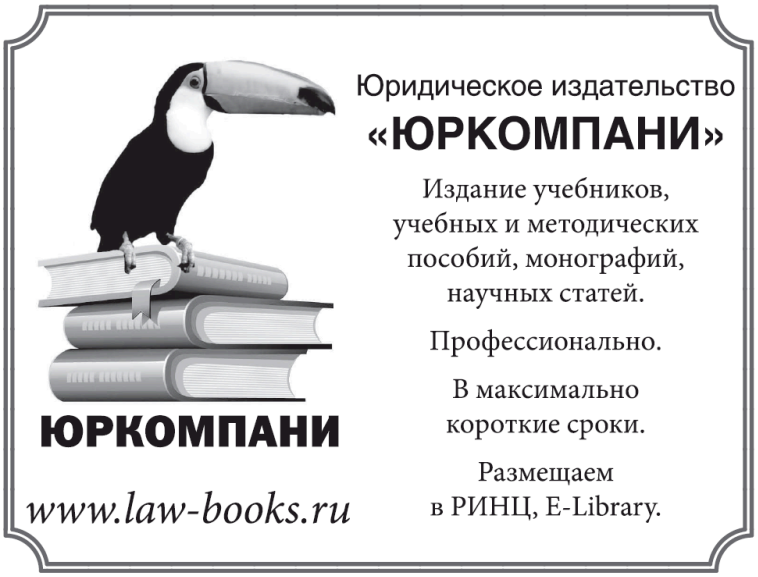
[3] Rozhdestvensky I.K., Salos I.A., Shugaenko N.P. The role of physical training in the process of forming the professional qualities of employees of the penitentiary system // Young scientist. — 2022. — № 44 (439). - S. 364-366.

[4] Puzyrevsky R.V. (ed.). Physical training as the main component of physical education of employees of the penitentiary system: a textbook. - M.: Yurayt, 2021. - 276 p.

[5] Skripnikov V.S. The role of physical training in the official activities of employees of correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // Young scientist. — 2022. — № 19 (414).

[6] Kaznacheev V.A. The role of physical training in the official activities of an employee of the penitentiary system. — 2022. DOI: https://doi.org/10.37313/2413-9645-2020-22-74-26-30..

[7] Zarubin E.P., Shinyaev K.A., Yanchenkov Yu.A. Justification of the training program for employees of the Federal Penitentiary Service of Russia for the use of physical force and special means using complex tasks that simulate actions in various situations // Vedomosti of the penal system. — 2023. — № 12. - S. 70-79. DOI: https://doi.org/10.51522/2307-0382-2023-259-12-70-79..

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-393-400
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

БОГДАНОВ Максим Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры организации режима, Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mbogdanov75@mail.ru

УЧАСТИЕ В КОНТРОЛЬНЫХ И ИНСПЕКТОРСКИХ ПРОВЕРКАХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ: (ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ)

Аннотация. *Проблемы совершенствования практической подготовки профессорско-преподавательского состава ведомственных образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России обусловлена современными вызовами в сфере обеспечения безопасности отечественных пенитенциарных учреждений: рост напряженности; новые формы противоправной деятельности со стороны спецконтингента; усложнение способов передачи запрещенных предметов; использование подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными современных технологий и изощренных методов сокрытия противоправной деятельности; тюремная субкультура; киберугрозы — напрямую влияют на то, как должна строиться практическая подготовка профессорско-преподавательского состава в ведомственных образовательных организациях ФСИН России.*

В этой связи авторы считают, что особую значимость приобретает разработка и внедрение инновационных форм практико-ориентированного обучения, позволяющая максимально приблизить образовательный процесс к реальным условиям будущей профессиональной деятельности.

В статье авторы выделяют несколько ключевых проблем, которые возникают у профессорско-преподавательского состава профильных (выпускающих) кафедр в рамках образовательного процесса:

разрыв между теорией и реальными угрозами. Часто программы повышения квалификации для ППС фокусируются на общих педагогических компетенциях, а специфические навыки — как действовать в конкретных чрезвычайных ситуациях (бунт, захват заложников, кибератака на системы пенитенциарного учреждения) — прорабатываются слабо. Профессорско-преподавательский состав не всегда может дать обучающимся прикладные инструменты для анализа и нейтрализации современных рисков, возникающих в пенитенциарной среде;

недостаток актуальных кейсов. В учебных и методических материалах нередко встречаются устаревшие сценарии пенитенциарных угроз. ППС нужно учиться работать с динамично развивающейся информацией;

слабая связь профильных кафедр (выпускающих) с практическими работниками пенитенциарных учреждений. Если стажировки или совместные проекты с реальными пенитенциарными учреждениями проводятся эпизодически, у преподавателей нет систематического канала, чтобы получать от практиков обратную связь и актуальные кейсы для разбора на учебных занятиях. Это снижает прикладную ценность подготовки;

ресурсные ограничения. Не во всех ведомственных образовательных организациях ФСИН России есть необходимое техническое оснащение для моделирования сложных сценариев (виртуальные симуляторы, специализированное программное обеспечение для анализа цифровых рисков, полигоны практического обучения, учебные рабочие места). Без этого практическая отработка навыков самого профессорско-преподавательского состава, а также курсантов и слушателей затруднена;

неоднородность состава ППС. На выпускающих кафедрах работают как преподаватели с педагогическим и юридическим образованием, так и практические работники в основном из исправительных учреждений и следственных изоляторов территориального органа, которые

не всегда владеют современными педагогическими технологиями. Это требует дополнительных усилий по их методической переподготовке.

Указанные проблемы позволили авторам найти к ним научно-обоснованные решения способствующие улучшить профессиональную подготовку профессорско-преподавательского состава ведомственных образовательных организаций за счет их участия в контрольных и инспекторских проверках исправительных учреждений и следственных изоляторов территориального органа ФСИН России.

Ключевые слова: *контрольные и инспекторские проверки; повышение квалификации; исправительные учреждения и следственные изоляторы; профессорско-преподавательский состав; обучающиеся.*

Для цитирования: *Богданов М. Н. Участие в контрольных и инспекторских проверках пенитенциарных учреждений профессорско-преподавательского состава ведомственных образовательных организаций ФСИН России: (положительный опыт) // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 393–400.*

BOGDANOV Maxim Nikolaevich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Regime Organization, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

PARTICIPATION IN CONTROL AND INSPECTION AUDITS OF PENITENTIARY INSTITUTIONS BY THE PROFESSORIAL AND TEACHING STAFF OF DEPARTMENTAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA: (POSITIVE EXPERIENCE)

Annotation. *The challenges in improving the practical training of the teaching staff in departmental educational organizations of the Federal Penitentiary Service (FSIN) of Russia are driven by current issues in ensuring the security of domestic penitentiary institutions: growing tensions; new forms of unlawful activity by special category inmates; increasingly complex methods of smuggling prohibited items; the use by suspects, accused persons, and convicts of modern technologies and sophisticated methods to conceal unlawful activities; prison subculture; and cyber threats. These factors directly influence how the practical training of teaching staff in departmental educational organizations of the FSIN of Russia should be structured.*

In this regard, the authors believe that the development and implementation of innovative forms of practice oriented learning are of particular importance, as they make it possible to bring the educational process as close as possible to the real conditions of future professional activity. In the article, the authors identify several key problems that arise for the teaching staff of specialized (graduate) departments within the framework of the educational process:

the gap between theory and real threats. Often, professional development programs for teaching staff focus on general pedagogical competencies, while specific skills — such as how to act in particular emergency situations (riots, hostage taking, cyberattacks on penitentiary systems) — are poorly developed. The teaching staff is not always able to provide students with practical tools for analyzing and neutralizing modern risks that arise in the penitentiary environment;

the lack of relevant case studies. Educational and methodological materials often contain outdated scenarios regarding penitentiary threats. PPS needs to learn how to work with dynamically evolving information;

weak ties between specialized departments (the ones that award degrees) and practitioners in penitentiary institutions. If internships or joint projects with real penitentiary institutions are carried out sporadically, teachers have no systematic channel for receiving feedback from practitioners and relevant cases to discuss in class. This reduces the practical value of the training;

resource constraints. Not all departmental educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia have the necessary technical equipment for modeling complex scenarios (virtual simulators, specialized software for analyzing digital risks, practical training grounds, training workstations). Without this, the practical development of skills by the teaching staff themselves, as well as by cadets and students, is difficult;

heterogeneity of the teaching staff. The issuing departments employ both teachers with pedagogical and legal education and practical workers, mainly from correctional institutions and pre trial detention facilities of the territorial body, who do not always possess modern pedagogical technologies. This requires additional efforts to provide them with methodological retraining.

These problems enabled the authors to find scientifically grounded solutions that help improve the professional training of the teaching staff at departmental educational organizations through their participation in control and inspection audits of correctional institutions and pre trial detention facilities of the territorial body of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Key words: *control and inspection audits; professional development; correctional institutions and pre trial detention facilities; teaching staff; students.*

For citation: *Bogdanov M. N. Participation in control and inspection audits of penitentiary institutions by the professorial and teaching staff of departmental educational organizations of the federal penitentiary service of Russia: (positive experience). Russian scientific bulletin. 2026;(11):393–400. (In Russ.).*

Включение профессорско-преподавательского состава профильных кафедр в контрольные и инспекторские проверки пенитенциарных учреждений позволяет сместить фокус: глубже оценить, как выстроен образовательный процесс, насколько эффективны методики обучения курсантов и слушателей, как организована воспитательная и психологическая работа с обучающимися. То есть педагоги привносят взгляд со стороны образовательного процесса, а не только с позиций административного контроля.

Результатом привлечения профессорско-преподавательского состава профильных кафедр к проведению контрольных и инспекторских проверок является: целенаправленная форма дополнительного профессионального образования; совершенствование профессиональной подготовки профессорско-преподавательского состава профильных кафедр; приобретение практических навыков преподавателями, не имеющими опыта работы в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы; формирование положительного имиджа образовательной организации за счет развития многоуровневой системы подготовки сотрудников УИС.

Развитие профессиональных компетенций [4, с. 46-52]. Участие в проверках позволяет преподавателям на практике применить свои знания, отработать навыки анализа ситуации, принятия решений в условиях, приближенных к реальным действиям. Это способствует их профессиональному росту и повышению квалификации.

Получение обратной связи. Проверки дают возможность объективно оценить уровень своей работы, выявить сильные и слабые стороны, наметить пути совершенствования педагогической и научной деятельности.

Укрепление связей с практической стороной. Такое сотрудничество помогает лучше понимать реальные потребности работодателей (основного заказчика со стороны территориальных органов), адаптировать образовательные программы к актуальным задачам пенитенциарной системы.

Повышение качества подготовки курсантов и слушателей. Опыт, полученный преподавателями в ходе контрольных и инспекторских проверок, может быть интегрирован в образовательный процесс: на его основе корректируются учебные планы, разрабатываются новые методические материалы, усиливаются прикладные блоки дисциплин ведомственной направленности – Организация режима в уголовно-исполнительной системе.

Усиление взаимодействия с исправительными учреждениями и следственными изоляторами территориального органа. Участие ППС в контрольных и инспекторских проверках способствует налаживанию более тесных связей между вузом и пенитенциарными учреждениями, что положительно сказывается на практической подготовке курсантов и слушателей.

Выявление и распространение лучших практик. По итогам контрольных и инспекторских проверок часто формируются рекомендации по совершенствованию работы. Их обсуждение на заседаниях кафедры, методических сборах, позволяет распространять успешный опыт среди профессорско-преподавательского состава.

Стимул для развития вуза [3, с. 356-358]. Успешное участие профессорско-преподавательского состава в контрольных и инспекторских проверках исправительных учреждений и следственных изоляторов может стать основанием для повышения репутации образовательной организации, привлечения дополнительных ресурсов; по итогам такого привлечения часто формируются методические материалы (аналитические справки, рекомендации для курсантов и слушателей), которые затем используются в образовательном процессе. Таким образом, привлечение профессорско-преподавательского состава профильных кафедр к контрольным и инспекторским проверкам — это не просто формальное

выполнение задач, а эффективный инструмент повышения качества ведомственного образования и укрепления связей между академической средой и ведомственным заказчиком.

Проведенный анализ нормативно-правового регулирования указанного вопроса (ранее нормативная правовая база опиралась на документы, которые в целом регулировали повышение квалификации сотрудников УИС. Например, действовало Наставление по организации профессионального образования сотрудников уголовно-исполнительной системы – которое было утверждено приказом Минюста России от 11 апреля 2007 г. № 73 – в настоящее время утратило законную силу (в п. 57 Раздела VI. Стажировка, было указано, что: руководящий, профессорско-преподавательский и научный состав образовательных и научно-исследовательских учреждений, подведомственных ФСИН России, по мере необходимости проходит стажировку в образовательных и научно-исследовательских учреждениях или подразделениях территориальных органов УИС, соответствующих профилю подготовки специалистов для территориальных органов (подразделений, учреждений) УИС), а также Приказ Минюста России от 27 августа 2012 г. № 169 «Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы» - утратил законную силу (в п. 46 Раздела IV. Повышение квалификации и профессиональная переподготовка, отражалось, что обучение профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников, а также руководящего состава (от начальника отделения и выше) учреждений и органов УИС организуется - управлением кадров ФСИН России), позволил выявить, что среди категорий, для которых организовывалось обучение, фигурировал профессорско-преподавательский состав, однако сроки прохождения стажировок и повышения квалификации в данных приказах для профессорско-преподавательского состава не указывались (конкретный срок и содержание обучения для каждой категории сотрудников определяются учебными, тематическими планами и программами, разрабатываемыми и утверждаемыми образовательными учреждениями ФСИН России).

В настоящее время в действующем Приказе Минюста РФ от 13 июня 2023 г. № 382 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» в п. 50 Раздела II. «Организация подготовки кадров для УИС по основным образовательным программам и дополнительным профессиональным программам» отражено, что стажировка сотрудников из числа профессорско-преподавательского (педагогического) состава образовательных организаций ФСИН России в учреждениях УИС в рамках освоения дополнительной профессиональной программы должна проводиться не реже одного раза в три года.

Однако сегодня динамично развивающаяся уголовно-исполнительная система «заставляет» сотрудника постоянно развиваться и адаптироваться к новым вызовам и условиям, возникающим в непростой пенитенциарной среде [2]. В связи, с чем считаем, что для профессорско-преподавательского состава профильных кафедр стажировка в исправительных учреждениях и следственных изоляторах должна проводиться не реже одного раза в год.

Высокий уровень преподавания в ведомственном вузе во многом зависит от качества прохождения сотрудниками (работниками) профессионального образования не только в ведомственных образовательных организациях ФСИН России, но и в исправительных учреждениях и следственных изоляторах территориальных органов [1].

Таким образом, путем привлечения профессорско-преподавательского состава профильных (выпускающих) кафедр к проведению контрольных и инспекторских проверок в исправительных учреждениях и следственных изоляторах территориального органа будет выстраиваться оптимальная модель взаимодействия теории и практики в организации образовательного процесса по ведомственной специализации – организация режима в уголовно-исполнительной системе.

Профессорско-преподавательский состав, не имеющий практического опыта работы в органах и учреждениях УИС, будет получать необходимые знания, что позволит ему находиться на высоком профессиональном уровне.

Привлечение профессорско-преподавательского состава к участию в контрольных и инспекторских проверках в исправительных учреждениях и следственных изоляторах УФСИН России по Псковской области позволило добиться следующих показателей:

было разработано более двухсот тем выпускных квалификационных работ для курсантов и слушателей, обучающихся по ведомственной направленности – Организация режима в уголовно-исполнительной системе;

в соответствии с Приказом ФСИН России от 10 ноября 2025 г. № 899 «Об организации научной и научно-технической деятельности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» от УФСИН России по Псковской области было получено шесть Заявок на подготовку научно-исследовательских работ;

подготовлены рабочие программы дисци-

плин по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, ведомственная направленность – Организация режима в уголовно-исполнительной системе (Правовое регулирование и организация режима; Правовое регулирование и организация надзора; Обеспечение безопасности; Инженерно-технические средства охраны и надзора) в которых сделан акцент на практико-ориентированное обучение, в дальнейшем указанные программы получили положительные рецензии от сотрудников территориального аппарата УФСИН России по Псковской области;

подготовлены графики по привлечению практических работников УФСИН России по Псковской области к занятиям по дисциплинам ведомственной направленности – Организация режима в уголовно-исполнительной системе на учебных рабочих местах, созданных в Псковском филиале Университета ФСИН России и на полигоне практического УФСИН России по Псковской области;

у сотрудников кафедры при прохождении аттестационных комиссий, как плановых, так и при назначении на вышестоящие должности положительным аспектом являлось участие в контрольных и инспекторских проверках УФСИН России по Псковской области.

информация, полученная в ходе контрольных и инспекторских проверок, используется при подготовке:

методических и практических рекомендаций по организации деятельности оперативно-режимных подразделений ФСИН России;

тематики выпускных квалификационных работ для курсантов и слушателей Псковского филиала Университета ФСИН России;

практических заданий (задач), отрабатываемых курсантами и слушателями на занятиях семинарского типа по дисциплинам ведомственной направленности «Правовое регулирование и организация режима», «Правовое регулирование и организация надзора», «Обеспечение безопасности», «Инженерно-технические средства охраны и надзора»;

для обновления методической документации на учебных рабочих местах, созданных на территории филиала («Дежурный помощник начальника учреждения»; «Пост оператора видеоконтроля (центральный пост системы охранного телевидения)»; «Автоматизированное рабочее место по хранению архивов со средств видеонаблюдения и видеофиксации»; «Обысково-маневренная группа. Обыскной инструмент»; «Комната обыска, запрещенные предметы и способы их сокрытия»; «Пост младшего инспектора у камер (ШИЗО, ДИЗО, ПКТ, ЕПКТ, карцеров, СИЗО, тюрем»; «Участок запретной зоны»; «Инструментальная кладовая»), а также на полигоне практического обучения.

Участие профессорско-преподавательского состава кафедр ведомственных образовательных организаций ФСИН России в контрольных и инспекторских проверках учреждений уголовно-исполнительной системы является одним из важных средств повышения квалификации преподавателя выпускающей кафедры.

Наряду с традиционным обучением сотрудника в рамках получения дополнительного профессионального образования участие в контрольных и инспекторских проверках позволяет профессорско-преподавательскому составу повышать свой квалификационный уровень.

К положительным результатам такого участия можно отнести:

развитие творческого потенциала преподавателей (сам процесс подготовки и участия в проверке заставляет преподавателя задуматься о своих методах: насколько они соответствуют современным требованиям, целям обучения. Это стимулирует профессиональный рост — преподаватель начинает активнее осваивать новые педагогические технологии, цифровые инструменты или смежные компетенции);

в ходе проверки могут всплыть удачные практики коллег (например, нестандартный подход к решению возникшей чрезвычайной ситуации или эффективная форма надзора за подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными). Преподаватель, участвующий в таком обмене, не только перенимает идеи, но и делится своими наработками, тем самым обогащая методический арсенал всего профессорско-преподавательского коллектива;

участие в контрольных и инспекторских проверках помогает преподавателю глубже разобраться в нормативно-правовой базе, требованиях к результатам обучения, критериям оценки. Это снижает риск ошибок при планировании лекционных, семинарских и практических занятий с обучающимися, а также более качественном оформлении методической документации, а в итоге — повышается качество обучения в целом;

активизация исследовательской деятельности;

внедрение новых педагогических технологий в сферу пенитенциарного образования;

повышение рейтинга не только отдельного преподавателя, но и образовательной организации в целом;

после проверки полезно проводить разбор: что получилось, какие были сложности, какие пробелы в знаниях или навыках выявились. Это становится частью методической работы кафедры и помогает ППС расти профессионально;

преподаватель, участвующий в проверке, сталкивается с реальными кейсами, нормативной базой, спецификой ведомственных задач. Это позволяет переносить такие кейсы в образовательный процесс — делать занятия более прикладными;

работа в комиссии тренирует аналитическое мышление, учит работать с документами, проводить опросы и собеседования, фиксировать нарушения. Всё это напрямую влияет на качество преподавания дисциплин ведомственной направленности – организация режима в уголовно-исполнительной системе;

сотрудники профильных кафедр лучше узнают реальные потребности системы, что помогает им адаптировать рабочие программы дисциплин и методические материалы;

ключевым моментом здесь выступает не сам факт проверки, а то, как будет организован последующий разбор результатов и какие выводы и действия следуют из нее. Если фокус смещается на «мы вместе ищем, как стать лучше», положительные результаты очевидны.

Профессиональный рост педагога – это длительный процесс овладения профессией. Хороший педагог всегда должен идти в ногу со временем, своевременно реагировать на любые изменения в современном образовании, внедрять инновационные методы. Только в этом случае он достигнет главной цели образовательного процесса, которая состоит в подготовке высококвалифицированных специалистов [2].

Таким образом, привлечение профессорско-преподавательского состава образовательных организаций ФСИН России к проведению контрольных и инспекторских проверок должно стать неотъемлемой частью образовательного процесса, направленного на повышение профессионального мастерства сотрудников профильных (выпускающих) кафедр ведомственных образовательных организаций ФСИН России.

Предложения и рекомендации по внедрению положительного опыта по «Привлечению профессорско-преподавательского состава образовательных организаций ФСИН России к проведению контрольных и инспекторских проверок, проводимых в учреждениях территориальных органов ФСИН России» (опыт Псковского филиала Университета ФСИН России), состоят в следующем:

полученные знания профессорско-преподавательским составом в ходе контрольных и инспекторских проверках учреждений УФСИН России по Псковской области в обязательном порядке после обсуждения на заседаниях кафедры с профессорско-преподавательским составом включаются в методические материалы дисциплин (лекции, семинарские и практические занятия) ведомственной направленности – Организация режима в уголовно-исполнительной системе («Правовое регулирование и организация режима»; «Правовое регулирование и организация надзора»; «Обеспечение безопасности»; «Инженерно-технические средства охраны и надзора»);

не менее одного раза в пять лет на основании полученных знаний в ходе контрольных и инспекторских проверках учреждений УФСИН России по Псковской области профессорско-преподавательскому составу профильных кафедр (кафедра организации режима) предлагается в соответствии с Приказом от 10 ноября 2025 г. № 899 ФСИН России «Об организации научной и научно-технической деятельности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» с получением предварительного согласования с Управлением режима и надзора ФСИН России подготавливать аналитический обзор на тему «Участие профессорско-преподавательского состава образовательных организаций ФСИН России в контрольных и инспекторских проверках, проводимых в учреждениях территориальных органов ФСИН России».

Проведенный анализ показал, что участие профессорско-преподавательского состава в контрольных и инспекторских проверках исправительных учреждений и следственных изоляторах территориального органа ФСИН России позволило:

профессорско-преподавательскому составу глубже оценить, как выстроен образовательный процесс, насколько эффективны методики обучения курсантов и слушателей, как организована воспитательная и психологическая работа с обучающимися; делится наработками в сфере ведомственного образования с курсантами и слушателями, а сотрудники пенитенциарных учреждений получили доступ к современным образовательным технологиям и методикам, которые уже апробированы в Псковском филиале Университета ФСИН России; увидеть реальные «узкие места» в подготовке специалистов и получить конструктивные рекомендации от практических работников. Для территориального органа ФСИН России — получить доступ к качественному образовательному контенту и методикам, что в перспективе повышает эффективность работы не только пенитенциарных учреждений в регионе, но и в целом в уголовно-исполнительной системе;

повысить репутацию ведомственной образовательной организации ФСИН России, привлечь дополнительные ресурсы;

полученный опыт профессорско-преподавательским составом в ходе контрольных и инспекторских проверок, интегрирован в образова-

тельный процесс: на его основе скорректированы учебные планы, разработаны новые методические материалы, усилены прикладные блоки дисциплин ведомственной направленности – Организация режима в уголовно-исполнительной системе;

наладить более тесные связи между Псковским филиалом Университета ФСИН России и пенитенциарными учреждениями УФСИН России по Псковской области, что положительно сказывается на практической подготовке курсантов и слушателей (прохождение всех видов практик; привлечение курсантов к обыскным мероприятиям и досмотрам проводимых на территории исправительных учреждений и следственных изоляторов; привлечение практических работников к комплексным оперативно-тактическим учениям «ИТОГ» на территории образовательной организации; привлечение практических работников к проведению семинарских и практических занятий по дисциплинам ведомственной направленности – Организация режима в УИС; привлечение сотрудников к участию в государственных экзаменационных комиссиях и аттестациях; привлечение практических работников к научным мероприятиям различного уровня).

На основании всего вышесказанного, авторы пришли к следующим выводам:

во-первых, участие профессорско-преподавательского состава выпускающих кафедр (профильных) в контрольных и инспекторских проверках исправительных учреждений и следственных изоляторов УФСИН России по Псковской области актуально и целесообразно;

во-вторых, для участия профессорско-преподавательского состава в контрольных и инспекторских проверках не требуется особых финансовых затрат, так как удаленность исправительных учреждений и следственных изоляторов от образовательной организации достаточно небольшая от 50 до 200 километров (возможность принять участие в течение одних суток);

в-третьих, пенитенциарные учреждения являются отличным практическим полигоном, позволяющим качественно повысить профессиональные знания профессорско-преподавательскому составу кафедры (в каждом исправительном учреждении и следственном изоляторе УФСИН России по Псковской области созданы учебные рабочие места, позволяющие более детально изучать специфику подразделений режима и надзора; существуют свои статистические показатели характеризующие деятельность оперативно-режимных подразделений; возможность провести общение со спецконтингентом по соблюдению установленных режимных требований в пенитенциарном учреждении; возможность увидеть действия личного состава отдела режима и надзора по учебным вводным – действия при чрезвычайных ситуациях);

в-четвертых, нет длительного отрыва профессорско-преподавательского состава от своих прямых обязанностей (существующая мобильность в своем территориальном органе; графики инспекторских и контрольных проверок в территориальном органе составляются в конце календарного года организационно-аналитическим отделом и утверждаются начальником территориального органа, что позволяет профессорско-преподавательскому составу кафедры качественно и эффективно подойти к участию в данных проверках);

в пятых, простота в процедуре оформления допуска профессорско-преподавательского состава к контрольным и инспекторским проверкам;

в-шестых, участие профессорско-преподавательского состава в контрольных и инспекторских проверках положительно сказывается при прохождении плановых и внеплановых аттестационных комиссий (например, при назначении ППС кафедры на вышестоящие должности).

Список литературы:

[1] Гришин Д.А., Дербина О.В., Косоногова С.В. и др. Профессиональная подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы: Учеб. пособие. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014.

[2] Ковалев О.Г. Педагогические механизмы профессиональной компетенции преподавателей, реализующих практико-ориентированное обучение курсантов образовательных организаций ФСИН России // Перспективы науки. 2024. № 4(175).

[3] Кошелюк, Б. Е. Приоритетные направления совершенствования профессиональной подготовки сотрудников УИС при обеспечении безопасности в исправительных учреждениях / Б. Е. Кошелюк, О. Н. Чистотина, А. В. Щербаков // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 3. – С. 356-358.

[4] Щербаков, А. В. Профессиональная подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы, как фактор обеспечения ее безопасности / А. В. Щербаков // Право и образование. – 2025. – № 3. – С. 46-52.

References:

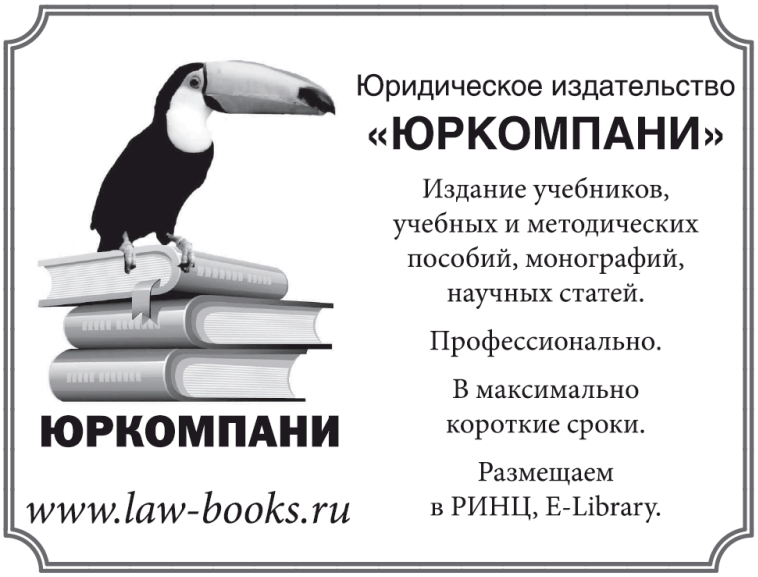
[1] Grishin D.A., Derbina O.V., Kosonogova S.V. et al. Training of employees of the penitentiary system: Training manual. Vologda: VIP FSIN of Russia, 2014.

[2] Kovalev O.G. Pedagogical mechanisms of professional competence of teachers implementing practical-oriented training of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of

Russia // Prospects of Science. 2024. № 4(175).

[3] Koshelyuk, B. E. Priority areas for improving the professional training of penal system employees in ensuring security in correctional institutions / B. E. Koshelyuk, O. N. Chistotina, A. V. Shcherbakov // Agrarian and land law. – 2025. – № 3. - S. 356-358.

[4] Shcherbakov, A. V. Professional training of employees of the penitentiary system as a factor in ensuring its safety / Shcherbakov A.V. // Law and education. – 2025. – № 3. - S. 46-52.

- ИСТОРИЯ И ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-401-405
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

СЫСОЕВА Юлия Александровна,
преподаватель кафедры административного и финансового права,
e-mail: yulenka-soldatova@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ БЛАГОУСТРОЙСТВА

Аннотация. *Исследование направлено на изучение правовое сущности понятия «благоустройство». В работе автор анализирует модернизацию института в современной России, исследует нормативно-правовую основу данного правового явления. Рассматриваются различные подходы к определению благоустройства, а также исследуется межотраслевое использование термина в муниципальном, градостроительном, жилищном, земельном, налоговом праве и в области охраны окружающей среды. В работе предложено дополнение действующему легальному определению «благоустройство» с учетом специфики его элементов.*

Ключевые слова: *благоустройство, прилегающая территория, муниципальное образование, объекты благоустройства, Градостроительный кодекс, национальные проекты, охрана окружающей среды.*

Для цитирования: *Сысоева Ю. А. К вопросу о понятии благоустройства // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 401–405.*

SYISOEVA Yuliya Alexandrovna,
teacher of Department of administrative and financial law

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF LANDSCAPING

Annotation. *The research is aimed at studying the legal essence of the concept of "landscaping". In this paper, the author analyzes the modernization of the institute in modern Russia, explores the regulatory framework of this legal phenomenon. Various approaches to the definition of landscaping are considered, as well as the intersectoral use of the term in municipal, urban planning, housing, land, tax law and in the field of environmental protection. The paper proposes an addition to the current legal definition of "landscaping", taking into account the specifics of its elements.*

Key words: *landscaping, adjacent territory, municipality, landscaping facilities, Urban Planning Code, national projects, environmental protection.*

For citation: *Syisoeva Yu. A. On the issue of the concept of landscaping. Russian scientific bulletin. 2026;(11):401–405. (In Russ.).*

Социально-экономическое развитие государства является одной из приоритетных целей государственной политики России. Его практическая реализация выразилась в разработке и последующем внедрении национальных проектов. Впервые о необходимости повышения качества жизни россиян посредством реализации государственных программ было объявлено В.В. Путиным в 2005 году на совещании с членами правительства, руководством Федерального собрания РФ и членами президиума Госсовета. Сущность данных мероприятий сводилась к аккумуляции государственных ресурсов различного характера (как финансовых, так и административно-хозяйственных) для развития приоритетных направлений жизни граждан, что позволило бы сделать ее более комфортной. Первые национальные проекты были направлены на решение проблемных вопросов по наиболее острым потребностям граждан и, в принципе, с учетом специфики экономического развития страны. Ввиду этого, первыми проектами были «Здоровье», «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», «Образование», «Развитие агропромышленного комплекса» [1].

Выбор именно этих целей в качестве приоритетных для реализации государственной политики весьма оправдан, так как кризис 1990-х годов, вызванный сменой политического режима и экономической системы, оставался отголоском

недавнего прошлого в настоящем и препятствием для светлого будущего страны и ее населения. Первостепенное решение указанных вопросов должно было послужить фундаментом для дальнейшего укрепления государства и модернизации других общественных институтов.

Перспектива развития была оценена верно и на сегодняшний день в России уже активно развиваются такие национальные проекты, как «Семья», «Молодежь и дети», «Здоровье», «Экология», «Профессиональное развитие», «Производство», «Цифровизация», «Комфортная среда для жизни», «Технологии», «Развитие бизнеса», «Туризм», «Транспорт», «Развитие сельского хозяйства».

Для нашего исследования особый интерес представляет проект «Формирование комфортной городской среды», реализуемый в рамках национального проекта «Комфортная среда для жизни». Действующее законодательство не содержит легального определения понятия «комфортная городская среда», Л.В. Чайковская понимает под ним состояние обособленной урбанизированной территории муниципального образования или иной территории государства, на которой должны быть реализованы все основные элементы комфортной городской среды, через которые удовлетворяются базовые потребности любого человека (биологические, социальные, инклюзивные и т.д.), с целью обеспечения полноценной жизнедеятельности человека и общества, а также устойчивого развития указанных территорий [2, с.40]. Из замысла самого проекта следует, что его практическое осуществление тесно связано с понятием «благоустройство», следовательно, посредством него и достигаются цели формирования комфортной городской среды. Тем самым, процесс благоустройства выступает одним из ключевых элементов реализации государственной политики государства в текущий период, в связи с этим необходимо исследовать его понятие и правовую сущность.

Этимология слова «благоустройство» является одновременно отражением и внутренних словообразовательных процессов, и культурно-семантической слияния слов «благо» и «порядок», что свидетельствует о том, что оно представляет собой сложное производное образование в русском языке. Морфемный анализ позволяет также установить, что слово состоит из двух составляющих «благо» и «устройство». Первая часть восходит к праславянскому bolgo, связанному с идеями добра, пользы, благополучия и положительной ценности. В древнерусском языке слово «благо» имело полисемичное значение, так как употреблялось и для обозначения какого-либо морального добра, и в контексте материальных жизненных удобств. Вторая часть слова «устройство» образовано от глагола «устроить», который, в свою очередь, происходит от праславянского strojiti, то есть «располагать», «организовывать», «приводить в порядок». Из этого следует, что «устройство» предполагает процесс или результат приведения чего-либо в упорядоченное, организованное состояние. Из сказанного следует, что этимология слова «благоустройство» демонстрирует характерный для русского языка способ формирования сложных абстрактных понятий через объединение корней с ярко выраженной ценностной и процессуальной семантикой, что отражает как языковые, так и культурно-исторические особенности развития общества.

Пролонгируя вопросу толкования слова «благоустройство», обратимся к толковым словарям русского языка. Так, В.И. Даль в качестве однокоренного понятию «благоузаконить» называет глагол «благоустроить», то есть приводить в хорошее устройство, в добрый порядок; под благоустройством же он понимает состояние благоустроенного, чинный порядок; термин «благоустроение» понимается Далем, как действие того, кто приводит что-либо в порядок [3]. В период составления словаря (XIX век) термин «благоустройство» уже был известен российскому обществу, что подтверждается сведениями из исторической справки, так как впервые о благоустройстве как о государственно-правовом институте заговорили в XVIII веке вследствие учреждения системы министерств. В частности, в полномочия министерства внутренних дел входило благоустройство всей империи.

Благоустройство представляет собой сложный, многогранный общественный институт, используемый в различных областях науки, в связи с чем оно неоднократно становилось объектом исследования различных ученых.

Легальное определение понятия «благоустройство» содержится в п.36 ст.1 Градостроительного Кодекса РФ (далее – ГрК РФ), исходя из которого следует, что благоустройство представляет собой деятельность по реализации комплекса мероприятий, установленного правилами благоустройства территории муниципального образования, направленная на обеспечение и повышение комфортности условий проживания граждан, по поддержанию и улучшению санитарного и эстетического состояния территории муниципального образования, содержанию территорий населенных пунктов и расположенных на таких территориях объектов, в том числе территорий общего пользования, земельных участков, зданий, строений, сооружений, прилегающих территорий [4]. Так, определение термина закреплено на федеральном уровне, однако конкретизация

данного положения, раскрывающаяся через его содержание, отнесена к вопросам местного значения, что подтверждается п.19 ст.14 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О местном самоуправлении в РФ).

К слову, ФЗ «О местном самоуправлении в РФ» также содержал положение об определении благоустройства до внесения в него изменений в 2017 году. Согласно предыдущему термину, под благоустройством понимался комплекс предусмотренных правилами благоустройства территории поселения (городского округа) мероприятий по содержанию территории, а также по проектированию и размещению объектов благоустройства, направленных на обеспечение и повышение комфортности условий проживания граждан, поддержание и улучшение санитарного и эстетического состояния территории. Сравнительный анализ демонстрирует, что действующее понятие, закрепленное в ГрК РФ, более объемное, вбирающее в себя конкретные объекты благоустройства, то есть, рассматриваемые законодательные изменения позволили сохранить суть данного правового явления, при этом, доработав его основные положения.

Муниципальное и градостроительное право являются базовыми отраслями юриспруденции, регламентирующими организационные, процедурные и правовые аспекты, связанные с практической реализацией благоустройства. Однако термин используется и в других юридических направлениях: жилищное право, земельное право, налоговое право.

Как было сказано ранее, одним из объектов благоустройства является прилегающая территория, под которой, в соответствии с п.37 ст.1 ГрК РФ, понимается территория общего пользования, которая прилегает к зданию, строению, сооружению, земельному участку. Из этого следует, что в качестве таковой может быть рассмотрена и придомовая территория многоквартирного дома. Благоустройство придомовой территории многоквартирного дома регулируется в соответствии с нормами Жилищного кодекса РФ (далее – ЖК РФ). Важным условием является, что придомовая территория должна быть общим имуществом собственников жилья или иных помещений конкретного многоквартирного дома.

С точки зрения земельных правоотношений благоустройство выступает их объектом, если его осуществление связано с улучшением земельного участка в случае, если такое улучшение не создает нового объекта недвижимости. В этом аспекте значение имеет создание на территории определенного земельного участка элементов благоустройства в виде его озеленения, установки скамеек, организации асфальтового покрытия, которые представляют собой составные части участки, но не выступают в качестве самостоятельных объектов прав. Вместе с тем положения Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ) обязывают собственников и арендаторов земельных участков предпринимать необходимые меры по их благоустройству, связанные с вывозом мусора, покосом травы и т.д.

Налоговое законодательство также использует дефиницию «благоустройство», ее ключевое значение состоит в разграничении мероприятий по благоустройству на две категории – неотделимые улучшения и объекты внешнего благоустройства - при расчете прибыли организации. Правоприменительная особенность их разделения заключается в том, что законодатель не дает легального определения термина «внешний характер» благоустройства. Прецедентное право исходит из того, что дифференцирующее значение имеет отсутствие прямой функциональной связи элемента благоустройства с производственным процессом, а также пользование им неопределенным кругом лиц, как например, сквер на территории предприятия или асфальтовое покрытие.

Доктринальные подходы к понятию «благоустройство» разрабатываются и в других областях научного познания. Так, благоустройство имеет особое значение для обеспечения охраны окружающей среды. Согласно ст.1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» окружающая среда – это совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов [5]. В данном определении присутствует указание на антропогенный фактор, то есть, созданный при участии человека. Примерами антропогенных объектов могут служить здания и другие сооружения, дороги, мосты, а также населенные пункты, в целом, являющиеся элементами благоустройства.

Автор видит в охране окружающей среды систему мероприятий, направленных на поддержание ее стабильного состояния и решение проблем, возникающих в результате природопользования. В этом наблюдается определенная корреляция с мероприятиями по осуществлению благоустройства в населенных пунктах. Неотъемлемыми элементами благоустройства является озеленение территории муниципального образования, его уборка, а также особые требования, предъявляемые к экологичности материалов, используемых при обустройстве объектов благоустройства, что неизбежно влияет на эффективность поддержания состояния окружающей среды.

Множество научных разработок в области

охраны окружающей среды посвящены вопросы организации благоустройства. Так, Е.А. Преликова считает, что благоустройство городской среды представляет собой комплекс проектных и земляных работ, мероприятий по озеленению, направленный на создание привлекательного для населения городского пространства с включением в него природных элементов с целью обеспечения экологической безопасности и повышения уровня жизни [6]. Вследствие этого, можно умозаключить, что автор рассматривает благоустройство через призму мер, реализуемых муниципальными властями. При этом, практическая реализация благоустройства преследует два ключевые цели: облагораживание территории муниципального образования, совместное с обеспечением требований экологической безопасности к процедуре благоустройства.

С мнением Е.А. Преликовой трудно не согласиться, однако, учитывая разнообразие элементов, входящих в дефиницию «благоустройство», его нельзя считать единственно верным, так как разные отрасли науки по-разному интерпретируют благоустройство, усматривая различные элементы данного процесса в качестве ключевых, ввиду специфики каждой из них.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что с одной стороны, благоустройство представляет собой особый вид деятельности, то есть процесс практической реализации человеком необходимых требований по облагораживанию различных территорий и социально значимых объектов. Однако, с другой стороны, благоустройство – это комплекс мероприятий, предпринимаемых для достижения целей такой деятельности. В связи с этим автор считает необходимым расширить границы легального определения благоустройства. Следует разграничить такую двойственность понятия, дополнив его указанием на то, что под благоустройством следует понимать как деятельность, так и систему мероприятий и результат их реализации.

Список литературы:

[1] История нацпроектов в России // ТАСС: сетевое издание. – 2019. – URL: https://tass.ru/info/6101471 (дата обращения: 25.10.2026).

[2] Чайковская, Л.В. Правовое регулирование формирования комфортной городской среды в Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук: 5.1.2 / Чайковская Л.В.; Юго-Западный гос.ун.-т. – Курск, 2024. – 192 с. – Текст: непосредственный.

[3] Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/search?general_search%5BqueryString%5D=%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D1%83%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE&general_search%5Bsubmit%5D=&general_search%5BsearchIn%5D=book&general_search%5BtargetId%5D=13890 (дата обращения: 25.10.2026).

[4] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/?ysclid=mvnri32z9z570469587 (дата обращения: 25.10.2026). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Об охране окружающей среды: федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/?ysclid=mvnrmevwym49247737 (дата обращения: 25.10.2026). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Преликова, Е. А. Благоустройство среды обитания как критерий социально-экономического развития города / Е. А. Преликова, Н. Р. Кукшин, Д. В. Некрасов // Отходы и ресурсы. – 2023. – Т. 10, № 2. – DOI 10.15862/08ECOR223. – EDN LCWOFU.

References:

[1] History of national projects in Russia // TASS: online edition. – 2019. - URL: https://tass.ru/info/6101471 (access date: 25.10.2026).

[2] Tchaikovskaya, L.V. Legal regulation of the formation of a comfortable urban environment in the Russian Federation: dis. cand. jurid. Sciences: 5.1.2 / Tchaikovskaya L.V.; Southwest State Un.-t. - Kursk, 2024. - 192 p. - Text: immediate.

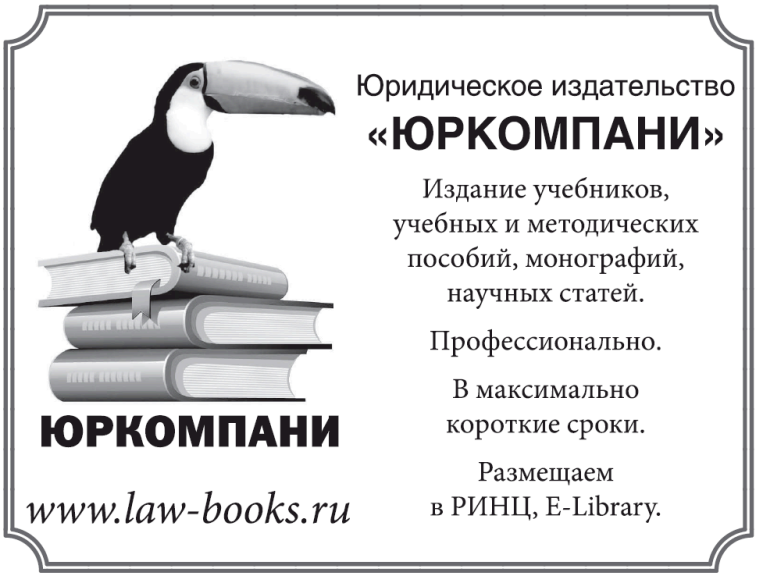
[3] Dahl, V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes / V.I. Dahl. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/search?general_search%5BqueryString%5D=%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D1%83%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE&general_search%5Bsubmit%5D=&general_search%5BsearchIn%5D=book&general_search%5BtargetId%5D=13890 (дата обращения: 25.10.2026).

[4] Town Planning Code of the Russian Federation No. 190-FZ dated 29.12.2004 (as amended by 04.08.2026) // ConsultantPlus: reference legal system. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/?ysclid=mvnri32z9z570469587 (access date: 25.10.2026). - Access from ConsultantPlus legal system.

[5] On Environmental Protection: Federal Law No. 7-FZ of 10.01.2002 (as amended on 04.08.2026) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/?ysclid=mvnrmevwym49247737 (accessed on:

25.10.2026). - Access from ConsultantPlus legal system.

[6] Prelikova, E. A. Habitat improvement as a criterion for the socio-economic development of the city / E. A. Prelikova, N. R. Kukshin, D. V. Nekrasov // Waste and resources. – 2023. - T. 10, NO. 2. – DOI 10.15862/08ECOR223. – EDN LCWOFU.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-406-410
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

КОРОЛЕВА Яна Юрьевна,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»), e-mail: mail@law-books.ru

ЛАРЬКИНА Анна Петровна,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»), e-mail: mail@law-books.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В НАЛОГОВЫХ ОРГАНАХ

Аннотация. *В работе анализируются эволюционные этапы формирования института государственной службы в налоговых органах, правовое регулирование гражданской службы в современный период. Особое внимание уделено порядку поступления на гражданскую службу в налоговые органы. Рассматриваются проблемные аспекты поступления на службу в ФНС России и формирования её кадрового резерва. В рамках статьи сформулированы предложения по совершенствованию конкурсного отбора и процедуры поступления на государственную службу в вышеуказанные органы, которые включают в себя создание программ подготовки, использование возможностей искусственного интеллекта и разработка мер по привлечению талантливой молодёжи.*

Ключевые слова: *налоговые органы, государственная гражданская служба, поступление, правовое регулирование, проблемы*

Для цитирования: *Королева Я. Ю., Ларькина А. П. Историко-правовая природа гражданской службы в налоговых органах // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 406–410.*

KOROLEVA Yana Yurievna,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogaryov (FSBEI HE "Moscow State University named after N.P. Ogaryov")

LARKINA Anna Petrovna,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogaryov (FSBEI HE "Moscow State University named after N.P. Ogaryov")

HISTORICAL AND LEGAL NATURE OF CIVIL SERVICE IN TAX AUTHORITIES

Annotation. *The paper analyzes the evolutionary stages of the formation of the institution of public service in tax authorities, as well as the legal regulation of civil service in the modern period. Special attention is paid to the procedure for entering the civil service in tax authorities. The paper also examines the problematic aspects of entering the service in the Federal Tax Service of Russia and the formation of its personnel reserve. The article provides suggestions for improving the competitive selection process and the procedure for entering the public service in the above-*

mentioned authorities, which include the creation of training programs, the use of artificial intelligence capabilities, and the development of measures to attract talented young people.

Key words: *state civil service, tax authorities of the Russian Federation, personnel policy of tax authorities, liability for violation of tax legislation.*

For citation: *Koroleva Ya. Yu., Larkina A. P. Historical and legal nature of civil service in tax authorities. Russian scientific bulletin. 2026;(11):406–410. (In Russ.).*

Введение

Современные социально-экономические реалии диктуют необходимость совершенствования налоговой системы страны. Это сделать невозможно без грамотного подхода к кадровой политике, а в частности, без проработки вопросов поступления на государственную гражданскую службу в налоговые органы.

Отличительной особенностью налоговых ФНС России является то, что эта служба напрямую влияет на пополнение государственного бюджета. В условиях проведения специальной военной операции и необходимости оптимизации расходов и одновременного повышения доходов, роль налоговой службы как никогда возрастает. Вместе с тем, ряд устаревших механизмов конкурсного отбора и приёма на государственную службу в ФНС России и её территориальные подразделения не позволяет со всей эффективностью использовать потенциал этой службы на благо государства. В связи с этим, вопросы историко-правового анализа указанных общественных отношений приобретают особую актуальность. Для формирования предложений по совершенствованию конкурсного отбора кандидатов в налоговые органы необходимо проанализировать их историю, выявить цели и задачи налоговых органов на современном этапе и текущую ситуацию с кадровым резервом.

Проблематика

История государственной гражданской службы в налоговых органах России тесно переплетается с развитием налоговой системы, преобразованиями государственной службы и модернизацией административной практики. Любое государство нацелено на повышение экономического потенциала и совершенствование механизмов управления.

В период советской эпохи государственная служба пережила значительный прогресс. Общество интегрировалось через упрощение его структуры и подведение социальных задач под государственные цели, что в итоге привело к формированию тоталитарного государства. Развитие государственной службы шло по образцу петровской бюрократическо-дворянской системы, выстроенной заново в новой институциональной форме.

С началом 1990-х гг. произошел виток в эволюции государственной службы. Появились органы власти, соответствующие западным плюралистическим моделям, однако эти институты – под влиянием сохраняющейся традиционной иерархической тенденции – постепенно интегрировались в единую структурную систему.

1 июля 1990 г. начали работу налоговые инспекции. Их создание связано с решением Совета Министров СССР от 24 января 1990 г. № 76 «О государственной налоговой службе», когда в составе Минфина были учреждены государственные налоговые инспекции. Этот период характеризуется началом формирования мощной системы с трехуровневой иерархией управления: центральный аппарат, региональное звено (инспекции по республикам, краям, областям) и местные налоговые инспекции по районам и городам.

21 ноября 1991 г. Указом Президента Российской Федерации была образована самостоятельная Государственная налоговая служба России. Конституция, принятая 12 декабря 1993 г., закрепила ключевые принципы правового регулирования государственного управления и определила полномочия основных органов государственного аппарата.

23 декабря 1998 г. Указом Президента Российской Федерации Государственная налоговая служба России была преобразована в Министерство по налогам и сборам.

Указ Президента Российской Федерации от 09 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» преобразовал Министерство по налогам и сборам в Федеральную налоговую службу (далее – ФНС РФ), на которую были возложены задачи по принятию нормативных правовых актов в своей сфере деятельности и разъяснительной работе по налоговому законодательству. В современной России налоговое администрирование развивается с совершенствованием налоговой системы, при этом реагирует на все изменения, происходящие в экономике, и, только так можно гарантировать его истинное предназначение [8].

Сейчас ФНС России – федеральный исполнительный орган власти, который осуществляет функции надзора и контроля за соблюдением налогового и внебюджетного законодательства, а также за своевременностью и полнотой перечисления налогов и сборов в бюджет и других обязательных платежей, закрепленных законом.

Особенность государственной службы в на-

логовых органах состоит в том, что она относится к федеральной гражданской службе, однако к ней применяются специфические нормы и регламенты, установленные для данной сферы. В частности, положения статьи 33 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) закрепляют следующие обязанности должностных лиц налоговых органов: действие в строгом соответствии с налоговым законодательством; реализация прав и обязанностей налоговых органов в пределах компетенции; корректное и внимательное отношение ко всем субъектам налоговых правоотношений.

Правовую основу регулирования государственной гражданской службы в налоговых органах составляют федеральные законы от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [1] и от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2] (далее – ФЗ «О государственной гражданской службе РФ»), где зафиксированы правовые, организационные и финансово-экономические основы государственной гражданской службы Российской Федерации в налоговых органах.

Государственная гражданская служба в налоговых органах строится на фундаменте принципов, закрепленных в ст. 4 ФЗ «О государственной гражданской службе РФ, а именно:

приоритет прав и свобод человека и гражданина;

единство правовых и организационных основ федеральной гражданской службы и гражданской службы субъектов Российской Федерации;

равный доступ граждан, владеющих государственным языком Российской Федерации, к гражданской службе и равные условия ее прохождения независимо от пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств, не связанных с профессиональными качествами гражданского служащего;

профессионализм и компетентность гражданских служащих;

стабильность гражданской службы;

доступность информации о гражданской службе;

взаимодействие с общественными объединениями и гражданами;

защищенность гражданских служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность.

Также в этом Законе подробно описаны условия для поступления на государственную гражданскую службу, ограничения, связанные с гражданской службой, процедура поступления и замещения должностей по конкурсу, порядок прохождения службы и иные положения, которые применимы и к налоговым органам. Закон также устанавливает ограничения и запреты для государственной службы, требования к квалификации, образовательному уровню и специальности кандидатов, а также требования к стажу и опыту работы по профилю, уровню владения законодательной базой и обязательность прохождения конкурса на замещаемую должность.

Статья 17 Федерального закона о государственной гражданской службе устанавливает запреты, применяемые к государственным служащим. Эти запреты подчеркивают специфику государственной службы как особого правового института, которая схода с трудовыми правоотношениями, но регулируются иными нормативными актами, в частности, законодательством о государственной гражданской службе.

Запреты, установленные в законе для государственных гражданских служащих, ограничивают ряд конституционных прав таких граждан, что стоит иметь в виду кандидатам. В числе таких запретов – занятие предпринимательской деятельностью, возможность занимать должности в законодательных или представительных органах, представление интересов третьих лиц в должностных целях, получение гонораров и вознаграждений от физических и юридических лиц, принятие наград, использование служебного положения в интересах политических партий и иные.

Поступление на государственную службу в налоговые органы предполагает участие в конкурсе, который проводится согласно установленным требованиям Е.Э. Безпятая отмечает, что «анализируя действующее законодательство, регламентирующее порядок участия в конкурсе, а также сложившуюся судебную практику, можно выделить несколько ключевых проблем в конкурсной процедуре отбора кандидатов на замещаемую должность». Среди недостатков конкурсной процедуры она выделяет отсутствие чёткой регламентации порядка и перечня предоставляемых документов, необходимость предоставления исчерпывающих сведений о родственниках кандидата и субъективизм конкурсной комиссии при принятии решения о поступлении на службу [5]. На наш взгляд, данные законодательные положения, безусловно, не лишены недостатков. Однако, в целом, эти положения можно признать обоснованными по ряду причин. Во-первых, нецелесообразно все документы, необходимые для участия в конкурсе, что делает возможной ссылку на «иные документы». Во-вторых, стоит признать, что логика законодателя не лишена смысла в

части предоставления информации о родственниках, ведь представителю нанимателя необходимо обладать полной информацией о кандидате, для того, чтобы принять решение [6].

Порядок проведения конкурсов более детально прописан в Положении о конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации [3], а также Методикой проведения конкурсов на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации в Федеральной налоговой службе [4].

Объявление о конкурсе размещается в печатном издании и на сайте налогового органа. Соискатель должен предоставить документы в течение месяца с даты публикации объявления о вакансии, после чего формируется конкурсная комиссия с привлечением независимых экспертов. Результаты отбора фиксируются в официальном решении комиссии и последующем приказе налогового органа. В целом, можно сказать, что конкурсная процедура имеет и свои плюсы, среди которых удобство подачи документов и прохождения оценки, однообразность процесса в разных налоговых органах, что позволяет при желании одновременно участвовать в нескольких конкурсах, четкое понимание сроков, порядка и установленных законом критериев. Безпятая Е. Э. сформулировала предложения по повышению эффективности проведения конкурса на вакантные должности:

законодательно закрепить проведение оценочной части конкурса в электронном виде с последующим размещением результатов испытаний в личном кабинете претендента;

фиксировать в аудио или видео формате все очные испытания, например, индивидуальное собеседование;

предоставить конкурсанту для ознакомления конкурсные бюллетени с баллами и мотивировкой;

пересмотреть положение об определении итогового балла как сумму среднего арифметического баллов и установить вес для каждого вида испытаний в соответствии с его значимостью для оценки профессиональных качеств кандидата [5].

На наш взгляд, данные предложения действительно способны повысить эффективность и прозрачность проведения конкурса, а также будут способствовать формированию ещё более квалифицированного кадрового состава органов ФНС России за счёт отбора наиболее подготовленных кандидатов, способных решать задачи стоящие перед налоговой системой страны. Также нельзя не сказать о проблеме профессиональных качеств кандидатов, претендующих на вакантные должности в налоговых органах. Нередко такими кандидатами становятся вчерашние выпускники ВУЗов, либо люди, пришедшие из других (смежных) сфер экономики. Безусловно, в случае поступления на службу в ФНС России им необходимо время на адаптацию, в силу специфики профессиональной области, а отсутствие профессионального опыта порой становится препятствием для эффективного выполнения рабочих задач в первые месяцы работы. Как отмечают исследователи, зачастую молодым специалистам приходится «доучиваться» на рабочем месте [7].

Вместе с тем, необходимо сформулировать и собственные предложения, которые вытекают из анализа проблематики.

нормативное закрепление необходимости подготовки кадрового резерва для налоговых органов, включая разработку методических пособий, программ подготовки для желающих поступить на службу и др.;

применение возможностей искусственного интеллекта для обработки рутинных задач на этапе сбора документов;

разработка системы поиска талантливой молодёжи и подготовки её для поступления на службу в налоговые органы, включая развитие системы целевого обучения и адаптации её под современные реалии.

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что процесс поступления на государственную гражданскую службу, как в ФНС России, так и в ее территориальных подразделениях, строится на общих принципах, закрепленных в законодательстве о государственной гражданской службе. Конкретизация этих положений осуществляется через нормативно-правовые акты, регулирующих процесс поступления на государственную гражданскую службу именно в налоговые органы, среди которых приказы ФНС России и иные документы. Это ещё раз подчёркивает специфику гражданской службы в налоговых органах, которая обусловлена, в том числе её особым историко-правовым генезисом. Для всех желающих поступить на службу в налоговые органы установлены четкие квалификационные требования, которые варьируются в зависимости от группы и категории должностей. Эффективность выполнения функций налоговых органов в значительной степени зависит от профессионализма кадрового состава, что, в свою очередь, подчеркивает важность реализации концепции кадровой политики ФНС России.

Список литературы:

[1] О системе государственной службы Российской Федерации : Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ // Собрание законодатель-

ства Российской Федерации. 2003. № 22. Ст. 2063.

[2] О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

[3] О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации»: Указ Президента РФ от 01.02.2005 № 112 (ред. От 01.03.2024) // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/187829/.

[4] Об утверждении Методики проведения конкурсов на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации в Федеральной налоговой службе и Порядка и сроков работы конкурсных комиссий для проведения конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации в Федеральной налоговой службе: Приказ ФНС России от 01.06.2018 № ММВ-7-4/371@ // СПС Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71899786/.

[5] Безпятая Е. Э. Правовое регулирование порядка поступления на государственную гражданскую службу в налоговые органы Российской Федерации / Е. Э. Безпятая // Молодой ученый. 2024. № 11 (510). С. 70-72.

[6] Новаковец М. К. Государственная гражданская служба в налоговых органах Российской Федерации / Новаковец М. К., Оганесян Т. Л., Цыганок Д. В. // Научный вестник научного института менеджемента. 2018. № 3. С.74-77.

[7] Рогова Г.И. Профессиональная компетентность как основа конкурентоспособности работников налоговых органов России // NovaInfo. 2015. № 34. С. 349-358.

[8] Сильвестрова Т. Я. Эволюция налогового администрирования в Российской Федерации / Т. Я. Сильвестрова, С. Ю. Гурова, Шипеев Я. Г. // Вестник РУК. 2022. № 2 (48). С. 78-82.

References:

[1] On the civil service system of the Russian Federation: Federal Law of 27.05.2003 No. 58-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2003. № 22. Art. 2063.

[2] On the State Civil Service of the Russian Federation: Federal Law of 27.07.2004 No. 79-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. № 31. Art. 3215.

[3] On the competition for filling the vacant position of the state civil service of the Russian Federation": Decree of the President of the Russian Federation of 01.02.2005 No. 112 (as amended by 01.03.2024) // SPS Guarantor. ¬ URL: https://base.garant.ru/187829/.

[4] On approval of the Methodology for Holding Tenders for Filling the Vacant Position of the State Civil Service of the Russian Federation in the Federal Tax Service and the Procedure and Terms of Work of Tender Commissions for Holding a Tender for Filling the Vacant Position of the State Civil Service of the Russian Federation in the Federal Tax Service: Order of the Federal Tax Service of Russia No. MMV-7-4/371@ / SPS Garant dated 01.06.2018. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71899786/.

[5] The serene E. E. Legal regulation of the procedure for admission to the state civil service in the tax authorities of the Russian Federation / E. E. Serene // Young scientist. 2024. № 11 (510). S. 70-72.

[6] Novakovets M.K. State Civil Service in the Tax Authorities of the Russian Federation / Novakovets M.K., Hovhannisyan T.L., Tsyganok D.V. // Scientific Bulletin of the Scientific Institute of Management. 2018. № 3. S.74-77.

[7] G.I. Rogova. Professional competence as the basis for the competitiveness of employees of the tax authorities of Russia // NovaInfo. 2015. № 34. C. 349-358.

[8] Silvestrova T. Ya. Evolution of tax administration in the Russian Federation / T. Ya. Silvestrova, S. Yu. Gurova, Shipeev Ya. G. // Vestnik RUK. 2022. № 2 (48). S. 78-82.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-411-420
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

КУЛИКОВ Сергей Викторович,
Кандидат исторических наук, Старший научный сотрудник Отдела Новой истории России ФГБУН «Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук», orcid.org/0009-0000-3829-3150, e-mail: sergeykulikov70@mail.ru

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ПРОБЛЕМА ОКТРОИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИИ В КОНЦЕ 1905 ГОДА

Аннотация. *Основные государственные законы 23 апреля 1906 г., изданные во исполнение Манифеста 17 октября 1905 г., стали первой отечественной действующей конституцией, которая была октроирована (дарована) императором Николаем II, а не установлена Учредительным собранием, по воле народа. В статье рассматривается такая ключевая, для истории создания Основных законов 1906 г., тема, как отношение бюрократической элиты к проблеме октроирования конституции после издания Манифеста 17 октября, в конце 1905 г. В связи с этим анализируются проекты Основных законов, составленные по повелению царя П.А. Харитоновым и графом А.Ф. Гейденом, всеподданнейшие доклады графа Д.М. Сольского, справка о самодержавии, подготовленная чиновником Государственной канцелярии Г.В. Севериным, и приемы Николаем II депутаций от консервативных организаций. Делается вывод о том, что идея октроирования новых Основных законов напрямую вытекала из трактовки самодержавия как монархического суверенитет, а не абсолютизма.*

Исследование выполнено в рамках темы государственного задания «Российская империя: структуры государства, социум и экономика (FMZM-2024-0010)».

Ключевые слова: *Основные законы, конституция, самодержавие, октроирование, Государственный совет, Государственная канцелярия, Союз русского народа, Русское собрание.*

Для цитирования: *Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской Империи и проблема октроирования Конституции в конце 1905 года // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 411–420.*

KULIKOV Sergey Viktorovich,
Candidate of Historical Sciences Senior Researcher Department of New History of Russia FSBSI "St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences"

THE BUREAUCRATIC ELITE OF THE RUSSIAN EMPIRE AND THE PROBLEM OF OCTROYING THE CONSTITUTION AT THE END OF 1905

Annotation. *The Fundamental State Laws of April 23, 1906, issued in pursuance of the Manifesto on October 17, 1905, became the first domestic constitution in force, which was octroized (granted) by Emperor Nicholas II, and not established by the Constituent Assembly, by the will of the people. The article considers such a key topic for the history of the creation of the Fundamental Laws of 1906, as the attitude of the bureaucratic elite to the problem of octroying the constitution after the publication of the Manifesto on October 17, at the end of 1905. In this regard, the drafts of the Fundamental Laws, drawn up by order of the Tsar by P.A. Kharitonov and Count A.F. Heiden, the all subject reports of Count D.M. Solsky, the note on autocracy prepared by the official of the State Chancellery G.V. Severin, and the receptions of Nicholas II for delegations from conservative organizations are analysed. It is concluded that the idea of octroing the new Fundamental Laws directly stemmed from the interpretation of autocracy as monarchical sovereignty, and not absolutism.*

Key words: *Fundamental Laws, Constitution, autocracy, octroation, State Council, State Chancellery, Union of the Russian People, Russian Assembly.*

For citation: *Kulikov S. V. The bureaucratic elite of the Russian Empire and the problem of octroying the Constitution at the end of 1905. Russian scientific bulletin. 2026;(11):411–420. (In Russ.).*

1. Введение.

Утверждение императором Николаем II 23 апреля 1906 г. новых Основных государственных законов, которые стали первой отечественной действующей конституцией, завершило процесс реформирования государственного строя Российской империи, начатый изданием Манифеста 17 октября 1905 г. в редакции председателя Совета министров графа С.Ю. Витте. Традиционно именно его роль в создании Основных законов 1906 г. исследовали советские историки: среди них – С.М. Сидельников [36, с. 96-114], Е.Д. Черменский [40, с. 254-261], Н.И. Васильева, Г.Б. Гальперин и А.И. Королев [1, с. 129-137], Н.Г. Королева [19, с. 75-82] и, более всего, Р.Ш. Ганелин [2, с. 283-298; 3, с. 523-530; 4, с. 304-311]. Историографическую традицию продолжили постсоветские историки – И.А. Кравец [10, с. 111-119], И.А. Христофоров [39, с. 494-498], В.А. Демин [5, с. 431-434; 6, с. 70-77], С.Б. Павлов [23, с. 494-498] и К.А. Соловьев [37, с. 274-286], В зарубежной историографии вклад Витте в создание Конституции 1906 г. освещали В.В. Леонтович [16, с. 439-468], Х.Д. Мелингер и Дж. М. Томпсон [43, p. 289-312], Г.С. Доктороу [42, p. 33-52], М. Шефтель [44, p. 25-78], Р. Пайпс [24, с. 173-180], А. Ашер [41, p. 63-69] и Ф. Вчисло [45, p. 236-237]. Со средины 1990-х гг. историю создания новых Основных законов изучает и автор настоящей статьи [13, с. 255-391]. До сих пор остается малоисследованной такая ключевая, для этой истории, тема, как отношение бюрократической элиты Российской империи в конце 1905 г. к проблеме октроирования конституции монархом.

2. Основное исследование.

После издания Манифеста 17 октября лидеры либеральной оппозиции, прежде всего – только что возникшей Конституционно-демократической партии, выступали за установление конституции, в виде новых Основных законов, Учредительным собранием, избранного путем четыреххвостки (всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права) и за устранение статьи 1 действовавших Основных законов, которая гласила, что «император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный». Между тем, в начале ноября 1905 г. император Николай II повелел товарищу (заместителю) государственного секретаря П.А. Харитонову, через дворцового коменданта генерала Д.Ф. Трепова и состоявшего при нем сенатора Н.П. Гарина, составить проект новых Основных законов в соответствии с Манифестом 17 октября [13, с. 263-264, 266]. Одновременно Харитонов, как член-делопроизводитель, подготавливал документы для Совещания под председательством Николая II по обсуждению проектов избирательного закона.

«В 11 час. в Большом дворце, - записал император 5 декабря, - происходило заседание Совещания по вопросу о выборах. Перерыв был для завтрака. Затем сидели до 7 час» [7, с. 74]. Именно в этот день, «во время перерыва, - вспоминал Харитонов, - Д.Ф. Трепов объявил мне, что государь император ожидает от меня проект Основных законов. Вследствие сего, предварительно уже набросанный мною проект я сообщил Н.П. Гарину; затем мы совместно его пересмотрели, после чего в исправленном виде Н.П. Гарин передал проект Д.Ф. Трепову» [21, с. 98-99]. Как представляется, дворцовый комендант передал Николаю II проект Харитонова 10 декабря, когда царь отметил: «Вечером принял Трепова и много занимался» [7, с. 75]. В этом проекте [12, с. 29-99] статья 5 гласила: «Верховная власть в Российской империи принадлежит государю императору», а статья 18 указывала, что постановления прежних Основных законов о титуле царя сохраняют свою силу [21, с. 102, 103]. Таким образом, в отличие от проекта новых Основных законов, представленного царю начальником его Военно-походной канцелярии графом А.Ф. Гейденом [12, с. 29-99], товарищ государственного секретаря устранил оба прилагательных – не только «неограниченный», но и «самодержавный», оставив, как и Гейден, титул «самодержец Всероссийский», очевидно – не ассоциируя его с неограниченностью.

Согласно Д.Н. Любимову, в объяснительной записке П.А. Харитонова он указывал, что до Манифеста 17 октября термин «самодержавный» «признавался синонимом неограниченного», теперь же этот термин означал, что «государь приемлет власть только по милости Божией, а не по воле народа или какого-либо собрания, или другого монарха» [17, с. 384]. В действительности в объяснительной записке Харитонов отмечал, что проект Основных законов составлен «применительно к таковым же законам других государств, в соответствии с Манифестом 17 октября 1905 года», причем его «вторая глава, об Императорской власти (ст. 5-18), определяет прерогативы Государя Императора», а «в последней (18) статье сей главы перечислены те постановления действую-

щих Основных законов, которые и по издании Манифеста 17 октября не подлежат изменению, а именно … о титуле Его Императорского Величества...» [11, с. 273]. Очевидно, что титул «самодержец» Харитонов, как и А.Ф. Гейден, а значит – и Николай II, ассоциировал с внутренним и внешним суверенитетом, точнее – монархическим суверенитетом, что подразумевало октроирование конституции монархом, а не установление ее Учредительным собранием, как того требовали лидеры либеральной оппозиции.

2.1. Постановка вопроса об октроировании конституции.

Представление Николаю II проекта П.А. Харитонова обусловило появление связанного с ним всеподданнейшего доклада председателя Государственного совета графа Д.М. Сольского, который написал в первой декаде декабря государственный секретарь барон Ю.А. Икскуль фон Гильденбандт. Оба они могли узнать о том, что Харитонов составил проект Основных законов непосредственно от последнего. В конце 1905 – начале 1906 гг. товарищ государственного секретаря являлся членом-делопроизводителем двух особых совещаний, председателем которых был Сольский, – для рассмотрения дополнительных правил к узаконениям о Государственной думе и для разработки необходимых изменений в действующем Учреждении Государственного совета.

«В основу преобразований, совершившихся в течение настоящего года, - говорилось в докладе Д.М. Сольского, - положена мысль, что в России изменения государственного строя тогда только могут быть плодотворны, когда они исходят от монарха и им же определены самое их существо и границы. В согласии с таким взглядом предпринят пересмотр существующих законов о Государственной думе и о Государственном совете. Труд этот ныне близится к окончанию». Сольский имел в виду завершившийся в середине декабря очередной этап деятельности возглавлявшегося им Особого совещания для разработки необходимых изменений в действующем Учреждении Государственного совета. «Получив к руководству, относительно своего состава и образа действий, вполне определительные, утвержденные Вашим Императорским Величеством правила, - обращался Сольский к Николаю II, - законодательные эти собрания не должны бы иметь повода начать свою деятельность с возбуждения вопроса о пересмотре учреждений Думы и Совета, для приведения их в соответствие с Манифестами 6 августа и 17 октября». Однако, эти манифесты, указывал граф, не имеют своим исключительным предметом порядок составления закона, и их содержание «гораздо глубже и шире», поскольку, прямо или косвенно, они затрагивают большинство постановлений Основных законов. Между тем, для Сольского представлялось несомненным, что «существование, наряду с законодательными актами последнего времени, узаконений совершенно иного порядка», т.е. действовавших Основных законов, «не замедлит обратить на себя внимание членов Государственного совета и Государственной думы и вызовет в Совете и в Думе попытки заняться их согласованием». «Какое направление они примут, - отмечал граф, - сказать, конечно, трудно». Но тут же он находил возможным предвидеть «уже и теперь неизбежное возникновение, на почве суждений по указанному предмету первостепенной важности, существенных разногласий и в среде каждого из двух законодательных собраний, и между Государственным советом и Государственною думою». «Такие пререкания, - заключал маститый сановник, - немедленно подорвали бы правильное взаимодействие обоих установлений и тотчас нашли бы отголосок в стране», т.е. – привели бы к усилению оппозиционного, да и революционного движений. Для предупреждения внутриполитических осложнений Сольский предлагал Николаю II признать желательным до собрания Государственной думы и Государственного совета в его обновленном составе «издать Основные государственные законы в новом изложении, которое явилось бы для всего народа Вашего и для его представителей окончательным и непререкаемым выражением воли Государя относительно коренных начал государственного порядка России». В конце доклада граф сообщал императору: «Всеподданнейше повергая соображения эти на благовоззрение Вашего Императорского Величества, приемлю долг присовокупить, что если бы Вам угодно было одобрить мое предположение, то о способе приведения его в исполнение я не замедлю доложить Вашему Императорскому Величеству» [14, с. 19].

Итак, Д.М. Сольский поставил перед Николаем II вопрос о необходимости октроирования конституции монархом, отвергая возможность ее создания народным представительством с учредительными функциями, не говоря уже об Учредительном собрании. «Издание новых Основных законов, - признавал В.А. Маклаков, - было, конечно, нравственным долгом самодержавия. Оно не имело права покинуть поста, который несколько веков занимало, на произвол случая; если, уступая настояниям общественности, оно переходило к конституционной монархии, то оно должно было заранее определить, каков будет тот новый строй, которому оно свою прежнюю власть уступало» [18, с. 469]. «В 6 ½, - записал Николай II 20 декабря, - принял барона Икскуля» [7, с. 76]. О том, что

царь повелел через государственного секретаря председателю Государственного совета, видно из очередного всеподданнейшего доклада Сольского. «Вашему Императорскому Величеству, - напоминал он, - благоугодно было одобрить мое предположение об издании согласованных с позднейшими изъявлениями монаршей воли Основных законов Российской империи и повелеть мне доложить о способах приведения этого предположения в исполнение. Затем Ваше Величество изволили приказать мне, предварительно направления дела в Совет министров и Государственный совет, представить мое заключение относительно двух проектов нового изложения Основных законов» [14, с. 20]. «Двумя проектами» Сольский называл проекты П.А. Харитонова и А.Ф. Гейдена.

2.2. Понятие «самодержавие» в контексте октроирования конституции.

Подготовка октроирования конституции не просто монархом, но самодержцем актуализировала необходимость определения того, что же такое «самодержавие». В связи с этим, очевидно – по распоряжению Ю.А. Икскуля фон Гильденбандта, в Отделении Свода законов Государственной канцелярии [33, л. 240] ее чиновник Г.В. Северин [34, с. 5] составил так называемую «Справку». Позднее «Справка» была издана на правах рукописи под названием «Самодержавие. История, закон, юридическая конструкция» [35, с. 179]. Со 2 сентября 1905 г. Северин участвовал в занятиях по делопроизводству Особого совещания под председательством Д.М. Сольского для рассмотрения дополнительных правил к узаконениям о Государственной думе и, очевидно, именно за проделанную работу Северину в конце того же года выдали в награду 250 руб. [31, л. 284] Впрочем, учитывая обширный объем «Справки», можно предположить, что к ее составлению были причастны и другие чиновники Государственной канцелярии. В «Дневнике» за 25 января 1906 г. князь В.П. Мещерский сообщал, что «недавно», «вероятно, по поводу работы в совещании гр. Сольского над проектом Положения о Государственной думе, целая комиссия чиновников ездила в Публичную библиотеку читать книги, в которых можно было найти ответ на вопрос, что такое самодержавие» [20, с. 9]. Между тем, Северин как раз и обеспечивал делопроизводство Особого совещания Сольского.

«Справка» представляет собой компилятивный сборник и состоит из трех частей. В первой части («История») приведены цитаты из работ историков (И.Д. Беляев, М.А. Дьяконов, Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, Д.А. Корсаков, Н.И. Костомаров, В.Н. Латкин, П.Н. Милюков, А.Н. Пыпин, В.И. Савва, В.И. Сергеевич, С.М. Соловьев, Ф.В. Тарановский, В.Н. Татищев, Н.К. Шильдер и В.Г. Щеглов). В этой же части цитируются и исторические источники, начиная с царствования Ивана III, опубликованные в Актах Археографической экспедиции, Дополнении к Актам историческим, Собрании государственных грамот и договоров, Полном собрании законов и Своде законов Российской империи, а также Степенная книга и сочинения С. Герберштейна, Г.К. Котошихина, Ю. Крижанича, князя А. Курбского, И.Т. Посошкова, А. Поссевина и Ф. Прокоповича. Во второй части («Закон») помещены тексты всех статей из всех томов Свода законов Российской империи, в которых упоминается самодержавие и производные от него слова. В третьей части («Юридическая конструкция») содержатся цитаты из работ государствоведов (А.С. Алексеев, А.Д. Градовский, В.В. Ивановский, Н.М. Коркунов, Н.О. Куплеваский, А.В. Романович-Славатинский, В.В. Сокольский, М.М. Сперанский и Б.Н. Чичерин), а также митрополита Московского и Коломенского Филарета (В.М. Дроздова) [4].

Главная тенденция, проходящая красной нитью через всю «Справку», заключается в том, что «самодержавие» не тождественно «неограниченности», т.е. абсолютизму, поскольку, согласно вышеперечисленным авторам и источникам, самодержавие трактовалось, также, как единодержавие, самовластие, единовластие, автократия, единоличная власть и полновластие [35, с. 179]. Сохранился экземпляр «Справки» с пометами Ю.А. Икскуля фон Гильденбандта [30, л. 142-233], который, видимо, после ее прочтения вставил в статью 5 проекта П.А. Харитонова слово «самодержавная» между словами «верховная» и «власть» [30, л. 14, об.]. Однако, эта правка оказалась востребованной позднее, в марте 1906 г., при рассмотрении проекта Основных законов в Совете министров [3].

Помимо справки о самодержавии для государственного секретаря сделали выписки на немецком языке – о титуловании императоров Священной Римской и Австрийской империй [30, л. 251-257] и на русском языке – о титулах австрийского императора, английского короля и императора Священной Римской империи [Там же, л. 258-259] и о титулах английских королей от Эдуарда I до Эдуарда VII [Там же, л. 260-265]. Выписки о титулатурах монархов, власть которых была, в той или иной степени, ограничена, наводили на мысль о том, что самодержавие связано не столько с абсолютизмом, сколько с суверенитетом. Вообще же «Справка» и выписки давали аргументы для создания такой конституции, при октроировании которой самодержавие было бы не упразднено, а реформировано.

2.3. Первая презентация октроированной

конституции. Прием Николаем II депутации от Союза русского народа.

Несмотря на то, что подготовка октроирования новых Основных законов и реформирования самодержавия происходила за завесой секретности, Николай II позволил себе приоткрыть эту завесу, принимая 23 декабря 1905 г. депутацию от Союза русского народа во главе с председателем его Совета А.И. Дубровиным. Устав СРН объявлял, что «изменение действующего строя должно совершаться отнюдь не проведением в жизнь ограничительных начал, в форме каких бы то ни было конституционных или вообще учредительных собраний, но лишь путем учреждения Государственной думы, как органа, являющего из себя создание непосредственной связи между державною волею царя и правосознанием народа». Согласно Уставу, Дума, как «оплот самодержавия», должна была оставаться чуждой «всяких ограничений верховной царской власти» [29, с. 118-119]. В историографии слова, сказанные Николаем II депутации от СРН, трактуются как доказательство его приверженности черносотенному идеалу неограниченного самодержавия, однако участники депутации считали иначе. Передавая их впечатления, член Совета Русского собрания Б.В. Никольский сообщал 25 декабря архиепископу Волынскому и Житомирскому Антонию (А.П. Храповицкому): «Депутация была великолепна; Хозяин говорил ничего не значащие фразы» [15, с. 168-169]. Более того, именно тогда Николай II публично выказал себя сторонником октроирования конституции.

Один из участников депутации, А.И. Тришатный, подчеркнув, что Манифестом 17 октября «самодержавная царская власть» «нисколько не ограничивается», спросил императора: «Правы ли мы, оставаясь верными самодержавию, или те, что опасаются, и не идем ли мы против воли вашей? Умоляем вас, государь, разрешите сомнения этих людей». В ответ Николай II заявил, что «скоро солнце правды воссияет над Россией; будут обнародованы новые законы, которые всех успокоят и рассеют всякие сомнения» [25, с. 96]. Очевидно, царь подразумевал издание новых Основных законов, в которых, согласно проектам П.А. Харитонова и А.Ф. Гейдена, самодержавие подлежало ограничению. Депутации, писал Б.В. Никольский архиепископу Антонию 25 декабря, было сказано, что «скоро будет обнародован Основной закон, - и сказано в ответ на ее заявления, что, кроме самодержавия, народ никакой власти верховной не желает. Как понимать этот ответ – никто не знает» [15, с. 169]. Смысл этого ответа знал только Николай II, который 23 декабря отстраненно записал: «После доклада принял большую депутацию с Дубровиным во главе» [7, с. 77]. В конце декабря 1905 г. царские слова и дела детерминировались тем, что Николай II тайно подготавливал октроирование конституции [6].

Неудивительно, что в «Правительственном вестнике» отчет о приеме царем депутации от СРН с его ответами не появился, когда же свой отчет, под названием «Счастливый день», опубликовала черносотенная газета «Объединение» в № 9 за 1906 г. (из нее отчет перепечатали другие газеты), то эту газету подвергли судебной ответственности. «Объединению», согласно телеграмме, разосланной официальным Петербургским телеграфным агентством 18 января того же года, вменялось в вину нарушение статьи 73 Устава о цензуре и статьи 1024 Уложения о наказаниях. Указанные статьи запрещали печатание без надлежащего разрешения статей, в которых описывались личные действия или излагались устные выражения императора, или же приводились обращенные к нему речи [32, л. 80]. Приверженность Николая II конституционной реформе, провозглашенной Манифестом 17 октября, засвидетельствовал С.Ю. Витте.

Принимая 26 декабря в полном составе Петербургский ЦК Союза 17 октября, премьер, согласно барону П.Л. Корфу, говорил: «Клянусь вам, что государь желает возможно скорее созвать Думу и осуществить начала, провозглашенные Манифестом 17 октября» [8, с. 46]. Парируя «опасения, как бы не обнаружилось со стороны правительства стремление взять назад те обещания, которые даны Манифестом», С.Ю. Витте, по воспоминаниям Ю.Н. Милютина, отвечал, что «этого опасаться нечего». «Клянусь вам, - объявил граф, - что воля государя в этом отношении непреклонна, и ничто не будет в силах остановить ее» [38, с. 76]. Виттевские заверения соотносятся с тем, что 28 декабря записал придворный генерал А.А. Киреев: царь, «по-видимому, намерен идти неуклонно по конституционному пути» [9, с. 121]. Предположения генерала подтвердил состоявшийся 31 декабря прием Николаем II депутации от Русского собрания.

2.4. Идея октроирования конституции и прием Николаем II депутации от Русского собрания.

Избирательная программа Русского собрания объявляла, что «царское самодержавие не отменено Манифестом 17 октября», «продолжает существовать на Руси и при новых порядках» и Государственная дума «не призвана и ни в коем случае не может изменять что-либо в Основных законах» [29, с. 129]. В дополнение к Избирательной программе 12 декабря РС приняло «Обращение», которое провозглашало, что после Манифеста 17 октября самодержавие остается неограниченным, а Дума – не должна обладать учредительными функциями. [22, с. 84-85]. В «Дневнике»

за 6 января 1906 г. В.П. Мещерский, критикуя «декларацию» РС, писал, что «история Русского государства и при царях, и при императорах дает факты, доказывающие, что русские самодержцы ограничивали свою власть, не переставая быть самодержавными» [19, с. 5]. Генерал А.Ф. Редигер, часто докладывавший в это время Николаю II по должности военного министра, вспоминал, что «у него всегда были на столе “Новое время” и “Гражданин”» [26, с. 548]. То, что мнение Мещерского о программе Русского собрания разделял монарх, и показал прием 31 декабря 1905 г.

Речь Николая II, обращенная к депутации, была короткой и нейтральной [28, с. 3], особенно – по сравнению с пространной и политизированной речью Б.В. Никольского. Подчеркнув, что он и его единомышленники «принесли присягу на верность», Никольский откровенно заявил: «велеть нам изменить эту присягу или заменить ее другою присягою нельзя никакой власти земной, и всех менее можно было бы той власти, которая сама изменила бы тому, в чем мы ей присягали». Никольский не только прозрачно намекнул на то, что Николай II изменяет неограниченному самодержавию, но более того – обвинил императора в назначении премьером С.Ю. Витте [27, с. 101]. Однако, эта речь не произвела впечатления на Николая II, и под 31 декабря он в очередной раз отстраненно записал: «Принял депутацию от Русского собрания» [7, с. 78]. Полный отчет о приеме депутации «Правительственный вестник» не опубликовал, а речь Никольского Министерство Императорского двора не разрешило напечатать даже в числе 50-ти экземпляров, о чем хлопотал оратор [15, с. 184]. Очевидно, что если бы Николаю II были близки взгляды Никольского, то царь оказал бы содействие в публикации его речи и уволил бы Витте, чего, однако, не произошло. Впрочем, Избирательная программа и Воззвание РС, как и программные документы СРН, содержали аргументы в пользу октроирования конституции самодержавным монархом.

Выводы.

В ноябре-декабре 1905 г. по повелению Николая II товарищем государственного секретаря П.А. Харитоновым и начальником Военно-походной канцелярии царя графом А.Ф. Гейденом были составлены два проекта новых Основных законов, согласованных с Манифестом 17 октября 1905 г. Вследствие этого в обоих проектах император не характеризовался как «неограниченный», но за ним сохранялся титул «самодержец Всероссийский». Следовательно, данный титул Харитонов и Гейден, а значит – и Николай II ассоциировали не с «неограниченностью», а с монархическим суверенитетом, что подразумевало реформирование, а не упразднение, самодержавия через октроирование конституции монархом. Вопрос об этом в середине декабря поставил перед императором председателем Государственного совета графом Д.М. Сольский, который, тем самым, отверг возможность установления конституции народным представительством с учредительными функциями, не говоря уже об Учредительном собрании. В связи с подготовкой октроирования конституции и реформирования самодержавия для определения того, что же такое «самодержавие», по распоряжению государственного секретаря барона Ю.А. Икскуля фон Гильденбандта чиновник Государственной канцелярии Г.В. Северин составил так называемую «Справка». Главная тенденция, проходящая красной нитью через все цитаты этого компилятивного сборника, заключается в том, что «самодержавие» не тождественно «неограниченности». «Справка» дала многочисленные аргументы для создания такой конституции, при октроировании которой самодержавия было бы не упразднено, а реформировано. «Справку» дополняли выписки о титулатурах императоров Священной Римской империи и Австрии и английского короля, т.е. монархов, власть которых была, в той или иной степени, ограничена, что наводило на мысль о тождественности самодержавия не столько абсолютизму, сколько монархическому суверенитету. Несмотря на то, что подготовка октроирования новых Основных законов и реформирования самодержавия происходила за завесой секретности, Николай II позволил себе приоткрыть эту завесу, принимая 23 декабря 1905 г. депутацию от Союза русского народа. В историографии слова, сказанные Николаем II этой депутации, трактуются как доказательство его приверженности черносотенному идеалу неограниченного самодержавия. Однако, сделанное царем сравнение с «солнцем правды» новых Основных законов, в которых он уже не именовался «неограниченным», доказывает его приверженность идеалу реформированного самодержавия. В это время слова и дела Николая II детерминировались тем, что он, тайно подготавливая октроирование конституции, стремился к реализации Манифеста 17 октября, что подтвердил граф С.Ю. Витте членам Петербургского ЦК Союза 17 октября. О том же свидетельствовал и состоявшийся 31 декабря прием императором депутации от Русского собрания.

Список литературы:

[1] Васильева Н.И., Гальперин Г.Б., Королев А.И. Первая российская революция и самодержавие (Государственно-правовые проблемы). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1975. 151 с.

[2] Ганелин Р.Ш. Часть 2. Царизм и 1905 г. Глава 5. Реформа Государственного совета и при-

нятие Основных законов // Кризис самодержавия в России. 1895 – 1917. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984. С. 273-299.

[3] Ганелин Р.Ш. Часть 6. Реформы в период революции. Шаг к конституционной монархии. Глава 3. От Манифеста 17 октября 1905 г. к Третьеиюньскому перевороту 1907 г. // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 508-546.

[4] Ганелин Р.Ш. Часть 4. Первый председатель Совета министров России. Глава 2. Реформа Государственного совета. Основные законы // Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 300-311.

[5] Демин В.А. Основные государственные законы 23 апреля 1906 г. // Государственная дума Российской империи. 1906 – 1917. Энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 431-434.

[6] Демин В.А. Основные государственные законы 23 апреля 1906 г. // Памятники российского права. В 35 т. Т. 19. Конституционная реформа в России начала XX века. Учебно-научное пособие. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 70-77.

[7] Дневники императора Николая II. 1894 – 1918. Т. 2. Ч. 1. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2011. 823 с.

[8] Журнал Соединенного совещания С.-Петербургского и Московского отделений Центрального комитета «Союза 17 октября», происходившего в Москве 8 и 9 января 1906 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК. 1905 – 1915 гг. В 2 т. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. С. 45-61.

[9] Киреев А.А. Дневник. 1905 – 1910. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 470 с.

[10] Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX в. Учебное пособие. М. – Новосибирск: ИВЦ «Маркетинг», Издательство ЮКЭА, 2000. 366 с.

[11] Куликов С.В. Бюрократические вариации на оппозиционную тему: источники Основных государственных законов 1906 г. // Проблемы российской истории. Вып. 6. М. – Магнитогорск, 2006. С. 270 – 289.

[12] Куликов С.В. Государственная дума и Государственный совет в проектах Основных законов П.А. Харитонова, А.П. Саломона и графа А.Ф. Гейдена (ноябрь – декабрь 1905 г.) // Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7 декабря 2010 г. Сборник научных статей. СПб.: Центр истории парламентаризма, 2011. С. 29-99.

[13] Куликов С.В. История создания Основных государственных законов 1906 г.: предварительные итоги изучения // Проблемы истории общества, государства и права. Сборник научных трудов. Вып. 12. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного юридического университета, 2021. С. 255-391.

[14] Куликов С.В. Николай II и три проекта. Начальный этап создания Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. // Вопросы истории. 2022. № 12-3. С. 14-25.

[15] Левин Ш.М. Материалы для характеристики контрреволюции 1905 г. (Из переписки Бориса Никольского с Антонием Волынским) // Былое. 1923. № 21. С. 156-186.

[16] Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762 – 1914. М.: Русский путь; Полиграфресурсы, 1995. 548 с.

[17] Любимов Д.Н. Русское смутное время. 1902–1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам. М.: Кучково поле, 2018. 560 с.

[18] Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания современника. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 744 с.

[19] Мещерский В.П. Дневники. 1906 год. Пятница, 6-го января // Гражданин – Дневники. 1906. № 2 (8 января). С. 4-5.

[20] Мещерский В.П. Дневники. 1906 год. Среда, 25-го января // Гражданин – Дневники. 1906. № 7 (26 января). С. 8-10.

[21] Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. Вводная статья, подготовка текста и комментарии С.В. Куликова // Русское прошлое. 1998. Кн. 8. С. 91-164.

[22] Обращение Русского собрания к «единомышленным партиям, союзам и русскому народу» // Правые партии. 1905 – 1917. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 84-85.

[23] Павлов С.Б. Опыт Первой революции: Россия. 1900 – 1907. М.: Академический проект, 2008. 654 с.

[24] Пайпс Р. Русская революция. В 2 ч. Ч. 1. М.: Российская политическая энциклопедия, 1994. 400 с.

[25] Прием государем императором депутации от Союза русского народа. 23 декабря 1905 г. // Правые партии. 1905 – 1917. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 93-100.

[26] Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. Т. 1. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. 574 с.

[27] Речь Б.В. Никольского, произнесенная при приеме Николаем II депутации от Русского собрания. 31 декабря 1905 г. // Правые партии. 1905 – 1917. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1.

М., 1998. С. 100-103.

[28] Речь, произнесенная Государем Императором 31 декабря 1905 г. при приеме депутации от Русского собрания // Правительственный вестник. 1906. № 26 (1 февраля). С. 3.

[29] Российские партии, союзы и лиги. Сборник программ, уставов и справочных сведений о российских политических партиях, всероссийских профессионально-политических и профессиональных союзах и всероссийских лигах. Составлено В. Ивановичем. Редакция Г.А. Фальборка и В.И. Чарнолуского. СПб.: Типолитография Б.М. Вольфа, 1906. 252 с.

[30] Российский государственный исторический архив. Ф. 1162. Оп. 5. Д. 26.

[31] Российский государственный исторический архив. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 992.

[32] Российский государственный исторический архив. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1707.

[33] Российский государственный исторический архив. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23.

[34] Русские анонимные и подписанные псевдонимами произведения печати. 1801 – 1926. Библиографический указатель. Вып. 3. Л.: Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1979. 231 с.

[35] Самодержавие. История, закон, юридическая конструкция. СПб.: Государственная типография, 1906. 184 с.

[36] Сидельников С.М. Образование и деятельность Первой Государственной думы. М.: Издательство Московского университета, 1962. 382 с.

[37] Соловьев К.А. Глава 3. Основные государственные законы // Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в. В 4 т. Т. 3. М.: Российская политическая энциклопедия, 2016. С. 274-286.

[38] Стенографический отчет заседания 29 января 1906 г. Общего собрания членов «Союза 17 октября» // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК. 1905 – 1915 гг. В 2 т. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. С. 70-103.

[39] Христофоров И.А. Глава 7. От самодержавия к думской монархии. Однородное правительство С.Ю. Витте, революция и «конституционные» реформы» // Первая революция в России: взгляд через столетие. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 393-412.

[40] Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в Первой русской революции. М.: Мысль, 1970. 448 с.

[41] Ascher A. The Revolution of 1905. Authority Restored. Stanford: Stanford University Press, 1992. 460 p.

[42] Doctorow G.S. The Fundamental State Laws of 23 April 1906 // Russian Review. 1976. Vol. XXXV. P. 33-52.

[43] Mehlinger H.D., Thompson J.M. Count Witte and the Tsarist Government in the 1905 Revolution. Bloomington – London: Indiana University Press, 1972. XIV, 434 p.

[44] Szeftel M. The Russian Constitution of April 23, 1906. Political Institutions of the Duma monarchy. Bruxelles: Editions de la Librarie encyclopédique, 1976. 517 p.

[45] Wcislo F.W. Tales of Imperial Russia. The Life and Times of Sergei Witte, 1849 – 1915. Oxford: Oxford University Press, 2011. 314 p.

Reference:

[1] Vasilyeva N.I., Galperin G.B., Korolev A.I. The First Russian Revolution and autocracy (State and Legal problems). Leningrad: Leningrad University Press, 1975. 151 p.

[2] Ganelin R.S. Part 2. Tsarism and 1905. Chapter 5. The reform of the State Council and the adoption of Fundamental Laws // The crisis of autocracy in Russia. 1895-1917. L.: Nauka, Leningrad Branch, 1984. Pp. 273-299.

[3] Ganelin R.S. Part 6. Reforms during the revolution. A step towards a constitutional monarchy. Chapter 3. From the Manifesto of October 17, 1905 to the June Third Coup of 1907 // Power and Reforms. From autocratic to Soviet Russia. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1996. Pp. 508-546.

[4] Ganelin R.S. Part 4. The first Chairman of the Council of Ministers of Russia. Chapter 2. Reform of the State Council. Fundamental Laws // Ananyich B.V., Ganelin R.S. Sergey Yulievich Witte and his time. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1999. Pp. 300-311.

[5] Demin V.A. Fundamental State Laws of April 23, 1906 // State Duma of the Russian Empire. 1906-1917. Encyclopedia. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2008. Pp. 431-434.

[6] Demin V.A. Fundamental State Laws of April 23, 1906 // Notes of the Russian government. In 35 volumes. Vol. 19. Constitutional reform in Russia began in the XX century. Educational and scientific manual. Moscow: Yurlitinform, 2015. Pp. 70-77.

[7] Diaries of Emperor Nicholas II. 1894-1918. Vol. 2. Part 1. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2011. 823 p.

[8] Journal of the Joint Meeting of the St. Petersburg and Moscow branches of the Central Committee of the October 17 Union, which took place in Moscow on January 8 and 9, 1906 // The October 17 Union Party. Minutes of congresses, conferences, meetings of the Central Committee. 1905 – 1915. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 1996. Pp. 45-61.

[9] Kireev A.A. Diary. 1905-1910. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2010. 470 p.

[10] Kravets I.A. Constitutionalism and Russian

statehood at the beginning of the 20th century. Textbook. Moscow– Novosibirsk: IVC "Marketing", UKEA Publishing House, 2000. 366 p.

[11] Kulikov S.V. Bureaucratic variations on the oppositional theme: sources of the Fundamental State Laws of 1906 // Problems of Russian History. Issue 6. Moscow– Magnitogorsk, 2006. Pp. 270-289.

[12] Kulikov S.V. The State Duma and the State Council in the drafts of the Fundamental Laws of P.A. Kharitonov, A.P. Salomon and Count A.F. Heyden (November – December 1905) // Tauride Readings 2010. Actual problems of the history of parliamentarism. International Scientific Conference, St. Petersburg, Tavrichesky Palace, December 7, 2010. Collection of scientific articles. St. Petersburg: Center for the History of Parliamentarism, 2011. Pp. 29-99.

[13] Kulikov S.V. The history of the creation of the Fundamental State Laws of 1906: preliminary results of the study // Problems of the history of society, state and law. Collection of scientific papers. Issue. 12. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural State Law University, 2021. Pp. 255-391.

[14] Kulikov S.V. Nicholas II and three projects. The initial stage of the creation of the Fundamental State Laws on April 23, 1906 // Questions of History. 2022. No. 12-3. Pp. 14-25.

[15] Levin Sh.M. Materials for the characterization of the counterrevolution of 1905 (From the correspondence of Boris Nikolsky with Anthony Volynsky) // The Past. 1923. No. 21. Pp. 156-186.

[16] Leontovich V.V. History of liberalism in Russia. 1762-1914. Moscow: Russian Way; Polygraph Resources, 1995. 548 p.

[17] Lyubimov D.N. The Russian Time of Troubles. 1902-1906. Based on memoirs, personal notes and documents. Moscow: Kuchkovo pole, 2018. 560 p.

[18] Maklakov V.A. The government and the public at the decline of old Russia. Memoirs of a contemporary. Moscow: New Literary Review, 2023. 744 p.

[19] Meshchersky V.P. Diaries. The year is 1906. Friday, January 6th // Citizen – Diaries. 1906. No. 2 (January 8). Pp. 4-5.

[20] Meshchersky V.P. Diaries. The year is 1906. Wednesday, January 25th // Citizen – Diaries. 1906. No. 7 (January 26). Pp. 8-10.

[21] New materials on the history of the creation of the Fundamental State Laws of 1906. Introductory article, text preparation and comments by S.V. Kulikov // Russian Past. 1998. Book 8, Pp. 91-164.

[22] Russian Assembly's Address to "Like-minded Parties, Unions and the Russian People" // Right-wing Parties. 1905 – 1917. Documents and materials. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, 1998. Pp. 84-85.

[23] Pavlov S.B. The experience of the First Revolution: Russia. 1900 – 1907. Moscow: Academic Project, 2008. 654 p.

[24] Pipes R. The Russian Revolution. In 2 parts. Part 1. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 1994. 400 p.

[25] Reception by the tsar of the emperor of the deputation from the Union of the Russian People. December 23, 1905 // Right-wing parties. 1905 – 1917. Documents and materials. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, 1998. Pp. 93-100.

[26] Rediger A.F. The story of my life. Memoirs of the Minister of War. In 2 volumes. Vol. 1. M.: Canon-press; Kuchkovo field, 1999. 574 p.

[27] The speech of B.V. Nikolsky, delivered at the reception of Nicholas II by a deputation of the Russian Assembly. December 31, 1905 // Right-wing parties. 1905 – 1917. Documents and materials. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, 1998. Pp. 100-103.

[28] Speech delivered by the Emperor on December 31, 1905 at the reception of a deputation from the Russian Assembly // Government Bulletin. 1906. No. 26 (February 1). P. 3.

[29] Russian parties, unions and leagues. A collection of programs, charters, and background information on Russian political parties, All-Russian professional, political, and professional unions, and All-Russian leagues. Compiled by V. Ivanovich. Edited by G.A. Falbork and V.I. Charnolusky. St. Petersburg: Typolithography by B.M. Wolf, 1906. 252 p.

[30] Russian State Historical Archive. Found 1162. Inventory 5. File 26.

[31] Russian State Historical Archive. Foundation. 1162. Inventory. 7. File 992.

[32] Russian State Historical Archive. Foundation 1358. Inventory 1. File 1707.

[33] Russian State Historical Archive. Foundation 1544. Inventory 1. File 23.

[34] Russian anonymous and pseudonymous works of print. 1801 – 1926. Bibliographic index. Issue 3. L.: M.E. Saltykov-Shchedrin Public Library, 1979. 231 p.

[35] The autocracy. History, law, legal construction. St. Petersburg: State Printing House, 1906. 184 p.

[36] Sidelnikov S.M. Education and activities of the First State Duma. Moscow: Moscow University Press, 1962. 382 p.

[37] Solovyov K.A. Chapter 3. Fundamental State Laws // Reforms in Russia. From ancient times to the end of the 20th century. In 4 volumes, vol. 3. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2016. Pp. 274-286.

[38] Verbatim report of the meeting on January

29, 1906. The General Meeting of the members of the "October 17 Union" // The "October 17 Union" Party. Minutes of congresses, conferences, meetings of the Central Committee. 1905 – 1915. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 1996. Pp. 70-103.

[39] Khristoforov I.A. Chapter 7. From autocracy to the Duma monarchy. The homogeneous government of S.Y. Witte, revolution and "constitutional" reforms // The first revolution in Russia: a look through a century. Moscow: Monuments of Historical Thought, 2005. Pp. 393-412.

[40] Chermensky E.D. Bourgeoisie and tsarism in the First Russian Revolution. Moscow: Mysl, 1970. 448 p.

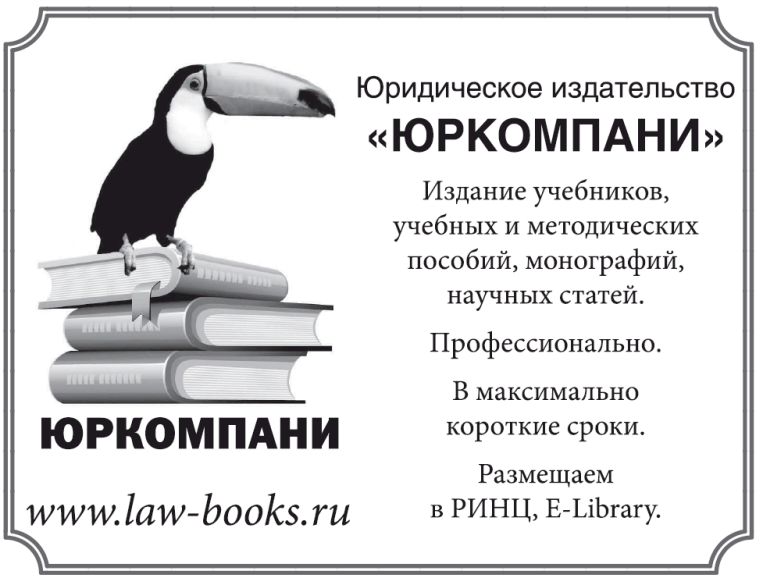
[41] Ascher A. The Revolution of 1905. Authority Restored. Stanford: Stanford University Press, 1992. 460 p.

[42] Doctorow G.S. The Fundamental State Laws of 23 April 1906 // Russian Review. 1976. Vol. XXXV. Pp. 33-52.

[43] Mehlinger H.D., Thompson J.M. Count Witte and the Tsarist Government in the 1905 Revolution. Bloomington – London: Indiana University Press, 1972. XIV, 434 p.

[44] Szeftel M. The Russian Constitution of April 23, 1906. Political Institutions of the Duma monarchy. Bruxelles: Editions de la Librarie encyclopédique, 1976. 517 p.

[45] Wcislo F.W. Tales of Imperial Russia. The Life and Times of Sergei Witte, 1849 – 1915. Oxford: Oxford University Press, 2011. 314 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-421-427
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

МУРАШОВА Алина Вячеславовна,
к.ю.н., доцент кафедры ТИГиП Юго-Западного государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

ГАЙДАРЖИ Владислав Артёмович,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: gaidarzhivladislaw@yandex.ru

КАВЕРИН Кирилл Романович,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: kaverinkirill22@gmail.com

МАРКСИЗМ И ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ В РЕАЛИЯХ XXI ВЕКА

Аннотация. *В статье рассматривается значение марксистского подхода для современной юридической конфликтологии. Исследуется представление о социальном конфликте как результате противоречий между субъектами, занимающими различное положение в системе общественного производства и распределения материальных благ. Анализируются сильные стороны марксистского подхода, связанные с выявлением экономической обусловленности значительной части социальных и правовых конфликтов, проблемой неравенства фактических возможностей субъектов и исследованием роли права в регулировании конфликтов между социальными группами. Одновременно рассматриваются ограничения классической марксистской модели, включая чрезмерное сведение многообразия конфликтов к экономическим противоречиям, недостаточное внимание к автономии права, индивидуальным интересам и конфликтам, не связанным непосредственно с отношениями собственности. На примере Российской Федерации исследуются трудовые споры, задолженность по заработной плате, коллективные трудовые конфликты, проблемы реализации права на забастовку и современные конфликты в цифровой экономике. Обосновывается вывод о возможности использования марксистского подхода в качестве одного из инструментов юридико-конфликтологического анализа при условии его сочетания с современными представлениями о праве, государстве, социальных институтах и механизмах разрешения конфликтов.*

Ключевые слова: *марксизм, юридическая конфликтология, социальный конфликт, правовой конфликт, трудовой спор, социальное неравенство, право.*

Для цитирования: *Мурашова А. В., Гайдаржи В. А., Каверин К. Р. Марксизм и юридическая конфликтология: актуальность в реалиях XXI века // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 421–427.*

MURASHOVA Alina Vyacheslavovna,
Ph.D., Associate Professor, Department of TIGiP, Southwestern State University

GAIDARZHI Vladislav Artyomovich,
student at Southwestern State University

KAVERIN Kirill Romanovich,
student at Southwestern State University

MARXISM AND LEGAL CONFLICT: RELEVANCE IN THE REALITIES OF THE XXI CENTURY

Annotation. *The article examines the significance of the Marxist approach for modern legal conflictology. The idea of social conflict as a result of contradictions between subjects occupying*

different positions in the system of social production and distribution of material goods is investigated. The strengths of the Marxist approach are analyzed, related to the identification of the economic condition of a significant part of social and legal conflicts, the problem of inequality of actual capabilities of subjects and the study of the role of law in regulating conflicts between social groups. At the same time, the limitations of the classical Marxist model are considered, including an excessive reduction of the variety of conflicts to economic contradictions, insufficient attention to the autonomy of law, individual interests and conflicts not directly related to property relations. The example of the Russian Federation examines labor disputes, wage arrears, collective labor conflicts, problems of exercising the right to strike and modern conflicts in the digital economy. The conclusion about the possibility of using the Marxist approach as one of the tools of legal and conflict analysis is substantiated, provided that it is combined with modern ideas about law, the state, social institutions and conflict resolution mechanisms.

Key words: *Marxism, legal conflict, social conflict, legal conflict, labor dispute, social inequality, law.*

For citation: *Murashova A. V., Gaidarzhi V. A., Kaverin K. R. Marxism and legal conflict: relevance in the realities of the XXI century. Russian scientific bulletin. 2026;(11):421–427. (In Russ.).*

Право всегда развивается в определенных социальных условиях. Конфликтологи обязательно изучают эту среду. Спор редко вспыхивает только из-за разного толкования конкретной правовой нормы. Столкновение часто провоцируют экономические интересы, разное социальное положение и неравномерно распределенные ресурсы. Причиной также становится ограниченный доступ к механизмам правовой защиты (либо объективное противоречие интересов различных социальных групп). Юридическая конфликтология поэтому задается важным вопросом. Способно ли право само объяснить причины спора? Или конфликт порождают более широкие социально-экономические отношения? Марксизм, на наш взгляд, остается наиболее последовательным подходом к такому анализу.

В XIX в. интенсивно развивался промышленный капитализм. Тогда же сформировалась марксистская теория. Она исследовала экономическую основу общества и отношения между социальными классами. Марксизм изучал противоречия при производстве и распределении материальных благ. К. Маркс и Ф. Энгельс оценивали общественные отношения через способ производства. Они также учитывали положение социальных групп относительно средств производства. Главным в этой системе стало противоречие между собственниками средств производства и наемными рабочими. Последние вынужденно продавали свою рабочую силу. Классический марксизм делал политический вывод о необходимости смены общественного строя. Однако для юридической конфликтологии важен другой аспект. Значение имеет сам метод анализа конфликта: через структуру интересов, ресурсов и фактическое положение участников [1, с. 68].

Этот марксистский подход ставит перед исследователями важный для права вопрос. Делает ли одинаковый формальный правовой статус стороны юридического конфликта действительно равными? Работник и работодатель в российской правовой системе наделены разными правами и обязанностями. Эти лица вступают в отношения с объективно разными экономическими возможностями. Организационные, финансовые и информационные ресурсы обычно находятся у работодателя. Работник же сильно зависит от сохранения источника дохода и получения заработной платы. Субъекты трудового правоотношения формально равны перед законом. Однако это правило не исключает фактического неравенства позиций работника и работодателя.

Анализ этой проблемы выгодно отличает марксистский подход. Он заставляет изучать правовой конфликт через реальные интересы участников (а не только через призму закона). Юридическая характеристика очевидна, если работодатель задерживает заработную плату: закон нарушен. Стороны не соблюдают нормы трудового законодательства. Но конфликтологический анализ должен идти гораздо дальше. Исследователь выясняет причину нарушения и суть столкнувшихся интересов. Почему работник вынужден просить государственные органы восстановить право? Марксистская теория отвечает на эти сложные вопросы. Она предлагает считать экономический интерес важным фактором формирования конфликтной ситуации.

Российское законодательство само подтверждает объективную конфликтную составляющую трудовых отношений. Статья 398 Трудового кодекса Российской Федерации дает определение коллективному трудовому спору. Это неурегулированные разногласия между работниками (их представителями) и работодателями (их представителями). Стороны спорят об установлении и изменении условий труда, включая заработную плату. Конфликт также затрагивает заключение, изменение и выполнение коллективных договоров

или соглашений. Законодатель прямо признает возможность объективного расхождения интересов работников и работодателя. Закон не считает такое противоречие чрезвычайным или незаконным явлением. Государство, напротив, установило специальный правовой механизм разрешения трудовых конфликтов.

В этом кроется важное отличие современного правового подхода от упрощенного понимания марксистской теории. Сам факт конфликта между работником и работодателем не всегда разрушает существующую систему отношений. Право специально создает институты для перевода спора из социальной сферы в юридическую. Затем конфликт мирно разрешают через переговоры, примирительные процедуры или трудовой арбитраж. Закон в предусмотренных случаях допускает забастовки. Статьи 401-404 ТК РФ регулируют последовательное использование примирительной комиссии, посредника и трудового арбитража. Статья 409 при этом прямо закрепляет право работников на забастовку. Для этого протестующие должны строго соблюдать установленные законом условия [2, с. 303].

Марксистский подход приносит пользу уже на первоначальной стадии исследования юридического конфликта. Он помогает исследователям определить материальную основу возникшего противоречия. Теория выявляет экономические интересы участников и устанавливает связь между юридическим спором и распределением ресурсов. Заработная плата, рабочее время и условия труда часто выступают такими ресурсами при трудовом конфликте. К ним также относят гарантии занятости, участие работников в принятии решений и иные элементы трудовых отношений.

Современная российская практика дает исследователям достаточно примеров для подтверждения значимости такого анализа. В феврале 2026 г. прокуратура Владимирской области сообщила о погашении крупной задолженности по заработной плате. Сумма долга перед 113 работниками текстильного предприятия превысила 28 млн руб. Этот завод производил льняные, текстильные и хлопчатобумажные ткани. Работники обратились в ведомство из-за долгов за период с февраля по ноябрь 2025 г. Юридическая наука фиксирует тут нарушение трудового законодательства и необходимость восстановления нарушенного права. Конфликтология же видит здесь одновременное столкновение экономических интересов. Работник хочет своевременно получать заработок как основной источник существования. Организация с финансовыми проблемами может откладывать исполнение соответствующего обязательства. Марксистский подход помогает увидеть глубокую структуру конфликта за отдельным юридическим нарушением.

Другие регионы России также демонстрируют совершенно аналогичную ситуацию. В 2025 г. прокуратура Калужской области провела масштабные надзорные мероприятия. В результате 40 предприятий полностью погасили долги по заработной плате перед 2100 работниками. Общая сумма этих выплат составила 211 млн руб. Более чем 600 работникам дополнительно проиндексировали заработную плату. Еще 40 гражданам надзорный орган официально установил фактические трудовые отношения. Эти данные не доказывают исключительно классовую природу всех нарушений трудовых прав. Однако статистика наглядно показывает важность экономического содержания трудовых отношений. Оно остается значимым фактором возникновения юридических конфликтов в современной России.

Вопрос о доступе к правовым механизмам защиты особенно интересен для юридической конфликтологии. Работник и работодатель формально могут обратиться за защитой нарушенного права. Но фактические возможности такого обращения у сторон часто различаются. Судебный спор для работодателя зачастую становится обычным элементом предпринимательской деятельности. Работнику же длительное судебное разбирательство грозит потерей времени и дополнительными расходами. Человек также рискует дальше ухудшить отношения с работодателем. Юридическое равенство сторон поэтому не всегда гарантирует равенство их конфликтных ресурсов.

Марксистский подход сохраняет в этом отношении свою высокую аналитическую ценность. Он прочно связывает правовой статус субъекта с его реальными материальными возможностями. Современная юридическая конфликтология не должна изучать только формально предоставленные человеку права. Исследователям не менее важно определить реальную способность гражданина воспользоваться этим благом. Механизм судебной защиты может существовать, но требовать значительных финансовых, временных или организационных ресурсов. Социальное неравенство в таком случае ярко проявляется уже внутри процесса защиты права.

Тут же обнаруживается одна из слабых сторон классического марксистского подхода. Юридический конфликт нельзя сводить исключительно к экономическому неравенству. Правовые конфликты затрагивают множество социальных отношений без привязки к собственности или распределению прибавочной стоимости. Семейные споры и конфликты в сфере наследования не зависят от экономики. То же касается защиты чести и достоинства или споров о детях. Конфликты

между гражданином и государственным органом из-за публичных услуг также специфичны. Противопоставление собственника и наемного работника не всегда адекватно объясняет эти ситуации [3, с. 59].

Экономический интерес не выступает единственным источником конфликта даже в трудовых отношениях. Работники спорят с работодателем не только о размере заработной платы. Предметом разногласий становятся режим рабочего времени, безопасность труда и уважение достоинства. Стороны также конфликтуют из-за дискриминации и порядка принятия локальных актов. Работодатель часто заинтересован не только в максимизации своей прибыли. Он стремится сохранить квалифицированный персонал, обеспечить устойчивость организации и выполнить требования законодательства. Современная структура трудового конфликта поэтому значительно сложнее классической модели противостояния двух классов.

Конфликты в цифровой экономике хорошо иллюстрируют этот тезис. В 2023 г. широкое внимание привлек спор вокруг пунктов выдачи заказов Wildberries. Причиной стало изменение условий работы и системы удержаний. Представители пунктов выдачи активно заявляли о несогласии с новыми правилами. Они отказывались нести финансовую ответственность за отдельные случаи возврата товаров. Сама компания оспаривала трактовку происходившего как забастовки. Маркетплейс указывал на особенности статуса владельцев пунктов выдачи.

Этот яркий пример наглядно показывает ограниченность классического марксистского объяснения. Всех участников спора невозможно автоматически описать как наемных работников и работодателя. Часть владельцев пунктов выдачи строила сугубо предпринимательские отношения с маркетплейсом. Этот конфликт поэтому имел одновременно экономическую, договорную и организационную природу. Используемая сторонами цифровая инфраструктура создавала совершенно новую форму зависимости. Платформа в значительной степени определяла жесткие правила работы, финансовые санкции и порядок взаимодействия. Анализ подобных конфликтов требует сочетания марксистской категории экономической зависимости с современными понятиями. Исследователи активно применяют категории платформенной власти, договора, предпринимательского риска и информационного неравенства.

Здесь проявляется еще одна сильная сторона марксистского подхода. Он обращает внимание на скрытые за формально добровольными юридическими конструкциями отношения власти. Правовая форма договора сама по себе не отражает реального баланса возможностей сторон. Участники могут формально свободно подписать соглашение. Однако один субъект часто обладает значительно большей экономической и организационной возможностью определять содержание документа. В цифровой экономике крупные платформы устанавливают стандартные условия взаимодействия для множества контрагентов. Это делает дисбаланс особенно заметным.

Классический подход требует корректировки и в этом случае. Современное право не служит инструментом только одной социальной группы. Российское трудовое законодательство содержит много императивных норм. Они ограничивают возможности работодателя и устанавливают минимальные гарантии работникам. Статья 7 Конституции Российской Федерации закрепляет статус социального государства. Политика Российской Федерации направлена на создание условий для достойной жизни и свободного развития человека. Статья 37 Конституции гарантирует свободу труда и право на безопасные рабочие места. Вознаграждение выплачивают без дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда. Эта норма также признает право на индивидуальные и коллективные трудовые споры (включая забастовку).

Современная российская правовая система содержит весьма эффективные защитные механизмы. Право успешно используют не только для закрепления существующих социальных отношений. Закон также позволяет серьезно ограничивать экономически более сильную сторону. Этим современное государство принципиально отличается от устаревшей марксистской модели правопонимания. В прошлом право считали исключительно прямым выражением интересов экономически господствующего класса.

Исследователи не могут полностью отказаться от важного марксистского тезиса. Право тесно связано с социально-экономической структурой общества. Правовые нормы принимают и реализуют в определенной экономической среде. Характер занятости меняется, цифровые платформы развиваются, а дистанционная работа растет. Структура рынка труда трансформируется, появляются новые формы занятости. Эти процессы неизбежно порождают новые юридические конфликты. Законодатель вынужден реагировать на изменения и корректировать правовое регулирование. Экономические процессы по-прежнему выступают одним из факторов развития права [4, с. 54].

Вопрос о забастовках является особенно показательным. Марксизм традиционно воспри-

нимает забастовку как инструмент коллективного противодействия работников. Пролетариат борется с экономическими интересами собственника или работодателя. Российское законодательство рассматривает этот механизм значительно более конкретно. Статья 409 ТК РФ признает право на забастовку способом разрешения коллективного трудового спора. Мера применяется при провале примирительных процедур. Забастовку также объявляют при неисполнении достигнутых соглашений или решения трудового арбитража. Участие в забастовке всегда является добровольным.

Статья 410 ТК РФ устанавливает процедуру объявления забастовки. Собрание или конференция работников принимает соответствующее решение. Предложение вносит представительный орган работников (ранее уполномоченный на разрешение коллективного трудового спора). Решение обязательно содержит перечень разногласий, дату и время начала забастовки. Документ указывает предполагаемое количество участников и возглавляющий забастовку орган. Работники также вносят предложения по минимуму необходимых работ или услуг. Современное право не отрицает конфликт интересов. Закон институционализирует протест и устанавливает пределы допустимого поведения сторон [5, с. 191].

Эти нормы подтверждают актуальность марксистской идеи о неизбежном столкновении разных интересов в сфере труда. Правовая конструкция коллективного трудового спора одновременно демонстрирует ограниченность другой идеи. Классовый конфликт не всегда носит неизбежный разрушительный характер. Закон позволяет перевести спор в процедуру мирных переговоров и разрешения. Стороны обязаны продолжать диалог даже во время забастовки. Работники и работодатель должны обеспечивать общественный порядок и сохранность имущества. Закон также требует выполнять минимум необходимых работ или услуг.

Право выполняет не только привычную охранительную функцию, но и успешно институционализирует конфликт. Этот установленный факт имеет принципиальное значение для всей юридической конфликтологии. Возникшее противоречие не всегда нужно устранять до его полного исчезновения. Задача права в ряде случаев состоит в грамотном управлении конфликтом. Закон четко определяет допустимые способы выражения недовольства сторон. Правовой спор ни при каких обстоятельствах не должен переходить в открытое насилие. Недопустимо также произвольное нарушение законных прав других лиц.

Марксистская теория справедливо указывает на важную деталь. Законодательная формализация конфликта не устраняет его материальную причину. Процедура коллективных переговоров не решит экономическое противоречие при объективно недостаточной заработной плате. Предприятие с финансовыми проблемами может систематически нарушать обязанности перед работниками. Судебное взыскание задолженности восстановит нарушенное право конкретных лиц. Однако суд не обязательно устранит причины возникновения долгов. Юридическая конфликтология поэтому должна разделять непосредственную юридическую причину спора и социально-экономические условия. Именно в этой среде формируется повод для конфликта [6, с. 98].

Массовая невыплата заработной платы делает эту проблему особенно заметной в современной России. В марте 2026 г. прокуратура Москвы сообщила о крупных долгах перед 3 тыс. работников коммерческой организации. Общая сумма задолженности превысила 783,4 млн руб. Прокурорское вмешательство помогло полностью погасить этот долг. Материалы проверки стали основанием для возбуждения уголовного дела по ч. 2 ст. 145.1 УК РФ. Юридическая наука считает данный конфликт успешно разрешенным. Государство применило механизмы прокурорского надзора, административной и уголовной ответственности, а также судебного взыскания. Конфликтология же обращает внимание на саму необходимость применения таких жестких мер. Это прямо указывает на серьезное нарушение баланса интересов в трудовых отношениях. Такие примеры помогают по-новому оценить понятие социального конфликта. Марксистская теория не дает универсального объяснения любого спора. Ее польза заключается в другом. Теория обнаруживает материальный уровень противоречия за формальным юридическим спором. Позиция нормы права позволяет лишь установить факт нарушения и применить санкцию. Социально-экономический подход отлично дополняет этот анализ. Исследователь получает возможность изучить причины нарушения и распределение ресурсов между сторонами. Эксперт также оценивает вероятность повторения аналогичного конфликта.

Исследователи одновременно учитывают проблему экономического детерминизма. Классическая марксистская модель иногда создает ложное впечатление. Кажется, что экономический базис полностью определяет правовые и политические институты. Современная юридическая конфликтология считает такую позицию чрезмерно упрощенной. Право обладает определенной самостоятельностью. Оно способно активно воздействовать на экономические отношения. Государство устанавливает минимальный размер оплаты труда и требования охраны труда.

Закон ограничивает рабочее время, запрещает дискриминацию и вводит механизмы ответственности работодателя. Введение таких норм меняет поведение субъектов экономических отношений. Направление воздействия идет не только от экономики к праву (но и в обратную сторону) [7, с. 174].

Современный юридический конфликт часто возникает между субъектами на одном экономическом уровне. Корпоративный спор между участниками общества не всегда связан с классовым противостоянием. Причиной становятся различия стратегических интересов, вопросы управления или распределения полномочий. Соседи конфликтуют из-за использования общего имущества. Семейный спор разгорается из-за воспитания ребенка. Административный конфликт провоцирует несогласие гражданина с решением государственного органа. Экономическая составляющая в подобных ситуациях иногда отсутствует либо имеет второстепенное значение.

Использование марксизма в юридической конфликтологии XXI века должно носить инструментальный характер (а не универсальный). Этот подход целесообразно применять при спорах о распределении материальных ресурсов. Теория полезна при изучении отношений труда и капитала. Марксизм помогает анализировать имущественное неравенство, экономическую зависимость и доступ к средствам производства. Метод также выявляет различие фактических возможностей участников. Иные категории конфликтов требуют дополнительных методологических подходов.

Сочетание марксистского анализа с институциональным и правовым подходами приобретает особое значение. Исследователь сначала устанавливает социально-экономическую основу конфликта. Затем определяет юридические отношения между участниками. После этого анализирует механизм правового регулирования и способы разрешения спора. Невыплата заработной платы требует установления экономической причины задолженности и правового статуса работников. Специалист изучает содержание обязанности работодателя и наличие нарушения статьи 136 ТК РФ, оценивает возможность применения ответственности по статье 5.27 КоАП РФ. При предусмотренных законом обстоятельствах применяют нормы статьи 145.1 УК РФ. Полноценную конфликтологическую картину дает только совокупность этих элементов.

Государство само иногда выступает стороной или источником конфликтной ситуации. Это становится важной особенностью современного российского права. Такой факт дополнительно ограничивает классическую модель (с ее акцентом на противостоянии работников и собственников). Гражданин и публичный орган часто вступают в административные споры и земельные конфликты. Стороны спорят о социальных выплатах, пенсионном обеспечении и предоставлении государственных услуг. Государство в таких ситуациях выступает субъектом публичной власти. Оно же является гарантом защиты нарушенного права. Анализ подобных конфликтов требует категорий публичного интереса, административного усмотрения, законности и судебного контроля.

Марксистская постановка вопроса о фактическом равенстве остается актуальной даже в таких конфликтах. Гражданин обладает правом на обжалование решения государственного органа. Однако ведомство располагает профессиональным аппаратом, юридическими специалистами и доступом к административным ресурсам. Юридическое равенство участников процесса поэтому не всегда гарантирует полное равенство их фактических возможностей. Современное административное судопроизводство призвано в определенной степени компенсировать такую асимметрию. Эту же задачу выполняют институты прокурорского надзора.

Способность выявлять скрытые социально-экономические основания юридического конфликта выступает сильной стороной марксистского подхода. Метод позволяет экспертам выйти за рамки формальной характеристики спора. Ученые подробно изучают интересы сторон, распределение ресурсов, экономическую зависимость и фактическое неравенство. Этот подход особенно продуктивен при анализе трудовых и имущественных споров. Он незаменим при экономической зависимости одной стороны от другой. Современные российские примеры с задолженностью по заработной плате доказывают практическое значение этих вопросов. То же подтверждают коллективные трудовые споры. Конфликты в цифровой экономике также остаются актуальными.

Слабой стороной марксистской методологии выступает стремление объяснять слишком широкий круг социальных процессов. Теория делает это преимущественно через экономические отношения и классовое противостояние. Современной юридической конфликтологии этого явно недостаточно. Право регулирует значительно более широкий круг общественных отношений. Многие конфликты вспыхивают по причинам без прямой связи с собственностью или производством. Современное право способно не только закреплять существующие отношения. Закон ограничивает экономическую власть и устанавливает гарантии для социально уязвимых субъектов. Государство также создает процедуры циви-

лизованного разрешения конфликтов.

Таким образом, актуальность марксизма в юридической конфликтологии XXI века кроется в использовании отдельных методологических положений. Ученые не могут просто механически переносить идеи классической теории на современное российское общество. Исследователи успешно анализируют интересы участников конфликта, материальное неравенство, экономическую зависимость и распределение ресурсов. Эти старые положения обязательно дополняют современным пониманием права. Закон выступает относительно самостоятельным социальным регулятором. Он также служит эффективным институтом разрешения конфликтов.

Юридическая конфликтология в конечном итоге нуждается в сочетании экономического и исключительно юридического объяснения конфликта. Исследователям не нужно выбирать между ними. Марксистский подход способен показать причину возникновения конфликта. Он выявляет скрытые за юридической формой социальные интересы. Нормативный анализ позволяет определить права и обязанности участников. Современная конфликтология помогает установить механизм развития спора. Она же выбирает правовые процедуры его разрешения. Такое сочетание позволяет рассматривать марксизм как один из исследовательских инструментов (а не готовую универсальную теорию современного права). Метод сохраняет значение при анализе социально обусловленных юридических конфликтов в Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Стребков А. И. Конфликт в системе взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса / А. И. Стребков // Философия марксизма. История и современность. К 200-летию со дня рождения Карла Маркса. – Санкт-Петербург : Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2018. – С. 65-78.

[2] Соколова Д. А. Предмет и содержание коллективных трудовых споров / Д. А. Соколова // Молодой ученый. – 2024. – № 26 (525). – С. 302-304.

[3] Цичоева Ф. А. Проблемы обеспечения равенства сторон в правосудии: экономические и социальные барьеры / Ф. А. Цичоева // Вопросы права. – 2025. – № 1. – С. 58-60.

[4] Линец А. А. Правовая природа отношений, возникающих в связи с исполнением личного труда в рамках гиг-экономики / А. А. Линец // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2021. – № 5. – С. 47-69.

[5] Ильин В. П. Реализация права на забастовку в Российской Федерации / В. П. Ильин // Молодой ученый. – 2019. – № 27 (265). – С. 189-192.

[6] Пелипенко А. А. Причины и механизмы трансформации социальных конфликтов в юридические конфликты / А. А. Пелипенко // Молодой ученый. – 2024. – № 35 (534). – С. 97-100.

[7] Сидоренко А. И. Право, закон и суд в трудах Карла Маркса / А. И. Сидоренко, Ю. Э. Ибрагимова // Журнал российского права. – 2018. – № 7. – С. 163-181.

References:

[1] Strebkov A.I. Conflict in the system of views of K. Marx and F. Engels / A.I. Strebkov // Philosophy of Marxism. History and modernity. To the 200th anniversary of the birth of Karl Marx. - St. Petersburg: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University," 2018. - S. 65-78.

[2] Sokolova D. A. Subject and content of collective labor disputes/D. A. Sokolova // Young scientist. – 2024. – № 26 (525). - S. 302-304.

[3] Tsichoeva F.A. Problems of ensuring equality of parties in justice: economic and social barriers / F.A. Tsichoeva // Legal issues. – 2025. – № 1. - S. 58-60.

[4] Linets A. A. The legal nature of relations arising in connection with the performance of personal labor within the framework of the gig economy / A. A. Linets // Bulletin of Moscow University. Series 11. Right. – 2021. – № 5. - S. 47-69.

[5] Ilyin V.P. Realization of the right to strike in the Russian Federation/V.P. Ilyin // Young scientist. – 2019. – № 27 (265). - S. 189-192.

[6] Pelipenko A. A. Causes and mechanisms of transformation of social conflicts into legal conflicts / A. A. Pelipenko // Young scientist. – 2024. – № 35 (534). - S. 97-100.

[7] Sidorenko A.I. Law, Law and Court in the Works of Karl Marx / A.I. Sidorenko, Yu. E. Ibragimov // Journal of Russian Law. – 2018. – № 7. - S. 163-181.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-428-432
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ДЬЯКОВ Виктор Федорович,
канд. хим. наук, доцент кафедры пожарно-прикладной подготовки, Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург, e-mail: mail@law-books.ru

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕАГИРОВАНИЯ ПОЖАРНО-СПАСАТЕЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПОЖАРЫ И ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ В 2025 ГОДУ

Аннотация. *В статье представлен сравнительный анализ основных показателей реагирования пожарно-спасательных подразделений на территории Свердловской области на пожары и дорожно-транспортные происшествия, произошедшие в период 2024-2025 гг.*

Ключевые слова: *пожарно-спасательные подразделения, пожар, дорожно-транспортные происшествия, аварийно-спасательные работы.*

Для цитирования: *Дьяков В. Ф. Анализ основных показателей реагирования пожарно-спасательных подразделений Свердловской области на пожары и дорожно-транспортные происшествия в 2025 году // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 428–432.*

DYAKOV Viktor Fedorovich,
Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor of the Department of Fire-Applied Training, Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg

ANALYSIS OF THE MAIN INDICATORS OF THE RESPONSE OF FIRE AND RESCUE UNITS OF THE SVERDLOVSK REGION TO FIRES AND ROAD ACCIDENTS IN 2025

Annotation. *The article presents a comparative analysis of the main indicators of the response of fire and rescue units in the Sverdlovsk region to fires and road accidents that occurred in the period 2024-2025.*

Key words: *fire and rescue units, fire, traffic accidents, emergency rescue operations.*

For citation: *Dyakov V. F. Analysis of the main indicators of the response of fire and rescue units of the Sverdlovsk region to fires and road accidents in 2025. Russian scientific bulletin. 2026; (11):428–432. (In Russ.).*

Деятельность пожарно-спасательных подразделений играет важную роль в безопасности населения нашей страны. Они ежедневно выполняют различные задачи, связанные с тушением пожаров, ликвидацией последствий аварий, ДТП, чрезвычайных ситуаций и часто в условиях угрозы для их собственного здоровья и даже жизни. А от правильных и быстрых действий зависят жизни людей, сохранность материальных ценностей и развитие масштабов последствий. Поэтому эффективное реагирование на различные происшествия, включая своевременное прибытие к месту вызова, выполнение оперативных задач имеет ключевое значение для спасения жизни людей и сохранения их здоровья, а также предотвращения развития опасных ситуаций и минимизации материальных потерь.

Согласно Приказу МЧС России от 13.01.2025 года № 19 «Об утверждении Положения о пожарно-спасательных гарнизонах и Порядка привлечения сил и средств пожарной охраны, пожарно-спасательных гарнизонов для тушения пожаров и проведения аварийно-спасательных работ» пожарно-спасательным гарнизоном является органы управления, организации и учреждения независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности, к функциям которых отнесены профилактика и тушение

пожаров, а также проведение аварийно-спасательных работ, расположенные на территориях одного или нескольких граничащих между собой муниципальных районов, муниципальных, городских округов и внутригородских территорий городов федерального значения, объединенными в местные пожарно-спасательные гарнизоны (ПСГ) [1].

На территории Российской Федерации насчитывается 89 территориальных пожарно-спасательных гарнизонов [2]. Данные территориальные ПСГ объединяются местными, которые расположены на территории субъекта Российской Федерации.

В территориальный ПСГ Свердловской области входят 13 местных пожарно-спасательных гарнизонов и три специальных управлений (г. Екатеринбург, г. Новоуральск, г. Лесной). Свердловскую область охраняют 16 пожарно-спасательных отрядов федеральной противопожарной службы, 2 из которых договорные, одна специализированная пожарно-спасательная часть, одна испытательная пожарная лаборатория, а также 13 отрядов противопожарной службы.

Эффективность реагирования пожарно-спасательных подразделений определяется не только количеством задействованных сил и средств и их технической оснащенностью, но и многими другими факторами, к которым можно отнести: оперативное принятие и обработка сообщений диспетчерами (ЦППС, ПСЧ) и операторами (службы 112), высылка необходимого количества сил и средств к месту вызова, погодные условия, состояние проезжей части и расстояние до места вызова, исправность пожарной техники, уровень подготовки личного состава, продолжительность тушения пожаров и ликвидация последствий ЧС и др. Кроме того, важен Порядок очередности привлечения пожарно-спасательных подразделений к месту вызова, так как в случае одновременного вызова оперативных служб, районы где дислоцируются подразделения могут быть оголены и время прибытия будет увеличено [3].

Проведенный нами анализ показал, что в 2025 году подразделения пожарной охраны на территории Свердловской области реагировали на 5787 пожаров, на которых было спасено 925 человек из них 191 несовершеннолетний ребенок (рис. 1). Сравнивая с предыдущим годом, число выездов на пожары сократилось на 11,9% (779 случаев). Тоже самое произошло и с количеством спасенных людей на пожарах, где наблюдается снижение на 5,2% (51 человек).

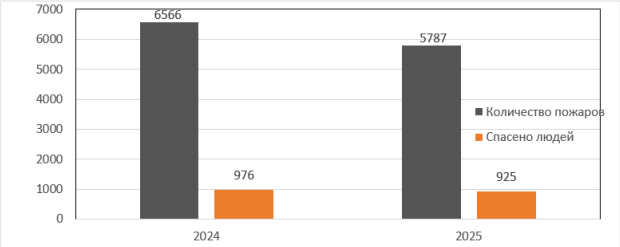
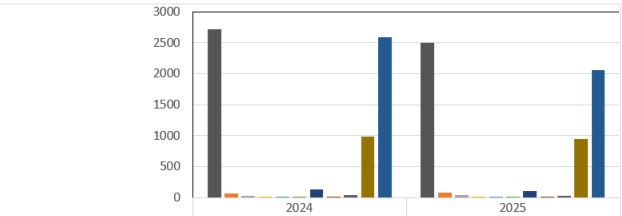

Рис. 1. Количество пожаров на территории Свердловской области, на которые реагировали силы и средства МЧС России в период 2024-2025 гг.

Снижение показателя спасенных людей не говорит о том, что пожарно-спасательные подразделения стали хуже выполнять свои обязанности. Данные показатели во многом зависят от количества пожаров, характеристик объектов, где происходит возгорание, а также нахождения людей в опасных зонах и условий проведения аварийно-спасательных работ.

Статистические данные по пожарам показывают, что чаще всего реагирование осуществлялось на жилой сектор и на пожары, происходящие на открытой территории (рис. 2). При этом наблюдается сокращение данных случаев (в жилом секторе на 8,0%, на открытых территориях – 20,7%).

	2024	2025
Жилой сектор	2720	2502
Промышленные объекты	69	83
Склады	23	40
Объекты оразования	5	6
Объекты здравоохранения	7	4
Соц. Защита	1	2
Администр. Общественные объекты	124	99
Сельхоз	1	7
Строищиеся	46	32
Прочие	979	950
Открытая территория	2591	2055

Рис. 2. Распределение реагирования на пожары по объектам на территории Свердловской области в период 2024-2025 гг.

Из рисунка 2 мы видим, что одновременно на отдельных видах объектов зафиксирована совершенно противоположная динамика. Так на промышленных предприятиях произошло увеличение числа пожаров с 69 до 83 случаев, на складах с 23 до 40, что составляет 20,3% и 73,9% соответственно. Это может быть связано с наличием высокой пожарной нагрузки на данных объектах, особенностями технологического процесса производства, что позволяет определить

направления для разработки мероприятий, направленных на предупреждение (профилактику) пожаров на выбранной категории объектов.

Кроме реагирования на пожары, пожарно-спасательные подразделения и аварийно-спасательные формирования осуществляют реагирование на дорожно-транспортные происшествия [4]. Таким образом, на территории Свердловской области в 2025 году таких происшествий по данным ГИБДД зафиксировано 2147 случаев, что в сравнении с аналогичным период прошлого года на 147 случаев меньше (рис. 3). При этом в сравнении с аналогичным периодом прошлого года количество ДТП и реагирование на них пожарно-спасательными подразделениями наблюдается снижение их общего числа, однако привлечение аварийно-спасательных формирований имеет увеличение числа привлечений более чем на 46%. Отметим, что АСФ - это самостоятельные структуры, созданные на нештатной основе и оснащены специальными техникой, оборудованием и снаряжением, подготовленные для проведения аварийно-спасательных и других неотложных работ в очагах поражения и зонах чрезвычайных ситуаций [5].

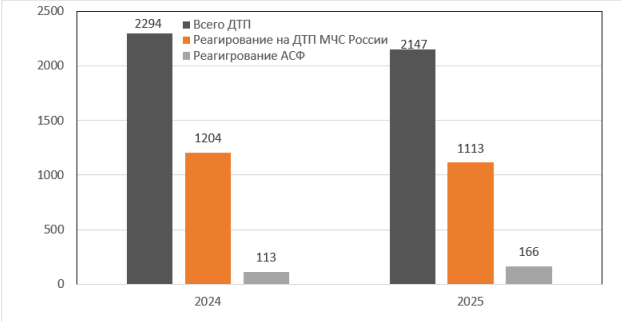

Рис. 3. Количество учтенных дорожно-транспортных происшествий на территории Свердловской области и реагирование на них в период 2024-2025 гг.

Представленная динамика показывает изменение соотношения зарегистрированных случаев участия различных подразделений в ликвидации последствий ДТП. При этом показатели реагирования пожарно-спасательными подразделениями МЧС России и АСФ не следует суммировать и необходимо их рассматривать как отдельные показатели.

На дорожно-транспортные происшествия (ДТП) пожарно-спасательные подразделения в 2025 году привлекались 1113 раза (снижение на 4,6% с АППГ 2024 года), а аварийно-спасательные формирования реагировали на 166 случаев (увеличение на 46,9%). Всего в ликвидации ДТП принимало участие 14403 человек личного состава, от МЧС России 4757 человек (рис. 4).

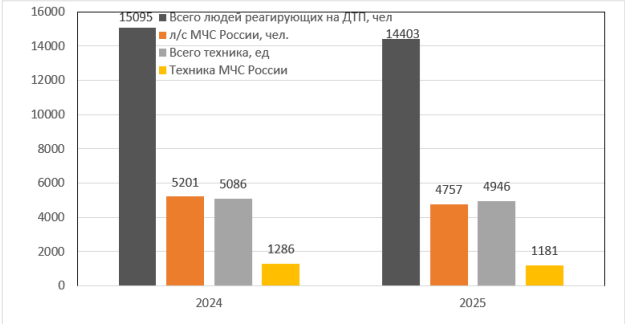

Рис. 4. Количество личного состава и техники принимающих участие в реагировании на дорожно-транспортные происшествия на территории Свердловской области в период 2024-2025 гг.

Сокращение численности привлеченных сил и средств свидетельствует о снижении числа ДТП и случаев реагирования на них.

При ДТП по официальным данным в 2025 году на территории Свердловской области пострадало 2583 человека, что на 233 пострадавших меньше, чем в 2024 году. Однако по количеству погибших людей в 2025 году данный показатель составляет 317 человек, что с прошлым годом больше на 50 случаев гибели людей в результате полученных травм при ДТП (рис. 5).

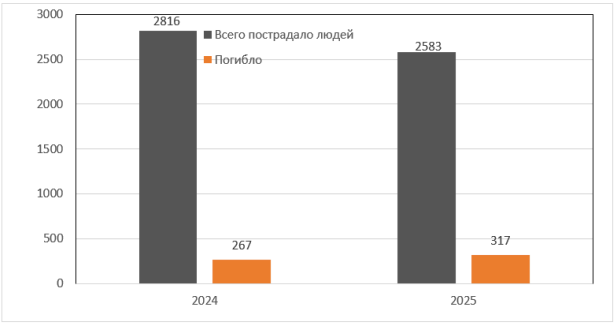

Рис. 5. Количество пострадавших и погибших людей при дорожно-транспортных происшествиях на территории Свердловской области в период 2024-2025 гг.

Сочетание сокращения количества учтенных ДТП и увеличения числа погибших требует дополнительного изучения обстоятельств дорожно-транспортных происшествий. Отношение числа погибших к количеству учтенных ДТП возросло с 11,6 до 14,8 человека на 100 происшествий. Этот показатель отражает изменение числа смертельных исходов относительно количества ДТП, но не характеризует непосредственно качество работы пожарно-спасательных подразделений.

Последствия ДТП зависят от механизма столкновения, скорости движения, числа участников, характера травм, времени обнаружения происшествия и оказания помощи. Поэтому связывать рост смертности исключительно с орга-

низацией реагирования методологически некорректно.

В ходе выполнения профессиональных задач при ДТП пожарно-спасательными подразделениями МЧС России в 2025 году спасено 606 человек, из которых 53 ребенка. В сравнении с прошлым периодом силами МЧС России было спасено 362 человека из них 28 детей. (рис. 6)

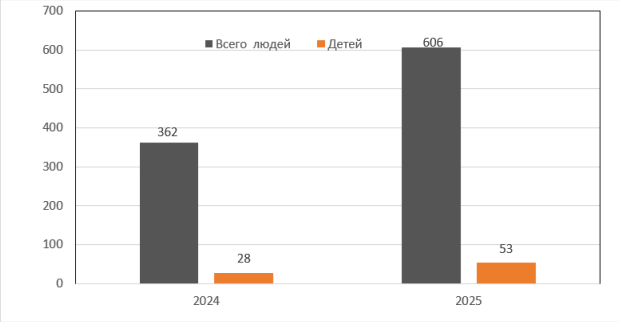

Рис. 6. Количество спасенных людей (детей) силами МЧС России при дорожно-транспортных происшествиях на территории Свердловской области в период 2024-2025 гг.

Динамика роста спасенных людей при уменьшении количества случаев реагирования является положительной, а результаты проведения аварийно-спасательных работ – эффективные. Однако повышение такой эффективности может быть связано с увеличением количества людей, которые попали в ДТП и нуждались в оказании помощи.

Подведя итоги, отметим, что представленные данные по реагированию подразделений пожарной охраны на пожары и ДТП характеризуют динамику оперативной нагрузки и отдельных результатов деятельности подразделений, но их недостаточно для однозначного заключения о повышении или снижении эффективности. Поэтому дальнейшее исследование необходимо направить на комплексный анализ временных показателей реагирования с вниманием на время обработки сообщений, выезда и следования подразделений к месту вызова, времени ликвидации последствий происшествий и др. Это позволит выделить факторы, влияющие на оперативность реагирования и обосновать разработку мероприятий по совершенствованию деятельности пожарно-спасательного гарнизона Свердловской области.

Список литературы:

[1] Приказ МЧС России от 13.01.2025 года № 19 «Об утверждении Положения о пожарно-спасательных гарнизонах и Порядка привлечения сил и средств пожарной охраны, пожарно-спасательных гарнизонов для тушения пожаров и проведения аварийно-спасательных работ» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://mchs.gov.ru/uploads/document/2025-05-23/c78124955a3fb85e3cefec91452af4a4.pdf. Дата обращения 09.10.2026г.

[2] Приказ МЧС России от 16.01.2023 № 11 «Об утверждении Перечня территориальных пожарно-спасательных гарнизонов» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://legalacts.ru/doc/prikaz-mchs-rossii-ot-16012023-n-11-ob-utverzhdenii/?ysclid=mv0r66bnaf387706321. Дата обращения 09.10.2026г.

[3] Увалиев Д. С. Очерёдность привлечения пожарно-спасательных подразделений по повышенным рангам пожаров / Д. С. Увалиев // Пожары и чрезвычайные ситуации: предотвращение, ликвидация. – 2023. – № 3. – С. 75-86. – DOI 10.25257/FE.2023.3.75-86. – EDN BNDLRD.

[4] Савченко А. Н. Эффективность привлечения пожарно-спасательных подразделений государственной противопожарной службы Свердловской области на ликвидацию последствий дорожно-транспортных происшествий / А. Н. Савченко // Аллея науки. – 2019. – Т. 2, № 3(30). – С. 642-649. – EDN GUDRES.

[5] Курличенко И. В. Нештатные аварийно-спасательные формирования / И. В. Курличенко // Междисциплинарные исследования проблем обеспечения безопасности жизнедеятельности населения в современных условиях, Москва, 18–20 апреля 2007 года. – Москва: ООО "ИПП "КУНА", 2007. – С. 314-317. – EDN TVBLIJ.

References:

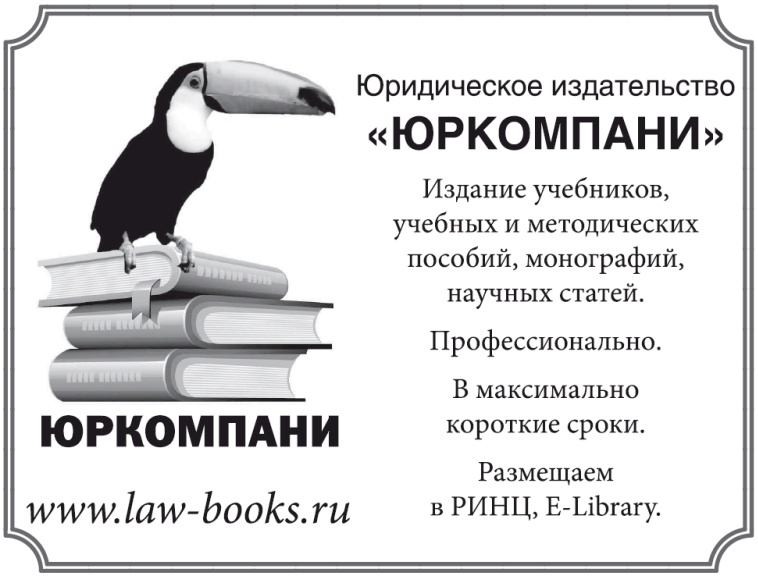
[1] Order of EMERCOM of Russia dated 13.01.2025 No. 19 "On approval of the Regulation on fire and rescue garrisons and the Procedure for attracting forces and means of fire protection, fire and rescue garrisons for extinguishing fires and conducting rescue operations" "[Electronic resource] Access mode: https://mchs.gov.ru/uploads/document/2025-05-23/c78124955a3fb85e3cefec91452af4a4.pdf. Accessed 09.10.2026.

[2] Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia dated 16.01.2023 No. 11 "On approval of the List of territorial fire and rescue garrisons" [Electronic resource] Access mode: https://legalacts.ru/doc/prikaz-mchs-rossii-ot-16012023-n-11-ob-utverzhdenii/?ysclid=mv0r66bnaf387706321. Date of appeal 09.10.2026.

[3] Uvaliev D. S. Sequence of involvement of fire and rescue units at high fire ranks / D. S. Uvaliev // Fires and emergencies: prevention, elimination. – 2023. – № 3. - S. 75-86. – DOI 10.25257/FE.2023.3.75-86. – EDN BNDLRD.

[4] Savchenko A. N. The effectiveness of attracting fire and rescue units of the state fire service of the Sverdlovsk region to eliminate the consequences of road accidents / A. N. Savchenko // Alley of Science. – 2019. - T. 2, NO. 3 (30). - S. 642-649. – EDN GUDRES.

[5] Kurlichenko I.V. Non-staff emergency rescue teams/I.V. Kurlichenko // Interdisciplinary studies of the problems of ensuring the safety of life of the population in modern conditions, Moscow, April 18-20, 2007. - Moscow: IPP KUNA LLC, 2007. - S. 314-317. – EDN TVBLIJ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-433-439
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

КРАПИВИН Олег Владимирович,
доцент института Академии ФСИН России по кафедре физической подготовки и спорта, доцент,
e-mail: o.krapivin@list.ru

КАЗНАЧЕЕВ Валерий Александрович,
доцент кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России, кандидат психологических наук,
e-mail: kaznacheevva@bk.ru

ЕЛОХОВ Иван Владимирович,
начальник кафедры государственно-правовых дисциплин ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, кандидат педагогических наук,
e-mail: ielokhov@yandex.ru

ПАНТЕЛЕЕВ Виктор Александрович,
доцент кафедры организации режима и надзора юридического факультета ВЮИ ФСИН России кандидат юридических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования РФ,
e-mail: panteleev_va@33.fsin.gov.ru

КОЛОЧИХИН Кирилл Сергеевич,
преподаватель кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки инженерно-технического факультета Университета ФСИН России,
e-mail: kirill.kolo4ihin@yandex.ru

РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ СРЕДСТВАМИ РУКОПАШНОГО БОЯ

Аннотация. *Статья посвящена обоснованию использования средств рукопашного боя в системе специальной физической подготовки сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний России. На основе анализа действующей нормативной базы и научно-методической литературы определены профессионально значимые физические качества, наиболее тесно связанные с выполнением двигательных действий в условиях непосредственного силового контакта: скоростно-силовые способности, силовая и специальная выносливость, ловкость, координационные способности, быстрота двигательной реакции и способность сохранять эффективность действий на фоне утомления. Предложена методическая модель построения занятий, предусматривающая сопряженное развитие физических качеств и прикладных двигательных навыков, постепенное усложнение условий, применение интервального, кругового, повторного и соревновательного методов, а также ситуационных учебно-тренировочных заданий. Обоснована целесообразность включения средств рукопашного боя не только в раздел обучения способам применения физической силы, но и в содержание специальной физической подготовки сотрудников УИС.*

Ключевые слова: *сотрудники ФСИН России, уголовно-исполнительная система, специальная физическая подготовка, рукопашный бой, боевые приемы борьбы, профессионально-прикладная физическая подготовка, физические качества.*

Для цитирования: *Крапивин О. В., Казначеев В. А., Елохов И. В., Пантелеев В. А., Колочихин К. С. Развитие специальной физической подготовки сотрудников ФСИН России средствами рукопашного боя // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 433–439.*

KRAPIVIN Oleg Vladimirovich,
Associate Professor, Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Department of Physical Fitness and Sports Associate Professor

KAZNACHEEV Valery Aleksandrovich,
Associate Professor, Department of Physical, Firearms, and Tactical-Special Training Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia PhD in Psychology

ELOKHOV Ivan Vladimirovich,
Head of the Department of State and Legal Disciplines Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; Candidate of Pedagogical Sciences

PANTELEEV Viktor Aleksandrovich,
Associate Professor, Department of Regime Organization and Supervision, Faculty of Law, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

KOLOCHIKHIN Kirill Sergeyevich,
Lecturer at the Department of Physical, Firearms, and Tactical-Special Training, Faculty of Engineering and Technology, University of the Federal Penitentiary Service of Russia

DEVELOPMENT OF SPECIAL PHYSICAL TRAINING OF EMPLOYEES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA BY MEANS OF HAND-TO-HAND COMBAT

Annotation. *The article substantiates the use of hand-to-hand combat means in the system of special physical training of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia. Based on the analysis of the current regulatory framework and scientific and methodological literature, professionally significant physical qualities associated with actions in direct physical contact are identified: speed-strength abilities, strength and special endurance, agility, coordination, speed of motor response, and the ability to maintain effective performance under fatigue. A methodological model of classes is proposed, combining the development of physical qualities with applied motor skills, gradual complication of training conditions, interval, circuit, repeated and competitive methods, and situational training tasks. The expediency of using hand-to-hand combat not only for mastering methods of physical force application but also as an integrated means of special physical training of penitentiary system employees is substantiated.*

Key words: *employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, penal system, special physical training, hand-to-hand combat, combat wrestling techniques, professionally applied physical training, physical qualities.*

For citation: *Krapivin O. V., Mikhalev V. N., Klyuchnikov M. I., Demidov O. G. Combat techniques as a core element of professional physical training of cadets at departmental educational institutions. Russian scientific bulletin. 2026;(11):433–439. (In Russ.).*

Служебная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) предъявляет к уровню физической готовности требования, которые не исчерпываются выполнением контрольных нормативов общей физической подготовленности. Наряду с силой, быстротой и выносливостью сотруднику необходимо уметь реализовать имеющийся физический потенциал в условиях дефицита времени, непосредственного противодействия, ограниченного пространства, эмоционального напряжения и быстро меняющейся обстановки. Именно поэтому специальная физическая подготовка должна рассматриваться как направленный процесс развития тех физических и психофизических качеств, которые обеспечивают эффективность профессионально значимых двигательных действий.

Правовая и организационная основа такой подготовки закреплена в действующих нормативных актах. Статья 29 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 предусматривает право сотрудника УИС применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, в установленных законом случаях [2]. Приказом ФСИН России от 13.06.2023 № 382 физическая подготовка определена как основной элемент профессиональной подготовки сотрудников УИС к выполнению служебно-оперативных задач; при этом физические упражнения должны обеспечивать развитие физических и специальных качеств и формирование профессионально-прикладных навыков [1].

Особенно значимым для рассматриваемой темы является то, что действующий порядок подготовки кадров не разделяет физическую готовность и способность применять освоенные действия на практике. В содержание занятий по способам применения физической силы и специальных средств включены эффективные приемы из единоборств, в том числе спортивного и боевого самбо, удары руками и ногами, болевые, удушающие и специальные приемы и действия [1]. Тем самым нормативная база фактически задает прикладную направленность физической подготовки, однако методическое наполнение этой направленности требует дальнейшей конкретизации.

Цель настоящего исследования – теоретически обосновать возможности развития специальной физической подготовки сотрудников ФСИН России средствами рукопашного боя и определить методические условия, при которых освоение прикладных действий одновременно выступает средством развития профессионально значимых физических качеств. В работе использованы методы анализа нормативных правовых актов и научно-методической литературы, сравнения, обобщения педагогического опыта и теоретического моделирования структуры учебно-тренировочных занятий.

В научной литературе проблема формирования навыков боевых приемов борьбы у сотрудников УИС связывается не только с качеством технического обучения, но и с систематическим использованием физических упражнений, уровнем исходной подготовленности занимающихся, квалификацией преподавателя и соответствием учебной среды особенностям будущей служебной деятельности [3]. Исследования, посвященные рукопашному бою в образовательных организациях ФСИН России, также подчеркивают необходимость его устойчивого присутствия в структуре дисциплины «Физическая подготовка» и профессиональную значимость сформированных навыков [4].

При этом специальная физическая подготовка и техническая подготовка не должны существовать параллельно. Если физические качества развиваются исключительно средствами общей физической подготовки, а приемы рукопашного боя разучиваются только в облегченных стандартных условиях, возникает разрыв между физическим потенциалом сотрудника и способностью использовать его в прикладном двигательном действии. Практическая ценность рукопашного боя состоит как раз в возможности сопряженного воздействия: одно и то же упражнение или учебное задание может одновременно совершенствовать технику, быстроту реагирования, координацию, силовую выносливость и способность действовать при сопротивлении партнера. Общая физическая подготовка при этом сохраняет базовую функцию и создает функциональный резерв для освоения специальных действий, что соответствует современным представлениям о комплексной физической подготовке сотрудников УИС.

Под средствами рукопашного боя в рамках специальной физической подготовки целесообразно понимать не только отдельные технические приемы, но и комплекс специально-подготовительных упражнений, передвижений, действий в парах, учебных схваток, условно-целевых заданий и упражнений на снарядах, сохраняющих биомеханическое или функциональное сходство с профессионально значимыми действиями. Подобный подход согласуется с данными М. Ю. Нохрина с соавторами, показавших значимость специальных подготовительных упражнений при обучении боевым приемам борьбы в образовательных организациях ФСИН России [5].

Первое направление воздействия средств рукопашного боя – развитие скоростно-силовых способностей. Для эффективного выполнения бросковых, удерживающих, сковывающих и защитно-контратакующих действий требуется спо-

собность быстро создавать значительное мышечное усилие, изменять его направление и своевременно включать необходимые мышечные группы. В отличие от изолированной силовой работы, упражнения единоборств формируют усилие в многозвенной двигательной цепи, что повышает перенос физической подготовленности на прикладные действия.

Второе направление – развитие специальной силовой выносливости. В реальном противодействии мышечная работа носит переменный характер: кратковременные мощные усилия сочетаются со статическим удержанием, перемещением собственного тела и массы партнера, повторными попытками изменить его положение. Поэтому для сотрудника существенна способность неоднократно воспроизводить усилия без резкого ухудшения координации и качества технических действий. Средствами развития могут выступать дозированные упражнения с сопротивлением партнера, повторные серии специальных действий, работа на борцовских манекенах и снарядах, а также короткие учебно-тренировочные поединки с регламентированной интенсивностью.

Особое значение в рукопашном бою имеет координационная составляющая. В отличие от большинства упражнений общей физической подготовки здесь практически невозможно заранее сохранить неизменными дистанцию, положение тела и направление усилия. Партнер постоянно меняет положение, поэтому сотруднику приходится быстро подстраивать движение под новую ситуацию, сохранять равновесие и выбирать удобный момент для действия. Такая работа развивает не отдельный двигательный навык, а способность перестраивать его непосредственно в процессе взаимодействия.

Для служебно-прикладной подготовки важна и быстрота реакции. Речь идет не столько о предельной скорости одного движения, сколько о том, насколько быстро сотрудник замечает изменение обстановки и отвечает на него подходящим действием. При выполнении заданий в парах эта способность развивается естественно: сигналом становится не команда преподавателя, а движение партнера, изменение дистанции или попытка сопротивления. Включение таких заданий после физической нагрузки дополнительно позволяет оценивать, насколько сохраняется качество действий при утомлении.

Нельзя исключать и психофизическую сторону подготовки. Даже учебное противодействие сопровождается дефицитом времени, контактом с партнером и необходимостью принимать решение без длительного обдумывания. При постепенном усложнении заданий сотрудник привыкает действовать в этих условиях спокойнее, не теряя точности движений. Для профессиональной подготовки это существенно, поскольку в служебной ситуации физическое действие редко выполняется в полностью комфортной и заранее известной обстановке.

Таблица 1 – Основные направления развития специальной физической подготовки средствами рукопашного боя

Развиваемое качество	Практическое значение для сотрудника УИС	Основные средства рукопашного боя
Скоростно-силовые способности	Быстрое создание усилия при бросковых, сковывающих и защитно-контратакующих действиях	Бросковые серии, рывковые упражнения с партнером, работа с манекеном, упражнения на взрывное усилие
Специальная силовая выносливость	Многократное выполнение действий без заметного ухудшения техники и координации	Серии приемов с сопротивлением, удержания, перемещения партнера, интервальные схватки
Координационные способности и ловкость	Быстрая перестройка действий в меняющейся обстановке	Передвижения, смена уровней, действия в парах, условно-целевые задания
Быстрота двигательной реакции	Сокращение времени от распознавания ситуации до ответного действия	Реакционные упражнения по сигналу, внезапные атаки и защиты, короткие ситуативные эпизоды
Психофизическая устойчивость и работоспособность	Сохранение самообладания и эффективности действий в условиях контакта и утомления	Учебные схватки, работа в ограниченном пространстве, задания на фоне дозированного утомления

Из сказанного следует, что при использовании рукопашного боя в целях специальной физической подготовки важен не набор отдельных упражнений сам по себе, а порядок их применения. На наш взгляд, методику целесообразно строить так, чтобы физическая нагрузка была связана с тем двигательным действием, которое сотруднику предстоит выполнять в прикладной ситуации.

В первую очередь следует сохранять сопряженность физической и технической работы. Если силовое или скоростное упражнение по характеру усилия, положению тела и темпу близко к изучаемому действию, его перенос на практический навык будет более очевидным, чем при изолированной тренировке мышечных групп.

Одновременно необходимо менять условия выполнения задания. Даже хорошо освоенный прием в реальном противодействии приходится выполнять с другой дистанции, из неудобного положения или при неожиданном сопротивлении. Поэтому часть повторений целесообразно проводить с изменением исходных условий, но без преждевременного перехода к полностью свободной схватке.

Усложнение должно происходить по мере освоения материала. Сначала сотруднику необходимо понять структуру движения и уверенно выполнить ее без активного противодействия, затем - сохранить технику при дозированном сопротивлении партнера и только после этого решать более свободные ситуационные задачи. Такой порядок позволяет не подменять обучение приемам обычным силовым соперничеством.

Работа на фоне утомления также имеет

смысл, но дозировать ее следует осторожно. Усталость полезна как фактор, заставляющий сохранять работоспособность и контроль движений, однако чрезмерная нагрузка быстро ухудшает технику. Поэтому задача преподавателя состоит не в том, чтобы максимально утомить занимающихся, а в том, чтобы создать состояние, при котором качество действия еще можно контролировать.

Практический характер подготовки требует отрабатывать действия в обе стороны. В учебной обстановке сотрудник нередко привыкает выполнять прием только из удобной стойки или в привычном направлении. В служебной ситуации такого выбора может не быть, поэтому двустороннее выполнение основных действий следует включать уже на этапе закрепления техники.

Отдельное требование связано с безопасностью контактной работы. Темп, сопротивление и степень неопределенности нельзя повышать раньше, чем освоены самостраховка, базовые перемещения и правила взаимодействия в паре. Приближение упражнения к реальной конфликтной ситуации оправдано только тогда, когда занимающиеся способны выполнять поставленную задачу без неоправданного риска травмы.

Если исходить из установленной продолжительности практического занятия по физической подготовке сотрудников УИС, двухчасовой формат позволяет распределить работу без чрезмерной плотности [1]. Около 15-20 минут целесообразно отводить на подготовительную часть. Помимо общей разминки в нее можно включать специальные передвижения, упражнения на равновесие, самостраховку, смену уровней положения тела и несложную работу в парах. Такая разминка одновременно подготавливает организм к нагрузке и вводит движения, которые понадобятся дальше.

После разминки примерно 20-25 минут могут занимать упражнения специальной физической направленности. Здесь уместны работа с собственным весом и сопротивлением партнера, упражнения с набивными мячами, резиновыми амортизаторами и борцовским манекеном. При подборе упражнений важнее не максимальная величина нагрузки, а ее сходство с характером рукопашного взаимодействия: короткое ускорение, тяговое или толкающее усилие, удержание положения, резкая смена направления движения.

Следующий отрезок занятия, ориентировочно 30-35 минут, можно использовать для совершенствования боевых приемов борьбы и их сочетаний. Интенсивность здесь удобно изменять через число повторений, продолжительность серий и сопротивление партнера. На первых повторениях партнер лишь обозначает противодействие, а затем постепенно увеличивает его. За счет этого прием перестает быть формальным воспроизведением заранее известного движения и становится способом решения конкретной двигательной задачи.

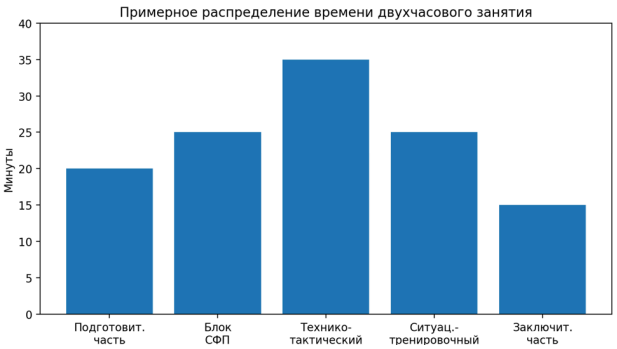
Завершать основную часть целесообразно ситуационными заданиями продолжительностью примерно 20-30 минут. Это могут быть короткие учебные схватки или упражнения с конкретным условием: сохранить устойчивое положение, уйти от захвата, пресечь активное сопротивление и перейти к контролю партнера. Здесь нет необходимости копировать спортивный поединок. Для сотрудника важнее не выиграть эпизод по спортивным правилам, а выполнить допустимое и технически оправданное действие в заданной обстановке.

На заключительную часть занятия достаточно 10-15 минут. Нагрузку постепенно снижают, используют упражнения на восстановление дыхания и подвижность, после чего имеет смысл кратко разобрать наиболее частые ошибки. Если группа неоднородна по возрасту и подготовленности, индивидуализировать занятие проще не за счет отказа от прикладных упражнений, а изменением времени работы, количества повторений и сопротивления партнера.

Таблица 2 – Примерная структура двухчасового занятия по специальной физической подготовке

Часть занятия	Время, мин	Основное содержание	Методическая задача
Подготовительная часть	15–20	Разминка, специальные передвижения, самостраховка, простые действия в парах	Функциональная подготовка, мобилизация, включение в работу
Блок СФП	20–25	Круговые и интервальные упражнения с собственным весом, партнером, манекеном, амортизаторами	Развитие силы, специальной выносливости, скоростно-силовых качеств
Технико-тактический блок	30–35	Отработка боевых приемов борьбы, связок и переходов	Совершенствование техники и ее реализация в усложняемых условиях
Ситуационно-тренировочный блок	20–30	Условно-целевые задания, короткие учебные схватки, прикладные сценарии	Закрепление навыков, развитие реакции и устойчивости к утомлению
Заключительная часть	10–15	Снижение нагрузки, восстановительные упражнения, разбор ошибок	Восстановление и педагогическая обратная связь

Диаграмма 1 – Примерное распределение времени двухчасового занятия

Методы, предусмотренные действующим порядком подготовки кадров ФСИН России, позволяют достаточно гибко организовать такую работу [1]. Повторный метод удобен при закреплении коротких технических серий, интервальный - при развитии специальной выносливости, а круговой - когда требуется соединить несколько видов нагрузки в одном занятии. Переменный и соревновательный методы целесообразно использовать позднее, когда техника уже не разрушается при смене темпа и появлении дополнительного сопротивления.

Таблица 3 – Соотношение методов тренировки и их педагогической направленности

Метод	Преимущественная направленность	Пример использования на занятии
Повторный	Качественное освоение двигательного действия	Серии приемов с паузами отдыха и контролем техники
Интервальный	Развитие специальной выносливости	Работа по таймеру в чередовании «работа – отдых»
Круговой	Комплексное развитие силы, координации и работоспособности	Последовательное выполнение упражнений на нескольких станциях
Переменный	Адаптация к изменению темпа и характера нагрузки	Чередование быстрых и умеренных отрезков в парной работе
Соревновательный	Повышение мотивации, эмоциональной устойчивости и быстроты решения	Учебные схватки и условно-целевые задания с регламентом

При этом техническую сложность упражнения необходимо соотносить с уровнем утомления. Если сложный прием впервые выполняется уже после тяжелой физической работы, сотрудник нередко начинает компенсировать усталость лишними движениями и силой, а не точной техникой. Поэтому более оправдана последовательность, при которой новое действие сначала осваивается при умеренной нагрузке, затем закрепляется с дозированным сопротивлением и лишь после этого переносится в условия утомления и учебного спарринга. В таком случае физическая нагрузка действительно повышает специальную готовность, а не мешает формированию двигательного навыка.

Научные труды по применению физической силы и использованию боевых приемов борьбы указывают на необходимость пересмотра традиционной организации занятия в сторону более модульной модели и блочной структуры, позволяющей целенаправленно соединять различные компоненты подготовки. Для сотрудников ФСИН России это особенно актуально, поскольку достаточно маленький объем времени, отведенного на обучение, требует высокой плотности учебно-тренировочного занятия.

При планировании занятий необходимо учитывать, что сотрудники УИС различаются по возрасту, полу, уровню физической подготовленности, состоянию здоровья и специфике выполняемых обязанностей. Именно поэтому средства рукопашного боя должны масштабироваться по сложности и интенсивности. Для начинающих приоритетным является двигательная база, самостраховка, перемещения, безопасная работа в парах, выполнение действий с минимальным сопротивлением. Для более подготовленных сотрудников доля вариативных и ситуационных заданий может возрастать, а специальная физическая нагрузка - переходить непосредственно в технические серии и учебные поединки [6].

Значительное преимущество рукопашного боя, как средства специальной физической подготовки, состоит в высокой прикладной направленности занятий. Сотрудники воспринимают нагрузку не как стандартный набор упражнений, а как часть решения отдельной профессиональной задачи. Что в свою очередь может способствовать более осознанному отношению к физической подготовке, особенно у лиц, для которых обычные циклические и силовые упражнения имеют низкую привлекательность. Вместе с тем прикладная направленность применения рукопашного боя в физической подготовке сотрудников ФСИН России не отменяет необходимости традиционной общей физической подготовки.

Таким образом, средства рукопашного боя обладают значительным потенциалом для развития специальной физической подготовки сотрудников ФСИН России. Средства рукопашного боя сочетают в себе как физическую нагрузку, так и координационную составляющую, способность противостоять сопротивлению партнера, а также быстро перестраивать двигательные действия и сохранять работоспособность в условиях ограниченного времени. При грамотной организации рукопашный бой выступает не только разделом обучения боевым приемам борьбы, но и самостоятельным средством формирования профессионально значимых физических качеств для сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Список литературы:

[1] Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 13.06.2023 № 382 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» (зарегистрирован Минюстом России 13.07.2023 № 74247) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_452079/ (дата обращения: 07.10.2026).

[2] Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 23.03.2026) «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_4645/ (дата обращения: 07.10.2026).

[3] Селькин, Ф. Е. Структура показателей, влияющих на эффективность формирования на-

выков боевых приемов борьбы у сотрудников уголовно-исполнительной системы / Ф. Е. Селькин, А. Э. Болотин, И. И. Стороженко // Известия Российской Военно-медицинской академии. – 2020. – Т. 39, № 2S. – С. 208–209.

[4] Трунтягин, А. А. Рукопашный бой в рамках изучения дисциплины «Физическая подготовка» курсантами Академии ФСИН России / А. А. Трунтягин, А. А. Андросов, Д. Н. Давыдов, Е. В. Майер, М. Ю. Нохрин, О. В. Крапивин // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2023. – № 5. – С. 418–421.

[5] Нохрин, М. Ю. Специальные, подготовительные упражнения на занятиях по боевым приемам борьбы в образовательных организациях ФСИН России / М. Ю. Нохрин, В. В. Варинов, Д. С. Вирта, А. В. Степанян, В. В. Швайков // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2023. – № 11. – С. 265–270.

[6] Новиков, В. А. Использование навыков рукопашного боя сотрудниками уголовно-исполнительной системы как эффективное средство воздействия в условиях функционирования режимных объектов / В. А. Новиков, А. Ю. Овчинников, А. П. Шекалов // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2023. – № 2. – С. 325–329.

References:

[1] Order of the Federal Penitentiary Service of 13.06.2023 No. 382 "On Approval of the Procedure for Organizing Training for Filling Positions in the Penitentiary System of the Russian Federation" (registered by the Ministry of Justice of Russia 13.07.2023 No. 74247) [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_452079/ (access date: 07.10.2026).

[2] Law of the Russian Federation of 21.07.1993 No. 5473-1 (as amended by 23.03.2026) "On institutions and bodies of the penitentiary system of the Russian Federation" [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4645/ (access date: 07.10.2026).

[3] Selkin, F. E. The structure of indicators affecting the effectiveness of the formation of combat skills in the staff of the penitentiary system / F. E. Selkin, A. E. Bolotin, I. I. Storozhenko // News of the Russian Military Medical Academy. – 2020. - T. 39, NO. 2S. - S. 208-209.

[4] Truntyagin, A. A. Hand-to-hand combat as part of the study of the discipline "Physical Training" by cadets of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia/A. A. Truntyagin, A. A. Androsov, D. N. Davydov, E. V. Mayer, M. Yu. Nokhrin, O. V. Krapivin // Scientific notes of the University named after P. F. Lesgaft. – 2023. – № 5. - S. 418-421.

[5] Nokhrin, M. Yu. Special, preparatory exercises in classes on combat techniques of struggle in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia / M. Yu. Nokhrin, V.V. Varinov, D.S. Virta, A.V. Stepanyan, V.V. Shvaykov // Scientific notes of the University named after P.F. Lesgaft. – 2023. – № 11. - S. 265-270.

[6] Novikov, V. A. The use of hand-to-hand combat skills by employees of the penitentiary system as an effective means of influence in the context of the functioning of secure facilities / V. A. Novikov, A. Yu. Ovchinnikov, A. P. Shekalov // Scientific notes of the University named after P.F. Lesgaft. – 2023. – № 2. - S. 325-329.

- ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И МИРЕ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-440-445
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ШИЛИНА Нина Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков Академии ФСИН России,
e-mail: ninashilina87@mail.ru

КОПЫЛОВА Наталья Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «МЭИ»,
e-mail: nakopylova@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КУРСАНТОВ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. *Статья посвящена актуальной проблеме формирования иноязычной социокультурной компетенции курсантов вузов ФСИН России в условиях цифровизации общества. Обоснована специфика профессионально ориентированной иноязычной социокультурной компетенции, необходимой для эффективного межкультурного взаимодействия в пенитенциарной сфере. Выделены и охарактеризованы четыре ключевых педагогических условия формирования иноязычной социокультурной компетенции: интеграция аутентичного цифрового контента, применение иммерсивных технологий и симуляторов, организация самостоятельной поисково-исследовательской деятельности и трансформация роли преподавателя. Подробно раскрыт дидактический потенциал системы управления обучением Moodle (инструменты H5P, интерактивные сценарии, глоссарии, форумы) как среды для моделирования профессиональных межкультурных ситуаций. Особое внимание уделено смене парадигмы преподавателя от транслятора знаний к модератору межкультурного диалога, приведены примеры функциональных речевых модулей на английском языке. Сделан вывод о том, что предложенные педагогические условия и цифровые инструменты способствуют развитию критического мышления, профессионального такта и готовности будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы к международному сотрудничеству.*

Ключевые слова: *иноязычная социокультурная компетенция; цифровизация образования; вузы ФСИН России; межкультурная коммуникация; платформа Moodle; иммерсивные технологии; педагогические условия; модератор диалога; пенитенциарная система.*

Для цитирования: *Шилина Н. В., Копылова Н. А. Педагогические условия формирования иноязычной социокультурной компетенции курсантов вузов ФСИН России в условиях цифровизации общества // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 440–445.*

SHILINA Nina Vladimirovna,
PhD in Pedagogy, Associate Professor, Senior Lecturer of the department of Russian and foreign languages of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

KOPYLOVA Natalya Alexandrovna,
PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages Department National Research University "MPEI"

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE FORMATION OF FOREIGN-LANGUAGE SOCIO-CULTURAL COMPETENCE OF UNIVERSITY CADETS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

Annotation. *The article is devoted to the urgent problem of the formation of a foreign-language sociocultural competence of cadets of universities of the Federal Penitentiary Service of Russia in the context of digitalization of society. The specifics of professionally oriented foreign-language sociocultural competence necessary for effective intercultural interaction in the penitentiary sphere are justified. Four key pedagogical conditions for the formation of foreign-language sociocultural competence are highlighted and characterized: the integration of authentic digital content, the use of immersive technologies and simulators, the organization of independent search and research activities and the transformation of the role of the teacher. The didactic potential of the Moodle learning management system (H5P tools, interactive scenarios, glossaries, forums) as an environment for modeling professional intercultural situations is described in detail. Particular attention is paid to changing the paradigm of the teacher from a knowledge translator to a moderator of intercultural dialogue, examples of functional speech modules in English are given. It was concluded that the proposed pedagogical conditions and digital tools contribute to the development of critical thinking, professional tact and the readiness of future employees of the penal system for international cooperation.*

Key words: *foreign-language sociocultural competence; digitalization of education; universities of the Federal Penitentiary Service of Russia; intercultural communication; the Moodle platform; immersive technologies; pedagogical conditions; dialogue moderator; penitentiary system.*

For citation: *Shilina N. V., Kopylova N. A. Pedagogical conditions for the formation of foreign-language socio-cultural competence of university cadets of the federal penitentiary service of Russia in the context of digitalization of society. Russian scientific bulletin. 2026;(11):440–445. (In Russ.).*

Введение

Актуальность исследования обусловлена процессами глобализации и активной цифровизацией общества, которые предъявляют новые требования к профессиональной подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы. Деятельность ФСИН России все чаще выходит за рамки внутригосударственного взаимодействия: участие в международных пенитенциарных конференциях, исполнение международных правовых норм, работа с иностранными гражданами, отбывающими наказание в российских исправительных учреждениях, – все это требует от сотрудника высокого уровня иноязычной социокультурной компетенции.

Иноязычная социокультурная компетенция представляет собой способность и готовность курсанта осуществлять межкультурное взаимодействие, понимая и уважая культурные, правовые и этические особенности страны изучаемого языка, а также умение сопоставлять их с отечественными культурно-историческими традициями.

В условиях цифровизации традиционные методы формирования иноязычной социокультурной компетенции уступают место интерактивным, сетевым и иммерсивным технологиям, что требует пересмотра педагогических условий образовательного процесса в вузах ФСИН России.

Теоретические основы и специфика иноязычной социокультурной компетенции в вузах ФСИН России

Формирование иноязычной социокультурной компетенции у сотрудников уголовно-исполнительной системы имеет выраженную профессиональную направленность. Курсанту необходимо не просто знать бытовые реалии страны изучаемого языка, но и понимать специфику зарубежной пенитенциарной системы, историю формирования международных стандартов обращения с заключенными, культурные и религиозные особенности иностранных осужденных.

Цифровизация общества трансформирует информационное пространство, делая его поликультурным. С одной стороны это открывает неограниченный доступ к аутентичным культурным и профессиональным материалам. С другой стороны, требует от курсанта навыков критического мышления и умения самостоятельно выстраивать траекторию межкультурного диалога.

Педагогические условия формирования иноязычной социокультурной компетенции

Под педагогическими условиями мы понимаем совокупность взаимосвязанных мер, средств и методов, обеспечивающих эффективное формирование иноязычной социокультурной компетенции в цифровой среде. Нами выделены четыре ключевых педагогических условия:

Интеграция аутентичного цифрового социокультурного и профессионального контента в образовательный процесс.

Традиционные учебники не успевают за динамикой культурных и правовых изменений. Первым условием является насыщение цифровой образовательной среды вуза актуальными аутентичными материалами. К ним относятся электронные базы данных международных правовых актов и зарубежных пенитенциарных ведомств; цифровые архивы, виртуальные музеи и онлайн-экскурсии по историческим местам и местам лишения свободы зарубежья; документальные фильмы и аналитические статьи на изучаемом языке, затрагивающие вопросы криминологии, социологии и культуры разных стран. Работа с такими материалами позволяет обучающимся в реальном времени отслеживать эволюцию культурных ценностей и правовых норм.

Использование иммерсивных технологий и цифровых симуляторов для моделирования межкультурных профессиональных ситуаций.

Социокультурная компетенция формируется через опыт. В условиях цифровизации эффективным условием становится применение технологий виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности, а также интерактивных кейс-симуляторов. Например, с помощью VR-симуляторов курсант может оказаться в среде, моделирующей общение с иностранным осужденным, учитывая его культурные и религиозные особенности (поведенческие паттерны, табу, нормы вежливости). Цифровые ролевые игры на платформе Moodle или в специализированных языковых тренажерах позволяют отработать навыки эмпатии и профессионального такта в безопасной, но максимально приближенной к реальности цифровой среде.

Рассмотрим дидактический потенциал платформы Moodle в формировании иноязычной социокультурной компетенции. В условиях цифровизации образования система управления обучением Moodle (Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment) выступает не просто как хранилище методических материалов, а как полноценная интерактивная среда для формирования иноязычной социокультурной компетенции. Открытый исходный код и модульная структура Moodle позволяют преподавателю гибко конструировать образовательную траекторию, адаптируя ее под специфику подготовки курсантов вузов ФСИН России.

Рассмотрим ключевые возможности и инструменты платформы, наиболее эффективные для решения задач иноязычной подготовки.

Среди них инструменты H5P для создания интерактивного социокультурного контента.

Плагин H5P, интегрированный в Moodle, революционизировал подход к созданию учебных материалов. Для формирования иноязычной социокультурной компетенции он предоставляет следующие возможности:

интерактивное видео, при использовании которого преподаватель может загрузить аутентичный видеоролик (например, фрагмент документального фильма о пенитенциарной системе Великобритании или новостной репортаж о культурном событии в стране изучаемого языка) и сопроводить его всплывающими вопросами, пояснениями культурных реалий, ссылками на дополнительные источники. Это превращает пассивный просмотр в активный процесс анализа.

диалоговые тренажеры и карточки, способствующие эффективной отработке не только лексики, но и клише межкультурного этикета, формул речевого этикета, принятых в конкретной языковой культуре.

Иноязычная социокультурная компетенция невозможна без диалога. Moodle предоставляет богатый арсенал средств для развития навыков межкультурной коммуникации. Среди них:

форумы, с помощью которых преподаватель может создавать проблемные социокультурные ситуации для асинхронного обсуждения (например: «Особенности ведения деловых переговоров с представителями стран Азии: культурные табу и речевые стратегии»). Курсанты учатся аргументировать свою позицию на иностранном языке, уважительно относиться к альтернативной точке зрения;

глоссарии, с помощью которых можно создать двуязычные или многоязычные справочники. Курсанты могут коллективно составлять специализированные словари (например, «Англо-русский глоссарий терминов международного уголовного права и пенитенциарной системы»), добавляя не только перевод, но и культурно-историческую справку к каждому термину.

Moodle позволяет реализовать дифференцированный подход с учетом уровня языковой подготовки и индивидуальных интересов курсантов.

Это обусловлено тем, что преподаватель может выстраивать индивидуальные траектории. Если курсант успешно прошел тест на знание базовых культурных реалий, ему открывается доступ к более сложным аутентичным текстам или аналитическим заданиям. Модуль «Лекция» позволяет создавать нелинейные сценарии изучения языка. Курсант попадает в ситуацию межкультурного выбора (например, «Вы сотрудник УИС, вам необходимо объяснить иностранному гражданину его права. Как вы построите диалог с учетом его культурных особенностей?»). В зависимости от выбранного ответа, система направляет его по

разным ветвям сценария, обеспечивая немедленную обратную связь.

Помимо стандартных тестов, Moodle поддерживает задания на установление соответствий, заполнение пропусков, упорядочивание элементов, что отлично подходит для проверки понимания социокультурного контекста прочитанного текста или услышанного аудио.

Преподаватель в режиме реального времени видит прогресс каждого курсанта, время, затраченное на изучение материалов, и места, где курсанты испытывают наибольшие трудности. Это позволяет своевременно корректировать образовательный процесс.

Таким образом, платформа Moodle трансформирует изучение иностранного языка из линейного процесса заучивания лингвистических норм в динамичную, интерактивную и поликультурную среду. Использование ее инструментов (H5P, форумов, глоссариев, интерактивных сценариев) позволяет моделировать реальные профессионально-ориентированные ситуации межкультурного взаимодействия, что критически важно для формирования иноязычной социокультурной компетенции будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы.

3. Организация самостоятельной поисково-исследовательской деятельности курсантов в глобальной сети.

Цифровизация смещает фокус с трансляции знаний преподавателем на самостоятельный поиск и анализ информации. Третье условие предполагает создание педагогических ситуаций, в которых курсанты выступают в роли исследователей-аналитиков. Преподаватель задает проблемные задачи сравнительного характера (например: «Сравнить культурно-исторические предпосылки формирования системы пробации в Великобритании и России, используя англоязычные цифровые ресурсы и отечественные правовые базы»). Курсанты учатся работать с зарубежными СМИ, социологическими опросами, статистическими порталами, что развивает их способность объективно оценивать чужую культуру через призму сравнения с родной, формируя тем самым общую культуру и профессиональный кругозор.

4. Трансформация роли преподавателя в модератора межкультурного диалога.

В условиях, когда любой культурный факт можно найти в сети за секунды, преподаватель иностранного языка перестает быть единственным источником социокультурной информации. Новым педагогическим условием становится изменение его роли. Преподаватель выступает как наставник, который помогает курсантам ориентироваться в потоке цифровой информации, отсеивать стереотипы и фейки, а также как модератор дискуссий, направляя сравнительный анализ культурных ценностей в конструктивное, патриотичное и профессионально ориентированное русло.

Цифровизация общества кардинально изменила информационный ландшафт. Если ранее преподаватель иностранного языка был основным, а зачастую и единственным источником социокультурной информации, то сегодня любой курсант за несколько секунд может получить доступ к аутентичным материалам, новостям, научным статьям и мнениям носителей языка через глобальную сеть. В этих условиях классическая модель «преподаватель как транслятор знаний» (teacher as knowledge transmitter) устаревает.

На первый план выходят две новые, взаимодополняющие роли преподавателя:

наставник, помогающий курсанту выстраивать индивидуальную траекторию обучения, ориентироваться в потоке информации, развивать навыки самообразования и критического мышления.

модератор межкультурного диалога – организатор и участник дискуссионного пространства, который направляет сравнительный анализ культур, помогает преодолевать стереотипы и формирует профессионально-этическую позицию курсанта.

Преподаватель не дает готовых ответов, а задает вектор поиска, формулирует проблемные вопросы и сопровождает курсанта на всех этапах самостоятельной работы. В контексте формирования иноязычной социокультурной компетенции это означает помощь в отборе аутентичных источников, их критическом осмыслении и соотнесении с профессиональным контекстом. Функции преподавателя реализуются в помощи при формулировке учебных целей, в подборе персонализированных ресурсов (статей, видео, подкастов) с учетом уровня языка и профессиональных интересов, в обучении навыкам работы с информацией: верификация источников, распознавание культурных стереотипов и предвзятости.

В качестве примеров рассмотрим несколько заданий.

1. Обучающимся предлагается подготовить аналитическую справку о системе обращения с несовершеннолетними правонарушителями в одной из англоязычных стран. Наставник (преподаватель) не предоставляет готовый текст, а сопровождает работу через серию направляющих вопросов (scaffolding questions):

Tutor's Guiding Questions (Scaffolding):

What primary sources will you consult to understand the legal framework of the chosen country? (e.g., official ministry websites, UN reports, academic journals)

How does the concept of "rehabilitation" differ in the UK youth justice system compared to the Russian Federation?

Are there any culturally-specific terms (e.g., "young offender institution", "restorative justice") that require a detailed cultural commentary, not just a translation?

How will you cross-check the information?

Такой подход превращает преподавателя в наставника, развивающего исследовательские и аналитические компетенции курсанта.

2. Преподаватель как модератор межкультурного диалога создает безопасное дискуссионное пространство, в котором обучающиеся могут обсуждать культурные различия, сталкиваться с альтернативными точками зрения и учиться аргументированно отстаивать позицию, не скатываясь в стереотипы или конфликт. Особенно важна эта роль в ведомственном вузе, где необходимо формировать патриотическую, но при этом открытую позицию будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Задачи модератора заключаются в создании дискуссионных ситуаций (case studies, dilemmas) на стыке культур, в управлении динамикой обсуждения: вовлечение молчащих, пресечение стереотипных высказываний, в подведении итогов, акцентировании общих культурно-нравственных ценностей.

Для эффективного выполнения новых ролей преподаватель владеет специальным арсеналом речевых клише на английском языке, которые можно разделить на несколько функциональных групп.

Таблица 1. Речевые модули преподавателя в новых ролях

Функция	**Примеры речевых модулей на английском языке**
Побуждение к анализу (Analytical prompts)	• What cultural assumptions are underlying this statement? • How might a person from [Country X] perceive this situation differently? • Can you trace the historical roots of this cultural norm?
Сравнение культур (Cultural comparison)	• Let's juxtapose the Russian and British approaches to this issue. • What similarities and differences can you identify in the two texts? • How does this concept translate across cultures?
Преодоление стереотипов (Countering stereotypes)	• Is this statement applicable to all representatives of this culture, or are there exceptions? • Let's avoid generalizations. What specific evidence supports your view? • Could this be a media stereotype rather than a cultural reality?
Развитие эмпатии и профессионального такта (Developing empathy)	• What linguistic strategies can help you de-escalate the conflict while maintaining authority? • How can you show respect without compromising professional boundaries?
Рефлексия и подведение итогов (Reflection & summarizing)	• What new insights about your own culture have you gained through this comparison? • Let's summarize the key cultural differences we've identified today. • How will this knowledge apply to your future professional activities?

Переход к роли модератора предъявляет повышенные требования к самому преподавателю иностранного языка в вузах ФСИН России.

Среди них: высокий уровень межкультурной компетенции – способность самому выступать носителем культуры и корректно комментировать культурные различия; владение цифровыми инструментами – умение работать в Moodle, создавать интерактивные материалы, использовать аналитику обучения; знание профессионального контекста – понимание специфики пенитенциарной системы, международного права, основ криминологии и пенитенциарной психологии; постоянное профессиональное развитие – участие в вебинарах, изучение актуальных исследований в области межкультурной коммуникации и цифровой педагогики.

Заключение

Таким образом, формирование иноязычной социокультурной компетенции курсантов вузов ФСИН России в условиях цифровизации общества требует создания специфической педагогической среды. Интеграция аутентичного цифрового контента, применение иммерсивных технологий для моделирования профессиональных ситуаций, развитие навыков самостоятельного межкультурного исследования. Все эти условия в совокупности обеспечивают не только овладение языковыми средствами, но и глубокое понимание культуры страны изучаемого языка. Это позволяет курсантам объективно сравнивать культурные

и правовые ценности, формировать собственную общую и профессиональную культуру, а также готовит их к эффективному международному сотрудничеству в сфере исполнения наказаний и обеспечения законности.

Список литературы:

[1] Володина О.В. Показатели развития коммуникативного партнерства средствами иностранного языка / О.В. Володина // Педагогические мастерские. – Киров, 2025. С. 33–35.

[2] Киселёва О.И. Формирование межкультурной компетенции субъектов в поликультурном образовательном пространстве / О.И. Киселева // «Диалог Сибирь-Абакан», 2009. – С. 182-187.

[3] Копылова, Н. А. Важность использования цифровых ресурсов в преподавании иностранного языка (на примере мнения преподавателей технического вуза) / Н. А. Копылова // Иноязычное образование в современных реалиях: проблемы и векторы развития : Материалы III международной научно-практической конференции, Казань, 13–14 ноября 2025 года. – Казань: Казанский государственный энергетический университет, 2026. – С. 554-558.

[4] Мудрик А.В. Социальная педагогика. – М., 2002. – 200 с.

[5] Никитина Т.В. Коммуникативная компетенция курсантов юридического профиля, обучающихся в вузах ФСИН России / Т.В. Никитина // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – № 2. – С. 246–247.

[6] Шилина, Н. В. Влияние филологических дисциплин на формирование коммуникативной культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы / Н. В. Шилина // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : Сборник материалов Международной научно-практической конференции. В 4-х томах, Воронеж, 14–15 мая 2025 года. – Воронеж: ИП Копыльцов П.И., 2025. – С. 228-232.

[7] Шилина, Н. В. Иностранный язык как средство формирования социокультурной компетенции курсантов образовательных организаций ФСИН РОССИИ / Н. В. Шилина // Новый мир. Новый язык. новое мышление: Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции (филология, педагогика и межкультурная коммуникация), Москва, 30 января 2025 года. – Москва: Дипломатическая академия МИД РФ, 2025. – С. 348-351.

References:

[1] Volodina O.V. Indicators of the development of communication partnership by means of a foreign language / O.V. Volodina // Pedagogical workshops. – Kirov, 2025. P. 33–35.

[2] Kiseleva O.I. Formation of intercultural competence of subjects in the multicultural educational space / O.I. Kiseleva // Dialogue Siberia-Abakan, 2009. - P. 182–187.

[3] Kopylova, N. A. The importance of using digital resources in teaching a foreign language (on the example of the opinion of teachers of a technical university) / N. A. Kopylova // Foreign language education in modern realities: problems and vectors of development: Materials of the III international scientific and practical conference, Kazan, November 13-14, 2025. – Kazan: Kazan State Energy University, 2026. – S. 554-558.

[4] Mudrik A.B. Social pedagogy. – M., 2002. – 200 p.

[5] Nikitina T.V. Communicative competence of legal cadets studying at universities of the Federal Penitentiary Service of Russia/T.V. Nikitina // Education. Science. Scientific cadres. – 2020. – № 2. – P. 246-247.

[6] Shilina, N.V. Influence of philological disciplines on the formation of a communicative culture of employees of the penitentiary system / N.V. Shilina // Technology and safety of facilities of the penitentiary system: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. In 4 volumes, Voronezh, May 14-15, 2025. – Voronezh: IP Kopyltsov P.I., 2025. – P. 228–232.

[7] Shilina, N.V. Foreign language as a means of forming the sociocultural competence of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia / N.V. Shilina // New World. New language. new thinking: Collection of materials of the VIII International Scientific and Practical Conference (philology, pedagogy and intercultural communication), Moscow, January 30, 2025. - Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2025. – P. 348–351.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-446-451
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

КРАПИВИН Олег Владимирович,
доцент института Академии ФСИН России по кафедре физической подготовки и спорта, доцент,
e-mail: o.krapivin@list.ru

МИХАЛЕВ Василий Николаевич,
доцент кафедры физического воспитания Рязанский государственный радиотехнический университет имени В.Ф. Уткина, доцент,
e-mail: mihalev260373@mail.ru

КЛЮЧНИКОВ Михаил Иванович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки юридического факультета ВЮИ ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ДЕМИДОВ Олег Геннадьевич,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Псковского филиала Университета ФСИН России, кандидат юридических наук,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

БОЕВЫЕ ПРИЕМЫ БОРЬБЫ КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. *На материале подготовки курсантов ФСИН России исследуется обоснованность определения боевых приемов борьбы как основного элемента профессиональной физической подготовки. Сопоставлены требования приказа ФСИН России № 382, правовые основания применения силы и шесть научных публикаций. Разграничены методические рекомендации, данные об академической успеваемости и корреляционные результаты. Показано, почему увеличение средних оценок по курсам не доказывает надежности действий в служебной ситуации. Рассмотрены роль подготовительных упражнений, переход к дозированному сопротивлению и вариативным заданиям, сочетание технической работы с нагрузкой. Предложены критерии текущего педагогического контроля, связывающие физические предпосылки, качество техники, выбор действия и безопасность. Системообразующая роль БПБ обоснована как педагогическая интерпретация; ее нельзя отождествлять с превосходством над остальными разделами подготовки.*

Ключевые слова: *боевые приемы борьбы, курсанты ФСИН России, специальная физическая подготовка, условно-целевые задания, двигательный навык, педагогический контроль.*

Для цитирования: *Крапивин О. В., Михалев В. Н., Ключников М. И., Демидов О. Г. Боевые приемы борьбы как основной элемент профессиональной физической подготовки курсантов ведомственных образовательных организаций // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 446–451.*

KRAPIVIN Oleg Vladimirovich,
Associate Professor of the Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Department of Physical Training and Sports, Associate Professor

MIKHALEV Vasily Nikolaevich,
Associate Professor of the Department of Physical Education Ryazan State Radio Engineering University named after V.F. Utkin, Associate Professor

KLYUCHNIKOV Mikhail Ivanovich,
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Fire and Tactical Special Training, Faculty of Law, VUI FSIN of Russia

DEMIDOV Oleg Gennadievich,
Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines and Organization of Execution of Punishments Not Related to the Isolation of Convicts from Society of the Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences

COMBAT TECHNIQUES AS A CORE ELEMENT OF PROFESSIONAL PHYSICAL TRAINING OF CADETS AT DEPARTMENTAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Annotation. *This analytical review examines the status of combat techniques in the professional physical training of cadets of the Federal Penitentiary Service of Russia. Order No. 382, the legal grounds for using force and six research papers are compared. Methodological proposals are distinguished from academic performance data and correlational findings. Higher mean grades across study years do not establish reliable performance in service situations. The paper discusses preparatory exercises, progression to graded resistance and variable tasks, and the combination of technical practice with physical load. Criteria for formative assessment connect physical prerequisites, technical performance, decision-making and safety. The integrating role of combat techniques is proposed as a pedagogical interpretation, without claiming their superiority to other training components.*

Key words: *combat techniques, penitentiary service cadets, specific physical training, scenario-based tasks, motor skill, formative assessment.*

For citation: *Krapivin O. V., Kaznacheev V. A., Elokhov I. V., Panteleev V. A., Kolochikhin K. S. Development of special physical training of employees of the federal penitentiary service of Russia by means of hand-to-hand combat. Russian scientific bulletin. 2026;(11):446–451. (In Russ.).*

Успешная демонстрация приема на занятии и его применение в изменяющейся обстановке предъявляют к курсанту неодинаковые требования. В первом случае известны партнер, исходное положение и ожидаемое действие. Во втором приходится распознавать ситуацию, выбирать допустимый способ воздействия и соотносить усилие с сопротивлением. Между этими задачами находится существенная часть работы преподавателя. Само включение боевых приемов борьбы (БПБ) в учебный план еще не объясняет, какое место они занимают среди остальных средств профессиональной физической подготовки.

Цель статьи – определить, в каком смысле БПБ могут рассматриваться как основной элемент подготовки, и обосновать педагогические условия такого положения. Выполнен содержательный анализ двух нормативных документов и шести профильных публикаций с доступными полными текстами. Сопоставлялись контингент, характер представленных данных, содержание обучения и основания выводов. Это аналитическая работа, а не отчет о собственном педагогическом эксперименте и не систематический обзор всей литературы. Материал ограничен преимущественно организациями ФСИН России; распространение выводов на другие ведомства требует отдельной проверки.

Пункт 231 Порядка, утвержденного приказом ФСИН России № 382, устанавливает: «Физическая подготовка является основным элементом профессиональной подготовки сотрудников УИС к выполнению служебно-оперативных задач» [1, п. 231]. Норма относится ко всей физической подготовке. Приписывать этот статус исключительно БПБ было бы неточным прочтением документа. В нем предусмотрены и другие прикладные навыки, а обучение двигательным действиям включает ознакомление, разучивание и тренировку [1, п. 264, 267].

При обсуждении учебных результатов нельзя обойти вопрос об основаниях применения силы. В статье 29 Закона РФ № 5473-1 употреблена формулировка «если несиловые способы не смогли обеспечить выполнение возложенных на него обязанностей» [2, ст. 29]. Следовательно, одной оценки техники для профессионального разбора недостаточно: нужно установить, имелись ли в предложенной ситуации основания для силового действия. Требования к специальной подготовке и периодической проверке сотрудника закреплены в статье 28, а необходимость учитывать обстановку и характер сопротивления – в статье 28.1 того же Закона [2].

Возникает вопрос о распределении учебных задач между дисциплинами. Согласно п. 347 Порядка, правомерность применения силы изучается на занятиях по правовой и специальной подготовке [1]. На занятии по БПБ преподаватель может обратиться к уже разобранной ситуации и попросить курсанта объяснить выбор действия. Такой разбор, по нашему мнению, полезнее общего напоминания о соблюдении законности: он обнаруживает расхождение между знанием нормы и решением конкретной задачи. Условия задания при этом должны быть согласованы с содержанием правовой подготовки.

Около 25 часов на формирование первоначальных навыков БПБ предусмотрено в разработке М.Ю. Нохрина, Д.А. Гущина, А.В. Степанова, И.К. Шивит-Хуурака и Р.А. Рахимкулова [3, с. 286–287]. Речь идет только о начальном этапе. В полной последовательности авторов за ним следуют защитные и сопутствующие действия, работа в экстремальных условиях и моделирование служебных ситуаций. Поэтому приведенные часы нельзя принимать за срок достижения готовности к любому противодействию. Авторы сами ограничивают итог первоначального обучения применением приемов «в упрощенных условиях» [3, с. 289]. Для учебного планирования это существенное уточнение: после прохождения темы остается задача переноса освоенного действия в другие условия. Сравнения результатов экспериментальной и контрольной групп в работе нет; предложенный объем представляет собой методическую разработку для первокурсников, а не установленную норму времени освоения навыка.

Более узкую задачу решает публикация М.Ю. Нохрина, В.В. Варинова, Д.С. Вирты, А.В. Степаняна и В.В. Швайкова. В ней разобраны упражнения для освоения страховки и самостраховки, приведены исходные положения и дозировки [4, с. 267–269]. Переход от облегченного положения к более сложному дает преподавателю возможность менять трудность, сохраняя изучаемый элемент. Но указанные для ряда упражнений 15–20 повторений не отвечают на вопрос, освоен ли этот элемент конкретным курсантом. Сравнительных данных о травматизме и экспериментальной проверки дозировок авторы не приводят. Их требование строить обучение «на принципах последовательности и систематичности» [4, с. 269] мы связываем прежде всего с порядком усложнения: решение о переходе следует принимать по качеству движения, а не только по выполненному числу повторений.

На ограниченность времени обращает внимание М.В. Звягинцев. По приведенному им распределению, за пять лет обучения на приемы задержания приходится 16 академических часов, на броски – 14, на защиту от ударов руками и ногами – 4 [5, с. 193]. Эти значения относятся к конкретной примерной программе. Звягинцев предлагает модульное построение с возвращением к освоенному материалу [5, с. 195]. Представляется продуктивным оценивать не только сумму часов, но и распределение повторений между тематическими блоками. Вместе с тем сама критика программы еще не устанавливает, насколько предлагаемая организация улучшает результат: сравнительного эксперимента в этой публикации нет.

Различия между видами доказательств обобщены в таблице 1. Она позволяет не смешивать разработку содержания занятия с измерением его эффективности.

Таблица 1 – Сопоставление исследований по обучению БПБ

Авторы	Объект	Результат	Значение для статьи	Ограничение
М.Ю. Нохрин и др. [3]	Начальное обучение курсантов	Четыре этапа; около 25 ч на начальный	Разграничение первоначального освоения и применения	Нет контролируемого сравнения
М.Ю. Нохрин и др. [4]	Подводящие упражнения	Освоение самостраховки	Безопасность как предпосылка усложнения	Дозировки не проверены сравнительно
М.В. Звягинцев [5]	Программа и занятие	Дефицит часов; модульный подход	Повторение материала между темами	Анализ отдельной программы
А.А. Трунтягин и др. [6]	Успеваемость на 1–5 курсах	Средние оценки 2,86–4,24	Многолетняя перспектива обучения	Нет численности и разброса оценок
Ф.Е. Селькин и др. [7]	Подготовка сотрудников УИС	Корреляционные связи факторов	Учет исходного уровня и условий	Иной контингент; нет оценки причинности

Источник: составлено автором по [3, с. 286–289; 4, с. 267–269; 5, с. 193–195; 6, с. 419; 7, с. 208–209].

А.А. Трунтягин, А.А. Андросов, Д.Н. Давыдов, Е.В. Майер, М.Ю. Нохрин и О.В. Крапивин исследовали академическую успеваемость курсантов Академии ФСИН России. На рисунке 1 воспроизведены опубликованные средние оценки: от 2,86 на первом до 4,24 на пятом курсе [6, с. 419]. Такая последовательность согласуется с необходимостью длительного обучения, но не доказывает причинного эффекта отдельной

методики. Не указаны численность курсантов, разброс оценок и достаточные сведения о том, отслеживались ли одни и те же обучающиеся. Поэтому график отражает различия средних по курсам; интерпретировать его как индивидуальную траекторию каждого курсанта нельзя.

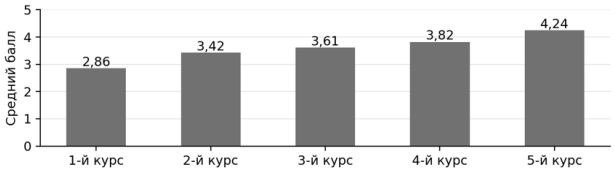

Рисунок 1 – Средние оценки за раздел рукопашного боя по курсам обучения

Источник: составлено автором по данным А.А. Трунтягина и соавторов [6, с. 419].

Ф.Е. Селькин, А.Э. Болотин и И.И. Стороженко рассматривают сотрудников УИС, обучающихся на курсах повышения квалификации. В их таблице корреляции эффективности выполнения БПБ с исходными умениями, подготовленностью преподавателей и систематическим использованием упражнений составляют соответственно +0,63; +0,57; +0,48 [7, с. 208–209]. Эти результаты обращают внимание на входную диагностику и организацию занятий. Но они не позволяют утверждать, что повышение любого показателя само по себе вызовет заданный прирост эффективности. В статье не раскрыты объем выборки и статистическая неопределенность коэффициентов; сотрудники на повышении квалификации также не тождественны курсантам первоначального обучения. Для последних это основание сформулировать проверяемое предположение, а не готовый прогноз.

Общую физическую подготовку и БПБ некорректно сопоставлять как взаимозаменяемые разделы. ОФП создает двигательные и функциональные предпосылки для разнообразной работы; специальная физическая подготовка связывает развитие качеств с требованиями конкретной деятельности. Техническая подготовка отвечает за организацию движения. Психофизическая составляющая проявляется в сохранении управляемости действий при нагрузке и эмоциональном напряжении. Это аналитическое разделение функций, а не четыре изолированные части занятия. Одно упражнение может решать несколько задач, но преподавателю важно понимать, какой результат он в данный момент проверяет.

Например, невыполнение задания при сопротивлении партнера само по себе не доказывает недостатка силы. Причиной могут оказаться несвоевременное начало действия, потеря равновесия или ошибка выбора. Если все такие случаи исправлять дополнительной силовой нагрузкой, техническая причина останется невыявленной. И обратная ситуация: сохранение внешней формы приема с уступающим партнером не дает основания считать физические предпосылки достаточными. Поэтому текущий контроль должен различать источник затруднения, а не сводиться к общей отметке за попытку.

Работу с сопротивлением партнера предлагаем вводить после освоения действия в заданных условиях. Преподавателю здесь важно видеть момент появления ошибки. Если одновременно разрешить партнеру активнее сопротивляться, повысить темп и изменить исходное положение, определить причину неудачи будет трудно. Поэтому целесообразно менять одно условие, сохраняя остальные: например, оставить известное действие, но варьировать момент его начала. При потере контроля над движением следует вернуться к менее сложному варианту. Это предлагаемое нами решение для организации занятия, а не экспериментально проверенная последовательность. Назначать одинаковую для всех величину сопротивления в процентах по рассмотренным публикациям оснований нет.

В Порядке предусмотрены три вида условно-целевых заданий: строго регламентированные, частично регламентированные и вариативные [1, п. 343–346]. Такое различие дает основу для более подробного разбора результата. При заранее известном действии преподаватель проверяет прежде всего исполнение. В вариативном задании появляется самостоятельный выбор, и его ошибку важно зафиксировать отдельно. Возможны два разных случая: курсант правильно выбрал действие, но нарушил технику, либо технически справился, однако действовал не по условию. В первом случае требуется техническая коррекция, во втором – повторный разбор ситуации. Указанные ошибки не должны растворяться в одном среднем балле.

О.Н. Вернигор и С.Е. Жулай связывают обучение БПБ с подготовкой к стрессовой обстановке и предлагают сначала осваивать элементы в медленном темпе, затем увеличивать скорость. В работе нет измерений психофизической устойчивости до и после обучения. Для настоящей статьи это постановка методической проблемы. На наш взгляд, устойчивость целесообразно оценивать через наблюдаемые действия: сохранение внимания к условию задания, управляемость усилия, реакцию на команду остановки. Скорость выполнения сама по себе не показывает, способен ли курсант контролировать свое поведение.

При сочетании техники с физической нагрузкой необходимо различать обучение новому и проверку ранее освоенного. М.В. Звягинцев критикует размещение общей физической рабо-

ты перед техническим обучением, одновременно допуская совершенствование БПБ на фоне усталости [5, с. 194–195]. Противоречие снимается, если учитывать цель задания. При разучивании требуется возможность исправлять движение; при последующем совершенствовании нагрузка может выступать усложняющим условием. Однако считать любое утомление полезным было бы неверно. Величину нагрузки следует согласовывать с этапом обучения и подготовленностью, как требует п. 280 Порядка [1].

В таблице 2 предложена структура текущего контроля. Она не заменяет нормативную проверку и не является валидированной диагностической шкалой. Ее назначение – помочь преподавателю выбрать содержание следующего задания. Для сопоставимости повторных проверок необходимо фиксировать исходные условия, роль партнера, характер сопротивления и предшествующую нагрузку. Иначе изменение результата будет невозможно отделить от изменения трудности задания.

Таблица 2 – Компоненты подготовки и критерии текущего контроля БПБ

Компонент	Что наблюдать	Условия проверки	Педагогическое решение
Общая физическая подготовка	Сохранение рабочего темпа без грубых ошибок	Повторяемое задание при одинаковом режиме работы	Уточнить физические ограничения отдельно от техники
СФП и техника	Равновесие, согласованность, контроль усилия	Известное действие; затем дозированное сопротивление	При распаде движения вернуться к подводящему заданию
Выбор действия	Соответствие решения изменившемуся условию	Переход от регламентированного задания к вариативному	Разделить ошибку выбора и ошибку исполнения
Психофизическая устойчивость	Внимание к задаче, управляемость после нагрузки	Освоенное действие после заданной нагрузки	Уменьшить усложнение при потере контроля
Безопасность и правомерность	Остановка по сигналу; соблюдение ограничений; основание действия	В каждой попытке; краткий разбор ситуации	Остановить работу и исправить ошибку

Источник: авторская разработка на основе сопоставления [1–8]; критерии требуют последующей апробации.

Безопасность в этой структуре является условием допуска к усложнению. Требования предупреждать травматизм, обучать страховке и контролировать организацию занятия закреплены в Порядке [1, п. 270–271]. Практический смысл подготовительных упражнений поэтому шире разминки: они позволяют установить, готов ли курсант участвовать в последующей парной работе. При нарушении управления движением продолжение задания ради большей нагрузки противоречит его учебной цели. Данный подход не требует объявлять любое сопротивление опасным; он требует заранее определить, какое поведение партнеров допустимо и когда работа прекращается.

Ограниченность часов заставляет выбирать между расширением перечня приемов и углублением освоения уже изученных действий. Из рассмотренных источников не следует универсальная оптимальная пропорция. Более обоснованным представляется планирование возвращений к базовым действиям на протяжении обучения: в новых темах изменяется задача их применения, а не просто повторяется прежняя демонстрация. Многолетняя подготовка тогда понимается как последовательность проверяемых переходов. Сам по себе старший курс не удостоверяет сформированность навыка, и увеличение средней успеваемости не отменяет индивидуальной диагностики.

Для проверки предложенного подхода в дальнейшем необходим педагогический эксперимент с описанием исходной подготовленности групп, одинаковыми условиями оценивания и отсроченной проверкой сохранения навыков. Помимо учебной оценки целесообразно регистрировать успешность решения вариативного задания и нарушения безопасности. Пока таких собственных данных нет, предлагаемая структура контроля остается обоснованным проектом организации обучения, а не доказанной технологией повышения служебной эффективности.

Определение БПБ как основного элемента подготовки нуждается в уточнении. Пункт 231 Порядка закрепляет такой статус за физической подготовкой в целом; рассмотренные исследования также не устанавливают превосходства БПБ над ее остальными разделами. Вместе с тем именно в заданиях по БПБ можно проверить, как курсант использует физические возможности при выполнении профессионально значимого действия. Здесь недостаток физической подготовленности, техническая ошибка и неверное решение приводят к разным педагогическим задачам. По нашему мнению, это позволяет говорить о БПБ как об одном из основных системообразующих элементов профессиональной физической подготовки курсантов ФСИН России. Под системообразующей ролью в данном случае понимается связь компонентов подготовки при решении общей прикладной задачи.

Практическое предложение статьи состоит в том, чтобы при текущем контроле раздельно учитывать качество исполнения, соответствие действия условию и соблюдение требований безопасности. Это дает основание выбирать дальнейшую работу с курсантом: возвращаться к подводящим упражнениям, уточнять технику или разбирать выбор действия. Для организации такого контроля использованы нормативные требования и опубликованные методические разработки. Его результативность еще предстоит проверить в педагогическом исследовании. Данные об успеваемости и корреляциях, рассмотренные в статье, не заменяют такой проверки и не позволяют заранее

судить об эффективности действий выпускников на службе. Выводы ограничены материалами подготовки в системе ФСИН России.

Список литературы:

[1] Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 13.06.2023 № 382 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» (зарегистрирован Минюстом России 13.07.2023 № 74247) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_452079/ (дата обращения: 27.10.2026).

[2] Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 23.03.2026) «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_4645/ (дата обращения: 27.10.2026).

[3] Нохрин, М.Ю. Особенности обучения боевым приемам борьбы курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний России на начальном этапе / М.Ю. Нохрин, Д.А. Гущин, А.В. Степанов, И.К. Шивит-Хуурак, Р.А. Рахимкулов // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2023.– № 10 (224). – С. 284–289.

[4] Нохрин, М.Ю. Специальные, подготовительные упражнения на занятиях по боевым приемам борьбы в образовательных организациях ФСИН России / М.Ю. Нохрин, В.В. Варинов, Д.С. Вирта, А.В. Степанян, В.В. Швайков // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2023. – № 11. – С. 265–270.

[5] Звягинцев, М.В. О необходимости пересмотра подходов к организации обучения боевым приёмам борьбы в образовательных учреждениях ФСИН России в рамках формирования профессиональной спортивной культуры личности // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2023. № 3 (217). С. 192–196.

[6] Трунтягин, А. А. Рукопашный бой в рамках изучения дисциплины «Физическая подготовка» курсантами Академии ФСИН России / А. А. Трунтягин, А. А. Андросов, Д. Н. Давыдов, Е. В. Майер, М. Ю. Нохрин, О. В. Крапивин // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2023. – № 5. – С. 418–421.

[7] Селькин, Ф. Е. Структура показателей, влияющих на эффективность формирования навыков боевых приемов борьбы у сотрудников уголовно-исполнительной системы / Ф. Е. Селькин, А. Э. Болотин, И. И. Стороженко // Известия Российской Военно-медицинской академии. – 2020. – Т. 39, № 2S. – С. 208–209.

References:

[1] Order of the Federal Penitentiary Service of 13.06.2023 No. 382 "On Approval of the Procedure for Organizing Training for Filling Positions in the Penitentiary System of the Russian Federation" (registered by the Ministry of Justice of Russia 13.07.2023 No. 74247) [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_ doc_LAW_452079/ (access date: 27.10.2026).

[2] Law of the Russian Federation of 21.07.1993 No. 5473-1 (as amended by 23.03.2026) "On institutions and bodies of the penitentiary system of the Russian Federation" [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_ doc_LAW_4645/ (access date: 27.10.2026).

[3] Nokhrin, M.Yu. Peculiarities of training in combat techniques for cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia at the initial stage / M.Yu. Nokhrin, D.A. Gushchin, A.V. Stepanov, I.K. Shivit-Khurak, R.A. Rakhimkulov // Scientific notes of the University named after P.F. Lesgaft. – 2023.– № 10 (224). - S. 284-289.

[4] Nokhrin, M.Yu. Special, preparatory exercises in classes on combat techniques of struggle in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia / M.Yu. Nokhrin, V.V. Varinov, D.S. Virta, A.V. Stepanyan, V.V. Shvaykov // Scientific notes of the University named after P.F. Lesgaft. – 2023. – № 11. - S. 265-270.

[5] Zvyagintsev, M.V. On the need to revise approaches to organizing training in combat techniques in educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia as part of the formation of a professional sports culture of personality // Scientific notes of the University named after P.F. Lesgaft. 2023. № 3 (217). S. 192-196.

[6] Truntyagin, A. A. Hand-to-hand combat as part of the study of the discipline "Physical Training" by cadets of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia/A. A. Truntyagin, A. A. Androsov, D. N. Davydov, E. V. Mayer, M. Yu. Nokhrin, O. V. Krapivin // Scientific notes of the University named after P. F. Lesgaft. – 2023. – № 5. - S. 418-421.

[7] Selkin, F. E. The structure of indicators affecting the effectiveness of the formation of combat skills in the staff of the penitentiary system/F. E. Selkin, A. E. Bolotin, I. I. Storozhenko // News of the Russian Military Medical Academy. – 2020. - T. 39, NO. 2S. - S. 208-209.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-452-457
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ФИЛИПОВА Елена Евгеньевна,
Кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий управления и организации производственной деятельности факультета психологии и пробации, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, e-mail: lenphil@mail.ru

ЗОЛКИН Александр Леонидович,
Кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры «Информатика и робототехнические системы», ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики» (ПГУТИ); ORCID https://orcid.org/0000-0001-5806-9906, e-mail: alzolkin@list.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИИ К ОСВОЕНИЮ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН У ОБУЧАЮЩИХСЯ НЕПРОФИЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ВЕДОМСТВЕННОГО ВУЗА)

Аннотация. *В настоящей статье изучается проблема мотивации к освоению дисциплин математического цикла у обучающихся специальностей 37.05.02 Психология служебной деятельности и 40.05.02 Правоохранительная деятельность в Вологодском институте права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. Приводятся результаты исследования особенностей мотивации к освоению курсов «Математика», «Математические методы в психологии», «Правовая статистика» у курсантов указанных специальностей, проведенного по методике А.А. Реана и В.А. Якунина. Проведено сравнение результатов анкетирования в группах психологов и юристов. Выявлены основные мотивы, которыми обучающиеся руководствуются в процессе освоения математических дисциплин. Перечислены мотивы, по которым выявлены статистически значимые различия в средних арифметических значениях в группах психологов и юристов, проанализированы полученные результаты. Проведенное исследование демонстрирует, что вопросы изучения различных аспектов мотивации учебной деятельности являются актуальными, современными и требуют поиска методических приемов формирования положительного отношения к дисциплинам математического цикла у обучающихся непрофильных специальностей. Завершается статья описанием опыта организации учебной деятельности на практических занятиях по дисциплине «Математические методы в психологии». Статья имеет практическую направленность и может быть полезна преподавателям при организации учебного процесса в вузе.*

Ключевые слова: *профессиональное образование, мотивация, ведущие мотивы обучения, математические дисциплины, диагностика, методика изучения мотивов, ведомственный вуз.*

Для цитирования: *Филипова Е. Е., Золкин А. Л. Исследование мотивации к освоению математических дисциплин у обучающихся непрофильных специальностей (на примере ведомственного вуза) // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 452–457.*

FILIPOVA Elena Evgenievna,
Candidate of physico-mathematical sciences, associate professor, associate professor of the department of information technologies of management and organization of production activities of the faculty of psychology and probation, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service

ZOLKIN Alexander Leonidovich,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Informatics and Robotic Systems, FSBEI HE Volga State University of Telecommunications and Informatics (PGUTI)

A STUDY OF MOTIVATION TO MASTER MATHEMATICAL DISCIPLINES AMONG STUDENTS OF NON CORE SPECIALIZATIONS (USING THE EXAMPLE OF A DEPARTMENTAL UNIVERSITY)

Annotation. *This article examines the problem of motivation to master disciplines of the mathematical cycle among students specializing in 37.05.02 «Psychology of Service Activities» and 40.05.02 «Law Enforcement Activities» at the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service. The results of a study of the characteristics of motivation to master the courses «Mathematics», «Mathematical Methods in Psychology», and «Legal Statistics» among cadets of the specified specializations, conducted using the methodology of A.A. Rean and V.A. Yakunin, are presented. A comparison of the survey results in groups of psychologists and lawyers was carried out. The main motives that students are guided by in the process of mastering mathematical disciplines have been identified. The motives for which statistically significant differences in the arithmetic mean values were found in the groups of psychologists and lawyers have been listed, and the obtained results have been analysed. The conducted study demonstrates that the issues of studying various aspects of motivation for educational activity are relevant, contemporary, and require the search for methodological approaches to fostering a positive attitude towards mathematical disciplines among students of non core specializations. The article concludes with a description of the experience of organizing educational activity during practical classes in the discipline «Mathematical Methods in Psychology». The article has a practical focus and may be useful to teachers when organizing the educational process at a university.*

Key words: *vocational education, motivation, leading motives for learning, mathematical disciplines, diagnostics, methodology for studying motives, departmental university.*

For citation: *Filipova E. E., Zolkin A. L. A study of motivation to master mathematical disciplines among students of non core specializations (using the example of a departmental university). Russian scientific bulletin. 2026;(11):452–457. (In Russ.).*

Проблема изучения различных аспектов мотивации учебной деятельности у обучающихся высших учебных заведений является вовсе не новой, но регулярно ученые, преподаватели, аспиранты продолжают обращаться к этому вопросу и публикуют статьи в научных журналах на данную тему [1, 2], проводят диссертационные исследования [3, 4]. Особое место среди них занимают работы, посвященные описанию опыта формирования положительного отношения обучающихся к освоению различных дисциплин, в том числе и математических, например [5-7]. Одним из факторов, способствующих получению значимых результатов обучения, в том числе и в вузе, возможно благодаря мотивированной учебной деятельности обучающихся.

Получение значимых результатов обучения, в том числе и в высшем учебном заведении,

Ведомственные вузы ФСИН России, готовят, в основном, специалистов юридического, психологического, социального направления, для которых предметы математического цикла не являются профильными, но, тем не менее, включаются в учебные планы по данным специальностям. Количество часов, отводимых в учебном плане на математические дисциплины, является небольшим, колеблется от двух до трех зачетных единиц, но при этом в каждом потоке будет ряд обучающихся, которые с большим внутренним сопротивлением и нежеланием, обусловленными объективными причинами, связанными со слабой школьной подготовкой, приступают к их изучению. Ежегодно определенный процент обучающихся демонстрирует недостаточный уровень подготовки по предмету и, как следствие, оказывается слабо мотивирован и заинтересован в качественном его освоении. Подобная ситуация может быть вызвана несколькими причинами. Во-первых, в настоящее время наблюдается непопулярность точного знания. Подобная тенденция продолжается с конца 90-х годов XX века, когда спрос на юридическое образование, по сравнению с техническим и естественным, стремительно набирал силу в связи с развитием рыночной экономики. Поэтому многочисленные филиалы крупных вузов и университетов, а также негосударствен-

ные институты стали предлагать абитуриентам, в основном, гуманитарные специальности, для реализации учебного плана которых не требовалось специальной материально-технической базы. Популярность гуманитарного образования, в том числе и юридического, сохраняется и в настоящее время.

Математика является единственным предметом в школе, экзамен по которому разделен на два уровня сложности – базовый и профильный. Поэтому будущие абитуриенты, выбирая гуманитарные специальности и направления подготовки, ограничиваются освоением лишь базовых математических навыков. Кроме того, в старших классах школьники ориентированы не столько на изучение дисциплины, сколько на запоминание приемов решения типовых заданий единого государственного экзамена. Несомненно, такая форма работы тоже имеет смысл, так как позволяет выработать автоматизированные навыки, тренирует память, учит следовать инструкции или алгоритму, но в то же время формирует шаблонность мышления. Ученик, сталкиваясь с нестандартным заданием или ситуацией, испытывает затруднения, внутренний дискомфорт, и, как следствие, теряет интерес и мотивацию к предмету, считая себя «гуманитарием». Следующей проблемой современного российского школьного образования является дефицит учителей-предметников даже в крупных городах.

Таким образом, совокупность перечисленных факторов способствует появлению определенных сложностей, с которыми обучающиеся гуманитарных специальностей могут сталкиваться в вузе при изучении математических дисциплин. Задача своевременного выявления и понимания истинных внутренних мотивов ученика к учебной деятельности не теряет своей актуальности, несмотря на огромное количество исследований в этой области. Кроме того, важным аспектом является не просто констатация факта уровня мотивированности учащихся, а поиск методических приемов, способствующих формированию положительного настроя на восприятие «неудобного», нелюбимого и трудного материала.

С целью изучения особенностей мотивации у курсантов непрофильных специальностей ведомственного института к освоению математических дисциплин («Математика», «Математические методы в психологии», «Правовая статистика») было проведено анкетирование с помощью методики, предложенной А.А. Реаном и В.А. Якуниным. [8]. Для проведения педагогического эксперимента нами были выбраны две группы курсантов второго курса ВИПЭ ФСИН России: группа курсантов специальности «Психология служебной деятельности» факультета психологии и пробации и группа курсантов специальности «Правоохранительная деятельность» юридического факультета. Объем изучаемой совокупности составил 60 человек. Методика А.А. Реана и В.А. Якунина включает 16 мотивов учебной деятельности, каждый из которых респондент должен был оценить по 7-балльной шкале в соответствии с их значимостью (мотив с минимальной значимостью оценивается в 1 балл, а мотив с максимальной значимостью – в 7 баллов). Для каждого мотива было рассчитано среднее арифметическое значение, что позволило выявить наиболее предпочтительные мотивы к освоению математических дисциплин в каждой группе испытуемых. А с помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок с разной дисперсией определена достоверность различий между группами курсантов по каждому из 16 предложенных мотивов учебной деятельности [9]. Таким образом, с помощью методики А.А. Реана и В.А. Якунина в ходе эксперимента были выявлены ключевые мотивы и «мотивы-аутсайдеры» изучения математических дисциплин, а также выявлены мотивы, по которым группы психологов и юристов различаются статистически значимо.

Отметим, что и психологи, и юристы на первые два места ставят одинаковые мотивы – «получить диплом» и «успешно продолжить обучение на последующих курсах». Это объяснимо тем, что дисциплины «Математика», «Математические методы в психологии» и «Правовая статистика» – обязательные дисциплины учебных планов и обучающиеся вынуждены их осваивать независимо от желания и предпочтения. Опрос показал, что первым в рейтинге среди представленных мотивов к изучению дисциплин математического цикла стал внешний мотив, продиктованный необходимостью прохождения курсов для получения конечного результата в виде диплома о высшем образовании.

Третьим в списке мотивов у психологов выбран вариант «стать высококвалифицированным специалистом». По специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности есть две математические дисциплины, изучаемые друг за другом. И именно на математических методах прослеживается практикоориентированная направленность, акцентируется значимость данного курса для профессиональной деятельности. Осознание и внутренне принятие данного факта способствует формированию положительной мотивации к изучению дисциплины.

Юристы на третье место ставят мотив «не запускать изучение дисциплины». Важность такого выбора объясняется, возможно, формами проведения практических занятий по дисциплине в виде отчетных расчетных работ. Не сданные вовремя отчеты по практическим заданиям при-

водят к накоплению задолженностей по дисциплине, и, как следствие, недопуску к промежуточной аттестации (зачету). Кроме того, обучающимся выгодно отчитываться по работам вовремя, так как зачет ставится по представленным и защищенным практическим работам. Таким образом, для курсантов обеих специальностей ведущими мотивами к изучению математических дисциплин стали познавательные мотивы.

На последнее место психологи ставят мотив «избежать осуждения за плохую учебу».

Мнение юристов вполне объясняется профессиональной спецификой: курсанты наименее значащим мотивом выбирают получение интеллектуального удовлетворения от правовой статистики. Статистика, как наука, для юридической деятельности выступает лишь вспомогательным инструментом для принятия аргументированных решений, поэтому обучающиеся не готовы прикладывать чрезмерные усилия на освоение не функционального, по их мнению, знания, которое к тому же выражается сложным абстрактным языком.

В таблице 1 представлены мотивы, по которым установлены статистически значимые различия в средних значениях у групп психологов и юристов.

Таблица 1. Результаты констатирующего исследования

Мотив	Среднее арифметическое значение		Значимость различий средних, наблюдаемое значение t-критерия Стьюдента $t_{кр.} = 2,0$, уровень значимости 0,05
	Психологи	Юристы	
1 – Стать высококвалифицированным специалистом	5,32	4,32	различия значимы $t_{набл.} = 3,46$
3 – Успешно продолжить обучение на последующих курсах	5,58	4,95	различия значимы $t_{набл.} = 2,40$
6 – Приобрести глубокие и прочные знания	5,00	4,32	различия значимы $t_{набл.} = 2,47$
8 – Не запускать изучение дисциплины	4,00	4,77	различия значимы (для □ □ 0,05) $t_{набл.} = 2,24$, для □ □ 0,01 наблюдаемое значение попадает в зону неопределенности
10 – Обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности	4,61	3,95	различия значимы $t_{набл.} = 2,95$
16 – Получать интеллектуальное удовлетворение	4,63	3,7	различия значимы $t_{набл.} = 3,28$

Для всех мотивов, представленных в таблице, кроме мотива 8 («не запускать изучение дисциплины»), среднее арифметическое у группы психологов больше соответствующего среднего арифметического группы юристов, т.е. каждый из указанных мотивов ярче проявляется у психологов, чем у юристов. Прокомментируем полученный результат.

Во-первых, у психологов учебным планом предусмотрены две математические дисциплины – «Математика» на первом курсе и «Математические методы в психологии» – на втором, и только одна дисциплина у юристов – «Правовая статистика», изучаемая тоже на втором курсе. Во-вторых, разный объем часов: у психологов – 3 зачетные единицы, у юристов – 2 зачетные единицы. В-третьих, различие в форме проведения промежуточной аттестации: психологи сдают экзамены и по математике, и по математическим методам в психологии, а юристы сдают зачет. Кроме того, есть ряд профессиональных дисциплин на специальности Психология служебной деятельности, например, «Общий психологический практикум», на которых также рассматривается проведение экспериментов и обработка результатов статистическими методами, тем самым демонстрируя значимость для профессии подобных методов исследования. Таким образом, психологи с первых лет обучения приобщаются к планированию экспериментов, выбору методик исследования, оперированию количественными данными, поиску интерпретации полученных результатов. А характер профессионального мышления юристов в основном связан с изучением нормативных правовых актов, судебной практики и мало работает с абстрактными моделями.

К перечисленным факторам добавим способы организации учебной деятельности на занятиях по дисциплине «Математические методы в психологии». Содержание дисциплины включает ряд математико-статистические методов, которые наиболее часто применяются в профессиональных исследовательских задачах психологов. Одним из обязательных требований к специалисту является умение работать с различными статистическими пакетами. Трудно представить проведение любого серьезного исследования с применением статистических методов без обработки в специальных программах. Но для работы с любым статистическим пакетом, программой или даже онлайн-калькулятором необходимо знать особенности применяемого метода, типы данных, к которым применим метод, виды задач, решаемых с его помощью.

На занятиях мы предлагаем сначала решить учебные задачи без применения компьютерных программ и самостоятельно разработать калькуляторы для расчета описательных статистик или статистических критериев в программе Excel. Каждую задачу обучающиеся решают сначала в своем калькуляторе, а потом проверяют с помо-

щью статистического пакета или онлайн-калькулятора на сайте. Несомненно, такой подход к освоению методов статистики более затратен по времени. Однако включение обучающегося в активную деятельность по созданию нового для них знания, но находящегося в зоне ближайшего развития согласно теории Л.С. Выготского [10], смещает акценты в мотивации к учебной деятельности с внешней на внутреннюю. В процессе создания небольшого учебно-исследовательского проекта курсант осваивает идею метода, лучше понимает требования к данным, запоминает формулы, тем самым экономит время на подготовку к промежуточной аттестации по предмету, что немаловажно в условиях несения службы и ограниченности времени на самоподготовку.

Выводы

В статье проанализирован рейтинг мотивов у психологов и юристов, который возглавляют следующие позиции: «получение диплома» и «успешное обучение на последующих курсах».

Представлены мотивы, по которым выявлено значимое различие в группах психологов и юристов, а также приведено обоснование полученных результатов. Для мотивов «стать высококвалифицированным специалистом», «успешно продолжить обучение на последующих курсах», «приобрести глубокие и прочные знания», «обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности», и «получать интеллектуальное удовлетворение» средние арифметические значения у группы психологов оказались выше соответствующих средних арифметических значений группы юристов. Полученное статистически значимое различие обосновывается рядом факторов: количеством часов, отводимых на «математические» дисциплины у психологов и юристов, различием в форме промежуточной аттестации, характером профессионального мышления, содержанием дисциплин, формой организации практических занятий и учебными задачами по дисциплинам.

Таким образом, мотивация обучающихся к освоению определенных дисциплин оказывает огромное влияние на эффективность образовательного процесса, и как следствие, на качество подготовки специалистов и готовности к профессиональной самореализации, поэтому ее изучение является одной из фундаментальных задач педагогики. Понимание ведущих мотивов учебной деятельности позволяет отбирать содержание и методы преподавания в зависимости от специальности и курса подготовки.

Список литературы:

[1] Каргаполова Е.В., Притуленко М.С. Учебная мотивация студентов московских вузов // ЦИТИСЭ. 2024. № 3. С. 385-397.

[2] Пакулина С.А., Кетько С.М. Методика диагностики мотивации учения студентов педагогического вуза // Электронный журнал «Психологическая наука и образование», 2010. № 1. С. 1-11.

[3] Мамаева Н.А. Формирование учебной мотивации студентов технических вузов : автореферат дисс. … канд. пед. наук; 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования // Н.А. Мамаева; [Место защиты: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого]. – Великий Новгород, 2007. – 23 с.

[4] Приходько М.А. Учебная мотивация как средство управления личностно-ориентированным обучением математике студентов аграрного университета : автореферат дисс. … канд. пед. наук; 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (математика, уровень профессионального образования) // М.А. Приходько; [Место защиты: Ом. гос. пед. ун-т]. – Омск, 2008. – 22 с.

[5] Степкина М.А. Методика формирования готовности студентов первого курса к изучению математики в вузе : автореферат дисс. … канд. пед. наук; 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (математика) // М.А. Степкина; [Место защиты: ФГБУ ВО Волгоградский государственный социально-педагогический университет]. – Астрахань, 2019. – 27 с.

[6] Юмова Ц. Ж., Юмов И. Б., Булгатова Е. Н., Гармаева Т. И. Формирование мотивации у студентов к изучению математических дисциплин: эффективность применения контекстных и игровых технологий // Science for Education Today, 2024. Т. 14, № 2. С. 152-178.

[7] Смирнова О.Б., Приходько М.А. Учебные задачи как средство формирования мотивации к изучению теоретического материала по математическим дисциплинам. Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий, 2023. № 12(3). С. 27-32.

[8] Бадмаева Н.Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей : монография / Н.Ц. Бадмаева. – Улан-удэ : Издательство ВСГТУ, 2004. – 280 с.

[9] Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. Санкт-Петербург : Питер, 2006. 508 с.

[10] Касвинов С.Г. Система Выготского. Книга 1: Обучение и развитие детей и подростков / С.Г. Касвинов. – Харьков : Райдер, 2013. – 460 с.

References:

[1] Kargapolova E.V., Pritulenko M.S. Educational motivation of students of Moscow universities // CITISE. 2024. № 3. S. 385-397.

[2] Pakulina S.A., Ketko S.M. Methodology for diagnosing the motivation of students of a pedagogical university // Electronic journal "Psychological Science and Education," 2010. № 1. S. 1-11.

[3] Mamaeva N.A. Formation of educational motivation of students of technical universities: abstract... cand. ped. sciences; 13.00.01 - General pedagogy, history of pedagogy and education // N.A. Mamaeva; [Place of defense: Novgorod. state. un-t named after Yaroslav the Wise]. - Veliky Novgorod, 2007. - 23 s.

[4] Prikhodko M.A. Educational motivation as a means of managing personality-oriented education in mathematics of students of an agrarian university: abstract of a diss.... cand. ped. sciences; 13.00.02 - Theory and methodology of training and upbringing (mathematics, level of vocational education) // M.A. Prikhodko; [Place of protection: Om. state. ped. un-t]. - Omsk, 2008. - 22 s.

[5] Stepkina M.A. Methodology for the formation of readiness of first-year students to study mathematics at the university: abstract of the thesis... cand. ped. sciences; 13.00.02 - Theory and methodology of education and upbringing (mathematics) // M.A. Stepkina; [Place of protection: FSBI HE Volgograd State Social and Pedagogical University]. - Astrakhan, 2019. - 27 s.

[6] Yumova Ts. Zh., Yumov I. B., Bulgatova E. N., Garmaeva T. I. Formation of motivation among students to study mathematical disciplines: the effectiveness of the use of contextual and gaming technologies // Science for Education Today, 2024. T. 14, NO. 2. S. 152-178.

[7] Smirnova O.B., Prikhodko M.A. Educational problems as a means of forming motivation to study theoretical material in mathematical disciplines. Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology, 2023. № 12(3). S. 27-32.

[8] Badmaeva N.T. Influence of the motivational factor on the development of mental abilities: monograph / N.T. Badmaeva. - Ulan-ude: VSSTU Publishing House, 2004. - 280 s.

[9] Ilyin E.P. Motivation and motives. St. Petersburg: Peter, 2006. 508 pp.

[10] Kasvinov S.G. Vygotsky system. Book 1: Education and Development of Children and Adolescents / S.G. Kasvinov. - Kharkov: Ryder, 2013. - 460 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-458-466
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ГЕРЕЙХАНОВ Фарид Фиридунович,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета, ВЮИ ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация,
e-mail: gereykhanov8900@gmail.com

ПОЖИМАЛИН Вячеслав Николаевич,
доцент института подготовки государственных муниципальных служащих Академии ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ДЕМИДОВ Олег Геннадьевич,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Псковского филиала Университета ФСИН России, кандидат юридических наук,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ФИЛИПОВА Елена Евгеньевна,
доцент кафедры информационных технологий управления и организации производственной деятельности факультета психологии и пробации ВИПЭ ФСИН России, кандидат физико-математических наук, доцент,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

РАЗВИТИЕ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ В ПРОЦЕССЕ УЧЕБНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема развития лидерских качеств курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний России в процессе учебной и служебной деятельности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью подготовки компетентных специалистов уголовно-исполнительной системы, способных принимать ответственные решения, организовывать совместную деятельность, конструктивно взаимодействовать с коллегами и проявлять инициативу в условиях повышенной профессиональной ответственности. Цель исследования заключается в теоретическом обосновании педагогических возможностей учебной и служебной деятельности в развитии лидерских качеств курсантов. Методологическую основу составляют системный, деятельностный, личностно ориентированный и компетентностный подходы. Использованы методы анализа и обобщения научной литературы, сравнительного анализа, систематизации и теоретической интерпретации педагогических положений. Раскрывается сущность лидерства в контексте профессиональной подготовки будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы, определяются основные компоненты лидерских качеств, рассматриваются особенности их развития в образовательной среде ведомственного вуза. Обосновывается значение учебных занятий, групповых проектов, служебной дисциплины, самоуправления, спортивных мероприятий, воспитательной работы и практической подготовки. Особое внимание уделяется роли преподавателей, командиров учебных подразделений и наставников, а также сочетанию требовательности, ответственности и уважительного отношения к личности курсанта. Делается вывод о необходимости целенаправленного, последовательного и непрерывного развития лидерских качеств на протяжении всего периода профессионального обучения.*

Ключевые слова: *лидерство, лидерские качества, курсанты, ФСИН России, уголовно-исполнительная система, профессиональная подготовка, служебная деятельность, учебная деятельность, воспитательная работа, профессионально значимые качества.*

Для цитирования: *Герейханов Ф. Ф., Пожималин В. Н., Демидов О. Г., Филипова Е. Е. Развитие лидерских качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России в процессе учебной и служебной деятельности // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 458–466.*

GEREIKHANOV Farid Firidunovich,
Senior Lecturer, Department of State and Legal Disciplines, Faculty of Law, VUI FSIN of Russia, Vladimir, Russian Federation

POZHIMALIN Vyacheslav Nikolaevich,
Associate Professor of the Institute for the Training of State Municipal Employees of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

DEMIDOV Oleg Gennadievich,
Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines and Organization of Execution of Punishments Not Related to the Isolation of Convicts from Society of the Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences

FILIPOVA Elena Evgenievna,
Associate Professor of the Department of Information Technologies of Management and Organization of Production Activities of the Faculty of Psychology and Probation of the VIP of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor

DEVELOPMENT OF LEADERSHIP QUALITIES IN CADETS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA IN THE PROCESS OF EDUCATIONAL AND SERVICE ACTIVITIES

Annotation. *The article examines the development of leadership qualities among cadets of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia through academic and service activities. The relevance of the study stems from the need to train competent penal system professionals who can make responsible decisions, organize collective work, interact constructively with colleagues, and demonstrate initiative under conditions of heightened professional responsibility. The purpose of the study is to provide a theoretical justification for the pedagogical potential of academic and service activities in developing cadets' leadership qualities. The methodological framework incorporates systemic, activity-based, personality-oriented, and competency-based approaches. The research methods include the analysis and synthesis of scholarly literature, comparative analysis, systematization, and theoretical interpretation of pedagogical concepts. The article explores the nature of leadership in the professional training of future penal system officers, identifies the main components of leadership qualities, and examines the conditions for their development within the educational environment of departmental higher education institutions. Particular attention is paid to classroom instruction, group projects, service discipline, cadet self-government, sports activities, educational work, and practical training. The role of academic staff, unit commanders, and mentors is emphasized, along with the importance of combining high standards, personal responsibility, and respect for each cadet. The article concludes that leadership qualities should be developed purposefully, consistently, and continuously throughout the entire period of professional education.*

Key words: *leadership, leadership qualities, cadets, Federal Penitentiary Service of Russia, penal system, professional training, service activities, academic activities, educational work, professionally significant qualities.*

For citation: *Gereikhanov F. F., Pozhimalin V. N., Demidov O. G., Filipova E. E. Development of leadership qualities in cadets of educational organizations of the federal penitentiary service of Russia in the process of educational and service activities. Russian scientific bulletin. 2026;(11):458–466. (In Russ.).*

Современная система профессионального образования ориентирована не только на передачу обучающимся специальных знаний и формирование практических навыков, но и на развитие личностных качеств, необходимых для эффективного выполнения профессиональных обязанностей. Данное положение приобретает особое значение применительно к образовательным организациям Федеральной службы исполнения наказаний России, осуществляющим подготовку кадров для уголовно-исполнительной системы.

Профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы характеризуется высокой степенью ответственности, необходимостью соблюдения требований законодательства, постоянного взаимодействия с различными категориями граждан, поддержания служебной дисциплины и принятия решений в сложных ситуациях. В подобных условиях профессиональная компетентность предполагает не только владение нормативными и организационными знаниями, но и способность организовывать деятельность других людей, сохранять самообладание, оценивать последствия принимаемых решений и отвечать за их результаты.

В связи с этим развитие лидерских качеств курсантов выступает одним из значимых направлений профессионального становления будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы. При этом лидерство следует рассматривать не исключительно как способность занимать руководящую должность или оказывать влияние на окружающих, а как комплекс личностных и деятельностных характеристик, позволяющих человеку конструктивно воздействовать на коллектив, объединять его участников для достижения общей цели и поддерживать высокие стандарты профессионального поведения.

В исследованиях, посвящённых подготовке курсантов образовательных организаций ФСИН России, подчёркивается необходимость систематического изучения сущности лидерства, его структурных компонентов и педагогических условий формирования соответствующих качеств [1; 2]. В частности, Н. М. Мартынова рассматривает развитие лидерских качеств курсантов как самостоятельную психолого-педагогическую проблему, связанную с особенностями образовательной среды ведомственного вуза и будущей профессиональной деятельности [1; 2].

Специфика развития лидерства в образовательных организациях ФСИН России заключается в том, что учебная деятельность курсантов осуществляется во взаимосвязи с выполнением служебных обязанностей, соблюдением установленного распорядка, участием в жизни учебного подразделения и освоением профессиональных норм. Такая организация образовательного процесса создаёт возможности для практического проявления ответственности, дисциплинированности, инициативности и организаторских способностей.

Вместе с тем наличие формальных требований и регламентированных процедур само по себе не гарантирует развития лидерских качеств. Для этого необходимо создавать педагогические условия, позволяющие курсантам не только усваивать нормы служебного поведения, но и самостоятельно принимать решения в пределах предоставленных полномочий, проявлять инициативу, взаимодействовать с коллективом и анализировать результаты собственной деятельности.

Лидерство представляет собой сложное социально-психологическое и педагогическое явление, проявляющееся в способности человека оказывать влияние на других людей, организовывать совместную деятельность и способствовать достижению коллективных целей. В научной литературе лидерство рассматривается с различных позиций: как характеристика личности, процесс межличностного влияния, особый вид группового взаимодействия и результат развития организаторских способностей.

При анализе данного феномена необходимо разграничивать понятия «лидерство» и «руководство». Руководство предполагает наличие формально закреплённых полномочий, определённого статуса и установленной системы ответственности. Лидерство же в большей степени связано с признанием авторитета человека участниками группы, его способностью убеждать, поддерживать взаимодействие и организовывать деятельность на основе доверия.

В условиях образовательной организации ФСИН России данные явления взаимосвязаны, но не тождественны. Курсант может выполнять поручения в рамках установленной системы подчинения, однако это ещё не означает, что он обла-

дает сформированными лидерскими качествами. Аналогичным образом курсант, не занимающий руководящей позиции в учебном подразделении, может проявлять инициативу, помогать другим обучающимся, конструктивно разрешать разногласия и пользоваться доверием коллектива.

Следовательно, лидерский потенциал нельзя оценивать исключительно по формальному положению курсанта, наличию назначенных обязанностей или способности добиваться беспрекословного выполнения требований. Более существенное значение имеют устойчивость его поведения, осознанность принимаемых решений, отношение к людям и способность обеспечивать достижение общей цели без нарушения правовых и нравственных норм.

В профессиональной подготовке будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы лидерство приобретает специфическое содержание. Оно должно соответствовать требованиям законности, служебной дисциплины, ответственности, уважения человеческого достоинства и профессиональной этики. Лидерские качества не могут рассматриваться вне нормативных ограничений, определяющих деятельность сотрудника УИС.

Например, способность убеждать коллег имеет профессиональную ценность тогда, когда она используется для организации совместной работы, объяснения задач и предупреждения ошибок. Уверенность в принятии решений становится положительным качеством при условии, что она основана на анализе обстоятельств, знании законодательства и готовности учитывать возможные последствия. Организаторские способности должны сочетаться с ответственным отношением к распределению обязанностей и контролю результатов.

Таким образом, лидерство будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы целесообразно понимать как способность организовывать и направлять совместную деятельность, конструктивно влиять на поведение окружающих и принимать ответственность за результаты в пределах своих полномочий, соблюдая требования законодательства, служебной дисциплины и профессиональной этики.

В данном контексте особую значимость приобретает развитие социально ответственного лидерства, при котором авторитет формируется не посредством давления или демонстрации превосходства, а благодаря компетентности, справедливости, последовательности, личному примеру и готовности действовать в интересах общего дела.

Лидерские качества не образуют изолированного перечня черт характера. Они представляют собой взаимосвязанную систему личностных характеристик, знаний, умений и поведенческих проявлений, которые развиваются в процессе обучения, воспитания и практического опыта.

Анализ исследований, посвящённых лидерству курсантов образовательных организаций ФСИН России, позволяет выделить несколько взаимосвязанных компонентов, значимых для профессионального становления будущего сотрудника [1; 2].

Мотивационно-ценностный компонент отражает готовность курсанта принимать участие в коллективной деятельности, стремление к профессиональному развитию, осознание общественной значимости будущей службы и принятие ответственности за выполнение поставленных задач. Он проявляется в заинтересованности в общем результате, устойчивости профессиональных намерений и понимании значения личного вклада в работу подразделения.

При недостаточном развитии данного компонента лидерские действия могут сводиться к стремлению получить признание, занять более высокое положение в группе или продемонстрировать собственное превосходство. Напротив, осознанная профессиональная мотивация способствует формированию ответственности и ориентации на достижение значимых коллективных целей.

Когнитивный компонент включает знания о закономерностях группового взаимодействия, понимание принципов организации совместной деятельности, способность анализировать проблемные ситуации и прогнозировать последствия принимаемых решений. Он также предполагает понимание нормативных требований, регулирующих профессиональную деятельность сотрудника УИС.

Развитие данного компонента необходимо для того, чтобы курсант мог оценивать не только непосредственный результат действия, но и его возможные организационные, правовые и социально-психологические последствия.

Эмоционально-волевой компонент характеризует способность управлять собственными эмоциональными реакциями, сохранять самообладание, проявлять настойчивость и действовать последовательно в условиях затруднений. Для будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы особую значимость имеют стрессоустойчивость, выдержка, самоконтроль и способность не допускать импульсивных решений.

Эмоционально-волевая устойчивость не означает подавления всех переживаний или отказа от обращения за помощью. Напротив, зрелое лидерское поведение предполагает понимание собственных ограничений, своевременное обращение за консультацией и способность сохранять

работоспособность без игнорирования рисков.

Организационно-деятельностный компонент выражается в способности планировать работу, распределять задачи, координировать взаимодействие участников, контролировать ход выполнения поручений и оценивать полученные результаты. Он проявляется в конкретных действиях курсанта при подготовке групповых заданий, организации мероприятий, выполнении поручений и участии в практических упражнениях.

Коммуникативный компонент предполагает умение ясно выражать мысли, слушать собеседника, аргументировать позицию, предоставлять конструктивную обратную связь и разрешать возникающие разногласия. Для лидерства важны не только речевая убедительность, но и способность учитывать интересы других участников, поддерживать рабочую атмосферу и предупреждать эскалацию конфликтов.

Рефлексивный компонент связан со способностью анализировать собственные действия, соотносить их с поставленными целями, признавать ошибки и определять направления дальнейшего совершенствования. Рефлексия позволяет курсанту оценивать, насколько выбранный способ организации деятельности оказался результативным, справедливо ли были распределены обязанности и какие изменения необходимы в будущем.

Перечисленные компоненты взаимосвязаны. Так, недостаточная сформированность рефлексивных навыков затрудняет коррекцию поведения, даже если курсант обладает выраженной инициативностью. Высокая мотивация без достаточных организационных умений может приводить к неэффективному распределению задач. Коммуникативные способности без эмоциональной саморегуляции затрудняют конструктивное взаимодействие в конфликтных обстоятельствах.

Следовательно, развитие лидерских качеств должно быть комплексным и предполагать совершенствование как личностных характеристик, так и практических способов организации коллективной деятельности.

При этом предложенное в статье распределение компонентов используется как аналитический инструмент теоретического рассмотрения проблемы, а не как самостоятельная авторская модель формирования лидерства.

Образовательные организации ФСИН России отличаются сочетанием академического обучения и регламентированной служебной деятельности. Курсанты осваивают общепрофессиональные и специальные дисциплины, участвуют в практических занятиях, соблюдают установленный распорядок и приобретают опыт функционирования в организованном коллективе.

Такая среда предъявляет повышенные требования к самодисциплине, организованности и ответственности. Одновременно она предоставляет возможности для формирования качеств, которые трудно развить только посредством теоретического изучения материала.

Важной особенностью является наличие формальных отношений подчинения. Ведомственный образовательный процесс предполагает соблюдение установленного порядка, выполнение законных распоряжений и поддержание служебной дисциплины. Поэтому развитие лидерства не должно противопоставляться дисциплине или восприниматься как поощрение самостоятельных действий вне пределов полномочий.

Напротив, зрелое лидерство предполагает способность действовать инициативно в установленных границах, понимать цель поручения, своевременно сообщать о возникающих трудностях и предлагать обоснованные способы решения задач.

Другой особенностью является коллективный характер значительной части учебной и служебной деятельности. Курсанты взаимодействуют в учебных группах и подразделениях, участвуют в совместных мероприятиях и выполняют задания, требующие согласования действий. Это создаёт условия для проявления организаторских способностей, взаимопомощи и ответственности за общий результат.

Существенное значение имеет и воспитательная составляющая ведомственного образования. Нормы профессиональной этики, правосознание, уважение к личности и осознание общественной значимости службы усваиваются не только в процессе изучения соответствующих дисциплин, но и посредством повседневных отношений в образовательной организации.

В исследовании Н. А. Макаровой, посвящённом принципам воспитательной работы кураторов с курсантами, подчёркивается значение гуманистической направленности воспитания, уважения достоинства личности, индивидуального подхода, преемственности и организации воспитательной деятельности в коллективе [3]. Эти положения имеют непосредственное значение для развития лидерских качеств, поскольку формирование авторитета требует сочетания высокой требовательности с уважительным отношением к окружающим.

Таким образом, ведомственная образовательная среда создаёт значительный потенциал для развития лидерских качеств, однако его реализация зависит от того, насколько последовательно организованы учебная, воспитательная и служебная деятельность и насколько предоставляемые курсантам возможности соответствуют

их возрастным и индивидуальным особенностям.

Учебная деятельность является одним из основных направлений профессионального становления курсантов. В процессе освоения образовательной программы формируются профессиональные знания, аналитические способности, навыки решения практических задач и готовность к применению полученных знаний в служебных условиях.

Вместе с тем учебный процесс обладает значительными возможностями для развития лидерских качеств, если предусматривает не только усвоение готовой информации, но и активное участие курсантов в постановке задач, обсуждении проблем, организации совместной работы и оценке её результатов.

Традиционные формы обучения, ориентированные преимущественно на воспроизведение учебного материала, имеют важное значение для формирования фундаментальных знаний. Однако для развития организаторских способностей, инициативности и навыков взаимодействия необходимо дополнять их методами, предполагающими самостоятельную и коллективную деятельность.

К таким методам относятся проблемное обучение, дискуссии, деловые и ситуационно-ролевые игры, решение профессионально ориентированных задач, групповые проекты и анализ практических ситуаций.

Проблемное обучение способствует развитию самостоятельности мышления и готовности принимать обоснованные решения. Преподаватель предлагает курсантам задачу, не имеющую очевидного решения, и организует обсуждение возможных способов её выполнения. При этом обучающиеся должны определить существенные обстоятельства, сопоставить альтернативы, обосновать выбранный вариант и оценить его последствия.

Например, при разборе условной ситуации, связанной с нарушением согласованности действий сотрудников при выполнении служебного задания, курсанты могут определить причины возникшей проблемы, установить последовательность необходимых действий и предложить способы совершенствования взаимодействия. В ходе обсуждения проявляются аналитические способности, ответственность за аргументацию и умение учитывать различные позиции.

Групповые проекты предоставляют возможности для практического освоения функций планирования, координации и контроля. Выполнение общего задания предполагает распределение обязанностей, согласование сроков, обмен информацией и совместную оценку результата. При грамотной организации работы каждый участник получает возможность проявить себя в различных ролях.

При этом целесообразно избегать ситуации, когда вся организационная нагрузка постоянно возлагается на одного наиболее активного курсанта. Ротация ролей позволяет обучающимся приобрести разнообразный опыт и выявить собственные сильные стороны.

Дискуссионные методы развивают коммуникативную компетентность и способность аргументированно отстаивать позицию. Их использование особенно важно для подготовки будущих сотрудников, которым предстоит объяснять решения, взаимодействовать с коллегами и участвовать в обсуждении профессиональных вопросов.

В процессе дискуссии необходимо обращать внимание не только на правильность аргументов, но и на культуру общения: способность выслушивать собеседника, корректно реагировать на возражения, различать критику идеи и оценку личности.

Ситуационно-ролевые и деловые игры позволяют моделировать обстоятельства, требующие принятия решений в условиях ограниченного времени, неполной информации или разногласий между участниками. Такие упражнения создают возможность безопасно отрабатывать профессионально значимые способы поведения до столкновения с аналогичными обстоятельствами в реальной службе.

Эффективность указанных методов зависит от характера обратной связи. Если преподаватель оценивает только правильность конечного ответа, значительная часть лидерских проявлений остаётся незамеченной. Важно учитывать, как курсант организовал взаимодействие, распределил обязанности, аргументировал решение, отреагировал на ошибку и обеспечил участие других членов группы.

Таким образом, учебная деятельность становится средством развития лидерских качеств при условии, что она предусматривает самостоятельность обучающихся, разнообразие социальных ролей, решение профессионально значимых задач и анализ не только конечного результата, но и процесса совместной работы.

Преподаватель ведомственного вуза выступает не только источником профессиональных знаний, но и значимым участником процесса личностного становления курсанта. Его профессиональная позиция, способы взаимодействия с обучающимися и отношение к ошибкам непосредственно влияют на образовательную среду.

Развитие лидерских качеств требует от преподавателя сочетания высокой требовательности с предоставлением обучающимся возмож-

ностей для проявления инициативы. Чрезмерная регламентация всех действий может ограничивать самостоятельность, тогда как отсутствие чётких требований затрудняет формирование ответственности и организованности.

Оптимальным представляется такой подход, при котором преподаватель устанавливает понятные цели, определяет обязательные требования и границы допустимых действий, но одновременно предоставляет курсантам пространство для самостоятельного выбора способов решения задачи.

Особое значение имеет личный пример. Последовательность поведения преподавателя, обоснованность предъявляемых требований, уважительное отношение к обучающимся и готовность признавать собственные ошибки способствуют формированию представлений о профессиональном авторитете.

Авторитет в данном случае основан не только на должностном статусе, но и на компетентности, справедливости и предсказуемости поведения. Эти качества важны для будущих сотрудников УИС, поскольку профессиональная деятельность предполагает взаимодействие с людьми в условиях формально закреплённых полномочий.

Важным направлением педагогической работы является предоставление курсантам конструктивной обратной связи. Она должна содержать описание конкретного поведения, оценку его последствий и рекомендации по совершенствованию деятельности. Обобщающие характеристики личности, не подкреплённые анализом поступков, имеют ограниченную педагогическую ценность.

Например, вместо утверждения, что курсант «не способен руководить коллективом», целесообразно указать, что при выполнении группового задания он не согласовал распределение обязанностей и не обеспечил своевременный обмен информацией. Такая формулировка позволяет определить конкретные навыки, нуждающиеся в развитии.

Необходимо также учитывать индивидуальные различия курсантов. Одни обучающиеся проявляют инициативу и легко вступают в коммуникацию, но испытывают трудности с планированием и самоконтролем. Другие отличаются дисциплинированностью и аналитическими способностями, однако нуждаются в развитии уверенности при публичном выступлении или организации групповой работы.

Индивидуализация педагогического сопровождения позволяет избежать ошибочного отождествления лидерства с экстравертированностью, высокой речевой активностью или стремлением постоянно занимать центральное положение в коллективе.

Задача преподавателя состоит не в том, чтобы сделать всех курсантов одинаково активными, а в том, чтобы помочь каждому освоить необходимые способы ответственного и конструктивного влияния на совместную деятельность.

Служебная деятельность в образовательной организации ФСИН России имеет особое значение для профессионального становления курсантов, поскольку позволяет осваивать требования к поведению будущего сотрудника в условиях регламентированного порядка.

Соблюдение распорядка, своевременное выполнение законных распоряжений, аккуратность в исполнении обязанностей и ответственность за порученное дело способствуют развитию самодисциплины. Эти качества выступают необходимой основой лидерского поведения, поскольку человек, не умеющий организовать собственную деятельность, испытывает затруднения при координации действий других людей.

При этом дисциплина и лидерство не следует рассматривать как взаимоисключающие характеристики. Дисциплинированность обеспечивает соблюдение обязательных правил, тогда как лидерские качества позволяют осмысленно организовывать деятельность в пределах установленных требований.

Курсант, который точно выполняет поручения, своевременно информирует о возникших затруднениях и ответственно относится к результатам работы, демонстрирует предпосылки профессионального авторитета. Если при этом он способен предложить обоснованный способ улучшения деятельности, проявляется и его инициативность.

Важным условием развития лидерства является осознанное отношение к ответственности. Она предполагает не только выполнение собственных обязанностей, но и понимание последствий принимаемых решений для других участников деятельности.

В служебных ситуациях необходимо различать ответственность за собственные действия и полномочия по организации работы других лиц. Развитие лидерского потенциала не предоставляет курсанту права выходить за пределы установленных полномочий или подменять собой должностных лиц, ответственных за принятие решений.

Напротив, профессионально зрелое поведение предполагает понимание границ компетенции, соблюдение субординации и готовность своевременно обращаться к непосредственному руководителю при возникновении обстоятельств, требующих дополнительного решения.

Особое значение имеет формирование спо-

собности сохранять устойчивость поведения в условиях эмоционального напряжения. Служебная подготовка должна способствовать развитию выдержки, внимательности и самоконтроля, однако эти качества необходимо формировать посредством педагогически обоснованных методов, исключающих унижение личности и неоправданное психологическое давление.

Таким образом, служебная дисциплина создаёт фундамент для развития ответственного лидерства, если требования к поведению сопровождаются разъяснением их профессионального смысла, последовательной обратной связью и предоставлением возможностей для проявления инициативы в допустимых пределах.

Развитие лидерских качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России является значимым направлением профессиональной подготовки будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы. Его актуальность обусловлена необходимостью формирования специалистов, способных не только владеть профессиональными знаниями, но и организовывать совместную деятельность, принимать обоснованные решения, проявлять инициативу и нести ответственность за результаты своей работы.

В ходе теоретического анализа установлено, что лидерские качества представляют собой комплекс взаимосвязанных характеристик, включающих мотивационную направленность, аналитические способности, эмоционально-волевую устойчивость, организаторские умения, коммуникативную компетентность и рефлексивность. Их развитие требует комплексного подхода и учёта специфики профессиональной деятельности сотрудника УИС.

Определено, что учебная деятельность предоставляет возможности для развития лидерского потенциала посредством проблемного обучения, групповых проектов, дискуссий, ситуационно-ролевых игр и самостоятельной работы. Применение данных методов позволяет курсантам осваивать способы анализа профессиональных ситуаций, аргументации решений, распределения обязанностей и координации совместной деятельности.

Служебная деятельность, в свою очередь, способствует формированию дисциплинированности, ответственности, самоконтроля и готовности действовать в соответствии с установленными требованиями. Коллективная деятельность учебных подразделений, участие в спортивных и общественных мероприятиях, а также практическая подготовка расширяют возможности для проявления и совершенствования лидерских качеств.

Список литературы:

[1] Мартынова Н. М. К вопросу о формировании лидерских качеств курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний: теоретический обзор научной литературы // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. URL: https://mir-nauki.com/02psmn621.html (дата обращения: 16.10.2026).

[2] Мартынова Н. М. Формирование лидерских качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России: проблема, решения, перспективы // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12, № 1. URL: https://mir-nauki.com/87PDMN124.html (дата обращения: 16.10.2026).

[3] Макарова Н. А. Принципы осуществления воспитательной работы кураторов с курсантами образовательных организаций ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 3. С. 50–56. DOI: 10.51522/2307-0382-2023-250-3-50-56. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-osuschestvleniya-vospitatelnoy-raboty-kuratorov-s-kursantami-obrazovatelnyh-organizatsiy-fsin-rossii (дата обращения: 16.10.2026).

[4] Казарян Н. А. Условия и факторы развития личностно-профессиональных качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 49–52. EDN: XJLKAF. URL: https://ebsvkr.ru/ru/nauka/publications/article/6a9c164d32807fdbab87389d/usloviya-i-faktory-razvitiya-lichnostno-professionalnyh-kachestv-kursantov-obrazovatel-nyh-organizaciy-fsin-rossii/view (дата обращения: 16.10.2026).

[5] Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7629/ (дата обращения: 16.10.2026).

References:

[1] Martynova N. M. On the formation of leadership qualities of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service: a theoretical review of scientific literature // World of Science. Pedagogy and psychology. 2022. URL: https://mir-nauki.com/02psmn621.html (Accessed: 16.10.2026).

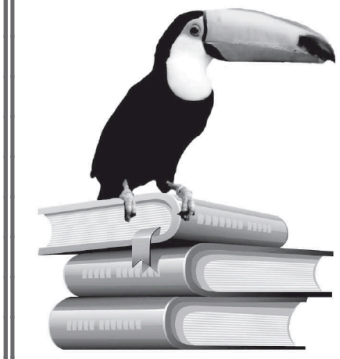
[2] Martynova N. M. Formation of leadership qualities of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia: problem, solutions, prospects // World of Science. Pedagogy and psychology. 2024. T. 12, NO. 1. URL: https ://mir-nauki.com/87PDMN124.html (Accessed: 16.10.2026).

[3] Makarova N. A. Principles of educational work of curators with cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of

Russia // Vedomosti of the penal system. 2023. № 3. S. 50-56. DOI: 10.51522/2307-0382-2023-250-3-50-56. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-osuschestvleniya-vospitatelnoy-raboty-kuratorov-s-kursantami-obrazovatelnyh-organizatsiy-fsin-rossii (дата обращения: 16.10.2026).

[4] Kazaryan N. A. Conditions and factors for the development of personal and professional qualities of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia // Psychology and pedagogy of official activities. 2026. № 1. S. 49-52. EDN: XJLKAF. URL: https://ebsvkr.ru/ru/nauka/publications/article/6a9c164d32807fdbab87389d/usloviya-i-faktory-razvitiya-lichnostno-professionalnyh-kachestv-kursantov-obrazovatel-nyh-organizaciy-fsin-rossii/view (дата обращения: 16.10.2026).

[5] Russian Federation. Laws. On education in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ. URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7629/ (accessed: 16.10.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru